

О П Ы Т Ы
ИЗУЧЕНІЯ РУССКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ
И
И С Т О Р І И.

ОПЫТЫ ИЗУЧЕНИЯ
РУССКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ

И

ИСТОРІИ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ, ОПИСАНІЯ И КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ

ИВ. ЗАБЪЛНА.

ЧАСТЬ II.

Изданіе К. Солдатенкова.

Цена 2 руб.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К., у Пречистенскихъ в., д. Шиловой.

1873.

РАЗМЫШЛЕНІЯ О СОВРЕМЕННЫХЪ ЗАДАЧАХЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ.

Въ послѣднее время (писано въ 1861 г.) все чаще и чаще повторяются выраженія: «государственное тѣло», «государственный организмъ», «народный организмъ», «общественный организмъ», чаще и чаще мы слышимъ толки и разсужденія о народѣ, какъ живомъ цѣломъ, которое само въ себѣ носитъ стмхін своего существованія, законы своего развитія. Мы, однимъ словомъ, все сильнѣе и сильнѣе чувствуемъ вѣяніе какой-то новой идеи, которая неудержимо растетъ и ширится въ нашемъ сознаниі, проникаетъ всюду, высказывается и въ наукѣ, и въ литературѣ, и въ дипломатическихъ нотахъ, и въ журнальныхъ фельетонахъ, и въ простыхъ толкахъ о политикѣ. Не успѣвъ еще порядочно укорениться на нашей ученой почвѣ, идея эта заслуживаетъ уже нареканіе со стороны нѣкоторыхъ философовъ, не разобравшихъ, къ сожалѣнію, что идея организма вовсе не то, что идея прогресса. Нужно, однакожь, замѣтить, что идея организма не новость, не вчерашнее нѣмецкое изобрѣтеніе, противъ котораго слѣдовало бы ратовать, какъ противъ иноплеменной напасти; она сознавалась уже свѣтлыми умами древности; она развивалась, выростала вслѣдъ за развитіемъ, возрастаніемъ человѣческаго сознаниа, вслѣдъ за развитіемъ наукъ о ~~жизни~~ природѣ и человѣка. Идея организма есть идея самой жизни, и тамъ, гдѣ только наблюдалъ

человѣкъ *жизнь*, предъ нимъ самъ-собою возникалъ образъ стройнаго, цѣльнаго ея проявленія. Идея организма не есть какая-либо система, построенная логическими опредѣленіями, которую можно, какъ аршинъ, прикидывать и прикладывать къ любой области знанія, и по ней распределять изучаемый матеріалъ. Идея организма есть сама сущность всего живаго, подлежащаго нашему разумѣнію; по этому она сама-собою является вездѣ, гдѣ только мы имѣемъ дѣло съ жизнью, а не съ мертвыми формами, отчего и нельзя трактовать ее какъ нѣчто такое, что можетъ быть и не быть въ нашемъ сознаніи, когда оно стремится выяснить какую-либо сторону чело-вѣческаго духа, найти законъ его развитія—что можетъ по нашей волѣ прилагаться или не прилагаться къ изслѣдованію жизни, какъ готовая система, какъ школьная указка. Въ наше время эта идея стала яснѣе, очевиднѣе, проникла и постоянно не удержимо проникаетъ всюду, во всѣ сферы вѣдѣнія, потому именно, что только въ наше время жизнь, какъ она есть въ своей дѣйствительности, сдѣлалась исходною точкою, непосредственнымъ источникомъ всякаго знанія. Теперь все проситъ жизни, движенія и дѣйствія; все хочетъ уяснить законъ жизни; все требуетъ, чтобъ жизнь была освобождена отъ всяческой схоластики и рутины, политической, домашней, воспитательной, учебной и ученой. Раскрытіе, обнаженіе жизни, гдѣ бы ни было: въ литературѣ, искусствѣ, [въ наукѣ, въ дѣлахъ дня, приводитъ общество въ восторгъ; оно, какъ ребенокъ, радуется каждому признаку жизни, каждому, хотя бы и не совѣтъ складному и удачному ея проявленію и воспроизведенію. Въ наукѣ изученіе жизни сдѣлалось общею мыслью нашего времени; оттого такой широкій разливъ естествознанія и меншеѣ широкій интересъ къ наукамъ историческимъ. Естественно, что въ этомъ направленіи чело-вѣческаго сознанія и идея организма, какъ идея сущности жизни, пріобрѣтаетъ съ

каждымъ днемъ все болѣе и болѣе широкое значеніе и бѣльшій просторъ въ своихъ приложеніяхъ. Можно сказать, что въ настоящее время эта идея вступила въ новый періодъ развитія и потому, по всей справедливости, можетъ признаваться за идею совершенно новую. Въ настоящее время подъ именемъ «народности» она становится дѣйствующимъ началомъ исторической жизни. Очень естественно, что исторія, какъ наука о явленіяхъ человѣческой общественной жизни, столько же нуждается въ разъясненіи и усвоеніи этой идеи, сколько и науки естественныя, въ которыхъ, само-собою разумѣется, она, эта идея, гораздо прежде была почувствована и признана. Исторія, вопреки мнѣнію упомянутыхъ философовъ, не беретъ эту идею у естествознанія, какъ готовую, цѣльную систему, а находитъ ее сама въ себѣ, потому-что исторія—такая же естественная наука, какъ и другія. Ея предметъ—живой организмъ человѣческаго духа, какъ явленіе, высшая ступень животнаго организма природы, надъ изслѣдованіемъ котораго и работаютъ естественныя науки. Изученіе и изображеніе человѣческой *жизни* въ формѣ общества, народа, государства — какъ хотите — вотъ задача исторіи. А гдѣ изучается жизнь, какъ же вы отрѣшитесь тамъ отъ идеи организма, отъ идеи самой жизни? Только своеобразное доморощенное мышленіе, самоуміе и самомнѣніе, можетъ натолкнуть на сомнѣніе въ удобоприложимости этой идеи къ изученію исторіи, на разсужденіе о ней, какъ о какой-то готовой формулѣ, лежащей внѣ самого предмета исторіи, и даже на добродушный совѣтъ «отогнать отъ себя этотъ призракъ знанія и упорно и терпѣливо добиваться отъ изучаемаго дѣла знанія, хотя и болѣе скромнаго, но положительнаго *). Но

*) Г. Эдельсонъ въ статьѣ: „Идея организма“. „Библ. для Чтенія“. 1860. № 3. Т. СXXXIII, Отд. 1.

въ чемъ же положительность знанія? Конечно въ самой жизни; а гдѣ жизнь, тамъ и идея организма. Мы говоримъ и пишемъ: «жизнь общества», «жизнь народа», «общество живетъ», «народъ живетъ». Что мы желаемъ выразить этими словами? Что это? Аналогическое опредѣленіе, метафора или сама дѣйствительность, которую иначе и выразить нельзя, какъ словомъ, вполне ей принадлежащимъ? Что такое общество, народъ? Механическая совокупность живыхъ единицъ, уличная толпа, или въ самомъ дѣлѣ это особое существо, живущее цѣльно, какъ и всякій животный организмъ? Отрицать жизнь общества нельзя: она слишкомъ очевидна для каждаго мыслящаго человѣка. Но въ чемъ же заключается эта жизнь?... Не въ матеріальномъ же *благосостояніи*, какъ говорится. Жизнь общества заключается въ организаціи идей и дѣлъ, совершаемыхъ человѣкомъ, которыя, т.-е. дѣла, суть только воплощенныя идеи, рожденныя такимъ же органическимъ процессомъ, силы котораго скрыты отъ насъ даже и въ животной природѣ, и который являетъ только свои дѣла. Жизнь въ человѣческомъ смыслѣ есть именно духовная дѣятельность человѣка, а не животныя только отправленія его физическаго организма. Біографія — жизнеописаніе отдѣльнаго человѣка имѣетъ предметомъ не жизнь живота со всеми процессами, какіе въ немъ совершаются, а жизнь головы со всеми дѣлами, которыя ею созданы. Если человѣкъ есть животный организмъ, если духовная его дѣятельность вполне зависитъ отъ животной дѣятельности его организма и есть въ сущности дѣятельность органическихъ отправленій, то почему же человѣкъ, рассматриваемый въ обществѣ, будетъ существовать иначе, по другимъ какимъ-то законамъ, а не прямо по тѣмъ же законамъ живаго организма, по общему закону всей живой природы? Общество человѣческое есть только высшій порядокъ, высшая связь духовныхъ отпра-

ній людського організму, єсть *общая жизнь* той же індивідуальної життя, якою живе кождий окремий людина; тому воно ни въ какомъ случаѣ не можетъ измѣнить своей сущности, то єсть жити якъ нибудь иначе, не органічно, ибо центръ его життя, исходная точка и конечная цѣль—полное развитіе живої, а не отвлеченої людської личности, которая прежде всего обыкновенный животный организмъ, индивидуальная нравственная, духовная личность. Какъ *личность* окремого людина єсть духовное цѣлое, духовный организмъ, живущій и развивающійся, такъ и народъ—высшая *личность* єсть такой же духовный организмъ, но тѣмъ же законамъ живущій и развивающійся.

Человекъ принадлежитъ обществу не физическимъ своимъ существомъ, а духовными отправлениями своей природы. Онъ можетъ жити за тридевять земель, но сознание его, выраженное словомъ, направляетъ общественную среду, дѣлается живымъ началомъ общественнаго развитія, составляетъ элементъ жизни общества. Онъ можетъ жити за тридевять земель и все-таки оставаться сыномъ своей земли по своимъ понятіямъ, привычкамъ, взглядамъ, стремленіямъ. Онъ можетъ завтра умереть, но сознание его можетъ жити и дѣйствительно жити цѣлые вѣка и даже тысячелѣтія. Природа общества єсть природа идей, и мы пока еще не знаемъ, гдѣ еще, кромѣ общества, возникаютъ, рождаются идеи, будетъ ли состоять это общество изъ двухъ лицъ, или изъ многихъ, изъ цѣлаго народа. «Не добро быть человеку одному» потому-что въ такомъ случаѣ, онъ не будетъ и человекомъ; а какъ явилось два человека, такъ явилось взаимодѣйствіе, органическая связь, химизмъ ихъ духовныхъ отравленій. Этотъ-то химизмъ духовныхъ отравленій, эта организація идей и єсть жизнь общества. Каждая идея, какъ явленіе органической жизни, по своему происхожденію, по зачатію и рожденію.

есть чистѣйшій, хотя и идеальный, организмъ; она носитъ въ себѣ всѣ элементы той же органической природы, изъ которой рождается и ничѣмъ другимъ быть не можетъ, какъ цѣльнымъ и живымъ развивающимся организмомъ, потому-что возникаетъ какъ отравленіе живаго организма и развивается, какъ процессъ тѣхъ же самыхъ отравленій, при постоянномъ воздѣйствіи животныхъ органическихъ силъ. Идеи развиваются органически, потому-что развивается-то ихъ почва животного организма, потому что сами онѣ есть только отравленія живыхъ организмовъ. Въ гражданскомъ обществѣ идеи организуются точно такъ же, какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ, т. е. не иначе, какъ по общему закону органической жизни, который составляетъ сущность самого творца идей—человѣка. Сознаніе общества создается точно такъ же, какъ и сознаніе отдѣльнаго человѣка, именно, какъ живая связь идей, взаимнодѣйствующихъ одна на другую и составляющихъ вмѣстѣ одно нераздѣльное цѣлое, которое называется обыкновенно въ отдѣльномъ человѣкѣ убѣжденіемъ. Гражданское общество, народъ, есть живая совокупность умственныхъ и нравственныхъ силъ, которыя, какъ органическія силы природы, находятся въ постоянной неувловимомъ взаимнодѣйствіи между собою, въ постоянномъ неувловимомъ движеніи, какъ все органическое въ природѣ. Въ этомъ никто не сомнѣвается, кто сколько-нибудь вникалъ въ природу общества. Послѣ того имѣетъ ли право исторія разсматривать народъ какъ живое цѣлое, живое единство въ разнообразіи, живой организмъ? Имѣетъ ли она право выразить на самомъ дѣлѣ истину, которая составляетъ сущность самой жизни, а слѣдственно и жизни народа. Неужели идея организма можетъ быть прикладываема къ ней какъ внѣшняя готовая система, лишь для того только, чтобъ легче освоиться съ историческимъ матеріаломъ и слѣдственно можетъ быть замѣнена любой новою

системою, какая будетъ признана наиболее удобною. Нѣтъ, не о томъ мы должны хлопотать, чтобъ отогнать эту идею, какъ пустой и даже вредный призракъ знанія, а о томъ, чтобъ она болѣе и болѣе водворялась въ сознаниіи изслѣдователей, болѣе и болѣе усвоилась имъ трудами и разысканіями. Оттого-то и вся путаница въ нашихъ мысляхъ и историческихъ работахъ, что гражданское общество разсматривается нами какъ автоматъ, какъ механика, построенная разными случайностями, а не какъ живой духъ, живое цѣлое, въ себѣ самомъ носящее сущность своей жизни.

Нѣтъ ничего легче осудить современное состояніе исторической работы, особенно у насъ. Теперь каждый школьникъ чувствуетъ и понимаетъ всѣ недостатки исторіи, особенно сухость и неурядицу изложенія, съ которыми такъ трудно ему бороться. Дѣйствительно, какъ наука, исторія еще покоится въ первобытныхъ своихъ пеленкахъ и въ немногихъ только случаяхъ обнаруживаетъ пробужденіе къ новой жизни. Характеръ историческаго изслѣдованія и изложенія, за немногими исключеніями, до сихъ поръ напоминаетъ еще или первоначальную лѣтопись, или исторію естественную, т. е. простое *описаніе* фактовъ и явленій человѣческихъ дѣлъ, распределенныхъ иногда по родамъ и видамъ, напр. дѣла военныя, дѣла гражданскія, дѣла церковныя, домашнія и т. д. Единственная связь, на которой держится повѣствованіе, это — хронологія, послѣдовательность годовъ, связь, слѣдственно, чисто внѣшняя, механическая, способная скорѣе затенить дѣло, чѣмъ дать живое представленіе о народной жизни. Послѣдовательность годовъ нечитается незавѣснымъ условіемъ потому, что еще сильно преданіе лѣтописи, что исторія еще недалеко ушла отъ неумудрыхъ трудовъ почтенныхъ своею древностью Несторовъ. Подобно Несторамъ, она до сихъ еще поръ занимается описаніемъ громкихъ и казистыхъ дѣлъ, событій и лицъ; слѣ-

дять не за передовими людьми общественнаго развитія, а за полководцами въ обыкновенномъ значеніи этого слова. Съ этимъ смысломъ исторія, какъ описаніе чрезвычайныхъ приключеній и происшествій, вошла у насъ въ общее пониманіе и сдѣлалась синонимомъ всякаго приключенія на улицѣ, на площади и т. д. Что можетъ вѣрнѣе и пластичнѣе характеризовать то первоначальное понятіе объ исторіи, съ которымъ она явилась на свѣтъ Божій, и которое, хотя уже достаточно износилося, но все еще весьма вѣрно и точно опредѣляетъ обыкновенный до сихъ поръ приѣмъ историческаго изложенія? Громкое событіе на улицѣ, шумъ, весьма часто неимѣющій никакой связи съ дѣйствительными интересами народа—вотъ что болѣею частью наполняетъ многія и многія страницы исторіи. Читаешь, перечитываешь, влаешься въ занимательность такой «случившейся исторіи» и вовсе теряешь изъ вида тотъ великій образъ, который долженъ бы служить главною задачею дѣянія, именно *жизнь* народа, живой народный организмъ.

Но кого же винить въ этомъ и, главное, возможно ли винить отдѣльныя лица въ томъ, что выполняется только общими усиліями цѣлаго поколѣнія, даже нѣсколькихъ поколѣній? Теперь, когда жизнь общества стала бродить замѣтнѣе, особенно часто слышатся незаслуженныя упреки многимъ почтеннымъ трудамъ, которые иной разъ только тѣмъ и виноваты, что не отвѣчаютъ вкусамъ и потребностямъ дня. Но, какъ бы заносчивъ и запальчивъ ни былъ этотъ день, онъ все-таки продолжится не болѣе, какъ только до вечера; требованія же науки, какъ области человѣческаго сознанія, будутъ сіять вѣчно и переживутъ милліоны бойкихъ и назойливыхъ дней.

Давно дознана истина, что взгляды на исторію, уразумѣніе ея задачи, какъ мы уже упомянули, вырабатывается самою жизнью и есть продуктъ народнаго сознанія. Пониманіе исто-

рической задачи замѣняется, возрастаетъ органически, по мѣрѣ того, какъ замѣняется и обновляется пониманіе самой жизни; а въ этомъ участвуютъ всѣ духовныя сознательныя силы человѣка и всѣ науки несутъ сюда каждая свою лепту. Было время, когда исторія только героизовала, когда всѣ лица въ ней выставались какими-то трагиками, въ напыщен-ныхъ позахъ и съ напыщенными рѣчами, и даже дѣлами; когда все, даже въ самой жизни, принимало ходульно-величавый видъ и высокопарный тонъ и вовсе устраняло дѣйствительность какъ недостойный хламъ, грязь и «подлость» жизни. Да и давно ли заговорили о *дѣйствительности*, о положительномъ, о *сущемъ*, какъ оно есть, а не какъ оно представлялось долѣ въ запуганномъ и разстроеномъ воображеніи.

Съ этой только поры, какъ человѣческое сознаніе повернуло на твердую дорогу живой дѣйствительности, изученія самой жизни—а не идеаловъ, искажавшихъ ее разнаго рода раскраскою,—съ этой только поры и историческое дѣло получило живой толчокъ и стремленіе также узнать самую жизнь, историческую дѣйствительность во-всѣхъ ея крупныхъ и мелкихъ явленіяхъ. Историки скоро почувствовали, что кровопролитныя войны, всеобщіе походы, миры и новыя сеоры—только выѣшность, официальные дѣла, которыя, въ добавокъ, подъ перомъ и на бумагѣ совѣтъ теряютъ краски и ложатся какими-то блѣдными тѣнями, до чрезвычайности однообразными, какъ двѣ капли воды похожими другъ на друга—словомъ, становятся казенными реляціями, дипломатическими нотами, словами, несколько не выражающими дѣйствительныхъ дѣлъ. Но едва коснувшись жизненной стороны историческаго дѣла, историки были изумлены и подавлены немовѣрнымъ количествомъ самаго разнороднаго и разнообразнѣшаго матеріала, который слѣдовало имъ разобрать и разработать, чтобъ получить хотя малѣйшее понятіе о ходѣ исторической дѣйстви-

тельности, о ходѣ жизненныхъ началъ, управляющихъ человѣческимъ міромъ. Тогда все запросилось на страницы исторіи и народная пѣсня, повѣрье и преданіе, обрядъ и обычай, домашняя обстановка, со всеѣми мелочами быта, и система понятій и убѣжденій эпохи—все и все, изъ чего связывается повседневная жизнь человѣка. Сверхъ того, великое богатство матеріала ставило въ тупикъ своею неполнотою, раздробленностью и отрывочностію свѣдѣній и фактовъ; ничего цѣлаго, связнаго. Историческое повѣствованіе рѣшительно недоумѣвало, что дѣлать, куда и какъ размѣстить интересный, какъ сама жизнь, но до крайности неудобный матеріалъ. Не оставляя школьныхъ привычекъ въ изложеніи, этому матеріалу по необходимости отвели мѣстечко на задней лавкѣ—выражаясь по школьному—въ особой главѣ о *состояніи*, или о внутреннемъ состояніи государства, или народа. Въ сущности дѣло осталось въ прежнемъ порядкѣ; исторія наполнялась только новыми родами и новыми видами фактовъ; сдѣланы лишь новыя перегородки и каморки для размѣщенія новаго матеріала. Но все-таки это былъ большой шагъ впередъ: признано право гражданства въ историческомъ дѣлѣ за фактами и событіями мелочными, но дѣйствительно рисовавшими характеръ общества и государства, придававшими запахъ и цвѣтъ самой исторіи, т. е. повѣствованію о казенныхъ приключеніяхъ народа. Само собою разумѣется, что глава о *внутреннемъ* состояніи приняла на первый разъ характеръ какой-то «журнальной смѣси», гдѣ все есть, если хотите, обо всемъ упомянуто и все имѣетъ чудное свойство улетучиваться изъ головы читателя, тотчасъ же, какъ придетъ конецъ страницы. Это былъ сборъ фактовъ, чуждыхъ другъ другу, не связанныхъ ни какою единою мыслію, рассыпавшихся въ песокъ при всякомъ усиліи дать имъ какую-либо цѣлость. Какъ бы ни было, но стремленіе узнать дѣйствительность въ исторической жиз-

ни народа стало на первый планъ; мелочи отжившаго быта получили достойное значеніе; ими стали интересоваться; въ нихъ стали отыскивать причины и корни вѣдшихъ громкихъ событій, и ими же стали украшать и оживлять повѣствованіе; а вслѣдъ затѣмъ, очень естественно, стала обнаруживаться и историческая фізіономія народа: изъ-подъ груды безобразнаго и неосмысленнаго матеріала выступили рѣзкія, болѣе или менѣе вѣрныя черты живаго лица. Историкъ почувствовалъ, что онъ имѣеть дѣло не съ случайнымъ сплетеніемъ событій и лицъ и не съ автоматомъ, который движется по какой-то чуждой сверхъестественной волѣ, а съ органическимъ цѣлымъ, для котораго это сплетеніе есть только выраженіе, проявленіе его жизненныхъ, *внутреннихъ* силъ.

Такимъ-образомъ, въ общемъ движеніи человѣческаго знанія уйдти съ зыбкой почвы прираковъ и стать на твердую почву живой дѣйствительности, и для исторіи открытъ былъ широкій, прямой и свѣтлый путь. Подобно естествознанію, и исторія обратилась къ микроскопическимъ наблюденіямъ и микроскопическимъ изслѣдованіямъ надъ прожитою жизнью человѣка; житейскія мелочи, тончайшія волокна людскихъ отношеній, возрѣній древняго человѣка, его вѣрованій и убѣжденій, жизненныхъ понятій стали больше возбуждать вниманіе историковъ, чѣмъ громадныя, повидимому, и жалкія дѣла Чингизхановъ и разныхъ Тамерлановъ, въ чемъ бы они ни появлялись—въ татарскомъ ли халатѣ или въ другихъ какихъ даже наполеонскихъ нарядахъ. Какъ микроскопъ дѣйствительный въ области естествознанія, такъ и микроскопъ исторической сдѣлался необходимымъ и единственно вѣрнымъ орудіемъ для изслѣдованій о первоначальныхъ силахъ и формахъ, о вѣтхъ зародышахъ и инфузоріяхъ исторической жизни народовъ. Недавно въ Германіи, отечествѣ наукъ, провозглашена новая наука—народопсихологія—система знаній о развитіи народной духов-

ной жизни, наука о духовной природѣ общественнаго человѣка, ученіе о законахъ, по которымъ развивается исторія народа, по которымъ создается духъ, характеръ народа, неуловимый обликъ его исторической дѣятельности. Это естественный выходъ изъ тѣхъ вопросовъ и требованій, къ которымъ въ настоящее время пришли не только историческія и политическія науки, но и вообще человѣческое знаніе, потому-что и естественныя науки въ послѣднихъ своихъ результатахъ тоже внесли значительную долю въ возбужденіе этихъ вопросовъ; сдѣлалось необходимымъ самое подробное, самое многостороннее изученіе человѣческой природы, какъ въ особнхъ единицахъ, такъ и въ единицахъ собирательныхъ, въ обществахъ, народахъ, государствахъ. Такъ-какъ исторія есть самая богатая и единственная сокровищница фактовъ, дѣлъ человѣческой жизни, то за разрѣшеніемъ возбужденныхъ вопросовъ обратились прежде всего къ ней. Но, замѣтить должно, ее застали врасплохъ всѣ эти неугомонныя и неотлагаемыя требованія и вопросы, заронившіеся въ умъ современнаго человѣка. Она вовсе не была готова давать имъ положительныя опредѣленія и точныя отвѣты. Она сама не знала, какъ быть и что дѣлать съ сырымъ матеріаломъ, лежавшимъ по сторонамъ въ громадныхъ кучахъ и безпрестанно накопленнымъ. И вотъ къ ней идутъ теперь на помощь всѣ отрасли знанія; каждая съ своей точки зрѣнія хочетъ разобрать и осмыслить историческій матеріалъ, каждая хочетъ внести свою долю пониманія исторической жизни и ученіе объ организмѣ, какъ о существенной сторонѣ всего живаго, все болѣе и болѣе проникаетъ въ основныя приемы историческаго изслѣдованія.

Психологія народа не иначе можетъ разсматривать народъ, какъ живое цѣлое, духовный организмъ. Изслѣдованіе законовъ, по которымъ развивается и живетъ этотъ организмъ, составляетъ сущность ея ученія. Великая и глубокая задача,

разрѣшеніе которой можетъ привести и въ дѣйствительности приведетъ къ самымъ неожиданнымъ и къ самымъ многозначительнымъ результатамъ. Важнѣе всего, что въ этой средѣ, въ этомъ направленіи, сознаніе о народѣ, какъ живомъ организмѣ, будетъ выработано въ такой полнотѣ и ясности, которая совсѣмъ измѣнитъ характеръ историческихъ работъ, освободитъ исторію отъ многого бесполезнаго хлама, подъ тяжестью котораго ломаются теперь ея изслѣдованіе и самыя приемы изложенія.

Мы намѣрены въ настоящемъ случаѣ высказать здѣсь нѣсколько мыслей о тѣхъ требованіяхъ, какія возникли для исторіи въ послѣднее время.

Итакъ, общее сознаніе останавливается на томъ, что народъ—общество—какъ живое цѣлое, какъ живая совокупность силъ, дѣйствующихъ взаимно для достиженія самосушней цѣли своего бытія, можетъ быть разсматриваемъ, изучаемъ и изображаемъ, какъ вь всякій естественный организмъ видимой природы. Покрайней мѣрѣ способы наученія въ этомъ случаѣ и его приемы должны быть одинаковы. Это указано уже самымъ словомъ *организмъ*, которое теперь такъ часто связывается съ понятіемъ о народѣ. Называя такъ человеческое общество, народъ, мы даемъ разумѣть, что оно подлежитъ тѣмъ же, или аналогическимъ условіямъ жизни и развитія, какъ все органическое въ природѣ, которое собственно и послужило источникомъ для сдѣланнаго опредѣленія. Органическая жизнь физической природы уяснена и опредѣлена посредствомъ тщательнаго и долгаго изученія отдѣльных ея фактовъ, отдѣльныхъ единицъ, въ которыхъ она обнаруживается. Изъ постоянныхъ наблюденій и сравненій, сдѣланныхъ въ средѣ этой частной, единичной жизни, наука отвлекла извѣстные общіе законы, необходимыя для всякой частности, отвлекла именно то понятіе объ органической жизни, которое заключилось

въ одномъ словѣ: «организмъ». Изъ частныхъ дробныхъ явленій, самыхъ разнообразнѣйшихъ видовъ и свойствъ, она вывела единое явленіе, которое само по себѣ видимо не существуетъ, но которое, какъ невидимая сила, управляетъ всякою дробью, всякою частностью. Тому же процессу изученія подлежала и историческая жизнь — природа нравственная. И здѣсь изученіе отдѣльныхъ единичныхъ явленій, событій или такъ-называемыхъ историческихъ дѣателей, всегда приводитъ къ встрѣчѣ съ общимъ какимъ-либо закономъ, по которому совершалось развитіе и жизнь извѣстнаго народа. И здѣсь точно такъ же изъ многообразія единичныхъ явленій наука отвлекаетъ общее условіе ихъ жизни, которому единичныя явленія служили только выраженіемъ, олицетвореніемъ. Опять, слѣдовательно, выдѣлялось понятіе о единомъ явленіи, невидимой силѣ, управлявшей видимыми ея выраженіями, дробными фактами исторической жизни. Эту-то невидимую силу или, вѣрнѣе, совокупность силъ, которая ошутительнѣе всего обнаруживается въ великихъ событіяхъ исторіи, называютъ обыкновенно «духомъ народа», «характеромъ народа». Но духъ народа, народность, есть такое же отвлеченіе, какъ и слово организмъ, выражающее только существенную, основную силу народной жизни. Заслуга такого отвлеченія заключается особенно въ томъ, что оно прямо и положительно указываетъ на народъ, какъ на живой, цѣльный, нераздѣльный организмъ. Духъ народа въ своемъ развитіи пріобрѣтаетъ извѣстныя формы своего проявленія; сущность его высказывается въ извѣстномъ строѣ жизненныхъ явленій; силы его обнаруживаются цѣлымъ рядомъ событій, этихъ видимыхъ знаковъ его скрытой дѣятельности — словомъ, духъ народа дѣйствуетъ органически, *эмпирически*, послѣдовательно созидая новыя силы и новыя проявленія этихъ силъ. Въ этомъ заключается процессъ его жизненнаго органическаго существованія. Народъ есть

видимое воплощеніе этого духа, живая единица, не отвлеченный, а существующій организмъ, подверженный тѣмъ же самымъ законамъ жизни и развитія, какіе существуютъ для всего живаго въ природѣ. Но, чтобъ яснѣе представить себѣ существо его жизни, чтобъ осязательнѣе почувствовать ходъ его жизненныхъ отправленій, мы должны понять народъ живымъ организмомъ, живую единицею, не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ, то-есть въ нашемъ примѣненіи этой по преимуществу живой идеи къ историческому труду, къ изслѣдованію и изображенію народной исторической жизни.

«Человѣческой организмъ (говорятъ естествоиспытатели), какъ всѣ другіе окружающіе его организмы, какъ все живущее, находится въ постоянной метаморфозѣ, то есть постоянно обновляется, молодѣетъ. Процессъ метаморфозы имѣетъ два момента: первый — постоянное уничтоженіе и выдѣленіе изъ тѣла тѣхъ веществъ, которыя уже исполнили свое назначеніе, то есть отжили и стали негодными; второй — постоянное обновленіе, то есть образованіе новыхъ частицъ, взаимѣнъ отжившихъ, выдѣленныхъ тѣломъ. Оба момента, составляющіе такъ-называемый обменъ матеріи, находятся во взаимной связи и, какъ жизнь и смерть, въ крайне противоположной дѣятельности. Обменъ матеріи, хотя зависитъ отъ внѣшняго, окружающаго міра, составляетъ, однако, внутреннее, присущее свойство всѣхъ организмовъ». Таковъ неизмѣнный законъ, такова сущность жизни матеріальной, тѣлесной въ природѣ человѣка, такова же сущность и его жизни духовной. Въ общественной жизни, въ организмѣ народа совершается то же самое, что и въ единичной жизни отдѣльнаго человѣка, ибо законы естества неизмѣнно одни и тѣ же для всего живущаго, тѣлеснаго и духовнаго. Духовное служитъ только высшею сферою тѣхъ же матеріальныхъ, тѣлесныхъ процессовъ, и развитіе духа, какъ и развитіе тѣла, подтверждаютъ

естественоспытатели — возможно только путемъ обновленія, метаморфозы; — ибо каждый духовный зародышъ, пустивъ новыя вѣтви и побѣги, самъ переходитъ въ разрушеніе. Вообще «всякое органическое развитіе основывается на переходахъ изъ одной метаморфозы въ другую, на возрожденіи изъ прежнихъ разрушившихся формъ».

Каждый организмъ носитъ цѣль своего развитія въ самомъ себѣ. Цѣль развитія, а слѣдоват. задача всей жизни народнаго, общественнаго организма заключается въ развитіи индивидуальной личности, какъ основы и существенной силы общественнаго союза; въ полномъ, всестороннемъ развитіи *человѣка*, въ полномъ, всестороннемъ освобожденіи его природы отъ всяческихъ стѣсненій, возникшихъ изъ первобытной непосредственности, или отъ исторической искусственности, нажитой совершеннымъ забвеніемъ, или даже пренебреженіемъ именно этой цѣли челоуѣческаго существованія. Общественный организмъ есть высшая форма существованія индивидуальной личности; въ немъ только, и нигдѣ болѣе, она сознаетъ свои силы, великія богатства своей природы, свое истинное достоинство.

Какъ скоро мы поймемъ и почувствуемъ, что народъ есть живой организмъ, живая единица, личность; что его исторія есть собственно процессъ его развитія, органическій процессъ его жизни, то нашъ взглядъ на историческое дѣло тотчасъ долженъ измѣниться. Мы тогда сосредоточимъ свое вниманіе, изученіе, изслѣдованіе только на тѣхъ фактахъ и явленіяхъ, которые доставляютъ намъ существенныя, наиболѣе типическія черты, непосредственно выясняющія народную личность, а вслѣдствіе этого должна будетъ измѣнить свои приемы и экономическая сторона нашей исторической работы, то есть употребленіе въ дѣло матеріала. При такомъ взглядѣ далеко не всякій такъ называемый историческій матеріалъ будетъ годенъ. Въ неимовѣрной и въ необозримой грудѣ всякихъ сви-

дѣтельствъ, сказаній, лѣтописей, актовъ и т. д., мы должны строго и съ величайшею разборчивостью отдѣлать все то, что прямо знакомитъ насъ съ движеніемъ *народной*, то есть общей, а не особой, индивидуальной жизни, что прямо ведетъ насъ въ глубь народныхъ дѣйствующихъ силъ, выпукло изображаетъ ихъ сырытую, такъ сказать, подземную работу. Мы строго должны отдѣлать общее отъ частнаго, единичнаго, крупныя черты народнаго лица отъ множества мелкихъ черточекъ, рисующихъ только отдѣльныя особыя личности, рисующихъ только людей, а не народъ. Мы должны отдѣлать, отгѣнить эти крупныя черты для того, чтобы выпукло провести ихъ по всему разсказу, чтобы онѣ видны были отъ начала до конца, какъ черты основныя, дающія определенную и ясную форму всякому изображенію. Все неуровновѣснѣе тепершняго изображенія, *составленія и сочиненія* исторіи оттого именно и происходитъ, что мы не успѣли еще прямо, непосредственно всмотрѣться въ этотъ неуловимый пока ликъ народа, не успѣли выяснитъ себѣ его живыя, пластическія очертанія въ изображеніи исторіи, то есть развитія этихъ очертаній, совершенно затушевываемъ ихъ мелкими подробностями, дѣйствіями, событіями, характерами отдѣльныхъ лицъ, избираемыхъ нами, какъ мы упомянули, не потому, что въ нихъ находимъ общія очертанія народнаго лица, а наиболѣе потому, что они дѣлали въ свое время много шума, что они люди вообще *историческіе*. Все еще исторія представляется намъ какою-то сборною біографіею неугомонныхъ лицъ, разсказанною въ хронологической послѣдовательности событій. Мы еще недостаточно убѣждены въ томъ, что и лица и событія важны въ историческомъ изображеніи на столько, на сколько они служатъ органами, выразителями общей жизни, жизни цѣлаго. Безъ лицъ нѣтъ исторіи; безъ единичной жизни нѣтъ общей жизни. Но не ставьте же эти лица, эту единичную жизнь на

то же самое мѣсто, которое по праву принадлежит лицу народа, его общей жизни; употребляйте ихъ такъ въ своей изображеніи, чтобъ они раскрывали, освѣщали, оживляли единый ликъ исторіи, ликъ народный. Очень естественно, что совсѣмъ отдѣлить единичную жизнь отъ общей нѣтъ возможности. Мы о томъ и не говоримъ. Мы желаемъ только обратить вниманіе, особенное, исключительное вниманіе на то, какъ единичная жизнь живетъ въ общей, и какъ въ ней самой проходитъ единое *общее* русло жизненнаго теченія. Вся задача историческаго дѣла — въ гармоническомъ, согласномъ, ровномъ отношеніи обонхъ явленій, чтобъ ни то, ни другое не брало верха и чтобъ и то и другое служило только къ выясненію и изображенію цѣльнаго, полнаго типа, цѣльной, какъ говорятъ, натуры, живаго народнаго лица. Живой организмъ нераздѣлимъ; только надъ трупомъ можно дѣлать анатомическія сѣченія и разсматривать и изучать составныя его части, каждую отдѣльно самою по себѣ. Но тогда все дѣло только *въ изученіи*, чѣмъ и занимается историческая изслѣдовательность, а не въ *изображеніи* жизни, чѣмъ исключительно должнъ заниматься собственно исторія. Изученіе, изслѣдованіе есть лишь приуготовительная первичная работа, которую не должно смѣшивать съ конечнымъ дѣломъ исторіи. Съ органической жизненной точки зрѣнія на исторію особенно важно не лице, а совершенное имъ дѣло, сказанное или написанное имъ слово, которое стало сѣменемъ, зародышемъ новой силы развитія, новыхъ явленій жизни. Если всѣ великія личности исторіи служатъ только выразителями жизненныхъ силъ народа, провозвѣстниками того, что давно уже таилось и зрѣло въ вѣрованіяхъ, убѣжденіяхъ, чаяніяхъ и стремленіяхъ массы, то пусть онѣ и остаются только въ этихъ роляхъ, а не выступаютъ по волѣ историка главнымъ дѣйствующимъ лицомъ разсказа, которое все-таки есть самъ народъ. Сажать въ перед-

ній уголъ повѣствованія ни народныхъ героевъ, ни злодѣевъ народа не слѣдуетъ, потому что подробности ихъ громкихъ и особенно официальныхъ дѣлъ и дѣйствій непременно сосредоточать вниманіе на ихъ личности и тотчасъ же скроютъ отъ насъ дорогой ликъ народа. Словомъ, въ историческомъ повѣствованіи изображеніе единичной жизни, частныхъ явленій, должно служить только фономъ и колоритомъ общей картины, гдѣ всѣ подробности и всѣ фигуры лишь средства, пластически выражающія одну общую идею, одинъ общій моментъ жизни.

Говоря все это, мы вовсе не думаемъ извести личность съ ея достойной высоты, какая принадлежитъ ей по праву въ исторіи, въ дѣлахъ человѣческихъ. Исторія всякаго народа и начинается именно въ тотъ моментъ, какъ пробуждается жизнь личности, какъ начинаетъ личность бодрствовать, вступаетъ въ борьбу съ общими положеніями вселенской непосредственности. Въ этой-то борьбѣ, въ стремленіи высвободиться отъ всѣхъ путъ, нажитыхъ въ зависимости, въ рабствѣ отъ условій непосредственнаго быта и заключается смыслъ исторіи. Личность есть прямой органъ исторіи, двигатель и руководитель: она всегда идетъ впередъ событій... Но не должно забывать, что всякая личность есть созданіе известной умственной и нравственной среды, известной эпохи или известного времени. Значеніе ея въ исторіи во столько велико, во сколько она является, какъ мы сказали, выразителемъ, провозвѣстникомъ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ и требованій этой среды, воплостителемъ сознанныхъ въ массѣ идей, что, къ сожалѣнію, случается не часто. Это бывають праздники въ исторической жизни народа, великія эпохи, когда его сознаніе развертывается быстрѣе и сильнѣе, охватываетъ всѣ стороны жизни. Въ будни, напротивъ, совершаются обыкновенныя дѣла. Здѣсь широкое поле личности по преимуществу эгонетической въ самомъ уз-

комъ смыслѣ этого слова; здѣсь широкое поле господству случайныхъ, мелкихъ идей, созданныхъ мелкимъ эгоизмомъ, и весьма часто несколько не выражающихъ общихъ народныхъ требованій и стремленій. Здѣсь свою частную эгоистическую, слѣдовательно, случайную идею, личность стремится облечь въ общую, дать ей значеніе общаго стремленія или общей потребности, и съ этимъ значеніемъ провести въ живое дѣло, то-есть, воспользоваться всеми выгодными послѣдствіями въ практическомъ примѣненіи этой идеи. Естественное эгоистическое желаніе чловѣка, чтобъ все существовало такъ, какъ ему нравится, какъ онъ находитъ хорошимъ и для себя полезнымъ, влечетъ личность къ совершенію такихъ дѣлъ, которыя прямо вредятъ общему, искажаютъ его силы, развращаютъ нравы. Отсюда возникаетъ борьба эгоистическихъ личностей, эгоистическихъ идей, которая обыкновенно и доставляетъ исторіи неимоверно громадный матеріалъ мелкихъ дѣлъ, ничтожныхъ событій, рисующихъ только дѣйствія людей, а не дѣйствія народа, какъ живой единицы. Въ добавокъ, собранныя въ одно мѣсто, эти дѣла и событія бываютъ всегда, какъ двѣ капли воды, похожи другъ на друга, и знаменатель ихъ большею-частью заключается только въ характеристикѣ единичнаго типа данной эпохи, да и то сословнаго, что конечно, хотя и имѣетъ мѣсто въ исторіи, но не на столько, чтобъ заслонять собою движеніе общей жизни, жизни народа. Изображая такіа будничныя эпохи, историкъ, заваленные пошлыми дѣлами и лицами, по необходимости наполняютъ свой рассказъ подробностями вовсе ни для кого не интересными, по своей вседневности, и совершенно излишними и ценужными въ изображеніи общей жизни. А между тѣмъ эта жизнь скрытыми путями движется и растетъ. Вся задача, слѣдовательно, въ томъ, чтобъ строго разобрать пошлый хламъ исторіи и изпасть на эти потаенныя пути народной жизни, раскрыть ея движеніе

указать ей ростъ... Задача не легкая, но разрешимая, и въ своемъ разрешеніи вполне зависящая лишь отъ перемѣны точки зрѣнія вообще на предметъ исторіи, и въ особенности, на историческую роль единичной личности.

Вообще, сосредоточивъ исключительное вниманіе на общей жизни народа, на народной личности, мы во многомъ должны измѣнить свои понятія о важности и неважности иныхъ историческихъ событій, историческихъ лицъ и самыхъ матеріаловъ. До сей поры въ изложеніи исторіи мѣсто, которое по праву должно бы принадлежать лицу народа, отдается сплошь подъ изображеніе правительственныхъ только лицъ, ихъ дѣйствій и перемѣнъ, подъ описаніе казенныхъ событій, вообще подъ описаніе казенной, оффиціальной дѣятельности. Иначе, впрочемъ, и не могло быть, и мы ни малѣйшаго права не имѣемъ упрекать современныхъ историковъ въ томъ, въ чемъ выразился только естественный ходъ дѣла. Объ оффиціальной, внѣшней государственной дѣятельности народа какъ и о внѣшнихъ поступкахъ отдѣльнаго человѣка, всегда сохраняется несравненно больше памятниковъ и очевидныхъ свидѣтельствъ; она, въ добавокъ, всегда условливаетъ, если не выражаетъ общую жизнь народа, слѣдовательно становится общею чертою исторической жизни и сама собою входитъ въ изложеніе общихъ для всего народа событій. Государственный бытъ, какъ внѣшняя форма, скорѣе бросается въ глаза всѣми сторонами своего развитія и громче и осязательнѣе даетъ знать о своемъ существованіи. Лѣтописецъ, какъ простой очевидецъ и описатель жизни, заноситъ въ свою хартію прежде всего внѣшнія дѣла, казистыя, необычныя событія, потому что въ такихъ дѣлахъ и событіяхъ ярче и очевиднѣе сказывается жизнь. Онъ убѣжденъ, что только громкій походъ, богатырское дѣло и вообще внѣшній успѣхъ, или необыкновенное, выходящее изъ ряда будничной жизни, происшествіе и явле-

нѣ достойно описанія, достойно памяти потомства. Внутренняя жизнь и вся современная ему дѣйствительность представляются глазамъ его пошлостью, такимъ обыкновеннымъ дѣломъ, которое не стоить и описывать, — потому-что оно всѣмъ и каждому очень хорошо извѣстно. Въ этомъ взглядѣ высказывается только общій и непосредственный приѣмъ учающаго ума начинать съ внѣшности. Кроме того, въ этомъ первоначальномъ взглядѣ на историческое дѣло выразилась и непосредственная задача исторіи быть изобразительницею общихъ народныхъ дѣлъ. Вѣдь, каждое внѣшнее, громкое и шумное событіе, есть прежде всего общее дѣло народа, какое бы оно ни было, дѣйствительное или страдательное. Народъ все-таки выноситъ его на своихъ плечахъ. Такъ война въ древнее время была почти исключительнымъ общимъ дѣломъ, такъ какъ моръ, нашествіе иноплеменныхъ, наводненіе, пожаръ—общимъ несчастіемъ; такъ какъ комета, сѣверное сіяніе, затмѣніе, уроль, вытщенный изъ рѣки;—общимъ зрѣлищемъ и дивомъ; такъ какъ князь—общимъ лицомъ, общою властью, которой требовало время, какъ своего спасенія отъ неурядицы единичнаго произвола. Такими общими явленіями жизни лѣтописецъ по преимуществу и интересовался, не давая ни малѣйшей цѣны дѣламъ повседневному; потому что слишкомъ они были просты, естественны, не представляли ничего казусаго. Впрочемъ, что жъ говорить о лѣтописцахъ, объ этихъ, во всякомъ случаѣ, почтенныхъ личностяхъ древности, заявившихъ своимъ трудомъ интересы наблюдающаго ума, который въ то отдаленное время иначе смотрѣлъ на жизнь и цѣнилъ ее единственно только какъ геройскій подвигъ, богатырское дѣло, вообще на столько, на сколько она дивила, или являлась шумною и славною! Мы, люди другой эпохи, которая гордится своимъ просвѣщеніемъ и въ которую, дѣйствительно, пониманіе жизни стало полнѣе и шире, давно ли и мы об-

ратили вниманіе на ея внутреннюю, подземную сторону, стали приближаться къ ея корнямъ и тонкимъ волокнамъ, скрытымъ въ глубинѣ ея почвы? Несмотря на объемистую и всестороннюю нашу письменность, или, пожалуй, печатность, мы и теперь сплошь пропускаемъ безъ всякаго вниманія бездву явленій и фактовъ весьма полновѣснаго значенія, которые потому только ускользаютъ изъ нашихъ глазъ, что слишкомъ приглядѣлись намъ, слишкомъ стали обыкновенными. Мы и теперь рады-радехоньки, когда выдвинется что-либо изъ будничнаго нашего однообразія, выдѣлится изъ сплошной массы нашихъ повседневныхъ дѣлъ, хотя бы это была только новая варьяція обыкновенной старой пошлости; мы и теперь рады радехоньки всякой новости, всякой необычайности, всякому *небывалому* явленію, которое славимъ и надъ которымъ шумимъ отъ души, прыгаемъ какъ дѣти съ новою игрушкою, спѣшимъ каждый заявить свое мнѣніе и усердно наполняемъ журналы и газеты своими статьями, писанными по поводу *novae* вопроса. А между тѣмъ въ тиши и незамѣтно проходятъ явленія, надъ которыми много подумаетъ и много затруднится будущій изыскатель и историкъ, затруднится потому, что не найдетъ нашего отзыва, нашего слова, нашей мысли объ этихъ явленіяхъ, и еще съ большею основательностью упрекнетъ насъ въ томъ же пристрастіи къ громкимъ и шумнымъ, чисто внѣшнимъ дѣламъ и событіямъ. Естественно, такимъ образомъ, что внѣшнія дѣла и въ позднѣйшее время, какъ и въ древнѣйшее, стоятъ все-таки впереди и почти одни только преимуществу описываются и записываются. Чему жъ послѣ того удивляться, что исторія до сихъ поръ еще занимаетъ одною внѣшностью и въ большинствѣ случаевъ, по самому свойству доступнаго ей матеріала, пріобрѣтаетъ характеръ какой-то официальной записки, канцелярскаго *изложенія* дѣла? Всѣ очень хорошо чувствуютъ, что это односторонность,

что такъ-называемая исторія вращается еще въ сферѣ изслѣдовательности и представляетъ въ сущности только матеріалъ исторіи, болѣе или менѣе обработанный. Но многіе ли сознаютъ, въ чемъ же именно должна заключаться задача историка и гдѣ тотъ матеріалъ, который по преимуществу и съ болшею точностью долженъ признаваться историческимъ? Теперешніе такъ-называемые историческіе матеріалы болшею частью правительственные документы, вообще изъясняющіе государственныя дѣйствія, матеріалъ чисто бумажный, мертвый, подъ которымъ еще нужно долго донскиваться самой жизни, дѣйствительнаго ея теченія. Это верхушки, отдаленныя точки, которыя, пожалуй, могутъ указывать направленія пути для историка, но ни въ какомъ случаѣ не могутъ раскрыть ему всѣ подробности и свойства жизненной дороги, которую онъ берется описывать и изображать.

Между тѣмъ остается необозримая куча самыхъ разнородныхъ и разнообразнѣйшихъ памятниковъ, на которые исторія еще пока глядитъ съ высоты своего государственнаго воззрѣнія и рѣдко находитъ въ нихъ нужду для своихъ изображеній и описаній. Памятники эти строго отдѣляются отъ *историческихкихъ* и принимаютъ различныя наименованія по ихъ отношенію къ разнымъ сторонамъ народнаго быта, или же вслѣдствіе научнаго распредѣленія сообщаемыхъ ими свѣдѣній. Какъ важны, напримѣръ, всѣ акты, называемые обыкновенно юридическими, особенно всѣ тѣ бумаги, въ которыхъ записаны не правительственныя дѣйствія и распоряженія, а *жизнь дѣла* народа. Съ фізіологической точки зрѣнія на историческое дѣло—это самый существенный источникъ народной исторіи. Притомъ богатство его, какъ и богатство народной жизни, неизмѣримо. Такими актами и бумагами наполнены всѣ наши архивы государственные, разныхъ вѣдомствъ, монастырскіе и отчасти даже домашніе. То, что издано въ этомъ отношеніи,

не составляет и миллионной доли того, что еще лежит въ пыли, а нередко съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе сгниваетъ и глѣбеть или поступаетъ на макулатуру. Конечно, въ необозримомъ количествѣ этихъ бумагъ можно совсѣмъ затеряться: къ разборкѣ ихъ необходимо приступать съ значительнымъ подготовленіемъ, съ опредѣленнымъ, точнымъ уясненіемъ тѣхъ вопросовъ, на которые будемъ искать отвѣта и, главное, съ тѣмъ пониманіемъ или, яснѣе сказать, съ тѣмъ чутьемъ жизни, которое всегда прямо и вѣрно укажетъ дорогу въ этомъ непроходимомъ лѣсу мелочныхъ фактовъ и событій. За-то обиліе и доброта этого источника доставятъ изслѣдователю народной жизни самыя полныя и самыя вѣрныя изображенія отжившей дѣйствительности, со всѣмъ процесомъ ея развитія и измѣненій, которыя она терпѣла въ томъ или другомъ направленіи. Въ этомъ источникѣ мы становимся лицомъ къ лицу со складомъ народныхъ понятій и пониманій, его убѣжденій и нравственныхъ интересовъ, даже со складомъ живой народной рѣчи, совершенно исчезающей въ другихъ, особенно казенныхъ памятникахъ. Здѣсь-то болѣе, чѣмъ гдѣ-либо мы чувствуемъ присутствіе *дѣйствительныхъ* живыхъ людей, а не отвлеченностей и идеаловъ, которые обыкновенно рисуются памятниками старой квижности. Сыскное дѣло, жалобная челобитная, домашній актъ и записка, духовная и рядная, частное письмо, расходная книга и т. д. — все это самыя добрыя родники для изслѣдователя и испытателя древней *жизни*, въ которыхъ народная фізіономія, народный характеръ, народная личность отражаются ясно и полно, живыми чертами.

Въ этой массѣ оконченныхъ мелочныхъ домашнихъ дѣлій прожитая жизнь народа улеглась послѣдовательными слоями, геологическими пластами. Не говоримъ уже о всей виѣшней обстановкѣ древняго быта, которую возстановить возможно

только при посредствѣ того же источника. При теперешнемъ взглядѣ на исторію подобные акты имѣютъ мало цѣны, илѣ имѣютъ какую-то спеціальную антикварную цѣнность, между-тѣмъ, въ каждомъ даже небольшомъ сборникѣ, которые время отъ времени все-таки являются, не вознаграждая ни рвенія собирателя, ни потраченныхъ имъ издержекъ, историкъ всегда найдетъ драгоцѣнныя и живыя черты для своихъ изображеній. Наставетъ, однакъ, время, когда такіе акты сдѣлаются важнѣйшимъ матеріаломъ, когда вѣрное, жизненное чутьѣ, смутно и теперь руководящее собирателями и издателями нѣкоторыхъ сборниковъ, перейдетъ въ созидательное пониманіе, что это самый прямой, ближайшій и самый богатый матеріалъ для изученія и воссозданія древней жизни во всей ея полнотѣ и правдѣ.

Есть еще *историческій* матеріалъ, не менѣе богатый и еще болѣе, шире и глубже, охватывающій народную жизнь, непосредственнѣе воссоздающій народный ликъ, яснѣе опредѣляющій народъ, какъ живое цѣлое, какъ дѣйствительную живую единицу, это — народный эпосъ въ той полнотѣ и обширности его пониманія, какое выступаетъ въ позднѣйшихъ историко-литературныхъ и филологическихъ изслѣдованіяхъ. Этотъ матеріалъ тѣмъ еще дороже для насъ, что онъ единственный и притомъ самый дѣловѣрный свидѣтель и изображитель такъ-называемой *доисторической*, и вообще, согласно старому пониманію, *неисторической* жизни народа. Въ немъ народъ является именно такимъ общимъ цѣльнымъ ликомъ, каковымъ онъ долженъ изображаться въ самой исторіи, потому что и исторія, въ сущности есть тотъ же народный эпосъ, созданный лишь при посредствѣ искусственности, то есть при посредствѣ разныхъ ученыхъ работъ. Оттого и взглядъ на нее и совершенство ея обработки вполне опредѣляется степенью народнаго сознанія. Въ энциклопедическомъ матери-

алѣ—весь древній человекъ, весь полный, и въ своемъ зародышѣ, едва замѣтномъ на простые глаза и въ своихъ постепенныхъ, послѣдовательныхъ возрастаніяхъ и жизненныхъ переходахъ, весь въ полномъ законченномъ типѣ съ его міросозерцаніемъ, съ его радостями и скорбями, съ его возрѣніями и стремленіями, съ его добромъ и зломъ, съ его героизмомъ, идеальностью и пошлостью жизни. «Народный эпосъ (говоритъ достойный и глубокой его изъяснитель г. Буслаевъ) во всѣхъ разнообразныхъ его проявленіяхъ, начиная отъ мифа и чарующаго заклятія, этого отголоска религіозныхъ мнеческихъ обрядовъ, и до дѣтской игры, сопровождаемой стихами или причитаніями, и до колыбельной пѣсни, есть не только выраженіе народнаго быта, но даже сама народная жизнь, возведенная на первую степень сознанія, и перелитая въ прекрасные звуки роднаго слова *)». Отсюда-то историкъ долженъ почерпать ту «живую воду» для своего труда, безъ которой народъ въ историческомъ изображеніи всегда останется трупомъ, болѣе или менѣе искусно препарованнымъ, которая одна только имѣетъ силу воскрешать сухія муміи древняго человека, хранямыя официальными сказаніями и повѣствованіями, разными государственными актами и документами—вообще старою приказностью и книжностью, не исключая и лѣтописей въ общемъ ихъ характерѣ. Да, трудъ историка, его изысканіе и изслѣдованіе, его бестѣда съ древностью и творческое ея возсозданіе всегда должны согрѣваться у этого живаго и неистощимаго огня. И какъ бы далеко, то-есть, какъ бы близко къ намъ ни зашелъ историкъ въ своемъ повѣствованіи, пусть никогда не оставляетъ его эта живительная теплота народнаго эпоса, все согрѣвающая, дающая жизнь и образъ самой мел-

*) «Лѣтописи русской литературы и древности». Изд. г. Тихомировымъ. 1859. кн. 2, стр. 81.

ной чертѣ разсказа, разрешающая столько историческихъ недоумѣній и загадокъ. Для первыхъ же страницъ исторіи народный эпосъ есть единственный и самый существенный источникъ и матеріалъ. Всѣ признають, что въ современномъ намъ бытѣ крестьянъ сохраняется множество первобытныхъ элементовъ, первобытной непосредственности, которую обыкновенно называютъ остатками, обломками язычества, то-есть остатками жизни и понятій до-христіанскихъ. Если такъ, то что же останавливаетъ историка возсоздать по остающимся обломкамъ этотъ до-христіанскій, до-историческій бытъ и тѣмъ начать свое повѣствованіе, исторію?

Къ сожалѣнію, еще до настоящей минуты тяготитъ надъ нами присяжная, непостижимая какая-то обязанность начинать исторію разрешеніемъ вопроса о происхожденіи Варяговъ-руси, какъ будто въ самомъ дѣлѣ отъ этого антикварнаго вопроса зависитъ «быть или не быть» нашего историческаго дѣла. Неужели до сей минуты мы еще не убѣдились, что на этомъ кристаллицѣ много можно поломать копій, много разъ можно отлечься въ антикварной эрудиціи и еще болѣе разъ можно безславно упасть, потративъ и трудъ, и время, и талантъ безъ всякой пользы для разрешенія даже этого самаго вопроса? Все это показываетъ только, что въ своихъ понятіяхъ объ исторіи и ея задачахъ мы еще далеко не освободились отъ старыхъ привычекъ и вообще отъ старыхъ, обветшалыхъ интересовъ науки, которые пока еще господствуютъ въ нашихъ умахъ и нашихъ изысканіяхъ. Вѣдь, возбужденіе вопроса о происхожденіи Варяговъ возможно только съ точки зрѣнія государственной исторіи, а не исторіи живой народной личности. Что могутъ дать всѣ писанія по этому поводу кромѣ болѣе или менѣе ловкихъ натажекъ, обнаруживающихъ гораздо больше авторское остроуміе, чѣмъ историческую дѣятельность? Что, еслибъ вмѣсто тысячи пер-

вухъ изслѣзованій, возраженій, замѣчаній, критикъ и анти-
 критикъ о происхожденіи Руси, мы обратились бы съ своимъ
 критицизмомъ и подобною обширною экзегетикою, а главное,
 съ такою же охотою, съ такимъ же трудолюбіемъ, къ изслѣ-
 дованіямъ о до-историческомъ нашемъ бытѣ, разумѣется, не
 по лѣтописямъ и другимъ подобнымъ свидѣтельствамъ, кото-
 рыя въ этомъ отношеніи слишкомъ бѣдны, а по памятникамъ,
 живущимъ еще въ устахъ народа и въ его исконныхъ нравахъ,
 обрядахъ, обычаяхъ, повѣрьяхъ, примѣтахъ и т. д.? Что, ес-
 либъ съ тою же неутомимостью и жаромъ, которые такъ до-
 стославно и, конечно, не безъ извѣстной пользы, тратились
 нѣкогда на объясненія слова *Русь* и тому подобное, мы об-
 ратились къ объясненію памятниковъ и словъ народнаго жи-
 зненнаго смысла, въ которыхъ изобразилось народное разу-
 мѣніе о себѣ и окружающемъ мірѣ. Еслибъ это случилось,
 какъ бы просто и ясно глядѣли мы на наше прошедшее, сколь-
 ко бы катарактъ спало съ нашихъ глазъ, сколько бы недо-
 разумній, загадокъ и всякихъ лѣтописныхъ умолчаній было
 разрѣшено и раскрыто! Нельзя забыть здѣсь начала тепереш-
 няго литературнаго нашего періода, именно, сороковыхъ го-
 довъ, когда, въ одинъ слѣлъ съ литературною критикою, по-
 ставившей своимъ лозунгомъ *дѣйствительность* въ самомъ
 широкомъ примѣненіи этого понятія — дѣйствительность въ
 жизни, въ наукѣ, въ искусствѣ, въ поэтическихъ созданіяхъ
 и въ историческихъ трудахъ, когда, вслѣдствіе этихъ гром-
 кихъ, неустанныхъ и широкихъ требованій дѣйствительности,
 существа дѣла, каково бы оно ни было, вмѣсто призраковъ и
 всяческой манниловщины — изслѣдователи русской исторіи
 тоже взглянули живымъ окомъ на нашу древность и, вмѣсто
 варяго-русскихъ призраковъ, обратились прямо къ живой сре-
 дѣ народнаго быта — что они вынесли изъ этого знакомства
 съ народною непосредственностью, что возникло отъ этого
 прикосновенія къ живой народной дѣйствительности?

Взаимъ государственнаго, офіціального, возникъ органическій, жизненный взглядъ на русскую исторію; вмѣсто обвѣтшавшихъ понятій и ученія о предопредѣленіи и неисповѣдимыхъ судьбахъ, возникло понятіе, цѣлое ученіе объ историческихъ *началахъ*, историческихъ стихіяхъ, элементахъ древней жизни, которое тотчасъ же оказало самое животворное вліяніе на историческую разработку. Оно отразилось на всемъ; имъ освѣтились всѣ вопросы прожитаго быта, и его не поняли и не могли почувствовать только люди, застарѣвшіе въ ученыхъ предразсудкахъ, и потому даже до сихъ поръ озлобленные на новое направленіе историческихъ трудовъ. Да и какъ было имъ понять всю жизненность этого направленія, когда они, эти одеревенѣвшіе люди, эти фарисеи исторіи и науки, литературную критику Бѣлинскаго принимали за личное себѣ оскорбленіе, за возгласы партіи, вовсе не ощущая живаго духа, повсюду въ ней носившагося.

Органическій взглядъ на русскую исторію съ особенною глубиною и жизненностью пониманія выступаетъ яснѣе, чѣмъ гдѣ-либо, въ сочиненіяхъ г. Кавелина. Онъ просачивается, можно сказать, въ каждой строкѣ, гдѣ только авторъ касается русскаго быта, русской исторіи. Возникновеніе этого взгляда указано самимъ авторомъ. «Какую мы ни возьмемъ исторію, древняго или новаго народа (говоритъ онъ), во всякой мы непременно найдемъ связность, стройность явленій. Вникая въ эту связь и стройность, мы открываемъ и ихъ причину; мы замѣчаемъ, что вся исторія приводится къ одному или нѣсколькимъ главнымъ началамъ, основаніямъ, которыми и объясняются всѣ явленія въ жизни этого народа, опредѣляется ихъ связь и послѣдовательность. Стало-быть, чтобъ понять ходъ исторіи какого бы ни было народа, надо подмѣтить главные начала, проходящія черезъ жизнь этого народа. До послѣдняго десятилѣтія (40 года) объ открытіи этихъ общихъ

началь въ русской исторіи никто не думалъ; по крайней мѣрѣ мы не видали и не знаемъ ни одной попытки. Конечно, въ этомъ никто не виноватъ. Всякое время имѣетъ свою задачу. Прежде все вниманіе было обращено на частные вопросы, на изслѣдованіе и возстановленіе историческихъ событій и данныхъ, на обработку матеріаловъ. Эти труды заслуживаютъ полной благодарности и уваженія; безъ нихъ нельзя и приступить къ наукообразной обработкѣ предмета. Нисколько не порицая заслуженныхъ ветерановъ русской исторіи, живыхъ и умершихъ, мы только высказываемъ, что и какъ было, и что для открытія основныхъ началъ, проходящихъ черезъ всю русскую исторію, никто ничего не сдѣлалъ до послѣдняго десятилѣтія. Въ это время, когда въ нашей исторической литературѣ господствовалъ хаосъ, когда разные взгляды бродили нестройно и на-угадъ, и до очевидности ясно стало, что безъ строго научнаго систематическаго воззрѣнія наука русской исторіи не можетъ идти дальше, нѣкоторымъ молодымъ любителямъ русской исторіи пришла въ голову мысль попристальнѣе взглянуть на патріархальные элементы русской жизни, на которые, вѣроятно, по ихъ общеизвѣстности и близости, никто еще не обращалъ надлежащаго вниманія и пытливаго ученаго взгляда. Конечно, много разъ и прежде придавался Руси эпитетъ «патріархальная»; но, что собственно значить патріархальный и чѣмъ именно отличается отъ непатріархальнаго—этого никто еще до того времени не потрудился объяснить. На это названіе многіе натолкнулись инстинктомъ, чульемъ, не давая себѣ въ немъ яснаго отчета. А между тѣмъ, если этотъ эпитетъ могъ быть приданъ быту цѣлаго народа, характеризовать его, то ужь, во всякомъ случаѣ, онъ заслуживалъ особеннаго вниманія. То, что характеризуетъ, должно заключать въ себѣ объясненіе всѣхъ особенностей характеризуемаго предмета. Итакъ, не въ патріархальныхъ

ли-элементахъ, которые и доселѣ такъ присущи намъ, должно искать объясненія разныхъ событій и явленій въ нашей исторіи, пока необъяснимыхъ и непонятныхъ? Не въ нихъ ли лежитъ ключъ, съ помощью котораго раскроется внутренняя связь происшествій, эпохъ и періодовъ русской исторіи? Не въ нихъ ли затаенъ родникъ, изъ котораго текутъ многообразные источники нашей исторической жизни? Вотъ вопросъ, который представился этимъ любителямъ исторіи. Нѣкоторые опыты объяснить нашъ древнѣйшій бытъ патриархальнымъ элементомъ были уже сдѣланы; Эверсъ воспользовался имъ и съ большимъ успѣхомъ, толкуя первыя страницы лѣтописи и «Русскую Правду»; Рейцъ, гораздо менѣе даровитый, послѣдовалъ его примѣру, и также съ успѣхомъ. Но это были отрывочныя попытки. Нельзя ли возвести ихъ въ цѣлое и объяснить этимъ элементомъ всю древнюю исторію Руси? Она такъ непохожа на всѣ другія исторіи, такъ необъяснима изъ общихъ началъ исторіи другихъ народовъ и, какъ нарочно, именно тѣхъ, въ жизни которыхъ слабы патриархальные элементы. Остановившись на этой мысли, тѣ же молодые любители русской исторіи стали послѣдовательно вникать въ междукняжескія отношенія, въ мѣстничество, въ древнюю систему управленія—словомъ, во всѣ главнѣйшія явленія древней русской *народной жизни*, и къ величайшей своей радости нашли, что патриархальнымъ элементомъ эти явленія объясняются очень просто и естественно; что различныя ея эпохи, періоды и явленія суть не что иное, какъ различныя видоизмѣненія одного и того же патриархальнаго элемента. Оставалось, за тѣмъ, опредѣлить постоянный законъ, формулу этихъ видоизмѣненій — и каждый сдѣлалъ это по своему крайнему разумію» *).

*) „Соч. Кавдали“, ч. III стр. 257.

Да, намъ оставалось раскрыть эти основныя начала нашей жизни на всемъ нашемъ историческомъ пути. Требовалось съ этой новой точки зрѣнія пересмотрѣть и перензучить весь нашъ историческій матеріалъ, требовался, словомъ, полный историческій трудъ, или полный, связанный взглядъ на наше прошлое. Вотъ почему тотчасъ же является и этотъ взглядъ (глубоко вѣрный по своей основѣ) въ извѣстномъ сочиненіи г. Кавелина, главнымъ представителемъ органическаго пониманія нашей исторіи, и въ высокой степени превосходная разработка новыхъ органическихъ началъ въ извѣстномъ сочиненіи г. Соловьева объ отношеніяхъ князей Рюрикова дома.

Новое ученіе выразилось, слѣдовательно, и своею теоретическою и практическою стороною. За тѣмъ является «Исторія Россіи» — полный историческій трудъ, который былъ естественнымъ, необходимымъ и неизбежнымъ послѣдствіемъ новаго поворота историческихъ требованій и чаяній. Конечно «Исторія Россіи» далека еще отъ того идеала, который носится передъ нашими глазами; въ бѣльшей части своего объема она представляетъ только новый пересмотръ, новое изученіе матеріала, не слишкомъ осязательно выясняя преемство историческихъ началъ, поставленное ею за точку исхода. Задача, естественно, должна была превысить наши матеріальныя силы и наши матеріальныя средства, и исторія въ общемъ своемъ планѣ сохранила старую свою униформу, дѣловскій покррой кафтана. Но тѣмъ не менѣе это все-таки прочная и твердая основа для дальнѣйшаго пути. Многія стороны и многіе вопросы здѣсь впервые обсуждены и разрѣшены съ полнымъ и яснымъ пониманіемъ исторической дѣятельности, съ полнымъ безпристрастіемъ къ тому или другому утѣшному или безутѣшному явленію жизни, что, конечно, не всѣмъ нравятся, особенно людямъ, ищущимъ въ исторіи оправданій своимъ домерещеннымъ тенденціямъ и взглядамъ. Глав-

нѣйшая и самая существенная заслуга автора заключается именно въ признаніи *исторической дѣятельности* за единственную точку опоры изслѣдованія. Отсюда неотъемлемыя достоинства труда, отсюда же и всѣ его недостатки, которые прежде всего обуславливаются скудостью и необработанностью матеріала, а вслѣдъ за тѣмъ и недостаточнымъ раскрытіемъ и усвоеніемъ своему труду того именно органическаго взгляда, той физиологической основы, съ которыми авторъ приступилъ къ обработкѣ исторіи. Повидимому, матеріалъ своею необработанною и неуклюжею массою преградилъ живыя струны этого взгляда, такъ-что въ иныхъ мѣстахъ онѣ совсѣмъ скрыты подъ грудой безсвязныхъ событій и фактовъ. Случилось то, что всегда случается при добросовѣстной работѣ, при особенно строгомъ почтеніи и уваженіи къ факту. Фактъ взялъ верхъ и своею *дѣльностью* незамѣтно вытѣснилъ теплоту живаго, цѣльнаго воззрѣнія на прошедшее по всему пройденному пути. Мы впрочемъ убѣждены, что то же самое еще долго будетъ повторяться у насъ со всякимъ историческимъ трудомъ, именно по поведѣ весьма скудной обработки матеріала и вообще всѣхъ частныхъ историческихъ вопросовъ. Каждый трудъ по необходимости будетъ носить въ себѣ слѣды черновой работы, отзываться сыростью не усвоеннаго и не переработаннаго матеріала. Доказательства этому являются каждый день, несмотря на разныя претензіи и громкія фразы о томъ, что все дѣлается не такъ, какъ надобно, и что мы-де сдѣлаемъ именно такъ, какъ надобно. Въ добавокъ, тѣмъ еще больше будетъ нестройства въ изложеніи, чѣмъ дальше будетъ пониманіе изслѣдователя отъ живаторной идеи, что народъ въ своей исторіи есть живое, единое цѣлое, живая личность, которую и должна раскрыть историческая изслѣдовательность. Пусть выраженіе «народный организмъ» не остается пустою только фразою, а сдѣ-

лается руководящимъ началомъ для историческаго труда: тогда историческое изложеніе естественныхъ порядковъ приметъ связанное, живое теченіе, разумный строй и выбросятъ все несвойственное основному представленію, какъ лишнее бремя. Самое обиліе и неурядица существующаго матеріала несравненно легче будутъ освоены при стремленіи раскрыть всюду органическое единство въ этомъ жизненномъ разнообразіи дѣлъ и лицъ. Какъ-скоро будетъ понято и почувствовано историкомъ во всѣхъ явленіяхъ угасшей жизни присутствіе народнаго лица, то успѣхъ и стройность, даже художественность его работы явятся сами-собою, какъ результатъ сознанія этой жизненной идеи. Странно, впрочемъ, что, при теперешнемъ общемъ говорѣ объ историческомъ организми, при сознаніи, что историческая задача есть въ то же время и задача фізіологическая, по крайней мѣрѣ въ основныхъ приемахъ ея разрѣшенія, мы очень рѣдко встрѣчаемъ вліяніе этой животворной мысли на историческій трудъ; а нѣкоторые голоса даже вовсе не понимаютъ въ чемъ дѣло и причисляютъ фізіологическій взглядъ на исторію къ длинному ряду нѣмецкихъ ученыхъ выдумокъ, мало пригодныхъ въ ученой обработкѣ исторіи. Время покажетъ, на чьей сторонѣ правда, и мы убѣждены, что правда будетъ на сторонѣ пониманія исторіи какъ фізіологическаго жизненнаго процесса, на сторонѣ болѣе яснаго, болѣе осязательнаго представленія народа живымъ единствомъ, живою личностью, такъ-какъ и всего человечества. Почему еще такъ мало усваивается это представленіе нашимъ понятіямъ, такъ это по той причинѣ, что историки смотрятъ на свою историческую работу слишкомъ спеціально, слишкомъ ограничиваются такъ называемыми предѣлами науки, и слишкомъ тѣсно завиваются въ такъ называемые *историческіе факты*, вовсе упуская изъ виду, что исторія нивѣтъ дѣло съ однимъ только фактомъ, съ жизнью.

которую и надо слѣдить на всѣхъ путяхъ, гдѣ она является, во всѣхъ мелочахъ, которыя болѣею частью еще рѣдко признаются историческими. Для историка, слѣдовательно, необходимъ самый широкій горизонтъ знанія и мысли. Для уясненія своей задачи онъ всюду можетъ находить матеріалъ и въ харатейной лѣтописи и въ живомъ событіи нынѣшняго дня; ибо все, что ни совершается вокругъ насъ и внутри насъ, все это есть результатъ историческаго процесса и, слѣдовательно, плодотворная почва для разрѣшенія всѣхъ историческихъ загадокъ и вопросовъ, непосредственный и многообразный матеріалъ для возстановленія жизни, навсегда угасшей. Современному историку ничто не должно быть чуждо въ мірѣ насущной дѣйствительности, всяческихъ фактовъ жизни. Каждое малѣйшее біеніе жизни онъ необходимо чувствуетъ, какъ ближайшій ея наблюдатель и испытатель. Наоборотъ, какъ скоро онъ замыкается въ келью своей науки, принимая ее за какую-либо алхимию, за какое-либо техническое производство, для котораго весь міръ работы и мысли существуетъ только въ специальной задачѣ производства, тогда сама собою глоснуть въ немъ всѣ живыя силы историческаго пониманія, и онъ незамѣтно входитъ въ роль обыкновеннаго составителя дѣловыхъ бумагъ, которыя становятся для него исключительнымъ и важнѣйшимъ историческимъ матеріаломъ.

Не смотря на то, что сильно еще господство старыхъ понятій объ исторіи и старыхъ привычныхъ приѣмовъ въ историческомъ трудѣ, потребность жизненной, физиологической основы въ разрѣшеніи историческихъ задачъ чувствуется всѣми. Она вырастаетъ съ каждымъ днемъ и является какъ результатъ общаго направленія наукъ, такъ-что ее несравненно-сильнѣе чувствуютъ массы любознательныхъ читателей и люди изъ другихъ областей знанія, чѣмъ записные спеціалисты исторіи. Недавно потребность эта высказалась также и въ

известной программѣ лекцій г. Костомарова, который, внося этнографическій взглядъ въ исторію, кладетъ по этому въ основу своихъ трудовъ не исторію государства, а исторію народа.

«Жизнь народная (говоритъ даровитый ученый) заключается въ *движеніи* его духовно-нравственнаго бытія: въ его понятіяхъ, вѣрваніяхъ, чувствованіяхъ, надеждахъ, страданіяхъ. Изслѣдованіе развитія народной духовной жизни—вотъ въ чемъ состоитъ исторія народа. Тутъ основа и объясненіе всякаго политическаго событія, тутъ повѣрка и судъ всякаго учрежденія и закона.»

Основа очень вѣрная, которая прямо поведетъ къ представленію народа, какъ живой личности. Весь вопросъ только въ томъ, какъ разумѣть слово народъ? — Исторически: какъ совокупность жизненныхъ общественныхъ сязъ, или только этнографически, какъ однокровность и однородность быта известной мѣстности?

Мы много имѣемъ задатковъ, чтобъ ожидать отъ заявленныхъ требованій не одного только протеста, противъ односторонности и направленія исторіи, но и блестящаго выполненія задачи. Въ концѣ поприща мы увидимъ на сколько взгляды г. Костомарова, по преимуществу этнографическій, дробный, повидному совсѣмъ чуждый взгляду, который мы признаемъ органическимъ, по крайней мѣрѣ не заявившій никакого къ нему отношенія, можетъ разъяснить нашу исторію, цементировать ее, дать ей органическую цѣльность и жизненную полноту. Во всякомъ случаѣ, съ особенною радостью приветствуемъ мы новое самостоятельное дѣло въ нашихъ историческихъ работахъ, которое, по самой сущности своей задачи, должно пролить много свѣта на начальные элементы нашей жизни.

Народъ, народность, коренныя основы русской жизни! — слова, которыя часто теперь употребляются и, притомъ, съ такимъ смысломъ какъ-будто они вчера только открыты или

изобрѣтены и до того никто не понималъ ихъ настоящей цѣны и значенія; трактуется вопросъ о какой-то народности въ противоположность государственности, какъ-будто есть возможность отдѣлать одну отъ другой, какъ-будто государство, вообще форма народности, не есть прямое и непосредственное дѣло народа, не есть его плоть и кровь. При этомъ нѣтъ порядкомъ достается и дѣятельности того направленія въ исторической обработкѣ, которое мы не разъ уже назвали органическимъ. Оно, видите ли, слишкомъ впередъ выдвинуло государственные элементы нашей исторіи и оставило на заднемъ планѣ въ совершенной тѣни другіе элементы, достойные полнаго вниманія, сочувствія и тщательной обработки. Это правда. Но чтò жь дѣлать, если въ государственномъ элементѣ заключился органическій ростъ русской народности? Да и какая же народность мыслима внѣ государственной формы, болѣе или менѣе крѣпкой и сильной? Историческое направленіе, раскрывшее съ очевидною ясностью движеніе въ нашей жизни государственнаго элемента, добросовѣстно выполнило свое дѣло, ближайшую задачу историческаго труда. Оно указало общую черту пути, по которому шла русская жизнь; а указать эту черту возможно было только послѣ внимательнаго и самаго подробнаго разсмотрѣнія и наученія народности, то есть ея памятниковъ устныхъ и бытовыхъ. Антагонисты упомянутаго направленія совсѣмъ забываютъ, что первый починъ дѣльнаго, здраваго и въ полной мѣрѣ основательнаго изученія народности сдѣлали тѣми же дѣятелями сороковыхъ годовъ, которые, наперекоръ нашимъ пожеланіямъ, дали такое видное мѣсто въ нашей исторіи государственному началу и которые вмѣстѣ съ тѣми по необходимости первые же серьезно заговорили о народности въ то время, какъ другіе только о ней восклицали и восклицаютъ до-сихъ-поръ. Способъ и приемы изученія народности, предложенные г. Кавелинымъ

въ его статьѣ объ известной книгѣ г. Терещенко, образцовые, можно сказать классическіе, до сихъ поръ остаются одинокимъ явленіемъ среди громкаго, но пустаго фразёрства и восклицаній, которыми обыкновенно ограничиваются исключительные поклонники и толковники народности. Поверхностное, чисто внѣшнее знакомство съ народною дѣйствительностью, перенесеніе современныхъ понятій на нѣкоторыя ея явленія, которыя оттого пріобрѣтаютъ совершенно иной смыслъ, ласкающій современныя наши вполне разумныя, самыя жизненные требованія и потребности, но нисколько не выражающій истины дѣла—все это приводитъ къ тому, что народность въ глазахъ ея особенныхъ понятелей получаетъ призрачныя размѣры и отнимаетъ возможность покойнаго и безпристрастнаго наблюденія надъ природою народнаго развитія. Какъ слѣдствіе этого и возникаютъ превратныя мнѣнія и толки..

Таковы, напримѣръ, въ настоящую минуту мнѣнія и толки о государственности, которая совершенно отдѣляется отъ народности, какъ нѣчто ей чуждое и случайное, какъ нѣчто такое, что могло быть и не быть, могло принять такую или иную форму, смотря по сплетенію обстоятельствъ. Если это такъ, то необходимо, по крайней мѣрѣ, показать на дѣлѣ справедливость такого взгляда, то есть раскрыть тѣ особенныя стѣпи и силы народности, которыя могли создать иную, болѣе ответственную форму, и которыя дѣйствительно, можетъ-быть, слишкомъ затушованы въ нашей исторіи изображеніемъ государственности. Пока этого не сдѣлаютъ, мы останемся при томъ мнѣніи, что государство, государственная форма, какава бы она ни была, не есть дѣло одного лица или нѣсколькихъ лицъ, хронологически одно за другимъ слѣдовавшихъ, а есть непосредственное дѣло самого народа, прямое дѣло господствующихъ элементовъ его жизни, есть непосредственное выраженіе народности. Механически ни создать, ни поддерживать

цѣлыя столѣтія никакой государственной формы нельзя. Временно, во имя эгоистической личности, можно выкидывать какіе угодно политическіе эквилибры. Но природа вещей, то есть основной ходъ народной жизни всѣ эти эквилибры введеть все-таки въ свое русло, въ одномъ мѣстѣ раньше, въ другомъ позже—это все-равно: основные элементы жизни стоять не будутъ.

Давно признано, что государство—внѣшній механизмъ народной жизни, именно та форма, въ которой народъ выражаетъ сознаніе своихъ бытовыхъ отношеній, своихъ понятій о правдѣ и справедливости. Оно есть внѣшній нарядъ, порядокъ, въ какомъ народный духъ обнаруживаетъ свое существованіе, оно есть коконъ, матеріальная оболочка, въ какую неизбежно завивается сущность народныхъ силъ, какъ скоро онѣ находятъ свой центръ жизненнаго кругообращенія, создаютъ историческое тѣло, развивающійся организмъ. Отсюда само собою рождается слѣдствіе, что каковы элементы народнаго духа, каковы требованія его природы, таковъ и коконъ, такова эта матеріальная оболочка, то есть государство, результатъ, произведеніе народнаго сознанія. Въ государственной формѣ народъ сознаетъ себя, какъ живую единицу, сознаетъ идею своего общаго. Изъ какихъ жизненныхъ началъ вырабатывается эта идея, въ такой формѣ она и представляется народному сознанію, въ такой формѣ и воплощается. Общая жизнь слагается изъ элементовъ частной, единичной жизни, слѣдовательно сѣмена государственной формы необходимо искать въ частномъ быту, въ формахъ частныхъ единичныхъ отношеній. Не къ Татарамъ и не въ Византію мы должны отпираться, чтобы уяснить себѣ происхожденіе существующей формы; мы должны опуститься въ подземное царство частныхъ отношеній и внимательно наблюдать тамъ, какъ, напримѣръ, построена форма семейнаго быта и разныхъ единичныхъ союзовъ; на

чемъ стоять, чѣмъ держатся эти союзы. Особенно же должны наблюдать, въ какомъ *строй* содержится *домъ*, единичное хозяйство, въ какихъ отношеніяхъ находятся другъ къ другу члены этого дома—хозяйства, потому-что въ строѣ дома, въ характерѣ единичной союзной формы кроется сѣмена и политическаго строя, которая, рано ли, поздно ли, смотря по стеченію обстоятельствъ, принесутъ именно такіе же плоды, каковы были сѣмена—словомъ, чѣмъ управляется частная жизнь, тѣмъ же, по необходимости, будетъ жить и государство. Если въ частной жизни господствуютъ, все опредѣляютъ и во всемъ сказываются элементы патріархальности; если формы людскихъ отношеній непремѣнно кристаллизуются въ формы непосредственныхъ кровныхъ отношеній, въ формы родства; если самая община дѣлитъ своихъ членовъ на старшихъ и младшихъ, и по этому опредѣляетъ самостоятельность ихъ голоса; если даже въ казацкой вольной артели избранный атаманъ тотчасъ же облачается въ значеніе *батъка*, то естественно, что на такой почвѣ можетъ возникнуть только или аристократія родовъ, какою, напримѣръ, у насъ была новгородская община, южный Галичъ, и даже община казацкая и самая Польша, или одинъ общій для всѣхъ родовъ, съ единымъ лицомъ родовладыки государя, какимъ явилось, напримѣръ, московское самодержавіе, которое, то есть вообще самодержавіе, обыкновенно тѣмъ сильнѣе и крѣпче создается, чѣмъ глубже въ частномъ быту кроются корни патріархальности. Длинные споры объ общинномъ нашемъ бытѣ происходятъ большею частью отъ недоразумѣній, отъ того, что на старую нашу общину смотрятъ съ точки зрѣнія общественныхъ отношеній, намъ современныхъ, гдѣ понятіе о свободной личности, безъ которой община немыслима, само собою уже подразумевается, между тѣмъ, какъ въ нашей древности такого понятія вовсе не существовало. У насъ лице было на столько свобода-

но, на сколько былъ свободенъ тотъ роль, котораго оно было представителемъ. Лице само по себѣ не имѣло человѣческаго достоинства и ничего не значило безъ понятія рода. Поэтому наша община была въ сущности общиною родовъ и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи всегда и вездѣ выдѣляла только нѣсколько передовыхъ аристократическихкихъ родовъ, которые въ лицѣ своихъ представителей обыкновенно и заправляли общиною и всѣми ея дѣлами. Такимъ образомъ въ основѣ общиннаго и общественнаго нашего быта крылись все-таки патриархальные, кровные элементы, по которымъ и кристаллизовались формы людскихъ частныхъ и политическихъ отношеній. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ еще мы не успѣли нигдѣ разглядѣть въ нашемъ общинномъ бытѣ существенной и самой крѣпкой опоры для всякой свободной политической формы, именно человѣческаго лица — освобожденной полноправной человѣческой личности; и думаемъ, что для простаго человѣка, не принадлежавшаго къ владѣющимъ родамъ общины, для простаго рядовича или смерда, вообще для такъ называемой *чермы*, было все одинаково тѣсно отъ купца или шляхтича, или отъ московскихъ намѣстниковъ и приказныхъ людей: перемѣнялись декорации и явленія, а драма тянулась все одна, съ тѣми же дѣйствующими лицами. Въ этомъ попреимуществу, можетъ быть, и кроется неизмовѣрно быстрый успѣхъ Москвы и несчастныя неудачи Новгорода и ему подобныхъ общинъ. Кто поддержалъ Москву, какъ не народный смыслъ, не находившій другаго исхода изъ аристократическихкихъ началъ нашей древней общины, изъ бѣдствій и неурядицы княжескаго удѣльнаго вотчиннаго устройства, созданнаго лишь эгоизмомъ княжескаго рода, а вовсе не интересами и потребностями областного будто бы развитія.

Свободный, *добровольный* городъ былъ такимъ же *исходнымъ* и *исударемъ* въ своей землѣ, такимъ же вотчин-

никомъ и собственникомъ въ отношеніи населенія, какииъ былъ и *государь* московскій, слѣдовательно, сущность отношеній къ населенію и тамъ и здѣсь была одинакова. Понятіе о *государь*, какъ владыкѣ дома, самовластителѣ хозяйства и семейства, вотчинникѣ, собственникѣ не Москвою было выработано. Ею оно внесено только въ сферу политическихъ отношеній. Въ частномъ же быту оно явилось вмѣстѣ съ самымъ фактомъ гораздо раньше, съ того, можетъ-быть, времени, какъ родъ сталъ разлагаться на семьи и изъ родовой общей собственности возникла собственность личная, собственность отдѣльнаго хозяйства, дома, независимая отъ родовыхъ опредѣленій и притязаній. Это едва-ли совершилось на памяти исторіи. Какъ бы ни было, только въ древней Руси существовалъ въ частномъ быту типъ отношеній, именованнаго *государемъ*, что собственно значило, какъ мы сказали, владыку дома, хозяина, собственника и вотчинника. Въ этомъ типѣ родоначальникъ, отецъ семейства является не только отцомъ, но и *самовластцемъ*, то-есть единымъ, независимымъ распорядителемъ своего хозяйства и семьи. Такъ лѣтописецъ называлъ Ярослава, когда тотъ по смерти брата Мстислава остался единовластителемъ Руси; также лѣтописецъ называетъ и Андрея Боголюбскаго, который изгналъ братьевъ и дружину своего отца, «хотя самовластецъ быти всей суздальской земли». Слово *самъ* выразило, что, вмѣсто власти рода, является власть одного лица; что личность стремится выпутаться изъ-подъ опеки родовыхъ отношеній и становится, такъ сказать, на собственныя свои ноги. Синонимомъ этому слову въ частномъ быту было слово *государь*, *госнодарь*. Любопытно было бы выяснить исторію этого замѣчательнаго слова, тогда, можетъ быть, намъ легче было бы понять послѣдовательный, жизненный ходъ и развитіе самаго факта. Корень этого слова, безъ-сомнѣнія—*осмода*, *госмо-*

да—слово, которымъ обозначали вообще судную правящую власть съ ея представителями, княземъ, тысяцкимъ, посадникомъ, сотскимъ, тиуномъ и т. п. — вообще, власть вѣча, міра, власть общины. Отсюда образовалось слово *господ-инъ*, выражающее принадлежность *господь*, происхожденіе отъ *господы*, слѣдовательно, означающее лице, которое было облечено судною властью, было исполнителемъ судной власти и расправы. Такимъ титуломъ въ политической сферѣ пользовались въ древности исключительно князья и добровольные, то-есть независимые города, Новгородъ и Псковъ. Изъ той же господы образовалось слово *господ-арь*, а потомъ *госуд-арь*, какъ сокращеніе перваго. Это слово имѣло уже съѣвшъ другое значеніе: слово *господинъ*, какъ упомянуто, обозначало только происхожденіе отъ господы, принадлежность господѣ, слѣдовательно зависимость отъ главнаго представленія господы, какъ судной власти, которая въ этомъ случаѣ представляла существо дѣла, такъ сказать, родъ, нѣчто общее, въ то время, какъ *господинъ*, лице, выполнявшее это дѣло, становился только *видомъ*, частью этого общаго. *Господ-арь* значило уже, что существо дѣла—судная власть—перешла въ личную волю, сдѣлалась принадлежностью лица, его неотъемлемымъ, непосредственнымъ дѣяніемъ и правомъ. *Господ-арь* означало уже не исполнителя только, а полнаго самостоятельнаго и самовластительнаго хозяина, независимаго производителя—словомъ, въ этомъ понятіи выразилось, что существомъ дѣла стало лице, что судная власть, такъ сказать, воплотилась въ личной волѣ, сдѣлалась собственностью лица. Окончаніемъ *арь* вообще дается понятіе о производителѣ и хозяинѣ чего-либо. Такъ-вы, напримѣръ, шит-арь, ключ-арь, скот-арь, пис-арь, звон-арь, пушк-арь, золот-арь, ток-арь, стол-арь (столяръ) и т. д. *).

*) По всему вѣроятію, точно такъ же образовалось слово *бой-арь* *бойре*, *бойринъ*.

Какъ бы ни было, но *господина* и *государь* строго различались въ понятіяхъ нашей древности; смыслъ этихъ жизненныхъ словъ очень хорошо растолкованъ еще въ семидесятихъ годахъ XV-го столѣтія, при встрѣчѣ двухъ политическихъ формъ древней Руси, господина и государя Новгорода Великаго и господина и государя князя великаго въ Москвѣ. Новгородъ, какъ собирательный и, притомъ, аристократическій типъ государя, естественно, не могъ узнать себя въ единичномъ типѣ московскаго князя, тѣмъ болѣе, что этотъ единичный типъ отрицалъ всяческую аристократію, нисколько не находилъ различія между черными людьми земства и бѣлыми породными людьми владѣющихъ разрядовъ, стремился все сравнять во имя своего единого лица, и вмѣстѣ съ тѣмъ стремился сдѣлаться общимъ политическимъ типомъ русской жизни. Здѣсь встрѣтились двѣ жизненно-выработанныя формы одной и той же идеи. Кому быть и кому не быть—рѣшила, конечно, обстоятельства, но обстоятельства не съ неба упавшія, а созданныя народнымъ развитіемъ. Такимъ образомъ государь, государство, какъ жизненная форма людскихъ отношеній, прежде всего явилась и была выработана въ частномъ, единичномъ быту и отсюда уже была перенесена въ сферу жизни общей, политической. Государь изъ единичнаго типа съ организескою постепенностью переходитъ въ типъ политическій, государственный въ теперешнемъ значеніи этого слова. Государь, хозяинъ, представитель хозяйства частной, единичной жизни постепенно выдѣляется въ государя, хозяина общей жизни, въ представителя *государства*, *господарства* политическаго. Нѣкоторые приписываютъ образованіе этого типа вліянію татарскому и византійскому и отрицаютъ его туземное происхожденіе; но кто дѣйствительно всматривался въ стихіи народной жизни и знакомъ съ тою упругостью, которою отличается вообще всякая народность въ отношеніи

принятія чуждыхъ элементовъ, тотъ едва-ли согласится съ такимъ мнѣніемъ. Татарское вліяніе, собственно оно, могло только, и то при посредствѣ вѣдшихъ обстоятельствъ, ускорить развитіе этого типа, а не создать его: это доказываетъ, между прочимъ, медленная постепенность его развитія, которая идетъ шагъ за шагомъ и до Татаръ, и при Татарлахъ, и послѣ Татаръ, что характеризуетъ органическій процессъ, а не фактъ заимствованія или подражанія, который, при стеченіи извѣстныхъ обстоятельствъ, какихъ, впрочемъ, было немало, тотчасъ же развалился бы, еслибъ не нашелъ родственныхъ себѣ элементовъ въ жизни народа, въ народныхъ понятіяхъ и убѣжденіяхъ. Византійское же вліяніе было чисто научное, если можно его такъ обозначить; оно, посредствомъ знакомства съ библейскою и церковною исторіею и вообще съ ученіемъ церкви, помогло, и то уже въ XVI столѣтіи, возвысить этотъ типъ до отвлеченнаго понятія, до идеи царя. Притомъ, заимствованныя формы недолговѣчны и никогда не бываютъ крѣпки, особенно, если онѣ не соответствуютъ народнымъ элементамъ, какъ многіе думаютъ, говоря объ историческомъ значеніи Москвы. Нѣтъ, типъ государя, вотчинника и хозяина, есть типъ туземный, сложившійся органически, самъ-собою, изъ готовыхъ элементовъ народной жизни; онъ существовалъ сначала въ частномъ быту и потомъ, развившись въ политическое тѣло, охватилъ бытъ всего народа, ставъ его вершиною. Не должно забывать, что никакой другой оболочки не можетъ создать себѣ народный духъ, какъ именно такую, какая у него существуетъ и какая, слѣдовательно, отвѣчаетъ требованіямъ его природы и свойству его силъ. Все, что совершается въ механизмѣ этой оболочки, въ механизмѣ государства, все есть только продуктъ или потребность тѣхъ силъ и элементовъ, которыя господствуютъ въ самой жизни народа. Все неуродное этимъ элементамъ тотчасъ же

извергается или остается бездѣйствующимъ, не входитъ въ жизненное кругообращеніе организма и умираетъ. Если иной разъ механизмъ государства вдругъ оказывается вовсе несоответствующимъ дѣйствительнымъ требованіямъ и потребностямъ народа, если народъ на каждомъ шагѣ стремится обойти, миновать государственныя опредѣленія, впадаетъ на каждомъ шагѣ въ противорѣчіе съ закономъ, то это показываетъ только, что народная жизнь износила свои формы, раздобрѣла, если можно выразиться, и проситъ другихъ, болѣе широкихъ и, слѣдовательно, болѣе удобныхъ и покойныхъ формъ существованія. Какъ форма народнаго сознанія справедливости и правды, государство постоянно отражаетъ въ себѣ движеніе, развитіе народныхъ силъ и, слѣдовательно, постоянно измѣняетъ подробности своихъ опредѣленій и даже самый взглядъ на свое призваніе и назначеніе. Чтò нынче кажется справедливымъ, законнымъ, тò завтра уже принимается за вопіющую несправедливость и беззаконіе, и наоборотъ. Жизнь съ развитіемъ ежеминутно мѣняетъ свои воззрѣнія, восходя, высвобождаясь отъ непосредственныхъ узкихъ, эгоистическихъ ея опредѣленій къ полной и всесторонней свободѣ.

Словомъ, необходимо согласиться, что каково государство, таковъ и народъ, и каковъ народъ, таково и государство. Отдѣлять ихъ другъ отъ друга нельзя, если хотимъ имѣть правильный взглядъ на историческое развитіе народа. Общій характеръ государственнаго устройства всегда характеризуетъ свойство преобладающихъ элементовъ въ жизни народа, силу и ясность его сознанія, силу и ясность его понятій о правдѣ и справедливости.

Государство, какъ сознательная форма общественныхъ и личныхъ отношеній народа, измѣняется въ своихъ началахъ, принципахъ по мѣрѣ развитія народнаго сознанія; но за-то въ подробностяхъ своихъ опредѣленій, во всей своей механикѣ

оно часто дѣйствуетъ независимо, во имя независимой эгоистической личности, не въирая на то, какъ отнесется къ его опредѣленіямъ народная масса. Подробности своей формы оно иногда цѣлкомъ беретъ изчужа. Это всегда случается, когда освобождающаяся личность не находитъ въ туземной средѣ соответственныхъ формъ для новыхъ своихъ требованій, для опредѣленія новорожденныхъ понятій и отношеній. По этому пути возникла у насъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, можетъ-быть, чуждая до того времени народнымъ представленіямъ, обстановка царскаго достоинства, почитавшая своимъ идеаломъ попреимуществу типъ византійскій. По тому же пути велъ свои реформы и Петръ-Великій. Но какъ бы ни была произвольна въ этомъ отношеніи независимая личность, она все-таки неизбѣжно подчиняется общему сознанію и всегда становится безсильною, какъ-скоро это сознаніе не оправдываетъ ея дѣйствій и нововведеній. Государство принимаетъ въ себя только то, что свойственно его сущности. Такъ, напримеръ, указанный Петромъ майоратъ не былъ понятъ и принятъ русскою жизнью, что, разумѣется, очень хорошо; но рядомъ введена коллегіальность въ управленіе, которая точно также была непонята и до сихъ поръ еще хорошо не укрѣпилась въ нашихъ понятіяхъ и нравахъ, что, конечно, очень худо. То и другое, майоратъ и коллегіальность, не соответствовали нашимъ жизненнымъ элементамъ, были не въ духъ народа и потому существовали и существуютъ наиболѣе только стороною своей формы. Мы не говоримъ о множествѣ другихъ подобныхъ фактовъ. Такимъ образомъ народный организмъ неудержимо противится всякому чуждому, ему несвойственному элементу жизни и остается только при одной его формѣ, если она, наперекоръ, а главное по незначію его потребностей, будетъ ему навязана. Отсюда-то и выросло то неизмѣримое, ужасающее количество разнообраз-

ныхъ формъ и формальностей, въ которыхъ мы теперь существуемъ, наперекоръ смыслу и стихіямъ нашей да и всякой жизни. Чуждый элементъ тогда можетъ войти въ составъ органическихъ силъ народа, претвориться въ плоть и кровь народнаго организма, когда въ немъ окажутся родственныя народнымъ убѣжденіямъ и понятіямъ стихіи. Принятіе христіанства св. Владиміромъ было для того времени, въ историческомъ смыслѣ, такою же реформою жизни, какъ принятіе европейской общечеловѣческой гражданственности Петромъ Великимъ. Народный организмъ, пребывавшій въ язычествѣ, встрѣтился съ ученіемъ совершенно противоположнымъ и чуждымъ его жизненнымъ стихіямъ. Формально онъ подчинился новому ученію, а на дѣлѣ не по однімъ украинцамъ оставался *двувернымъ* и долго еще сохранялъ свое язычество, или по крайней мѣрѣ свою первобытную непосредственность. Да и теперь угасла ли совсѣмъ вѣра въ домоваго, водянаго, лѣшаго и т. п. Новая идея проникала въ народное сознание постепенно, развивалась органически и прежде всего была почувствована въ живыхъ образахъ, которые нашли себѣ родственную почву въ народномъ эпосѣ. Идея не могла перешагнуть первобытнаго эпического созерцанія и сначала облеклась въ его непосредственныя формы, которыя для большинства были яснѣе и понятнѣе символическихъ отвлеченностей, остающихся почти всегда однимъ только внѣшнимъ обрядомъ. Отвлеченнаго, духовнаго начала ученія народное разумѣніе, по своей неразвитости, неспособно было осмыслить и претворяло его факты въ эпическіе образы такъ называемыхъ духовныхъ стиховъ и легендъ. Въ нихъ-то народъ и выразилъ, на сколько и въ какой силѣ новыя идеи проникали въ его созерцаніе и сознание.

Говоря объ органическихъ процессахъ, которымъ подвергается всякая идея, входящая въ народный организмъ, или сама-собою развивающаяся въ немъ, мы не можемъ не при-

помнить здѣсь глубоко вѣрную характеристику этихъ жизненныхъ отправленій, представленную г. Кавелинымъ въ его классической статьѣ о книгѣ г. Терещенко. «Какъ живой организмъ (говоритъ авторъ) усвоиваетъ, уподобляетъ себѣ пищу и питье самыя разнородныя, превращаетъ ихъ въ свою плоть и кровь, какъ нравственная природа челоуѣка усваиваетъ виѣшнее, отчего одинъ и тотъ же предметъ производитъ разныя впечатлѣнїя на лице въ разное время и возрасты: такъ и цѣлый народъ. Подобно всякому живому существу, онъ на все смотритъ съ точки зрѣнїя обусловленной его характеромъ, исторїей, особенностями, историческимъ возрастомъ въ данную минуту. Всего, что виѣ этого опредѣленнаго круга его занятїй, виѣ окружающей его нравственной атмосферы, онъ не видитъ и не понимаетъ. Внесетъ ли исторїя новый элементъ, условїе въ народную жизнь, случай ли броситъ въ нее данное, выросшее на другой исторической почвѣ, плодъ другаго порядка вещей и понятїй, они или переѣлываются, или остаются тѣ же; но народъ соединяетъ съ ними другое понятїе, присущее ему; слѣдовательно, виѣшнїй образъ, или смыслъ ихъ—все-равно, становится другимъ, и принимая чужое, вводя въ себя постороннїе элементы, народъ остается собой и себѣ вѣренъ. Такъ сначала, и это иногда долго продолжается; потомъ начинается обратное дѣйствїе воспринятыхъ элементовъ и данныхъ на народный организмъ. Увеличивъ собою число фактовъ, изъ которыхъ слагается и около которыхъ вращается народная жизнь, умноживъ свѣдѣнїя народа, они, въ свою очередь, измѣняютъ народный организмъ; но это измѣненїе, обновленїе, перерожденїе его является естественнымъ, какъ-будто совершающимся изъ собственныхъ, внутреннихъ силъ народа; ибо дѣйствительно, все то, что его обогатило, увеличило его содержанїе, сначала было имъ усвоено, введено въ кругъ его понятїй.

«Насильственные, внезапные историческіе перевороты какъ-будто опровергаютъ то, что мы сказали. Но это только кажется. Они измѣняютъ одни вѣшнія условія человѣческаго общества и потому не въ силахъ вдругъ измѣнить народнаго организма. Оттого и плоды ихъ — добрые и злые, обозначаются, по времени, гораздо позже, когда новые факты успеваютъ совершить въ народной жизни свой обычный кругъ, какъ пища въ человѣческомъ тѣлѣ. Народы могутъ погибать вслѣдствіе враждебныхъ вліяній и внутреннихъ измѣненій — безспорно; но сущность дѣла отъ этого нисколько не измѣняется. И человѣкъ можетъ умереть отъ яда, что не опровергаетъ основной формулы его органическаго существованія. Бываетъ, что цѣлые народы стираются съ лица земли до единого человѣка; но это не возраженіе противъ общихъ непреложныхъ законовъ историческаго развитія. Мы старались опредѣлять формулу, по которой совершаются внутреннія измѣненія народнаго быта, живаго и живущаго, а не мертваго или умирающаго, въ которомъ нормаленъ только законъ смерти, а не законъ жизни.

«Единственный случай, когда вѣчная постепенность измѣненій народнаго быта и понятій нарушается, это при смѣшеніи двухъ или нѣсколькихъ разныхъ народовъ въ одинъ. Чѣмъ быстрее, насильственнѣе оно происходитъ, тѣмъ нарушеніе рѣзче; когда одно племя мало по малу поглощается другимъ, оно обнаруживается общимъ отклоненіемъ отъ начальнаго типа, новыми чертами, но послѣдовательность не прерывается. Впрочемъ, въ томъ и въ другомъ случаѣ изъ чуждыхъ народностей слагаются новые организмы, живущіе по тѣмъ же законамъ, и къ которымъ, слѣдовательно, приложимо все, что мы доселѣ сказали» *).

*) „Соч. Кавелина“, ч. IV, стр. 51.

Вникнувъ хорошенько въ эту вѣрную характеристику жизненныхъ процессовъ, которымъ подвергается народный организмъ, мы плохо уже станемъ понимать всѣ тѣ осужденія, какія время отъ времени слышатся въ литературѣ и въ повседневныхъ разговорахъ противъ реформы Петра, исказившаго будто-бы всю сущность народныхъ силъ. Народъ, вѣдь, не тѣсто, которое можно смять какъ угодно и напечь изъ него какихъ угодно пироговъ. Никакая крутая реформа, даже Петровская, не въ силахъ передѣлать народный организмъ по своей мѣркѣ, измѣнить сущность его жизненныхъ силъ. Всякая реформа даетъ только новый просторъ для ихъ дѣятельности, а тамъ уже время покажетъ, что возметъ въ себя организмъ, что введетъ онъ въ свои соки. Можно только ругаться, что все несродное организму будетъ отринуто и будетъ принято только то, что наиболѣе соответствуетъ степени его развитія. Говорять не будь Петра, мы могли бы развиться иначе, по какимъ-то кореннымъ русскимъ началамъ, которыя значительно потерты реформой, или даже и совсѣмъ стерты, и которыхъ, между нами сказать, никто еще хорошо себѣ не уяснилъ. Но необходимо же согласиться, что въ народной жизни, въ народномъ развитіи коренное начало одно, къ которому неудержимо несется вся исторія человѣка, по крайней мѣрѣ на европейской почвѣ, просвѣтлѣнной христіанскими идеями—это начало: полное, всестороннее развитіе личности соответственно требованіямъ ея природы. Для насъ это коренное начало стало яснѣе, осуществленіе его сдѣлалось возможно только со времени реформы, со времени приобщенія насъ къ интересамъ общечеловѣческой жизни. Не въ томъ сила, какая форма жизни сдѣлалась преобладающею, и почему не та именно, а другая, вовсе не отвѣчающая нашимъ слегка построеннымъ воззрѣніямъ; форма никогда не была дѣломъ одного лица, а напротивъ, она всегда

и вездѣ была органическимъ воплощеніемъ народнаго сознанія. Народъ оправдываетъ ея преобладаніе, ея существованіе, потому что въ немъ самомъ, въ его единичной жизни двигаются тѣ же элементы, что общая форма есть только воспроизведеніе частной единичной формы, въ которую складывается народная жизнь. Вообще говоря, не въ томъ сила, въ какой формѣ осуществилась степень народнаго сознанія, а въ томъ, какая форма быстрее и ближе ведетъ къ цѣли, то-есть, къ полному сохраненію человѣческихъ правъ...

Итакъ давно призвано, что государство есть механизмъ, форма, выражающая степень народнаго сознанія о правдѣ своихъ общественныхъ и личныхъ отношеній, есть воплощеніе сознанной правды. За эту-то форму попреимуществу слѣдила и даже до сихъ поръ слѣдитъ исторія, рѣдко обращаясь къ внутреннему содержанію этой формы, собственно къ жизни организма. Но первый серьезный шагъ къ такому обращенію далъ возможность тотчасъ же усмотрѣть, что государство только обозначаетъ движеніе жизни, но не раскрываетъ всѣхъ ея подробностей; что помимо государства существуетъ дѣятель сильнѣе его, существуетъ самостоятельно, дѣйствуетъ независимо отъ опредѣленій государства. Это — общество народа. Общество есть главный, видимый дѣятель народнаго сознанія. Это сознательная сторона, сознательная сила народнаго духа, проявляемая въ элементахъ образованности и вообще въ элементахъ умственной дѣятельности народа. Общество и государство дѣйствуютъ взаимно другъ на друга съ первой минуты своего зарожденія и до послѣдняго разложенія народнаго организма; даютъ другъ другу новыя силы, новыя начала жизни, развиваемыя жизненно обществомъ и опредѣляемыя государствомъ. Коренное начало жизни общества, коренное начало его самодѣтельности, есть развитіе понятій о достоинствѣ человѣческой личности, о достоинствѣ че-

ловѣка, какъ конечной цѣли народнаго развитія. Полная свобода человѣческой личности, глубокое уваженіе къ достоинству человека, какъ человека, совершенство человѣческой личности, чело- вѣчность — вотъ идеалъ, исходная точка и конечная цѣль жизни и развитія общества. Понятно, что оно стремится сбросить все внѣшнія отлички людей, высвободить лице человека изъ-подъ маски внѣшнихъ, случайныхъ, несущественныхъ распределеній и опредѣленій. Общество равняетъ людей во имя идеи чело- вѣчности. Какъ сознательная, мыслящая среда, оно есть живая совокупность такъ-называемыхъ мыслящихъ людей, гдѣ бы они ни жили, къ какимъ бы сословнымъ и служеб- нымъ распределеніямъ ни принадлежали. Каждый мысля- щій человекъ, какъ наиболее освобожденная личность, есть достойный органъ общества. Онъ воспитывается его мыслию, его идеями и, въ свой чередъ, питаетъ общественную мысль своею единичною силою мысли, вноситъ въ организмъ обще- ственныхъ идей личное ихъ пониманіе и развитіе.

Народная масса живетъ наиболее чувствомъ, представле- ніями непосредственной впечатлительности; общество — мы- слию, отвлеченіями. Народъ — человекъ *темный*, какъ онъ и разумѣетъ себя. Общество есть *свѣтъ*, *міръ* — слова, въ отвлеченіи опредѣляющія глубокую сущность общества. Видимая сила, въ которой выражается дѣятельность общества, называется обыкновенно *общественнымъ мнѣніемъ*. Этою силою общество возобновляетъ и передѣлываетъ обветшалыя формы своего существованія, оправдываетъ, поддерживаетъ все родственное или отвергаетъ и гонитъ все чуждое его по- ниманію и убѣжденіямъ. Само собою разумѣется, что разви- тіе, возрастаніе общества идетъ тѣми же постепенными ша- гами органической жизни, какъ и развитіе народа, а потому и указанная нами жизненные начала общества являются не вдругъ, а вырабатываются и выясняются въ его сознаниіи вмѣ-

ствѣ съ общиннѣ движеніемъ жизни. Еслибъ удачно было сравненіе, то мы сравнили бы народный организмъ съ животнымъ организмомъ. Общество—голова, умъ, сознаніе; народъ—тѣло, какъ совокупность матеріальныхъ элементовъ жизни; поэтому его дѣйствія есть по преимуществу дѣйствія чувства; государство—тѣлесная форма, внѣшній порядокъ и строй, въ какомъ эти элементы расположились. Все это существуетъ нераздѣльно, въ самой тѣсной зависимости другъ отъ друга и составляетъ то, что мы разумѣемъ подъ словомъ народный организмъ. При этомъ необходимо замѣтить, что народное тѣло, совсѣмъ не то, что государственное тѣло. Народомъ нельзя называть этнографическую совокупность разныхъ инородныхъ племенъ, хотя бѣ они и принадлежали къ единству государственному. Народъ есть живая единица, сознающая жизненно, а не механически, то есть административно, свое единство, свою цѣльность. Совокупность даже родственныхъ племенъ не составляетъ еще народа; ибо племена, хотя бы и родственныя по языку и происхожденію, не могутъ признавать своего единства вслѣдствіе того начала, которымъ они живутъ и держатся. Родъ, какъ начало племеннаго развитія, въ самомъ себѣ носитъ стремленіе къ эгонистической особности и увлекаетъ къ особности все племя, которое въ сущности есть тотъ же родъ многовѣтвистый. «Живаху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ; владѣюще кожде родомъ своимъ...» — вотъ вѣрная, хотя и короткая характеристика племеннаго быта, записанная въ то время, когда свѣжа еще была память объ этомъ бытѣ. Для того чтобъ могъ возникнуть организмъ народный, одного чистаго элемента племенной патриархальной непосредственности, кровной связи, еще недостаточно: необходимо, чтобъ родственныя племена почувствовали свое единство не по крови, а по идеѣ, стало-быть, необходимо, чтобъ въ ихъ жизни возникла идея подѣ

видомъ одного для всѣхъ племенъ *общаю дѣла*, одного общаго положенія жизни. Такимъ общимъ дѣломъ въ историческомъ развитіи прежде всего является *общая правда*, въ формѣ государственнаго начала, тѣ третье моральное лице, къ которому всегда приходитъ несостоятельность племеннаго хотя бы и общиннаго быта, ища примиренія враждующихъ элементовъ своей родовой особности. Въ идеѣ *общей правды* лежитъ зачатіе народнаго организма, какъ общества. Это точка, отъ которой начинается органическое движеніе народнаго духа; какъ скоро племена соединяются во имя общей правды, начинается возникать нѣчто особое, *общее*, не принадлежащее исключительно ни тому, ни другому племени; это общее и становится потомъ народнымъ тѣломъ. Въ какой формѣ воплощается идея общей правды—это уже зависитъ отъ характера и свойства господствующихъ элементовъ въ жизни народа и отъ первоначальныхъ формъ, въ которыхъ выраждались эти элементы.

Въ предъидущемъ мы желали по возможности указать, что непосредственная задача исторіи должна заключаться въ томъ, чтобъ «выяснить типическія черты народной жизни, понять народъ какъ живую единицу, возсоздать народную личность въ живомъ, цѣльномъ образѣ, который метался бы въ глаза на каждой страницѣ историческаго повѣствованія. Но народная, общая жизнь слагается изъ единичной, частной; слѣдовательно, чтобъ возсоздать народный типъ, необходимо хорошо ознакомиться съ жизнью единичною, съ типами индивидуальными. Если обработка исторіи не удовлетворяетъ теперешнихъ нашихъ требованій и несетъ, можетъ-быть, заслуженные укоры въ слишкомъ казенномъ складѣ своихъ изслѣ-

дованій и самого изложенія, то обработка древностей, изслѣдованіе и изъясненіе прожитой единичной жизни, на что по преимуществу долженъ опираться историкъ, представляетъ совершенный хаосъ. Трудно найдтись въ этомъ безбрежномъ морѣ-океанѣ самыхъ разнородныхъ и разнообразныхъ мелкихъ и мелочныхъ фактовъ, указаній, свѣдѣній, изслѣдованій, описаній, статей и статейекъ, немнѣющихся между собою и малѣйшей связи, ничего единого, отъ котораго они шли бы, какъ радіусы отъ центра; все разсыпается въ вашихъ рукахъ какъ песокъ. Существуетъ, однакожъ, цѣлая наука, именуемая археологією, «Наука Древностей», хотя, сказать по правдѣ, она существуетъ болѣе въ воображеніи, въ отвлеченіи, чѣмъ на-самомъ-дѣлѣ. Имя ея очень часто употребляется, но никто не скажетъ, въ чемъ главная ея задача и какъ обширна ея область. Теперь подъ именемъ археологіи — по крайней мѣрѣ у насъ — не разумѣютъ уже болѣе, и весьма справедливо, исторію искусствъ по преимуществу классическаго міра. Съ этимъ смысломъ археологія остается еще на Западѣ: тамъ она въ дѣйствительности имѣетъ научное значеніе. Были попытки назвать археологією и нашу исторію художествъ; но эти попытки приводили только на память одинъ замысловатый полтипажъ, который изображалъ русскую избу съ громаднымъ и весьма изящнымъ греческимъ порталомъ, стоявшимъ снередине. Здравый смыслъ показывалъ, что исторію нашихъ художествъ, простирая ее даже до старинныхъ желѣзныхъ гвоздей, вмѣстити въ научныя рамы нѣтъ никакой возможности. Ученые стали употреблять это слово «археологія», «археологическій», безъ разбора, обозначая имъ всякій фактъ неисторическій, относящійся вообще къ такъ-называемымъ древностямъ. Русская археологія, акты археологическіе, памятники археологическіе, археологическое общество, археологическая комиссія и т. д. — все это слова, весьма разли-

чно объясняющія, въ чемъ дѣло. Стоить только перебрать всѣ случаи, въ которыхъ является слово «археологическій», чтобъ вполне убѣдиться въ совершеннѣйшемъ отсутствіи во всей массѣ свѣдѣній, обозначаемыхъ этимъ словомъ, одного общаго центра, общей единой связи, которая условливаетъ существованіе всякой науки. Напротивъ, здѣсь каждая частица стремится къ особенности, ставитъ себя центромъ изученія безъ всякой связи съ остальными и весьма часто претендуетъ даже на нѣя отдельной самостоятельной науки. Между тѣмъ простое, кажется, дѣло: о чемъ именно свидѣтельствуетъ каждый памятникъ именуемый археологическимъ, то-есть каждая крупная и мелкая мелочь, частность древняго быта? О жизни народа или, опредѣлительнѣе, о жизни человѣка вообще, ибо археологическія свидѣтельства и памятники потому и считаются мелочью и неслишкомъ охотно допускаются на страницы исторіи, что они суть свидѣтельства о жизни не народа собственно, а мелкихъ единицъ, составляющихъ народное тѣло, то-есть вообще людей. Они прежде всего свидѣтельства о томъ какъ жилъ, каковъ былъ единичный человѣкъ въ известную эпоху, а не о томъ какъ жилъ, каковъ былъ народъ, ибо для свидѣтельства, которое должно выяснить жизнь народа, нуженъ совсѣмъ другой вѣсъ и объемъ. Такимъ свидѣтельствомъ можетъ быть только самъ единичный типъ во всей полнотѣ своей единичной жизни; и чтобъ узнать, какъ жилъ народъ, необходимо прежде узнать, какъ жили люди, какъ жилъ отдельный человѣкъ. Всѣ болѣе или менѣе частныя, мелкія указанія о жизни людей, начиная съ внѣшней обстановки и оканчивая ихъ вѣрованіями и убѣжденіями, не даютъ еще прямаго непосредственнаго свидѣтельства о жизни народа. Вѣрованія отдельнаго лица, отдельнаго разряда лицъ не есть еще вѣрованія народа такъ же точно, какъ домашній бытъ того или другаго лица, того или другаго по-

ряда лицъ, не есть еще домашній бытъ народа. Такія указанія и свидѣтельства выясняютъ только единичную жизнь данной эпохи, которая, единичная жизнь эпохи, въ свою очередь, должна служить матеріаломъ для выясненій общей жизни, жизни народа. Чѣмъ яснѣе, подробнѣе обработана единичная жизнь, тѣмъ яснѣе и полнѣе становится и общій ликъ народа.

Само-собою разумѣется, что кому же принять на себя изслѣдованіе, изученіе, изображеніе единичной жизни, какъ не наукъ древностей, археологій, въ область которой теперь относится все, что остается отъ прожитой жизни человѣка, начиная съ обломковъ его домашней утвари и восходя до обломковъ его міросозерцанія.

Наука древностей попреимуществу имѣетъ дѣло только съ обломками, остатками, развалинами и не одними монументальными, вещественными, какъ ее обыкновенно понимаютъ, а вообще съ обломками и развалинами жизни человѣка, въ какомъ бы видѣ и въ какой бы формѣ они не встрѣтились. Среди такихъ обломковъ и развалинъ она и отыскиваетъ полноту единичной, индивидуальной жизни. Въ этомъ смыслѣ нѣтъ такого мелкаго памятника, такого мельчайшаго свидѣтельства, которые не были бы для нея важны и поучительны. Здѣсь всякая тонкая черточка идетъ въ дѣло, потому-что для изображенія мелкихъ единицъ нужны тонкія и мелкія черты. Словомъ, задача археологій — жизнь и бытъ человѣка, какъ отдѣльной единицы. Какъ жилъ, каковъ былъ человѣкъ въ ту или другую эпоху—вотъ существенные и прямые ея вопросы, на которые и должны отвѣчать всѣ ея изысканія. Всѣ, по-видимому, самостоятельные отдѣлы археологическаго знанія, какъ, напримѣръ, исторія искусствъ, и т. п. въ результатѣ своихъ изысканій, изслѣдованій и своего ученія все-таки встрѣчаются съ единымъ узломъ всякаго знанія и всякой

науки—съ человѣкомъ или въ его единичной жизни, или въ общей, народной, основныя начала которой и стараются себѣ уяснить. Все, что прожито человѣкомъ въ теченіе тысячелѣтій, что осталось отъ него, служить разъясненіемъ только его самого, его силъ, существенныхъ сторонъ его духовной и матеріальной природы. Какъ скоро въ своихъ изслѣдованіяхъ частныхъ, единичнаго, археологія восходитъ до выясненія цѣльныхъ типовъ, до опредѣленія единыхъ общихъ условій человѣческой жизни, до раскрытія общей силы человѣческой природы; результаты ея тотчасъ же цѣлкомъ поступаютъ въ собственность исторіи, и здѣсь-то ея изслѣдованіе течетъ уже однимъ общимъ русломъ съ исторіею; ея задача оканчивается и начинается задача исторіи, заключающаяся въ томъ, чтобъ представить, на основаніи общихъ выводовъ, общихъ очертаній частнаго, единый ликъ общей жизни, жизни всего народа.

Само-собою разумѣется, что въ археологін, какъ и въ исторіи, прежде всего предстоитъ разработка внѣшней обстановки, внѣшнихъ явленій и положеній быта. Какъ въ исторіи государство съ его устройствомъ и его дѣлами, этотъ *образъ жизни* народа, какъ цѣлаго, бросается прежде всего въ глаза и прежде всего описывается и изображается, такъ точно и въ археологін: образъ жизни отдѣльнаго человѣка въ данную эпоху или, вообще, образъ жизни людей той эпохи становится ближайшею задачею изслѣдователя по самому уже количеству и качеству сохранившихся матеріаловъ. Впрочемъ, и безъ того это самый прямой, вѣрный и естественный путь для постепеннаго и всесторонняго раскрытія дѣйствующихъ силъ народной жизни. Изслѣдованіе внѣшней обстановки, внѣшняго порядка жизни, само-собою укажетъ, на чемъ стоялъ человѣкъ относительно своихъ понятій, вѣрованій, убѣжденій, вкусовъ и нравственныхъ потребностей, какой духъ господствовалъ въ ту эпоху, ка-

кая мысль и какіе идеалы руководили дѣйствіями и дѣлами людей. И въ этомъ случаѣ, какъ мы уже замѣтили, нельзя ничѣмъ пренебрегать, никакою мелкою и мелочною микроскопическою чертою, потому-что, для уясненія жизни, знаніе ея мелочей необходимое всего; это — почва, на которой и изъ которой произрастаютъ всѣ видныя и крупныя явленія жизни, всѣ такъ называемыя великія событія, и на этой же только почвѣ возможно возведеніе историческаго и археологическаго изученія и изслѣдованія въ живые образы, законченные типы; чтó конечно и составляетъ вѣнецъ науки. Если для живой, дышущей хараткеристики современныхъ намъ типовъ художникъ прямо беретъ за виѣшнюю мелочную ихъ обстановку и щедро разсыпаетъ вокругъ ихъ домашнія бытовыя мелочи, всегда придающія особенную выпуклость или, говоря стариннымъ словомъ, особенное *живство* изображаемымъ лицамъ и картинамъ, то подобныя краски еще необходимое для изображеній древности. Если типы Собакевича или Маннилова, Ноздрева, Коробочки, Плюшкина и т. д. несравненно ярче, выпуклѣе, пластичнѣе выйдутъ посреди той обстановки, въ какой каждый изъ нихъ живетъ, которая создалась какъ-бы органически, какъ слѣдствіе ихъ задушевныхъ вкусовъ, стремленій, желаній, убѣжденій, привычекъ и т. д. слѣдовательно представляетъ въ сущности осязательное выраженіе духовнаго ихъ развитія, такъ-что каждый предметъ ихъ обстановки, каждый стулъ съ полною внутреннею правдою можетъ говорить «и я тоже Собакевичъ», или «и я тоже очень похожъ на Собакевича», если таково значеніе и таковъ смыслъ пріобрѣтаетъ въ рукахъ художника виѣшняя обстановка, то изображеніе этой обстановки, всей мелочной житейской среды въ историческихъ и археологическихъ картинахъ и хараткеристикахъ пріобрѣтаетъ еще большую важность и несравненно большее значеніе. Современные намъ типы и вся ихъ об-

становка болѣе или менѣе намъ знакомы; мы сами живемъ въ этой средѣ, мы *знаемъ* ее, помимо изученій и изслѣдованій. Художественное ея воспроизведеніе переводитъ насъ только въ высшую сферу знанія, въ сознательное пониманіе этой среды. Въ изображеніяхъ современной дѣйствительности весьма многое для насъ ясно, помимо всѣхъ описаній. Стоитъ только назвать предметъ—и онъ рисуется уже въ нашемъ воображеніи со всѣми подробностями своей обстановки, даже со всѣми общими характерными своими чертами. Чиновникъ, помѣщикъ, купецъ, солдатъ, мастеровой и т. д. — со всѣми такими словами связано у насъ болѣе или менѣе отчетливое понятіе о томъ, что они значатъ, возникаетъ живой образъ, сложившійся въ нашемъ воображеніи самъ-собою, отъ постоянного знакомства, такъ-сказать, сожитія съ этими людьми. Здѣсь комментаріи и разныя объяснительныя примѣчанія вовсе невужны: дѣло разумѣется само-собою. Другое дѣло, если знакомая намъ среда отживаетъ свое время, гаснетъ: тогда понеобходимости мы прибѣгаемъ къ изученію, къ научнымъ толкованіямъ и поясненіямъ. Типы Гоголя пока еще ясны для насъ какъ день; мы съ ними живемъ и, мало того, носимъ ихъ въ себѣ, ибо во многомъ они изображаютъ насъ самихъ, между-тѣмъ, какъ типы Фонвизина требуютъ уже комментарія, хотя въ свое время были также всѣмъ понятны и своею ясностью всѣхъ приводили въ восторгъ. Жизнь идетъ, впередъ ли, назадъ ли, какъ думаютъ нѣкоторые, но она по-крайней-мѣрѣ не стоитъ на одномъ мѣстѣ, идетъ, движется, какъ самая земля, и уноситъ съ собою всѣ живыя формы и воплощенія своихъ силъ. Что нынѣ имѣло мѣсто въ ея общемъ движеніи, было непосредственнымъ матеріаломъ самой жизни, то завтра гаснетъ и переходитъ въ область отвлеченностей, становится матеріаломъ для исторіи или археологіи, вообще матеріаломъ знанія. Оттого такъ труд-

но намъ связать какое нибудь живое понятіе съ именами, напр. древняго русскаго князя, боярина, дьяка, боярскаго сына, торговаго человѣка — гостя, посадскаго и т. д. Все это политѣйшіе іероглифы для нашего воображенія, надъ которыми нужно еще много и долго поработать, чтобъ добиться въ нихъ смысла, раскрыть въ нихъ живую душу.

И что жь непосредственно вводитъ насъ въ этотъ угасшій міръ, гдѣ все спуталось, переплелось, стерлось и, главное, утратило запахъ жизни, если можно такъ выразиться, стало все какинь-то безразличнымъ отвлеченіемъ? Остатки и обломки внѣшней, повседневной, мелочной обстановки, въ которой болѣе, чѣмъ гдѣ-либо чувствуется прикосновеніе угасшей жизни, наконецъ *оживое* слово, записанное обыкновенно также по поводу мелкихъ повседневныхъ людскихъ отношеній, мелкихъ дѣлъ текущаго дня. Мы уже указали важное значеніе тѣхъ именно юридическихъ и домашнихъ актовъ, въ которыхъ записаны живыя дѣла людей, связь и столкновенія живыхъ людскихъ отношеній. Кому незнакомо то живое впечатлѣніе, какое испытываешь при первомъ взглядѣ на какой-либо предметъ отжившаго быта? Прапрадѣдовскій кафтанъ, мебель, посуда и всякая вещь дѣдовскаго домашняго обихода скорѣе переносятъ вашу мысль въ среду старой дѣйствительности, чѣмъ всѣ *книжныя* сказанія и писанія. Понятно послѣ того, какое значеніе для археологій, то-есть для выясненія единичной жизни прошедшаго, должна имѣть всякая мелочь стариннаго житья-бытья. Понятно также, что самый разсказъ исторіи никогда не будетъ живъ и ясенъ безъ предварительнаго *археологическаго* изображенія всѣхъ сторонъ той дѣйствительности, о событіяхъ и лицахъ которой историкъ начинаетъ свое повѣствованіе. Прежде чѣмъ начинать это повѣствованіе, онъ долженъ представить возможно-полную характеристику частной единичной жизни вѣка, въ

среды которой выходили лица и неслись событія. Онъ долженъ поступать совершенно наоборотъ противъ теперешняго затверженнаго приѣма въ историческомъ изложеніи, гдѣ глава о внутреннемъ состояніи общества какъ-бы прячется взадъ, какъ всякій скарбъ и хламъ, долженствующій оставаться въ обозѣ или храниться въ отдаленной кладовой, ибо неизвестно, понадобится ли онъ въ дѣло или нѣтъ. Если общая жизнь возникаетъ изъ частной единичной, ею создается и питается, то естественно желать, чтобъ изображенію каждой эпохи предшествовало изображеніе всѣхъ частныхъ, изъ которыхъ складывалась и связывалась жизнь отдѣльнаго лица, изображеніе домашняго быта, нравовъ вѣка, господствующихъ понятій и взглядовъ, направленій мысли и чувства и практическихъ воплощеній того и другаго—словомъ, изображеніе всего того, въ чемъ единичная жизнь выражалась, какъ единица жила и какова была. На этомъ только фонѣ и возможно живописать событія и дѣла великой народной личности. Единичная жизнь должна служить колоритомъ, освѣщеніемъ общей жизни народа. И какъ ясны и понятны будутъ тогда многія мудренныя загадки исторіи! съ какою выпуклостью выступить тогда каждая, даже мелкая черта народнаго лица.

И такъ *мелочь* жизни, все частное, выясняющее единичный ликъ человѣка, индивидуумъ, какъ говорятъ, составляетъ главнѣйшій предметъ археологическаго изученія и изысканія. Какой же системы, какого порядка мы должны держаться въ распредѣленіи, разборкѣ и обработкѣ всей этой неизмѣримой массы мелочей и частныхъ, какія оставлены намъ старою жизнью? Должны ли мы въ своихъ изысканіяхъ вращаться около одного общаго центра, около одной общей цѣли или, какъ теперь, каждый отдѣлъ археологическихъ свѣдѣній будетъ служить самъ себѣ цѣлью, нисколько не подозревая, съ своей стороны, общей жизненной связи съ

другими таковыми же отдѣлами? Конечно, ученая обработка, какого бы то ни было предмета, по естественной причинѣ ставитъ себѣ цѣлью и центромъ избранный для разрѣшенія вопросъ. Но научный вопросъ въ отношеніи къ общей задачѣ есть частность, которая никогда и никакъ не выясняется безъ постоянного соотношенія ея къ общей, единой цѣли науки. Вотъ это-то по бѣльшей части и забываютъ изслѣдователи древностей и каждый избранный вопросъ или отдѣлъ археологическихъ свѣдѣній рассматриваютъ какъ особую какую-то науку, вовсе забывая, что поставленіе частнаго вопроса цѣлью изслѣдованія есть только обыкновенный способъ ученой обработки предмета. Въ настоящее время, при неизвѣрномъ накопленіи археологическаго матеріала, археологическое изысканіе по необходимости раздробилось на нѣсколько независимыхъ, по видимому, самостоятельныхъ отдѣловъ, которые нерѣдко именуется даже науками и самостоятельность которыхъ опирается главнымъ образомъ или на случайномъ накопленіи и богатствѣ сохранившихся свѣдѣній, или же на случайно возбужденной потребности знать ту или другую сторону древняго быта. Такъ къ числу вспомогательныхъ наукъ исторіи относились генеалогія, геральдика, нумизматика—отдѣлы свѣдѣній чисто дворянскаго аристократическаго происхожденія, явившіеся и приведенные въ систему гораздо прежде другихъ археологическихъ знаній, вслѣдствіе господства въ средневѣковомъ обществѣ дворянскихъ, феодальныхъ идей и потребностей. Обработкѣ ихъ посвящено было много рукъ, написавшихъ многіе томы описаній и изслѣдованій, представившихъ самые скудные результаты и для исторіи и для археологій, особенно со стороны теперешнихъ ихъ требованій и запросовъ. Прискорбиѣ всего, что каждая такая специальность археологической обработки стремится всегда замкнуть свой вопросъ въ самой себѣ безъ всякаго соот-

ношенія къ другимъ родственнымъ вопросамъ и специальностямъ. Съ одной стороны, это даетъ много средствъ для самой мелочной обработки вопроса, а съ другой, отъ его замкнутости суживается и, можно сказать, тупѣетъ взглядъ изслѣдователя; онъ теряетъ живое пониманіе общей связи всѣхъ отдѣльных, дробныхъ частей науки, словомъ — теряетъ живую душу науки и разсматриваетъ свой вопросъ какъ анатомическій препаратъ. Не надо забывать, что конецъ концовъ, общее средоточіе археологическаго знанія и изученія древности есть все-таки главный ея дѣятель, производитель всего, что мы относимъ въ область древностей — самъ человѣкъ въ своей частной, особой, личной жизни. Следовательно, въ каждомъ отдѣлѣ археологическихъ свѣдѣній, въ каждой самостоятельной части археологическаго изученія впереди всего, или въ серединѣ всего, должно стоять его лице, его единичный образъ. Самостоятельность каждой части археологическаго изученія должна опредѣляться не относительно и случайною полнотою собранныхъ фактовъ, не внѣшнюю, хотя бы и стройною системою ихъ распредѣленія, а внутреннимъ смысломъ, возникающимъ изъ ихъ совокупнаго изученія и выясняющимъ угасшія ликъ человѣка, нравственный, духовный или бытовой, матеріальный. Такъ въ исторіи искусства, на примѣръ, хоть въ исторіи зодчества недостаточно описать памятники исторически и технически, распредѣлить ихъ по вѣкамъ, указать происхожденіе ихъ стилиа и его зависимость отъ чужеземныхъ образцовъ и т. д. Все это составляетъ лишь внѣшнюю сторону задачи такого изслѣдованія, трудъ первоначальный, приготовительный, заключающійся собственно только въ собраніи фактовъ и опредѣленіи ихъ научнаго значенія, такъ сказать научной цѣнности. Въ изученіи памятниковъ зодчества необходимо и существенно все выяснить, съ одной стороны, если оно церковное, религіозную думу и

созерцаніе съ его символизмомъ, затѣмъ развитіе творческихъ художественныхъ силъ народа, развитіе эстетической стихіи его духа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и людскія, частныя понятія даннаго времени о художественной красотѣ и изяществѣ, понятія великолѣпія, роскоши или вообще *удивленія*, говоря древнимъ словомъ, въ которомъ заключается смыслъ всѣхъ предъидущихъ словъ. Необходимо раскрыть, въ чемъ находилъ человекъ красоту, отчего приходилъ онъ въ эстетическій восторгъ, что радовало и удивляло его глазъ, какія линіи и очертанія были, такъ-сказать, родовыми, основными въ его художественныхъ представленіяхъ и вкусахъ. Въ такомъ изслѣдованіи мы неизбежно раскроемъ и русскій стиль и русскій вкусъ въ его типическихъ чертахъ. Мы увидимъ, что, несмотря на преобладаніе иноземныхъ образцовъ, несмотря на рабское имъ подражаніе, русское зодчество — церковное и гражданское — сохранило, и въ значительной степени, силу замышленія и вкуса чисто народнаго, оригинальнаго. Если для каменныхъ построекъ, по преимуществу церковныхъ, мы имѣли чужіе образцы, узаконенные для подражанія даже церковными постановленіями, то въ постройкахъ деревянныхъ, и особенно гражданскихъ, русское искусство пользовалось совершенною свободою и съ теченіемъ времени выработало свой оригинальный, весьма узорочный стиль, который внесень былъ и въ каменное зодчество и особенно выразился въ памятникахъ XVI столѣтія. Московскій Покровскій соборъ (Василій Блаженный) есть самый характеристическій образецъ этого стиля, вмѣстѣ съ множествомъ другихъ московскихъ, а преимущественно подмосковныхъ церквей, строенныхъ въ одно съ нимъ время. Подобнымъ же образцомъ этого стиля въ гражданскихъ памятникахъ можетъ служить Коломенскій дворецъ царя Алексѣя Михайловича, сохраненный въ рисункахъ.

Вообще, въ исторіи художествъ, принимая это слово въ древнѣйшій смыслѣ, то есть въ смыслѣ всякаго мастерства и ремесла, мы можемъ и должны раскрыть степень замышленія и вкуса, вообще степень изящнаго, какою обладалъ человѣкъ въ известную эпоху и которая обыкновенно отражается на всѣхъ мелочахъ его домашняго обихода. Простая вещь, на примѣръ, домашняя посуда, какой-нибудь глиняный кувшинъ или поваренный горшокъ, эти пошлѣйшія по видимому вещи, многому могутъ научить насъ въ нашихъ поискахъ. Они точно такъ же, какъ и вся окружающая обстановка человѣка, какъ бы она мелка ни была, отражаютъ въ себѣ его эстетическія потребности и есть созданіе его творческихъ художественныхъ и умственныхъ силъ, запечатлѣваемыхъ каждою линіею, каждою формою и фигурою какой-либо утвари. Еслибъ кому пришло въ голову, вмѣсто праздныхъ разглагольствій о народности подарить истинныхъ почитателей народности и исторію описаніемъ и изображеніемъ въ рисункахъ разной домашней глиняной и деревянной посуды и утвари, употребляемой по разнымъ краямъ русской земли — какую бы прекрасную услугу оказалъ такой дѣятель! И здѣсь, въ этихъ очеркахъ домашнихъ мелочей, наука успѣла бы раскрыть существенныя черты и различія въ духовномъ образѣ того или другаго племени. Не говоримъ о *костюмѣ*, объ одеждѣ, особенно женской, въ которой еще виднѣе отражаются эстетическіе вкусы и своеобразныя понятія изящнаго, красиваго. Узоры вышиванья и бранья, которыми до сихъ поръ украшаются женскія и мужскія сорочки, появы, фаты, полотенцы и разныя другія принадлежности простонароднаго туалета, собранныя въ рисункахъ, могли бы раскрыть не только общія основы чисто русскаго народнаго вкуса и его видоизмѣненія по отношенію къ разнымъ мѣстностямъ и, стало-быть, племенамъ — но показали бы также глу-

бокую древность своего происхожденія и совершенную однородность съ орнаментикомъ всѣхъ древнихъ памятниковъ русскаго искусства, слѣдовательно показали бы, что народный бытъ въ глубинѣ своихъ жизненныхъ элементовъ не слишкомъ скоро и легко поддается нововведеніямъ и разнымъ чужеземнымъ вліяніямъ.

Такъ каждый предметъ народнаго быта можетъ служить самостоятельнымъ вопросомъ для археологическаго изслѣдованія и изученія и, исторія какой-либо мелочи можетъ быть такъ же интересна и поучительна, какъ и исторія всего крупнаго и важнаго. Снесенныя вмѣстѣ, и крупное (крупное только по привычкѣ такъ понимать вещи) и мелкое другъ друга дополняютъ, поясняютъ и даютъ болѣе широкую возможность возсоздать угасшую дѣйствительность. Но тамъ и здѣсь весь интересъ сосредоточивается все-таки на самомъ человѣкѣ, или въ его единичности, или въ его общемъ, въ живомъ организмѣ дѣлаго народа. Это главное лице, непосредственный герой той драмы, которая именуется жизнью и для которой вещественные памятники, предлагаемые для изслѣдованія, служатъ только внѣшними, матеріальными условіями.

Если это такъ, то система, строй и порядокъ, въ какомъ должно вести археологическое изученіе, кроется въ основахъ самой жизни человѣка, въ условіяхъ матеріальнаго, физическаго его существованія и въ духовныхъ отправленияхъ его природы. Не по внѣшнимъ вопросамъ о той или другой сторонѣ, о томъ или другомъ предметѣ древняго быта, мы должны расположить археологическое знаніе, а по внутреннимъ явленіямъ жизненныхъ силъ человѣка — творца своей дѣйствительности, — слѣдовательно основа археологической системы должна искать свою твердую опору въ психологій; по крайней мѣрѣ изъ этого источника она должна почерпнуть ту простоту и ясность въ опредѣленіи и построеніи порядка въ сво-

РУССКАЯ АРХЕОЛОГІЯ.

*Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археоло-
гической Императорскаго Археологическаго Общества.
Томъ первый. Спб. 1851.*

Императорское Археологическое Общество въ послѣднее время, «для бѣльшаго успѣха въ ученыхъ работахъ гг. членовъ», раздѣлило труды свои на три отдѣла: Отдѣлъ Русской «и Славянской Археологической, Отдѣлъ Восточной Археологической и «Отдѣлъ Древней и Западной Археологической». Дѣятельность Русскаго Отдѣленія, какъ и слѣдовало ожидать, судя по господствующей у насъ любви къ русскимъ древностямъ и исторіи, не замедлила представить весьма значительные результаты въ «Запискахъ», независимо отъ прежнихъ изданій общества. Первый томъ «Записокъ», прекрасно изданный, представляетъ во многихъ отношеніяхъ весьма важное и интересное приобрѣтеніе нашей археологической литературы за послѣднее время. Весь онъ заключается собственно въ матеріалахъ, которые большею частью любопытны и важны для науки и передаются или въ своемъ первоначальномъ, такъ-сказать сыромъ видѣ, каковы, напримѣръ, памятники письменные, или представляются въ обзореніяхъ, указаніяхъ, и замѣткахъ, каковы памятники вещественные. Къ этому послѣднему разряду матеріа-

ловъ относятся даже и всѣ большія статьи, помѣщенные подъ рубрикою «Исслѣдованій и объясненій Русскихъ Древностей». Вся книга, впрочемъ, раздѣлена на IV отдѣленія: 1) Исслѣдованія и объясненія русскихъ древностей, 2) Археологическое обзорнѣе Русской Земли, 3) Источники русской Археологiи, 4) Извѣстiя и указанiя о русскихъ древностяхъ. Сверхъ того, въ видѣ приложенiя къ этому тому, присоединены «Перечень зазданiй Отдѣленiя и Записка для обзорнѣя русскихъ древностей». Однакожъ, въ отношенiи содержанiя статей, всѣ четыре отдѣленiя могутъ слиться въ два или, много, въ три, разумѣя подъ третьимъ «Смѣсь», то есть разныя мелкiя статьи. Въ настоящее время на первомъ планѣ нашихъ археологическихкихъ работъ—*источники*. Вотъ почему большая часть статей по этому отдѣлу науки носятъ на себѣ характеръ тѣхъ же матеріаловъ, которые здѣсь представляются только болѣе или менѣе тщательно и вѣрно разобранными и сгруппированными. Вотъ почему и мы начнемъ обзоръ «Записокъ» съ «Источниковъ Русской Археологiи», которые составляютъ самый любопытный и болѣе другихъ замѣчательный отдѣлъ этого изданiя.

Первая статья означеннаго отдѣла: *Расходная книга (память) нсковской завеличской церкви Успенiя Пресвятыя Богородицы*—актъ небольшой, но весьма любопытный и одинъ изъ древнѣйшихъ въ этомъ родѣ. Изъ него мы узнаемъ нѣсколько подробностей о внѣшнемъ и отчасти о внутреннемъ устройствѣ и состоянiи древней нашей приходской церкви.

Оружейная Палата Кирилло-бѣлозерскаго монастыря, по описнымъ книгамъ 1668 года, представляетъ подробную опись разнаго оружія, хранившагося въ монастырѣ, какъ-то пушекъ, мушкетовъ, пищалей, карабиновъ, пистолей, сабель, гранатъ, самострѣловъ, луковъ, колчановъ, копій,

панцырей, шлемовъ и проч. — всего до 8510 номеровъ. Сверхъ того, въ Оружейной Палатѣ хранилось въ это время пороху 335 пудъ и 3000 ядеръ пушечныхъ большихъ и малыхъ. Любопытны народныя прозванія нѣкоторыхъ пушекъ, напримѣръ: Порывай, Нѣмка, Задора, Полканъ, Барсукъ, Попугай, Кортуня, Ретунъ, Филиповъ, Замышляй, Рылая и т. п. Описъ эта весьма замѣчательна и въ томъ еще отношеніи, что указываетъ на особенное значеніе нѣкоторыхъ нашихъ древнихъ монастырей, какъ военныхъ крѣпостей и арсеналовъ: кромѣ Троицкаго монастыря, такими крѣпостями были монастыри Соловецкій, Кирилло-бѣлозерскій и многіе другіе.

Кормовая Книга Кирилло-бѣлозерскаго монастыря содержитъ въ себѣ записку *вкладовъ*, дачу на поминъ души, по которымъ имя усопшаго вносилось въ синодикъ, то есть поминалось въ извѣстные дни; причемъ поминки почти всегда сопровождалась *кормомъ*, то есть заупокойнымъ столомъ, который по этому случаю давался братіи и отчего собственно и получила наименованіе «кормовая» книга. Кормы соответствовали вкладамъ, и потому были различны. «Кормъ съ поставца» принадлежалъ къ первому разряду: «хлѣбы бѣлые, сковороды съ прикладкою съ перцемъ, или шти нарядныя, рыба большая, оладьи или пироги праженыя или опарныя, квасъ медвяной или сыченой доброй». По царѣ Иванѣ Васильевичѣ бывалъ кормъ съ поставца *большой*: «Пища на обратію хлѣбы бѣлые, двѣ якры, вазига, по мисамъ вранчугъ, пироги опарныя, квасъ медвяной, или сыченой доброй: «на ужинѣ шти да кисель съ сытою, по чашамъ квасъ ячной». Другіе кормы были меньше, особенно въ *сухіе* дни. Но вообще книга замѣчаетъ, что «меньше 100 рублей въ кормовыя книги лачею не пишуть и кормовъ не кормятъ» (стр. 87). Сверхъ того, въ годовые праздники монастырь давалъ большіе *задравныя кормы* съ царскими *задравными*

ковшомъ или чашею, которая подавалась и гостямъ, сидѣвшимъ за присадкою.

«Кормовая книга (говорить г. Сахаровъ) доставляетъ намъ драгоценныя данныя для русской исторіи, археологіи, хронологіи и жизнеописаній нашихъ отцовъ. Такихъ указаній не много найдемъ въ лѣтописяхъ и актахъ. Изъ ней мы узнаемъ время рожденія, именинъ, кончины, погребенія и мѣста могилъ Русскихъ Государей, Удѣльныхъ Князей, святителей, иноковъ, бояръ и престоыхъ людей. Она одна обнаруживаетъ намъ, какіе изъ бояръ приняли иноческій санъ и гдѣ окончили послѣднее поприще своей жизни. Вклады, внесенные въ Кирилловъ монастырь и вписанные въ кормовую книгу, открываютъ намъ новый взглядъ на бытъ нашихъ отцовъ и представляютъ *непостижимыя богатства (!!!)* и *огромныя* суммы денегъ, обрѣтавшіяся въ Россіи въ XVI столѣтіи. Пожертванія, одного царя Ивана Васильевича доказываютъ, что государственная казна находилась тогда въ цвѣтущемъ состояніи. Русская Нумизматика пріобрѣтаетъ изъ кормовой книги новыя указанія на разнообразіе денегъ и ихъ цѣнность.»

Несмотря на преувеличенную фразу о непостижимомъ богатствѣ и цвѣтущемъ состояніи казны, «Кормовая Книга» дѣйствительно памятникъ любопытный, который, кромѣ множества частныхъ подробностей и указаній, еще болѣе интереса представляетъ въ цѣломъ, какъ выраженіе самой любопытной характеристической стороны нашего древняго быта. Многочисленные вклады свидѣлствуютъ о благочестивой ревности нашихъ предковъ поминать усопшихъ и давать по этому случаю духовенству заупокойныя коршы и чши, о которыхъ мы говорили выше.

Торговая Книга, хотя и была уже напечатана во «Временникѣ Московскаго Общества Исторіи и Древностей» (№ 8,

1850), но изданная по другому списку, она здѣсь гораздо полнѣе. Археологическое значеніе этого матеріала любопытно въ высшей степени. Въ торговомъ отношеніи это тотъ же «Домострой», не только исчисляющій предметы купли и продажи, но и подающій весьма часто совѣты и наставленія, какъ «безъ «наклада, то есть убытка, убрести; какъ, напримѣръ, сукно съ «выгодою мѣрять: нѣицы мѣрять сукна по синиѣ то есть по «сгибу, а по нашему по русскому мѣрять подлѣ покроми, ино «прибудетъ всего у аршина на полвершка. Муравскіе сукна по по- «кроми мѣрять по широкой, ино лучше, у 7 аршинъ при другой «сторонѣ прибудетъ поларшина; а по узкой покроми мѣрять, ино «при другой сторонѣ убудетъ поларшина». Эти наставленія и весь составъ книги относятся только къ торговлѣ заграничной; правила и предметы внутренней торговли сюда не вошли, что очень жаль, потому что съ этой стороны «Торговая Книга» представила бы еще болѣе любопытнаго. Особенно важенъ этотъ матеріалъ для нашей нумизматики.

Описная книга церквей Княжминскаго уѣзда, 1672 года, любопытна въ томъ отношеніи, что представляетъ въ подробности внутреннее устройство нашихъ древнихъ храмовъ, даже образъ ихъ постройки. Она доставляетъ весьма обильный матеріалъ для археологическихъ изслѣдованій, особенно по части древнихъ нашихъ художествъ—зодчества, иконописи, металлическаго дѣла и пр. Вотъ, напримѣръ, подробности о постройкѣ древнихъ деревянныхъ церквей: ихъ *рубили клѣтски, въ уголь, въ брусъ*, крыли тесомъ или драхнемъ въ застрѣхи; глава ставилась на четверикѣ, осьмерикѣ, на бочкахъ; онавлялась бѣлымъ желѣзомъ или обивалась деревомъ въ чешую. «Церковь рублена клѣтски; верхъ рубленъ «четверикъ на четверикѣ; двѣ главы обиты тесомъ... Рубленъ «на клѣтски, на верху осмерикъ, на осмерикѣ матеръ о дву «ярусахъ... По правую сторону церкви шаперть глухая, ру-

«бленая, бревенная, но другую сторону паперть *полумерье* (?) «до церковнаго угла... святія ворота двойныя, затворныя «полотенца сдѣланы въ косякъ; на воротахъ деусусть; по обѣ «стороны крыты ворота тесомъ, огорожены заметомъ пла- «стиннымъ въ столбы, другія ворота *тщанлые* одинъ зат- «воръ... Колокольница, поставленъ столбъ, покрытъ тесомъ... «Колокольня на четырехъ столбахъ покрыта шатромъ тесо- «вымъ, съ крестомъ, а на ней пять колоколовъ...» Таковы данныя для нашего древняго зодчества. Нельзя не замѣтить этого богатства терминологіи, которое указываетъ на самостоятельное и полное развитіе нашего древняго плотничества и столярнаго мастерства. Неменѣе важенъ этотъ матеріалъ и въ другихъ отношеніяхъ; напримѣръ, по устройству алтарныхъ иконостасовъ и размѣщенія въ нихъ иконъ и пр. Вообще надобно желать, чтобъ подобныхъ описей издавали больше и больше: это одинъ изъ самыхъ любопытныхъ археологическихкихъ матеріаловъ.

Въ отдѣлѣ «Исслѣдованій» помѣщены три статьи: 1) Обзорніе Русской Археологіи и 2) Деньги Московскихъ Удѣльныхъ Княженій, г. Сахарова, и 3) Археологическія Замѣтки о городахъ Суздаля и Шуѣ, г. Тихоураова. Последняя статья совершенно однородна съ статьями, помѣщенными во II и IV отдѣлѣ «Записокъ» и вмѣстѣ съ ними представляетъ много любопытныхъ и полезныхъ свѣдѣній. Главное достоинство подобныхъ *замѣтокъ, обзорныхъ и указаний* заключается, разумеется, въ вѣрности и точности сообщаемыхъ ими указаній: чѣмъ добросовѣстнѣе авторъ передаетъ собранныя имъ извѣстія, тѣмъ цѣннѣе его трудъ, тѣмъ больше этотъ трудъ приобретаетъ значенія для науки. Къ сожалѣнію, весьма часто въ статьяхъ этого рода описатели вносятъ цѣлый рядъ натянутыхъ объясненій, которыя только прерываютъ и затемняютъ описаніе. Напримѣръ, намъ вовсе не желалось бы чя-

тать въ статьѣ г. Тихонрзвова довольно длинное разысканіе о томъ, что будто-бы Мадьяры (Венгры, Угры) въ IX вѣкѣ стояли подъ самымъ Суздадемъ—разысканіе, которое поднято изъ того только, что подъ Суздадемъ находится небольшой оврагъ, называемый *Мжары*. Авторъ впрочемъ, говорить, что у Суздальцевъ есть преданіе, будто именно около этого оврага было становище Мадьяровъ. Но у какихъ Суздальцевъ?—безъ сомнѣнія, у тѣхъ, которые почитывали исторію и, найдя сходство двухъ именъ, огласили это сходство за преданіе. У тѣхъ же Суздальцевъ, гдѣ собственно живутъ преданія, мы убѣждены, не отыщется даже и намѣка по этому поводу; наоборотъ, вы можете тамъ встрѣтить слово *мажары*, которое означаетъ неровное, покрытое холмиками мѣсто... Вообще мы думаемъ, что объясненій для нашей географической номенклатуры вѣрнѣе всего искать въ языкѣ того же народа, который создаетъ эту номенклатуру.

Въ статьѣ г. Сахарова *Денги Московскихъ Удѣльныхъ Княженій*, хотя и говорится, что «наконецъ мы дождались, что русская нумизматика можетъ разрѣшать *важные вопросы* нашей исторіи, можетъ быть необходимымъ источникомъ для историка уже безъ сомнѣній и пререканій» (?), однакожь во всемъ сказанномъ мы не встрѣтили никакихъ ясныхъ, определенныхъ результатовъ, которые могли бы оправдывать такое замѣчаніе автора. Несмотря на то, что въ этой статьѣ разсматривается исторія и денги только Угличскаго Княжества, въ концѣ ея находимъ выписки изъ летописей и родословныхъ, относящіяся равно ко всемъ княжествамъ, что, безъ сомнѣнія, не слишкомъ умѣстно, потому что такимъ общимъ обзоромъ лучше всего слѣдовало бы начать рядъ этихъ частныхъ монографій о княжествахъ, которые во всякомъ случаѣ имѣютъ свое неоспоримое достоин-

ство, какъ полезный матеріалъ при дальнѣйшей разработкѣ нашей нумизматики.

Статья г. Сахарова *Обозрѣніе Русской Археологіи* носитъ такое интересное заглавіе, что мы по необходимости должны на ней остановиться съ особеннымъ вниманіемъ. Русская археологія, какъ и русская исторія въ настоящее время составляютъ одинъ изъ обще-интересныхъ вопросовъ нашей современной науки; поэтому всякій трудъ по этой части встрѣчается съ живѣйшимъ любопытствомъ, которое, къ сожалѣнію, не всегда удовлетворяется соотвѣтственно ожиданіямъ. То же, полагаемъ мы, должно случиться и съ статьею г. Сахарова. Мы прочли ее съ напряженнымъ любопытствомъ; она особенно занимала насъ уже по одному заглавію: при постоянныхъ частныхъ разработкахъ нашихъ древностей, у насъ еще такъ мало говорили объ общемъ! Все это интересно было въ высшей степени. Но съ первыхъ же страницъ вниманіе наше охладѣло. Мы нашли здѣсь не только устарѣлый взглядъ вообще на археологію, но даже запутанность и неясность въ самомъ приложеніи этого взгляда къ изъясненію нашихъ древностей; тѣмъ не менѣе интересный вопросъ заставляетъ насъ войти въ нѣкоторыя подробности...

Когда мы читаемъ предисловія и введенія г. Сахарова къ его изданіямъ, насъ всегда занимаетъ ихъ особенный оригинальный тонъ. Въмѣсто простаго, по возможности яснаго обозначенія предмета, здѣсь является самъ авторъ съ однимъ и тѣмъ же всегдѣшнимъ своимъ торжественнымъ словомъ, изъ котораго вообще объясняется, что до него или вовсе ничего не было дѣлано, или если и было дѣлано, то не такъ. Одинъ только г. Сахаровъ *поднимаетъ мось* или по крайней мѣрѣ даетъ *ловое*, по его мнѣнію, болѣе правильное и болѣе основательное направленіе въ разработкѣ нашей старины и, главное во взглядѣ на значеніе и важность нашихъ древнихъ памятни-

ковъ. Прочтите нѣкоторыя мѣста изъ его «Сказаній Русскаго Народа», прочтите его «Исслѣдованіе объ иконописи», и вы совершенно познакомитесь съ этою оригинальною манерою—заслонять и безъ того дѣльный и полезный предметъ собственною особою, и разсужденіями, вовсе ненужными къ дѣлу. Такъ и въ настоящей статьѣ, говоря, что Русская Археологія имѣетъ свое особенное значеніе, авторъ, между прочимъ, восклицаетъ: «Мы долго безмолвствовали предъ вѣковыми памятниками своего отечества. *Нынѣ*, да не будемъ безответными зрителями своихъ древностей. Да не думаютъ чужеземцы, что у русскихъ писателей нѣтъ стремленія къ изученію своихъ памятниковъ (стр. 4)!» Это *нынѣ* говорится въ то время, когда уже мы имѣемъ многочисленныя изданія нашихъ письменныхъ памятниковъ и великолѣпнѣйшія, истинно-европейскія изданія рисунковъ съ памятниковъ вещественныхъ, когда изученіе русской древности и постоянно выходящія въ свѣтъ изслѣдованія по разнымъ ея отдѣламъ представляютъ уже нѣсколько лѣтъ одну изъ самыхъ характеристическихъ сторонъ нашей современной литературы.

Такимъ образомъ это *нынѣ* можетъ быть справедливо въ отношенія только къ одному г. Сахарову. *Нынѣ* онъ не сталъ безответнымъ зрителемъ нашихъ древностей— и вотъ предъ нами его трудъ, въ которомъ онъ старается указать, что до него вообще мало работали, что онъ первый, напримѣръ, открылъ *ценнину* и *археологическую палеографію*, какъ будто есть еще другая какая палеографія, кромѣ просто палеографіи! Изобрѣвъ *ценнину*, авторъ снабжаетъ при этомъ удобнымъ случаѣ упреками то художниковъ, которые не срисовали еще ни одного кирпича, украшеннаго разноцвѣтными поливами, то ученыхъ, которые не издали до сихъ поръ ни одного сочиненія о *ценниѣ*, которые и самое слово «ценнина» недавно только допустили къ своимъ изслѣдованіямъ. Положимъ, во-

прось о ценнѣхъ не слѣдуетъ обходить въ нашихъ древностяхъ; но это такой вопросъ, подобный которому можно представить безчисленное множество и не только въ нашей археологiи, но даже и въ любой самой обработанной археологiи западныхъ народовъ. Мало ли чего еще не успѣла сдѣлать наука, мало ли что остается у ней не только на второмъ, но и на десятомъ планѣ ея постоянныхъ разработокъ! Вы первые обратили особенное вниманiе на какую нибудь мелочь—вамъ честь и слава. Но къ чему же упреки ученымъ въ незнанiи? и есть ли какое основанiе упрекать ихъ въ томъ, чего они, можетъ быть, не хотѣли и дѣлать? Да притомъ, многое изъ того, что иногда думаютъ выдать за новость, уже давно не новость: стоитъ только попристальнѣе осмотрѣться. Ниже мы увидимъ, что такое ценна; теперь же остановимся на понятiяхъ автора вообще объ археологiи.

«Археологiя (говоритъ г. Сахаровъ) описываетъ жизнь народа по сохранившимся памятникамъ, изучаетъ его бытъ въ храмахъ, зданiяхъ и домашнихъ утваряхъ, рѣшаетъ трудные вопросы въ его исторiи тамъ, гдѣ молчатъ лѣтописи, гдѣ нѣтъ современныхъ актовъ. Она, какъ наука древнихъ искусствъ и художествъ, правдива и безпристрастна потому, что *памятники чуждые всѣхъ личностей*, носятъ сами въ себѣ безспорную достовѣрность, *сами за себя говорятъ впрямь всѣхъ человеческихъ выводовъ.* (!)»

Мы думаемъ, что памятники, хотя и чуждые всѣхъ личностей, какъ факты, дѣйствительно носятъ сами въ себѣ безспорную достовѣрность; но кто жъ изъ этого будетъ заключать, что археологiя правдива и безпристрастна? Археологiя уже не фактъ, а наука, то есть пониманiе факта: а пониманiе бываетъ нерѣдко и даже часто весьма далеко отъ той правды, которую носитъ въ себѣ фактъ или памятникъ.

Послѣ такого *опредѣленія* археологіи, слѣдуетъ, по старинному порядку *ея раздѣленіе*, которое очень любопытно, какъ доказательство пониманія науки. Г. Сахаровъ дѣлитъ археологію на археологію народовъ, *исчезнувшихъ съ лица земли*, и на археологію народовъ *существующихъ*, говоря, что и та и другая имѣютъ свои основныя различія, свои неизмѣнныя границы:

«Первая отыскиваетъ слѣды древнихъ идей и народныхъ вѣрованій, *угадываетъ въ жизни почившаго народа одну творческую силу*, составляетъ его исторію за неизмѣненіемъ лѣтописей и актовъ, *изъ обломковъ протекшихъ вѣковъ*. Всѣ ея источники заключаются въ подземномъ мірѣ, гдѣ сокрытъ прахъ первобытныхъ народовъ съ ихъ памятниками. Отъ этого въ ней нѣтъ полноты и стройнаго созданія. И тамъ, гдѣ казались работы оконченными, новыя открытія измѣняютъ взгляды и теоріи ученыхъ тружениковъ. Такова археологія Египта, древней Греціи, Рима и Мексики. *Вторая*, т. е. археологія народовъ существующихъ, судитъ о былой жизни существующаго народа по наличнымъ памятникамъ, свидѣтельствуетъ о вѣрованіи по уцѣлѣвшимъ храмамъ, рассуждаетъ о народныхъ средствахъ и нуждахъ по зданіямъ, открываетъ нравы и вкусы въ домашнихъ утваряхъ, измѣряетъ бытъ его *въ опредѣленныхъ границахъ*, указанныхъ историческими событіями. Ея источники находятся въ лѣтописяхъ, актахъ, наличныхъ памятникахъ и открытіяхъ подземнаго міра.»

Мы не станемъ возражать автору; раздѣленіе его стоитъ само за себя. Оно могло явиться только въслѣдствіе особеннаго пониманія того предмета, изъ области котораго авторъ взялся писать изслѣдованіе. Всѣ *основныя различія* и всѣ *неизмѣнныя границы* заключаются здѣсь только въ томъ, что одинъ народъ исчезъ, а другой существуетъ; остальное,

то есть существенное, какъ и слѣдовало, удивительно схожо и завернуто только въ различныя фразы, которыя, сверхъ того, запутываютъ и затемняютъ ясное и простое дѣло. Авторъ говоритъ, что источники археологій погасшихъ народовъ заключаются въ подземномъ мірѣ, «гдѣ сокрытъ прахъ этихъ народовъ съ ихъ памятниками... такова археологія Египта, Греціи, Рима, Мексики». Источники же археологій существующаго народа «находятся въ лѣтописяхъ, актахъ, *наличныхъ памятникахъ и открытіяхъ подземнаго міра*». Можно ли серьезно что нибудь сказать противъ этихъ словъ, которыя, между-тѣмъ, представляютъ всю сущность различія и границъ выдуманнаго раздѣленія археологій? При томъ извѣстно, что, напримѣръ, археологія или древности Греціи и Рима заключаются въ лѣтописяхъ, актахъ (то есть памятникахъ письменныхъ), въ наличныхъ памятникахъ и въ открытіяхъ подземнаго міра точно такъ же, какъ и древности народовъ существующихъ.

Опредѣливъ и раздѣливъ такимъ образомъ археологію, г. Сахаровъ переходитъ къ Русской Землѣ и говоритъ, что «она «въ современныхъ намъ предѣлахъ вмѣщаетъ въ себя памятники народовъ восточныхъ, западныхъ и сѣверныхъ, народовъ «отжившихъ и существующихъ», и что «уже близко то время, «когда Русская Земля съ такими памятниками безспорно будетъ признана землею классическихъ древностей (1)».

«Русская археологія (продолжаетъ г. Сахаровъ), какъ наука народа существующаго, имѣетъ для насъ свое особенное значеніе, свое образованіе, свой особенный міръ искусствъ и художествъ. Зато и наши требованія отъ ней отличаются своими особенностями, какихъ мы не встрѣчаемъ въ археологій другихъ народовъ.»

Какія же это особенности? А вотъ какія:

«Мы ожидаемъ отъ ней поднаго систематическаго обзорѣнія русскихъ древностей, доставшихся намъ отъ нашихъ отцовъ; мы надѣемся получить отъ ней изображеніе древней Русской жизни на основаніи наличныхъ памятниковъ; мы увѣрены, что она одна можетъ опредѣлять ихъ историческое значеніе, разгадать событія и объяснить условія, предшествовавшія имъ (?) появленію и пр.»

Во всѣхъ этихъ особенностяхъ, безъ сомнѣнія, есть одна только особенность, именно та, что авторъ успѣлъ и здѣсь открыть какія-то особенности. Притомъ здѣсь какъ-то серьёзно и потому очень странно требуется и ожидается отъ русской археологіи то именно, безъ чего невозможна и самая наука археологіи... Но идемъ дальше.

Г. Сахаровъ вслѣдъ за тѣмъ вводитъ насъ въ область русской археологіи, то-есть изъясняетъ ея содержаніе. Въ эту область заключаетъ онъ только *первыя (!) восемь вѣковъ* древней русской жизни, начиная съ X вѣка, и объясняетъ, что.—

«Памятники Русской языческой жизни исчезли съ лица земли, что мы только можемъ о нихъ предполагать гадательно по сравненію съ другими славянскими племенами. Подземный міръ, гдѣ, *можетъ быть*, сокрыты памятники нашихъ языческихъ вѣковъ, намъ неизвѣстенъ. Всѣ открытія, доселѣ бывшія, ничего не предъявили намъ изъ языческой жизни. Мысль о языческихъ памятникахъ, смѣю сказать, не принадлежитъ нашей жизни... Первые памятники наши суть христіанскіе храмы...»

Въ заключеніе авторъ восклицаетъ:

«*Семь* протекшихъ вѣковъ до конца XVII столѣтія да будутъ предѣлами нашей археологіи!»

Какакъ же семь? Вѣдь выше было сказано, что восемь вѣковъ должны входить въ область русской археологіи! Но та-

нихъ противорѣчій еще мы увидимъ много, а теперь «предъявимъ» лучше вопросъ: неуже ли вправду памятники нашей языческой жизни исчезли съ лица земли, и *вслѣ открытiя*, доселѣ бывшiя, ничего намъ не представили по этому предмету, какъ увѣряетъ авторъ? Прежде всего здѣсь неясно, что именно разумѣеть, г. Сахаровъ подѣ словомъ *памятники*?

Опредѣленнаго объ этомъ онъ ничего не сказалъ въ своей статьѣ. Но во всякомъ случаѣ, если разумѣются здѣсь одни только памятники вещественные, а не устные и письменные, то приговоръ автора будетъ неосмотрителенъ. Неуже-ли онъ не имѣетъ никакого свѣдѣнiя о безчисленныхъ курганахъ съ находимыми въ нихъ вещами, о многочисленныхъ городищахъ Зорiана Ходаковскаго? О первыхъ самъ авторъ говоритъ, что разрытiе ихъ доказало ясно, *какъ много* русская археологiя можетъ ожидать приобрѣтенiй отъ новыхъ и тщательныхъ поисковъ въ курганахъ (Отд. II, стр. 31). Впрочемъ, можетъ быть, авторъ относитъ эти памятники къ XVI или XVII столѣтiямъ; по крайней мѣрѣ, объ языческомъ ихъ значенiи онъ не сказалъ ни слова, такъ же точно, какъ не сказалъ ни слова о замѣчательнѣйшей и во многомъ весьма достовѣрной системѣ городищъ Ходаковскаго, увѣряя, напротивъ того, что *городища—оставшiеся памятники городской жизни*. Мы не говоримъ уже, что устные и письменные памятники, сохраняющiе остатки язычества, также входятъ въ область археологiи, а въ настоящее время на нихъ собственно и основываются всѣ ученые труды о языческихъ вѣрованiяхъ нашихъ предковъ. Самъ авторъ оказалъ нѣкоторую услугу для этой части древности, издавъ свои «Сказанiя Русскаго Народа о семейной жизни своихъ предковъ». Несмотря на это, г. Сахаровъ все-таки не признаетъ существованiя памятниковъ русской языческой жизни и относитъ, напримѣръ, къ вспомогательнымъ источникамъ русской археологiи *миологию*

русскую въ такомъ только случаѣ, *если изрядно открытія предъявятъ памятники языческой жизни*. Мы не будемъ спорить съ г. Сахаровымъ: дѣло опять ясно говорить само за себя.

Назначивъ такимъ образомъ предѣлами нашей археологіи семь вѣковъ, авторъ, само собою разумѣется, позаботился о раздѣленіи этой седмицы на эпохи. «Русскія древности, (по его словамъ) въ теченіе семи вѣковъ *прошли три эпохи «разныхъ измѣненій»*. Первая эпоха съ водворенія въ Россіи христіанской вѣры—*эпоха византійская*: «Тогда *всѣ искусства и художества образованной Греціи стекались въ Россію*». Вторая—со вторженія Татаръ въ Россію, слѣдственно, *эпоха татарская*: «Тогда Татаринъ огнемъ и мечемъ истреблялъ наши вѣковые памятники... Никто изъ Русскихъ не думалъ тогда ни о знаніяхъ, ни о роскошныхъ «утваряхъ... Ни Востокъ, ни Западъ не высылали къ намъ своихъ искусствъ. Русскіе сами изобрѣтали свои произведенія, но и то единственно для украшенія храмовъ...» Третья эпоха съ водворенія въ Россіи западныхъ европейскихъ искусствъ—*эпоха европейская*. Ничего нѣтъ легче раздѣлить такимъ образомъ любую археологію! Скажутъ, что основаніемъ всякому дѣленію археологіи на эпохи должны служить самыя памятники, ихъ характеръ, который одинъ только и можетъ опредѣлять эпоху; но для этого нужно пристальное, глубокое изученіе памятниковъ, которое дается не только трудомъ, но и временемъ.

«Планъ изложенія Русской Археологіи (говоритъ г. Сахаровъ) мы основываемъ: 1) на изученіи Русскаго человѣка, какъ творца своихъ искусствъ и художествъ; 2) на обзорѣ Русскихъ древностей, гдѣ сохранился стиль, освященный вѣками и народными обычаями; 3) на изученіи *событій* нашей

исторіи и преданій семейной жизни, способствовавшихъ къ созданію памятниковъ, къ изобрѣтенію домашней утвари.»

Все это любопытно, ново, оригинально. Ни одному ученому никогда и въ голову не приходило основывать планъ изложенія археологій на такихъ интересныхъ положеніяхъ, каково, напримѣръ, изученіе событій и преданій, способствовавшихъ къ созданію памятниковъ, къ изобрѣтенію домашней утвари; онъ даже и не подозрѣвалъ, что преданіе семейной жизни могло когда либо способствовать къ изобрѣтенію домашней утвари. Но какъ бы то ни было, «на этихъ основаніяхъ» (говоритъ г. Сахаровъ), «мы русскую археологію раздѣляемъ на двѣ части. Въ составъ первой войдутъ памятники вѣры и *произведенія искусствъ, художествъ и ремеселъ домашней жизни*». Что это за искусства и художества домашней жизни?

«Таковы (продолжаетъ авторъ) 1) металлическія произведенія—въ церковныхъ утварахъ, домашнихъ нарядахъ и издѣліяхъ, военныхъ доспѣхахъ; 2) народныя одежды; 3) иконопись; 4) живопись; 5) зодчество церковное и гражданское; 6) валяніе и льняная работа; 7) мозаика; 8) чернь; 9) финифть; 10) ценнина; 11) рѣзба на драгоценныхъ камняхъ, деревѣ и кости; 12) гравированіе; 13) вышиваніе; 14) музыкальные инструменты; 15) нумизматика.»

Поражаетъ здѣсь особенно разстановка этихъ искусствъ и художествъ домашней жизни. Сначала *металлическія произведенія* и за ними вдругъ *народныя одежды*, а послѣ *фрески* да *охобней* — *иконопись*; далѣе *зодчество*; за нимъ *валяніе*; за валяніемъ *мозаика*; тутъ *чернь* и *финифть*, что ужъ относится къ металлическому дѣлу; потомъ за *гравированіемъ* — *вышиваніемъ*, какъ будто въ производствѣ этихъ двухъ художествъ есть что-либо сходное; за вышиваніемъ —

музыкальные инструменты, за которыми слѣдуетъ нумизматика... Это совершенно гордiевъ узелъ. Кто пойметъ, почему такимъ образомъ размѣщены здѣсь эти искусства и художества? Повидимому, г. Сахаровъ хочетъ распределять памятники по художествамъ и исчисляетъ эти художества — а между тѣмъ, здѣсь же помѣщаются и народныя одежды, и музыкальные инструменты, и нумизматику! Да притомъ, неужели подъ общимъ названiемъ: «металлическія произведенія» должно разумѣть одно только художество? неужели *литье* пушекъ и колоколовъ, *кованье* военныхъ доспѣховъ, золотое и серебряное дѣло, могутъ сливаться въ одномъ общемъ имени: *металлическое дѣло*? Если идти послѣдовательно въ такихъ общихъ раздѣлахъ, то за металлическимъ дѣломъ необходимо допустить каменное, деревянное, каменные произведенія, деревянныя произведенія; шелковыя, шерстяныя, кожаныя и т. д. По крайней мѣрѣ, въ подобномъ распределеніи памятниковъ по матеріалу есть основаніе.

Но такова первая часть «Археологiи» г. Сахарова. Не менѣе замѣчательна и вторая, которую «составятъ *наши древности и подземный міръ съ настоящими и грядущими открытіями*. Сюда войдутъ 1) Описаніе городищъ, кургановъ, побищъ, могилъ и мѣстъ открытія кладовъ; 2) «Обозрѣніе казенныхъ и частныхъ собраній съ русскими древностями»; 3) Надписи; 4) Палеографія, изображающая въ «разныхъ видахъ русское письмо на памятникахъ». Итакъ, по случаю обозрѣнія какого нибудь собранія русскихъ древностей, во вторую часть Русской Археологiи войдетъ всё то, что составляетъ первую ея часть. Потому, что это за *палеографія, изображающая въ разныхъ видахъ русское письмо на памятникахъ*? Неужели серьезно это раздѣленіе русской археологiи на двѣ части основано на изученіи русскаго человека, какъ творца своихъ искусствъ и художествъ,

на обзорѣнн русскихъ древностей, на изученіи событій нашей исторіи и преданій семейной жизни, способствовавшихъ къ созданію памятниковъ, къ изобрѣтенію домашней утвари?

Послѣ такого введенія, которое занимаетъ первыя пять страницъ, авторъ обращается къ обзорѣнн подробностей каждаго отдѣленія русской археологіи, излагаетъ въ названіяхъ виды искусствъ, художествъ и ремеслъ, существовавшихъ въ Русской Землѣ. Но здѣсь снова встрѣчаются противорѣчія: г. Сахаровъ обзорѣваетъ сначала металлическія произведенія, а за ними, вопреки своему плану, вмѣсто народной одежды, описываетъ *финифть* и *чекмну*, которыя составляютъ 9 и 10 разряды художествъ, по его же разпредѣленію. Затѣмъ неожиданно слѣдуютъ *надписи*, составляющія третій разрядъ второй части «Археологіи» г. Сахарова. Что это за смѣшеніе?

Все обзорѣніе металлическихъ произведеній составлено г. Сахаровымъ по программѣ, объявленной Археологическимъ Обществомъ для задачи о металлическомъ производствѣ, со внесеніемъ даже нѣкоторыхъ мѣстъ слово въ слово; онъ только распространилъ и дополнилъ эту программу, воспользовавшись нѣкоторыми печатными и *рукописными* источниками. Мы не станемъ опровергать этой статьи въ подробностяхъ: это было бы утомительно, потому что опроверженія вызываются чуть не каждою строчкою, особенно въ началѣ статьи—въ историческомъ очеркѣ металлическаго дѣла. Укажемъ только нѣкоторые источники статьи г. Сахарова и замѣтимъ болѣе интересное.

Послѣ историческаго очерка, авторъ разсматриваетъ способы металлическаго производства, не называя ихъ, однакожъ, способами, а выражаясь такъ: «Металлическія произведенія въ «Русской Землѣ имѣли свои собственныя названія. Таковы: «вадьяжныя, басменныя, обронныя, сканныя, прорѣжныя, рѣз-

ныя». Все это взято изъ упомянутой программы, съ присвоениемъ только двухъ послѣднихъ *мазаний*, которыя заимствованы изъ другого источника. Сюда, однакожь, не вошло *литейное дѣло, бронное и кованіе*, или кузнечное; между тѣмъ г. Сахаровъ, распространяя программу, внесъ въ свою статью и новый отдѣлъ ратныхъ доспѣховъ, оружія и орудій осадныхъ и огнестрѣльныхъ, а также и конскую сбрую. Чѣмъ жѣ объяснить такой недосмотръ? Произведенія перечисляются въ подробности, а способъ производства не только не объясненъ, но даже о немъ и не упомянуто. Судя по характеру всего сочиненія, это легко объясняется тѣмъ, что авторъ, не работая надъ предметомъ самостоятельно и выбирая только изъ печатныхъ и рукописныхъ источниковъ все пригодное для своей статьи, весьма естественно долженъ былъ входить въ противорѣчія, которыя уже отчасти показаны нами выше. Такъ, заимствуя историческій обзоръ металлическаго дѣла и способы его производства изъ программы, онъ не упомянулъ о литейномъ, бронномъ и кузнечномъ производствахъ, потому что всего этого въ программѣ не было, но въ то же время, располагая обзорѣніе произведеній по примѣру. «Описанія Оружейной Палаты», сочиненнаго г. Вельтманомъ, онъ внесъ въ свою статью и ратныя доспѣхи, и оружія, и конскую сбрую, потому что все это находится въ упомянутомъ «Описаніи Оружейной Палаты». Самый порядокъ, въ какомъ г. Сахаровъ обозрѣваетъ металлическія произведенія, взятъ у г. Вельмана почти безъ измѣненій. Такимъ образомъ, что въ «Описаніи Оружейной Палаты» имѣетъ смыслъ и свое *мѣстное* значеніе по поводу частнаго обзорѣнія хранилища, то у г. Сахарова, въ ущербъ ясности и послѣдовательности, введено и въ общее обзорѣніе всей русской археологіи. Отъ этого въ обзорѣніи памятниковъ металлическаго дѣла у него происходитъ какая-то смѣсь: сначала идутъ произведенія серебряна-

го и золотого дѣла, то есть вещи церковныя и царскія утвари; затѣмъ произведенія брѣннаго, кузнечнаго и литейнаго дѣла — вооруженія и пушки; потомъ опять серебряное и золотое дѣло, то есть столовая и домашняя утварь; затѣмъ снова кузнечныя и слесарныя произведенія, именно различные инструменты и орудія и даже гвозди, однотѣсь, двоетѣсь и проч., такъ что, вмѣсто того, чтобъ, согласно прежнему своему плану, распределять эти произведенія по крайней мѣрѣ по видамъ металлическаго дѣла — потому что за основаніе раздѣловъ приняты искусства — г. Сахаровъ, наоборотъ, распределяетъ памятники согласно ихъ значенію и употребленію въ народномъ быту. Что же касается до самаго перечисленія произведеній, то оно въ сущности не что иное, какъ та же программа или «Записка для обозрѣнія Русскихъ Древностей», издавая Археологическимъ Обществомъ при настоящемъ томѣ.

Способы металлическаго производства также объяснены сбивчиво и невѣрно. Даже изъ готовыхъ матеріаловъ авторъ не все заимствовалъ вѣрно. Такъ, описывая *басменное дѣло*, онъ говоритъ: «Для отливанія изъ металловъ дѣлали образцы (формы). Такіе образцы назывались *мѣдныя басмы*, *басменные образцы* съ узорами и обликами. По этимъ образцамъ басмили, отбивали, металлическія полоски...» Но въ томъ рукописномъ источникѣ *), изъ котораго заимствовано это свѣдѣніе, говорится, что не для отливанья изъ металловъ, а для басменья, тисненья или выбиванья на тонкихъ металлическихъ листахъ узоровъ и изображеній отливали *мѣдныя басмы*, отливочные басменные образцы, собствен-

*) О металлическомъ производствѣ въ Россіи до XVII ст. — наша рукопись, напечатанная въ послѣдствіи въ Запискахъ Археологическаго Общества т. V, Слб. 1853.

но печати, штамбы, которыми и вытискивали или выбивали изображения, узоры и травы. Далѣе, объясняя прорѣзное дѣло, авторъ замѣчаетъ, что «наши гравёры въ XVII вѣкѣ назывались *знаменщниками*. Вмѣсто слова *гравировалъ* — говорили: *знаменилъ*. Это не такъ. Г. Сахаровъ, безъ сомнѣнiя, идетъ въ слѣдъ за г. Снегиревымъ, который ввелъ въ ошибку не одного г. Сахарова. *Знаменить* — значило чертить, рисовать, дѣлать знамя, знакъ; *знаменщникомъ* назывался рисовальщикъ, чертежникъ, но отнюдь не гравёръ, то есть рѣзчикъ, и, вмѣсто «гравировать», встарину говорили «рѣзать». Ошибка гг. Снегирева и Сахарова основывается на томъ, что на нѣкоторыхъ нашихъ древнихъ гравюрахъ находятся отиѣтки, напримѣръ: *знаменилъ Симонъ Ушаковъ*. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобъ иконописецъ Симонъ Ушаковъ былъ гравёромъ, какъ его и называютъ упомянутые гг. археологи: на одной изъ древнихъ гравюръ, изображающей Спасителя, стоящаго съ крестомъ, находимъ также слѣдующую подпись: «*знаменилъ Симонъ Ушаковъ, рѣзалъ Василій Андреевъ*». Здѣсь означено, что первый рисовалъ, а второй гравировалъ. Такое значенiе слова «знаменщикъ» вполне подтверждается даже и современными актами. Но само собою разумѣется, что одно ошибочное объясненiе повлекло за собою цѣлый рядъ ошибокъ, и г. Сахаровъ, въ своемъ словарѣ художниковъ металлическаго дѣла, всѣхъ рисовальщиковъ-иконописцевъ, или знаменщниковъ, называетъ гравёрами, не смотря на то, что въ рукописномъ источникѣ, изъ котораго онъ черпалъ свѣдѣнiя объ этихъ знаменщикахъ, ни слова не говорится о томъ, что они были гравёрами. Такъ онъ назвалъ гравёрами Леонтя *Бунина*, Андрея и Иваца *Гомулиныхъ*, которыхъ уже прямо называетъ мастерами серебряныхъ и рѣзныхъ дѣлъ, чего, разумѣется, никогда и не бывало и на что нѣтъ ни малѣйшихъ доказательствъ; потомъ Федора Ка-

шинцова и Симона Ушакова, о которомъ мы уже упоминали. Да и вообще этотъ словарь представляетъ новое доказательство, что г. Сахаровъ даже готовые матеріалы не всегда употребляетъ съ тою точностью и вѣрностью, какія требуются въ этомъ дѣлѣ. Такъ, заимствуя изъ того же рукописнаго источника нѣкоторыя имена художниковъ, онъ болѣею частью или не договариваетъ, или переговариваетъ, а иногда и вовсе невѣрно передаетъ заимствованное. Канительнаго мастера Андреева онъ назвалъ *Иваномъ*, когда тотъ былъ *Микула*. Вяткинъ, Аванасій, рѣзалъ въ 1687 году *маточники для денежнаго дѣла*, а г. Сахаровъ относитъ это къ Григорью Вяткину; въ рукописи значится, что Кондратъ Ивановъ въ 1620 году сдѣлалъ къ печатному книжному дѣлу двѣ формы, *литью да бойчюю*, а г. Сахаровъ пишетъ, что онъ «для литья сдѣлалъ форму и *бойчюю*», пропуская совсѣмъ слово *литью*. Въ рукописи сказано что Корнила Тимошеевъ дѣлалъ въ 1682 году басемные отливочные образцы, а г. Сахаровъ пропускаетъ *басемные* и пишетъ только отливочные образцы. Въ рукописи значится, что часовщикъ Моисей Терентьевъ въ 1620 году сдѣлалъ государю въ перстнѣ часы, а г. Сахаровъ пишетъ: «сдѣлалъ часы въ перстень», что извращаетъ даже смыслъ. Притомъ подъ одними именами художниковъ мы находимъ подробное указаніе источниковъ; подъ другими же такихъ указаній вовсе не встрѣчается, несмотря на весьма любопытныя и совершенно новыя свѣдѣнія, напримѣръ, хоть въ родѣ вышеприведенныхъ. Иные художники написаны по два раза и къ тому же рядомъ, напримѣръ, Даниловъ, Евсей, № № 46 и 47.

За металлическими произведеніями, какъ мы уже замѣтили, слѣдуютъ финифтевыя произведенія. Здѣсь вы снова встрѣчаетесь съ тѣми же разсужденіями, о которыхъ мы говорили при началѣ обзора разбираемой статьи.

«Въ русской литературѣ (говоритъ авторъ) о финифтевомъ производствѣ въ археологическомъ отношеніи не было издано ни одного сочиненія. *Наши писатели* говорили о финифти при случаѣ, мимоходомъ и никогда не входили въ подробности...» (стр. 65).

Это для писателей; но вотъ и для художниковъ (стр. 59):

«Для совершеннаго изученія этого вида древняго художества необходимы или *самыя подлинныя* (?) произведенія, или вѣрные и точные съ нихъ снимки, гдѣ бы всѣ мелкія *техническія части* (?) были срисованы со всею достовѣрностью (1). *Наши художники* нерѣдко оставляютъ такія черты безъ всякаго вниманія. Вотъ отъ чего по ихъ рисункамъ невозможно судить, какъ о древнемъ художествѣ финифтевыхъ произведеній, такъ и отличать виды его производства.»

Это говорится въ то время, когда самъ же г. Сахаровъ ссылается на превосходнѣйшіе и въ высшей степени вѣрные рисунки извѣстнаго изданія «Древностей Россійскаго Государства» и «Описанія Коробановскаго Музея», гдѣ не только ужь давно извѣстный своими трудами академикъ г. Солнцевъ, но и другіе московскіе художники представили образцовыя произведенія своего искуства и трудолюбія. Скажемъ больше: г. Сахаровъ едва ли не изъ этихъ рисунковъ и познакомился съ самою финифтью, по крайней мѣрѣ съ разнообразными ея памятниками, которые, въ противномъ случаѣ, ему совершенно не были бы извѣстны. Впрочемъ, онъ говоритъ: *наше изученіе* финифти основано на наличныхъ памятникахъ, «сохранившихся въ разныхъ мѣстахъ Россіи», присорочивъ сначала, что техническая часть финифти заслуживаетъ внимательнаго изученія, и что безъ знанія этой части трудно судить о всѣхъ ея видахъ и различіяхъ. Такимъ образомъ

г. Сахаровъ самъ указываетъ намъ точку зрѣнія на его трудъ. Разсмотримъ же, справедливо ли это объясненіе.

Авторъ дѣлитъ финифть на византійскую, русскую, западную и восточную, описываетъ способы производства и отличія каждой и указываетъ на памятники. Въ этомъ заключается вся статья. Ниже мы увидимъ, насколько принадлежитъ автору сказанное дѣленіе финифти и разные другіе выводы и факты.

Византійскую финифть, по словамъ г. Сахарова, производили двумя способами: 1) Весь рисунокъ прежде приготовляли на металлическомъ листѣ изъ тонкихъ пластинокъ, укрѣпленныхъ на ребро, въ видѣ перегородокъ; потомъ или цвѣтную финифтевую массу накладывали кусочками въ клѣточки перегородокъ, сообразно рисунку, или бѣлую, на которой послѣ живописали изображенія красками. 2) «Второй способъ отправлялся безъ клѣточекъ: на металлъ наводили слоями бѣлую массу, не цвѣтную; изображенія писали красками уже послѣ». — Что рисунокъ по первому способу приготовлялся на металлическомъ листѣ изъ тонкихъ пластинокъ, укрѣпленныхъ на ребро, въ видѣ перегородокъ, въ которыя потомъ вкладывали финифтевые составы—это вѣрно, потому что заимствовано изъ упомянутаго выше рукописнаго источника; но что въ эти перегородочки накладывали массу бѣлую, по которой послѣ живописали изображенія красками—это не вѣрно и изобрѣтено самимъ авторомъ. Такъ же точно не вѣренъ и второй способъ, по которому наводили на металлъ бѣлую массу, а изображенія писали красками уже послѣ. Ни одного *византійскаго* памятника, даже ни одного русскаго памятника XII, XIII и XIV столѣтій авторъ не можетъ представить въ подтвержденіе своихъ словъ; а потому и памятники, приведенные имъ какъ византійскія произведенія, указываютъ только на первый способъ, нисколько не давая понятія

о второмъ. Какъ положеніе, заимствованное и не превѣренное собственнымъ изученіемъ, это объясненіе способовъ производства византійской финифти совершенно неприложимо къ указаннымъ памятникамъ. Такъ г. Сахаровъ говоритъ, что на окладѣ Мстислава евангелія *одежды у святыхъ испещрены золотомъ*; слѣдственно, ему, неизвѣстно, что это испещреніе состоитъ изъ тѣхъ тонкихъ пластинокъ, укрѣпленныхъ на ребро въ видѣ перегородочекъ, въ которыя вложена финифть. Далѣе, обозрѣвая древности, найденныя въ Кіевѣ въ 1824 году (№ 5), онъ пишетъ о золотой панагії, что на ней *по финифти изображены золотыми чертами ликъ Спасителя*. Здѣсь золотыя черты опять тѣ же пластинки, перегородочки, которыя притомъ никакъ не могли изображать что-либо *по финифти*; напротивъ, они сами служили рамками для финифтевыхъ изображеній. Намъ даже удивительно, какъ г. Сахаровъ не могъ догадаться, что это дѣйствительно золотыя пластинки, а не золотой наводъ по финифти, потому что и въ самомъ описаніи этой панагії, изъ котораго г. Сахаровъ взялъ и свое описаніе, сказано, что *по финифти изображены золотыми просвѣчивающимися со дна чертами Спаситель* *). Все это можетъ, кажется, вполне свидѣтельствовать, что въ трудѣ г. Сахарова всѣ заимствованія сдѣланы безъ надлежащей связи и соображенія. Что жъ касается до *пяти* или, вѣрнѣе, *шести* мѣдныхъ финифтевыхъ иконъ въ Антоніевомъ Новгородскомъ Монастырѣ, которыя также отнесены къ византійскимъ памятникамъ, мы, хотя и не видали ихъ, но, судя по описанію (Отд. IV, стр. 21), можемъ положительно сказать, что иконы эти принадлежать ко времени позднѣйшему, нежели то, къ которому ихъ относятъ.

*) Труды Общ. Ист. и Др. Рес. Ч. III. Стр. 155. Статья митрополита Евгенія.

О произведеніяхъ русской финифти авторъ говоритъ, что они *начинаются* съ половины XII столѣтія. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ выписываетъ изъ лѣтописей извѣстія, когда русскіе князья украшали финифтью церковную утварь. Такимъ образомъ извѣстія начинаются съ половины XII вѣка; слѣдовательно, и произведенія финифти начинаются съ этого же времени. Еслибъ извѣстіе явилось еще позже, въ XIV вѣкѣ, то и произведенія начались бы съ XIV вѣка?

«Наши древнія произведенія финифти (говоритъ г. Сахаровъ) были настоящими копіями съ византійскихъ подлинниковъ. На сохранившихся памятникахъ встрѣчаемъ финифть въ двухъ видахъ: 1) *муссіѣнную*, наложенную на металлическомъ листѣ въ клѣточкахъ перегородокъ или углубленную въ рѣзбу. Такой видъ финифти производился въ Россіи до XV вѣка; 2) *простую*, наводившуюся на металлахъ сплавами финифти въ видѣ тонкихъ слоевъ. Такъ она дѣлалась въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ.»

Особенно поражаетъ здѣсь положительный тонъ этихъ разговоровъ. Говоря о цвѣтахъ финифти, г. Сахаровъ замѣчаетъ, что они бывали «иногда съ золотыми чертами», слѣдственно снова обнаруживаетъ незнакомство съ наличными памятниками. Но лучше и положительнѣе всего такое незнакомство показываютъ памятники, приведенные авторомъ, какъ произведенія русской финифти. Здѣсь въ 62 нумерахъ собрано все, что только можно было собрать изъ разныхъ описаній съ рисунками и безъ рисунковъ. Памятники, разумѣется, все наличные; но были ли они наличными для автора, то есть видѣлъ ли онъ ихъ самъ и составилъ ли ихъ описаніе на мѣстѣ — въ этомъ мы положительно сомнѣваемся. Почти всѣ эти памятники находятся въ Москвѣ, и большая изъ нихъ часть въ Оружейной Палатѣ. Нужно *видѣть* эти памятники, чтобъ убедиться въ разнородности финифти, которою они украшены, и ко-

торая на большой части наметниковъ принадлежитъ искусству Нѣмцовъ, живущихъ въ Москвѣ, то есть искусству западныхъ художниковъ, которыхъ постоянно вымывали въ Москву наши цари; но сверхъ того, напримѣръ, тарелки (№ 30 и 47) и рукомяникъ (№ 49)—цареградскаго или восточнаго дѣла. Мы не говоримъ уже, что отиѣтки автора: «сія работа принадлежитъ *устюжскимъ мастерамъ* второй половины XVII вѣка», или «сія работа произведена съ особеннымъ искусствомъ московскими мастерами первой половины XVII столѣтія», или «сія работа принадлежитъ новгородскимъ мастерамъ» и проч. не имѣють основаній.

Ниже мы укажемъ, чѣмъ именно авторъ руководствовался въ подобныхъ опредѣленіяхъ, обозначааемыхъ съ такою поеложительностью.

«Западная финифть появилась въ Россіи въ концѣ XVI ст. времени, но постоянное водвореніе послѣдовало въ XVII вѣкѣ, въ царствованіе Царя Михаила Феодоровича, когда царскую Мастерскую Палату наполняли чужеземными мастерами. Эта финифть занимаетъ среднее мѣсто между эмалью и нашею Московскою. Цвѣта ея *мрачны, рисунокъ не нашъ, совершенно отдаленъ отъ обычаевъ нашей земли*. Она не долго гостила у насъ; восточная финифть, явившаяся въ царствованіе Алексѣя Михайловича, совершенно ее убила. Мастера должны были подчиняться нашимъ обычаямъ, должны были принять опредѣленные цвѣта, усвоенные издревле. Новгородскіе и устюжскіе мастера, издавна завладѣвшіе въ Москвѣ бытомъ своихъ произведеній, имѣли надъ чужеземцами большое преимущество. *Москвичамъ не могла поправиться тонкая наводка западной эмали*. Видно и самые мастера явились къ намъ не первой руки. Можетъ быть, ихъ произведенія одною только новизною могли удержаться не болѣе 40 лѣтъ, и то едва ли не въ одной Москвѣ.»

Нельзя не подивиться рѣшительности этихъ приговоровъ, не имѣющихъ никакого основанія. Вотъ что значитъ писать по *малычлымъ* памятникамъ! И цѣта ирачны, и тонкая наводка эмали, которая, сверхъ того, не иравилась Москвичамъ! И на какомъ основаніи древнимъ Москвичамъ придаете вы такое безвкусіе, что имъ будто-бы не иравилась тонкая наводка западной эмали? Гдѣ доказательства? Гдѣ эти произведенія новгородскихъ и устюжскихъ мастеровъ, которыя *имѣли преимущество*? И откуда взято извѣстіе, что западная финифть недолго у насъ гостила, не болѣе 40 лѣтъ, когда мы знаемъ цѣлый рядъ именъ иноземныхъ художниковъ, жившихъ въ Москвѣ, по приглашенію царей, съ конца XVI и по начало XVIII столѣтій, слишкомъ сто лѣтъ и жившихъ дѣйствительно въ одной Москвѣ, потому что тогда въ одной только Москвѣ и могли жить искусства, сколько нибудь выходяшія изъ уровня первоначальныхъ потребностей и отличавшіяся хоть нѣкоторымъ искусствомъ? Развѣ вамъ не извѣстно, что въ то время, даже изъ Русскихъ, каждый мастеръ, гдѣ бы онъ ни жилъ, если хоть сколько нибудь прославлялся своимъ искусствомъ, тотчасъ же *доставлялся* въ Москву вслѣдствіе царскихъ указовъ? Въ Москвѣ и было средоточіе искусства; въ ней только они и процвѣтали и поддерживались постояннымъ пребываніемъ лучшихъ мастеровъ. На долю областныхъ художниковъ оставалась незатѣйливая работа тѣхъ только предметовъ, которые соответствовали незатѣйливымъ потребностямъ простаго народа. Въ отношеніи финифти, эти предметы ограничивались иконами крестами, складнями и небольшими иконами, которыя украшались финифтевыми поливами самыхъ дешевыхъ и потому грубыхъ составовъ. На этихъ-то вещахъ, какъ на вещахъ чисто русскаго производства, и лежитъ печать областного различія, по которому и можно производство ихъ относить къ новгородскимъ или устюж-

скимъ или ростовскимъ мастерамъ; да притомъ и не въ работѣ ихъ различіе, а отличаются онѣ только цвѣтами финифтевыхъ полей. Тѣ же памятники, которые приводятся г. Сахаровымъ съ отиѣтками, что они дѣланы въ Новгородѣ, Устюгѣ и пр., всѣ дѣланы московскими художниками, преимущественно иноземцами, западными и восточными, и лучшими русскими мастерами, учениками этихъ чужеземцовъ. Отчего же Москвичамъ не могла нравиться тонкая наводка западной эмали, когда современные акты ясно свидѣтельствуютъ, какъ заботились наши цари о вызовѣ иностранныхъ мастеровъ съ тѣмъ, чтобъ они не только дѣлали для Двора различныя вещи, но чтобъ учили своему художеству и русскихъ людей.

Восточную финифть г. Сахаровъ описываетъ точно такъ же, какъ и западную, съ тою только разницею, что восточная финифть у него «прозрачная и легкая какъ стекло въ яркихъ «и бѣлыхъ цвѣтахъ, въ узорахъ, дотогѣ невиданныхъ, съ *«золотою разводкою»*. Остальное все сходно. Эта финифть также существовала въ Россіи недолго, едва-ли и 50 лѣтъ; назначеніе ея было ограниченное; мастерство существовало въ одной Москвѣ.

«Дешевыя Ростовскія и Устюжскія произведенія существовали по прежнему для Русскихъ городовъ; къ нимъ всѣ привыкли (!), ихъ желали всѣ имѣть (!); они дружились съ нравами и обычаями нашихъ отцовъ.»

. Доказательствомъ, что г. Сахаровъ и эту финифть видѣлъ только на рисункахъ, а не на наличныхъ памятникахъ, служатъ опять приведенныя имъ образцовыя произведенія цареградской (восточной) финифти, между которыми № 2 держава, по рисункамъ изъ «Древностей Россійскаго Государства» (отд. II. № 20, 21, 22) и № 4 скипетръ царя Петра Алексѣевича — суть превосходнѣйшіе и единственные въ своемъ родѣ памятники западнаго фряжскаго художества. Нужно за-

нѣтъ, что здѣсь въ заимствованіяхъ произошла небольшая запутанность. Говоря объ упомянутой державѣ (№ 2), что она цареградскаго дѣла и привезена въ Москву Грекомъ Юрьевымъ, г. Сахаровъ заимствуетъ это извѣстіе изъ «Описанія Оружейной Палаты» г. Вельмана; рисунки же, имъ указанные, изображаютъ совершенно другую державу. Вѣроятно, г. Сахаровъ сообразилъ, что держава, описанная у г. Вельмана, и есть та самая, которая хромолитографирована въ «Древностяхъ Россійскаго Государства» подъ № 20, 21 и 22, такъ какъ въ этомъ изданіи, то есть въ вышедшихъ пяти выпускахъ рисунковъ, не оказалось налицо другой державы. Нельзя также не замѣтить, что бѣльшая часть историческихъ фактовъ о восточной финифти заимствована авторомъ изъ указаннаго нами выше рукописнаго источника. Онъ самъ говоритъ, что въ летописяхъ, актахъ и на самыхъ памятникахъ мы не находимъ извѣстій о финифтевыхъ художникахъ; указаній о нихъ должно искать въ описяхъ и приходо-расходныхъ книгахъ, на которыхъ, прибавимъ мы, по преимуществу и основывается извѣстный автору источникъ. Всѣ (до одного) имена финифтевыхъ художниковъ съ извѣстіями о ихъ работахъ заимствованы отсюда же; но отъ поспѣшности или по какойнибудь другой причинѣ, авторъ не точно воспользовался готовыми свѣдѣніями. Грека Константина Манунлова онъ называлъ Манунломъ Константиновымъ (№ 3), Ларіона Аеанасьева (№ 1) онъ назвалъ Лукою и всѣ извѣстія о немъ отнесъ къ Лукѣ Мыррину, такъ-что, вмѣсто Мырринъ (№ 5), слѣдуетъ читать Аеанасьевъ № 1.

Этимъ и кончается статья о финифти.

Всѣ памятники, которые указаны г. Сахаровымъ, какъ произведенія византійскаго, русскаго, западнаго и восточнаго дѣла, не описаны имъ *малѣю*, а выбраны изъ разныхъ книгъ по слѣдующему весьма простому способу. Въ книгахъ,

например, некоторые памятники названы *эмалевыми*; следовательно, они по сужденію г. Сахарова, непременно должны быть немецкаго дѣла, потому что эмаль произведеніе западное: всѣ такіе памятники онъ и ставитъ подъ рубрикою западной финифти. Другіе въ описаніяхъ названы греческими—онъ и относитъ ихъ подъ рубрику византійскихъ. Тѣ же, которые съ русскими надписями или съ извѣстіемъ, что они принадлежали какому-либо лицу, онъ не задумывается отнести къ русскимъ произведеніямъ. Отъ этого въ отдѣлѣ русскихъ памятниковъ у него есть и немецкіе и цареградскіе, а въ отдѣлѣ цареградскихъ есть немецкіе. Факты, подтверждающіе такое распредѣленіе памятниковъ, указаны нами выше.

Въ томъ же характерѣ составлена и третья статья: *Ценинная произведенія*. Изъ нея мы также узнаемъ, что въ русской литературѣ не было издано ни одного сочиненія о ценнинныхъ произведеніяхъ; даже слово «ценина» недавно появилось въ изслѣдованіяхъ русскихъ древностей. Далѣе, что «*Это искусство перешло къ намъ изъ Греціи, что въ наше время изъ всего ценниннаго производства удержались кафли и муравленая посуда, низведенныя нерадьніемъ до простаго ремесленнаго состоянія*». Древнее цвѣтущее искусство ценнины перешло въ наше время въ руки гончаровъ... Мы до того позабыли его, что *немногіе изъ русскихъ знаютъ* объ его существованіи на святой Руси, не многіе могутъ отличать его отъ другихъ издѣлій... Время закрыло отъ насъ многое, извѣстное нашимъ отцамъ; нововведенія отклонили насъ отъ простыхъ всѣмъ извѣстныхъ понятій; но наука должна возвратити намъ все забытое путемъ критическихъ изслѣдованій, должна указаніемъ на сохранившіеся памятники сроднитъ насъ съ заветною стариною.»

Что же это за искусство, которое наука должна возвратити намъ путемъ критическихъ изслѣдованій, которое было

цѣтущимъ и низведено нерадѣніемъ до простаго ремесленнаго состоянія? Что это за искусство, о существованіи котораго немногіе изъ русскихъ знаютъ, которое немногіе могутъ отличить отъ другихъ издѣлій? Читатель можетъ дѣйствительно подумать, что здѣсь дѣло идетъ о какомъ нибудь рѣдкомъ искусствѣ, навсегда погибшемъ для его любознательности, такъ что нужно въ самомъ дѣлѣ предпринимать особыя критическія изслѣдованія. Весь интересъ второй статьи въ томъ, что она весьма ярко свидѣтельствуетъ, какъ можно иногда къ простому и ясному дѣлу подходить въ темнотѣ положительнаго незнакомства съ нимъ.

Что такое ценина?

«Цениною наши отцы называли особенное искусство украшенія *металлическихъ, глиняныхъ, алебастровыхъ (!), каменныхъ (!) и стеклянныхъ (!)* произведеній. Это искусство производилось изъ бѣлой простой глины, или изъ фаянсовой, съ стеклянными поливами. Съ ними соединялись и другія искусства: *лѣпаное* для выдѣлки выпуклыхъ издѣлій, *иконописное* и *живописное* для цвѣтнаго наведенія ликовъ Святыхъ, обликовъ людей, личинъ, птицъ и звѣрей, узоровъ; *обливное* для покрытія изображеній поливами. Старые мастера изъ чистой фаянсовой глины изготовляли тѣсто, гѣпли изъ него изображенія, посуду, кафли, или накладывали его слоями на металлъ простой, иногда басменной, подвергали въ печи обжиганіямъ. Вторая работа переходила въ руки иконописцовъ: они на обожженныхъ произведеніяхъ писали металлическими или земляными красками... Третья работа состояла въ облицовкѣ произведеній стеклянными поливами (журавями, глазурью)... Въ металлическихъ произведеніяхъ цениныя украшенія очень-близко подходятъ къ финифти, но различаются отъ ней видомъ, составомъ массы и производствомъ работъ. Финифть наводилась тонкими слоями на дорогія и

ценныя произведенія — на золото, серебро и очень рѣдко на мѣдь... Ценина же накладывалась на мѣдь, *жельзо*, очень рѣдко на серебро, часто на глину и *камень (!)*... Финифть безъ металла одна не могла выдѣлываться; для ней нужны были металлическія основы и особенные стеклянные сплавы; напротивъ того, ценина выдѣлывалась одна, сама по себѣ, и на металлѣ изъ простой или фаянсовой глины; стекляныя поливы служили, для ней только облицовкой».

Изъ всего этого мы все-таки не получаемъ яснаго понятія, что такое собственно была ценина? Здѣсь не мѣсто входить въ подробности по этому предмету; но скажемъ—имѣя на то положительныя данныя — что цениною называлась встарину *фаянс* и *форфор* съ синею раскраскою, еще вѣрнѣе, та *бъловатая* съ синею раскраскою стеклянная полива, которую мы и теперь видимъ на изразцахъ (кахляхъ) нашихъ печей. Слово «ценина» происхожденія западнаго, какъ и слово кахель (*kachel*). Понѣмецки *zinn* — значитъ олово, а олово, переженное въ порошокъ, составляло одинъ изъ главныхъ, основныхъ составовъ не только ценнины, но и всякой стекловидной поливы, слѣдственно и финифти. Самъ г. Сахаровъ говоритъ, что флорентійскій скульпторъ Лука де-ла-Роббіа первый началъ наводить выпуклыя изображенія изъ обожженной глины *оловянкой поливой*. Такія-то произведенія и назывались ценнинными. Встарину у насъ былъ даже цвѣтъ матерій *ценинный*, какъ былъ цвѣтъ сахарный, соломенный и т. п.: тафта ценнина, камка ценнина. Если цвѣтъ матерій имѣлъ сходство съ цениною, и потому назывался ценниннымъ, то ценина имѣла свой одинъ определенннй цвѣтъ, именно синій; слѣдственно, слова автора, что ценина была кромѣ синей, и зеленая, и желтоватая и наконецъ разноцвѣтная, изъ соединенія многихъ цвѣтовъ — ни въ какомъ случаѣ не могутъ относиться къ ценинѣ. Цениною

назывался *фаянс*, а отъ сходства съ нимъ по виду—ценными назывались и *бѣлые* съ синюю раскраскою печные *изразцы*, обливаемые тѣмъ же *бѣлымъ* составомъ и отличающиеся отъ фаянса только своимъ грубымъ матеріаломъ, простою глиною, тогда какъ фаянсъ дѣлается изъ бѣлой глины. Всѣ стекловидныя поливы другихъ цвѣтовъ, которыми встарину обливали горшки и расписывали печные и стѣнные изразцы, «кафели», назывались тогда просто *муравою*; поэтому и самыя печки, если онѣ складывались изъ бѣлыхъ съ синюю раскраскою изразцовъ, назывались *ценильными*, а если изъ цвѣтныхъ, бѣльшею частью по зеленому фону—*мурамленными*. Мы не говоримъ уже, что и теперь весьма известны горшки муравленные, облитые зеленою и прозрачною муравою по желтой глинѣ, отчего она и имѣетъ видъ желтый.

Страннѣ всего, что, по словамъ г. Сахарова, ценина накладывалась на *жельзо* и *камень*, *алебастръ* и даже *стекло*. Здѣсь очень рѣзко высказывается совершенное незнакомство съ производствомъ этого рода. Всѣ поливы, стеклянные сплавы, мурава, ценина и всѣ финифтяные составы, которыми украшались вещи, не иначе могутъ приставать, то есть соединяться, сплавляться съ металломъ и глиной, какъ посредствомъ обжиганья, раскаливанья на огнѣ, о чемъ говорить и авторъ. Одинъ огонь, и притомъ сильный огонь, только и соединяетъ, сдѣпляетъ, сплавляетъ эти составы съ металломъ или глиной, превращая въ то же время жидкую или тѣстяную массу составовъ въ стекловидное и твердое вещество. Какого рода камень посредствомъ обжиганья и раскаливанья можетъ украшаться этими сплавами? Какимъ образомъ можно сплавить эти составы съ алебастромъ, который отъ огня превращается въ известъ? Да притомъ, если подобныя сплавы наводились на металлъ, то это была уже финифть, а не ценина; а если ими поливалась глина, то это называлось

муравю, цинною; составъ же этихъ сплавовъ белѣе или темнѣе одинаковъ, и что можно навести на металл, тѣмъ же самымъ можно облить или раскрасить глину, простую и бѣлую. Неясно понимая производство дѣла, г. Сахаровъ, само собою разумѣется, смѣшиваетъ все вмѣстѣ: у него ценна— все, что только украшено стеклянными поливами, или подходить къ нимъ по виду. И финифть ценна, и фаянсъ ценна, и фарфоръ ценна! По поводу одной фарфоровой сулея, которую онъ видѣлъ только на рисункѣ и которую справедливо относить къ произведеніямъ ценнымъ, онъ дѣлаетъ даже укоризненное замѣчаніе нашимъ описателямъ древностей (напримѣръ, г. Вельтману) въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Наши описатели древностей какъ эту сулею (Древн. Рос. Госуд. Отд. V. № 36), такъ и образа (Описаніе Коробановскаго Музея рис. III и V) называютъ фарфоровыми произведеніями. Повторяемъ, что до 1700 года въ Россіи не знали о фарфоровыхъ издѣліяхъ.»

Какъ же не знали, когда эта сулея, относящаяся къ XVI столѣтію, есть именно сулея фарфоровая, точно такъ же, какъ и упоминаемые образки, относящіяся, впрочемъ, къ позднѣйшему времени. Памятники хранятся въ Оружейной Палатѣ въ Москвѣ и доступны каждому.

ИСТОРИЯ И ДРЕВНОСТИ МОСКВЫ.

МОСКВА. Подробное историческое и археологическое описание города. Изд. А. Мартынова. Текст составлен И. М. Снегиревым при сотрудничестве самого издателя. Москва 1865.

Подробное историческое и археологическое описание наших старых городов представляет, по нашему мнѣнію, одну изъ самыхъ необходимѣйшихъ задачъ для современныхъ русскихъ историческихъ и археологическихъ изслѣдованій. Мы придаемъ этой задачѣ особенно важное значеніе потому, что она, исполненная и разрѣшенная болѣе или менѣе успешно, во всякомъ случаѣ должна раскрыть и освѣтить темныя укранны нашей исторіи, *мѣстныя*, частныя *свойства* и *силы* нашего историческаго развитія, безъ чего, какъ всѣ, конечно, согласятся, никогда не будутъ вѣрно поняты и оценены по достоинству и общія наши историческія свойства и силы. Теперь больше, чѣмъ когда-либо, намъ нужно знать уже не Европу только, а нужно, и крайне необходимо знать себя, знать, что именно кроется внутри насъ, на чемъ мы стоимъ, чѣмъ именно держимся и живемъ?

Только *подробнымъ* осмотромъ и разслѣдованіемъ *мѣстныхъ* областныхъ памятниковъ отжившаго быта, — будутъ ли те монументальные памятники, зданія, разнаго рода соору-

женія, начиная отъ кургановъ и городищъ, также памятники *вещные* (всякая вещь), или же памятники слова устнаго и письменнаго, памятники угасшей народной мысли, угасшихъ народныхъ представлений и вѣрованій, — только подробнымъ описаніемъ и разслѣдованіемъ всѣхъ этихъ почтенныхъ остатковъ старины мы достигнемъ возможности выяснять себѣ наши областныя исторіи, а вмѣстѣ съ ними и главный существенный вопросъ нашего современнаго сознанія, который неутомляемо слышится въ каждомъ испытующемъ русскомъ умѣ, именно вопросъ о томъ, въ чемъ истинный разумъ, и въ чемъ истинная сила русской жизни, въ чемъ существо русской народности? Теперешнимъ ходомъ нашей внутренней жизни мы поставлены въ рѣшительную необходимость знать это не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ. Теперь царство фразы окончилось (и дай Богъ, чтобъ навсегда), теперь наступаетъ царство дѣла. Это всѣ очень хорошо чувствуютъ. Но трудно дѣлать дѣло, и особенно народное дѣло, когда не сознаешь вполне, въ чемъ его истина и гдѣ его ложь. А такое сознаніе только и можетъ дать народная исторія. Общее историческое наше русло мы извѣдали на столько, что заблудиться едва ли можемъ; но остаются еще во множествѣ разные заливы, и плёсы и лиманы, съ которыми мы еще очень мало знакомы; а безъ такого знакомства наше плаваніе по жизненной исторической нашей рѣкѣ будетъ, если не опасно, то трудно, тягостно, и можетъ потребовать излишнихъ и напрасныхъ усилій, напрасной траты времени и народныхъ дарованій, можетъ разстроить доброе народное дѣло. Мы должны хорошо и въ подробности знать — откуда мы плывемъ, гдѣ и куда плывемъ? Исторія, одна исторія, разработанная въ своихъ мѣстныхъ подробностяхъ, можетъ подать самый *дѣльный*, основательный и разумный голосъ, не только при разрѣшеніи перваго вопроса, но даже при разрѣшеніи и двухъ остальныхъ, и по-

вторизъ: именно, исторія, разработанная въ своихъ мѣстныхъ, областныхъ подробностяхъ. Мы вообще думаемъ, что до тѣхъ поръ, пока областныя исторіи съ ихъ памятниками не будутъ раскрыты и подробно разсмотрѣны, до тѣхъ поръ всѣ *наши общія* историческія заключенія о существѣ нашей народности и ея различныхъ историческихъ и бытовыхъ проявленій, будутъ голословны, шатки, даже легкомысленны, чему легко указать множество примѣровъ.

Такъ, мы не находимъ, напр., и малѣйшихъ историческихъ основаній для распространеннаго уже взгляда, по которому къ московскому періоду нашей исторіи иные почитаютъ какъ бы долгомъ относиться съ какою-то брезгливостью, если не со враждою. Москва, по этому взгляду, рисуется чуть не «татарскою орлою»; между тѣмъ, вся вина Москвы (если есть тутъ въ самомъ дѣлѣ вина) заключается лишь въ томъ, что она, по неизбѣжному закону историческаго развитія русской народности, явилась наиболѣе сосредоточеннымъ и сильнымъ выразителемъ самаго основнаго и первоначальнаго начала старой русской жизни, а именно, выразителемъ *идеи самовластія*, господствовавшей прежде и въ нашемъ частномъ, и въ общественномъ быту, и носившейся всюду по русской землѣ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ и затѣмъ слившейся въ одно цѣлое, которому имя было—*Москва*. Когда изъ хаоса частныхъ самовластныхъ отношеній, ничѣмъ не опредѣленныхъ, вращавшихся безъ всякаго плана, а стало быть, и безъ общей единой цѣли, возникъ вполне законченный, живой, вполне опредѣленный типъ самовластія, тогда только, и именно посредствомъ этого живаго типа, почувствованы были и всѣ *общія* цѣли и задачи народнаго развитія. Народъ такъ и понялъ эту новую фазу своей жизни. Ея не могли понять лишь тѣ частныя сферы жизни, которыя продолжали по прежнему преслѣдовать свои частныя цѣли, во-

все не имѣя никакихъ представленій о цѣляхъ общенародныхъ. Въ этомъ смыслѣ, Москва явилась знаменемъ общихъ цѣлей; она крѣпко держала это знамя, постоянно была съ нимъ впереди, и своею исторіею доказала, что эти цѣли были существенныя, потому что онѣ были общенародныя. Другое дѣло—разсуждать о томъ, какъ могло бы быть.

Если идея *самовластия* повергла наше древнее общество въ безысходное броженіе всяческой розни, междоусобія, княжескихъ и вѣчевыхъ крамолъ, отъ которыхъ «погибала жизнь, вѣки человѣкамъ сокращались», то къ какой же иной формѣ могла придти эта жизнь, какъ не къ той же формѣ самовластия? Преимущество московской формы предъ своими родоначальниками, частными мелкими формами самовластия, конечно, заключается въ единствѣ; а единство, во всякомъ случаѣ, есть сила; съ силою же можно было добратся, по крайней мѣрѣ, до того, чтѣ мы есть. Москва вынесла всю невыносимую, страшную тяжесть такого именно хода нашей исторіи. Она вынесла всѣ страшныя боли общаго органическаго разстройства. Какъ только это разстройство нашло себѣ исходъ, такъ въ той же Москвѣ послѣдовали, одинъ за другимъ, переломы къ здоровью, къ здравствованію всей земли, а не какой-либо ея части. Мы никакъ не можемъ понять, за чтѣ вообще такъ ребячески сердиться на историческую Москву? Чтобы вѣрно оцѣнить ея историческое значеніе, каково бы оно ни было, необходимо хорошо и основательно ознакомиться съ тѣмъ, чтѣ было до нея и по сторонамъ ея. Вотъ, почему мы искренно желаемъ, чтобы *областная мѣстная* исторія сдѣлалась такимъ же насущнымъ вопросомъ въ нашихъ работахъ, каковымъ во время оне былъ пресловутый *варяжскій* вопросъ.

Въ настоящее время для этого существуютъ даже практическія средства, существуютъ, напр., губернскіе статистическіе комитеты, члены которыхъ могли бы принести вели-

кую пользу, обративъ послѣнное вниманіе на собраніе, заодно съ статистическими, и историческими и археологическими свѣдѣніи, актовъ, преданій, всякихъ записокъ и описаній, касающихся ихъ мѣстной исторіи и древностей, вообще областного быта, прожитаго и проживаемаго теперь. Нѣкоторые комитеты уже успѣли оказать въ этомъ отношеніи значительныя услуги и въ «Памятныхъ» губернскихъ книжкахъ дали образцы очень любопытныхъ и основательныхъ трудовъ по разработкѣ мѣстной исторіи. Но, къ великому сожалѣнію, эти книжки издаются только для официальной среды и затѣмъ скоро исчезаютъ, вовсе не поступая въ оборотъ ученой изыскательности. Ихъ очень трудно доставать, хотя бы и за дорогую цѣну.

Статистическіе комитеты могли бы оказать великую услугу для русской исторической науки собраніемъ въ одну книгу, каждый по своей губерніи, всего того, что въ разное время печаталось по исторіи, археологіи, этнографіи въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», которыхъ точно также достать теперь уже нельзя. Необходимо же когда-либо подумать о томъ, что каждая мѣстность есть живая часть общаго цѣлага, а не какое нибудь департаментское отдѣленіе; что, какъ живая часть, каждая мѣстность имѣетъ самостоятельный, своеобразный смыслъ, который обнаруживается не только въ экономическихъ, но и въ историческихъ ея условіяхъ. Раскрыть и надлежащимъ образомъ освѣтить этотъ смыслъ можетъ только исторія этой мѣстности, или области. Безъ исторіи, и этнографическіе и даже статистическіе факты остаются вѣчными памятниками. Мы увѣрены, что, современемъ, не обойдутъ этой мысли и наши земскія собранія, которыя могутъ выразить свою готовность пособить этому дѣлу назначеніемъ, напр., премій за обработку своей мѣстной исторіи. Денежныхъ средствъ на это понадобится, сравнительно съ другими

расходами, самая малая доля. Къ сожалѣнiю, имѣя и въ виду и на самомъ дѣлѣ достаточныя практическiя средства для обработки областной исторiи, мы не слишкомъ богаты для этого средствами чисто научными. Совѣстно сказать: у насъ до сихъ поръ не изданы наши лѣтописи, т. е. изданы не всѣ, да же не всѣ тѣ, какiя лѣтъ за тридцать тому назначались къ изданiю Археографическою Коммиссiею, и именно самый важнѣйшiй въ настоящемъ случаѣ ихъ отдѣлъ — *областные лѣтописи*. Сколько, въ дѣйствительности, эти послѣднiя важны и какое значенiе имѣютъ даже и для выясненiя и исправленiя общей исторiи, это показали счастливымъ случаемъ явившiяся на свѣтъ *Тверская лѣтопись* (Полн. Собр. Рус. Лѣтоп. т. XV) и еще раньше изданный *Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго* (Времен. № 9).

Но еще стыднѣе намъ сказать: мы не имѣемъ не только обстоятельныхъ, но и никакихъ *указателей* даже и къ тѣмъ лѣтописямъ, которыя уже изданы. Эти два обстоятельства такъ полновѣсны по своему значенiю, что намъ нечего упоминать о другихъ, побочныхъ, хотя также очень сильныхъ матеріальныхъ затрудненiяхъ, съ которыми принужденъ бороться, чуть не на каждомъ шагѣ, каждый изслѣдователь русской древности. Одни упомянутыя два обстоятельства образуютъ такую твердую и стойкую плотину, что, по милости ея, движенiе нашей изслѣдовательности едва замѣтно и, большею частiю, все вертится на одномъ мѣстѣ. За примѣрами ходить недалеко. Вотъ книга г. Барсова: *Материалы для историко-географическаго словаря Россiи. I. Географическiй словарь русской земли (IX—XIV ст.)*. Трудъ почтенный, вполне заслуживающiй признательность науки, — трудъ, на который авторъ употребилъ и много времени, и много копейковыхъ работъ, занимаясь имъ съ любовью и обстоятельно. Однакожь, въ сущности, трудъ г. Бар-

сова есть не что иное, как *географическій указатель* къ изданнымъ лѣтописямъ и актамъ за IX — XIV ст., гдѣ, вмѣстѣ съ именами, приведены и самые тексты. Мы понимаемъ, какъ тяжела была такая работа теперь, безъ средствъ, о которыхъ мы говоримъ, и можемъ понять, какъ была бы легка, еслибъ при лѣтописяхъ существовалъ *указатель*; она тогда упростилась бы до обыкновенной переписки лѣтописнаго текста по указаннымъ именамъ; факты сами собою разставились бы хронологически, словомъ — все дѣло могъ бы исполнить, подъ руководствомъ автора, простой понимающій переписчикъ. Во всякомъ случаѣ, дѣло не потребовало бы и десятой доли тѣхъ работъ, какія, по необходимости, долженъ былъ исполнить авторъ; и, безъ малѣйшаго сомнѣнія, эти девять десятыхъ-труда авторъ непремѣнно употребилъ бы на дальнѣйшую разработку выписаннаго текста и не окончилъ бы тамъ, гдѣ оканчивается дѣло только указатель. Въ добавокъ, при теперешнихъ средствахъ и способахъ работы, самъ авторъ по необходимости долженъ былъ чувствовать, что трудъ его все-таки не полонъ, какъ въ дѣйствительности и оказывается ¹⁾). А мы все-таки должны быть очень признательны автору за его подвигъ, проложившій хоть какой-нибудь путь въ непроходимыхъ дебряхъ лѣтописнаго текста.

Сколько труда и копотливыхъ работъ долженъ былъ употребить г. Аристовъ при обработкѣ своего вопроса: «Промышленность древней Руси»!

Сколько почтеннаго труда положилъ еще гораздо прежде г. Погодинъ въ своихъ «Исслѣдованіяхъ» объ удѣльномъ періодѣ (напр., томы 5, 6 и 7)!

¹⁾ Напр. имена: Ладога, Москва, Кучново, Оповскій Лѣсъ, Тютаранавъ и въ некоторыхъ другихъ, нація случайно удалось намъ разсмотрѣть.

Вообще, сколько труда бѣдный русскій изслѣдователь долженъ употреблять совѣмъ непроизводительно, исполняя всяческія подготовительныя работы, самъ составляя указатель въ книгѣ, самъ же, иной разъ, приводя въ порядокъ уже чисто издательскую сторону книги, простое, такъ сказать, типографское удобство пользоваться ею, ибо невниманіе къ читателю и изслѣдователю превосходить у насъ всякую мѣру; у насъ есть и такія книги, гдѣ не существуетъ, напр., оглавленія, а если оно есть, — такъ нѣтъ указанія страницъ. Мы иногда, и очень справедливо, жалуемся на невниманіе къ публикѣ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, пароходахъ, на станціяхъ и т. п., но тѣмъ же самымъ мы грѣшимъ и въ наукѣ, гдѣ изслѣдователь очень часто принужденъ бороться съ смѣшными и оттого слишкомъ горькими неудобствами и затрудненіями. Все это, конечно, обозначаетъ молодость нашей науки, ея малоопытность, отсутствіе въ ней ея же элементовъ — обстоятельности, основательности, точности и отчетливости, и тому подобныхъ научныхъ приѣмовъ, которые еще далеко не вошли въ наши ученые нравы и привычки.

Вообще, должно сказать, что русская научная изслѣдовательность находится въ такомъ же невыгодномъ положеніи, въ какомъ находится и нашъ экономическій, хозяйственный бытъ. Для той, какъ и для другого, не существуетъ самаго главнаго: хорошихъ путей сообщенія, къ которымъ, не нарушая внутренней правды, мы относимъ указатели, алфавиты и всѣ подобныя средства науки. Нѣтъ этихъ путей, и оттого — недостатокъ жизненнаго движенія въ наукѣ, напрасная трата времени и труда, напрасная пагуба таланта и дарованій, постоянныя ошибки, недосмотры, пропуски, торопливые и потому ложные заключенія и выводы, лживыя тенденціи и взгляды, цѣлыя теоріи, исполненныя легкомыслія и фразерства, и все оттого, что нѣтъ прямой, основательной и об-

стоятельной дороги къ самымъ матеріаламъ изслѣдованія. Вотъ почему изданіе указателей къ лѣтописямъ и другимъ многотомнымъ собраніямъ памятниковъ, указателей не только *именныхъ*, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *предметныхъ*, мы, безъ шутокъ, можемъ сравнить съ проложеніемъ желѣзной дороги по какому-либо главному, столбовому пути. Ненасчитимо выгодныя и самыя плодотворныя послѣдствія такого дѣла не замедлили бы обнаружиться вскорѣ. Припомнимъ, какое живое движеніе въ нашей наукѣ было возбуждено однимъ только изданіемъ первыѣхъ лѣтописей и актовъ? (Послѣдніе, къ великому одолженію, явились тогда съ указателемъ). Съ тѣхъ поръ, наши требованія и запросы выросли, взгляды значительно расширились; теперь намъ нужна полнота, круглота, обстоятельность и основательность, — качества, которыя возможны только при указанныхъ путяхъ сообщенія. И потому великую услугу русской наукѣ оказалъ бы тотъ, кто принялъ бы на себя трудъ проложить эти пути. Его трудъ, по своему значенію, въ истинномъ смыслѣ могъ бы равняться нѣсколькимъ десяткамъ диссертаций и изслѣдованій, ибо въ немъ, по естественной причинѣ, на самомъ дѣлѣ лежали бы фундаменты всевозможныхъ диссертаций и статей. То, что по справедливости заслуживаетъ теперь нашей признательности, и особеннаго уваженія за понесенныя работы, тогда обратилось бы въ непреложное требованіе съ одной стороны, и въ простой трудъ постраничнаго выписыванія — съ другой.

Изслѣдователи, имѣя въ рукахъ почти готовый основной матеріалъ, могли бы съ бѣльшими выгодами для науки направить свою изыскательность къ дальнѣйшимъ цѣлямъ, могли бы самыя вопросы ставить полнѣе, многостороннѣе.

До тѣхъ же поръ, пока такія необходимѣйшія научныя средства не будутъ намъ даны, мы все будемъ, какъ говоритъ

ся, переваливать через пень колоду — выражение, хотя и рѣзкое, но вполне и со всѣхъ сторонъ характеризующее нашу теперешнюю дѣятельность и въ общей сложности, и въ ея частностяхъ. И съ особенною силою смыслъ этого выраженія будетъ высказываться въ разработкѣ *областной* исторіи, въ разработкѣ всѣхъ частныхъ и мѣстныхъ вопросовъ.

Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, требовать отъ членовъ губернскаго статистическаго комитета или отъ другихъ лицъ въ провинціи, желающихъ посвятить свой досугъ изысканіямъ объ исторіи своего мѣстожителства, чтобы они, по поводу какого-либо мѣстнаго и мелкаго географическаго или археологическаго вопроса, прочитывали постранично всю массу изданныхъ лѣтописей и актовъ, съ напряженіемъ отыскивая, когда и какъ въ первый разъ упоминается какое-либо имя или слово, очень важное для ихъ изысканій. Имъ нужна лишь справка, а между тѣмъ, эта справка становится тяжелымъ, скучнымъ, очень продолжительнымъ и, по результатамъ, совершенно производительнымъ трудомъ. Нельзя требовать и напрасно ожидать такого самоотверженія отъ людей, вовсе не имѣющихъ намѣренія дѣлаться присяжными историками или археологами. Да по правдѣ сказать, и послѣдніе очень рѣдко пускаются въ подобныя путешествія за какую-либо частною, мелкою справкою и, большею частію, оставляютъ дѣло въ такомъ видѣ, къ какому приводятъ его случайно попавшіеся подъ руку факты, повторяя затѣмъ одно и то же нѣсколько лѣтъ сряду. Эта истина подтверждается чуть не каждый день, а самый яркій и объемистый примѣръ тому мы можемъ видѣть въ обработкѣ древностей Москвы, начатой очень давно, обильной всякими книгами и статьями, славной уже своими авторитетами, и все-таки именно за отсутствіемъ указанныхъ научныхъ средствъ, неподвигающейся впередъ ни на шагъ.

Недавно, разслѣдованіе московскихъ древностей обогатилось новымъ трудомъ, который, судя по заглавію, долженъ совокупить или переработать въ себѣ все то, что до сихъ поръ сдѣлано по этому предмету. Уже одна такая мысль заслуживала бы особенное вниманіе науки.

Свести счеты по исторіи и археологіи Москвы, значитъ—указать и съ точностью опредѣлить мѣсто, какое принадлежитъ исторической и археологической Москвѣ среди областной исторіи и археологіи; значитъ—раскрыть своеобразныя силы Москвы не только въ исторіи, гдѣ онѣ, впрочемъ, достаточно раскрыты, но, главнымъ образомъ, въ ея частномъ быту, т. е. въ сферѣ ея мѣстнаго, областного или собственно «московскаго» творчества художественнаго, ремесленнаго, промышленнаго, общественнаго или, въ тѣсномъ смыслѣ, городского, также сельскаго и т. д.; словомъ сказать—раскрыть историческое и древне-бытовое значеніе Москвы въ ряду другихъ областей и городовъ русской земли. И въ самомъ дѣлѣ, сколько самаго живаго интереса заключалось бы въ разсмотрѣніи и послѣдномъ разрѣшеніи такихъ, напр., запросовъ и вопросовъ нашей современной изыскательности: чѣмъ Москва обязана Новгороду въ своемъ внутреннемъ развитіи, именно со стороны художественнаго, ремесленнаго, промышленнаго творчества; какое наследство въ этомъ смыслѣ она приняла изъ Суздальской земли, а черезъ нее, быть можетъ, и отъ Болгаръ волжскихъ и, главнымъ образомъ, изъ древняго Кіева? Какое вообще вліяніе оказывали на Москву каждый старый городъ, каждая сторона древней Руси? Москва создавалась на старой почвѣ, уже значительно подготовленной въ этомъ отношеніи развитіемъ областнымъ, мѣстнымъ, крайнимъ. Виѣсть съ политическими идеями, Москва тянула въ себя и все то, чѣмъ красна и славна была частная, такъ сказать, домашняя жизнь каждой украины,

именно стороною народного творчества, къ формамъ котораго, въ отношеніи, напр., зодчества, иконописи съ ихъ сопутниками, Москва, по естественнымъ причинамъ, оказывала благочестивое уваженіе, воспроизводя свои памятники по образцамъ Суздаля, Новгорода и другихъ старыхъ городовъ. Сліяніе въ Москвѣ областныхъ творческихъ народныхъ силъ образовало ли въ ней что оригинальное, своеобразное, самобытное, чисто-московское; шла ли въ этомъ смыслѣ Москва дальше своихъ предшественниковъ или въ ней совѣсьи заглохло и то, что было собрано и постоянно собиралось отъ старшихъ братьевъ, по обычаю времени—путемъ захватовъ и насилій?

Изъ всѣхъ подобныхъ запросовъ выясняется лишь одно, что разработка древностей Москвы находится въ полной зависимости отъ разработки областныхъ древностей. Существующій въ наукѣ пробѣлъ по этому дѣлу, конечно, долженъ очень невыгодно отражаться и на новѣйшихъ трудахъ; поэтому, наши запросы и не могутъ къ нимъ относиться. Мы здѣсь желали только намекнуть на тѣ задачи, которыя предстоятъ и сами запрашиваются для изслѣдованій. Въ отношеніи же новѣйшихъ трудовъ мы должны ограничиться лишь тѣмъ, что есть, что возможно сдѣлать при существующихъ условіяхъ науки.

Въ последнее время, трудъ — исторически и археологически и подробно описать Москву, взяли на себя лица, которыя уже достаточно потрудились прежде на томъ же поприщѣ. Текстъ описанія составленъ г. Снегиревымъ, при сотрудничествѣ самого издателя, г. Мартынова.

Г. Снегиревъ принадлежитъ къ немногимъ ветеранамъ нашей археологической науки. Онъ началъ свое изыскательное

поприще еще во времена Карамзина. Онъ уже очень давно пользуется авторитетомъ перваго знатока и ученаго изслѣдователя московскихъ древностей, по преимуществу. Можно сказать со всею справедливостью, что это одинъ изъ первоначальныхъ, самый трудолюбивый и до сихъ поръ почти единственный изыскатель и описатель памятниковъ московской старины. Его большой трудъ «Памятники московской древности» (М. 1842 — 1845), вызванный на свѣтъ достойнымъ доброй памяти содѣйствіемъ кн. Д. В. Голицына (тогдашняго начальника Москвы), и Общества Исторіи и Древностей, положилъ прочную основу заслуженной извѣстности автора. Великъ за тѣмъ г. Снегиревъ нашелъ ревностнаго и неутомимаго издателя для своихъ послѣдующихъ изысканій въ лицѣ г. Мартынова, котораго «Русская Старина» и «Русскія Достопамятности» наполнялись, по большей части, описаніемъ московскихъ же памятниковъ, такъ что значительною доле служили продолженіемъ перваго и главнаго труда. Такими же продолженіемъ этого труда были описанія «Древностей Россійскаго Государства», послужившія текстомъ къ извѣстному великолѣпному изданію, подъ тѣмъ же заглавіемъ (отд. I, IV и VI), и многія мелкія статьи, которыя авторъ печаталъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и въ другихъ современныхъ изданіяхъ, передѣлывая и обрабатывая старое, или знакомя впередъ съ своими новыми изысканіями, которыя потомъ входили въ составъ упомянутыхъ изданій.

Характеръ и достоинство этихъ археологическихъ трудовъ г. Снегирева наука также давно опредѣлила, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ, общихъ чертахъ. Она не могла не оцѣнить большой начитанности автора, значительнаго знакомства съ архивными матеріалами, этой неутомимости въ собираніи многообразныхъ данныхъ, массою которыхъ авторъ приводилъ всегда въ изумленіе обыкновеннаго читателя, въ первый разъ

встрѣчавшаго столько старыхъ словъ, столько новыхъ фактовъ.... Но вѣсть съ тѣмъ наука раскрыла также и важнѣйшій, самый существенный недостатокъ этого безцѣльнаго и не всегда толковаго собирательства, и именно, отсутствие всякой критики, отсутствие руководящей, объединяющей, направляющей мысли при обработкѣ не только цѣлаго, но и каждой отдѣльной его части, каждаго частнаго отдѣльнаго вопроса. Наука указала на очень выдающееся отсутствіе самыхъ обыкновенныхъ критическихъ приемовъ въ выборѣ, сличеніи и сообщеніи разнообразныхъ фактовъ и всякихъ свидѣтельствъ, въ нихъ должной оцѣнкѣ; указала на великую сбивчивость и несвязность изложенія, на небрежность, съ какою авторъ всегда почти относится и къ текстамъ, къ подлиннымъ словамъ, и къ ссылкамъ на эти слова, какъ бы вовсе не оцѣнивая, и даже какъ бы не понимая ихъ важности въ подобныхъ конопативыхъ и мелочныхъ работахъ; опускаетъ и текстъ и ссылки, всегда важнѣйшія, тамъ, гдѣ онѣ настоятельно нужны, и обозначая ихъ, всегда не важныя, тамъ, гдѣ онѣ вовсе не были нужны. Вообще, наука отмѣтила, что археологическіе труды г. Снегирева, не смотря на видную эрудицію, на весь внѣшній образъ учености, значительно слабы именно въ ученомъ отношеніи. Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду, конечно, не восхвалятельныя рекламы, которыя, особенно въ началѣ, щедро сыпались на упомянутыя изданія; мы имѣемъ въ виду, хотя и короткіе, но дѣльные, въ полномъ смыслѣ ученые отзывы о трудахъ г. Снегирева, принадлежащіе, напр., г. Погодину (Москвитянинъ, 1842 г. № 2 и др.). Вотъ почему труды г. Снегирева, пользуясь большимъ уваженіемъ въ средѣ непосвященныхъ, обыкновенныхъ читателей, вообще не столько цѣнились какъ исследователями, заинтересованными непосредственно и ближайшимъ образомъ въ тѣхъ вопросахъ, которыхъ касался и которые обработы-

валъ авторъ, а потому и входившими въ самое близкое знакомство съ его изысканіями.

Исследователи не находили въ нихъ именно того, что даетъ сочиненію крѣпость и твердость, надежную опору для дальнѣйшихъ изысканій, не находили въ нихъ основательности, отчетливости, точности, не только исторической, т. е. фактической, но даже и логической; вовсе не находили этого важнѣйшаго и существеннѣйшаго свойства всякой ученой работы, именно непрестанной провѣрки и самыхъ фактовъ, и своихъ соображеній по поводу сообщенія и сличенія этихъ фактовъ. Исследователи, послѣ долгихъ и очень тяжелыхъ, трудныхъ операций надъ сочиненіями г. Снегирева, могли вывести одно только непреложное убѣжденіе, что пользоваться этими сочиненіями нужно съ великою осмотрительностью и осторожностью, что несравненно легче, плодотворнѣе для себя и во всѣхъ смыслахъ полезнѣе имѣть дѣло прямо съ самыми источниками, чѣмъ изучать сочиненіе, котораго почти каждую строку приходится очищать критикою, провѣрять съ тѣми же источниками, болѣею частію всѣмъ доступными. Самые архивныя свидѣтельства, приводимыя авторомъ изъ первыхъ рукъ, сообщались въ такомъ видѣ и съ такимъ невниманіемъ къ цѣнности подлинныхъ словъ, особенно, когда они появляются въ первый разъ, что исследователи почти всегда имѣли достаточно причинъ сомнѣваться въ отчетливой достовѣрности сдѣланныхъ указаній или выписокъ.

Все это въ работающей средѣ ставило труды г. Снегирева какъ бы внѣ науки, внѣ ея границъ. Они не попадали въ ея общее теченіе, въ ея общій оборотъ, не сливались органически съ новыми дальнѣйшими работами, какія предпринимались по тѣмъ же вопросамъ другими изыскателями, что должно бы непременно случиться, даже противъ воли и желанія этихъ изыскателей; ибо каковъ бы ни былъ ученый трудъ, но если

онъ исполненъ дѣйствительно *научно*, если онъ носитъ въ себѣ животворныя начала науки, онъ всегда невидимо проникаетъ во всякую вновь начинаемую, послѣдующую работу, во всякое новое изслѣдованіе, какъ бы оно ни разнилось во взглядахъ и приѣмахъ съ своимъ предшественникомъ. Труды г. Снегирева, наоборотъ, *положительнымъ путемъ* никогда и нигдѣ не дѣйствовали въ научной обработкѣ нашихъ древностей. Ихъ связь съ этою обработкою обнаруживалась всегда только *отрицательно*, выражаема только неизбежную полемику съ ними, неизбежную ихъ перевѣрку, что въ видахъ рѣшительной бесполезности и излишняго труда нерѣдко даже совсѣмъ оставалось изслѣдователемъ.

Самою обработкою исторіи и древностей Москвы, которою по преимуществу славятся труды г. Снегирева и которой онъ дѣйствительно посвятилъ самую наибольшую долю своей археологической дѣятельности, — самою этою обработкою авторъ не внесъ въ науку ничего яснаго, опредѣлительнаго, отчетливаго, ничего такого, чѣмъ она могла бы пользоваться, какъ прочнымъ основаніемъ въ дальнѣйшемъ ходѣ своей изслѣдовательности. Въ результатѣ, эта обработка представляетъ объемистую массу свѣдѣній, въ которой нѣтъ свѣта ни историческаго, ни критическаго, которая подлежитъ необходимой, совершенно неизбежной очисткѣ и повѣркѣ, а стало быть, совершенной переработкѣ, такъ что древности Москвы, имѣя уже авторитетнаго изслѣдователя, все-таки и до сихъ поръ не имѣютъ, соответственнаго своему значенію, описанія; все-таки изысканія объ нихъ исполнены самыхъ спорныхъ и противорѣчивыхъ заключеній и соображеній и даже противорѣчивыхъ свидѣтельствъ и фактовъ. Однимъ словомъ, не смотря на давнишніе труды г. Снегирева, Москва до сихъ поръ остается безъ описанія, которое соответствовало бы значенію города, и значенію его древностей, которое давало бы

полное, отчетливое и законченное представлѣніе о томъ, что и какъ было, и что осталось теперь.

Руководясь, быть можетъ, мыслию о необходимости составить такое описаніе, о необходимости привести въ нѣкоторую стройность и порядокъ даже и обработанный уже матеріалъ, г. Снегиревъ предпринялъ, въ настоящее время, обширное сочиненіе, подъ заглавіемъ: «*Москва, подробное историческое и археологическое описаніе города*», раздѣливъ свои труды съ самимъ издателемъ, г. Мартыновымъ. Мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ и въ чемъ именно заключалось сотрудничество г. Мартынова, но, судя по характеру и всему складу сочиненія, можемъ сказать, что оно вполне напоминаетъ прежніе труды г. Снегирева, особенно «Памятники Московской Древности», которые послужили какъ бы прототипомъ и для этого изданія, даже и съ внѣшней его стороны. Здѣсь мы встрѣчаемся съ старыми знакомыми, о которыхъ только-что говорили.

Первый томъ содержитъ въ себѣ «Исторію Москвы» и «Урочища Москвы.» Последняя статья дѣлится не-то на три, не-то на два отдѣла,—такъ сбивчиво обозначены ея части: Отдѣлъ I—Московскія урочища въ хронологическомъ ихъ отношеніи; Отдѣлъ II—Старыя и новыя урочища отъ XVII до XVIII вѣка; потомъ, опять Отдѣлъ II—Московскія урочища, по отношенію ихъ къ топографіи, этнографіи, исторіи и юридическому быту.

Уже одна первая страница, которою начинается *Исторія Москвы*, можетъ служить достаточною характеристикой всего труда. Начиная исторію Москвы 1147 годомъ, какъ первымъ лѣтописнымъ свидѣтельствомъ о ея существованіи, и упомянувъ о пиршествѣ, которое съ именемъ *сильнаго обьда* давалъ въ этомъ году князь суздальскій Юрій своему союзнику черниговскому князю Святославу, авторы обознача-

ють это событіе слѣдующею фразою: «Это былъ первый союзъ сѣверной и южной Руси въ лицѣ ихъ князей». Фраза эта совсѣмъ лишена исторической правды и даетъ только ложное, натянутое представленіе о событіи, которое нисколько не выражало общихъ историческихъ отношеній въ княжескихъ дѣйствіяхъ и относится къ безчисленному ряду частныхъ междукняжескихъ дѣлъ. Затѣмъ, подтвердивъ сказаніемъ «Пролога», что Москва существовала и раньше этого года, т. е. при Владимірѣ Мономахѣ, въ чемъ нельзя было сомнѣваться уже по упомянутому лѣтописному свидѣтельству, авторы довольно положительно говорятъ, что «на мѣстѣ ея было нѣсколько селъ и городищъ, которыми владѣлъ бояринъ Стефанъ Кучко». По теченію рѣчи, можно думать — это было именно при Владимірѣ Мономахѣ или даже и раньше, что утверждается и соображеніемъ о томъ, что между новгородскими земцами встрѣчается подобное имя (когда?), и что, стало быть, Кучко былъ выходецъ изъ Новгорода. Ниже, стр. 103, авторы подробнѣе входятъ въ разсужденіе о томъ, что Кучко былъ новгородецъ, и предполагаютъ даже, не была ли Москва новгородскою колоніею, основываясь единственно только на сходствѣ именъ: Дорогомилово, Варьская улица (въ Москвѣ Варварская, а въ Новгородѣ Варяжская), и вовсе упуская изъ виду, что на такомъ основаніи легко построить безчисленное множество догадокъ и соображеній о происхожденіи одного русскаго урочища, села или города отъ другого, особенно, напр., при помощи извѣстнаго «Словаря Урочищъ» Ходаковского ¹⁾).

¹⁾ Соображеніе о новгородскомъ происхожденіи Кучко и Москвы почерпнуто изъ II кн. Временника Общ. И. и Д. Р., Смѣсь, стр. 29, гдѣ редакторъ, г. Бѣляевъ, указывая, что легенда о началѣ Москвы и о московскихъ Кучковичахъ помѣщена въ новгородской (позднѣйшей) лѣтописи, догадывается по этому поводу, что „Москва первоначально была построе-

За тѣмъ авторы положительно утверждаютъ, что «тамъ (т. е. не въ Новгородѣ, а на мѣстѣ Москвы) *Кучко построилъ деревянный городокъ, назвавъ его по рѣкѣ Москвою*, потому (будто бы), что не только многіе города, но и цѣлыя племена заимствовали свое имя отъ рѣкъ, на которыхъ стояли». Свидѣтельство очень любопытное, доселѣ мало кому извѣстное, поэтому очень было бы желательно видѣть при этомъ и обстоятельное указаніе на источникъ, откуда оно заимствовано. Но авторы не почли надобнымъ сдѣлать хотя общее обозначеніе этого источника. Они оставили безъ всякаго отзыва и указанія и всѣ легенды о *зачалѣ Москвы*, которыя появились въ XVI и XVII ст., и въ которыхъ все-таки нельзя отрицать нѣкоторой, если не чисто исторической, то, по крайней мѣрѣ, *эпической* основы, что очень важно и должно было бы занять подобающее мѣсто въ *подробномъ* историческомъ и археологическомъ описаніи города. Тѣмъ непонятнѣе такой пропускъ, что авторы удѣляютъ въ своей книгѣ не мало мѣста повѣстнымъ сказкамъ и сочиненнымъ преданіямъ о значеніи разныхъ урочищъ. Въ настоящемъ случаѣ очень важно именно то, что эпоха *зачала* Москвы была, по всему вѣроятію, пропѣта народною пѣснію, былинною. Доказательствомъ этому служатъ упомянутыя легенды и сказанія, записанныя въ XVI и XVII ст. Еще Карамзинъ замѣтилъ, что одна изъ такихъ легендъ, самая обстоятельнѣйшая, писана *размѣромъ старинныхъ русскихъ сказокъ*. Но не

на въ новгородской землѣ; это подтверждается (будто бы) и свидѣтельствомъ Переписной новгородской Книги 1500 г., по которой видно, что въ Новгородѣ еще въ XV вѣкѣ существовалъ родъ истаринныхъ новгородскихъ вотчинниковъ *Кучковичей*, у которыхъ были деревни въ Келтушскомъ погостѣ и одна изъ нихъ называлась *Кучково*^а. Повторимъ: у Ходановскаго существуетъ изобильный матеріалъ для подобныхъ сближеній и разсужденій!

одинъ ея складъ, а самое содержаніе даетъ намъ понятіе именно о ея эпическомъ народномъ происхожденіи. Карамзинъ вообще не давалъ никакой цѣны этимъ легендамъ, выставляя на видъ ихъ *анахронизмы* и *нелѣпости*. Но точка зрѣнія Карамзина оправдывается состояніемъ нашей исторической науки въ его время. Онъ взглянулъ на нихъ, какъ на рассказы лѣтописные, и конечно, долженъ былъ отвергнуть даже и малѣйшее ихъ значеніе для собственно историческаго матеріала по тогдашнимъ понятіямъ. Но съ того времени наука успѣла выяснитъ, что и эпическій, или легендарный рассказъ есть также достояніе исторіи; что онъ есть первая страница въ ней, на которой хотя и нѣтъ мѣста ни для хронологіи, ни для историческаго факта въ строгомъ смыслѣ, но есть всегда то, что можно обозначить выраженіемъ: дыханіе, дуновеніе исторіи.

По изложенію Карамзина, одна легенда рассказываетъ слѣдующее: .

Былъ на великомъ княженіи въ Кіевѣ сынъ Владиміра Мономаха, князь Юрій. Своего старшаго сына, Андрея, онъ посадилъ въ Суздаля. Въ 1158 г., ѣхалъ Юрій изъ Кіева во Владиміръ къ сыну Андрею и наѣхалъ по дорогѣ мѣсто, гдѣ теперь Москва. Тутъ были села, которыми владѣлъ нѣкій богатый бояринъ, именемъ Кучко Ивановъ. Кучко встрѣтилъ князя гордо и недружелюбно, «возгордѣвъся зѣло, не почте его и поносилъ ему». Не стерпя хулы, князь предастъ его смерти. У Кучко остаются два сына, «млады еущи и лѣпы зѣло (Петръ и Іоакимъ) и дщерь благообразна» (Улита), которыхъ князь отсылаетъ во Владиміръ къ сыну Андрею. Послѣ того князь Юрій «взыде на гору и обозрѣ очима своимъ сѣмо и овамо, по обѣ стороны Москвы рѣки и за Неглинною, возлюбилъ села оныя и повелѣтъ вскорѣ сдѣлати малъ дряннѣ градъ и прозва его Москва градъ». Потомъ князь ѣдетъ во Владиміръ

къ Андрею, женить его на дочери Кучко и заповѣдуетъ ему — Москву «людьми населяти и распространити».

Карамзинъ замѣтилъ, что эта *сказка, вѣроятно*, основана на древнемъ истинномъ преданіи. Дѣйствительно, несомнѣнные свидѣтельства лѣтописей указываютъ, что бояре Кучковичи существовали, и именно въ большомъ приближеніи у князя Андрея Боголюбскаго. Въ 1155 г., они переманили его переѣхать изъ Кіева въ Залѣсскій Владиміръ, «безъ отча повелѣнія, лестію подъяша»; а въ 1174 г., они являются главными руководителями заговора противъ Андрея — и его убійцами. Тверская лѣтопись рассказываетъ нѣсколько иначе это событіе. Она говоритъ, что Андрей былъ убитъ отъ *«своихъ бояръ отъ Кучковичевъ*, по наученію своей жены, которая, однакожь была не Кучковна, какъ говорятъ приведенная легенда и позднѣйшія лѣтописи, а болгарка родомъ и держала на князя злую мысль особенно за то, что онъ много воевалъ Болгарскую землю «и сына своего посылалъ туда (Мстислава, въ 1172 г.), и много зла учини болгаромъ», — такъ что она является мстительницею за разореніе своей родины, что весьма вѣроятно. Княгиня жаловалась на князя втайнѣ *Петру*, Кучкову зятю... слѣдовательно, она была въ томъ же злодѣйскомъ заговорѣ противъ князя. Ближайшею причиною заговора и злодѣйства лѣтопись обозначаетъ то, что Андрей казнилъ одного изъ Кучковичей, именно брата возлюбленнаго своего слуги, *Якимма* Кучковича ¹⁾). Якимъ и рѣшаетъ дѣло. На пиру у Петра, Кучкова зятя, онъ поднимаетъ всѣхъ рѣчью: «Что намъ дѣлать съ княземъ? вчера онъ *брата моего* казнилъ, а нынче, пожалуй, казнить и насъ. Промыслимъ о своей жизни». Такимъ образомъ, Якимъ

¹⁾ Иначе: *Кучковичима*, Лѣт. Воскр. 89, что имѣетъ указывать на его знатность изъ *Кучкова*, рѣше изъ Москвы.

Кучковичъ, упоминаемый въ легендѣ, является мстителемъ за смерть своего брата, имени котораго (Петръ, по легендѣ) лѣтопись не называетъ, но указываетъ, что месть совершенна въ Петровъ день, на другой день послѣ казни.

Если по лѣтописи существовали двое Кучковичей, указанныхъ легендою, то могло случиться и событіе, въ ней описанное. Невѣренъ только годъ. Въ 1158 г., Юрій уже не было въ живыхъ: онъ умеръ въ 1157 г. ¹⁾ Но за то въ Тверской же лѣтописи находимъ весьма любопытное свидѣтельство. Въ 1156 г., «Князь великій Юрій Володимирчъ заложилъ градъ Москву на устниже (на устьѣ ниже) Неглинны, выше рѣки Аузы ²⁾».

Ошибка въ годѣ незначительна, но весьма значительно обстоятельство, что Кучковичи (по легендѣ, млада суци, въ годъ построения Москвы, т. е. въ 1158 г.), еще въ 1155 г., переманиваютъ Андрея во Владиміръ, дѣйствуя противъ воли его отца. Итакъ, хронологія оказывается несостоятельною въ точномъ опредѣленіи легендарнаго событія. Тѣмъ не менѣе, это событіе, на основаніи лѣтописныхъ свидѣтельствъ, становится очень вѣроятнымъ. Зерно легенды заключается въ томъ, что основаніе, построеніе Москвы, а еще вѣрнѣе, приобрѣтеніе ея въ княжескую собственность, связано съ убійствомъ ея прежняго владѣльца изъ-за женщины, изъ-за любовныхъ связей. У Татищева находимъ новый вариантъ легенды, который въ основѣ нисколько не противорѣчитъ первому и дѣлаетъ указаніе очень важное въ хронологическомъ отношеніи. «Татищевъ, ссылаясь на мнимую раскольничью лѣтопись—говоритъ Карамзинъ—прибавляетъ, что Георгій любилъ съ женою Стефана Кучко *тысячскаго*; что мужъ,

¹⁾ Впрочемъ по Ипатьевой Лѣтописи Юрій померъ въ 1158 г. Мая 15 въ среду, что, по днямъ и числамъ, оказывается невѣрнымъ.

²⁾ П. С. Р. Л. XV, 226.

пользуясь отсутствием князя, увезъ жену въ деревню на берегъ Москвы-рѣки и хотѣлъ бѣжать къ Изяславу; что Георгій, оставивъ подъ *Торжскомъ* войско, сѣвшия набавить любовницу, убилъ мужа, дочь его выдалъ за Андрея и заложилъ городъ Москву.». Здѣсь для насъ важно указаніе, что Юрій пріѣхалъ въ Москву изъ-подъ Торжка. Это было въ 1147 г., именно въ годъ перваго лѣтописнаго свидѣтельства о Москвѣ: «Въ лѣто 6655, иде Гюрги воевать Новгородской волости, и пришедъ взя *Новый торъз* и Мьсту всю взя, а ко Святославу присла Юрьи, повелѣ ему Смоленскую волость воевати... и приславъ Гюрги и рече: приди ко мнѣ, брате, въ *Московъ* (въ Москову). Святославъ же ѣха къ нему съ лѣтатемъ своимъ Олгомъ, въ малѣ дружинѣ, пойма съ собою Володимира Святославича: Олегъ же ѣха напередъ къ Гюргеви, и да ему пардусъ. И пріѣха по немъ отецъ его Святославъ, и тако любезно цѣловасяся, въ день пятюкъ, на цо-хвалу св. Богородици, и тако быша весели. Наутрѣи же день повелѣ Гюрги устроить *обѣдь смленъ*, и створи честь велику имъ, и да Святославу дары многы, съ любовію и сынови его Олгови и Володимиру Святославичу, и мужъ Святославлѣ учреди и тако отпусти и...» Не смотря на отзывъ Карамзина, разсказъ Татищева еще болѣе вѣроятенъ, чѣмъ разсказъ первой легенды. Выборъ мѣста для «сильнаго обѣда» показываетъ, что Москва въ то уже время представляла всѣ необходимыя удобства для княжескаго пированія. А такъ какъ мы не знаемъ, была ли она до того время княжескою вотчиною, и получаемъ, напротивъ, извѣстіе, что она была вотчиною тысяцкаго Кучки, перваго человека въ княжеской дружинѣ, знатнаго и необходимо богатаго, то съ большою вѣроятностію и можемъ предположить, что легендарное событіе могло случится именно въ это время. Въ такомъ случаѣ, всѣ хронологическія данныя могутъ быть поставлены на своихъ

нѣсталъ. Два сына Кучки—Петръ и Якимъ, явившіеся дѣйствителями кроваваго замысла противъ сына Юрьева Андрея въ 1174 г.; — въ 1147 г., могли дѣйствительно быть дѣтьми. Сначала и Андрей могъ быть женатъ на Кучковнѣ, и болгарка могла быть его второю женою, которую онъ могъ привести плѣнкомъ въ первый разгромъ Волжскихъ Болгаръ въ 1164 г., когда былъ взятъ и главный ихъ городъ Бряхимовъ. Впрочемъ мы, къ случаю, дѣлаемъ только пробу розысканій, которыми, по нашему мнѣнію, должно бы начинаться это подробное историческое и археологическое описаніе Москвы.

Есть еще вариантъ той же легенды, перелѣтанный, по всему вѣроятію, книжникомъ изъ старинной народной былинны, которая нѣкогда воспѣвалась или сказывалась народными пѣвцами. Она начинается такъ:

«Почему было на Москвѣ царствомъ быти, и кто про тое вѣсть, что Москвѣ государствомъ слыти». Были на томъ мѣстѣ красныя села боярина Степана Ивановича Кучки. У боярина было *два сына*, вельми красны. Свѣдалъ про нихъ князь суздальскій Данила Александровичъ и началъ просить ихъ у боярина къ себѣ во дворъ; просить съ пригрозой, хочеть мечемъ его побить и села его пожечь, если не отдасть сыновей. Кучко, убоися страха, отдалъ сыновей. Князю Данилу они очень полюблились, онъ пожаловалъ одного въ столѣнники, другаго въ чашники. Полюблились юноши и княгинѣ Даниловой, *Улишь Юрьевль*, «возлюби красоту лица нхъ и діаволинь разжеціемъ смѣсяя любезно». Затѣмъ умыслили они съ княгинею умертвить Данила, позвали его въ поле на охоту за зайцами и тамъ хотѣли исполнить свое злодѣйство. Но Данила убѣжалъ въ лѣсъ на конѣ, потомъ бросилъ коня и побѣжалъ вдоль Оки рѣки; встрѣтилъ перевозъ, но перевоз-

никъ безъ платы перевозить нехочетъ, жалуется, что все его обманываютъ. Данило обѣщаетъ ему вмѣсто денегъ свой золотой перстень. Перевозникъ, коварно выманивъ перстень, отвалилъ отъ берега. Князь побѣжалъ опять вдоль Оки. Наступила ночь, и негдѣ ему было въ глухой дебри укрыться. Случайно находятъ онъ струбець малъ, подъ которымъ былъ погребень кто-то мертвый челоуѣкъ. Забывши страхъ отъ мертвыхъ, онъ прячется на ночь въ этотъ струбець. Между тѣмъ Кучковичи оставались въ большой печали, что упустили изъ рукъ свою жертву. Они уже раскаявались и ожидали себѣ бѣды, когда Данила прибѣжить во Владимиръ и рассказать все брату Андрею Александровичу. Княгиня придумала средство отыскать князя. Она открываетъ Кучковичамъ, что есть у князя любимый пещъ, *выжлецъ*, который такъ любитъ князя, что гдѣ бы ни было найдеть его слѣдъ... Побѣжалъ пещъ-выжлецъ, а за нимъ Кучковичи. Скоро они нашли Данила въ струбцѣ, убили его и въ этомъ же струбцѣ схоронили. Послѣ Данилы остался малолѣтний сынъ Иванъ Даниловичъ на рукахъ дядьки Давыда Тудершива ¹⁾. Спустя 2 мѣсяца по смерти отца, дядька тайно увозитъ малютку во Владимиръ къ дядѣ Андрею, и рассказываетъ про смерть Данилы. Андрей собираетъ войско (5,000 вой), идетъ на Суздаль. Кучковичи бѣгутъ къ отцу. Суздальцы выдаютъ свою княгиню Улиту. Андрей казнить ее и съ 3,000 суздальцевъ идетъ на Кучка, беретъ его въ плѣнъ и съ дѣтьми и казнить ихъ въ 1289 году, марта 17. Отоштивъ кровь брата, Андрей завладѣваетъ селами и слободами Кучки и остается жить въ нихъ, взявъ

¹⁾ Быть можетъ, это попорчено изъ *Тютрюмова*. Въ 1406 году бысть чюдо на Москвѣ въ дому *Тютрюмова*: иде нуро отъ иконы св. Богородицы и отъ чуд. Николы". (П. С. Р. Л. VIII. 78). Этотъ домъ могъ принадлежать источнику сказаннаго Давыда Тютрюма.

къ себѣ и малолѣтняго племянника Ивана. Потомъ онъ строить небольшой деревянный храмъ Благовѣщенія Богородицы, основываетъ около селъ городъ, назвавши его, по рѣкѣ Москвѣ, Москвою. А состроенъ градъ въ лѣто 1291 юля 27. При постройкѣ ему способствуютъ суздальцы, владимирцы, ростовцы и вси окрестные.

Есть еще сказаніе, по которому основаніе Москвы приписывается князю Данилу Ивановичу. Потѣхалъ князь Данила выскривать мѣсто, гдѣ бы создать себѣ градъ престольный, и взялъ съ собою нѣкоего гречина Василя, мудра и вѣдуща, чему и впредь быти. И вѣхалъ съ нимъ въ *островъ* темень, непроходимъ, въ немъ же болото велико и тошко, и посреди острова и болота узрѣлъ Данила звѣря превеликаго троеглаваго и видомъ прекраснаго. Гречинъ Василій заявилъ, что на семъ мѣстѣ созиждется градъ великъ и распространится царство треугольное... Князь Данила наѣхалъ въ томъ острову посреди болота *островецъ* малъ, а на немъ хижина, живетъ пустыльникъ, имя ему Букалъ и хижина словеть Букалова, и нѣинъ на томъ мѣстѣ царскій дворъ ⁴⁾. Послѣ того князь Данила наѣхалъ горы (крутицы), а въ горахъ хижину, а въ хижинѣ живетъ человекъ римлянинъ, имя ему Подонъ... на томъ мѣстѣ князь Данила восхотѣ домъ себѣ устроити... Подонъ же рече: здѣсь созиждутъ храмъ Божій и пребудутъ архіереи. Князь Данила въ шестое лѣто на хижинѣ Букаловѣ заложилъ градъ и нарече имя ему Москва, а въ седьмое лѣто на горахъ подонскихъ, на хижинѣ Подоновѣ, заложилъ церковь Спаса... Такъ фантазировали о зачатѣ Москвы въ XVII вѣ-

⁴⁾ Въ 1615 году мая 31, уничтожается церковь Воскресенія Христова, что на Букаловѣ А. О. П. № 896. Не видно, это урочище ошибочно написано видѣте *Булакосо*, какъ обыкновенно обозначалась эта церковь — строеніе Булгаковыхъ. Она стояла на Варваровыхъ Крестцѣхъ.

къ. По всему вѣроятію, это сказаніе сочинено на Крутицахъ какимъ-либо досужимъ перковникомъ или монахомъ. Книжники и ученые XVII вѣка возводили начало Москвы ко временамъ Мосоха, сына Іафеева...; другіе, болѣе скромные, ко временамъ перваго князя Олега... Все это показываетъ, что умы XVII ст. интересовались происхожденіемъ этого славнаго и славнаго города Москвы, ея зачатомъ, и рѣшали вопросъ каждый по своему. Но это были уже ученныя, книжныя разсужденія, соображенія и догадки, все больше и больше удалявшіяся отъ эпической, древнѣйшей основы разсказовъ, присутствіе которой такъ замѣтно въ первыхъ легендахъ. Московскій эпосъ сохранилъ, да и не могъ забыть имена первыхъ своихъ героевъ князей Юрья, Андрея, Данила, Ивана, и боярина тысяцкаго, Степана Кучки; онъ только забылъ советъ года, смѣшалъ событія и самыя лица и помнилъ одно, что городъ основанъ на крови, что кровь пролита по случаю любовныхъ связей. Столько же любопытны и народныя пѣсни о *Москвѣ-рѣкѣ-Смородилѣ*, которой одна изъ нихъ даетъ мифическій образъ красной дѣвицы ²⁾).

Какъ бы ни было, но первая страница исторіи Москвы должна начинаться изслѣдованіемъ именно объ этомъ любопытномъ эпическомъ времени ея происхожденія. Авторы какъ будто и не знаютъ о существованіи приведенныхъ легендъ, хотя съ ними легко было бы ознакомиться въ примѣчаніяхъ ко 2-му тому «Исторіи» Карамзина. Одна изъ легендъ напечатана также въ XI книгѣ *Временника* Общ. И. и Д. Р. Такое молчаніе тѣмъ болѣе непонятно, что авторы упоминаютъ же о бояринѣ Степанѣ Кучкѣ и даже указываютъ новую легенду, будто онъ построилъ деревянный городокъ, назвавъ его

²⁾ Дѣтская русская литература в древности, т. IV, статья г. Бузлова, стр. 15—18.

по имени рѣки, Москвою; упоминають о пустынникѣ Букольѣ, или Вукольѣ, говоря положительно, что на мѣстѣ его хижины срублена деревянная церковь въ честь Боголюбнаго Преображенія (Т. II, 28¹), и вовсе не указываютъ на источникъ этихъ любопытныхъ свѣдѣнй, вовсе не обозначаютъ даже времени, хотя бы приблизительно, когда жили этотъ Кучко и этотъ Буколь, и не раскрываютъ, по какой причинѣ ихъ имена занимають мѣсто въ текстѣ сочиненія. Намъ кажется, что все это заслуживало болѣе внимательнаго обследованія; по крайней мѣрѣ, эта статья въ исторіи Москвы несравненно важнѣе, чѣмъ напыщенная, хотя тоже довольно старая, явившаяся, вѣроятно, еще въ XVII ст., мысль называть Москву *седмихолмною*, уподоблять ее, по этой причинѣ, Риму и Византіи, мысль, которая не оставляетъ авторовъ въ статьяхъ перваго тома (стр. IV, 86), переносится во второй (стр. 2), и заставляетъ ихъ съ какою-то особенною заботливостью украшать свои разсужденія о ней самыми подробными ссылками на писателей, касавшихся, иной разъ по необходимости, какъ и мы въ настоящемъ Случаѣ, этого пустаго вопроса (стр. IV) или, вѣрнѣе сказать, этой пустой археологической фразы. Но таковъ, вообще, пріемъ ученой работы авторовъ. Они, напр., дѣлая ссылку, сравнительно очень значительную, въ три слишкомъ строки, о томъ, какъ думали о семи холмахъ г. Сенковскій и г. Погодинъ, оставляютъ вовсе безъ разъясненія слѣдующую фразу: «Самая природа дала мѣсту Москвы *тройственное раздѣленіе*,

¹) При разсмотрѣнн этого сочиненія по предложенію Академіи Наукъ, мы пользовались также и первыми пятью листами втораго тома, еще неизданнаго, который начинается описаніемъ Кремля и заключаетъ, въ первыхъ пяти листахъ: I. Общее обозрѣніе; II. Церковь рождества Іоанна Предтечи; и III. Сибѣ на Бору:

какое имѣли древніе города; оно обозначалось тремя рѣками и проч. Но какое же тройственное раздѣленіе имѣли древніе города и какое тройственное раздѣленіе имѣла Москва соотвѣтственно своимъ тремъ рѣкамъ?

Мысль о седмихолміи Москвы помѣшала авторамъ внести на свое мѣсто весьма важное свидѣтельство лѣтописи, что первый городъ въ Москвѣ, именно Кремль, построенъ княземъ Юріемъ въ 1156 году, какъ мы упоминали выше. Авторы совсѣмъ пропустили этотъ существенный для исторіи Москвы фактъ. За-то они за положительное рассказываютъ, что на трехъ рѣкахъ Москвы было множество мостовъ, роши (и это въ древнѣйшую эпоху) и *курени лѣса*¹⁾. О множествѣ мостовъ, да еще въ древнѣйшую первую эпоху Москвы, мы можемъ судить отчасти даже и по теперешнему состоянію города, въ которомъ пути сообщенія чрезъ рѣки, за исключеніемъ Неглинной, совсѣмъ покрытой мостовою, вообще не богаты мостами, отчего въ весенній разливъ, напр., на Москвѣ-рѣкѣ, подъ Дорогомиловымъ, и москвичи и особенно прѣзжіе крестьяне положительно бѣдствуютъ и, въ ожиданіи перевоза на паромѣ, проѣдаютъ всѣ вырученныя на торгу деньги²⁾. Въ XVII ст., трудно было перебраться даже и черезъ Неглинную. Въ 1642 году новопоставленный патриархъ Іосифъ долженъ

1) Выращеніе *курени лѣса* употребляется авторами довольно часто и, какъ намъ кажется, неправильно. Курень — слово областное и въ отхоженіи лѣса означаетъ лѣсокъ (Пряут.) и мѣсто, гдѣ вырубленъ лѣсъ. Правильнѣе было бы сказать — *острова, островамъ*, если авторы негалии обозначать отъѣшныя части лѣса, какъ это обозначаетъ и приведенная легенда. См. Опытъ Об. словаря, Опытъ Термин. словаря и Толковый словарь Даля.

2) Теперь только, что благодаря самоуправленію городского общества, выстроены наконецъ мосты у Дорогомилова и у Краснаго холма.

быть, во величавую обочину, свернуть обочинные вырвуть
 весь горизонталь ствол Москва. Длинная обочина Блжнн-
 горь въ пологъ шесте отъ Лестовскаго воротъ приближалась
 въ Турби и въ Пугачевъ, — «и чрезъ Пугачевъ постоу не
 было», повторилъ землякъ вървуть въ уикъ и перенелъ се
 по въ Троицкомъ слободѣ (у Савотки Троицк въ Троицкн—
 Воев. VI, 253). Востокъ рощей и крутой лѣса. Чрезъ по-
 ложительстве можно было бы сказать «боръ», который крѣ-
 стительство покрывалъ и остржалъ кремлевскую вѣстность,
 что законительствовало древннхъ урочищъ и «челъ». «иногда,
 авторъ промалчалъ въ своемъ короткомъ обозначеннн харак-
 тера московской, т. е. собственно кремлевской вѣстности въ
 верову ея жову. Должно замѣтить, что о кремлевской вѣ-
 стности авторъ донтъ самымъ свѣтлымъ и невѣрнымъ предста-
 вленнн.

На V стр., они пишутъ: «На *зребль* (любимое слово)
холма, въ лѣтвицѣ (въ Кремль), по въ боронъ при порогъ
 Рождества Претечи... срубленномъ (ѿ) въ бору, казались
 дворъ первоосвятителя...» и ниже: «на *зребль* кремлев-
 скихъ горъ, на *бору* (воздвигнуть соборъ Архангельскнй)».
 То холмъ, то горы и невѣрный гребень; то по въ боронъ,
 то *въ бору* и *на бору*. Неужели все это безразлично? По въ
 боронъ значить въ концѣ бора, какъ именовалась заноскво-
 рѣцкая церковь Іоанна Претечи, а на этой сторонѣ Ивано-
 скнй монастырь. На бору, какъ и въ бору, значить въ салонъ
 бору, какъ обозначалась кремлевская церковь Іоанна Прете-
 чи. Въ добавокъ, эта церковь никогда не стояла на *зребль*,
 если разумѣть по въ этииъ словонъ правъ, кручу холма или
 даже крутвицу горъ, а такъ, видно, разумѣють авторы, обо-
 значая мѣсто Архангельскаго собора (см. выше). Она стояла
 по самой срединѣ, можно сказать въ центрѣ площадки Боро-

визкаго крутаго мыса ¹⁾, который образовался слияніемъ рѣкъ Москвы и Неглинной. Площадка эта въ діаметрѣ имѣла около 50 сажень и къ югу и къ западу спускалась кручами, а къ сѣверу и востоку соединялась на-ровни съ остальною площадью кремлевскаго крутаго берега. Вся площадь кремлевской горы образуетъ мысъ по направленію отъ с.-в. къ ю.-з. или острый треугольникъ, вершина котораго направляется къ ю.-з., къ устью Неглинной, а основаніе примыкаетъ къ с.-в., гдѣ и сходитъ отлого къ Красной площади Китай-города. Какъ вершина, такъ и стороны образуютъ береговья кручи. Въ центрѣ вершины, на самомъ видномъ и казистомъ мѣстѣ, стояла древняя церковь Предтечи. Такое положеніе храма вполне оправдываетъ свидѣтельство лѣтописи, что это былъ первый по времени храмъ Москвы. Онъ, безъ сомнѣнія, построенъ былъ посрединѣ древнѣйшаго городища Москвы, именно того городища, которое срубилъ, въ 1156 году, кн. Юрій, какъ говоритъ лѣтописецъ, на устьѣ Неглинной, слѣдовательно, на самомъ кремлевскомъ мысу, о которомъ мы ведемъ рѣчь. Въ послѣдствіи, посрединѣ же распространеннаго уже Кремля, при Калитѣ, построенъ соборъ Успенскій. Надо вообще замѣтить, что соборные храмы древнѣйшихъ городовъ — кремлей или крѣпостей, всегда занимали срединаще въ нихъ мѣстоположеніе.

Дальше (томъ II, стр. 2) авторы говорятъ, что одинъ изъ семи холмовъ, Боровицкій, находится, на трехъ рѣкахъ; на Москвѣ, Неглинной и Яузѣ, что онъ съ *косогорами* и *огра-*

¹⁾ *Ост-роза*, какъ въ старину обозначали такія мѣстности. Въ древнѣйшіе наши городища названы именно на такихъ „острогахъ“, такъ что въ послѣдствіи *городокъ* (Ходанов.), собственно укрѣпленіе, и *острога* стали синонимами, и острогаки стали называться уже вообще укрѣпленныя мѣста, гдѣ бы такия ни устраивались.

сами. Боровицкимъ холмомъ сами же авторы, т. I, стр. IV, справедливо называютъ собственно кремлевскую гору. Какимъ же образомъ этотъ Боровицкій холмъ лежитъ, между прочимъ, и на Яузѣ? Напротивъ, онъ, пройдя кручею по Варваркѣ и вообще въ Зарядь, удаляется на сѣверъ и образуетъ къ Москвѣ-рѣкѣ и устью Яузы обширную низину, чуть не на квадратную версту. На этой низинѣ построенъ Воспитательный Домъ; въ старину же эта мѣстность называлась Васильевскимъ Лугомъ, на которомъ былъ расположенъ государевъ загородный садъ, также называвшійся Васильевскимъ. Вообще, разстояніе отъ восточнаго ската Кремлевской горы и до устья Яузы простирается на цѣлую версту, даже слишкомъ; слѣдовательно, Кремлевскій собственно холмъ или Боровицкій, какъ одинъ изъ семи, на Яузѣ не лежитъ. Въ отношеніи кремлевскихъ овраговъ, авторы (т. II, стр. 2) проложая свою рѣчь объ этомъ, свидѣтельствуютъ, что положеніе *длѣтинца* ¹⁾, т. е. древнѣйшаго Кремля, «было неровное, холмы и косогоры тамъ сѣвлялись оврагами и полыми мѣстами...» Все это соображенія, ни на чемъ не основанныя, въ сущности однѣ только фантазіи, вызванныя лишь тѣмъ обстоятельствомъ, что будто бы «большая часть Кремля состоитъ изъ насыпи на грунтѣ...» Дѣйствительно, по случаю современныхъ намъ построекъ, обнаруживались въ разныхъ мѣстахъ кремлевской площади значительные пласты насыпной земли; но припомнимъ, что въ Кремлѣ люди жили и строились въ теченіи 700 лѣтъ; фундаменты, погреба и проч., въ послѣд-

¹⁾ Не поминать, чтобы въ лѣтописныхъ или другихъ древнихъ текстахъ Кремль былъ названъ гдѣ-либо *длѣтинцемъ*. Если же онъ тамъ не назывался, то едва ли требуется употребить безразлично это древнее слово, содержащее въ себѣ свой особый смыслъ, который свойственъ лишь дѣлительной древности.

ствѣ заваленные и выровненные, остаются до сихъ поръ свидѣтелями, что въ Кремлѣ не осталось, быть можетъ, мѣста, гдѣ бы не жили люди. Очень понятно, что люди не одинъ разъ пересыпали съ мѣста на мѣсто верхній материкъ кремлевскаго холма и образовали почти всюду слой насыпной земли. Но даетъ ли это поводъ представлять себѣ древнѣйшій Кремль, какъ мѣстность холмистую и даже изрытую оврагами? даетъ ли это поводъ выражаться, наприм., такъ: «Когда еще *холмы* и *овраги* кремлевскіе покрывалъ дремучій боръ... на мѣстѣ хижинъ... пустыника Букола... срублена... церковь Спаса на бору» (т. II, стр. 28); или: «на *зрѣбиль* *одного изъ кремлевскихъ холмовъ*, лежащихъ къ юго-западу, подъ боромъ, срублена была церковь Рождества Претечи» (т. II, стр. 22)? Выше мы указали, что въ дѣйствительности было въ этой послѣдней мѣстности, и могла ли быть она отдѣльнымъ холмомъ, эта угловая площадка въ 50 сажень въ діаметрѣ.

Мы ознакомились съ первыми тремя страницами сочиненія и полагаемъ, что этого достаточно. Трудно исчерпать матеріалъ, который даютъ авторы для критическаго разбора ихъ неточностей, невѣрностей, разныхъ обмолвокъ и недомолвокъ. Послѣдуемъ за ними въ ихъ изложеніи собственно исторіи Москвы.

Намъ кажется, что, приступая къ изложенію исторіи Москвы, авторы не трудились выяснитъ себѣ вообще задачу ея исторіи. Что такое исторія Москвы? Въ чемъ заключается смыслъ такой исторіи? Авторы въ заглавіи своего труда опредѣляютъ

исторію Москвы, какъ исторію города. Но въ чемъ же должна заключаться исторія города, въ добавокъ, города первопрестольнаго, столицы обширнаго государства, города, который легъ краеугольнымъ камнемъ въ основаніе этого государства. Очевидно, Москва, какъ городъ, имѣетъ въ своей исторіи великій политическій смыслъ, котораго нельзя обойти даже въ мелочныхъ изысканіяхъ о какомъ-либо ея историческомъ урочищѣ. Что способствовало развитію Москвы, что способствовало ей изъ мелкой князей вотчины сдѣлаться центромъ, живымъ и сильнымъ центромъ всей русской земли? Не торговля, конечно, не образованность и никакія другія частныя условія народнаго развитія. Она развилась общимъ земскимъ дѣломъ, великимъ дѣломъ народнаго единства, великимъ политическимъ движеніемъ народа къ сознанію своей исторической цѣли. Если было такъ, то Москва должна была выразить, и въ дѣйствительности выразила, въ каждой линіи, въ каждомъ направленіи своихъ стѣнъ, улицъ и переулковъ, — великую народную, а не царскую только, идею политическаго единства. Она росла и развивалась по мѣрѣ того, какъ росла и развивалась въ народѣ эта идея. Каждый новый твердый шагъ этой идеи оставлялъ неизгладимый слѣдъ въ собственномъ ея гнѣздѣ, въ городѣ Москвѣ. На это укажетъ намъ исторія постройки московскихъ *городовъ*, т. е. собственно стѣнъ Кремля, Китая, Бѣлаго, Скородома или Деревяннаго, въ послѣдствіи Землянаго. Какая же реальная сила была представителемъ, олицетвореніемъ этой идеи? Какая реальная сила двигала ростомъ и развитіемъ города, какой законъ управлялъ его постепеннымъ, такъ сказать, органическимъ распространеніемъ, его постепеннымъ заселеніемъ, самою конструкціею его плана? Какая стихія управляла жизнью города, именно въ смыслъ его развитія, какая стихія давала питаніе ему, отчего онъ годъ отъ году добрълъ, наперекоръ врагамъ, наперекоръ чуть

не ежедневнымъ пожарамъ, оставившимъ нѣтъ лишь одну обгорѣлую почву, голую, обезображенную землю, на которой снова возрождался городъ, какъ будто выросталъ изъ самой этой пережеванной земли, какъ будто жизненные силы его крылись въ этой закаленной почвѣ? Мы желаемъ указать только на наличную, такъ сказать, первоизданную силу, которая непосредственно создавала Москву, и вовсе не думаемъ оспаривать участіе въ ея развитіи другихъ народныхъ силъ, явившихся по необходимости спутниками первой. Такою реальною силою былъ царь, представитель великой идеи народнаго единства. Москва въ сущности была царскою вотчиною, вотчинниковымъ дворомъ — посреди служебныхъ ему селъ и деревень, ставшихъ потомъ городомъ. Въ этомъ весь смыслъ ея исторіи. Съ первыхъ своихъ дней, пожалуй, хотъ со временъ Степана Кучки и до Петра I, она остается *вотчиною* и тянетъ многими своими слободами и деревнями вотчинную службу лично на царя, какъ на своего помѣщика. Вотъ прямой и непосредственный источникъ ея развитія историческаго и топографическаго. Она получаетъ жизнь вотчинниковымъ дворомъ, она развивается, растетъ и добѣдетъ изъ вотчинникова двора, какъ изъ своего стѣмени. Она, въ своемъ ростѣ изъ вотчины, становится государствомъ, царствомъ, вполне сохраняя въ этомъ высшемъ своемъ цѣлѣ весь свой вотчинный типъ, т. е. всѣ соки, которыми въ теченіе вѣковъ держалась ея жизнь, и которые отсюда разливались по всей землѣ. Русское государство, это, по преимуществу — *вотчинное* государство, которое очень соответственно называлось, большею частію, *московскимъ* — вотъ плодъ жизненнаго развитія Москвы, вотъ та высшая историческая цѣль, которой принадлежало все ея существованіе. Совершивъ свой жизненный подвигъ, она осталась на покоѣ. Но и до сихъ поръ народъ живо чувствуетъ въ ней мать своего единства, и куда

бы еще ни пошла русская жизнь, народъ никогда не охладѣеть къ своей старой Матушкѣ-Москвѣ, ибо ею только онъ возродился для государственнаго, а стало быть и для общечеловѣческаго развитія.

Итакъ, основной смыслъ исторіи Москвы есть *вотчинность*, единодержавіе, самодержавіе, чтѣ въ сущности одно и то же. Исторія московскаго вотчинника будетъ въ то же время и исторією Москвы. Если мы пожелаемъ узнать, *какъ* жилъ этотъ вотчинникъ, то мы тутъ же узнаемъ, *какъ* устроивалась и выростала Москва. Нужды, потребности вотчинника, его намѣренія и стремленія, его вѣрованія, его печали и радости—весь онъ самъ выразился самымъ осязательнымъ, нагляднымъ образомъ въ этомъ его старомъ дѣдовскомъ жилищѣ, въ этомъ его *дворѣ*, который мы зовемъ Москвою. Здѣсь мы въ его домѣ, здѣсь мы всюду съ нимъ встрѣтимся: и въ памятникѣ зодчества, и въ мелкой вещицѣ домашняго обихода, и въ расположеніи и планѣ этого обширнаго его жилища, и въ имени мѣстности, обозначившемъ не только роды, но и виды разныхъ службъ хозяину дома. Намъ кажется, что въ Москвѣ, и именно въ старой, древней, до-петровской Москвѣ, ничего другого нельзя было и замѣтить, какъ ея царь-хозяина, ея вотчинника. Все остальное имѣло относительный, такъ сказать, прикладной смыслъ. Все остальное являлось потому, что такъ нужно было вотчиннику, являлось, какъ необходимое условіе его жизни, какъ потребность этой жизни,—являлось, однимъ словомъ, для удовлетворенія нуждъ, стремленій, желаній, вкусовъ, намѣреній вотчинника. А патріархъ, возразятъ намъ, а церковность? развѣ она не была такою же дѣйствующею силою въ созданіи Москвы? Церковность, дѣйствительно, была сильною силою въ развитіи не одной Москвы, но каждаго стараго города. Соборный храмъ былъ всегда сердцемъ такого города: св. Софія въ Новгородѣ, св. Троица въ

Псковъ — сливали во-едино высшіе интересы горожанъ, единили ихъ патриотическія сердца, направляли дѣла всей области. Но такъ было именно въ тѣхъ городахъ, начало которыхъ и ихъ развитіе совѣтъ было иное, нежели начало и развитіе Москвы. Такъ было въ городахъ по преимуществу *альчевыхъ*. Въ Москвѣ, церковность занимаетъ все-таки второстепенное мѣсто, подлѣ государя-вотчинника. Главнымъ и непосредственнымъ дѣтелемъ города является онъ, вотчинникъ, а не архіепископъ, какъ, напримѣръ, въ известное время въ Новгородѣ. Въ этомъ и состоятъ различіе исторіи Москвы отъ исторіи старыхъ вѣчевыхъ городовъ.

Но какъ бы ни было, нашъ вопросъ въ томъ, замѣтили ли авторы въ исторіи Москвы главную силу ея жизни и развитія, главное, первое лице ея исторической повѣсти? Излагая — подробно ли, въ очеркѣ ли — исторію такого города, какъ Москва, нельзя же не напасть на эту силу, на это лице, нельзя же было не почувствовать присутствія этой силы, и остаться съ мыслию, что Москва росла такъ-себѣ, сама собою, отъ разныхъ историческихъ случайностей и событій. Но напрасны наши ожиданія! Авторы какъ будто живутъ назадъ тому лѣтъ 50, какъ будто они не слышали и не видѣли всего того, что произошло въ теченіи этого пятидесятилѣтія въ наукѣ русской исторіи, время ихъ — еще до-карамзинское время. Они не усвоили себѣ не только никакого *историческаго* взгляда на свой предметъ, даже и карамзинскаго, но не усвоили и тѣхъ научныхъ приемовъ, которые легли въ основу труда нашего, по истинѣ, бессмертнаго историка, и безъ которыхъ невозможна никакая историческая, ни археологическая работа. Хотя и дол-

жно замѣтить вообще, что трудъ Карамзина — мы говоримъ особенно о примѣчаніяхъ къ «Исторіи» — по характеру своихъ критическихъ требованій, по своей отчетливости, точности, ясности, изыскательности, по ширинѣ взгляда на предметъ, остается среди нашихъ теперешнихъ трудовъ какимъ-то нелосигаемой высоты памятникомъ, — однако, съ того времени наука успѣла уже многимъ воспользоваться, многое она прива-ла, такъ сказать, въ свои нравы, въ свои обычаи, и было бы, по меньшей мѣрѣ, удивительно — не слѣдовать этимъ почетнымъ и вполне наукою оправданнымъ правамъ и обычаямъ. По крайней мѣрѣ, если не всякому подѣ силу воздвигнуть себѣ такой памятникъ, то каждому изъ насъ весьма полезно почаше разглядывать, *какъ* и изъ чего онъ сложенъ, почаше смотрѣть въ него, дабы усвоить и своему труду тотъ строго научный и многосторонній взглядъ, по поводу всякаго, даже и исключительно мелочнаго разысканія. Въ своей «Исторіи», Карамзинъ, конечно, во многомъ уже устарѣлъ, отсталъ, но въ своей критической изыскательности, въ ученомъ тактѣ, въ археологическомъ чутьѣ, если можно такъ выразиться, съ которыми онъ велъ комментарий къ своей «Исторіи», — онъ все еще молодъ, все еще впереди насъ, все еще указываетъ намъ путь; хотя, по правдѣ, мы очень рѣдко ему слѣдуемъ. И лучшимъ доказательствомъ этому служить подлежащее сочиненіе.

Въ изложеніи исторіи Москвы авторы нисколько не обнаружили никакого знакомства съ современнымъ состояніемъ русской исторической науки, съ тѣми ея пріобрѣтеніями, которыя совершены въ послѣднія 20—30 лѣтъ. Они нигдѣ не обнаружили никакого знакомства съ усвоенными уже наукою общими выводами о существенномъ смыслѣ нашей исторіи и, особенно, въ ея московскій періодъ. Мы не говоримъ уже о совершенномъ отсутствіи какого-либо связнаго взгляда вооб-

не на задачу исторіи. Для нихъ исторія есть престой, хронологическій пересказъ по княженіямъ и царствованіямъ всего того, что касается, а въ иныхъ случаяхъ даже и того, что вовсе не касается Москвы, т. е., не крайней штрѣ, ея исторіи. Они не сумѣли отличить престой, сырой историческій или археологическій матеріалъ отъ исторіи, и потому назвали исторію—одно лишь хронологическое размѣщеніе этого матеріала, размѣщеніе, болѣею частію, не совѣтъ складное, вовсе не обнаруживающее критической научной работы к обозначившее только стремленіе занести на страницу все, годное и негодное, что случайно попало подъ руку. Ни одинъ вопросъ не то что не обследованъ, а даже и не оставленъ матеріаломъ сколько-нибудь полно и кругло. Что случайно попало, то и вмѣщалось въ страницу и, очень нерѣдко, съ совершеннымъ абсурто, съ нежданнымъ обрывомъ, безъ малѣйшей связи, безъ всякаго соотношенія съ предъидущимъ и послѣдующимъ. Для доказательства, указываемъ на любую страницу, гдѣ именно сводятся разнородныя указанія и факты.

Въ исторіи Москвы одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ ея распространеніе и, стало быть, постепенное размноженіе ея населенія. Взглянемъ, какииъ образомъ выясненъ авторами этотъ интересный вопросъ. Выдавъ за положительное, что деревянный городокъ Москву построилъ Кучко (стр. III), они ни слова не сказываютъ о томъ, сколько именно мѣста *могъ* занимать этотъ первый городокъ; все ли пространство теперешняго Кремля онъ занималъ, или только часть его, и какую часть, и гдѣ именно, ибо нынѣшній Кремль обширенъ. Недостаточно сказать: на Боровицкомъ холмѣ, надъ Москвою-рѣкою. Атонись, относя постройку перваго города къ кн. Юрію и къ 1156 г., прямо указываетъ, что—на устьѣ Неглинной, слѣдовательно, въ ю.-з. углу нынѣшняго Кремля, на нынѣш

Кремлевской горы. Но авторамъ совѣтъ не было извѣстно это важное свидѣтельство. За тѣмъ, по порядку слѣдовало бы ожидать разысканій о первыхъ церквахъ Москвы, тѣмъ болѣе, что на церкви почти исключительно устремлены изысканія и указанія авторовъ. Но, упоминая о *множествѣ* мостовъ, о *седьми холмахъ*, они не говорятъ о церквахъ ни слова и начинаютъ свои указанія о нихъ только съ обозрѣнія времени Ивана Калиты. Положимъ, что извѣстія объ этомъ очень скудны, но нельзя же оставлять здѣсь пробѣла, не объяснивъ даже, почему долженъ существовать такой пробѣлъ. Уже въ нашествіе Батыя, зимою 1237 — 1238 г., Москва является довольно значительнымъ городомъ. Вотъ, что говоритъ лѣтописецъ: «А татарове идоша (отъ Коломны) къ Москвѣ. Тое же зимы *) взяша Москву татарове, и воеводу убиша Филипа Нянка за правовѣрную хрестіаньскую вѣру, а князя Володимера яша руками, сына Юрьева, а люди избѣиша отъ старьца и до сущаго младенца, а *градъ и церкви святыя* огневи предаша, и *монастыри* вси и села пожгоша, и много имѣнья вземше отъидоша». (П. С. Р. Л. I, 196). Авторы же указываютъ только, что Москва испытала въ то время одинаковую участь со всею Россією. Не въ участіи дѣло, и не объ этомъ должна идти главная рѣчь. Дѣло въ томъ, *какова* была Москва въ это нашествіе. Она была *градъ*, въ ней были *церкви* и даже *мона-*

*) Въ генварѣ 1238 г. Въ то время лѣтоисчисленіе велось отъ Сотворенія Мира и годъ начинался съ 1 Марта. Если слѣдовать общепринятому способу при переводѣ лѣтъ Мира на исчисленіе отъ Р. Х., по которому для Мартовскихъ годовъ при иѣдѣцахъ Генварѣ и Февралѣ вычитаютъ, изъ лѣтъ Мира, (какъ въ настоящемъ случаѣ изъ 6745) цѣлуу 5508, то вѣстіе Москвы придется въ 1237 году, какъ и мы сначала показывали ошибочно. Но согласуясь съ свидѣтельствомъ лѣтописной, необходимо для упомянутыхъ иѣдѣцовъ дѣлать вычитъ цѣлоу года 5507-го, о чемъ см. ниже въ статьѣ: Семисотлѣтіе Москвы.

стыри, — вотъ что важно и чего вовсе не замѣтили авторы. Упоминають же они о московскомъ князѣ *Михаилъ* Хоробрить. Позволительно, даже необходимо было сдѣлать догадку: не онъ ли въ честь своего ангела построилъ церковь св. Михаила, которая, въ послѣдствіи, стала Архангельскимъ соборомъ. Такія догадки въ нашей исторіи почти всегда оправдываются самымъ дѣломъ, ибо извѣстно, что созданіе храмовъ въ честь своихъ тезоименитыхъ ангеловъ было въ древней Руси дѣломъ общаго благочестиваго обычая. Упоминають авторы, что преемникомъ Хоробрита былъ Даниилъ, сынъ Невскаго, тогда какъ Хоробрить былъ убитъ Литвою, по ихъ же словамъ, въ 1248 г., а Даниилъ только родился въ 1261 г. слѣдовательно, его преемникомъ уже никакъ быть не могъ.

Одна изъ легендъ о началѣ Москвы упоминаетъ, напримѣръ, что кн. Андрей Александровичъ, братъ Даниила, воздвигъ деревянную церковь Благовѣщенія (соборъ Благовѣщенскій) въ 1291 г., «невелику сущу, построилъ градъ и устроилъ Божіа церкви *мнози*». Положимъ, что объ этомъ говоритъ легенда, сказаніе сомнительное; но все же было необходимо критически оцѣнить такое свидѣтельство, тѣмъ болѣе, что въ немъ, какъ увидимъ, есть много правды. Въ 1293 г., Москва взята татарами; но въ 1308 году, она снова является крѣпкимъ городомъ, ибо тверской князь Михаилъ приходилъ тогда къ ней ратью со многою силою, «и бысть бой у Москвы... а *града не взя* и не успѣвъ ничто же, возвратися», (П. С. Р. Л. VII, 185).

О церквахъ, ихъ количествѣ, мы можемъ судить по извѣстіямъ о пожарахъ. Подъ 1343 г., лѣтописецъ замѣчаетъ: «Мая 31 погорѣ городъ Москва, церквей изгорѣло 28, въ пятнадцать лѣтъ (1328—1343), се уже на Москвѣ четвертый пожаръ бысть великой». Дѣйствительно, въ 1337 г.

«бысть пожаръ на Москвѣ (Москва вся погорѣ), згорѣ церквей 18; въ 1331 г. мая 3 бысть пожаръ на Москвѣ, погорѣ городъ Кремль» (П. С. Р. Л. VII). Этихъ свидѣтельствъ не приведено вовсе у авторовъ, но они важны, ибо даютъ понятіе, что и до времени Калиты, еще при его братѣ Юрьѣ, Москва, судя по числу церквей, была уже достаточно населена. Она же служитъ подтвержденіемъ свидѣтельству о церквахъ Москвы, разоренной, опустошенной Батыемъ. Пропустивъ эти первыя свидѣтельства о количествѣ церквей въ древней Москвѣ, авторы (стр. VI) совершенно случайно, обрывочно, упоминаютъ, что въ 1354 г., въ ней сгорѣло *13 церквей*. Это событіе случилось уже не при Калитѣ, какъ помѣщаютъ его авторы, а при другомъ сынѣ Калиты, Иванѣ. О немъ лѣтописецъ говоритъ такъ: «Погорѣ городъ Москва *Кремникъ* весь, церквей сгорѣло 13» (П. С. Р. Л. VIII). Итакъ, для характеристики Москвы въ первую ея эпоху, до Калиты, авторы не собрали даже очень извѣстныхъ и притомъ очень необходимыхъ свидѣтельствъ. Очень естественно, поэтому, что они не могли замѣтить и общаго смысла въ дѣятельности Калиты.

Иванъ Даниловичъ Калита, въ отношеніи устройства Москвы, является такимъ же неустаннымъ дѣтелемъ, какинѣ въ концѣ XV вѣка былъ его достойный потомокъ в. к. Иванъ Васильевичъ. Онъ строитъ (1326 г.) *первую каменную* церковь Успенія (соборъ) *на площади*; тамъ же строитъ (1329) каменную же церковь Іоанна Лѣтвичника (Иванъ

Великій). Въ 1330 г., онъ строитъ *близъ своею двора каменную* церковь Спаса и учреждаетъ при ней монастырь. Это—Спасъ *на Бору*. Обозначеніе урочища на Бору можетъ указывать, что и эта церковь одна изъ древнѣйшихъ въ Москвѣ, ибо во время Калиты едва ли оставался здѣсь боръ, когда вблизи была *площадь* и дворъ в. князя. Лѣтомъ 1333 г. (а не 1330, какъ сказано авторами, стр. V) онъ строитъ *каменную* церковь Архангела Михаила (Архангельскій соборъ), а въ зиму 1339 — 1340 г. (а не въ 1346 г., какъ сказано на стр. VI) обноситъ городъ, т. е. Кремникъ, *дубовыми* стѣнами, чрезъ два года послѣ пожара, когда сгорѣла *вся* Москва. Такимъ образомъ, Иванъ Калита *камлемъ* утверждаетъ вѣковѣчныя мѣста и доннынѣ существующихъ всѣхъ почти главныхъ зданій Кремля; онъ чертитъ окончательный планъ будущаго Кремля. Объ этихъ постройкахъ упоминаютъ и авторы, но упоминаютъ безъ всякаго единства мысли, безъ всякой связи, разсмѣщаютъ эти извѣстія между различными фразами, изъ которыхъ одна, напримѣръ, свидѣтельствуетъ, что Москва была *«посредницею (при Калитѣ) торговыхъ оборотовъ съверо-востока съ юго-западомъ...»* Авторы какъ будто не понимаютъ всей важности такого замѣчанія именно для исторіи Москвы. Но это только фраза. Во фразахъ потонуло и главное дѣло — личность Калиты, какъ строителя и устроителя Москвы, какъ перваго начинателя той московской политики, преданіями которой жило его потомство и со славою окончило свое поприще, объединивъ окончательно русскую землю. Неужели общее и потому слишкомъ безцвѣтное замѣчаніе, что «Калита заботился о распространеніи своихъ владѣній, о населеніи своей отчины Москвы и умноженіи своихъ доходовъ» (стр. VI), можетъ хоть сколько-нибудь характеризовать его настоящую дѣятельность? Если и время Калиты въ исторіи Москвы не получило у авторовъ на-

длежащей выпуклости, то что же говорить о ближайшихъ его преемникахъ? «Два кратковременныя княженія Іоанна II и Симеона — говорятъ авторы, ставя почему-то имена не хронологически — не оставили слѣдовъ въ Москвѣ». Однакожь, время Симеона, который, какъ старшій сынъ, непосредственно слѣдовалъ за отцомъ своимъ, Калитою, очень замѣчательно по дѣятельности другого рода. При немъ всѣ выстроенныя Калитою церкви были украшены стѣннымъ иконописаніемъ. Въ 1344 г., на другое лѣто послѣ пожара, когда въ Москвѣ сгорѣло 28 церквей и когда, вѣроятно, были возобновлены оставшіяся церкви каменные, «*початы быша* подписывати двѣ церкви: Успеніе Пречистые и Архангелъ Михаилъ». Пречистую подписывали Греки, иконописцы митрополита Теофнста, и окончили свое дѣло въ одно лѣто; а Архангела — «подписывали Рустіи писци и ни половины не кончили, величества ради церкви той». На другое лѣто, въ 1345 г., «почаша подписывати Спаса въ монастырѣ (на бору)», а мастеромъ былъ старѣйшина Гойтанъ, также русскій, ученикъ Грековъ (гойтанъ, значитъ — снуръ, поясъ, гашникъ). На третье лѣто, въ 1346 г., кончали подписывать три церкви — Спаса, Архангела и Іоанна Лѣствичника. И тогда же были слиты три колокола большихъ, да два малыхъ, а лилъ мастеръ Бориско, который слилъ «колоколъ великъ» и для новгородской св. Софіи. Такимъ образомъ, первые годы княженія Симеона служатъ какъ бы продолженіемъ дѣятельности Калиты и оставляютъ память въ исторіи водвореніемъ въ молодой Москвѣ иконописнаго и литейнаго художествъ. Оставить безъ вниманія такое обстоятельство, какъ это сдѣлали авторы, по нашей мнѣнію, не позволяла самая задача ихъ труда.

Въ оboзрѣніи княженія Ивана Калиты авторы касаются древнѣйшаго состава города и говорятъ, что, «въ концѣ XIV вѣка, Москва уже состояла изъ *города* или дѣтница, заго-

рода и зарѣчья». Первое свидѣніе о составѣ города мы получаемъ изъ лѣтописнаго свидѣтельства о пожарѣ Москвы въ 1365 г., гдѣ сказано: «Загорѣся городъ Москва отъ Всѣхъ Святыхъ ¹⁾ сверху (рѣки Москвы) отъ Черторыи (Пречистенки) и погорѣ *посада* весь и *Кремль* и *зарѣчье*...» Вотъ точное и правильное обозначеніе состава древней Москвы, которымъ, къ сожалѣнію, авторы не пользуются и употребляютъ, вмѣсто *посады*—загородокъ, слово, неточно выражающее сущность дѣла. Нензвѣстно, на какомъ основаніи они говорятъ тутъ же, что, при построеніи дубоваго города при Калитѣ, *славными въздными воротами* были *боровицкіе*, потомъ фроловскіе или спасскіе. Главными воротами Кремля всегда были и есть одни спасскіе, ибо они вели съ *тору* или съ *большою посада*, а боровицкіе всегда имѣли значеніе дворцовое, наиболѣе значеніе калитки Кремля, чѣмъ воротъ, ибо они вели ко всѣмъ хозяйственнымъ и служебнымъ слободамъ и мѣстамъ княжескаго дворца, да и въздъ въ нихъ былъ до крайности крутъ даже еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Что же было при Калитѣ? Изъ нихъ хорошо было ѣздить на *подоль* Кремля, къ житному двору. Они и построены собственно въ стѣнѣ, калиткою, а не въ башнѣ, т. е. не *воротами* городовыми въ прямомъ значеніи, каковы были трое настоящихъ воротъ: спасскіе, никольскіе, троицкіе.

Давая подобныя невѣрныя указанія, авторы все-таки ни слова не сказываютъ о пространствѣ, какое занимала Москва Калиты, съ своимъ посадомъ и зарѣчьемъ; гдѣ были концы, прѣдѣлы этого посада и этого зарѣчья, какою окружность представляло тогдашнее населеніе Москвы?

¹⁾ Церковь, бывшая у городской стѣны, *вс елзу*, (XVII ст.) и разобранная по случаю постройки храма Христа-Спасителя.

Послѣ великаго пожара, на другой же годъ, въ 1366 г., в. к. Дмитрій замыслилъ поставить городъ Москву *камень*. «Въ ту зиму и камень повезоша ко граду, а весной 1367 начали ставить.» Замыселъ былъ необходимый. Каменные стѣны тотчасъ же пригодились для защиты и отъ другого врага. Послѣ сорокалѣтней тишины, Москва при Донскомъ испытала, въ 1368 г., *первое зло* отъ Литвы. Приходилъ Олгердъ; внезапно явился и сталъ около города. Москвичи, однакожь, успѣли выжечь посадь, боясь *примету*, т. е. приступу. Три дня и три ночи простоялъ Олгердъ, но города не взялъ, за-то остатокъ посади «пожже и монастыри и церкви и волости и села попали»... Въ 1370 г., Олгердъ снова подошелъ къ Москвѣ, стоялъ 8 дней и только *посади* «пожже, но не весь, а волости повоева и пожже...» Въ 1382 г. августа 26, Москва-городъ былъ взятъ, разоренъ и сожженъ царемъ ордынскимъ Тактамышемъ. Сказаніе объ этомъ событіи указываетъ на устройство крѣпости: въ ней были *забрала* градныя, стѣны каменныя, а врата желѣзныя, стрѣльницы (башни), около рвы... Нельзя пройти молчаніемъ и того обстоятельства, что, на время осады, «*клиив* толико множество снесено со всего города и изъ загорожья и изъ селъ, и въ соборныхъ церквахъ до тропа (стропа, свода) наметано, сохраненья ради спроважено, — то все безъ вѣсти створиша, все пропало, пожжено огнемъ». Вообще, сказаніе о нашествіи Тактамыша раскрываетъ и богатство и населенность города, ибо, по его свидѣтельству, когда окончилось бѣдствіе, горожане похоронили будто бы 24,000 труповъ. «Былъ дотолѣ градъ Москва великъ и чуденъ и много людей въ немъ кипяше богатствомъ и славою, превзыде вся грады въ рускѣй земли честію многою...» Жизнь Москвы, однакожь, въ это уже время такъ крѣпко сложилась, что ни эти страшныя нашествія, отъ которыхъ ггло, было уведимо въ плѣвъ столько людей, ни по-

жары, сопровождавшіе такіа нашествія или же очень часто отъ домашнихъ причинъ возникшіе и истреблявшіе столько богатства, столько накопленнаго труда, — ничто не могло ослабить, обезсилить этотъ зародышъ нашей политической жизни. Москва снова молодѣла, снова крѣпла въ своихъ силахъ, послѣ каждаго такого событія. Даже внѣшнимъ своимъ видомъ она становилась красивѣе, богаче. Все крѣпче и прочтѣе она создала свой внѣшній образъ, свою скорлупу, если возможно такъ выразиться, эту видимую оболочку своей внутренней невидимой исторической силы. Сколько разъ мѣстность ея поливалась сплошь кровью, выгорала до почвы... Школа Месквы есть школа великихъ бѣдствій, великихъ ужасовъ и несчастій, которыя, падая на даровитую почву, возбуждали только еще больше силъ и стремленій.

И вотъ, черезъ 8 лѣтъ послѣ нашествия Тактамыша, когда на мѣстѣ Москвы, и посада и Кремля, ничего иного не было видимо, какъ дымъ и земля, «трупія мертвыхъ многихъ лежаща, церкви запалены и падошася, каменные выгорѣвши внутрѣ и огорѣвши выѣ... и все быше видѣти пусто, ни единого человѣка видѣти по пожару ходяща»... послѣ такого неслышаннаго бѣдствія, черезъ 8 лѣтъ, мы слышимъ отъ летописца, что, въ новый пожаръ 22 іюня 1390 г., на *посади* Москвы *нѣколько тысячь дворовъ сгорѣ*. Затѣмъ черезъ 5 лѣтъ на томъ же посадѣ снова сгорѣ *нѣколько тысячь дворовъ* (П. С. Р. Л. VIII, 60 — 65). Такимъ образомъ, достаточно было пяти-шести лѣтъ, чтобы посадъ снова молодѣлъ свѣжими постройками, тысячами дворовъ. Явилась мысль оградить его, по крайней мѣрѣ, ровомъ, на случай приступа враговъ, а, быть можетъ, и съ цѣлію охранить отъ частыхъ пожаровъ. Въ 1394 г., осенью, «замыслиша ровъ копати и почаша съ *Кучкова поля*, а конецъ въ Москву рѣку, шириною въ сажень, глубиномъ въ ростъ человѣка. Много бысть

убытка людямъ, потому что поперекъ дворовъ копаша и много хоромъ разметаша, а *не учиниша ничтоже, а ничею не доспѣша.*» Вотъ все, что по этому поводу сказано въ лѣтописи, которая при этомъ свидѣлствуетъ, что замысль почему-то не удался, не довелъ до цѣли (быть можетъ относительно сооруженія укрѣпленій) и былъ оставленъ, ибо посадь, какъ увидимъ, остался все-таки безъ защиты. Не такъ выходитъ по словамъ авторовъ. Они присовокупляютъ отъ себя, что ровъ былъ копанъ, между прочимъ, для *расширенія* посада, и, не сказавъ ни слова о томъ, что «замысломъ ничего не доспѣша», положительно утверждаютъ слѣдующее: «Ближній посадь, примыкавшій къ каменному городу, укрѣпленъ былъ *деревянными стѣнами вдоль большой улицы* по берегу Москвы-рѣки, Яузы и Неглиной» (стр. VIII). Откуда все это взято—Богъ-вѣсть! Какая это *большая* улица, которая тянулась по берегу Москвы-рѣки, по берегу Яузы, по берегу Неглиной? Очевидно, что авторы говорятъ объ основаніи деревянныхъ стѣнъ кругомъ всего Китай-города. Лѣтопись объ этомъ молчитъ, а топографія указываетъ каждому, что стѣны Китая и теперь отстоятъ отъ устья Яузы больше, чѣмъ на полверсты, а отъ ея потока больше чѣмъ на версту, ибо ея потокъ идетъ почти перпендикулярно къ стѣнамъ Китая и только устьемъ подходитъ къ нимъ на указанное разстояніе. Известно, что, только въ 1534 г., «сдѣланъ бысть *градъ* на Москвѣ *земляной* по тому мѣсту, гдѣ «мыслилъ ставити в. к. Василій Ивановичъ», въ тотъ годъ умершій, что сдѣланъ градъ *на большое пространство* Москвы, что «хитрецы устроиша его вельми мудро, наченъ отъ каменные большія стѣны (отъ Кремля) *исплетазу тонкій лѣсъ* около большаго древія и внутрь насыпаху землю и вельми крѣпко утвержаху и ведоша по рѣцѣ Москвѣ и приведоша къ той же каменной стѣнѣ (со стороны Неглиной) и на верстѣ

устроена градъ деревянъ по обычаю (т. е. помость съ кровлею, для защиты)... и нарекоша граду имя *Китай* ¹⁾; что на постройку града былъ сборъ серебра съ боярства, духовенства и всѣхъ торговыхъ людей; что въ томъ же году, а по другой лѣтописи, на другой годъ, на большее утверждение граду, в. к. Елена съ сыномъ повелѣла заложить вокругъ града Китая каменную стѣну, «повелѣла *градъ каменъ* ставити *подль земляной городъ*». Тогда же, 16 мая 1535 г., по освященіи мѣста, подолу градную основалъ мастеръ Петръ Малой Фрязыкъ. (Сравни. сказаніе авторовъ стр. XV).

Время Василья Дмитріевича также извѣстно украшеніемъ иконописью возобновленныхъ послѣ пожаровъ, а частію и вновь сооруженныхъ церквей. При немъ построена и подписана (1393—1395 г.) церковь Рождества Богородицы (впослѣдствіи у Царицы-на-стѣнѣхъ), подписаны соборы Архангельскій (1399 г.) и Благовѣщенскій (1405 г.). Мастерами, при расписываніи первыхъ двухъ церквей, были: Теофанъ Гречинъ, Семень Черный, съ ихъ учениками, въ числѣ которыхъ находился, какъ можно предполагать, и знаменитый *Андрей Рублевъ* (Радонежскій), расписывавшій, въ 1405 г., соборъ Благовѣщенскій, вмѣстѣ съ старцемъ (монахомъ) Прохоромъ съ Городца (Радонежа?), и въ 1408 г. великую церковь Владимірскую, вмѣстѣ съ иконовикомъ Даниломъ. Около того же времени (1404 г.) великій князь поставилъ на своемъ дворѣ *часы* чудны вельми и съ *луною*, устроенные Лазаремъ Сербиномъ.

¹⁾ Прозваніе *Китай*, по всему вѣроятію, значить: *плетельчатый*; ибо *кита* есть веревка, сплетенная или свитая изъ травы; *кита*—плетенка, витушка, веревка изъ травы, соломы, изъ хворосту, второму вынуть одоля, кровли; *кита*, *кита*, вообще означаетъ длинный стебель, и также соломенную веревку. Описанное устройство китаѣ-городскихъ первыхъ стѣнъ вполне можетъ подтверждать такой смыслъ этого прозванія. *Толковомъ Словарѣ Даля*.

Изъ этихъ свидѣтельствъ мы справедливо можемъ заключать, что, вопреки нѣкоторымъ мнѣнiямъ, иконописное искусство, безъ сомнѣнiя, рядомъ съ другими, не только не было чуждо Москвѣ, а напротивъ, въ лицѣ Андрея Рублева, монаха Сергiевскаго монастыря, достигло такой высоты, на которую указывалъ, какъ на образецъ, даже XVI-й вѣкъ (Стоглавъ), которую и теперь знатоки признаютъ выше всего, что осталось въ этомъ отношенiи отъ русскаго древняго искусства. Стало быть, въ это время въ Москвѣ процвѣтала очень замѣчательная иконописная школа, и потому, намъ кажется, что Андрей Рублевъ съ своимъ искусствомъ имѣютъ несравненно больше историческаго права быть упомянутыми на своемъ мѣстѣ въ подробной исторiи Москвы, чѣмъ, напримѣръ, Эдигей, нашествiе котораго окончилось ничѣмъ: сожженъ былъ, по обыкновенiю, самими же жителями только посадъ. Авторы вообще съ большою охотою рассказываютъ подробности *событiй*, которыя иной разъ совсѣмъ не касаются исторiи Москвы, какъ города. Такъ, они подробно излагаютъ междоусобiе Василiя Темнаго съ дядею и братьями, которое, какъ фактъ, для исторiи Москвы-города, не имѣетъ ни малѣйшей цѣны. Въ противномъ случаѣ, пришлось бы пересказывать весь московскiй перiодъ русскаго исторiи.

Обозрѣвая княженiе Темнаго, авторы отмѣчаютъ, что митрополитiй дворъ съ прежняго мѣста *подъ боромъ* перенесенъ ближе къ великокняжескому двору и Успенскому собору (XI). Но когда это послѣдовало? При Темномъ? Въ это время, въ 1450 г., митрополитъ Юна выстроилъ только на *своемъ дворѣ* палату камену, а въ ней церковь Положенiя Ризы Богородицы. Митрополитiй дворъ при Петрѣ-митрополитѣ находился близъ церкви Юанна Предтечи *на бару*, а не *подъ боромъ*, — первой соборной церкви въ Москвѣ, и перенесенъ отсюда не при Темномъ, ибо нѣтъ свидѣтельствъ на это, а

по всему въроятію, еще при Калитѣ, когда былъ выстроенъ новый соборъ Успенскій, подлѣ котораго и основался митрополитъ съ сѣверозападной стороны. Въ Никоновской Лѣтописи даже прямо сказано, что митрополитъ Петръ «заложи на Москвѣ, на площади, у *своею двора*, церковь первую каменну» и проч. (Ник. III, 130).

Подобными неточностями разбираемое сочиненіе, можно сказать, изобилуетъ. Такъ, пристуная къ обозрѣнію государствованія в. к. Ивана Васильевича, авторы отмѣчаютъ: «Въ Кремлѣ, мѣсто Ордынскаго подворья заступила церковь Николая Гостунскаго, а мѣсто Ханскаго конюшеннаго двора — Чудовъ-монастырь» (стр. XII). Читатель будетъ шведеть въ заблужденіе, ибо извѣстно, что Чудовъ-монастырь основанъ митрополитомъ св. Алексіемъ, за 12 лѣтъ до его кончины; въ 1377 г., въ годъ кончины, онъ и погребенъ тамъ въ церкви Михаила-Чуда. Еще св. Алексій «устроивъ ту общій монастырь... постави въ немъ трапезу велию камену и погребы камены...» Въ 1501 г., Иванъ Васильевичъ разобралъ ветхую церковь, построенную Алексіемъ, и выстроилъ новую, освятивъ ее въ 1503 году.

Должно быть изъ желанія выказать болѣе и безъ того очевидныя заслуги вел. кн. Ивана Васильевича, авторы свидѣтельствуютъ, что при немъ «*весьма немногія* церкви въ Кремлѣ были каменные, а *большая часть* деревянныя» и проч. Напротивъ, ко времени Ивана, въ Кремлѣ почти всѣ извѣстныя и важнѣйшія церкви были уже каменныя; деревянныя же, если и равнялись числомъ съ каменными, то были такъ незначительны, что мы не знаемъ даже ихъ именъ и можемъ только догадываться, что это были болшею частію церкви домовыхъ боярскія и *застѣлныя*, т. е. придѣльныя къ каменнымъ, какія тогда устраивали вѣрѣдко. Въ пожаръ 1476 г., обгорѣло каменныхъ 11 церквей и 10 *застѣлокъ* или придѣ-

ловъ, а деревянныхъ сгорѣло 12 церквей и 2 *застѣлка*, приделанныхъ къ Архангельскому каменному собору. Это едва ли не все, что оставалось въ Кремлѣ деревяннаго изъ церквей. Такіе *застѣлки*, каменные, и теперь еще существуютъ у Архангельскаго собора, пристроенные къ алтарнымъ стѣнамъ, одинъ во имя Покрова, другой во имя Іоанна Предтечи, гдѣ находится гробница Скопина-Шуйскаго. Что же касается деревянныхъ церквей въ Кремлѣ, то двѣ послѣднія изъ нихъ существовали еще во время царя Алексѣя, когда по его указу 1651 г. марта 1 онѣ были разобраны и на мѣсто ихъ «мѣроу противъ старыхъ деревянныхъ» были выстроены каменные, одна Муч. Христофора, что у Холопья Приказа, другая царя Константина и Матери его Елены, что подъ горою. По смѣтѣ на обѣ церкви на всякіе запасы денегъ потребовалось 985 р.

Далѣе: «Для расширенія города велѣно снести за Неглинную (откуда—изъ Кремля?) церкви и дворы, чтобы между городскими стѣнами и строеніемъ оставалось полое мѣсто, застѣнье, во 110 сажень». Лѣтбпись говоритъ подъ 1493 г.: «Церкви сносиша и дворы за Неглинною» (т. е. на посадѣ, въ Занеглименьѣ, а не изъ Кремля); что было сдѣлано не для расширенія, а для охраненія города отъ пожаровъ, точно такъ, какъ въ 1495 г., «князь великій повелѣ снести церкви и дворы за рѣкою Москвою, противъ города и повелѣ на тѣхъ мѣstechъ чинити садъ», также съ цѣлюю отдалить отъ Кремля опасность пожара, который въ 1493 г., начавшись именно за Москвою-рѣкою, опустошилъ почти весь городъ. Противъ такой *нечести сосударской великой*, что церкви старыя, извѣчныя, выношены изъ города вонъ, да и монастыри старыя, извѣчныя, съ мѣста переставлены, — возставалъ новгородскій архіепископъ Геннадій, указывая, что и общественное мнѣніе было на его сторонѣ, что даже въ Ки-

евъ шелъ слухъ, что князь великій на Москвѣ церкви *всл* выметалъ вонъ (Акт. Арх. Эксп. 1, 481). Основаніемъ такой молвы была, вообще, непопулярная строительная дѣятельность Ивана Васильевича, почти сплошная перестройка всего города, всѣхъ старыхъ зданій города. Само собою разумѣется, что, при постройкѣ каменныхъ стѣнъ Кремля, нѣкоторыя малыя церкви были переставлены на новыя мѣста, а нынѣ и совсѣмъ перенесены изъ города (Кремля) вонъ. Но все это дѣлалось не по случаю одного только распространенія города, а главнымъ образомъ, по случаю его совершеннаго обновленія. Со стороны Неглинной, Кремль, дѣйствительно, былъ нѣсколько распространенъ, когда въ 1495 г. здѣсь заложены каменные стѣны— «не по старой основѣ, а града прибавиша». Но все-таки нѣтъ извѣстій, чтобы кремлевскія церкви были вынесены за Неглинную, а были переставлены церкви за Неглинной, подальше отъ города.

Хотя авторы и говорятъ, что государствованіе Ивана III составляетъ важнѣйшую эпоху въ исторіи Москвы, однако, въ своемъ описаніи его времени нисколько не выясняютъ дѣйствительной важности и особаго значенія этой замѣчательной эпохи. Казалось бы, въ подробномъ историческомъ описаніи Москвы, на чемъ больше и остановиться, какъ не на времени Ивана III. Между тѣмъ, авторы удѣляютъ на всю исторію этого времени только три страницы, XII—XIV. На одной, XII, обозначаютъ голыми, часто неточными, какъ указано, фразами строительную дѣятельность Ивана Васильевича; на другой — описываютъ пожары, и при нихъ ни одного года не ставятъ вѣрно (вмѣсто 1442, слѣдуетъ 1472; вм. 1475, слѣд. 1476; вм. 1481, слѣд. 1488). Тутъ же ставятъ слово *Скородомъ*, не давая ему вѣрнаго объясненія: «На пожарищахъ ставились готовые срубы. Такое *строеніе* называлось Скородомомъ». — *Скородомомъ* назывался весь

деревянный посадъ, лежавшій за стѣнами Бѣлаго-города и за Москвою-рѣкою, противъ Кремля и Китая. При Федорѣ Ивановичѣ онъ былъ обнесенъ деревянною стѣною, и, по всему вѣроятію, съ этого только времени сталъ обозначаться именемъ *Скородома*, т. е. съ того именно времени, какъ получилъ значеніе города отъ постройки стѣнъ. Не *строеніе*, следовательно, а самая значительная часть города, вся совокупность улицъ и слободъ (съ XVII ст. и донныѣ: *Земляной городъ*) называлась Скородономъ, и называлась такъ потому, что ставила *скоро дома*, большею частію избы, которыя готовыми срубами продавались въ лѣсныхъ рядахъ или станахъ; скоро обновляла свои постройки послѣ каждаго пожара. Затѣмъ, неправильно авторы называютъ *рогатками* уличныя *рѣшетки*, устроенныя въ 1504 г. Рогатка и рѣшетка не одно и то же. Рогатка—брусъ съ острыми спицами, а рѣшетка — крѣпкій заборъ съ воротами, заправшійся рѣшетчатыми щитами, которые собственно и составляли рѣшетку.

На третьей полстраницѣ авторы замѣчаютъ, что «внѣшнее устройство города не могло обойтись безъ внутренняго»; говорятъ, что большія улицы *замыкались* крестцами; что «на Ивановской площади совершались акты и во-всю ивановскую объявлялись указы», т. е. крикомъ; что «на городской площади казнили предъ судными приказами» (гдѣ именно?); что «въ Кремлѣ находились тюрьмы у Благовѣщенскихъ воротъ на житномъ дворѣ и на посадѣ... въ городскихъ стѣнахъ застѣнки... одна изъ башенъ называлась *пыточкою*...» Въ заключеніе отмѣчаютъ: «такое было судопроизводство (1) въ Москвѣ въ XV вѣкѣ, о чемъ свидѣлствуютъ намъ имена самыхъ урочищъ». Но никакого судопроизводства читатель здѣсь не видитъ. Все это изложеніе о судопроизводствѣ или, собственно, о тюрьмахъ и застѣнкахъ и объ Ивановской пло-

щали съ большою точностію должно быть отнесено къ XVII ст. Авторы не потрудились доказать, что всё эти тюрьмы и застѣнки дѣйствительно существовали и въ XV вѣкѣ, а въ этомъ можно крѣпко сомнѣваться. Благовѣщенскія ворота, напр., стали такъ называться по церкви Благовѣщенія, выстроенной въ 1737 г., а въ XVII ст. извѣстны были подъ именемъ Портомоинныхъ. Существовали ли онѣ въ XV вѣкѣ, вовсе неизвѣстно.

Такимъ сбивчивымъ и подчасъ, очень фразистымъ путемъ авторы доводятъ насъ наконецъ до XVI ст., и все-таки мы не получаемъ никакого яснаго представленія о томъ, какова была Москва, наприм., хоть въ эту важнѣйшую эпоху ея исторіи. Какъ великъ былъ городъ, какъ пространны были его посады, гдѣ были границы этихъ посадовъ, гдѣ проходила черта, обозначающая населенность города Москвы въ это время и отдѣлявшая его отъ подгородныхъ селъ и волостей; что собственно называлось Москвою? Авторы упоминаютъ только, что «при Васильѣ (Ивановичѣ) въ Москвѣ считалось 41,500 домовъ, а жителей болѣе ста тысячъ». Можно было бы ожидать затѣмъ опредѣленія ея окранны, разысканія о томъ, на какомъ именно пространствѣ помѣщалась эта 41½ т. домовъ. Но авторы тотчасъ съ обрывомъ отбѣгаютъ: «При немъ рвы около Кремля обложены были камнемъ». Нужно замѣтить, что подобными обрывами характеризуется изложеніе всей книги и, особенно, разсматриваемой теперь «исторіи». Вслѣдъ за тѣмъ читаемъ: «Съ *разводами* изъ Москвы (?), какъ сказано, великаго Новгорода, Пскова (?) и другихъ городовъ, изъ которыхъ выводились въ нее лучшіе люди семействами, въ Москвѣ умножились потребности городской и государственной жизни. *Старое мѣсто* слишкомъ стѣсняло опедача московскаго въ его правахъ и доходахъ; найдено необходимымъ *расширить стѣны* города присоеди-

неніешъ къ старому новаго» (стр. XV). Таково предисловіе къ тому простому обстоятельству, что при Васильѣ Ивановичѣ Большой посадъ былъ обнесенъ каменною стѣною и названъ Китаемъ. Найдено необходимымъ не расширить стѣны, а распространить и укрѣпить торговый посадъ, обезопасить его стѣною и отъ нашествій татарскихъ и отъ пожаровъ посадскихъ, о чемъ мы уже достаточно говорили.

Обозначивъ мѣсто торговъ въ Китай-городѣ при Васильѣ, въ началѣ XVI вѣка, авторы вдругъ обрывомъ вставляютъ слѣдующую рѣчь: «Около 1596 года (слѣд. при Θεодорѣ уже) окончено было въ Китай-городѣ строеніе дворовъ и каменныхъ лавокъ, которыхъ въ самомъ началѣ XVII вѣка считалось, по сказанію Самуила Маскѣвича, до сорока тысячъ». Читатель недоумѣваетъ, съ какой стати это свѣдѣніе должно относиться къ началу XVI вѣка и когда же началось строеніе, если оно въ 1596 году окончено. Затѣмъ авторы указываютъ, что было среди торговъ Китай-городскихъ, не разбирая, что многія изъ этихъ указаній обозначаютъ мѣста, о которыхъ свѣдѣтельства относятся только къ XVII вѣку, и отмѣчая, между прочимъ, съ обрывомъ, что «въ Китаѣ появился въ 1608 году книжный рядъ, гдѣ священники дѣлили книги». Нельзя понять, какъ все это прилагается къ обзорѣню времени Василья Ивановича, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за тѣмъ авторы по порядку переходятъ ко времени Грознаго. Здѣсь, между прочимъ, они отмѣчаютъ, что слѣды ненавистной для Москвы Опричины «остались только въ названіяхъ урочищъ царскаго обихода и въ преданіяхъ народныхъ, таковы: Поварская, Хлѣбная, Калачная, Скатертная, Трубная, Кречетники, Курьи-Ножки, Конюшенныя и проч. Тамъ поселены были служители царскаго двора (стр. XIX)». Какъ будто до Опричины царскому двору не было надобности въ этихъ служителяхъ, давшихъ имена слободамъ и улицамъ. Извѣстно, что эта часть

города отъ Чертольи и Стоженки и до Никитской потому и отдѣлена была къ царской Опричинѣ, что она искони была заселена служителями двора, по той причинѣ, что и самый государевъ дворъ въ Кремлѣ примыкалъ къ этой мѣстности, сообщался съ нею двумя воротами Боровицкими и Троицкими, по той причинѣ, однимъ словомъ, что эта вся мѣстность лежала ближе къ государеву двору, чѣмъ всякая другая. Еслибъ государевъ дворъ находился въ сѣверозападномъ углу Кремля или въ юговосточномъ, тогда въ служебное отношеніе къ нему непременно отошли бы и близлежащія къ тѣмъ угламъ мѣстности города. Какое ложное понятіе и объ Опричинѣ и о царскомъ дворѣ даетъ подобная отмѣтка! Но авторы повторяютъ ее еще и на стр. 170, положительно утверждая, что «*о царскомъ обиходѣ въ опричинѣ московской свидѣтельствуютъ намъ существующія донинѣ тамъ урочища*...»; слѣдуютъ тѣ же имена, съ прибавленіемъ, что «*повара, хлѣбники, калачники, скатертники жили въ устроенныхъ тамъ дворцахъ хлѣбномъ, сытномъ и кормовомъ*», тогда какъ никакихъ подобныхъ дворцовъ тамъ не бывало, а были они только въ Кремлѣ, подлѣ хоромъ государя.

Распространяясь въ подобныхъ сочиненіяхъ, повторяя ихъ по нѣскольку разъ, авторы рѣдко останавливаютъ должное вниманіе на предметахъ, воистинѣ заслуживающихъ подробнаго обозначенія и раскрытія ихъ важности. Такъ въ обзорѣннмъ времени Грознаго мы не находимъ весьма важнаго, для исторіи Москвы, извѣстія о постройкѣ Покровскаго собора, знаменитаго «Василья Блаженнаго», какъ онъ до сихъ поръ слыветъ въ народѣ. Голое свидѣтельство о немъ запрятано въ такое мѣсто, что читателю трудно обратить на него вниманіе. На XVI стр. идетъ рѣчь о мѣстахъ Китай-города и въ томъ числѣ о *Лобномъ* мѣстѣ. Вѣрные своему сбивчивому, обрывочному характеру описаній и пересказовъ, авторы продол-

жають: «предъ ступенями его (лобнаго мѣста) на лобной площади казнили преступниковъ. Тогда уже были въ Москвѣ четыре главныхъ чети, или приказа: посольскій, разрядный, помѣстный и казанскій, между прочимъ бражныя тюрьмы, какъ мѣры исправленія отъ пьянства, на Васильевскомъ лугу. Взятіе Казани царемъ Иваномъ Васильевичемъ ознаменовано сооруженіемъ, противъ Лобнаго мѣста, диковиннаго Покровскаго собора, болѣе извѣстнаго подъ названіемъ Василія Блаженнаго; присоединеніе Смоленска (которое, однакожь, случилось еще при отцѣ Грознаго) къ Московскому государству—церковью Спаса Смоленскаго у Москворѣцкихъ воротъ; начало сношеній Москвы съ Англіею — англійскимъ дворомъ на Варваркѣ; а съ Даніею — печатнымъ дворомъ на Никольской».... Потомъ сейчасъ: въ Китаѣ, въ 1608 году, появился книжный рядъ» и т. д. Есть ли возможность связать какъ-нибудь въ памяти такую путаницу разнородныхъ фактовъ и отиѣтитъ свидѣтельство о Васильѣ Блаженномъ? Между тѣмъ этотъ замѣчательный памятникъ до сихъ поръ служитъ *тишескою чертою* самой Москвы, не говоря о его значеніи для исторіи нашего зодчества. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Василій Блаженный есть самое характерное произведеніе своего вѣка. Въ немъ въ полной мѣрѣ выразилась тотъ архитектурный стиль, которымъ запечатлѣны почти все московскіе и подмосковные храмы, строенные съ нимъ одновременно, т. е. въ половинѣ XVI ст., и который можетъ быть признанъ стилемъ чисто-русскимъ, стилемъ русскаго замышленія, оригинальнымъ свидѣтелемъ самодѣятельности русскаго зодчества вообще и каменнаго въ особенности. Постройка его въ память казанскаго, а затѣмъ и астраханскаго взятія, начата съ 1553 года, деревянною церковью Св. Троицы, къ которой потомъ прибавленъ былъ храмъ Покрова съ придѣлами, а въ 1555 году заложенъ каменный храмъ Покро-

ва о *деяти верхах*, оконченный уже въ 1559 году, да и то не советѣмъ; большая церковь, средняя, Покрова оставалась осенью, къ 1 октября этого года, еще несовершенною. Лѣтописецъ записалъ слѣдующее о постройкѣ этого храма: «Въ лѣто 7068 октября, совершена бысть на Москвѣ церковь Покровъ Богородицы, что у Троицы на рву, и послѣ того сотворена бысть тоя церковь тутъ же у Св. Троицы *различными образцы и многими переводы*, на одномъ основаніи девять престоловъ совершено». Мы вообще полагаемъ, что постройка Василія Блаженнаго въ исторіи Москвы должна занять очень видное мѣсто, какъ наилучшее доказательство, что существовало и русское своеобразное архитектурное искусство.

Далѣе, не встрѣчаемъ также на своемъ мѣстѣ отмѣтки, что память о казняхъ Грознаго на Красной площади Китай-города оставалась въ церквахъ, построенныхъ «на костехъ казенныхъ и убиенныхъ и на крови», передъ Торгомъ, вдоль кремлевской стѣны, по рву, между спасскими и николевскими воротами (И. Г. Р. IX, пр. 309). Тамъ стояло пятнадцать малыхъ церквей, разобранныхъ уже въ XVIII ст. и перенесенныхъ престолами въ соборъ Покровскій (Вас. Блаж.). Авторы приводятъ даже списокъ этихъ церквей, при обзорѣніи царствованія Михаила Федоровича, стр. XXIV, и въ другой разъ при обзорѣніи урочища *на рву*, стр. 18, упоминая о нихъ и въ другихъ мѣстахъ, стр. LV.

Царствованія Федора Ивановича и Бориса Годунова (ковецъ XVI вѣка) примѣчательны въ исторіи Москвы тѣмъ, что въ это время она, какъ городъ, получаетъ послѣднія законченныя черты своего топографическаго распространенія, отдѣляется новыми стѣнами по Бѣлому-городу и Скородому. Вѣроятно, еще при Грозномъ, быть можетъ, въ нашествіе или послѣ нашествія Девлетъ-Гирея въ 1571 году, вокругъ

посадовъ, окружавшихъ Кремль (Старый большой городъ) и Китай, былъ насыпанъ земляной валъ, отчего эта мѣстность могла прозываться *Ивань-городомъ*, какъ зоветъ Бѣлый-городъ Маскѣвичъ; въ современныхъ же официальныхъ запискахъ она называется *Землянымъ городомъ*. Окружность этого первоначальнаго Бѣлгорода была меньше теперешней, ибо Рождественскій монастырь въ то время находился еще за Землянымъ городомъ. (Доп. къ Акт. Истор. № 131). Вокругъ этого вала, около Большаго Посаду, подлѣ Земляныя Осыпи, какъ по новой, но уже совсѣмъ закончившей городское селеніе чертѣ, въ теченіи семи лѣтъ, 1586—1593 годахъ, воздвигнуты каменные стѣны. Новому городу дано названіе: *Царевъ бѣлой каменной городъ*. Мастеромъ былъ русскій человекъ Конь (Кононъ) Феодоровъ. Бѣлымъ городъ названъ отъ бѣлыхъ стѣнъ, ибо Китай имѣлъ стѣны красныя и назывался *Красною стѣною*. Лѣтъ черезъ пять, вскорѣ по уходѣ отъ Москвы крымскаго хана и изъ боязни новаго его прихода, обнесены были и всѣ остальные загородныя посады деревянными стѣнами, съ башнями и воротами, весьма красивыми, какъ отзывается Маскѣвичъ, стоявшими многихъ трудовъ и времени. Стѣны эти построены въ 1591 — 1592 годахъ. Съ того времени здѣшніе посады, ставшіе городомъ, начали обозначаться однимъ именемъ *Скородома*, о чемъ мы уже говорили. Въ московскую *разруху* 1611 года, деревянные стѣны Скородома погорѣли до глѣ; вмѣсто ихъ, при Михаилѣ Феодоровичѣ, 1637 — 1640 г., насыпанъ высокій *земляной валъ*, и выкопанъ ровъ, отъ чего Скородомъ сталъ называться *Землянымъ городомъ* и *Землянымъ валомъ*. Въ половинѣ XVII ст. мы здѣсь видимъ; однакожь, опять деревянные стѣны съ башнями и воротами, которыя вѣроятно построены при Михаилѣ, въ то же время, ибо въ 1637 г. когда начали сыпать Земляной Валъ, прямо упомянуто, что тогда-

же *чертили*, какъ дѣлать и деревянный городъ. Въ этой чертѣ какъ бы замкнулась древняя до-петровская исторія Москвы, исторія развитія ея самодержавія, ея политическаго могущества. Это была послѣдняя черта, которою Москва обозначила, такъ сказать, свое живое мѣсто, свое городское существо, потребовавшее охраны отъ враговъ. Авторы, однакожь, новсе не упоминаютъ о постройкѣ деревянныхъ стѣнъ при Федорѣ. Въ XVIII ст., новыя болѣе обширныя очертанія города сначала надобами, а потомъ камеръ-коллежскимъ вало́мъ произведены уже въ интересахъ компанейщиковъ виннаго откупа.

Въ обзорѣнн царствованія Михаила Федоровича мы опять встрѣчаемся, и точно также обрывомъ, съ отиѣткою, что «съ открытiемъ книжной торговли, появляется книжный рядъ въ Москвѣ 1608 года; тогда книги цѣнили *книжнаю ряду новъ Семень, дьяконъ Истома*» стр. XXII. Какъ будто о книжномъ рядѣ въ Москвѣ только одно это извѣстiе и существуетъ, какъ будто книжная торговля въ Москвѣ и въ самомъ дѣлѣ открыта только въ 1608 году. И чтѣ такое *новъ книжнаю ряду*? Чтѣ можетъ думать объ этомъ читатель?

Говоря о времени Алексѣя Михайловича и о томъ, что онъ ревновалъ о построенiи новыхъ церквей, авторы неправильно обозначаютъ, что дворцовою церковью апостола Петра и Павла увѣковѣчено будто бы *рожденiе* Петра I, стр. XXVI. Эта церковь построена не при Алексѣѣ, а уже въ 1684 году и не на память рожденiя Петра, а въ честь его тезоименитства. *О присоединенiи же Малороссiи къ Московскому государству* свидѣтельствуеъ половина Покровской улицы. .отиѣчаютъ авторы, *куда переведены были малороссiяне* и отъ фартины или шинка *малороссiянки*, названной (кто же называлъ?) *малороссiякою* или *мароссiякою*; тамъ... находилось *малороссiйское подворье*. Про-

званіе Моросѣйки отъ фартины, а фартины отъ малороссійскаго подворья можно почитать вполне достовѣрнымъ. Но когда же *переведены* были въ Москву и именно сюда малороссіяне? Они имѣли здѣсь подворье, пріѣзжее мѣсто — и только. Авторы помнятъ, что были переведены новгородцы, псковичи, а потому слѣдовало быть переведеннымъ и малороссамъ.

«За землянымъ городомъ на сѣверъ лежали бѣлыя и черныя земли, занятыя ямскими или говвини, дѣловыми и оброчными слободами, въ которыхъ находились *братскіе дворы*, или общіе. Тамъ селились кирпичники и простирались огороды» стр. XXXI. А развѣ не тоже было на югъ, западъ и востокъ? Но что же значили эти *братскіе* или *общіе* дворы, для какой цѣли они существовали? Можно думать, что они строились, въ нихъ жили *сообща, братствомъ*? Авторы оставляютъ ихъ безъ всякаго объясненія, указывая только, что «до нынѣ въ Таганкѣ, въ Дурномъ, прежде Чертовомъ, переулкѣ находится *братскій дворъ*» и опять-таки не объясняя, что это такое? Для внутренней исторіи Москвы *братскіе дворы* имѣютъ очень важный интересъ. Это были центры мѣстнаго самоуправленія. Извѣстно, что посады Москвы состояли изъ *слободъ*, что она, такъ сказать, разрасталась слободами; *слобода* была ея растительною кѣточкою. Состоя подъ началомъ *Земскаго приказа* или *Земскаго Двора*, каждая слобода, однакожь, во внутреннихъ своихъ дѣлахъ управлялась сама собою, для чего выбирала себѣ старосту, десятскихъ, цѣловальниковъ и другихъ подобныхъ лицъ, смотря по своему назначенію въ устройствѣ города или же въ хозяйствѣ государя. Всѣ слободскія дѣла рѣшались сходками на *братскомъ дворѣ*, который, безъ сомнѣнія, строился на общій слободской счетъ, и, какъ должно полагать, по преимуществу вблизи приходской церкви, кото-

рая также составляла главное мѣсто въ каждой слободѣ, ибо около церкви помѣщалось всегда и слободское кладбище, гдѣ хоронились *родители* слобожанъ. Приведемъ нѣкоторые позднѣйшія указанія о слободскихъ братскихъ дворахъ. 1698 года февраля 7-го: «Казенные слободы староста и всей той казенной слободы тяглецы, выбрали мы на *брацкомъ дворъ со всего брацкаго совѣту* въ цѣловальники тое жъ казенные слободы тяглеца человѣка добраго и пожиточнаго Федора Иванова, что быть ему у приѣшу и у раздачи в. г. хлѣбнаго жалованья преображенскаго и семеновскаго полковъ пѣхотнаго строю и всякихъ чиновъ людемъ на 206 годъ...» 1699 года октября 17-го: «Въ Тулѣ казенные кузнецкіе слободы кузнецъ Иванъ Баташевъ, въ казенной кузнецкой слободѣ на *братскомъ дворъ* передъ старостою Михаиломъ Устиновымъ и лучшими людьми противъ челобитья Паптеля Пыхулина сказалъ: на *братской дворъ* его (Пыхулина) сына Дмитрія привелъ... на улицу за ноги съ братскаго двора не таскивалъ и не бивалъ на улицѣ противъ братскаго двора; только де его на братскомъ дворѣ бранилъ и воромъ называлъ и спорилъ...» Такіе братскіе дворы назывались также *свѣзжими* дворами. Память о московскихъ слободскихъ братскихъ дворахъ сохраняется до сихъ поръ въ Москвѣ въ названіи полицейскихъ частныхъ домовъ *свѣзжими* домами; также въ женскомъ родѣ *свѣзжая*, разумѣя, Часть; ядти, вести на *свѣзжу*. Вообще очень жаль, что авторы не обратили должнаго вниманія на внутреннее городское устройство старой Москвы. Они раскрыли бы тогда, что братскіе дворы существовали не только за Землянымъ, но и въ самомъ Земляномъ и даже въ Бѣломъ городѣ, вездѣ, гдѣ населеніе жило и управлялось слободою. Должно предполагать, что такіе же дворы были и въ сотняхъ. Да и не въ одной Москвѣ такъ было, а по всей великорусской землѣ. Въ новгородской области, писцовыя книги

1615 — 1617 годовъ о церквахъ и некоторыхъ погостовъ отмѣчаютъ: «Да у тѣхъ же церквей на церковныхъ земляхъ 2 избы большіе, за трапезы мѣсть, гдѣ сходятся по воскресеньямъ крестьяне... да на погостѣ жъ изба стоялая, а сходятся въ ней крестьяне по воскресеньямъ» (Неволинъ, о Пятинахъ и Погостахъ, стр. 105).

Опредѣляя, наконецъ, пространство Москвы при царѣ Алексѣѣ, стр. XXXII, авторы черпаютъ свои свѣдѣнія изъ иностранныхъ писателей, но, главнымъ образомъ, изъ книги г. Костомарова: *Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа*, стр. 20, выписывая даже, какъ результатъ своихъ изысканій, отзывъ по этому вопросу г. Костомарова, что изъ иностранныхъ извѣстій «можно только приблизительно и не вполне представить себѣ величину древней столицы и проч.; между тѣмъ какъ величина тогдашняго города и до сихъ поръ очевидна для всякаго, ибо очертаніе его крайнихъ стѣнъ сохраняется въ такъ называемомъ и теперь *Земляномъ валѣ* или Садовой». Свѣдѣніе о слободахъ за Землянымъ городомъ также можно добыть изъ домашнихъ источниковъ. Другое дѣло вопросъ о числѣ жителей, о количествѣ населенія. Въ сочиненіи г. Костомарова этотъ вопросъ былъ совершенно побочнымъ, поэтому авторъ и не могъ удѣлять ему слишкомъ значительнаго мѣста. Здѣсь же, въ разбираемомъ сочиненіи, въ подробномъ историческомъ и археологическомъ описаніи города, это вопросъ прямой, существенный, требующій неизбѣжнаго подробнаго и полнаго разслѣдованія, какъ мы уже сказали. Авторы, однакожъ, уклонились отъ всякаго разслѣдованія и сообщаютъ скудные крохи, замшествоваанныя случайно, тамъ и сямъ, въ то время, какъ передъ ними лежалъ весьма обильный матеріалъ не только въ сказаніяхъ иностранцевъ, но и въ домашнихъ источникахъ. Въ отношеніи иностранныхъ писателей, насущный вопросъ

самаго этого сочиненія объ исторіи Москвы заключался въ томъ, чтобы сдѣлать сводъ всѣхъ сказаній о Москвѣ, всѣхъ извѣстій собственно о ней, съ перваго и до послѣдняго времени. Это сдѣлать легко, по крайней мѣрѣ, по переведеннымъ уже текстамъ этихъ писателей, на которыхъ авторы любятъ ссылаться, выписывая даже ихъ подлинныя латинскія, нѣмецкія, англійскія заглавія. Въ такомъ случаѣ мы получили бы очень любопытную компиляцію, если не изслѣдованіе, которая нарисовала бы намъ старую Москву несравненно осязательнѣе, чѣмъ всѣ эти поверхностныя, отрывочныя и обрывочныя, безсвязныя заимствованія изъ той или другой книги, неимѣвшей цѣли дѣлать подобныя изслѣдованія. Мы полагаемъ, что авторы обязаны были выработать такую статью, черпая матеріалы непосредственно изъ самыхъ источниковъ.

Но, можетъ быть, они возразятъ намъ, что мы не имѣемъ права ставить подобныя задачи, что разыскатель обыкновенно слѣдуетъ собственному плану и не долженъ его измѣнять соответственно разнымъ, иногда совершенно излишнимъ, требованіямъ критика. Но именно этотъ планъ, принятый авторами для своего труда, и заставляетъ насъ предложить упомянутое требованіе. Только съ точки зрѣнія этого плана мы и рассматриваемъ теперь ихъ сочиненіе. Они ведутъ свой рассказъ хронологически по княженіямъ и царствованіямъ и, можно даже сказать—только по именамъ государей, ибо непремѣнно заносить эти имена на свои страницы, хотя бы все дѣло оканчивалось только коронаціею или даже однимъ именемъ, что послѣ такого-то государя слѣдовалъ такой-то. Затѣмъ они рассказываютъ о событіяхъ, случившихся при томъ государѣ, рассказываютъ о пожарахъ и другихъ бѣдствіяхъ (подробнѣе), о постройкахъ (короче) и, наконецъ, о томъ, гдѣ и что было; усиливается описать состояніе и положеніе города въ то время. Хотя въ этомъ рассказѣ они не слѣдуютъ никакому порядку, даже не-

рѣдко и хронологическому, набрасывая только въ кучу, другъ на друга, случайно собранныя разнородныя, а часто и разновременныя свѣдѣнія, — однако, и въ этомъ хаосѣ свѣдѣтельствъ видимо желаніе обрисовать состояніе Москвы въ данное время. Что же можетъ быть удобнѣе въ этомъ случаѣ, какъ не воспользоваться, особенно для XVI и XVII ст., описаніемъ путешественника-очевидца; который живыми глазами, смотрѣлъ на древнюю Москву и, конечно, въ своихъ запискахъ могъ сохранить только самыя характерныя, такъ сказать основныя, а вмѣстѣ и каковыя черты, какія собственно и нужны для подобнаго изображенія. Стѣнитъ только провѣрить и пополнить эти указанія домашними свѣдѣтельствами, и очеркъ готовъ, полный и круглый, по крайней мѣрѣ удобопонятный, который можно прочесть безъ отягощенія головы.

О пространствѣ или величинѣ города, о числѣ населенія, о числѣ домовъ или дворовъ и церквей, показанія иностранцевъ довольно разнорѣчивы, какъ и слѣдовало ожидать, ибо всякій изъ нихъ мѣрилъ своею мѣрою, такъ сказать, глазо-мѣрно, или пользуясь тоже не очень точными свѣдѣніями, какія сообщали москвичи, сами едва ли опредѣлительно знавшіе всѣ эти числа. Окружность города иностранцы приблизительно полагали въ XVI вѣкѣ въ 30 миль (англійскихъ, у Флетчера), около 45 верстъ; но какую черту назначали они для этой окружности — неизвѣстно. Англичанамъ Москва ка-

залась величиною съ Лондонъ (1553 г.), а Флетчеръ (1588 г.) говоритъ, что она даже больше Лондона. Иные (1517 г.) сказывали, что она вдвое больше Флоренціи и богемской Праги. Въ XVII ст. Буссовъ, (Беръ) считалъ окружность Москвы по чертѣ стѣны Землянаго города въ 4 мили; Олеарій— почти въ 3 мили, замѣтивъ при этомъ, что городъ прежде, вѣроятно, былъ вдвое больше, чтѣ и несомнѣнно, ибо въ 1641 году, при Буссовѣ, онъ былъ выжженъ поляками. Олеарію сказывали, что еще въ его время можно было насчитать до 40 тысячъ пожарищъ! Во второй половинѣ XVII ст., Мейербергъ считаетъ окружность Москвы въ 38 верстѣ, включая, безъ сомнѣнія, подобно Флетчеру, и всѣ подгородныя слободы и села, которыя дѣйствительно и были отнесены къ городу въ XVIII ст., такъ что теперешній камеръ-коллежскій валъ, опредѣляющій черту города и простирающійся слишкомъ на 32 версты, можетъ указывать и на тѣ его предѣлы, какіе обозначались иностранцами XVI и XVII ст. Число строеній, т. е. большею частію избъ, въ эти два вѣка иностранцы показываютъ почти одинаково отъ 40 до 42 тысячъ. Штраусъ (въ половинѣ XVII вѣка) говоритъ даже о 95 тысячахъ, но эта цифра, по всему вѣроятію, ошибочная. О числѣ жителей иностранцы уже никакъ не могли имѣть вѣрнаго свѣдѣнія, потому что едва ли такое свѣдѣніе имѣли и сами москвичи. Достоверно лишь то, что городъ былъ (особенно по временамъ) очень многолюденъ и своимъ многолюдствомъ заставлялъ до невѣроятныхъ размѣровъ увеличивать цифру населенія; напр., въ Смутное время поляки думали о милліонѣ; другіе, спустя лѣтъ 50, полагали отъ 500 до 600 тысячъ.

Иностранцы очень изумлялись также великому множеству церквей, а москвичи и до сихъ поръ говорятъ о *сорока сорокахъ* своихъ церквей! Дѣйствительно, Олеарій показываетъ, что въ его время всѣхъ церквей считали до *двухъ ты-*

сѣчь. Эта цифра вполне достоверная. Въ первомъ изданіи своего сочиненія Олеарій упоминаетъ, что число церквей простирается до 1,500. Его землякамъ это число показалось удивительнымъ и невѣроятнымъ. Онъ навелъ болѣе точныя справки и убѣдился, что и нѣмцы-москвичи и русскіе-москвичи насчитываютъ ихъ до 2,000. Въ Смутное время, до сожженія Москвы, ихъ было по одному свидѣтельству (Беръ), по крайней мѣрѣ, 3000, по другому около 4500, а во второй половинѣ XVII ст., 1,700; въ концѣ же этого столѣтія Корбъ говоритъ только о 200, что ближе къ правдѣ, ибо онъ разумѣетъ дѣйствительно однѣ только церкви, между тѣмъ какъ писатели первой половины XVII ст., а съ ними и Олеарій, въ число церквей полагали и всѣ часовни. Олеарій при этомъ отмѣчаетъ, что у каждаго пятаго дома въ Москвѣ можно встрѣтить часовню. Немногія изъ такихъ часовенъ уцѣлѣли и до сихъ поръ. Въ томъ же смыслѣ должно принимать и мѣстоименное теперь преданіе о сорока сорокахъ.

Вообще, изъ разсказовъ иностранцевъ выясняется настоящая дѣйствительность древней Москвы. Это былъ городъ не только *деревянный*, но и вполне *деревенскій*. Это былъ городъ очень красивый издали по живописности мѣстоположенія, по множеству церквей, блиставшихъ золотыми маковками и золотыми главами, по великому множеству садовъ (почти у каждаго дома былъ садъ) и луговъ, по оригинальности, своеобразію большихъ построекъ, по необыкновенному простору, съ которымъ онъ раскидывался во всѣ стороны. Это былъ городъ, подъѣзжая къ которому, благочестивые нѣмцы говаривали, что это Иерусалимъ и потомъ въѣхавши въ его деревенскія улицы, убѣждались, что это скорѣе Виллеемъ, или простѣе сказать — громадная деревня, отличавшаяся всѣми качествами настоящей великорусской деревни.

Но возвратимся къ тексту авторовъ. При обзорѣнн царствования Оелора Алексѣевича, они упоминають, между прочимъ, что «на рѣкѣ Прѣснѣ выкопаны патриархомъ Іоакимомъ пруды» (ХХХІІІ). Читатель можетъ думать, что съ этого времени положено начало извѣстнымъ Прѣсенскимъ прудамъ, въ настоящее время, особенно замѣчательнымъ для москвичей по недавно открытому тамъ зоологическому саду. Между тѣмъ, пруды на Прѣснѣ были устроены еще въ началѣ ХVІІ ст. Еще въ 1632 г., плотиннаго дѣла мастеръ Петръ Фефиловъ сдѣлалъ тамъ *каменную плотину* (Арх. О. П. № 1089). Но и это едва ли первое ихъ устройство. Въ концѣ ХVІІ ст., прѣсенская средняя плотина называлась *красною*, по красотѣ постройки. Патриархъ Іоакимъ, по всему вѣроятію, выкопалъ такъ называемые *патріаршіе пруды* (остался одинъ) въ своей слободѣ на Козьемъ болотѣ, Козихѣ, откуза текъ ручей также въ Прѣсню. Онъ могъ выкопать по этому ручью, еще ближе къ Прѣснѣ, и другіе пруды; но дѣло въ томъ, что Прѣсенскіе пруды всегда были царскими. Въ 1681 г. (при патр. Іоакимѣ), на Прѣснѣ былъ построенъ деревянный загородный государевъ дворецъ, а на дворцѣ каменная церковь живописнаго Христова Воскресенія, отъ чего новое государево село стало называться Новымъ Воскресенскимъ. Въ томъ же году и въ томъ же селѣ была поставлена старая деревянная церковь Николая Чудотворца, перенесенная сюда съ *Курьей-ножки*, изъ города, за что въ приходѣ, на постройку новой церкви, выдано изъ каменнаго приказа по оцѣнкѣ старой церкви въ 63 р. 22 алт. 4 д., кирпичемъ по указной цѣнѣ ¹⁾). Въ 1722 г., эта церковь обозначена на новомъ Ваганьковѣ, которое было подлѣ самаго Воскресенскаго.

¹⁾ Дѣла дворц. приказовъ. ХVІІ ст.

И основатель села, Федоръ Алексѣевичъ, и послѣ него Петръ, часто тѣшились въ Воскресенскомъ на прудахъ фейерверками. Въ 1692 г. января 30 и февраля 1, въ Воскресенское на Прѣснѣ къ потѣшному гранатному строенью отпущено три блюда деревянныхъ большой руки (чтобъ большихъ тѣхъ не было), сто сорокъ бочекъ дехтарныхъ или смоляныхъ, 4 чаши деревянныхъ самыхъ большихъ, 5 ф. проволоки, гвоздей и проч.

Въ обзорѣннѣ правленья царевны Софьи авторы слишкомъ выдвигаютъ дѣятельность кн. В. В. Голицына, который будто бы «построилъ каменные палаты для присутственныхъ мѣстъ, докончилъ каменный мостъ, сдѣлалъ деревянные мостовыя въ столицѣ» (XXXIV). Эти свѣдѣнія изъ Невилля, котораго необходимо было повѣрить съ своими домашними свѣдѣтельствами, ибо онъ говоритъ, напримѣръ, что при Голицынѣ въ Москвѣ построено *больше 3000 каменныхъ домовъ!* Цифра изумительная для тогдашнихъ хозяйственныхъ средствъ и, особенно, для семи лѣтъ голицынскаго управленія. Палаты для присутственныхъ мѣстъ, т. е. для приказовъ, были построены при царѣ Федорѣ Алексѣевичѣ, а указъ о постройкѣ былъ еще его отца царя Алексѣя. Въ 1670 г., кремлевскія палаты разныхъ приказовъ обветшали гораздо и порушились во многихъ мѣстахъ, сидѣть въ нихъ было опасно; почему указы и съ дѣлами были переведены изъ Кремля въ Китай и Бѣлый-городъ и размѣщены тамъ въ разныхъ мѣстахъ. Въ 1675 г., еще при Алексѣѣ, каменный приказъ началъ постройку новыхъ приказовъ въ Кремлѣ по горѣ, начиная отъ Архангельскаго собора къ Спасскимъ воротамъ. По чертежу, каковъ былъ присланъ 7 мая изъ посольскаго приказа, предполагалось выстроить разрядъ, посольскій съ четвертьми, большую казну, помѣстный, стрѣлецкій, казанскій дворець. Денегъ на постройку по сметѣ исчислено 24,806

руб. 3 алт. 5 ден. Въ 1677 г., построены были только нижнія *жсытъя* (этажи), всего 28 палатъ. Царь Ѳеодоръ, 10 дек. 1677 г., указалъ на нижнихъ жтъяхъ построить на ту же сѣтъу верхнія, мѣроу противъ нижнихъ и къ тѣмъ верхнимъ палатамъ перила и крыльца, а на проѣзжихъ воротахъ церковь Трехъ Исповѣдниковъ: Въ 1680 г. фев. 13, царь Ѳеодоръ указалъ въ новопостроенныхъ палатахъ учинить приказы: отъ Архангельскаго собора Посольскій съ четвертьми, Разрядъ (4 палаты), у проѣзжихъ воротъ Большая казна и Новгородскій съ четвертьми. На метиславскомъ дворѣ отъ проѣзжихъ воротъ Помѣстный (4 палаты), рядомъ Казанскій дворецъ (въ одной палатѣ этого приказа находился колодезь); въ крайнихъ палатахъ къ помѣстному, Стрѣлецкій приказъ. Надъ проѣзжими воротами въ 1682 г. существовалъ уже соборъ Александра Невскаго. Теперь все это мѣсто занято площадью, плацъ-парадомъ предъ николаевскимъ дворцомъ.

Каменный мостъ черезъ Москву-рѣку Голицынъ докончить не могъ, ибо постройка его хотя и начата при Голицынѣ въ 1687 году, когда онъ былъ въ крымскомъ походѣ, но тогда сдѣланъ былъ только одинъ столбъ (быкъ) каменный; всего тотъ мостъ дѣланъ 5 лѣтъ ¹⁾, следовательно, доконченъ въ 1692 г., а Голицынъ палъ въ 1689 году. Неправильное свидѣтельство о каменномъ мостѣ внесено авторами изъ ихъ же прежняго изданія «Русская Старина», годъ 3, стр. 195, гдѣ авторъ сочинилъ, что «строение возобновилось въ 1682 г. и довершено въ 1687 г., по мостовому образцу Кристлера, какъ свидѣлствуютъ намъ Желябужскій и Голиковъ». А Желябужскій, стр. 18, и Голиковъ (Допол. къ Дѣян. IV, 53) обстоятельно говорятъ только одно, что въ 1687 г. мостъ начать строятся.

¹⁾ Желябужскій, въ изд. Языкова, стр. 18.

О томъ же, что Голицынъ *сдѣлалъ* деревянныя мостовыя въ столицѣ, какъ-то странно читать, ибо въ Москвѣ искони, по крайней мѣрѣ въ XVI и XVII ст., дѣлались деревянныя мостовыя, для чего Земскій приказъ собиралъ со всехъ жилыхъ мѣстъ *мостовыя деньги*. Невиль говоритъ, что по распоряженію Голицына *весь городъ былъ вымощенъ* досками, и что послѣ него мостовая поддерживалась только на большихъ улицахъ. Если и не весь городъ, то при Голицынѣ дѣйствительно могли быть вымощены вновь нѣсколько улицъ, пролегалшихъ къ тѣмъ или другимъ загороднымъ мѣстамъ, куда сталъ *снова* выѣзжать раздѣлившійся тогда на нѣсколько особыхъ семей царскій домъ. О существованіи мостовыхъ въ Москвѣ еще въ XVI вѣкѣ говорятъ иностранцы, напримѣръ Флетчеръ, и описываютъ даже способъ мощенья. Эти мостовыя устраивались изъ бревенъ, тесанныхъ съ наружной стороны, по которой слѣдовало ѣздить. Иногда клали и кругляки, поперегъ улицы, а поверхъ ихъ вдоль улицы, байдачныя, барочныя, доски и даже брусья, на важнѣйшихъ царскихъ проездахъ. Точное понятіе о такомъ устройствѣ мостовыхъ въ старой Москвѣ и о великихъ ея грязяхъ, можно было получить по случаю недавнихъ уличныхъ раскопокъ для укладки трубъ текучаго газа, которымъ стала теперь освѣщаться Москва. На большихъ улицахъ старинныя деревянные мостовыя, какъ обнаружилось, лежать въ два и даже въ три яруса, имѣя между собою разстоянія отъ $\frac{1}{2}$ и до цѣлаго аршина, а въ иныхъ мѣстахъ и больше, такъ что самая древнѣйшая мостовая находится почти вездѣ на глубинѣ двухъ аршинъ. Поверхъ ея, въ аршинъ толщины, слой самой московской грязи, за тѣмъ опять пластъ мостовой и опять слой грязи, и, наконецъ, насыпь теперешней каменной мостовой. Вообще должно полагать, что деревянные мостовыя существовали въ Москвѣ, разумѣется, по главнымъ улицамъ, съ того времени, какъ

она построилась городомъ, т. е., по крайней мѣрѣ, съ половины XIV вѣка. Между тѣмъ, изъ указанія авторовъ читатель можетъ и въ самомъ дѣлѣ подумать, что деревянныя мостовыя явились въ Москвѣ только по мысли Голицына, и тѣмъ легче можетъ принять это заблужденіе, что до этой страницы (XXXIV) авторы ни слова не говорятъ о способѣ мощенія улицъ въ древней Москвѣ.

Также точно, въ первый разъ, о *набатѣ* во время пожаровъ они упоминаютъ только на стр. L, въ обзорѣ царствованія Елисаветы, какъ будто до того времени Москва вовсе не знала пожарнаго набата, этого, единственнаго въ древнееврейское время, средства огласить опасность и вызвать въ городѣ предосторожность и защиту отъ нея. Набатъ, сверхъ того отличался особымъ характеромъ звона; горожане очень хорошо различали его отъ звона или собственно благовѣста обыкновеннаго, церковнаго. Въ Кремлѣ особые набатные колокола висѣли съ трехъ его сторонъ, гдѣ находились и городскіе башенныя часы: 1) у Спасскихъ (въ XVI в. Фроловскихъ) веротъ, на малой, нарочно для того построенной башнѣ; этотъ колоколь назывался *спасскимъ набатомъ*; 2) къ Замоскворѣчью на Тайницкой башнѣ, (называвшейся въ XVI в. *Водяными воротами у тайника*); и 3) къ Занеглинненью на Троицкомъ мосту, на Троицкихъ (въ XVI ст. Рязположенскихъ) воротахъ. Царь Алексѣй, въ 1668 г. января 6, назначилъ кремлевскому набатному звону такой порядокъ: «Будетъ загорится въ Кремлѣ, бить во всѣ три набата въ оба края, по-скору. Будетъ загорится въ Китаѣ, бить въ одинъ спасской набатъ въ одинъ край, скоро же. Будетъ — въ Беломъ городѣ, въ спасской набатъ въ оба края потише и въ набатъ, что на Троицкомъ мосту, въ оба края, потише. Въ Землянномъ городѣ, въ набатъ на Тайницкой башнѣ, въ одинъ край, тихимъ обычаемъ, бить *разваломъ*, съ разстановкою».

Намъ остается теперь перейти къ Москвѣ петровскаго времени, обзоръ котораго авторы начинаютъ страннымъ указаниемъ, что «воздвигнутая въ 1692—1695 г. Сухарева башня... предшествовала основанію Петербурга и мореплаванія» (XXXIV). Затѣмъ, сказавши, что «постоянное пребываніе въ Москвѣ царскаго двора содѣйствовало къ ея распространенію, населенію и обогащенію, украсило ее памятниками художества», авторы, противъ всякаго ожиданія, начинаютъ обрисовывать какъ бы запусценіе Москвы въ началѣ XVIII ст., т. е. при Петрѣ: улицы стѣснены и обезображены шалашами, мазанками и печурами, бѣдность построеній, нищія, крестецкіе попы и дьяконы, колодники, языки, слово и дѣло, казни, кнутъ, плети, четвертованье, колесованье, отрубленные головы, желѣзные рожны и т. п. (XXXIV, XXXV). Въ заключеніе, какъ бы для усиленія всего сказаннаго, они повѣствуютъ: «Гдѣ прежде стояли *между пятнадцатью церквами* на этомъ городскомъ торгѣ (Красной площади) богадѣльня и заблыны избы и больницы, которыхъ было на Покровской и Срѣтенской улицахъ 12 избъ, тамъ при Петрѣ I построена *Комидіальная храмина*» и проч. Трудно понять, какъ была она построена между пятнадцатью церквами, и какъ сюда же относится 12 избъ покровскихъ и срѣтенскихъ?

Время Петра I, въ исторіи Москвы, есть время окончательнаго счета съ ея старинюю. Отсюда начинается ея новая исторія. Поэтому, отъ новѣйшаго изслѣдованія надобно было бы ожидать, по крайней мѣрѣ, возможно-круглаго, если еще не полнаго отчета о томъ, въ какомъ видѣ, въ какомъ уст-

ройствѣ явилась Москва предъ лицомъ всенародной реформы. Очень было бы и умѣстно, и любопытно свести такіе итоги. Но, къ сожалѣнію, изъ массы разнообразныхъ свѣдѣній о томъ, что было, и что дѣлалось въ Москвѣ въ петровское время, читатель все-таки не получаетъ, въ изслѣдованіи нашихъ авторовъ, никакого опредѣленнаго, отчетливаго понятія, какой именно характеръ приняла съ этого времени исторія города. Онъ не можетъ даже опредѣлить, сколько, напримеръ, было церквей въ городѣ. На страницѣ XXXVII, какъ и выше, на стр. XXXII (при царѣ Михаилѣ), собраны самыя противорѣчивыя цифры, безъ всякаго отзыва, какая изъ нихъ справедлива.

Упомянувъ о свѣдѣтельствѣ Голикова, что въ Москвѣ при Петрѣ считалось до 300,000 жителей, авторы вовсе не касаются вопроса о числѣ дворовъ; между тѣмъ, давно уже изданъ очень любопытный матеріалъ, вполне уясняющій этотъ вопросъ (Московскія Губернскія Вѣдомости, 1856 г., № 1: «Матеріалы для исторіи Москвы и ея окрестностей»), и которымъ необходимо слѣдовало бы воспользоваться всякому новѣйшему изслѣдователю древностей Москвы. Какъ ни сухъ самъ по себѣ такой матеріалъ, состоящій почти изъ однихъ цифръ, но эти цифры весьма драгоценны: въ нихъ воскресаетъ предъ нашими глазами послѣдняя минута старинной Москвы, во всѣхъ своихъ подробностяхъ, и потому мы считаемъ необходимымъ познакомить нашихъ читателей съ этимъ любопытнымъ матеріаломъ.

Въ 1701 году, Петръ I въ Ближней канцеляріи собралъ свѣдѣнія, отъ всѣхъ вѣдомствъ управления, о наличной казнѣ въ деньгахъ, вещахъ и всякихъ другихъ предметахъ и о доходахъ и расходахъ каждаго вѣдомства. По этому случаю, и Земскій приказъ въ Москвѣ составилъ счетъ всѣмъ дворамъ,

съ которыхъ собирались мостовыя и другія деньги. Въ поданной имъ въ Ближнюю канцелярію запискѣ значилось:

«По писцовымъ и по переписнымъ книгамъ 187 (1679) и 188 (1680) и нынѣшняго 701 годовъ, въ Кремль, въ Китаѣ, въ Бѣломъ и въ Земляномъ и за Землянымъ городомъ дворовъ всякихъ чиновъ людей написано ¹⁾»:

	КРЕМЛЬ.	КИТАЙ.	ВЪЛЫЙ.	ЗЕМЛЯНОЙ.	ЗА ЗЕМЛЯНЫМЪ.	ИТОГО.
Патріаршихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ подворей.	9	27	38	30	35	139
Соборныхъ протопоповъ, ключарей, поповъ, дьяконовъ, пѣвчихъ, крестовыхъ дьяковъ и приходскихъ поповъ и церковныхъ причетниковъ.	29	119	438	431	219	1,236
Книгъ Печатнаго двора и мастеровыхъ. . . .	—	6	—	—	—	6
Патріаршихъ дѣтей боярскихъ и Печатнаго двора разныхъ чиновъ.	—	—	—	118	—	118
Царевичевыхъ (Грузин. Касим. Сибирск.) . . .	—	2	4	1	1	8
Боярскихъ.	3	17	68	45	62	195
Кравчаго	1	—	—	—	1	2
Окольническихъ	—	7	37	18	29	91

¹⁾ Мы сокращаемъ эту записку и дѣлаемъ общій сводъ ея указаній.

	ВРЕМЯ.	КИТАИ.	ВАЛЫ.	ЗЕМЛЯНОЙ.	ЗА ЗЕМЛЯ-НЫМЪ.	ИТОГО.
Генеральскихъ	—	—	—	3	6	9
Думныхъ дворянъ	—	3	25	16	15	59
Постельничаго	—	—	—	1	—	1
Думныхъ дьяковъ	—	2	10	13	13	38
Стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, жильцовъ, вдовъ, недорослей	1	23	954	1,398	455	2,831
Дьяковъ и подъачихъ	—	24	83	90	64	261
Подъяческихъ	—	—	299	837	—	1,136
Дворовыхъ людей, ключ- никовъ, стряпчихъ, под- ключниковъ и проч.	—	6	59	559	590	1,214
Нижняго чину дворовыхъ	—	—	16	—	—	16
Коюшеннаго чину	—	—	9	187	278	474
Гостей и гостинной сотни	—	21	49	156	98	324
Разныхъ слободъ посад- скихъ людей	—	8	358	3,208	2,670	6,244
Оружейныхъ и пушкар- скихъ мастеровыхъ лю- дей	—	—	—	50	—	50
Педвяшниковъ и кузне- цовъ	—	—	—	23	—	23
Живописцовъ, золоти- щниковъ, становниковъ, столяровъ и проч.	—	—	—	—	89	89
Денежныхъ, Печатнаго дворовъ мастеровыхъ людей и каменнаго дѣ- ла подмастерей, камен- щиковъ, ожигальщиковъ	—	—	—	—	173	173

	КРЕМЛЬ.	КНТАЙ.	ВАГНЙ.	ЗЕМЛИНОЙ.	ЗА ЗЕМЛЯ-НЫМЪ.	ИТОГО.
Солдатскихъ полковъ начальныхъ людей . . .	—	—	2	36	53	91
Генеральнаго писаря . . .	—	—	—	—	1	1
Полковыхъ и ротныхъ писарей и подъячихъ.	—	—	—	—	372	372
Драгунскихъ, пушкарскихъ, зелейщиковъ, рейтарскихъ, солдатскихъ.	—	—	—	54	142	196
Иноземцовъ аптекарскихъ и переводчиковъ и толмачей	—	—	37	46	3	86
Иноземческихъ кормовщиковъ и торговыхъ и ремесленныхъ людей	—	—	—	—	43	43
Приказныхъ и рѣшоточныхъ сторожей, приставовъ	—	6	4	65	66	161
Боярскихъ людей и крестьянъ госуд., оброчн., бояр., архіерейск., монастырскихъ.	—	1	22	9	637	669
Нищихъ	—	—	—	—	2	2
	43	272	2,532	7,394	6,117	16,358
Такимъ образомъ, изъ числа 16,358 дворовъ въ Москвѣ принадлежало: Духовенству (со включеніемъ разныхъ слу-						

	КРЕМЛЬ.	КИТАЙ.	БЪЛЪГ.	ЗЕМЛЯНОЙ.	ЗА ЗЕМЛЯ-НЫМЪ.	ИТОГО.
жебныхъ лицъ Печатна-го двора).	38	152	476	379	254	1,499
Дворянству.	5	54	1,098	1,495	582	3,234
Дьячеству	—	24	382	927	64	1,397
Дворцовымъ чиновни-камъ и служителямъ .	—	6	84	746	868	1,704
Посадскимъ.	—	29	407	3,364	2,768	6,568
Мастеровымъ, ремеслен-никамъ	—	—	—	73	262	335
Военному сословию . .	—	—	2	90	568	660
Иноземцамъ.	—	—	37	46	46	129
Городовымъ служите-лямъ	—	6	24	65	66	161
Крѣпостнымъ	—	1	22	9	637	669
Нищимъ.	—	—	—	—	2	2

Если къ этому присовокупить измѣреніе окружностей горо-довыхъ стѣнъ, произведенное въ томъ же 1701 году ¹⁾, то получимъ довольно точное, определенное понятіе и о величинѣ старинной Москвы. «А по мѣрѣ Кремля-города и съ проѣзжими воротами и съ глухими башнями 1055 $\frac{1}{2}$ саж.; по Китаю съ проѣзжими воротами и глухими башнями 1205 $\frac{1}{2}$ саж.; Бѣлаго города около городской стѣны и башень 4463 $\frac{1}{2}$ саж.; Землянаго вала съ проѣзжими воротами и проч. 7026 саж. съ $\frac{1}{2}$ арш.» Можетъ быть, эти цифры необходимо повѣрить,

¹⁾ «Цѣлѣбное состояніе Всероссийскаго государства», собр. *Ис. Ки-рилловымъ*. М. 1831, стр. 90—94.

но во всякомъ случаѣ онѣ, такъ сказать—документы. Авторы, къ сожалѣнію, и ихъ не приводятъ.

Итакъ, въ этомъ пространствѣ, съ небольшимъ на четырнадцать верстъ въ окружности, поѣщалось, къ 1701 году, 10,241 дворъ. Затѣмъ, 6,117 дворовъ находилось за Землянымъ городомъ, или за чертою Землянаго вала и его деревянныхъ стѣнъ и воротъ, изъ которыхъ въ это время одни были уже каменные (Сухарева башня). Припомнимъ кстати, что окружность теперешняго камеръ-коллежскаго вала, обнимающаго всю городскую мѣстность, за Землянымъ городомъ, простирается на 32 версты слишкомъ.

Подобные итоги необходимо и весьма возможно было свести и по всѣмъ другимъ вопросамъ, вообще, о состояніи Москвы въ петровское время, начиная съ характеристики ея внѣшняго устройства и оканчивая характеристикю ея внутренней общественной и даже домашней жизни. Этого именно и требовала исторія города въ виду рубежа между его завѣтною стариною и нарождавшеюся заморскою новизною, съ которою, въ той же Москвѣ, шла такая отчаянная борьба, сводились такіе кровавые счеты и расчеты. Еслибъ историкъ съ точностью подвелъ сказанные итоги, они, быть можетъ и раскрыли бы, почему реформа искала для себя новаго мѣста не только въ государствѣ, но даже и въ самомъ городѣ. Въ самой Москвѣ образовалась новая столица преобразования, знаменитый, но теперь совсѣмъ забытый *Преображенскъ* или Преображенское, о которомъ можно было бы очень многое сказать, и о которомъ авторы, къ великому сожалѣнію, говорятъ только, что въ этой колыбели гвардіи (развѣ одной гвардіи?) устроены Петромъ хамовный и шляпный дворы, лабораторія, сооруженъ новый дворецъ....» (XXXIX); и не указываютъ даже настоящаго мѣста Преображенска — этой царской резиденціи, которая находилась въ старомъ (царя

Алексія) Преображенскомъ дворцѣ, на этой сторонѣ Яузы. Новый же Преображенскій дворецъ построенъ Петромъ на томъ берегу, ближе къ Нѣмецкой слободѣ, при впаденіи въ Яузу рѣчки Хапиловки. — Что такое хамовный дворъ, что такое шляпная фабрика? Стоило ли объ этомъ упоминать, возможно ли было характеризовать Преображенское такими, слишкомъ односторонними, фактами? Писать или обозрѣвать исторію Москвы въ Петрово время и не встрѣтиться съ особеннымъ смысломъ, какой принадлежитъ въ этой исторіи Преображенску — значить то же, что быть въ Римѣ и не видать папы.

Преображенскъ, какъ мы упомянули, явился въ полномъ смыслѣ столицею преобразованія, пока оно начиналось, зарождалось въ Москвѣ. Петръ поселился въ немъ почти на постоянное жительство еще съ отроческихъ лѣтъ. Въ 1684 г.; въ Преображенскѣ, при помощи Тиммермана, уроки фортификаціи и геометріи приложены были къ дѣлу, выстроенъ былъ на берегу Яузы *потѣшный городокъ* — крѣпостца Пресбургъ, которую 12-ти лѣтній государь взялъ приступомъ по всѣмъ правиламъ осадной науки. Въ то же время, здѣсь были образованы потѣшныя роты и заведенъ даже маленькій флотъ, подѣланы шняки, карбузы, стружки и другія *потѣшныя* суда. И не ограничивались воинскія потѣхи Петра одною мѣстностью Преображенскаго дворца. *Городки* возникали и по окрестности; такъ, въ Лосинной (Сокольничей) рощѣ былъ построенъ *деревянный городокъ*, а на поляхъ Преображенскаго и Измайлова ссыпались городки *земляные*. Чѣмъ дальше шло дѣло, тѣмъ чаще и въ разныхъ мѣстахъ устроивались

такіе городки, такъ—что *потышныи городокъ* долженъ характеризовать все это время первой неустанной работы Петра, первой его преобразовательной и образовательной школы. Военныя его игрушки, производимыя по указанію и при полномъ содѣйствіи *кльмцевъ* (вообще, нѣмцевъ), жившихъ въ *Нѣмецкой слободѣ*, повели къ тому, что эта слобода сдѣлалась неразрывнымъ другомъ Преображенска. Въ Нѣмецкой слободѣ молодой царь нашелъ то, чего всегда искалъ—умныхъ, дѣльныхъ, вѣрныхъ, совершенно преданныхъ не слугъ, а искреннихъ друзей своимъ задушевымъ стремленіямъ и мыслямъ. Такое отношеніе къ Нѣмецкой слободѣ еще болѣе утвердило за Преображенскомъ значеніе постояннаго царскаго мѣстожительства, значеніе дѣйствительной столицы.

Въ послѣдствіи, по случаю розысковъ о стрѣлечкиихъ мятежахъ и слѣдовавшихъ за тѣмъ безпощадныхъ казней, Преображенское приняло довольно суровый и грозный характеръ для всей Москвы. Сюда перенесены были главный судъ и расправа не только надъ мятежными стрѣльцами, но и по всѣмъ важнымъ дѣламъ того времени. По пятницамъ, здѣсь, *ма генеральномъ дворѣ*, собиралась царская дума, въ которой весьма часто присутствовалъ и самъ государь. Кромѣ того, въ Преображенскомъ набирались новые полки изъ дворянъ, самими государемъ дѣлались смотры недорослямъ, годнымъ на службу, производились солдатскія ученія, брили бороды, одѣвали въ нѣмецкіе кафтаны, и т. п.; все это придавало Преображенскому особый характеръ, не совсѣмъ любезный для лѣнливыхъ и преданныхъ старинѣ дворянъ. Сильно не нравилась имъ новый порядокъ службы, не нравилась сама служба, за особую небывалую отчетливость и строгость; не нравились, вообще, заморскія новости, и было памятно имъ Преображенское, въ которомъ рѣшалась судьба не только бороды, но верѣдко — и цѣлой жизни. Такимъ образомъ, Преобра-

женское во многих отношеніяхъ заѣмляло Кремль и сдѣлалось главнымъ сборнымъ мѣстомъ для дворянства, и для знатныхъ особенно. Окрестность оживилась постояннымъ приливомъ сюда городского населенія. Кромѣ того, всѣ петровскія увеселенія — а они были такъ же часты, какъ и строгіе суды и высыланія — происходили, большею частію въ этихъ же мѣстахъ. Мы уже сказали о его юношескихъ играхъ, о потѣшныхъ городкахъ, которые государь бралъ приступомъ и почти всегда оканчивалъ дѣло раздольнымъ широмъ. Весьма часто къ этимъ потѣхамъ присоединялись фейерверки, ракеты, гранаты, до которыхъ Петръ былъ великій охотникъ, и нерѣдко самъ приготовлялъ ихъ и всегда самъ ихъ устраивалъ. Такъ, на масляницѣ, въ 1697 г., въ субботу, «у Краснаго села на Красномъ прудѣ, сдѣланъ былъ городъ Азовъ; башни и ворота и казачи были нарядныя (отъ чего, быть можетъ, и близъ лежащее поле, теперь застроенное желѣзною дорогою, стало называться *каланчевскимъ*), и потѣхи были нарядныя, и государь изволилъ тѣшиться.» Черезъ два года, подобная же потѣха повторилась въ именины государя, 1699 г. іюня 29-го. Желябужскій записалъ подъ этимъ числомъ: «Была на Красномъ прудѣ потѣха: сдѣлано было три городка на водѣ, и съ тѣхъ городковъ была пальба, также и пушечная стрѣльба, также и пѣхотная изъ мелкова ружья, а кругомъ пруда была потѣха, а около тово пруда были шатры государевы, и въ тѣхъ шатрахъ были столы, и въ тѣхъ шатрахъ В. Государь изволилъ кушать и бояре и всѣ полатные люди ¹⁾.» Самые триумфальныя вѣзды въ Москву совершались уже не въ Кремль, а большею частію въ Преображенское. Въ тамошнемъ дворцѣ или въ Нѣмецкой слободѣ въ домѣ Лефорта происходило обыкновенно и *триумфованіе*,

¹⁾ Желябужскій, въ изд. Языкова, стр. 105, 144.

торжественное пиршество. Памятникомъ триумфальныхъ петровскихъ вѣздовъ въ Преображенское остаются до сихъ поръ *Красные ворота*, которые первоначально построены были деревянные на *магистратское издизеніе*, т. е., на счетъ купцовъ и посадскихъ. Купечество, при каждомъ такомъ случаѣ, возобновляло и укрѣпляло ихъ, и потомъ выстроило каменные. Въ послѣдній разъ, они возобновлены были, также на счетъ купечества, къ коронаціи Елисаветы Петровны. Это заставило, естественнымъ образомъ, просить именитыхъ горожанъ, чтобъ ворота, въ память ихъ усердія, именовались *красными купеческими*, на что и послѣдовалъ высочайшій указъ. Но въ народѣ до сихъ поръ сохранилось только первое ихъ названіе. Во время Петра, они назывались *трехвальными*, т. е., триумфальными.

Иногда, во время триумфальнаго вѣзда, государь отъ Красныхъ воротъ отправлялся въ церемональномъ порядкѣ прямо въ слободу (Нѣмецкую), наприм., 1702 г. декабря 4, въ триумфъ по случаю взятія Шлиссельбурга. Не говоримъ о частной жизни Петра, которая въ Москвѣ проводилась въ Преображенскомъ и въ Нѣмецкой слободѣ, какъ въ мѣстахъ, гдѣ жила вся его компанія, всѣ его друзья, гдѣ онъ чувствовалъ себя наиболѣе свободнымъ. Упомянемъ объ извѣстномъ Рождественскомъ *славленіи*, процессіи и церемоніи котораго совершались, въ теченіе праздника, преимущественно въ Нѣмецкой слободѣ ¹⁾.

¹⁾ Въ 1737 г., изъ *славленныхъ вещей* въ назвѣ еще сохранились: „Евангеліе, въ немъ шесть слянищъ стонянныхъ, четыре шестяны, ветхи. Апостолъ, въ немъ, въ верхнемъ ярусѣ 52, въ нижнемъ 25 слянищъ, въ томъ члѣнѣ одна разбита — ветхъ и гниль. Три шани шестяны славлены, изланы и изорванѣли. Два подсвѣчники деревянные, трубки шестяны съ вршши, выломаны. Чаша иѣдная въ деревѣ, въ которой жгли вино. Кресла съ верхомъ, въ члѣнѣ во время Славленья по-

Какъ часть города, къ которой, въ замѣнъ Кремля, болѣе всего прииявала въ то время общественная жизнь, слобода съ каждымъ годомъ приходила въ лучшій видъ, обстроивалась, украшалась и распространялась. Русскіе вельможи, сподвижники Петра, селились также или въ самой слободѣ или вблизи ея: дворецъ Меншикова находился въ ближайшемъ селѣ Семеновскомъ; домъ Головина — противъ самой слободы за Яузою; въ слободѣ былъ домъ Лефорта, построенный въ итальянскомъ вкусѣ и убравный весьма великолѣпно. По смерти Лефорта, домъ этотъ перешелъ къ государю и получилъ значеніе царскаго дворца. Въ послѣдствіи, Петръ увеличилъ его новыми постройками, что видно изъ его письма въ Москву, во время шведской войны, въ 1707 г., когда начавшееся укрѣпленіе Москвы произвело въ жителяхъ не малый страхъ. Лефортовскій домъ былъ первымъ основаніемъ здѣшнихъ, яузскихъ, императорскихъ дворцовъ. Точно также къ государю перешелъ и головинскій дворецъ за Яузою, стоявшій противъ лефортовскаго. Государь купилъ его у наследниковъ въ 1723 г., и повелѣлъ выстроить тамъ деревянный дворецъ и развести по берегу Яузы садъ. Въ то же время, здѣсь были вырыты пруды и подлѣ Яузы каналы, а садъ разбить (садовникомъ Брантгофтомъ или Брантовымъ, какъ его звали по русски) до самой рѣки, такъ-что соединился съ садомъ Лефортовскимъ. Въ 1724 г., Петръ самъ лично осматривалъ этотъ садъ и приказалъ воду въ Яузѣ и каналахъ «со-

если князь-пану, обиты ножею, всѣ изломаны. (Вѣдомости 1737 г. о томъ, что сгорѣло и что осталось послѣ пожара.) Въ Оружейной Палатѣ до сихъ поръ сохраняется большой деревянный, рѣзной, золоченый ящикъ, устроенный въ видѣ книги съ разгороженными иѣстами внутри для сляницъ и съ изображеніемъ, на исподней сторонѣ прокла, пѣлкой вечера (быть можетъ портретно), а на наружной, рѣзнаго золоченаго Бахуса на боцѣхъ.

держатъ по прецорціи съ брусьями (т. е. бревенчатыми берегами) на-рвень», для чего дана была штра и наказъ содержателю яузской плоской мельницы, Меэру. По всему замѣтно, что память о Лефорть и Головинѣ не остывала у государя и, можетъ быть, потому самому ихъ дома, гдѣ въ первое время онъ такъ часто посѣщалъ своихъ любимцевъ, перешли въ царскую собственность. Послѣ Петра, и головинскій и лефортовскій дома сдѣлались постояннымъ мѣстопробываніемъ императорскаго двора. Мы не станемъ входить въ дальнѣйшія подробности, для исторіи Москвы очень любопытныя, и скажемъ вообще, что съ Петра эта мѣстность получила очень важное значеніе въ общественной жизни Москвы. Въ послѣдствіи, головинскій дворецъ сдѣлался главнымъ императорскимъ дворцомъ въ Москвѣ. Во время высочайшихъ пріѣздовъ, въ немъ и во дворцѣ лефортовскомъ всегда останавливался дворъ, а это было очень важно для окружающихъ мѣстъ, для Нѣмецкой слободы особенно, и даже для тѣхъ улицъ, которыя вели сюда изъ центра города. Само собою разумѣется, что всѣ знатныя фамиліи того времени, по необходимости, сѣдлались въ этой сторонѣ, въ сосѣдствѣ дворца, или въ Нѣмецкой слободѣ или на пути къ Яузѣ, по улицамъ Мясницкой, Покровкѣ, Старой и Новой Басманнымъ, на Разгуляѣ, на Гороховомъ полѣ, и проч. Отъ того, можетъ быть, ни въ одномъ кварталѣ Москвы вы не замѣтите въ постройкахъ такого барскаго характера, который видѣтъ здѣсь почти на каждомъ шагу. Огромные каменные дома, съ широкими дворами, незамѣримыми садами, прудами и т. п., поступившіе теперь или подъ учебныя и другія заведенія, или въ руки купечества до сихъ поръ еще остаются краснорѣчивыми свидѣтелями прежняго барскаго широкаго житья, прежняго цвѣтущаго состоянія этой московской мѣстности, нѣкогда шумной и оживленной, а нынѣ, большею частью, безмолвной, подобно дру-

гимъ удаленнымъ мѣстамъ: здѣсь жили Салтыковы у Салтыкова моста, въ послѣдствіи домъ архіерейскій; Бестужевы — подлѣ лефортовскаго дворца; Головины—на Басманной у Петра и Павла; Остерманы—у Красныхъ воротъ; Разумовскіе—на Гороховомъ полѣ; Мусины-Пушкины — на Разгуляѣ; Демидовы — на Гороховомъ полѣ и въ новой Басманной; Куракины—на обѣихъ Басманныхъ; въ Нѣмецкой слободѣ: Брюсъ, Чеглоковы, графы Орловы, графы Ефимовскіе, Апраксины, Скарронскіе, Безбородко, Нарышкины; на Покровкѣ—Румянцовы-Задунайскіе, и проч. Постоянное пребываніе въ этихъ мѣстахъ «столькихъ знатныхъ персонъ» придавало особый оттѣнокъ и остальному населенію. Здѣсь, по преимуществу, жило высшее, лучшее, образованное общество Москвы; слѣдовательно, здѣсь же мы должны искать и все то, что должно было отвѣчать потребностямъ общества. Въ Нѣмецкой слободѣ по преимуществу сосредоточивались въ то время всѣ заведенія, лавки, магазины иностранцевъ, посвящавшихъ свои знанія и занятія на пользу или удовольствіе московскихъ баръ. Въ теченіе ббльшей половины XVIII вѣка, Нѣмецкая слобода была для Москвы тѣмъ же, чѣмъ съ конца XVIII столѣтія и особенно съ начала нынѣшняго столѣтія стала Кузнецкій мость, — это уже французская колонія, явившаяся на смѣну нѣмецкой, явившаяся вообще выраженіемъ французскаго вліянія на нашу общественность, смѣнившаго вліяніе нѣмецкое или, правильнѣе—голландско-остзейское.

Но такой исторіи авторы не касаются въ своей книгѣ. Они ведутъ усердно только исторію перечневую, по этому ограниченію сказаннымъ, ибо, для характеристики остальнаго въ трудѣ нашихъ авторовъ, полагаемъ, будетъ весьма достаточно изложенныхъ выше указаній. Дальше идутъ страницы, на которыхъ такимъ же образомъ пересказываются, вообще, свѣдѣнія о событіяхъ, указахъ, разныхъ случаяхъ,

безъ всякой общей мысли, безъ всякаго единства въ изложе-
ніи, такъ-что очень трудно и даже совсѣмъ невозможно усво-
ить себѣ изъ всего этого матеріала какое-либо цѣльное, сколь-
ко-нибудь связанное представленіе объ исторіи Москвы въ XVIII
столѣтіи, о томъ, какъ она постепенно измѣняла свой древ-
ній видъ, свою внутреннюю городскую жизнь, свой старыи
порядокъ жизни, свой нравъ и обычай. Авторы заключаютъ
повѣствованіе, сравнительно, чрезвычайно обширнымъ расска-
зомъ о 12-мъ годѣ.

Разысканія о московскихъ урочищахъ авторы начинаютъ съ
Библии, и даже съ книги Бытія. Оказывается, что «участки
земли, запечатлѣнные особеннымъ прозваніемъ, составляли (?)
урочища». Это простое и вѣрное объясненіе загромаждается,
однакожь, послѣдующими разсужденіями такъ, что въ концѣ
мы получаемъ объ урочищѣ понятіе самое сбивчивое. Фило-
логическое разсужденіе (стр. 3) указываетъ, что «отъ *уро-*
ка произошло и *урочище*, что нарощеніе этого окончанія вы-
ражаетъ что-либо бывшее на какомъ-либо мѣстѣ, урочище, —
значить, гдѣ *былъ урокъ*, какимъ обложено было (?) самое
мѣсто». Но что такое былъ этотъ *урокъ*, авторы не объясня-
ютъ, а вмѣсто того, разсказываютъ, что въ Сибири урочи-
ще именуется *урчищемъ*, отъ того, что обыкновенною ме-
жей, предѣломъ служатъ рѣки, производя, такимъ образомъ,
это слово отъ рѣки, и забывая, что приведенное ими же, нѣ-
сколько строкъ выше, областное слово *уречь* значить около-
токъ, приходъ, — что, стало быть, урочище скорѣе всего мо-
жетъ происходить отъ этого *уречь*. Дальше, авторы гово-
рятъ, что у южныхъ Славянъ урочищами называютъ городи-

ща, у Болгарь — мѣста, гдѣ нѣкогда была церковь, что это послѣднее значеніе урочища сближается и съ нашими, потому что у насъ большая часть церквей приурочивается къ извѣстнымъ мѣстностямъ (т. е., по просту, онѣ стоятъ на извѣстныхъ урочищахъ). Затѣмъ слѣдуетъ довольно смутное объясненіе, что значило урочище въ русскомъ мирѣ. «Въ книгѣ Большаго чертежа мѣста въ городахъ и поляхъ обозначаются по ихъ признакамъ и именамъ *призначеными* и *именными* (?). Поэтому, собственно, урочище въ русскомъ мирѣ почти то же, что *прозвище* какою-либо участка земли и *самый участок*. Въ такомъ прозвищѣ часто заключается глубокой смыслъ, отголосокъ донсторическихъ и печать историческихъ временъ, точное опредѣленіе мѣстности. Какъ съ правомъ обладанія неразлучны и обязанности, то въ нареченіи имени участкамъ земли видно не одно опредѣленіе, но и *обязательная сторона*». О чемъ хотѣли сказать авторы словами, обозначенными здѣсь курсивомъ, трудно объяснить. Затѣмъ урочища дѣлятся на *естественныя* и *искусственныя*, на *уѣздныя*, входящія въ *объемъ* уѣзда, и *городскія*, заключающіяся въ *объемъ* города. Раздѣленіе странное! Подъ естественными авторы разумѣютъ собственно *живыя* урочища, которыя такъ бы слѣдовало и называть; подъ искусственными: «ровъ, городище, валъ, острожекъ, просѣкъ, наконецъ; значительные по чему-либо *дворы* и *дома* (!) и образовавшіеся изъ урочищныхъ мѣстъ улицы, переулки и тупики. Урочище, какъ родовое понятіе, подчиняетъ себѣ происшедшія отъ него улицы съ крестцами и площадями, слободы, также *географическія* и *статистическія* данныя» (стр. 5). Не можемъ понять, что хотѣли сказать авторы, указывая эти *данныя*. Дальше: уѣздныя урочища «принимались въ значеніи мѣстъ, какъ видно изъ книги (какой?) царя Ивана Вас. 1571 г., гдѣ отмѣчено, что въ урочищахъ на по-

лѣ стояли на сторожахъ станичныя головы, вожи и станичники на крымскихъ и ногайскихъ сонмахъ (чит. сакмахъ). Но какія же урочища принимаются не въ значеніи мѣстъ. Сами авторы уже рѣшили, кажется, что урочище — мѣсто, запечатлѣнное особеннымъ прозваніемъ. Степныя или *полскія* урочища, извѣстныя по сторожевой и станичной, пограничной, службѣ, лучше всего это и подтверждаютъ, и странно видѣть, что объ нихъ-то именно и упомянуто какъ-то вскользь, тогда какъ сколько-нибудь внимательное обозначеніе ихъ смысла могло бы принести большую пользу въ разрѣшеніи вопроса—что должны мы признавать урочищемъ въ собственномъ смыслѣ? Такая темнота и сбивчивость понятій объ урочищѣ приводитъ авторовъ къ тому, что они смѣшиваютъ собственно урочище съ церковью, которая стоитъ на урочищѣ, такъ что, вмѣсто урочища, предметомъ ихъ разысканій становятся уже церкви. Они говорятъ: «Городскія урочища, подобно уѣзднымъ, не имѣютъ определенной величины, ограничиваются или *одною только церковью съ ея поюстомъ*, такъ-называемымъ *монастыремъ*, или всѣмъ ея приходомъ, или *особою мѣстностью* безъ церкви на ней» (стр. 6). Но эта особая мѣстность, въ сущности, самое урочище, все-таки непонятна для авторовъ безъ отношенія къ церкви. Они спѣшаютъ объяснить (не слишкомъ складно), что «на особенныхъ участкахъ земли въ городѣ, отиѣченныхъ особеннымъ названіемъ, хотя уже и нѣтъ приуроченныхъ къ нимъ церквей, но они входятъ въ объемъ одного изъ шести сороковъ, напр. *Моховая, Балчугъ, Болото, Балканъ*», и проч. Чтожъ изъ того, что урочища входятъ въ составъ церковныхъ округовъ или сороковъ? Они вѣдь входятъ и въ составъ частей города по древнему его распредѣленію (Кремль, Китай, Бѣлый, Земляной), и въ составъ *дворянскихъ* частей по нынѣшнему распредѣленію. Но дѣло въ томъ, что авторы какъ бы не представляютъ себѣ возмо-

жвости, что урочище существовало само по себѣ, само для себя; они, повидимому, думаютъ, что церковь только и даетъ смыслъ урочищу, что она-то и есть ядро урочища. Вообще должно замѣтить, что во всемъ разсужденіи объ урочищахъ, мысль о церквяхъ господствуетъ надъ мыслью собственно объ урочищахъ, и приводитъ къ нѣкоторымъ несообразностямъ, какъ увидимъ ниже.

Говоря объ урочищахъ, но думая о церквяхъ, авторы продолжаютъ: «Какъ въ одномъ урочищѣ иногда заключается по нѣскольку церквей, такъ и къ одной церкви принадлежитъ по нѣскольку урочищъ. Сколько храмовъ найдете въ *объемь* урочищъ Арбатъ, Остожье — нынѣ Остоженка, Черторье — нынѣ Пречистенка, Кисловка, Кулижки, Суцovo, Срѣтенка съ урочищемъ Пушкари, къ коему присоединяются двѣ церкви: Спаса Преображенія и преп. Сергія. Къ Козихъ, или Козьему болоту, въ XVII вѣкѣ приписывались три церкви, въ не маломъ, одна отъ другой, разстояніи: св. Спиридонія, Ермолая и Власія (?). Но чтожь изъ этого? Вѣдь, то же можно сказать и объ улицахъ. Однимъ словомъ, какое значеніе для урочища имѣеть та или другая церковь, что выясняетъ церковь въ отношеніи урочища? Она, какъ памятникъ, болѣе другихъ долговѣчный, сохраняетъ только долгое время память объ имени урочища. Она своимъ именемъ даетъ иногда имя мѣсту, стало быть, даетъ этому мѣсту значеніе урочища. Вотъ отношеніе церкви къ урочищу. Но, во всякомъ случаѣ, урочище существуетъ независимо отъ церкви, существуетъ само по себѣ, на что, намъ кажется, и слѣдовало обратить вниманіе. На урочищѣ можетъ стоять и церковь и нѣсколько церквей, и ворота, и башня, и т. д., можетъ стоять всякій памятникъ. Но всѣ такіе памятники будутъ предметами побочными, сторонними; главнымъ же, о которомъ должна идти рѣчь, останется все-таки урочище. Такимъ об-

разомъ, было бы соответственіе съ дѣломъ, вмѣсто церквей, поставить на первый планъ самыя урочища и не задвигать ихъ разсужденіями, собственно о нахожденіи церквей на такихъ или другихъ урочищахъ, не ставить урочища какими-то прилаткомъ только олівѣхъ церквей. Но мы уже упомянули, что авторы, говоря объ урочищахъ, постоянно думаютъ только о церквахъ. Очевидное тому доказательство они предлагаютъ въ одномъ изъ общихъ своихъ замѣчаній объ урочищахъ, именно въ § 6 (стр. 11). «Смотря по тому, говорятъ они, *находится ли урочище на возвышеніи или въ углубленіи*, имя его сочиняется съ предлогами *на*, *въ* и *подъ*, напр.: *на* Бору и *подъ* Боромъ, *на* Псковской горѣ и *въ* Лужникахъ, *на* Пескахъ и *въ* Садѣхъ. Впрочемъ, употребляется и безразлично: *на* и *въ* Хлыновѣ, *на* Поляхъ и *въ* Поляхъ, даже *у* Поль, *въ* Столпахъ, *на* Столпѣ». Здѣсь, вмѣсто слова: *урочище*, слѣдуетъ поставить слово—*церковь*, и тогда все объяснится надлежащимъ образомъ. Известно, что имя урочища никогда не требуетъ для своего прямого указанія какого либо предлога. Оно выговаривается просто: Боръ, Псковская гора, Лужники, Пески, Сады, Поле, Поля и т. д. Но, разумѣется, когда потребуется обозначить мѣстность церкви, или жилища, то являются, по необходимости, и предлоги. Такъ-какъ авторы разсуждаютъ главнымъ образомъ о церквахъ, а не объ урочищахъ, то и понятно, что они сочиняютъ ихъ имена съ предлогами даже и въ § 5 своихъ общихъ заключеній, стр. 10, гдѣ указывается, что «названія многихъ урочищъ, *прежде* употреблявшіяся въ единственномъ числѣ, *нынѣ* употребляются во множественномъ.... Спасъ *на* Глинцищѣ, на Глинцищахъ, Всѣхъ Святыхъ *на* Кулижскѣ, на Кулижкахъ, ц. св. Николая, *на* Столпѣ, *въ* Столпѣ, *у* Столпа — въ *Столпахъ*, на *Столпахъ*», и т. д. Нельзя только ограничивать такое употребленіе обозначеніемъ

прежде и нынѣ; равнымъ образомъ и въ свое время, урочища нерѣдко обозначались и единственнымъ и множественнымъ числомъ.

Не отдѣливъ понятія объ урочищѣ отъ понятія о церкви, стоящей на урочищѣ, авторы, естественно, должны были причислить къ урочищамъ всякій памятникъ, всякое зданіе, служившее простымъ обозначеніемъ, т. е., указаніемъ мѣста. «Въ значеніи урочищъ, говорятъ они, нерѣдко *принимаются* (къмъ и гдѣ?) не одна только помынная мѣстность, не одинъ участокъ земли, *какъ основаніе всѣхъ отношеній владѣльца къ общинѣ* (рѣшительно недоумѣваемъ, для чего здѣсь эта фраза, и что она хочетъ объяснить), но и самыя замѣчательнѣйшія зданія и даже мѣста, кои прежде они занимали, служатъ пріурочкою другимъ, съ ними смежнымъ (стр. 9). Къ числу послѣднихъ отнести должно въ Москвѣ: городскія ворота, башни, мосты, старыя и бражныя тюрьмы, бывшія въ Китаѣ и Бѣлошъ городахъ, Кремлевскіе застѣнки, Лобное мѣсто, осадные дворы, подворья монастырскія и купеческія, убогіе дома, богадѣльни, бани торговыя, кружала, или кружечныя избы, кабаки и истерія. Однѣ изъ нихъ донынѣ существуютъ, другія извѣстны по названіямъ, какъ урочищныя мѣста». Съ этой точки зрѣнія, каждый домъ, носившій имя своего владѣльца, будетъ урочищнымъ мѣстомъ, каждая постройка или другой какой предметъ во дворѣ каждаго дома будетъ также урочищнымъ мѣстомъ; выраженія: у воротъ, въ саду, у колодца и т. п., развѣ это не урочищныя обозначенія, развѣ это не одно и то же, что у бражныхъ тюремъ, у Колымажнаго двора, у Сухаревой башни, у Суконныхъ бань, и т. д.? При означеніи мѣста церковей упоминаются нерѣдко дворы, мосты, тюрьмы, подворья, богадѣльни и т. п. Но развѣ эти дворы, мосты и проч.—все урочища? Такимъ образомъ, потерявъ изъ виду настоящее значеніе, настоящій смыслъ

урочища, авторы стали почитать урочищами всякое собственное имя, какое только встречали въ известіяхъ о мѣстоположеніи или о прозваніи церкви и, какъ упомянуто, вмѣсто изслѣдованія объ урочищахъ, ведутъ изслѣдованіе, собственно, о церквяхъ. Это очевидно всего раскрывается въ собранномъ текстѣ урочищъ или въ нѣхъ спискѣ, которому авторы даютъ заглавіе: *«Московскія урочища въ хронологическомъ отношеніи»*, и дѣлятъ его на два отдѣла, помѣщая въ первомъ отдѣлѣ *древнія урочища*, до XVII ст., а во второмъ—*старія и новыя, отъ XVII до XVIII вѣка*. Первый отдѣлъ разбивается, сверхъ того, на XII параграфовъ, по раздѣленію города на Кремль, Китай, Бѣлый, Земляной, за Землянымъ, Залузье, Замоскворѣчье. Второй отдѣлъ также разбивается на семь частей: Кремль и шесть сороковъ церквей.

Въ Кремлѣ авторы насчитываютъ 18 урочищъ древнихъ, до XVII ст., да 14 старыхъ и новыхъ, отъ XVII ст. Пространство Кремля известно, и мы думаемъ, что каждый, кто бывалъ въ немъ, очень удивится такому числу кремлевскихъ урочищъ. Если урочище происходитъ отъ слова *урокъ* и означаетъ уреченное, названное, обозначенное, указанное мѣсто, если оно въ нарощеніи своего окончанія: *ище*, заключаетъ смыслъ или понятіе не о вмѣстимости или совокупности предметовъ или о чемъ-либо бывшемъ на какомъ-либо мѣстѣ, какъ толкуютъ авторы (стр. 3), а вообще о *пространствѣ*, какъ городище, пожарище, становище, усадище и проч., то сколько же такихъ пространствъ, отличенныхъ особымъ именемъ, можетъ существовать по всей площади Кремля? Простое разумѣніе можетъ остановиться на урочищѣ *Боръ* (Спасъ на Бору, Боровицкія ворота), можетъ припомнить древнѣйшее имя этого урочища *Московъ*, рекше *Кучково*, которое, однакожъ, не попадаетъ у авторовъ въ число урочищъ. Про-

стое разумѣніе можетъ, пожалуй, причислить къ урочищамъ мѣстности Кремля, № 2, *подъ зорю, подолъ*, площадь посреди Кремля, №№ 3, 4, 6, 8; но оно едва ли сѣмъзаетъ объявить себѣ такія урочища, какъ Ярославовъ дворъ (котораго не было, а былъ *Ярославичскій дворъ*), № 4; приказы, верхнія Тайницкія ворота (что относится уже къ XVII вѣку), № 5; государевъ дворъ, царскія сѣни, царскую казну, казенный дворъ, № 6; митрополитчій дворъ, дворъ святителя Петра, № 7; подъ колоколами, т. е. собственно въ зданіи колокольной, № 8; дворецъ, сѣни, № 9, 10; Фроловскія ворота, Кирилловское подворье, Вознесенскій монастырь, дьячьи палаты, № 11; симоновскій дворъ, № 12; троицкій дворъ, подворье, старый Борисовъ дворъ (Годунова), № 13; Угрѣшскій дворъ, городъ (какъ стѣна), № 14; патриаршій дворъ, сѣни царицы Натальи Кириловны (XVII ст.), № 15; Ховринъ дворъ, № 16; труба каменная для стока нечистой воды, № 17; наконецъ, Чуловъ монастырь, № 18. Вотъ, текстъ древнихъ урочищъ Кремля. Разсудительный читатель можетъ спросить, почему же въ этотъ счетъ не попали другія древнія урочища, т. е., имена дворовъ, зданій, которые существовали въ Кремлѣ въ тѣ же времена, напр.: Свблова стрѣльница (1488 г.), безъ сомнѣнія, подлѣ двора боярина *Сембло*, Беклемишева стрѣльница (1487 г.) у двора Беклемишева, гдѣ сидѣлъ въ оковахъ Тривизанъ въ 1473 г.; Гавшинъ дворъ (1368), дворъ Юрья Патрекѣевича (1446 г.), дворъ Шемякинъ, дворъ Поповкинъ (1446 г.), Носовъ дворъ (1470 г.) Тимошеевскія ворота (1476 г.), Чижковы ворота. А сколько дворовъ и мѣстъ упомянуто въ духовныхъ грамотахъ князей XIII — XV ст.! Почему же всѣ *такія* урочища не собраны сюда же? Отвѣтъ одинъ: потому, что эти урочища не обозначаютъ своими именами мѣстности какой-либо церкви, потому, что для авторовъ вопросъ о церквяхъ — вопросъ преимущественный.

Урочища, хотя бы дѣны и дворы, важны для нихъ только, какъ придаѣтокъ церкви. Но и съ этой точки зрѣнія, ихъ списокъ древнихъ урочищъ оказывается также неполнымъ. Они пропустили: церковь Никола *Лыляюю*, Гостунскаго, церковь Георгія, что у *Фроловскихъ воротъ* (каменная построена въ 1527 г.); ц. Воскресенія на *ялощадѣ* (1532 г.); ц. Рождества Христова у *Мстиславскаю двора* (1552 г.), Вознесенія Христова (монаст.), что въ *Старомъ въ Большомъ городѣ у Фроловскихъ воротъ* (1584 г.); также монастырь Чудовъ, на мѣстѣ Ханскаго конюшеннаго двора. Кромѣ того, не вездѣ полонъ текстъ урочищъ или мѣстныхъ указаній и при обозначенныхъ церквяхъ. Такъ, Спасъ на Бору, обозначался еще: на *Дворцѣ, что на Большомъ дворцѣ* (1584 г.); цер. Рождества Іоанна Предтечи, № 7, обозначалась: *что за Дворцомъ у старыхъ конюшенъ, у стараго конюшеннаю двора, у конюшенъ за дворцомъ у Боровицкихъ воротъ* (1584 г.), *противъ Армачьей конюшни, у Государевой большой конюшни*, и т. п.; ц. Анастасія и Кирилла, № 11, *что у Мстиславскаю двора* (1584 г.); церковь Введенія, № 12 — *что на Князь Юрьевскомъ дворѣ* (1584 г.).

Но послѣдуемъ за авторами къ старымъ и новымъ урочищамъ Кремля, т. е., известнымъ съ XVII столѣтія. Здѣсь первымъ урочищемъ является церковь Рождества Христова *въ юрсахъ* у Ивановской колокольни. Авторы не одинъ разъ упоминаютъ въ своей книгѣ, что мѣстность Кремля значительно измѣнилась въ теченіе вѣковъ, что, первое его будто бы *планированіе* началось еще въ концѣ XV вѣка (стр. 88). Стало быть, известіе о *юрсахъ* на кремлевской возвышенности скорѣе всего можно было бы встрѣтить въ спискѣ *древнихъ* урочищъ до XVII столѣтія. Какъ же случилось, что горы явились у Ивановской колокольни въ половинѣ XVII столѣтія, между тѣмъ,

какъ въ предъидущіе вѣка на этомъ именно мѣстѣ значится *площадь* (Іоанна Лѣствичника на площади)? Ссылка указываетъ на рисунки къ Путешествію Мейерберга въ 1661—1662 годахъ, гдѣ на планѣ Москвы обозначена эта церковь цифрою 3, помѣщенной на самомъ зданіи, такъ-называемой, Филаретовской пристройки къ Ивановской колокольнѣ, гдѣ висятъ самые большіе колокола. Въ 1661 году, эта церковь именовалась *Рождество подѣ колоколами* и находилась въ самомъ зданіи этой колокольни. Помѣщеніе этой церкви *подѣ колоколами* относится къ 1555 году. Дѣло было такъ: въ 1532 году, была заложена церковь Воскресенія возлѣ «Иванъ Святый подѣ колоколами». Въ 1552 году, ее додѣлали окончательно. Это было основаніемъ, такъ-называемой въ послѣдствіи, Филаретовской пристройки къ Ивану Великому. Въ 1555 году, царь и митрополитъ въ ту же церковь (Воскресенія) перенесли Рождество Христово *отъ Мстиславскаго двора* (см. выше), и соборъ устави. (И. Г. Р., т. VIII, пр. 153). Въ XVII столѣтіи, этотъ соборъ именовался еще Воскресенскимъ, что подѣ колоколами (1669 года). Почему Мейербергъ обозначилъ ее *въ зоралѣ*—не извѣстно; быть можетъ, это ошибка, описка писца или переводчика. Требовалось все-таки сдѣлать какое-либо разысканіе. Дворъ Мстиславскаго стоялъ на окраинѣ нѣмѣшняго плацъ-парада, надъ горою; такимъ образомъ, церковь у этого двора могла стоять въ горѣ и, перенесенная на новое мѣсто, могла сохранить свое старое обозначеніе; но это все только предположенія, требующія фактическаго утвержденія. Второе урочище: Рождество Богородицы *на каменной трубѣ*, обозначено было уже, хотя и не на своемъ мѣстѣ, въ числѣ древнихъ, № 17, съ ссылкой на тотъ же источникъ: Строилецъ. кн. 1626 года. Мы можемъ сообщить авторамъ, что объ этой церкви съ придѣломъ Сергія чудотворца упоминается, въ 1616 году, съ

обозначеніемъ: *позади Николы Гостунскаго*, а въ 1626 году: *позади Николы Гостунскаго, что на боярскомъ, на Василья Петровича Морозова дворѣ*. За тѣмъ идутъ урочища: на патриаршемъ дворѣ, № 3; на дворѣ Милославскаго, на Потѣшномъ дворѣ, въ Потѣшномъ домѣ, № 4; на сѣняхъ за золотою рѣшеткою, № 5; на сѣняхъ вверху у царевенъ, *противъ* Потѣшнаго дворца¹⁾, № 6; на сѣняхъ, № 7, 8; на дворѣ кн. Трубецкаго, № 9; у государева новаго запаснаго дворца, у Троицкаго подворья, № 10; у Чудова монастыря, противъ стараго Борисова двора, № 11; у Чудова за колюшенинымъ дворомъ, № 12; на житномъ дворѣ у Благовѣщенскихъ воротъ, № 13; противъ Одоевскаго двора у Никольскихъ воротъ, № 14.

Такимъ образомъ, всѣ эти древнія, старыя и новыя урочища, въ сущности, суть только указанія мѣстности церквей. Послѣдуемъ въ Китай-городъ, въ которомъ авторы обозначаютъ 19 урочищъ древнихъ и 23 урочища старыхъ, т. е., съ XVII столѣтія. Древнѣйшими урочищами Китай-города съ сѣверной стороны были *Пески* (Спасъ старый, Законоспасск. ж.). За тѣмъ, къ Бѣлому городу — *Кучково поле* (Троица старыхъ полъ); къ востоку — *Глиннице* (Грузинская Богородица); къ югу, къ Москвѣ-рѣкѣ — *Болото*, также *Мокрое* (Зарядь), надъ которымъ вѣзвышается взгорье (гора Псковская). Въ посадѣдствіи, разселившійся здѣсь посадъ образовалъ, къ юговостоку, *острый конецъ*, переимѣннвшій это имя на *узоль*, когда выстроены были городовыя стѣны. Съ запада, *торъ* отдѣленъ былъ отъ Кремля *Красною площадью* и

¹⁾ Церкви Спаса и Успенія никогда не стояли *противъ* Потѣшнаго дворца. Онѣ стояли близъ дворцовыхъ Куретныхъ воротъ, почти противъ Троицкихъ Кремлевскихъ воротъ. Оттуда авторы взяли это обозначеніе — неизвестно.

рвомъ, получившимъ значеніе урочища, обозначаваемаго мѣстность церковей; онъ былъ проведенъ изъ Неглинной въ Москву-рѣку, вдоль кремлевской стѣны. Подлѣ него стояло нѣсколько церковей, *на рву*, и въ томъ числѣ Василиі Блаженный (Троица, Покровъ) на рву, но никакъ не *подъ горою*, какъ отмѣтили авторы. Всякому видно, что Василиі Блаженный стоитъ на горѣ, служащей продолженіемъ горы Кремлевской, и никогда не обозначался: *подъ горою*. Подъ горою обозначались тѣ мѣста подлѣ этой церкви, которыя дѣйствительно и были *подъ горою*, ниже ея, къ Москвѣ-рѣкѣ. Покровъ обозначался: на рву по конецъ Фроловскаго мосту, на рву у Фроловскихъ воротъ (1584 г.).

Крестцы или уличные перекрестки Никольскіе, Ильинскіе, Варварскіе также дали свое обозначеніе нѣсколькимъ церквямъ, стоявшимъ подлѣ нихъ: №№ 3, 6, 7, 9, 10, а также №№ 11 и 12, церкви Воскресенія и Максима, которыя обозначались: что на Варварскомъ крестцѣ, о чемъ авторы не упоминаютъ. Такое же обозначеніе мѣстности церковей дали: *торы* (ряды), № 6; панской дворъ — въ Панѣхъ, въ Паньѣ, № 13 и № 12, 14; Гостинный дворъ, Кокчинъ дворъ, Микитяиковъ дворъ и подворья разныхъ монастырей, № 14—22 (стр. 42). Самыя церкви имѣли нерѣдко прозванія: Никола старый, Большая голова, Спасъ старый, Никола большой крестъ, Красный звонъ, Красные колокола, и т. п. Всѣ такіа прозвища должно ли принимать за урочища? Другое дѣло, если прозвище церкви переходить въ прозвище всей окружной мѣстности, напримѣръ, Пятница Божедомка, и т. д.; тогда эта мѣстность, по необходимости, принимаетъ смыслъ урочища, является уроченною мѣстностью. Но подобныя прозвища дѣльных мѣстностей происходили гораздо чаще не отъ церковей, а напр., отъ фартинъ, или подревнему—кружалъ, а по-новому питейныхъ домовъ; таковы: Разгуляй, Плющиха, Варгуни-

ха, Козиха, Зацѣпа, Щипокъ, Подвязки, Подберезки, и т. д. Нельзя же и въ самомъ дѣлѣ принимать за урочища—обозначенія: у воротъ, у тюрьмы, у золотой фабрики, у двора, противъ воротъ, за биржею, въ переулкѣ, на подворьѣ, у моста, у стѣны, подъ вязомъ, подъ горою, и т. п., и даже на *вымль*, № 8 — слово, настоящее значеніе котораго авторы недостаточно выяснили. Они, стр. 96, толкуютъ его *выможною*. Указаніе городской мѣстности: *вымль*, изъ одного корня со словомъ: *вымя*,—означало, вообще, выдвинувшуюся, выдавшуюся на улицу или на площадь часть построекъ, наприимѣръ, рядовъ или домовъ, или вообще, выдавшуюся часть уличной межи. При большой неправильности въ расположеніи старинныхъ московскихъ строеній и улицъ, подобныхъ *вымловъ* на каждой улицѣ могло быть довольно, а особенно ихъ было много въ торговыхъ рядахъ Китай-города. При обозначеніи мѣстъ тамошнихъ лавокъ, это слово часто употреблялось, наприимѣръ: *лавка на вымль* на оба лица, на четыре затвора, но конецъ кафтаннаго ряду; *лавка на вымль* серебряннаго ряду, и т. п. (Окладныя книги земскаго приказу 202 и 207 г.). Или объ улицахъ: въ Кадашовѣ у Воскресенья Христова въ приходѣ, въ Алымовѣ переулкѣ *съ вымла* отъ Ордынскіе улицы. (1631 г.). Въ томъ же самомъ смыслѣ слово *вымоль* употребляетъ Русская Правда въ статьѣ «о городскихъ мостѣхъ» (мостовыхъ), гдѣ она распределяетъ плату за мостовыя: «отъ нѣмецкаго вымола нѣмцемъ до Ивана вымола, отъ Ивана вымола Готамъ до Гелардова вымола до задняго, отъ Гелардова вымола огнищанамъ до Будитина вымола, ильшицамъ до Матеева вымола...» Очевидно, что здѣсь рѣчь идетъ о такихъ признакахъ улицъ, которые служили наиболѣе виднымъ указаніемъ границы мостовыхъ, а такую границу въ дѣйствительности представлялась выпускная, выдающаяся часть уличныхъ построекъ, *вымя* или *вымль*, обо-

значавшій въ то время раздѣлы уличнаго пространства, а во- все не то, что разумѣютъ подъ этимъ словомъ авторы.

Однакожь, въ Китай-городѣ, церкви Рождества Богороди- цы *на вымль* никогда не существовало. Это подтверждаетъ приведенная авторами ссылка на Собр. госуд. грам. I. 337, откуда они берутъ указаніе, и гдѣ въ духовной кн. Ив. Юр. Патрѣвевича, говорится слѣдующее: «Князь великій взялъ у меня мои мѣста загородскіе за Неглинною... конецъ Боро- вницкаго мосту по обѣ стороны *большіе улицы*, да моя же купля Кобеловское мѣсто за Семеномъ святымъ, да у Бори- са и Глѣба (на Арбатѣ)... да *на большой же улицѣ* за Ваганковымъ мѣсто, идучи къ сиолью на право.... а даль- ши.... мѣста, гдѣ Семень святой стоялъ, на *большой ули- цѣ*, надъ площадью за *Сокольнею*.... да *на той же ули- цѣ на большой мѣсто на вымль у Рождества Пречи- стья*.... да мои же мѣста купля *на той же на большой улицѣ* по обѣ стороны....» Здѣсь Большая улица идетъ отъ Боровницкаго мосту за Ваганково, слѣдовательно, вышняя Знаменка, на что указываетъ и *Сокольня*, ибо здѣсь былъ государевъ потѣшный дворъ. На той же улицѣ стояла и цер- ковь Рождества Богородицы и притомъ не на вымлѣ, а только подлѣ нея было *мѣсто на вымль*, которое кн. Ив. Юр. получилъ отъ в. князя себѣ въ промѣнъ. Мы убѣждены, что такъ не обозначена эта церковь даже и въ томъ указѣ 1626 года іюня 17-го, изъ котораго выписанъ текстъ о вымлѣ на Варварскомъ крестцѣ, и о которомъ авторы, къ сожалѣнію, не упомянули, гдѣ его искать. Текстъ они выписываютъ такъ: по Варварскому крестцу, отъ Кремля-города идучи, на лѣвой сторонѣ *передъ ея выходомъ* на вымлѣ гостинной сот- ни. На стр. 96, тотъ же текстъ читается вмѣсто: *передъ ея выходомъ* — *попередъ съ выходомъ*, что вѣрно. На той же 96 стр. сказано, что вымлѣ — должно быть вымонна,

какъ, будто бы, значится въ межевой грамотѣ 1504 года; но въ грамотѣ этого не значится. Тамъ сказано: «да къ изгороду *на вымолъ* въ Водомъровской деревнѣ, къ Радоневской, да изгородю по Ямамъ.....» С. Г. Гр., т. I. № 138;— или въ другой грамотѣ, № 140: «да поперекъ болота поросникомъ *къ вымлу* по ямамъ къ изгородѣ, да изгородю въ каменной врагъ...» Здѣсь понятіе о вымоннѣ можетъ явиться лишь изъ нѣкотораго сходства словъ: вымолъ и вымонна, ибо смыслъ текста ничего опредѣленнаго не даетъ, а указываетъ только на соотношеніе вымла съ изгородю, которая, какъ пограничная черта, всегда могла образовывать и вымолъ. Вымлъ, значить, какъ объяснено выше, вообще — выпускъ строенія или улицы, выдавшуюся часть чего-либо, а стало быть, и выдавшуюся часть межевой границы двухъ земель, которую описываютъ приведенные тексты межевыхъ грамотъ.

Замѣтимъ кстати нѣкоторые недосмотры: въ № 9 (стр. 19) повторены церкви, обозначенныя каждая особо въ №№ 10 и 12. Въ № 16 обозначено о церкви Николы, *идѣ крестъ цѣлуютъ*, неправильно, ибо у этой церкви судебнаго крестоцѣлованья никогда не было, о чемъ ниже скажемъ подробнѣе. Въ № 19, въ обозначеніи: на синодальномъ *осадномъ* дворѣ, надо сказать также и на патриаршемъ, какъ сказано и на митрополичьемъ, ибо этотъ осадный дворъ существовалъ, безъ сомнѣнія, еще и въ то время, когда не было стѣнъ Бѣлаго-города, и когда, во время осады, митрополичьи, а въ послѣдствіи патриарши люди собирались на этотъ китаigorодскій дворъ изъ подгородныхъ посадовъ и селъ. Обозначеніе: на синодальномъ — позднѣйшее.

Въ № 2, обозначеніе Никольскаго греческаго монастыря: у *большаго креста*—сомнительно; ибо такъ обозначалась только церковь Николы у Ильинскихъ воротъ, хотя авторы и

ссылаются на какіе-то акты, стр. 41, но ихъ не указываютъ. Наконецъ, въ числѣ древнихъ урочищъ, не была означена церковь Введенія, что за *Торомъ*, Введеніе Златоверхая, построенная въ 1514 году. Авторы исправляютъ этотъ пропускъ въ означеніи ошибокъ и дополненій стр. 198, но приводятъ при ней позднѣйшее обозначеніе ея мѣстности, *у юстицкаго ряду* (правильнѣе—*у юстицкаго двора*.)

Затѣмъ, въ № 23 старыхъ урочищъ Китая, обозначена церковь Воскресенія, которая помѣщена уже въ древнихъ № 11, безъ объясненія, что это та же самая.

Въ Бѣломъ-городѣ, одно изъ древнѣйшихъ урочищъ было Кучково поле (1379 года), начинавшееся тотчасъ у Никольскихъ воротъ Китай-города отъ церкви Троицы, что у *старыхъ полей*. Оно занимало мѣстность Лубянки, съ площадью, и все пространство по Срѣтенкѣ, на востокъ до Мясницкой, гдѣ начинался *боръ* (церковь Гребенскія Богородицы или *Грибневскія*, какъ она обозначена въ 1584 году). Отъ Кучкова, поля на западъ, и на югъ тянулось *Занемлименье*, по правому берегу Неглинной. Здѣсь находились урочища: *Высокое* — взгорье петровскаго монастыря, *Высокое* — взгорье на Тверской, *Красная горка* (близъ охотнаго ряда) и *Островъ* (Воздвиженскій монастырь), *Старое Ваганково* (гдѣ теперь Музей), съ *Моховою* у береговъ Неглинной. За этими взгорьями, за Ваганковымъ и Островомъ — *Арбатъ*; отъ Ваганкова къ югу, къ берегу Москвы-рѣки, *Черторья*, которая переходила и за Земляной-городъ и прозывалась отъ ручья Черторья, отдѣлявшаго, впоследствии, Бѣлый-городъ отъ Землянаго. Отъ Кучкова поля, на востокъ, возвышенность была покрыта *боромъ* отъ церкви Гребенскія Богородицы *на бору* до Ивановскаго монастыря *подъ боромъ*, стоящей на южномъ взгорьѣ этой возвышенности, которая здѣсь оканчивалась *садами* в. князя, а прямо на

югъ, къ Москвѣ-рѣкѣ, *Кулижскою* или *Кулижскими*, низменными, болотными мѣстомъ, отъ слова: кулига—лука, и обширными *Васильевскимъ лугомъ*, а, впоследствии, *садомъ* (гдѣ теперь Воспитательный домъ).

Вотъ главнѣйшія урочища Бѣлаго-города. Требовалось показать текстами и годами, съ какого времени они становятся извѣстными въ писемныхъ памятникахъ, а обозначеніемъ церковей опредѣлить пространство или мѣстоположеніе каждаго урочища. Въ такомъ случаѣ, церкви служили бы только указателями урочищъ. Но у авторовъ, на оборотъ, урочища служатъ указателями церковей и потому нѣсколько разъ повторяются, безъ мысли о ихъ границахъ: см. №№ 4 и 5; 12, 15 и 16; 18, 19-и 20; 21 и 22. При этомъ, въ № 25 неправильно обозначена церковь Флора и Лавра въ Мясникахъ (на Мясницкой) еще: *у конюшенъ*. *У конюшенъ* великаго князя, находившихся у Николы Подкопаева, подъ воронцовскимъ велико-княжескимъ дворомъ, стояла другая церковь Флора и Лавра, не упомянутая авторами, сгорѣвшая въ пожаръ 1547 года, изъ описанія котораго и авторы черпаютъ свое свидѣтельство, неправильно относимое ими къ церкви на Мясницкой (Царств. кн., стр. 139; сравн. также П. С. Р. Л. VIII, 227). Затѣмъ въ № 28, стр. 25, ошибочно приведенъ годъ 1452, вмѣсто 1389.

Въ Земляномъ-городѣ, отдѣлая отъ него Заяузье и Замоскворѣчье, авторы насчитываютъ древнихъ урочищъ до XVII столѣтія всего 4, и въ томъ числѣ помѣщаютъ одно подъ № 3, изъ Бѣлаго-города — это Спасъ на *Глинищѣ*, на *Коневои площадкѣ*, находящееся противъ китай-городскихъ Ильинскихъ воротъ и упоминаемое лѣтописью подъ 1547 годомъ (Цар. кн., 140). Этотъ недосмотръ, впрочемъ, два раза огоренъ на стр. 81 и 198. Остаются Барашіи (слобда), *Воронцово поле*, гдѣ былъ великокняжескій загородный дворъ,

и *Дрочи* или *Грочи* (Николы въ грочахъ). Но въ Земляномъ-городе, начиная отъ Москвы-рѣки, съ запада отъ Кремля были еще древнія урочища: *Черторья*, *Селенское село*, *Остожсье*, которое авторы помѣщаютъ за Земляномъ-городомъ подъ № 7, *Козья Барада*, *Москвичи* (церковь Успенія), которое авторы также помѣщаютъ за Земляномъ подъ № 12; *Арбаты*, *Козье болото*, *Ольговскыя*, *Дербы* и друг., наѣтность которыхъ должна восходить ранѣе XVII столѣтїя.

Въ числѣ 14 древнихъ урочищъ за Земляномъ-городомъ, мы находимъ первые пять №№, принадлежащихъ *Заяузью*, для котораго авторы уже отделили особую главу VI; № 6, находящійся въ *Занескворѣчьи*, для котораго тоже отдѣлена глава VII. Въ числѣ остальныхъ №№ 7, 12 и 14, принадлежатъ Землянному-городу. Пять урочищъ №№ 8, 9, 10, 11, и 13, которыя затѣмъ остаются, конечно, составляютъ только долю того, что можно было отнѣсти о древнихъ подгородныхъ урочищахъ Москвы. Здѣсь могли быть помѣщены еще слѣдующія урочища: *Три юры*, гдѣ былъ загородный дворъ князя Владимира Андреевича съ церковью; *Большое Кудрино*, *Суцovo*: *Напрудское*, *Хвостовское*, *Красное село подъ великими прудомъ у города* (1423, 1462), *Луцнское*, съ мельницею и псарнею, слободка *Ромадановская*, и др.

Обозрѣніе *Заяузья*, какъ мы видѣли, разбито на двѣ части: пять номеровъ урочищъ помѣщено въ главѣ за Землянымъ-городомъ, валомъ. Послѣ того можно было думать, что въ главѣ, собственно *Заяузье*, авторы обозрять урочища, находившіяся только въ чертѣ *Землянаго-города*; однакожь и здѣсь они помѣщаютъ два урочища, № 5 и 6, лежащія за *Землянымъ*. Само собою разумѣется, что слѣдовало обозрѣть все *Заяузье* въ одномъ мѣстѣ, безъ раздѣла.

Въ обзорѣнн Замоскворѣцкихъ древнихъ урочищъ пропущено очень замѣчательное урочище *Перевысье*, противъ Симонова *въ луку* (1431 г. ¹); также *Настасьяныя ядеса* (вѣроятно противъ дачи Студенець) и *Кобылій вранъ*, подъ Дорогомиловомъ слободою, гдѣ, въ 1669 году, была построена *та-тарская тюрьма*, «а ходить назъ той тюрьмы татарамъ на каменную ломку бутоваго каменій» ²), который добывается тамъ и теперь ³). Пропущено также сельцо *Григорьевское—Колычева* (1472 г.) близъ Бабьяго-города.

Списокъ урочищъ отъ XVII столѣтїя раздѣленъ авторами также на семь отдѣловъ: Кремль и шесть *сороковъ*, на которые распредѣлены московскїя церкви относительно ихъ благочинїя. «Разсматривая московскїя урочища въ связи съ церквами», т. е. (вѣрнѣе) разсматривая ихъ лишь только по отношенїю къ церквамъ, авторы, конечно, не могли иначе и рас-

¹) П. С. Р. Л. VIII. 95.

²) Расх. Кн. Пр. Тайн. Дѣлъ.

³) Въ сентябрѣ 1866 года, рабочїе, достававшіе здѣсь камень и грунтовою краску, дорылись на глубинѣ 5 сажень до отверстїя въ подземный ходъ. За этихъ отверстїемъ или входомъ слѣдовало подземелье, родъ залы, съ четырьмя галлерїями, которыя направляются въ разныя стороны, и тянутся весьма далеко, мѣстами превращаясь въ широкїя залы и потонъ суживаясь до аршина ширины; высота ихъ различна: въ нѣкихъ мѣстахъ доходитъ до 4 аршинъ, а въ нѣкихъ, по случаю обваловъ, трудно пробираться и ползкомъ; направленїе ходовъ не правильное, идетъ изворотами и ангагаши, переплетаясь между собою. Галлерїя, идущая вдоль Москвы-рѣки, вымѣрена на 200 саж. и тянулась еще дальше. Ничего въ этихъ ходахъ не найдено. Мѣстами дне ихъ покрыто водою (Мес. Вѣдом. 1866 г. № 210). Нѣтъ сомнѣнїя, что это остатки здѣшнихъ древнихъ каменоломенъ, начало которыхъ должно восходить даже и не въ XVII столѣтїю, а въ началу каменныихъ построекъ въ Москвѣ.

предѣлать ихъ. Но тогда было бы соответственнѣе ихъ именованіе, было бы послѣдовательнѣе озглавить весь собранный текстъ *таковыхъ* урочищъ въ этомъ же смыслѣ, и вмѣсто: *урочища Москвы* или *московскія урочища въ троположическомъ изъ отмошеніи*, слѣдовало бы сказать: *московскія урочища* по отношенію ихъ къ церквамъ, или *московскія церковныя урочища*, какъ авторы принуждены были выразиться, распредѣляя урочища по церковнымъ *сорокамъ*, что разумѣется, даже и имъ представлялось не слишкомъ сообразнымъ. Тогда нельзя было бы придавать этому частному, специальному вопросу, собственно объ урочищахъ церковныхъ, смыслъ вопроса общаго, вообще объ урочищахъ Москвы въ ихъ прямомъ и непосредственномъ значеніи, какъ то дѣлаютъ авторы въ своихъ трехъ предисловіяхъ (стр. 1, 13, 33) къ собранному ими тексту урочищъ. Отъ слиянія этихъ двухъ понятій объ урочищѣ, самомъ по себѣ, и объ урочищѣ только *церковномъ*, произошли всѣ несообразности, на которыя мы уже указывали; произошло то, что ео смысломъ урочища явилось всякое простое обозначеніе, указаніе известной мѣстности, всякое зданіе, всякое прозваніе этого зданія, и т. п.; произошло совершенное затемнѣніе очень простаго, непосредственнаго понятія объ урочищѣ, которое авторами было извлечено изъ библейскаго текста и высказано въ началѣ статьи. Послѣдовавшій скорѣе рѣшительный перевѣсъ только къ церковному значенію урочищъ отвлекъ авторовъ отъ размысканій объ урочищахъ въ собственномъ смыслѣ, заставилъ ихъ надѣлать много пропусковъ и заключилъ отъ нихъ вниманія цѣлый отдѣлъ урочищъ, получившихъ свои имена, напр., отъ питьевыхъ домовъ. Да и церковныя урочища собраны и размѣщены, даже въ тѣхъ же сорокѣхъ, безъ всякой системы, безъ всякаго порядка, въ разбивку. Авторы переносятся съ своими обозначеніями уро-

чищъ, напр., отъ Поварской на Дѣвичье поле, оттуда, изъ Лужниковъ, прямо въ Левинно, отсюда къ Никитскимъ воротамъ, отсюда въ Дорогомилово, или съ Ордынки подъ Донской монастырь, къ Андреевскому, и оттуда прямо опять на Ордынку, отсюда въ Таганку, и т. п. (стр. 49, 50, 77, 78 и ми. другія). Между тѣмъ, очень легко было идти, въ этомъ отношеніи, топографически округляя церквами каждую мѣстность, а, стало быть, и каждое ея особое названіе, или урочище. Тогда выяснилась бы для читателя и самая топографія Москвы. Вообще должно сказать, что, несмотря на трудъ, который употребленъ на составленіе этого текста или свода урочищъ, этотъ текстъ все-таки не можетъ замѣнить (а казалось бы такъ слѣдовало) тѣхъ простыхъ *росписей* церквей, какія были изданы нѣсколько разъ въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіи, и собраны въ книгѣ г. Хавскаго «Семисотлѣтіе Москвы», съ добавленіемъ *росписей*, извлеченныхъ изъ патриаршихъ казенныхъ книгъ XVII столѣтія. Авторы даютъ текстъ, не вполне извлеченный даже изъ этихъ книгъ и значительною долею ошибочный, расположенный безтолково и вовсе не очищенный въ хронологическомъ отношеніи, ибо указанія не отмѣчены годами, каждое особо, а ссылки дѣланы вообще и очень глухо, такъ-что *новое* перемѣшано съ *старымъ* и нѣтъ возможности опредѣлять то и другое отдѣльно. Въ иныхъ мѣстахъ этотъ текстъ поражаетъ своими несообразностями и недосмотрами.

Такъ, въ Пречистенскомъ сорокѣ—церковь Власья, стр. 47, № 23, показана: *въ старой большой Колюшенной слободѣ, на Козихѣ, на Козьемъ болотѣ*. Кто знаетъ Москву, тому хорошо извѣстна церковь Власья въ старой Колюшенной, извѣстна также хорошо и мѣстность *Козихи*, отстоящей отъ церкви Власья, по крайней мѣрѣ, на двѣ версты по прямой линіи къ сѣверу. На стр. 95, авторы пи-

шуть, что «въ старинныхъ описяхъ (въ какихъ—не говорится) урочища церковей Ермолая и *Власія* именовались также *на Козьемъ болотъ*. Положимъ, что, дѣйствительно, въ какихъ-нибудь описяхъ церковь Власія обозначена Козьмою, въ чемъ мы крѣпко сомнѣваемся; но въ ученомъ трудѣ развѣ возможно было оставлять безъ оцѣнки, безъ разысканія и объясненія такую несообразность? Легко было, по крайней мѣрѣ, оговорить сомнѣнiемъ въ этомъ указанiи, а не утверждать его повторенiемъ того же на дальнѣйшей страницѣ. Дальше, церковь Николая Явленнаго обозначена: *на Арбатѣ, на Пречистенкѣ*, на большой Смоленской улицѣ, за Смоленскими, Арбатскими воротами. Пречистенка и Арбатская улица разстоянiя имѣють другъ отъ друга около версты. Какъ же разумѣть это церковное несообразное урочище? Дѣло въ томъ, что здѣсь смѣшаны въ одно двѣ различныя церкви. Одна Николая *Явленнаго въ Пречистенской улицѣ*, иначе: Никола, *что въ Башмаковѣ*; также Похвалы Богородицы, да въ придѣлѣ Николая, *что у Водяныхъ воротъ, въ Чертольѣ*; также Похвалы Богородицы *Старые прощы*, въ отличiе отъ *Новой прощы* ¹⁾ — церкви Николая же Явленнаго, *что за Арбатскими вороты*. Авторы обобщивали ц. Николая въ Башмаковѣ подъ № 11, стр. 45, не приведя (какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ) полного текста урочищныхъ обозначенiй, какiя здѣсь нами указаны, а отъ того, неизбѣжно, и должны были принять двѣ церкви за одну.

Еще: церковь Спаса на Пескахъ № 27, стр. 47, смѣшана съ церк. Покрова на Пескахъ, въ Стрѣлецкомъ Приказѣ Кожовинскаго, иначе, по придѣлу, Николая на Пескахъ; и придѣлы этой послѣдней отнесены къ Спасской: Николая и Трехъ

¹⁾ Арх. Оп. Пал. Кн. №№ 882 и 743.

Святителей. Покрова или Николы на Пескахъ, доселѣ существующая, вовсе не обозначена въ этомъ сорокѣ ¹⁾).

Еще: въ число древнихъ урочищъ за Землянымъ-городомъ попала церковь Св. Николая *за Никитскими воротами въ Псаряхъ*, во *Псаренной слободѣ* съ ссылкой на книгу 7479 г. (стр. 28, № 13). Та же церковь, съ тѣмъ же обозначеніемъ урочища, помѣщена и въ Пречистенскомъ сорокѣ, № 45, стр. 50, съ указаніемъ книги 1657 г. Та же церковь, съ обозначеніемъ *на Новомъ Вазавковѣ*, *за Прѣсною*, помѣщена и въ Никитскомъ сорокѣ, № 46, стр. 58. О той же церкви говорится на стр. 155, что она прежде стояла за Прѣсенскою заставою на Черногрязкѣ, потомъ переставлена на Три-горы, когда — не обозначено; впереди рѣчь идетъ о 1696 г. Наконецъ, о той же церкви упоминается *въ замѣчательныхъ ошибкахъ и домолвленіяхъ*, стр. 199—съ ссылкой на указъ 1683 г., однакожь, безъ объясненія, что это одна и та же церковь, указанная въ разныхъ мѣстахъ выше.

Вообще, должно замѣтить, что изслѣдовательность, критика собираемыхъ свидѣній очень мало руководила авторами въ нихъ выпискахъ о церквахъ и урочищахъ Москвы. Они ставили рядомъ самыя несообразныя показанія безъ всякаго отзыва о томъ, чему наиболѣе долженъ вѣрить читатель. ●

Замѣтимъ еще: въ Никитскомъ сорокѣ № 25, стр. 55, они обозначаютъ церковь Спаса на *Житной площадкѣ у Охотнаго ряду*, присовокупляя, что у Мичурина на планѣ и у Рубана она означена по урочищу *въ Китаѣ*, и указывая, что эта церковь была извѣстна по придѣлу подъ названіемъ *Анастасіи Узоръшительницы*. Но у Мичурина церковь Спаса въ Китаѣ означена на планѣ, № 63, отдѣльно отъ церкви Анастасіи (означенной тамъ подъ № 60). Въ *Китаѣ*—

¹⁾ Визіюс. XI, 292. г. Хавскій, § 241 и 242.

явная ошибка у Мичурина; должно быть въ *Копь*—церковь Спаса, которую указывают авторы подъ № 26. Въ топографическомъ смыслѣ это то же, что на *Стрѣлкѣ*, а быть можетъ, то же, что и на *Козьей бородѣ*, какъ обозначена церковь Благовѣщенья въ Черторѣѣ, въ 1508 году. Церковь Настасья Вмч., что на *Житной площадкѣ*, у *Поля* (упом. 1616 года), была въ послѣдствіи известна подъ именемъ Спаса, что у *Мучнаго ряда* (противъ теперешней гостиницы Барсова, на площади). Спасъ въ *Копь*, или у Мичурина — въ Китаѣ, находился между теперешнимъ Большимъ театромъ и Георгіевскимъ монастыремъ.

Всѣ такіе недосмотры и ошибки могли произойти, главнымъ образомъ, отъ того, что авторы не потрудились составить текстъ урочищъ тѣмъ простымъ способомъ, какой принять наукою, какъ единственно-вѣрный и основательный. Слѣдовало взять какъ основу, старѣйшій списокъ или роспись церквей, напр., по книгамъ Патріаршаго Казеннаго приказа за 1625 г., или еще ранній, если такой есть. Затѣмъ, слѣчая этотъ списокъ съ послѣдующими, вносить варианты или новыя дѣрки и новыя обозначенія ихъ мѣстъ или урочищъ съ отмѣтками самыхъ росписей и ихъ годовъ. Тогда составилъ бы точный и, безъ сомнѣнія, полный сводъ церковныхъ урочищъ за XVII столѣтіе. Провѣривъ его съ росписями XVIII столѣтія, авторы получили бы вѣрное и основательное исчисленіе церквей съ ихъ урочищами. Само собою разумѣется, что собираемые тексты должны быть приводимы съ великою точностью и вовсе не такъ, какъ это слѣдано теперь, т. е. смѣшано и спутано древнее съ новымъ, или предшествовавшее съ позднѣйшимъ. Напр., церковь Успенія № 21, стр. 47 означена: на *Остоженкѣ*, въ *Семчевскомъ сельцѣ*, близъ *Остоженскаго конюшеннаго двора* — три обозначенія разнаго времени; какое изъ нихъ древнѣе, какое позднѣе —

авторы никогда не задавали себѣ подобнаго вопроса и продолжаютъ ставить такимъ же образомъ всё, собраннаи ими, урочищныя обозначенія. Между тѣмъ, годъ, въ этомъ случаѣ, весьма важенъ, ибо онъ можетъ раскрывать исторію урочища и яснѣе опредѣлять его значеніе. Церковь Козьмы и Дамьяна на *Шубинь*, за *Газаринскимъ дворомъ*, за *Золотою рѣшоткою* (стр. 52); или стр. 22: на старомъ Ваганьковѣ, на Козьей бородѣ, у Государева двора; или стр. 24: на *Стрѣлькѣ*, на *Солянкѣ*, на *Кулижскаяхъ*; или стр. 71, № 10: въ *Казенной*, въ *Хлѣбникахъ*, въ *Ромодановѣ*; или на стр. 74, № 5: на *Полянкѣ*, въ *Кадашахъ*, въ *Морозовой слободѣ*, въ *Земляномъ городѣ*, и пр. и пр. Всѣ такія разнообразныя и, по большей части, разновременныя указанія, сведенныя въ одно, безъ годовъ, безъ опредѣленій времени, вносятъ чрезвычайно много сбивчивости въ исторію урочищъ и даютъ ложныя основанія для изслѣдователя. Въ ученой обработкѣ предмета не въ томъ дѣло, чтобы только знать имя урочища, надо еще опредѣлять, по возможности, что это за имя, когда оно появляется, когда смѣняется другимъ, третьимъ, когда употребляется рядомъ съ этимъ другимъ, третьимъ именемъ; стало быть, годъ здѣсь имѣетъ особенную цѣну. Собрать имена церковныхъ урочищъ было не слишкомъ трудно изъ однихъ лишь напечатанныхъ уже росписей, которыя, напр., указаны авторами на стр. 3, даже изъ одной книги г. Хавскаго: «Семисотлѣтіе Москвы».

Собирая списокъ старинныхъ урочищъ и, разумеется, не ограничиваясь лишь одними урочищами церквей, нельзя игнорировать тѣхъ любопытныхъ прозваній, какими московскій народъ обозначилъ многія фартыны или питейные дома, отъ которыхъ потомъ получали свои имена цѣлыя мѣстности и улицы, до сихъ поръ сохраняющія память о старинѣ XVII и XVIII столѣтій. Такъ, въ Китай-городѣ, питейный домъ *Са-*

напалый, на Ильинкѣ у Юшкова переулка, указываетъ на существовавшій *Санапалый* рядъ (отъ самопалъ, ружье), такъ-какъ *Замочный*, у Варварскихъ воротъ, *Котельники*, въ Зарядѣ, указываютъ мѣста торговли замками и котлами; *Истерія*, въ рядахъ, близъ Никольской, сохраняетъ память о существовавшей при Петрѣ въ этой мѣстности истеріи (австеріи); *Черкасскій*, на Толкунѣ, *Корунинскій*, *Волхонка* у Ильинскихъ воротъ, напоминаютъ фамиліи бывшихъ тамошнихъ доновладѣльцевъ; *Кобыльскій* на Подолѣ, въ Зарядѣ и другой у Варварки обозначаютъ, можетъ быть, своимъ именемъ даже какую-либо старинную топографическую черту тамошней мѣстности, подобно церковнымъ урочищамъ: Никола въ Кобыльскомъ, или названіямъ деревень: Кобыля лужа, Кобылій врагъ. Въ топографическомъ смыслѣ, это, по всему вѣроятію, должно означать мѣстность, покрытую лужами, рѣдко просыхаемыми и оттого дававшими особую характеристику мѣстности.

Въ Бѣломъ-городѣ, въ Охотномъ ряду, *Помѣрный*, на Неглинной, указываетъ на существовавшую здѣсь, въ XVII столѣтіи, *Помѣрную избу*; *Стекланный* — на торговый стекланный рядъ. *Старо-Панкратьевскій*, — на Дербеновкѣ, въ Стрѣлецкомъ переулкѣ, указываетъ на старую Панкратьевскую слободу, такъ-какъ *Старые кожевники* — въ Кажевической улицѣ, *Старая Таганка* — въ Таганкѣ. *Староколный*, на болотѣ за Москвою-рѣкою, указываетъ на *Старую колную* торговую площадь, какъ *Ново-колный* — на теперешнюю, за Серпуховскими воротами. *Коковинка* на Смоленскомъ рынкѣ сохраняетъ своимъ названіемъ память о Стрѣлцеской слободѣ въ Приказѣ стрѣлцкаго головы Степана *Коковинскаго*, котораго фамилія обозначалась и находившаяся въ слободѣ церковь Трехъ Святителей (стр. 47, № 27, въ Коковинкѣ); такъ, какъ Троица — въ *Зубовѣ* (при-

казѣ) сохраняетъ въ своемъ обозначеніи фамилію стрѣльцаго головы Ивана *Зубова*, Покрова въ *Левшинъ*, Николы въ *Пыжовъ*. Фартина *Малороссіянка* дала имя улицѣ *Маросѣйскъ*; *Волхонка*, близъ Каменнаго моста — *Волхонкѣ*; *Солянка*—*Солянкѣ*; *Гавриковъ*, давшій имя переулку. *Разгуляй* обозначилъ своимъ именемъ цѣлую мѣстность, какъ *Тишина*—въ Грузинахъ; *Ладота*—въ Нѣмецкой слободѣ; *Плющита*—близъ Дѣвичьяго поля; *Козиха*—на древнемъ Козьемъ болотѣ; *Заушна* и *Щипокъ*—за Москвою-рѣкою, въ Коломенской-ямской.

Многіе до сихъ поръ сохраняютъ или имена своихъ старинныхъ-хозяевъ, или собственную характеристику, данную имъ мѣстными обывателями. Напр., *Татьянка* — на Софіискѣ; *Алашка* — на Дѣвичьемъ полѣ; *Варюника* — у Срѣтенскихъ воротъ; *Варюника* — у Дорогомиловскаго моста; *Оеколка* — въ Семеновскомъ; *Архаровскій* — на Пречистенкѣ; *Брегадирскій*—близъ Головинскаго дворца, сведенный оттуда еще въ 1753 г. Затѣмъ, *Веселуга*—въ Больш. Саловникахъ; *Хива* — у Андроньева мон. (отъ пребыванія будто бы хивинскаго посольства, стр. 116); *Палиха* — въ Суцховской ул. за Подвязками; *Красилка* — въ Дорогомиловской слободѣ; *Казенка*—у казеннаго виннаго двора; *Льнявка*—на Пятницкой (сравн. *Льнявѣй торжокъ*, бывшій въ Бѣломъ городѣ, противъ каменнаго москворецкаго моста).

Другіе указываютъ различныя топографическіе признаки или примѣты своихъ мѣстностей: *Катокъ*, существовавшій вначалѣ XVIII ст. въ Кремлѣ, у приказовъ, на взгорьѣ; *Скачекъ*—на Неглинной, у Охотнаго ряда, недалеко отъ Помѣрнаго; *Тычекъ*—у Краснаго пруда; *Стрѣлка* — на Земляномъ валу, въ Садовой, у Спиридоновки; *Пролетка* — у Страстнаго монастыря; *Стремянка* — у Серпуховскихъ воротъ; *Подберезки*—на большой Прѣсенской улицѣ; *Под-*

вѣзки—въ Суховѣ; *Роушки*—за Москворѣцкимъ мостомъ; *Устье*—у устья Яузы; *Пометный вранъ*—у Благовѣщенія на Бережкахъ; *Ольховецъ*—у Земляного-города, въ Левшинскомъ переулкѣ; *Полянка*—на Полянкѣ; *Высокопяталицкій*—на Пятицкой, у канавы; *Крутояръ*—у Андроньева монастыря.

Стоявшіе у городскихъ воротъ назывались именами тѣхъ воротъ; у заставъ—именами заставъ, а иногда—*розстанами*, напр., *Тверскія розстаны*—у Тверской заставы. Стоявшіе между воротами и заставою назывались *Серединою*, съ именемъ улицы, на которой находились. Такъ существовали: *Тверская середина* (у Леонтьевского переулка), *Калужская середина*; а питьевой домъ *Мѣщанская середина* далъ имя *Серединкѣ*, среднему перекрестку первой Мѣщанской улицы.

Большая часть всѣхъ этихъ именъ, давшихъ свои прозванія улицамъ и цѣлымъ мѣстностямъ, появилась, однакожь, не раньше XVIII ст., и именно первой ея половины, когда устроены были по городу *фартымы* (штофныя) винныхъ компанейщиковъ (фарта, фартина значить кварта, штофъ).

Составивши текстъ московскихъ урочищъ, авторы распределяютъ ихъ еще по *содержанію* (?) на: «1) Естественныя или топографическія, означающія наружный видъ или характеръ мѣстности, какъ-то: горки, крутицы, поля, и пр. 2) Этнографическія, заимствовавшія свое названіе отъ разноплеменныхъ и разноземельныхъ насельниковъ и переселенцевъ, напр., Ордынка, Крымскій дворъ, и проч. Сюда же относятся урочища, усвоившія себѣ имена храмосоздателей и первоначальныхъ или послѣдовавшихъ за ними собственниковъ. 3) Относящіяся къ *городскому устройству* и, вообще, свидѣтельствующія о прежнемъ *юридическомъ бытѣ*, напр., трети, сотни, служилыя слободы, площади, поля, въ значеніи

судебныхъ поединковъ и пр. 4) Историческія *въ тѣсномъ смыслѣ*, происшедшія *отъ какою-либо особеннаго событія* въ московскомъ мірѣ, таковы: Кучково поле, Лобное мѣсто, Убогіе дома, Бабій городокъ, Балвановка, Капельки, Наливки, и т. д.

Мы не будемъ останавливаться на этомъ распредѣленіи урочищъ по *содержанію*, которое не менѣе странно въ своихъ отдѣлахъ, какъ и раздѣленіе урочищъ по церковнымъ со-рокамъ, и займемся прямо урочищами топографическими.

Можно было полагать и даже иначе нельзя было и думать, что топографическія урочища Москвы дадутъ авторамъ не скудный матеріалъ для нагляднаго очерка ея древней топографіи. Топографическія урочища должны возстановить намъ древній образъ Москвы, ея топографическій обликъ. Для этого, конечно, необходимо взглянуть на топографическія урочища древней Москвы не въ разбитъ, а въ ихъ топографической же совокупности. Для этого необходимо хорошее знакомство съ топографическою фізіономіею современной Москвы, потому что, какъ ни измѣнился ея видъ въ теченіе вѣковъ, но главныя, основныя формы ея мѣсторасположенія все-таки остались прежнія. Намъ кажется, что авторы имѣютъ самое смутное и сбивчивое понятіе не только о древней, но даже и о современной московской топографіи. Весь смыслъ ихъ статьи о топографическихъ урочищахъ заключается въ томъ, что въ Москвѣ *были*, въ извѣстныхъ мѣстахъ, горы, лѣса, пески, глинища, овраги, сады, рѣчки, и т. д. Съ этою цѣлью, авторы сводятъ въ одно мѣсто урочищныя имена горъ, лѣсовъ, садовъ, рѣчекъ, прудовъ, болотъ, грязей, овраговъ и ямъ, рововъ,

яровъ, песковъ и глинищъ, полей, вспольевъ, луговъ, площадей, и тѣмъ оканчивають (стр. 89—99). Мы не думаемъ, чтобы изъ такого перечисленія урочищъ образовалось въ умѣ читателя сколько-нибудь понятное представленіе о топографическомъ видѣ древней Москвы. Мы думаемъ, что читатель, бывавшій въ Москвѣ, слыхавшій приходскія названія ея урочищъ, и безъ того знаетъ, что все это было, а для кореннаго москвича это бывшее даже и теперь въ иныхъ случаяхъ дѣлается очевиднымъ, какъ, напр., Черторый у Пречистенскихъ воротъ, отъ котораго вся мѣстность называлась нѣкогда Черторьею, и теперь очень нерѣдко весною или въ сильные дожди своимъ разливомъ вовсе прекращаетъ пѣшеходное сообщеніе на этой улицѣ. И теперь иной разъ должно прибѣгать къ помощи извозчика, чтобы перебраться на другую сторону этого потока грязной уличной воды. Легко вообразить, что же было, когда не было каменныхъ мостовыхъ. Москвичамъ старыя урочища ихъ очень хорошо извѣстны; они каждый день называютъ ихъ по именамъ, дѣлая адреса на письмахъ или нанная извозниковъ, такъ-что, для москвичей, печатное перечисленіе московскихъ урочищъ ничего новаго не даетъ. Но москвичу было бы очень любопытно узнать именно топографическій древній видъ своего роднаго города. Для этого недостаточно свести или собрать въ одно мѣсто тѣ или другія урочищныя имена. Надо положить ихъ рѣзкими чертами въ общемъ очеркѣ древней фizioноміи Москвы, надо дать имъ одинъ цѣльный, понятный строй и порядокъ, какой будетъ указывать характеръ самой мѣстности. Для выполненія такой задачи конечно, требуется очень хорошее знакомство вообще съ топографіею города. «Какъ Москва составляетъ—говорятъ авторы—такую котловину, копей дно устьяно холмами съ ихъ пригорками, покрытыми, по большей части, дѣсомъ, то ея населеніе, подобно первоначальному населенію древ-

нью міра послѣ потопа, впрямую, началось на горахъ и холмистыхъ мѣстахъ, обросшихъ лѣсомъ» (стр. 86). Совершенно справедливо, что вначалѣ никому въ голову не могло придти селиться на болотахъ, когда было можно жить, если не на высокомъ, то на сухомъ мѣстѣ. Но съ какой же точки зрѣнія Москва представляетъ котловину? Гдѣ края или берега этой котловины? Сами же авторы, въ противорѣчіе себѣ, тотчасъ же приводятъ слова Ломоносова, который говорилъ, что Москва «стоитъ на многихъ горахъ и долинахъ». Сами же авторы, вслѣдъ затѣмъ, рассуждаютъ о пресловутыхъ *седми холмахъ* и находятъ ихъ, не обозначая только того *дна* котловины, гдѣ эти холмы расположены. Это разсужденіе о *седми холмахъ* вполне и обнаруживаетъ малое знакомство вообще съ топографіею города, съ основнымъ его топографическимъ расположеніемъ. Понятіе о холмахъ предполагаетъ ровную мѣстность, надъ которою господствуютъ эти холмы. Но если эта ровная мѣстность промыта и прорыта въ разныхъ направленіяхъ рѣками, рѣчками и ручьями, вообще притоками Москвы-рѣки, если такіа промочны представляютъ во многихъ мѣстахъ низины, болота, луга, то правильно ли принимать за ровную мѣстность такое дно котловины, напр., именно эти низины и луга, и разсматривать основную равнину какъ рядъ холмовъ? Мы не думаемъ, чтобы такой взглядъ, такая точка зрѣнія могла дать точное опредѣленіе топографіи города. Москва, дѣйствительно, лежитъ «на горахъ и долинахъ»; но эти горы и долины образовались собственно отъ потоковъ ея рѣкъ и рѣчекъ. Въ сущности же, въ общемъ очертаніи, Москва большею частію занимаетъ ровную мѣстность, что замѣчали и иностранные путешественники еще въ XVI ст. Въ ея чертѣ нѣтъ даже такихъ переваловъ, какіе находятся, напр., въ ея ближайшихъ окрестностяхъ подъ именемъ «Поклонныхъ горъ». Горы и холмы Москвы суть высо-

кіе берега ея рѣкъ; долины и болота — низменные, луговые ихъ берега; такимъ образомъ, эти горы будутъ горами только въ относительномъ смыслѣ. Кремль — гора въ отношеніи къ Замоскворѣчью, такъ какъ мѣстность Ильинки или Варварки — гора въ отношеніи къ низменному Зарядью; но и Кремль, и Ильинка суть ровныя мѣста въ отношеніи къ Срѣтенкѣ, Масницкой, и т. д. Потокъ Москвы-рѣки, какъ и всѣхъ почти мелкихъ рѣкъ московской области, въ своемъ извѣстномъ теченіи, безпрестанно поворачивая въ разныхъ направленіяхъ, образуетъ почти при каждомъ болѣе или менѣе значительномъ поворотѣ обширные луга, долины, которые нерѣдко, своимъ общимъ видомъ, окруженные высокими берегами, представляютъ дѣйствительныя котловины. Въ отношеніи такихъ-то котловинъ высокіе берега, разумѣется, становятся горами. Мѣсторасположеніе Москвы и состоитъ изъ такихъ горъ и долинъ; въ этомъ и заключается общая характеристика ея топографіи; но это же самое не даетъ точнаго основанія представлять мѣстность Москвы — «котловиною, устьяною на ея днѣ холмами».

Ровная мѣстность, на которой, главнымъ образомъ, расположена Москва, бѣжитъ къ Москвѣ-рѣкѣ съ сѣвера отъ тропицкой (арславской) дороги. Оттуда же, съ сѣвера, отъ боровой лѣвостой стороны, къ югу, въ Москву-рѣку, текутъ Неглинная, посредниѣ; къ востоку отъ нея — Яуза, а къ западу — рѣчка Прѣсна. Приближаясь къ городу, эта ровная мѣстность начинаетъ распределяться указанными потоками Яузы, Неглинной и Прѣсна на нѣсколько возвышеній, то есть возвышеній лишь относительно русла этихъ потоковъ, относительно тѣхъ небольшихъ долинъ, которыя ими промыты. Главная, такъ сказать, становаая возвышенность, направляется отъ тропицкой заставы, сначала по теченію рѣчки Напрудной (Самотека), а потомъ Неглинной, прямо въ Кремль; проходитъ Мѣщанскими

черезъ Сузареву башню (наиболѣе высокій пунктъ), идетъ по Срѣтенкѣ и Лубанкѣ (древнимъ Кучковымъ полемъ) и вступаетъ между Никольскими и Ильинскими воротами — въ Китай-городъ, а между Никольскими и Спасскими воротами — въ Кремль, въ которомъ, поворачивая нѣсколько къ юго-западу, образуетъ, при впаденіи въ Москву-рѣку Неглинной, *Боровицкій мысъ*, срединную точку Москвы и древнѣйшее ея городище, гдѣ, на мѣстѣ нынѣшней Оружейной палаты, противъ разобранной церкви Рождества Іоанна Предтечи на Бору, первой на Москвѣ, были найдены даже *курлякскія* серебряныя вещи: два витыя жѣзные кольца (гривны) и двѣ серьги, что разумѣется, служить свидѣтельствомъ о незапамятномъ поселеніи на этомъ же Боровицкомъ мысу, или острогѣ.

Съ восточной стороны, эта продольная возвышенность, образуя по срединѣ, въ Земляномъ городѣ, между Сузаревой башней и Красными воротами или между Срѣтенкою и Мясницкою *Дервь* или *Дервь* (Никола Дербенскій) съ ручьемъ Ольховцемъ, постепенно скатывается къ Яузѣ, сходя въ нѣкихъ мѣстахъ въ верхней, сѣверной части, почти *на-плотъ*, а въ иныхъ, по нижнему теченію Яузы, образуя довольно значительныя взгорья, особенно подлѣ Маросѣйки въ Бѣломъ-городѣ и подлѣ Зарядья въ Китай-городѣ, и выпуская отъ себя въ Яузу, въ верхней части, нѣсколько рѣчекъ и ручьевъ прежде *Рыбелку* (на планѣ 1805 г. — Синичку), текущую черезъ сокольничье поле, потомъ *Чечеру*, на которой *Красный прудъ*, съ ручьями *Ольховцемъ* и *Кокуемъ*, теперь уже забытымъ, текущимъ въ Чечеру съ сѣвера изъ Елохова (Ольхова) и, наконецъ, ручей — Рачку (на которомъ *Чистый прудъ*), текущій чрезъ Кулижки и впадающій въ Москву-рѣку подлѣ устья Яузы (планъ 1805 г.).

По сторонамъ этого ручья Рачки, возвышенность образуетъ въ Землянѣ-городѣ береговое взгорье: Воронцово, Вербово, Гостину гору, а въ Бѣломъ—взгорья древняго урочища Боръ и Сады, впереди которыхъ къ Яузѣ лежитъ обширная низменность Кулижка и Васильевскій лугъ (гдѣ Воспитательный домъ). Въ Китай-городѣ та же возвышенность образуетъ Псковскую гору, по которой идетъ улица Варварка съ низменностью урочища: *Мокрое, Болото* (Зарядь). Затѣмъ возвышенность съ той же стороны дѣлаетъ по Москвѣ-рѣкѣ Кремлевское береговое взгорье съ низиною впереди къ рѣкѣ или Кремлевскимъ *Подоломъ*.

Другая часть той же сѣверной ровной мѣстности идетъ въ городъ отъ сѣверо-запада, отъ дорогъ Дмитровской и Тверской, почти параллельно правому берегу Неглинной, который спускается къ рѣкѣ, вообще, довольно покато. Съ западной стороны этой возвышенности, также отъ сѣвера, течетъ *Прѣсня*, съ ручьями, опуская мѣстность постепенно къ своимъ берегамъ или Прѣсенскимъ прудамъ.

Та же мѣстность, приближаясь съ западной стороны къ Москвѣ-рѣкѣ по сю сторону Прѣсни, образуетъ крутые берега въ Дорогомиловѣ (горы Варгуниха, Дорогомиловская, Бережки), которые, или дальше, постепенно понижаются къ Девичьему монастырю. За Прѣсною тѣ же берега дѣлаютъ урочище *Три горы*, съ новымъ Ваганьковымъ.

Проходя по *Замельменю*, эта же возвышенность дѣлится у Бѣлаго-города на двѣ вѣтви Сивцевымъ вражкомъ и Черторьею (по Пречистенскому бульвару). Одна вѣтвь, восточная, въ Бѣломъ-городѣ образуетъ урочище Островъ (Воздвиженка) и, при впаденіи въ Москву-рѣку Черторья—мысь, гдѣ теперь новый храмъ Спасителя; другая, западная вѣтвь, въ Землянѣ городѣ, образуетъ возвышенность Пречистенки и Остоженки, за которыми на юго-западъ уходитъ въ

Дѣвичье поле и въ Москворѣцкіе луга за Дѣвичьимъ монастыремъ къ Воробьевымъ горамъ.

Лѣвый восточный берегъ Яузы, вообще довольно возвышенный, оканчивается у Москвы-рѣки мысомъ же съ горками Лыщиковою и Вшивою, отъ которыхъ береговое взгорье идетъ и по Москвѣ-рѣкѣ, образуя Красный холмъ, Крутицы, Симоново.

Замоскворѣчье представляетъ луговую низменность, гдѣ по берегу противъ Кремля и Китая находился великокняжескій *великій лугъ* и *Садовники*. Въ срединѣ, ближе къ западу, на Полянкѣ эта низменность имѣла также Дебрь или Дербь (церковь Григорія Неокесарійскаго, *что въ Дербьцахъ* ¹⁾), а къ Москвѣ-рѣкѣ, съ той же западной стороны, оканчивается береговыми взгорьями — урочищами: *Бабьимъ городкомъ*, *Васильевскимъ* (Нескучное), *Плѣнницами* ²⁾ (Андреевскій монастырь), проходя такими же взгорьями къ Воробьевымъ горамъ.

Такова общая характеристика мѣсторасположенія Москвы; ею могутъ опредѣляться и всѣ ея частности. Этими-то частностями можно было бы характеризовать каждую мѣстность отдѣльно, что, еще яснѣе изобразило бы и положеніе, и состояніе древней Москвы, а затѣмъ, рельефнѣе выдвинуло бы наружу ея основной топографическій скелетъ, если можно такъ выразиться. Такой характеристикѣ требуютъ Кремль,

¹⁾ У авторовъ, это урочище не обозначено.

²⁾ *Плѣнницами* а въ Москвѣ и на югѣ, напр. на нижнемъ Днѣпрѣ, называютъ связы плотовъ или, собственно, плоты всякаго дѣла, прагонимого по весенней водѣ до назначеннаго мѣста. Московское урочище *Плѣнницамъ* оттого и получило свое имя, что въ этой мѣстности повсѣ собирались шедшіе съ верху рѣки плоты-лавицы, прагонимые для городскаго потребленія. Ближнее толкованіе этого прозванія плѣнницами и т. п. — не выдерживаетъ критики.

Китай, Занеглинское или западная часть Благо-города и отдельно, восточная его часть, начиная съ Кучкова поля отъ Срѣтенки и оканчивая Кулижкою и Васильевскимъ лугомъ. На такіе же два отдѣла можетъ раздѣлиться и Земляной городъ, потому слѣдуютъ Зарѣчье, Зялузье, Прѣсна, верхнее теченье Неглинной съ Напрудною, верхнее теченье Яузы, сторона Преображенская, Покровское-Рубцово съ слободою Нѣмецкою (Кокуй въ XVII ст.), сторона Краснопрудская, и. т. д.

Самая характерная черта древней Москвы, какъ города, заключалась въ великомъ множествѣ *полей и всполий*, луговъ, находившихся внутри города и отдѣлявшихъ другъ отъ друга его слободы, отдѣлявшихъ, вообще, постройки отъ его стѣнъ, и оставившихъ по себѣ память въ урочищныхъ обозначеніяхъ многихъ церквей. Поля и всполя, разумѣется, способствовали образованію *рлзей* въ однихъ мѣстахъ, или *яесковъ* — въ другихъ. Затѣмъ, къ полевымъ пространствамъ должно отнести *болота, мхи, ольхи*¹⁾ или ольховцы, вообще, мѣста *мокрыя* (Никола Мокрый). Въ древнее время существовали подлѣ города (и въ самомъ Кремлѣ) *боры*, а въ послѣдствіи, съ распространеніемъ населенія, явилось великое множество *садовъ*. Все это придавало Москвѣ типъ чи-

¹⁾ *Ольхи* значить собственно — покрыя, болотистыя мѣста, и въ этомъ смыслѣ, а не въ значеніи лѣса, служатъ обозначеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей Москвы. Ольховецъ-ручей, претензій Дербю-Добрю (Дербе-нозья, съ цр. в. Никола), въ сѣверо-востоку отъ Благо-города, и дѣшій до сихъ поръ, близъ Краснаго села, ложе нѣсколькихъ прудовъ. „На рѣкѣ, на Соснѣ перелазовъ (перелазъ) нѣтъ. Рѣка Сосна влетъ свими рѣвниши мѣста и приходитъ *ржавамъ* и *ольхи* великия и до устья до самого, до Дону рѣки“ — такъ обозначала болотныя мѣста на степныхъ сторонахъ въ XVII ст.... „Крѣпости на^ннѣ (на Вязовскомъ перелазѣ) зашли *болотъ* и *займища* великия... *ржавамъ* болотъ и...“ (Чтенія О. И. в Д. Р. 1846 г., № 4, стр. 55).

ето деревенскій. По улицамъ, почти у каждаго пятаго дома, можно было встрѣтить часовню (Олеарій); по улицамъ же, для спасенія отъ пожаровъ, отъ каждаго 10 дворовъ устраивался колодезь.

Недостаточное знакомство съ общимъ характеромъ и историческимъ положеніемъ Москвы, собственно съ ея топографіею, вводитъ авторъ въ большія неточности и даже невѣрности при описаніи нѣкоторыхъ мѣстностей. Такъ, описывая холмъ, стр. 86, на которомъ *положена основа селенію*, они говорятъ, что онъ *обтекаемъ Москвою рѣкою съ одной стороны и Яузкою съ другою, что ея одна часть выступаетъ изъ подъ западной стѣны Кремля на берега Неглинной*. . . . Но въ томъ и дѣло, что холмъ омывается съ этой другой стороны Неглинною и у него нѣтъ еще другой стороны, которая омывалась бы рѣкою, а тѣмъ болѣе Яузкою, которой устье отстоитъ на версту отъ него. Далѣе: *на вершинѣ этого холма, отдѣленнаго длиннымъ оврагомъ или чертогорьемъ отъ другою*, покрытаго боромъ, стояла. . . . первая церковь Рождества Преподѣла. . . .» (стр. 87). Трудно понять, что хотѣли сказать авторы. Длинный оврагъ есть опять та же Неглинная, и никакого другого чертогорья подлѣ этого мѣста не существовало и нѣтъ.

Далѣе, стр. 89: «въ сѣверо-западной (чит. въ юго-западной) части Бѣлаго города находимъ *холмистый островъ*» (Воздвиженка), который вовсе не холмистъ, а самъ собою представляетъ только большую противъ окрестныхъ мѣстъ возвышенность, почему и названъ *островомъ*. Слѣдуя далѣе отъ

этого острава къ сѣверо-востоку, встрѣтитъ за Неглинною Красную горку. . . .» Какимъ же образомъ за Неглинною, когда Красная горка есть продолженіе той же возвышенности острава, которая все находится за Неглинною отъ Кремля? «Въ восточной части Бѣлаго города на Рождественскѣ и на Цокрокѣ простираются большія горы и горы съ нѣкѣ пригорками. . . . большіе возвышенности (въ Земляномъ городѣ) отъ Самотека и Трубы къ Сузаровой башнѣ, идущая къ Рождественскому монастырю и Лубанкѣ, потомъ къ востоку Гостиная или Гостиная горы, также Воробьино. . . .» (стр. 89) Такъ сбивчиво описана главная возвышенная мѣстность, кончающаяся у Москвы-рѣки Кремлевскими взгорьями. Авторы, видимо, не знаютъ о ней отчетливаго, вѣрнаго представленія, и слѣдятъ собственно не за нею, а указываютъ ея скаты, принявъ ихъ какъ особенныя *ошесты* и *горки* и сопоставляя ихъ, вслѣдствіе этого, въ рядъ и съ Тремя горами и съ Воробьевыми горами, и съ горами Залузья, и даже съ Поклонною горюю, лежащею въ нѣсколькихъ верстахъ за Дорогомилевскою заставою.

Стр. 90: «Къ западу *Кремлевскій боръ* оканчивался обрывами съ одной стороны въ Бѣломъ городѣ у церкви св. Николая Стрѣлоцкаго, а съ другой оврагами и балками¹⁾ (чортормыши), близъ церкви Покрова Б. М. у Прочистенскихъ воротъ. Кто не знакомъ съ мѣстностью, для того оо-

¹⁾ Слово это часто употребляютъ авторы; но оно не часто употребляется въ Москвѣ и есть слово степное, приволжское, значить глухой заливецъ, яину съ стоячею водою, а въ московской сторонѣ — яину, вышеру на дорогѣ въ распутнику. Объяснить же балку чортормышъ, означающую вообще — быстрый, сильный потокъ, *ромціи* своею левою дуною, будетъ не совсѣмъ основательно. Сами авторы превращаютъ это слово не отъ чертъ вопреки Ходковскому, а отъ чѣрта, чѣмъ и объясняютъ настоящій смыслъ чорторма.

вѣтъ невозможно понять это топографическое указаніе. Дѣло въ томъ, что къ западу, Кремлевскій боръ омывался Неглинною, противоположный, т. е., правый, западный берегъ которой у Николы Стрѣлецкаго не могъ и въ древности имѣть обрывовъ, а имѣть довольно отлогую высоту, которая продолжается, еще болѣе возвышаясь, уже по берегу Москвы-рѣки, далѣе къ западу, по Волхонкѣ и Дѣвннкѣ и оканчивается у Пречистенскихъ воротъ черторьею, дѣлая у впаденія этой черторы въ Москву-рѣку крутой мысъ, на которомъ стоялъ Алексѣевскій монастырь, а теперь воздвигнуть храмъ Спаса. Такимъ образомъ, эта другая сторона Кремлевскаго бора есть не что иное, какъ сторона Москворѣцкаго Заногламеня.

Стр. 94: «Въ западной части Кремля изъ-за Боровицкихъ воротъ *выступала* давно уже засыпанная *котловина*, образовавшая оврагъ или черторье, о коемъ выше сказано». Опять вѣтъ возможности понять, о чемъ здѣсь говорится: объ устьѣ Неглинной у Боровицкихъ воротъ, или объ упомянутой черторы у Пречистенскихъ воротъ; но, во всякомъ случаѣ, ни тамъ, ни здѣсь котловины вѣтъ, а есть ложе потока. Далѣе: «Переступивъ съ запада на востокъ, въ Китай-городѣ встрѣчаемъ на *холмистой* Варваркѣ урочище церкви Покрова Б. М. *Мокрое*, которое такъ слыло отъ вымоины или болотины». Варварку нельзя назвать холмистою, ибо она сама по себѣ есть только ровное береговое взгорье Китай-города, Псковская гора. Покрова Б. М. *Мокрое* — есть тотъ же Никола *Мокрый* въ Зачатской улицѣ, т. е., на подолѣ Китай-города, въ Зарядѣ, на *болотѣ*, у самаго нѣзменнаго берега Москвы-рѣки, а не на Варваркѣ, т. е., не на высотѣ этого берега.

Упомянешъ еще нѣсколько мелкихъ топографическихъ неточностей. На 95 стр., авторы смѣшиваютъ Чертольское урочище: на *Козьей Бородѣ*, съ Козьимъ болотомъ или Кози-

хою, лежащею версты на двѣ отъ Чертоля. На стр. 96, *Заразы* объясняютъ *ущельями, тѣснинами*, тогда-какъ это—отвѣсныя кручи, обрывы (Воробьевскія *заразы*, Кунцовскія *заразы*). На стр. 98, въ числѣ полей помѣщаютъ *Ширяево* поле, находящееся уже въ рощѣ Сокольниковѣхъ, т. е. далеко за чертою города. На стр. 99-й говорятъ, что у Семченскаго села, на Стоженкѣ, находилась *Ходынский* и Самсоновскій луга, тогда-какъ Ходынский лугъ находился у рѣчки Ходынки, выше Прѣсни, впадающей въ Москву-рѣку, следовательно, далеко за чертою города и отъ Семченскаго. Тутъ же, въ числѣ городскихъ площадей помѣщаютъ *боярскую площадьку*, т. е. — дворцовое крыльцо!

Въ главѣ: *Этнографическія урочища*, авторы помѣщаютъ такъ-названныя *имя, родовыя* урочища и *родовыя* или *фамиліи* (отъ личныхъ прозвищъ), т. е., собственно мѣста, а чаще зданія (дворы, подворья), получавшія въ разное время свои имена отъ тѣхъ или другихъ пріѣзжихъ иногородныхъ, а отчасти, иноземныхъ обывателей древней Москвы, и мѣста и дворы, получавшіе свое имя по фамиліи или прозвищу владѣльца. Какъ это относится къ этнографіи, и почему такія урочища должны называться этнографическими, мы судить не станемъ. Намъ кажется, что всё такія имена гораздо больше принадлежатъ исторіи города, чѣмъ этнографіи. По нимъ, прежде всего, мы узнаемъ исторію самаго урочища, откуда оно произошло, чѣмъ его этнографію. Вся этнографія тутъ заключается въ имени Псковичи, Хлыново, Англійскій дворъ, Нѣмецкая слобода, Панскій дворъ, Крымскій дворъ, Ордынка, Татарская,

Греческая слобода, Арбатъ, Бельчугъ, Таганка, и т. п. Но если иногородный и иноземскій элементъ населенія, дававшій свои имена дворамъ, слободамъ и мѣстамъ, можетъ присвоить своимъ урочищамъ раздѣлъ урочищъ этнографическихкихъ, то все-таки непонятно, какимъ образомъ, къ тому же раздѣлу должны принадлежать и личные прозвища, напр., все болгарскія и, вообще, дворянскія фамиліи, жившія обыкновенно въ Москвѣ и владѣвшія дворами. Между тѣмъ, глава почти на половину наполнена только этими именами, да притомъ и не именами урочищъ, а фамиліями домовладѣльцевъ. Насколько носятъ въ себѣ этнографическій смыслъ Буйиновы, Хворостинины, Телятевскіе, и т. д., или, напр., имена монастырскихъ по-дворій, стр. 114? Вообще, этотъ отдѣлъ главы еще болѣе подтверждаетъ высказанное нами выше замѣчаніе, что въ глазахъ авторовъ, всякій дворъ, стр. 107, и всякій огородъ, стр. 109, съ именемъ владѣльца получаетъ значеніе урочища. Находящія же урочищныя мѣста, улицы, переулки, принявшіе названіе отъ жившихъ тамъ домовладѣльцевъ, вовсе не описаны, а личные имена только и важны въ этомъ смыслѣ, если вопросъ долженъ идти объ урочищахъ, а не о томъ, на какой улицѣ какіе были княжескіе и боярскіе дворы, о чемъ было бы складнѣе говорить въ особомъ отдѣлѣ — о характерѣ населенія города.

Необходимо было ожидать крайней мѣрѣ, точнаго опредѣленія мѣстностей, на которыхъ жило пришлое иногородное и иноземское населеніе, напр., сотни иногородцевъ: Новгородская, Устюжская, Ростовская, и т. п. или ихъ слободы и слободы иноземцевъ; но ничего этого нѣтъ, а говорится объ этомъ частіцами, какъ-то случайно, мимоходомъ и вовсе не поставляется на первый планъ, на главное подобающее мѣсто. Вы слушаете какаго-то рассказчика, свободно и безо всякаго отчета для себя переносящагося въ своихъ указаніяхъ съ мѣста на

мѣсто, и всею не видите ученаго описателя, который дерзнуть основательностью, опредѣленностью, точностью и ясностью своихъ указаній, цѣльностью своего изслѣдованія.

Между прочимъ, авторы входятъ въ сличеніе названій московскихъ урочищъ съ ингородными, и какъ бы удивляются естественному сходству и буквальному тождеству между ними. «Въ росписи селъ, деревень, погостовъ и пустошей, разбѣжныхъ во великой, малой и бѣлой Россіи, сколько представляется сомнѣнныхъ московскихъ урочищамъ!» — восклицаютъ авторы, стр. 112. Они выводятъ изъ своихъ сличеній, что Москва имѣла взаимное сближеніе съ другими областями Россіи. «Подобное сходство — свидѣтельствуя оны — могло бытъ *замысленовымъ* и *случайнымъ*. Еслибъ извѣстно было историческое значеніе каждаго изъ такихъ урочищъ, тогда можно было бы опредѣлить происхожденіе тождества названій и прийти къ новымъ заключеніямъ», стр. 113. Изъ всего этого видно, что авторы въ самомъ дѣлѣ не представляютъ себѣ возможности одному и тому же народу, говорящему однимъ и тѣмъ же языкомъ, жившему подъ однимъ и тѣмъ же условіями природы, исторіи, всего своего развитія, — не представляють возможности такому народу называть и обозначать мѣста своихъ жилищъ, занятій и т. д., однимъ и тѣмъ же словомъ на всемъ пространствѣ его земли. Трудно понять, что удивительнаго и мудреваго въ томъ, что въ разныхъ мѣстахъ мы найдемъ и Николы Кобыльскіе, и Хохловки, и Красныя горки, Красныя холмы, Сущовы, Кудринны, Драчовы, Новинскіе и пр., и пр. Стоитъ почитать, напр., старинную опись любого великорусскаго города, чтобы подумать, не о Москвѣ ли идетъ дѣло. Возьмемъ, напр., Сотную на Муромскій посадъ (Акты Юрид., № 229), на которую ссылались авторы. Читаемъ: «на посадѣ въ *Ильинской* улицѣ *во рву*... у Успенія Пречистой *ко встолью*... въ Спасской слободѣ... улицю отъ Николы

Чудотворца *Мокрою*.... по той же улицѣ отъ *исударева двора*.... со *всполья* отъ Дмитрія святого.... въ *большомъ ряду* отъ *площади* влучи къ *Гостину двору*.... на *реву* Лубенини.... на право на *вымль* къ *рыбному ряду*....»
 Этотъ предметъ и при неизвѣстности историческаго значенія каждаго урочища, подавалъ поводъ нати къ любопытнымъ и новымъ заключеніямъ въ раскрытіи общихъ условій и, такъ сказать, общихъ законовъ быта и понятій, заставлявшихъ нашихъ предковъ называть и обозначать одними и тѣми же именами одни и тѣ же, повсюду существующіе предметы и топографическія черты мѣстности.

Глава: *Урочища историческія*, заключаетъ въ себѣ сказанія или собственно, воспоминанія о Кучковомъ полѣ, Лобномъ мѣстѣ, Божеложкѣ, Крестѣ, Москворѣцкихъ воротахъ, Подберезкахъ на Прѣснѣ, Кулижкахъ, Капелькахъ, Ваганковѣ, Гороховомъ полѣ, Берсеневкѣ, *Канновой горѣ*, Болвановкѣ, Бабьемъ городкѣ, Кукуѣ, Налывкахъ, Ендовѣ. Частію, здѣсь собраны историческія данныя, частію преданія и даже басни, сложенныя въ позднѣйшее время, по образцу Макаровскихъ (Русскія Преданія), каковы Капельки, Горохово поле, Бабій городокъ. Но, неужели только и есть въ Москвѣ урочищъ, которыя должны именоваться историческими? Неужели Каннова гора, Москворѣцкіе ворота, Ендова—остроги, Берсеневка и пр. имѣютъ больше историческаго значенія, чѣмъ, напр., Воронцово, Пятницы, Крутицы, самая Прѣсна, Подберезки, не въ качествѣ питьянаго дома, а въ качествѣ прямаго урочища, особенно Преображенское, Семеновское, Рубцово-

Покровское, Лефертово и мног. друг., о которыхъ гораздо больше можно сказать историческаго, чѣмъ объ упомянутыхъ; да и сами авторы, въ разныхъ мѣстахъ своей книги, указываютъ иной разъ столько же историческаго объ иныхъ урочищахъ, которыя, однакожь, не помѣщаютъ въ число историческиххъ. Неужели историческое только то, о чемъ можно рассказать некоторыя басенки, въ родѣ басенки о Гороховомъ полѣ, стр. 155? \

Исторію Лобнаго мѣста авторы рассказываютъ *слитно* съ исторіей Красной площади, отчего въ умѣ читателя остается все-таки довольно смутное понятіе собственно о Лобномъ мѣстѣ. Сравнивъ его съ Іерусалимской Голгофѣй, и приведа свидѣтельство иностранцевъ, которые единогласно утверждаютъ, что Лобное мѣсто служило амвономъ, чертогомъ для царскаго моленія и всенароднаго объявленія указовъ, авторы, ни съ того ни съ сего, вдругъ заключаютъ, стр. 122: «Изъ такого объясненія открывается, что подъ словомъ *Лобное мѣсто* разумѣли не только описанное зданіе (а именно это-то и разумѣли иноземные путешественники), но и занимаемое имъ пространство (конечно) или площадь Лобную (это уже не Лобное мѣсто), гдѣ совершалась казни: «площадь для казней». Нѣтъ, этого не говорятъ, по крайней мѣрѣ, тѣ свидѣтельства, которыя привели авторы. Такое смѣшеніе двухъ различныхъ предметовъ принадлежитъ самимъ авторамъ, которые въ разныхъ мѣстахъ своей книги проводятъ это смѣшеніе до полнаго затмѣнія истины. Сравнивая съ Іерусалимскою Голгофою, и даже положительно говоря, что она послужила образцомъ и для Московской (т. е. Голгофы), они тѣмъ самымъ утверждаютъ путаницу своихъ свидѣтельствъ и представленій объ этомъ памятникѣ. Мы не станемъ подробно раскрывать эту путаницу, и замѣтимъ только, что въ концѣ концовъ выходитъ, что кровавыя казни

происходили не то на Лобномъ мѣстѣ или у самаго мѣста, не то на Красной площади, ибо «*передъ ступенями ея казнили преступниковъ*», говорятъ авторы, стр. XVI и XXIII; «тамъ, на Красной площади, у Лобнаго мѣста, только иногда на Лобномъ (спѣшать оговориться авторы), преступниковъ сѣкли кнутомъ и плѣтми, вѣшали, обезглавливали, четвертовали, колесовали, живыхъ сожигали, и т. п.» стр. XXXV; далѣе отмѣчаютъ: «несправедливо почитаемое за позорище казней», стр. LVII; за тѣмъ указываютъ, что «казнили между Лобнымъ мѣстомъ и Спасскимъ мостомъ», стр. 123; далѣе указываютъ, «что Лобное мѣсто обставлено было головами, воткнутыми на рожны (при Петрѣ, во время стрѣльцовыхъ казней, но этого не было ¹⁾», стр. 130.» Надо вообще, замѣтить, что и на Красной-то площади, собственно на ея срединѣ, казни происходили только въ очень важныхъ случаяхъ. Казнили обыкновенно «на Болотѣ», за Москворѣзкою, а прежде—на Кучковѣ полѣ (Лубянка).

Какъ бы то ни было, но нѣтъ и малѣйшей возможности *смыслать*, въ этомъ отношеніи, Лобное мѣсто съ Красною площадью, которая весьма обширна, и на которую смотрятъ, кругомъ Лобнаго мѣста, и весь *Торгъ*, соборы Казанскій и Покровскій, слѣдовательно, и о нихъ съ тою же основательностью можно говорить, что и о Лобномъ мѣстѣ. Но авторы вѣрны себѣ. Во II т. стр. 16, они говорятъ слѣдующее: «До 1685 года, въ Кремлѣ совершались казни надъ преступни-

1) Известно только, что въ 1697 году, во время казни стрѣльцовъ на Красной площади былъ выстроенъ каменный столбъ, и «на томъ столбѣ нѣтъ рожновъ малѣйшихъ цѣпанъ въ камень.» Жолтушскій, въ вид. Языкова, стр. 111.—На площадь въ Лобному мѣсту народъ обыкновенно вытаскивалъ своихъ жертвъ. Такъ, въ 1682 г., были сюда вывезены, побитые стрѣльцами въ Кремлѣ, сторонники и родные наслѣдственнаго Петра.

казни; но въ этомъ году отиѣдена таиъ казнь и велѣно проповодить ее предъ Спасскими воротами на Лобномъ рынкѣ. Изъ этихъ словъ можно заключить, что дѣло идетъ о смертной казни, чего въ Кремлѣ не бывало. Въ указѣ, на который сдѣлана ссылка, говорится о торговой казни—кнутокѣ, исполнявшейся въ Кремлѣ передъ Московскими судными приказомъ, неподалеку отъ Спасскихъ воротъ, на окраинѣ горы собственно на подолѣ Кремля. Въ этомъ году велѣно «чинить такую казнь, бити кнутокѣ за Спасскими вороты, въ Китай на площадѣ (Красной, а не Лобной, и не передъ Спасскими воротами) противъ рядовъ».

«На площади, противъ рядовъ» — вотъ, гдѣ совершались кровавыя казни XVI и XVII столѣтій. Площадь противъ рядовъ есть та именно мѣстность, во главѣ которой теперь стоитъ памятникъ Минину и Пожарскому.

Въ XVI столѣтїи, это пространство, между Спасскими и Никольскими воротами Кремля, отдѣленное въ то время отъ кремлевской стѣны широкимъ ровомъ, обозначалось просто *полями мѣстомъ*, а также *пожарамъ*, т. е., пожарищемъ, что также означало покое мѣсто, оставшееся послѣ пожара, безъ сомнѣнїя, еще со временъ Ивана Васильевича III, который, именно отъ пожаровъ, оградилъ весь Кремль такими полями мѣстами и сносилъ для этого даже существовавшїя подлѣ него постройки и самыя церкви (напр., за Москово-рѣкою и Неглинною). Въ 1570 году, по случаю казни за новгородскую казню, царь Иванъ Васильевичъ и царевичъ Иванъ Ивановичъ церемонїально «выѣжали въ Китай-городъ на покое мѣсто сами и велѣли казненикомъ винны ихъ вычести передъ собою и ихъ казнити». (Карам. IX, пр. 299).

Съ именемъ *Пожара*, это покое мѣсто оставалось до половины XVII столѣтїя, такъ-что выстроенная въ его стѣ-

веровосточномъ углу, въ 1636 году, церковь Казанской Богородицы обозначалась также: *что на Пожарѣ*. Съ 1662 года, имѣемъ уже официальное свидѣтельство, называющее этотъ «пожаръ» *Красною площадью*, а церковь — что на Красной площади у Старого Земскаго Двора. (Теперь зданіе, въ которомъ помѣщалась, тоже *старая* уже, шестигласная дума и помѣщаются другія присутственныя мѣста.) Но если сѣверовосточный уголъ этой мѣстности слышь, какъ и вся площадь, подъ именемъ Пожара, то юговосточный ея уголъ, гдѣ находится Лобное мѣсто, никогда не причислялся къ этому Пожару, т. е., къ площади, и никогда не обозначался выраженіемъ: что на пожарѣ или на площади. Ясно, что это былъ уголъ отдѣльный, это былъ Ильинскій крестецъ, на которомъ, противъ Спасскихъ воротъ и прямо противъ улицы Ильинки, и стояло Лобное мѣсто, быть можетъ — *въчевая стеньга* древней, еще княжеской Москвы, въчевая стеньга не въ смыслѣ новгородскомъ, а въ смыслѣ вотчинномъ, московскомъ, гдѣ московскіе первые князья или нѣ тысячи могли судить объ общихъ дѣлахъ съ людьми своего города, особенно съ торговыми людьми. Въ этомъ смыслѣ вѣче не умирало ни въ одномъ русскомъ городѣ.

Лобное мѣсто, названное такъ отъ взлобья или взгорья улицы, на которой оно стояло, отдѣлялось, въ XVI и XVII столѣтіи, отъ пожара-площади *мостомъ*, т. е., деревянною мостовою изъ Спасскихъ воротъ на Ильинку. Эта-то «мостовая» черта и служила границею Пожара, давая углу Лобнаго мѣста отдѣльное отъ площади положеніе и, стало быть, отдѣльный свой смыслъ и значеніе. Поляки, въ своихъ запискахъ 1606 года, называютъ этотъ именно уголъ *Лобнымъ рынкомъ*, а наши авторы неправильно распространяютъ это

обозначеніе на всю Красную площадь (см. выше), и называлась ее даже «Лобное».

Мѣстность Лобнаго мѣста и его отношеніе къ Красной площади, въ актахъ XVII столѣтія, обозначены слѣдующимъ образомъ: въ 1674 году, въ Вербное воскресенье, при торжественномъ выгдѣ, государь «казошлзъ притти на Лобное мѣсто... боево и околычїе и дуншые и ближїе люди стояли по близку Лобнаго мѣста, а стольники и стражїе и двореки стояли въ надолобахъ (родъ забора) отъ Лобнаго мѣста къ Спасскому мосту (Кремлевскїиъ вороты) на лѣвой сторонѣ; а мяки и гости стояли противъ Лобнаго мѣста къ надолобамъ, по конецъ большаго мосту (мостовой) къ Красной площади.... Свѣйскїе послы для смотрѣнїя поставлены были по конецъ Спасскаго мосту, за каменными перилами, на пясчєй площадной избушкѣ... гдѣ площадные подьячїе сидѣть и пишуть всякіе акты и слѣлки (Дворц. разр., т. III, 945—948). Ясно, что Красная площадь и Лобное мѣсто были раздѣльны и делились въ то время раздѣльно, какъ двѣ особыя, независимыя другъ отъ друга, мѣстности, отдѣленныя надолобами, перилами, вообще—перегородками, заборами.

Мы упоминали, что древнїй Пожаръ или площадь отдѣлялась также и отъ стѣны Кремля между Спасскими и Никольскими воротами широкимъ рвомъ, черезъ который изъ воротъ тянулись каменные мосты. У этого рва собственно и происходили казни; по его ливнѣ стояли и церкви, числомъ 15, сооруженныя надъ самыми мѣстами кроворазлитїя: «Казни царь Иванъ Васильевичъ на Москвѣ многихъ людей на площади, гостей и торговыхъ людей, и воинскихъ, на пожарѣ, надъ же мышъ стоять храмы по рву на костехъ казненныхъ и убіенныхъ и на крови поставлены» (Карамз. IX, пр. 309). Эти грозныя казни грознаго и кровожаднаго царя не могли не оставить особаго

впечатлѣнія въ памяти народа. Существуетъ легенда, рисующая, вѣроятно, упомянутое же событіе, и которая, кромѣ разсказовъ и записокъ современниковъ, можетъ достаточно характеризовать страшную мѣстность этого пожара-площади во времена Грознаго.

Легенда разсказываетъ: «Царь уразумѣ, что смерть царевичу Ивану (котораго онъ самъ зашибъ) учинилась отъ злыхъ мѣтениковъ, повелѣлъ *на жоуарь*, среди Москвы, уготовить 300 плахъ, а въ нихъ 300 топоровъ, и 300 палачей стояли у плахъ. Московскіе князья и бояре и гости, всякаго чину люди, зряще такую належашую бѣду, страхомъ одержими быша... Съ утра, въ 3 часѣ дни, царь выѣхалъ на площадь въ черномъ платьѣ и на черномъ кони съ сотники и съ стрѣльцы и повелѣ палачамъ имать по человѣку изъ бояръ, изъ окольныхчихъ, изъ стольниковъ, изъ гостей и изъ гостинной сотни, по росписи, именитыхъ людей... Взяли прежде изъ гостинныя сотни семь человѣкъ и казнили ихъ... Взяли, осмаго, именемъ *Харитона Блемуленева* и не могоша на плаху склонити; былъ великъ ростомъ и очень силенъ. И вскричалъ онъ къ царю съ грубостью: «почто царь великій неповинную нашу кровь проливаешь?» Многіе псари стали помогать палачамъ и едва могли приклонити его на плаху; отсѣкли ему голову, но отрубленная голова изспрянула изъ ихъ рукъ на землю и тамъ, сѣмо и овамо спрядывая, глаголала несвѣдомая... трупъ же его скочилъ на ноги свои и началъ трастися на всѣ стороны, обливая кровью вокругъ стоящихъ... многіе палачи сбивали съ ногъ тѣло и никакъ не могли его уронить.... а падающая съ него кровь, гдѣ упадала, тамъ еще больше свѣтлѣлась и играла красно вельми, какъ живая, и неотмывалась.... Все видѣвшій царь пришелъ въ смущеніе и страхъ и отъиде въ свои палаты. Палачи тоже остались недвижими. Въ 6 часѣ дни отъ царя пришелъ вѣстникъ и объявилъ всѣмъ помилованіе. Площадь

опустѣла, убраны были плахи и топоры; но трупъ Белеуленова трясся весь день и во 2 часъ ночи упалъ самъ на землю. На утро по царскому повелѣнію тѣла казненныхъ погребли ихъ сродники.» Легенда, разумѣется, ошибочно относитъ это страшное событіе къ 7082 (1574) году. Итакъ казни совершались на Пожарѣ, на площади, противъ рядовъ у рва, между Спасскими и Никольскими воротами, на довольномъ разстояніи отъ Лобнаго мѣста, которое стояло противъ Ильинской улицы, на ея крестѣ, отдѣльно отъ площади. Сказанія о казняхъ на этой площади, XVIII вѣкъ, скоро забывшій старину, отнесъ къ Лобному мѣсту потому, что, забывъ о его настоящемъ назначеніи, видѣлъ въ немъ только оригинальный и не совсѣмъ понятный монументъ старой исторіи. Карамзинъ, не обративъ должнаго вниманія на это обстоятельство, закрѣпилъ своимъ авторитетомъ соображенія своихъ современниковъ, а мы, по привычкѣ, безъ всякой повѣрки, слѣдуемъ укоренившемуся ошибочному представленію, толкуя его даже народнымъ преданіемъ. Все это можетъ служить весьма яркою характеристикю того, какимъ путемъ создаются наши мѣстные преданія. Мы еще встрѣтимъ въ этой книгѣ столько же яркія черты такой характеристики, указывающей, вообще, съ какою великою осторожностью, съ какимъ строгимъ критическимъ разборомъ должно поступать въ разработкѣ всякихъ даже и мелочныхъ фактовъ мѣстной исторіи.

Описывая Ваганьково, которыхъ было два, Старое въ Бѣломъ и Новое за Землянымъ городомъ, авторы говорятъ, что Старое показано въ лѣтописи подъ 1508 г. на урочищѣ *Козьей Борода*, стр. 153, (которое, напротивъ, въ лѣтописи показано въ Черторьи за Бѣлымъ городомъ), что это, вѣроятно, *бродъ* или *болото*, ибо «на старомъ Ваганьковѣ могло быть *болото* отъ дождей въ весеннее время»; что «на

этомъ самомъ «Козьемъ болотѣ» стояли нѣмецкіе острожки, отбитые въ 1610 году русскими». Такова снѣсь свидѣтельствъ о мѣстахъ совершенно различныхъ, ибо послѣднее, «Козье болото» (1610 г.), есть уже не Ваганьково, а именно *Козиха*, какъ можно вполне убѣдиться изъ лѣтописнаго разсказа (Лѣт. о мятеж., 221). Не смотря на то, дальше авторы положительно говорятъ, что въ 1508 году тамъ, на Ваганьковѣ, стояла церковь Благовѣщенія съ придѣломъ Николы, тогда-какъ придѣлъ былъ во имя Троицы, а во имя Николы была тамъ особая церковь, которой придѣлы авторы отнести къ Благовѣщенской же, стр. 154. О новомъ Ваганьковѣ авторы ничего почти не говорятъ, а оно не менѣе стараго важно въ историческомъ отношеніи. Они дополняютъ, въ концѣ книги, стр. 199, что тамъ, 1683 года, былъ потѣшный звѣринный и царенный дворы, а въ текстѣ указываютъ, что «съ умноженіемъ населенія на старомъ Ваганьковѣ отведено было мѣсто на новомъ для церкви и кладбища въ 1696 году». Выше мы говорили о Ваганьковѣ новомъ, подлѣ котораго въ это время находилось новое село Воскресенское съ государевымъ авромъ.

Переходимъ къ главѣ: *Урочища юридическаго и административнаго* быта. Вначалѣ сдѣлано короткое, «поверхностное обозрѣніе», какъ сознаются авторы, довольно сбивчивое, отрывочное, разныхъ урочищъ, указывающихъ, вообще, или на городскую жизнь древней Москвы или на мѣста ея управленія. Между тѣмъ, послѣ вступленія, стр. 169, позволительно было ожидать, если не полнаго, то болѣе обстоятельнаго очерка внутренней московской жизни. Къ сожалѣнію, авторы думаютъ, что только по однимъ именамъ урочищъ можно возстановить эту жизнь, забывая вовсе, что

для этого предмета существуют неоглядные груды матеріаловъ въ тѣхъ же архивахъ, въ которыхъ, къ великому сожалѣнію, они съ такою заботливостію отыскивали лишь одни имена урочищъ. Но и самыя имена урочищъ, съ точки зрѣнія этого вопроса представляютъ тоже добрый матеріалъ. Стоило только обратить на него вниманіе, посмотреть на него окомъ ученаго изыскателя, а не простаго рассказчика, гдѣ что было. Стоило только распределить эти имена по отдѣламъ, оглавленія которыхъ указывали бы различныя стороны городского быта древней Москвы, напримѣръ: судъ, управленіе, торговля, ремесла, промыслы, даже увеселенія, и т. д. Подъ всѣ подобныя заглавія можно поставить ряды урочищныхъ именъ. Одна такая роспись уже наглядно ознакомила бы съ условіями и силами этого быта. Такая роспись съ бѣльшею пользою могла бы замѣнить отрывочное вступленіе къ этой главѣ, единственный смыслъ которой заключается именно въ раскрытіи древняго московскаго городского быта. Мы полагаемъ, что и самый текстъ урочищъ полезнѣе было бы, вмѣсто церковныхъ *сороковъ*, распределить именно по такимъ рубрикамъ, если топографическое ихъ распределеніе оказалось почему-то ненужнымъ. Но возвратимся къ тому, что сдѣлали авторы.

За вступленіемъ слѣдуютъ статьи: урочища — Ивановская площадь, Московскіе крестцы; Поля, какъ судебныя поединки, Толмачи — и только! Непонятно, почему въ этотъ же отдѣлъ не попала *Божедомка*, помѣщенная въ урочищахъ историческихъ. Само собою разумѣется, что всякое урочище — прежде всего историческое, о чемъ, впрочемъ, авторы, кажется, мало думали; а затѣмъ оно же можетъ выражать и какое-либо бытовое явленіе или условіе, по которому и относится въ область городского быта. *Божедомка* — замѣча-

тельное явленіе общественной жизни, столько же урочище историческое, сколько *административное* или *юрмидическое*, ибо ея цѣлью и заботою было приращеніе убогихъ мертвыхъ.

Въ статьѣ: *Московскіе крестцы* — авторы не даютъ отчетливаго понятія о томъ, что такое крестцы. Сначала они говорятъ, что это *перекрестки, распутіа*, стр. 176; затѣмъ, вдругъ оказывается, стр. 178, что изъ трехъ китай-городскихъ крестцовъ одинъ, сохранившій донныѣ свое названіе, Варварскій, простирается *по всей почти* Варварской улицѣ; что «Никольскій крестецъ, стр. 181, заключаетъ *почти всю* Никольскую улицу съ средоточіемъ у монастыря Николы стараго» (греч. мон.); что «Ильинскій крестецъ, стр. 185, заключенъ въ предѣлахъ Ильинской улицы съ ея Ильинскимъ торговищемъ; что на такомъ незначительномъ пространствѣ, каковъ Ильинскій крестецъ *сосредоточивалось* столько замѣчательныхъ памятниковъ городской жизни и административнаго быта, т. е.: Лобное мѣсто, Лобная, нынѣ Красная площадь, Тиунская или Поповская изба» (находившаяся, однакожь, у Василя Блаженнаго, ближе къ Варваркѣ). Такимъ образомъ, крестецъ, изъ простаго перекрестка переходитъ ужъ въ самое неопредѣленное пространство: то — *почти вся* улица, то — улица и съ торговищемъ и съ Красною площадью.... Съ какииъ же понятіемъ о крестцѣ остается соображеніе читателя? Неужели и въ самомъ дѣлѣ цѣлыя улицы носили ими и имѣли значеніе крестцовъ, т. е., въ сущности, все-таки перекрестковъ, Если это было такъ, то было необходимо объяснить и причину, почему такъ было. Дѣйствительно, напримѣръ, церкви Варвары, Максима Испов., Воскресенья (даже «на Пяти улицахъ»), Іоанна Предтечи, Георгія («подлѣ Варварскаго крестца, къ тѣрзамъ»), стоявшія по Варваркѣ, обознача-

лись, что на Варварскомъ крестцѣ или *у*, *подлѣ* Ваврарскаго крестца. Но эти церкви стояли именно на перекресткахъ улицы и ея переулковъ, такъ-какъ стояли на перекресткахъ Ильинки церковь Пророка Ильи, Дмитрія Селунскаго; на Никольской: Казанской Богородицы, Жень-мироносицъ (у Печатнаго двора), также обозначавшіяся: *что на крестцѣ*. Тѣ же церкви, которыя стояли не на перекресткахъ, не обозначались выраженіемъ: *что на крестцѣ*, напримеръ, на Ильинкѣ — Никола большой крестъ, на Никольской—Спасъ старый, церковь Владимирской Богородицы. Изъ этого очевидно, что нѣсколько уличныхъ перекрестковъ носили одно имя своей улицы и другъ отъ друга никакимъ другимъ обозначеніемъ не отличались; стало быть, крестцомъ прозывался собственно только перекрестокъ улицы, главнымъ образомъ — площадь этого перекрестка, или же, вообще, та мѣстность улицы, которая лежала въ предѣлахъ такихъ перекрестковъ. Если нрѣдка, при обозначеніяхъ мѣстности, и протяженіе всей улицы неопредѣленно именовалось крестцомъ, отъ преобладающаго значенія на ней перекрестковъ, то, намъ кажется, эта неопредѣленность не могла служить характеристикой при выясненіи существеннаго смысла уличнаго крестца. Въ наукѣ необходимо распутывать, а не запутывать еще болѣе подобныя узлы. Крестецъ, вообще, и особенно въ Китай-городѣ, до сихъ поръ носящемъ имя *города* въ исключительномъ смыслѣ по преимуществу торговой части Москвы, по естественной причинѣ былъ самымъ бойкимъ мѣстомъ, мѣстомъ многолюдья, которое толпилось тутъ за разными надобностями съ утра до вечера. Поэтому, *крестецъ*, какъ вообще *всегдашній* торгъ, всегдашній базаръ, являлся необходимымъ мѣстомъ для цѣлей старинной правительственной публичности, гласности. На *торгу*, на торговой площади, объявлялись указы и всякія распоряженія го-

сударственного и городского управления. Очень понятно, почему и Лобное мѣсто, эта государева трибуна, находится у торгу, у Ильинскаго крестца. Крестцомъ, однакожь, вовсе не условливалось *цѣлованіе креста* (присяга), какъ можно заключить изъ описанія Никольскаго крестца, куда авторы сближаютъ и это цѣлованіе. Между крестцомъ и цѣлованіемъ креста никакого соотношенія не было. Цѣловали крестъ у Николы стараго, но этотъ монастырь вовсе не былъ *средоточіемъ* Никольскаго крестца, хотя и стоялъ у перекрестка улицы. Кстати, по поводу цѣлованія креста, отмѣтимъ слѣдующее: на стр. XXIII авторы пишутъ: «Тогда (при царѣ Михаилѣ) у Троицы въ Старыхъ поляхъ уже прекратились судебные поединки, ихъ замѣнило крестное цѣлованье въ тяжбныхъ дѣлахъ на Никольскомъ Крестцѣ и *въ Зарядь у церкви св. Николая*». За тѣмъ на стр. 185 авторы дополняютъ: «Вѣроятно и урочище церкви свят. Николая близъ Ильинскаго крестца, названо у *большаго креста*, также потому, что и здѣсь приводили къ крестному цѣлованью. Въ описи Китай-города 1629 года значится близъ городовыя стѣны на югъ, у Кузьмедемьяновскихъ (бывшихъ тогда) воротъ *церковь святителя Николая, здѣ крестъ цѣлуютъ*. Такимъ образомъ, заключаютъ авторы, при случавшихся верѣяко спорахъ, въ этомъ средоточіи торговли и промышленности, *при трехъ храмахъ Николая Чудотворца*, приводили тажущихся къ крестному цѣлованью». Для довѣрчиваго читателя, конечно, всего этого достаточно. Онъ будетъ знать, что судебная присяга въ XVII ст. совершалась при *трехъ* храмахъ Николы Чудотверца. О третьемъ храмѣ приведенъ подлинный текстъ, указанъ источникъ. Чего же больше. Не справляться же самому о всякой строкѣ. Не если читатель, съ цѣлью узнать подробности это свидѣтельство,

развернуть указанный источник, онъ къ сожалѣнiю узнаеть, что у Кузюдемьянскихъ бывшихъ воротъ, хотя и существовала церковь св. Николая, которую тогда, въ 1629 г., еще только сооружали, но вовсе не та церковь обозначена выраженiемъ: *здѣ крестъ цѣлуютъ*, а обозначенъ такъ дворъ владѣльца Ив. Костина, *'подьячаю отъ Николѣ*, *здѣ крестъ цѣлуютъ*, т. е. который состоялъ на службѣ у крестнаго цѣлованья. Никола же, гдѣ крестъ цѣлуютъ, въ томъ же источникѣ (Акты Ист. III, стр. 91, 94) названъ: *«Никола Старый... въ искѣхъ велѣти срочити къ крестному цѣлованью, къ Николѣ Старому, по утрамъ... и для обереженья велѣно быти у крестнаго цѣлованья дворянину да подьячему да съ ними съ сотенъ цѣловальникамъ... у крестнаго цѣлованья у Николы Старого цѣловати крестъ, который крестъ будетъ написанъ съ Распятiемъ и съ Дѣянъемъ»*. Подьячiй, состоявшiй на службѣ при этомъ крестномъ цѣлованьи жилъ и имѣлъ дворъ не въ Китаѣ, а за Китай-городскою стѣною, близъ Кузюдемьянскихъ воротъ. Повсему вѣроятiю крестъ цѣловали не у трехъ Николѣ, а у одного только Николы Старого, на Никольской, въ монастырѣ. Очень естественно, что два—три подобныхъ объясненiя наведутъ на читателя большое сомнѣнiе въ вѣрности и многихъ другихъ показанiй этой книги.

Остановимся еще на статьѣ: *Поля, какъ судебныя поединки*. «О такихъ Поляхъ—говорятъ авторы—напоминаетъ намъ урочище церкви Троицы на Никольской въ *старыхъ поляхъ*, у *старыхъ полѣ*, теперь: *въ поляхъ*, «гдѣ, въ XVI вѣкѣ, ся поля били». Въ Бѣломъ-городѣ, урочище церкви св. Пятницы Парасковен (Бѣлогрiтскiе, что позадь Житнаго ряду) въ Охотномъ ряду, въ актахъ 1631 года обозначено у *полѣ* и у *старыхъ полѣ*. (Припомнимъ тутъ же

недалеко стоявшую церковь Великомученицы Анастасіи, на Житной площадкѣ, у моль.) Татищевъ *указываетъ* мѣста судебныхъ поединковъ при церкви св. Георгія Побѣдоносца, по урочищу, въ *молахъ* и на *вспольѣ*, а Голиковъ — около того мѣста, гдѣ нынѣ храмъ Покрова Божіей Матери въ Кудринѣ, который въ рукописяхъ XVII вѣка называется Покровскій на *поль* и на *полянѣ*. Изъ этого можно заключить — оканчиваютъ авторы—что судебныя битвы, дозволенныя закономъ, происходили не въ одномъ Китай-городѣ, но и въ другихъ частяхъ Москвы», стр. 189.

А намъ изъ *этого* позволительно заключить, что, при всѣхъ упомянутыхъ церквахъ, никакихъ *судебныхъ моль* не бывало, что это все позднѣйшія басни, соображенія, основанныя на сходствѣ, на сближеніи словъ, что церкви обозначали только поля, *всполья* въ собственномъ смыслѣ, и прежде всего китайгородская *Троица старыхъ моль*, или у старыхъ моль, стоявшая первоначально по конецъ посада, а потомъ города Китая, у *Кучкова поля*, гдѣ еще и въ концѣ XVI ст. существовало *полюе мѣсто*. (Кар. XI, пр. 34.) Когда поле застроилось, церковь стала обозначаться у *старою поля* или у *старыхъ моль*, у *полей*, по общему обычному употребленію урочищныхъ именъ и во множественномъ числѣ, какъ отмѣчаютъ и авторы на стр. 11, § 6. Сравн. также Замоскворѣцкую улицу и площадь Полянку; урочище *Полянки* въ Бѣломъ городѣ близъ Знаменки, гдѣ стояла некогда церковь Ев. Луки на *Полянкахъ*.

Гдѣ несомнѣнное, прямое, фактическое указаніе по которому возможно было бы связывать съ этою церковью у обыкновеннаго поля и мѣсто судебного поля? Если оно существуетъ, то необходимо выставить это впереди всего. Ни Татищевъ, ни Голиковъ не знаютъ его и указываютъ свои цер-

кви единственно по сходству словъ. Алексѣевъ, въ Церковномъ Словарѣ, указываетъ свое поле у Троицы въ поляхъ въ Китай-городѣ, и рассказываетъ объ этомъ древнее преданіе, присовокупляя слово *яко-бы* и выражая тѣмъ нѣкоторое сомнѣніе въ вѣроятности преданія. Намъ кажется, что это преданіе, какъ и очень многія другія, сочинено въ его время. Если Татищевъ долженъ былъ прибѣгнуть къ соображенію о «Георгіѣ въ поляхъ» (Егорья на Вспольѣ), то понятно, что Троица въ поляхъ подавала еще бѣльшій поводъ къ сочиненію преданія, находясь вблизи Кремля и, слѣдовательно, вблизи суда ¹⁾. Алексѣевъ такъ рассказываетъ: «Есть древнее преданіе, что въ городѣ Китай, что въ Москвѣ близъ Никольскихъ воротъ, напредь сего были три полянки съ нарочною канавою, у которой по сторонамъ ставши соперники, и наклонивши головы, хватали другъ друга за волосы, и кто кого перетянетъ, тотъ и былъ правъ, отчего *якобы* до днесь осталось урочищу прозваніе у *«Троицы въ поляхъ»* (Церк. Словарь, ч. III, Спб. 1848).

Авторы прибавляютъ къ этому, стр. 193: «Побѣжденный долженъ былъ перенести побѣдителя на своихъ плечахъ черезъ Ноглинную. Предъ такимъ поединкомъ иногда предлагали соперникамъ и ширвою, о чемъ напоминаетъ намъ старая

¹⁾ Однако наше сомнѣніе объ урочищѣ Троицы въ поляхъ опровергается свидѣтельствомъ Лѣтописи, Барана. VIII, пр. 64, въ которой о нестройнѣ Китай города въ 1534 г. говорится между прочимъ: „Въ нязвѣ возлѣ городъ Китай дѣлати и торги всѣ ввести въ городъ, отъ Никольскихъ (времлевскихъ) воротъ по Ноглиннѣ вверхъ къ Троицѣ, гдѣ съ мола были, да по Ивановъ дворъ Чалыдина“ и пр. Авторы, какъ видѣли, приводятъ эти слова, но не даютъ ни въ надлежащемъ вѣсѣ и ставить ихъ въ рядъ съ полемъ въ обычномъ смыслѣ, что необходимо и приводитъ въ сомнѣнію, которое во всякомъ случаѣ не будетъ бесполезно, ибо возбуждаетъ требованіе точнѣе и отчетливѣе отдѣлать въ названіи урочищъ поле судебное отъ поля топографическаго.

пословица: Подавайся по рукам! легче будет волосам! Въ противоположъ случаѣ, они хвстались, какъ говорятъ, за **свѣтлые волосы**. Но пословица не значитъ: **подавать руки на ниръ, бить по рукамъ, какъ дунуть, авторъ, а значитъ, что когда деруть за волосы—подавайся по рукамъ, куда тянуть руки, будетъ легче волосамъ.** Такииъ способъ, складывалъ нюгя преданія покойный Макаровъ (Русскія преданія. М. 1838—1840). Вотъ, напр., что рассказываетъ онъ о **Прѣсьи**: «Гостепріимная Россія нѣла въ старину свои обычаи для своихъ гостей. Гости новгородскіе, смоленскіе, нѣнцы, люди отъ свейскаго народа не нѣли въ Москвѣ **мѣста безъ договора.** Безъ осуды святительской, безъ приговора князя Великаго не ступали **нежданне** по землямъ города Русскаго!... Для гостей заѣзжихъ была слобода **прѣздная**, и въ этой **прѣзднѣ** отбирала у гостя показаніе по крестному дѣлованью: какъ, зачѣмъ и по какому дѣлу прѣѣхалъ онъ на Русь православную. Въ познѣйшее время, слобода **прѣздная**, со всѣми ея приселками поступила во власть и дань царевичей грузинскихъ—усердныхъ слугъ государей московскихъ; и вотъ, **прѣздня** скоро изъ прѣздни преобразовалась въ **прѣстѣлю** и въ **Прѣсью**!...» Разсказъ почти вѣроподобный, хотя и нельзя ручаться за историческую достовѣрность — оговаривается авторъ этого разсказа, взятаго нѣтъ (будто бы) изъ рукописи своего родственника Кропотова. «При этомъ къ нѣсту будетъ замѣтить—продолжаетъ авторъ — что и въ другихъ нашихъ городахъ есть еще слободы **въздная** и **выздная.** Это сколокъ, можетъ быть, съ родоваго обычая». Мы полагаемъ, что основаніемъ этой сказкѣ-складкѣ послужило сблженіе словъ: **въздная** слободы и **прѣздная**, которыхъ, если и не было на самомъ дѣлѣ, такъ онѣ должны были явиться вслѣдствіе указаннаго соображенія. Очень жаль, что авто-

ры, во многих мѣстахъ своей книги, слѣдуютъ и теперь этому застарѣлому, вовсе не научному приему объяснять наши древности, который въ такомъ ходу былъ въ первыя времена нашей исторической и археологической науки, именно въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

ПО ПОВОДУ СЕМИСОТЛѢТІЯ МОСКВЫ ВЪ 1847 Г.

«Приди ко мнѣ, брате, въ Московъ.»

Такъ Суздальскій Князь Юрій Владиміровичъ звалъ къ себѣ на пирь Сѣверскаго Князя Святослава Ольговича и такъ *первые* записано въ лѣтописи имя Москвы.

Это случилось въ 1147 году.

«Святославъ же ѣха и тако любезно цѣловастася въ день пятюкъ на Похвалу Святей Богородици, говоритъ лѣтопись, и тако быша весели. На утрій же день повелѣ Гюрги устроить обѣдъ силенъ и створи честь велику. . . .¹⁾

Итакъ, Князья съѣхались въ Москвѣ въ пятницу на пятой недѣлѣ Великаго Поста, — день, который принимается первымъ въ историческомъ существованіи Москвы.

Исторіографъ, исправивъ ошибку Татищева, который отнесъ этотъ день къ 28-му іюля, сказалъ, что «сей день въ 1147 году былъ 28-го марта»²⁾.

Въ лѣтописяхъ не встрѣчается ни мѣсяца, ни числа при этомъ событіи.

Не знаемъ откуда заимствовалъ исторіографъ это показаніе, чѣмъ руководствовался при вычисленіи этого дня, но зна-

¹⁾ Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей Т. II стр. 29.

²⁾ Барамзинъ, Н. Г. Р. изд. 2, т. II. стр. 216, прим. 301.

емъ, что, при нашихъ теперешнихъ печатныхъ средствахъ, мы можемъ опредѣлить время этого событія вѣрнѣе, отчетливѣе, нисколько не оскорбляя памяти великаго писателя.

Развернемъ небольшую, но весьма полезную и вѣроятно известную всѣмъ занимающимся Русскою Исторіею книжку, изданную г. Тромоннымъ въ 1842 году подъ заглавіемъ: «Легчайшее руководство для узнанія, въ каждомъ изъ прошедшихъ и будущихъ годовъ, числъ Пасхи Христовой и переходящихъ праздниковъ и постовъ, малыхъ Индиктовъ, числъ недѣльныхъ, дней новаго года и пр. и пр. необходимыхъ при повѣркѣ лѣтописей и другихъ Славяно-Русскихъ памятниковъ древности.»

Въ этой книжкѣ, на 10 страницѣ указано что Пасха въ 6655 (1147) году была 20-го апрѣля, слѣдовательно пятница на пятой недѣлѣ Великаго поста была 4-го апрѣля же.

И. М. Снегиревъ, въ своемъ Обзорѣніи Москвы, напечатанномъ въ 1844 г. въ Моск. Вѣд., замѣтилъ уже эту ошибку и сказалъ, едвали не въ первый разъ, что съѣздъ Князей въ Москвѣ былъ 4-го апрѣля, а не 25-го марта.

Но можетъ быть кто усомнится въ этомъ и потребуетъ доказательствъ, почерпнутыхъ изъ лѣтописей.

Хронологія нашихъ лѣтописей во многихъ мѣстахъ до того запутана, что приводитъ въ тупикъ самаго трудолюбиваго изслѣдователя и ожидаетъ еще дѣлателя, котораго труды также необходимы теперь, какъ было необходимо издать и самыя лѣтописи.

На той страницѣ лѣтописи, гдѣ въ первый разъ промолвлено о Москвѣ, хронологическое показаніе оказывается очень вѣрнымъ, точнымъ и подтверждаетъ Легчайшее руководство г. Тромонина.

Такъ — при описаніи событій 6654 года, лѣтопись между прочимъ говоритъ: «въ то же время преставился Иванко Гюр-

госичъ мѣсяца Февраля въ 24, въ понедѣльникъ на ночь наславное недѣль».

Иванко Гюргевичъ былъ сынъ Князя Юрія, предполагаемаго основателя Москвы, и сподвижникъ Князя Святослава Ольговича, котораго Юрій пригласилъ на царь въ Москву.

Теперь заботитъ нужно, что февраль былъ послѣднимъ мѣсяцемъ 6654 года отъ сотв. Мира, потому что годъ въ то время начинался съ 1-го марта. Итакъ, если понедѣльникъ наславницы былъ 24-го февраля 6654 г., то сыроусть приходился уже въ 6655 г. 2-го марта, а пятница пятой недѣли великаго поста, т. е. день прїѣзда князей въ Москву, 4-го апрѣля и не какъ не 28-го марта.

Точно такой порядокъ въ дняхъ былъ и въ 6749—6750 (1242) году. Въ этомъ году Александръ Невскій съ Новгородцами разбилъ Нѣмцевъ и Чудь, и лѣтописецъ говоритъ: «ближеа мѣсяца Априля въ 5 день, на Похвалу Богородици въ субботу»¹⁾.

То же самое повторилось и въ 6923—6924 (1416) году²⁾ съ тою разницею только, что февраль 6923 года отъ С. М. принадлежалъ, но точному переводенію на наше лѣтосчисленіе отъ Р. Х., не къ 1415, а къ высокосному 1416 году и потому Пасха была апрѣля 19, а пятница пятой недѣли великаго поста 3-го Аарѣля. Въ этомъ мѣстѣ лѣтописецъ, при означеніи чиселъ, показываетъ и дни мѣсяца, — слѣд. повѣрить нами слова и убѣдиться въ справедливости ихъ, весьма легко.

И такъ заключивъ, что *семь сотъ лѣтъ* историческаго существованія Москвы исполнится въ 1847 году не 28-го марта, какъ говорятъ, а *4-го апрѣля въ пятницу на Воминой недѣль*.

¹⁾ Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей Т. III. стр. 54.

²⁾ Тамъ же стр. 106.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ замѣтить слѣдующее: хотя Комитетомъ, учрежденнымъ 13 марта 1835 г. для составленія описанія Архивовъ и было предложено правило: при переводѣ лѣтъ, считаемихъ отъ С. М., въ годы, считаемие отъ Р. Х., вычитать изъ числа лѣтъ отъ С. М. 5508, если напр. актъ января или февраля,—и 5509, когда актъ другихъ мѣсяцевъ; однако внимательное чтеніе лѣтописей показало намъ, а приведенные нами факты подтверждали, что при переведеніи лѣтъ, считаемихъ отъ созданія міра съ 1-го марта на наше лѣтосчисленіе отъ Р. Х., должно руководствоваться вычитаніемъ не 5509, а 5508, если событіе относится къ мѣсяцамъ съ марта по январь—и 5507, если происшествіе случилось въ январѣ или февралѣ. Приведемъ еще примѣръ: Батыево нашествіе на Русь случилось зимою 6745 года. Въ недѣлю мясопустную (воскресенье) 7 февраля онъ осадилъ Владиміръ; затѣмъ: взяша городовъ 14, опрочъ слободъ и погостовъ, въ одинъ мѣсяць февраль, *кончаваящуюся 45-му лѣту*, ибо за февралемъ 6745 г. слѣдовалъ мартъ—новый годъ—6746-й. Чѣмъ же будемъ руководиться, дабы вѣрно перевести эти указанія на наше лѣтосчисленіе? Мясопустъ (воскресенье) на 7 февраля приходился въ 1238 г., между тѣмъ по указанному правилу, при вычетѣ для февраля 5508, это 7 февраля окажется принадлежащимъ къ 1237 году, когда Мясопустъ былъ 22 февраля. Ясно, что при мартовскихъ годахъ требуется вычетъ, на январь и февраль, 5507, а для остальныхъ, т. е. предъидущихъ мѣсяцевъ—5508. Въ такомъ только случаѣ дни недѣли и числа мѣсяца размѣщаются въ годахъ въ надлежащемъ пасхальномъ порядкѣ.

ТРИ НЕИЗВЕСТНЫЯ ГРОБНИЦЫ

въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ.

Въ Московскомъ Архангельскомъ Соборѣ, древней Царской усыпальницѣ, въ сѣверо-западномъ углу, рядомъ съ надгробницею Царя Василія Ивановича Шуйскаго, есть три неизвестныя гробницы безъ надписей, безъ преданія о томъ, кто въ нихъ погребенъ.

Нѣкоторые описатели собора приписывали ихъ разнымъ лицамъ, основываясь большею частію на однихъ предположеніяхъ. Одни думали, что въ двухъ изъ нихъ погребены братья Царя Василія Ивановича Шуйскаго, котораго прахъ, какъ мы упомянули, покоится тутъ же; а въ третьей Кн. В. В. Голыцынъ, сотоварищъ Филарета Никитича по посольству и плѣну въ Польшѣ, умершій тамъ вмѣстѣ съ Шуйскими *. Такое предположеніе основано единственно на томъ, что подлѣ сихъ гробницъ находится гробница Царя Василія Шуйскаго, прахъ котораго, покоившійся 23 года въ Варшавѣ, вывезенъ въ Москву по желанію Царя Михаила Федоровича въ 1635 году и, какъ прахъ Помозанника, занялъ принадлежавшее ему мѣсто на общемъ царственномъ кладбищѣ. Но уже это одно обстоятельство уничтожаетъ всякое вѣроятіе о погребеніи

* Русская Библія Т. II, статья: Архангельскій Соборъ.

рядомъ съ несчастнымъ Царемъ его братьевъ. Ни братья Шуйскаго, ни Кн. Василій Голицынъ (умершіе также въ Польшѣ) въ это время, въ 1635 году, не могли быть положены въ соборѣ, рядомъ съ лицами царскаго рода, потому особенно, что значеніе собора, какъ родовой царской усыпальницы, было священно, неприкосновенно и ни въ какомъ случаѣ не допустило бы такого отступленія въ пользу лицъ, вовсе не принадлежавшихъ къ царскому дому, какъ Кн. Голицынъ, или принадлежавшихъ, но къ династии, которая угасла. Если гробница Скопина-Шуйскаго, находящаяся впрочемъ въ придѣлѣ собора, и указываетъ на подобное отступленіе, то въ этомъ случаѣ нужно припомнить, что Скопинъ, племянникъ Царя Василья, былъ погребенъ еще при жизни сего Государя. Говорятъ еще, что въ двухъ гробницахъ схоронены Князь Андрей Ивановичъ, дядя Грознаго, и Василій, младенецъ, сынъ Грознаго, умершій въ 1563 г. Это мнѣніе, отчасти достоверное, можетъ по крайней мѣрѣ утвердиться на томъ, что, по указанію лѣтописей, помянутыя лица действительно были погребены въ Архангельскомъ Соборѣ.

Впрочемъ всѣ эти предположенія высказаны только по поводу общаго обзоренія достопримѣчательностей сего собора. Поэтому мы должны обратиться къ труду чисто спеціальному въ этомъ отношеніи, именно къ „Памятникамъ Московской Древности“, Снегирева, которые по времени своего появленія (1842—1845 г.) представляютъ итогъ всего, что было сдѣлано въ этомъ отношеніи прежде.

Тамъ, между прочимъ, говорится: подлѣ сей гробницы (Царя Василья Шуйскаго) находятся еще три сомнительныя, безъ надписей; но по некоторымъ лѣтописямъ оказывается:

1) *XXIII гробница*, Великаго Князя Юрья Даниловича Московскаго, который былъ на великомъ княженіи девять лѣтъ,

убить въ орлі отъ Князя Дмитрія Михайловича Тверскаго, въ 1326 году: тѣло его по повелѣнію Царя Азбѣка Ординскаго привезено въ Москву и погребено въ церкви Святаго Архангела Михаила, Петроуъ Митрополитовъ, въ церкву субботу Великаго поста, того жъ года⁴.

2) *XXIV гробница*, Князя Ивана Ивановича Малаю. О семь князѣ въ *писемномъ Хронографѣ* находится слѣдующее: „Въ лѣто 6872 (1364) престависъ Князь Иванъ Ивановичъ, глаголемый *малый*, братъ Князя Дмитрія Ивановича и положенъ бысть на Москвѣ, въ церкви Архангела Михаила на площади⁴. Свидѣтельство сіе подтверждаетъ изображеніе на стѣнѣ ангела его Св. Іоанна Богослова.

3) *XXV гробница*. Какъ между Князьями удѣльными, потребными въ семь соборѣ, не находится Галицкаго Князя Дмитрія, по свидѣтельству лѣтописи положеннаго здѣсь въ 1441 году; то, вѣроятно, крайняя къ стѣнѣ гробница покрываетъ его тѣло; предъ нею на стѣнѣ изображенъ въ сѣнѣ Князь Дмитрій Александровичъ ¹⁾“.

Въ отношеніи гробницы В. К. Юрія Даниловича, самъ авторъ въ примѣчаніи говоритъ, что по другимъ свидѣтельствамъ она находится въ Успенскомъ Соборѣ, при описаніи котораго ²⁾, онъ и помѣстилъ ее въ придѣлѣ Св. Великомученика Дмитрія. Слѣдовательно авторъ предполагаетъ гробницу В. К. Юрія въ двухъ соборахъ и повидному болѣе вѣроятія даетъ погребенію Великаго Князя въ Архангельскомъ соборѣ, потому что вноситъ его гробницу въ общій счетъ Великокняжескихъ и Царскихъ надгробій сего собора.

¹⁾ Пам. Моск. Др. стр. 70.

²⁾ Тамъ же, стр. 9.

О мѣстѣ погребенія В. К. Юрія Даниловича лѣтописи говорятъ различно. Софійскій Временникъ, ¹⁾ Продолжатель Нестора. ²⁾ Древній Лѣтописецъ, ³⁾ повѣствуютъ объ этомъ такъ: „и привезоша его (Ки. Юрія) на Москву и положиша у Архангела Михаила въ церкви на десной странѣ, въ первую субботу поста“. А другіе—Русской Временникъ, Лѣтописецъ, изданный Львовымъ ⁴⁾, напротивъ говорятъ (и справедливо, какъ увидимъ ниже), что Ки. Юрій „положенъ бысть въ церкви Св. Великомученика Дмитрія, у Пречистыя Богородицы соборныя въ придѣлѣ, на правой странѣ“. Это послѣднее свидѣтельство подтверждается вполне послѣдующими событіями. —

Въ 1472 году, во время перестройки новаго Успенскаго Собора, когда старый былъ разобранъ, мощи В. К. Юрія были взяты и въ 1479 году положены на уготованномъ мѣстѣ въ новомъ, тогда уже отстроенномъ, соборѣ. Съ этимъ согласенъ даже и тотъ лѣтописецъ, который сказалъ, какъ видели выше, что Князь Юрій погребенъ былъ въ Архангельскомъ Соборѣ. Вотъ его слова: „тогоже мѣсяца (Августа 1479) въ 28 день пренесеніе бысть пресвященныхъ митрополитъ Кипріяна и Фотея и Іоны чудотворца, и Θεогнаста и *Князя Юрія Даниловича* и пресвященнаго митрополита Филипа“.... ⁵⁾. Но особенно подробное и обстоятельное описаніе этого событія находимъ въ Русскомъ Временникѣ: „егдаже разбихась церковь“, говоритъ эта лѣтопись, „и тогда выняша изъ стѣны въ церкви святаго Великомученика Дмитрія, мощи

¹⁾ Софійскій Временникъ, М. 1820 I, стр. 315.

²⁾ Лѣтописецъ отъ 1206—до 1534, М. 1784. стр. 79.

³⁾ Древній Лѣтописецъ, Сиб. 1774. I, стр. 115.

⁴⁾ Русс. Вр. М. 1790. I, 163. Лѣтописецъ Русской, Сиб. 1792, II, 83.

⁵⁾ Лѣтописецъ, отъ 1206 до 1534 гѣта, который слушать продолженіемъ Несторову Лѣтописцу, М. 1784 стр. 293.

князь Георгіевы Даниловича, Великого Князя Московскаго, и вложивше въ раку древяну, и поставивша на гробѣ Феогноста Митрополита, надъже была церковь поклоненіе честныхъ веригъ Святаго Апостала Петра; и егда зиждущіи церковь уготоваша мѣсто въ той же церкви Святаго Великомученика Дмитрія, и вложше мощи Великого князя Георгія въ стѣнѣ на той же южной странѣ, отпѣвше надгробная⁴. Дальше лѣтопись повторяетъ: „Потомъ же и великаго князя Георгія Даниловича мощи въ древянѣ гробѣ взявше и положиша въ церкви святаго Дмитрія, въ *застѣлкѣ*, въ землю, съ мостомъ ровню, и учинивша надъ нимъ гробницу.... И потомъ начаша вечерню, и потомъ панихиду по всѣхъ митрополитѣхъ и по великомъ князѣ Георгіѣ Даниловичѣ“¹). Мы думаемъ, что послѣ такого положительнаго свидѣтельства едва ли можно сомнѣваться, что Князь Юрій погребенъ не въ Успенскомъ Соборѣ, и напрасно отыскивать его гробницу въ соборѣ Архангельскомъ.

Слѣдующую гробницу, № XXIV, Памятники приписываютъ Князю Ивану Ивановичу Малаго (6872—1364), ссылаясь на письменный хронографъ. Не знаемъ, нужно ли дѣлать ссылку на письменный хронографъ, немногимъ извѣстный и, главное, неизвѣстно гдѣ находящійся, когда и Карамзинъ²) и нѣкоторые изъ лѣтописей единогласно говорятъ о погребеніи сего Князя въ Архангельскомъ Соборѣ³). Да притомъ слова хронографа находятся и въ „Путеводителѣ къ Древностямъ и Достопамятностямъ Московскимъ“⁴) отъ слова до слова, о преставленіи Кн. Ивана Ивановича Малаго

¹) Русскій Временникъ II. стр. 77 и 124.

²) И. Г. Р. т. V, прил. 3.

³) Напр. Львовская 2, 132, Древній Лѣтописецъ, 239.

⁴) Путеводитель къ Древн. и Достоп. Московскимъ, II. 1792, ч. II, стр. 177.

и погребеніи его въ Архангельскомъ Соборѣ. Какъ бы то ни было, но изъ этого указація нельзя еще заключить, что Князь сей погребенъ именно въ назначаемой авторомъ гробницѣ. Лѣтописи указываютъ и на другихъ Князей, также погребенныхъ въ соборѣ, хотя гробницы ихъ мы вовсе тамъ не находимъ. Напримѣръ, Ки. Василій Владиміровичъ, умершій въ 1427 году, положенъ былъ также „во Архангелѣ“¹⁾. Кроме того извѣстно также, что въ Архангельскомъ Соборѣ погребенъ Царевичъ Василій, сынъ Грознаго, умершій въ 1563 г.²⁾.

Въ XXV гробницѣ авторъ Памятниковъ полагаетъ Князя Галицкаго Дмитрія, на томъ основаніи, что его гробницы будто бы не находится въ соборѣ, между тѣмъ какъ Лѣтописи свидѣтельствуетъ, что онъ былъ тамъ погребенъ въ 1441 году. Но какой же это Галицкій Князь? Въ Софійскомъ Временникѣ, на который ссылается авторъ, записано: „6949—1440 г. Сентября 22, преставися благовѣрный Князь Дмитрій въ Галичѣ и положенъ въ Архангелѣ на площади“.

Князь этотъ не кто иной, какъ Дмитрій Юрьевичъ Красный, гробница котораго находится подъ однимъ надгробіемъ съ его отцомъ Юрьемъ и братомъ Васильемъ (Косымъ) и означена въ Памятникахъ Московской Древности подъ № XXII. Слѣдовательно одно и тоже лице предполагается погребеннымъ въ двухъ гробницахъ, и такимъ образомъ, „сомнительныя“ гробницы остаются по прежнему сомнительными и неизвѣстными.

Слишкомъ за полвѣка назадъ было напечатано нѣсколько лѣтописцевъ, въ которыхъ находятся довольно ясныя указа-

¹⁾ Карамз. Т. V стр. 258.

²⁾ Карамз. Т. IX стр. 74.

ѣю объ этомъ предметѣ Царствѣнная Книга ¹⁾), говоря о смерти Старшцаго Князя Андрея Ивановича, или Грознаго, присовокупляетъ: „и похороненъ бысть въ Архангелѣ на лѣвой (сѣверной) сторонѣ въ головѣхъ у брата своего у Князя Юрья Ивановича“. О погребеніи Кня. Андрея Ивановича въ Архангельскомъ Соборѣ упоминаютъ и у Карамзина ²⁾). Слѣдовательно одна изъ неизвѣстныхъ гробницъ, перенятая отъ сѣверной стѣны, вѣсно въ головѣхъ у Князя Юрья Ивановича, принадлежитъ Князю Андрею Старшцу. Противъ нея этотъ Князь изображенъ даже и на стѣнѣ.

При перестройкѣ собора, въ 1505 году, останки Великихъ и Удѣльныхъ Князей были вынесены и потомъ съ особеннымъ торжествомъ перенесены въ новостроенный храмъ. Лѣтописи по этому случаю подробно описываютъ новое разищеніе княжескихъ гробницъ. Позднѣйшія къ этому присовокупаютъ и тѣ гробницы, которыя внесены были въ соборъ въ нѣзкое время. Такъ Русскій Временникъ, описавъ упомянутое разищеніе древнихъ гробницъ, говоритъ: „А на лѣвой (сѣверной) сторонѣ, шедъ въ церковь, отъ площади на правѣ, Князь Андрей Васильевичъ большой, Углецкой, а у него въ головѣхъ Князь Георгій Ивановичъ Дмитровской, а у Князя Георгія въ головѣхъ братъ его Князь Андрей Старшцаго..... А послѣ того“, продолжаетъ лѣтописецъ, безъ сомнѣнія въ позднѣйшей припискѣ: „въ Архангелѣ жъ погребены: Князь Великій Василей Ивановичъ всея Руссїи, во иноцѣхъ Варлаамъ, погребенъ на уготованномъ отъ него ему мѣстѣ, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всея Русїи, во иноцѣхъ Іона, Царевичъ Князь Иванъ Ивановичъ всея Русїи, Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Ивановичъ всея Русїи, Князь Георгій

¹⁾ Царствѣнная Книга, Сиб. 1769. Стр. 73.

²⁾ И. Г. Р. VIII. стр. 12.

Васильевичъ Московской, Царевичъ Александръ Казанскій, Князь Георгій Ивановичъ Дмитровской, Князь Андрей Ивановичъ *Старицкой*, сынъ его Князь *Володимеръ Андреевичъ*, Княже *Володимеровъ сынъ Андреевича сынъ его Князь Василей*; страстотерпецъ Царевичъ Дмитрій Ивановичъ Московскій и вся Русіи чудотворецъ¹⁾).

Такъ какъ гробницы всѣхъ упомянутыхъ лицъ, за исключеніемъ сына и внука Старицкаго Князя Андрея Ивановича, извѣстны, и какъ по древнему обычаю дѣти полагались всегда подлѣ родителей, сынъ подлѣ отца: то опредѣлить мѣста гробницъ Князя Владиміра Андреевича и сына его Василія будетъ весьма легко: они лежатъ подлѣ родителя — Князя Андрея Ивановича.

Это печатное указаніе вполнѣ подтверждается такимъ же рукописнымъ, относящимся къ XVII столѣтію. Въ одномъ сборникѣ, принадлежавшемъ Древлехранилищу г. Погодина, а нынѣ Императорской публичной библіотекѣ, находится небольшая статья: „Росписъ Царскихъ гробовъ“ въ Архангельскомъ Соборѣ, въ которой между прочимъ отиѣчено: „А подлѣ Царя Василья (Шуйскаго), въ уголь, 3 гробницы:

„Гробница благовѣрнаго Князя Владимера Андреевича.

„Гробница благовѣрнаго Князя Василья Владимировича.

„Подлѣ стѣны въ углу гробница Великаго Князя Андрея Ивановича Старицкаго“.

1) Русскій Временникъ, стр. 213—214.

МОСКОВСКІЕ САДЫ ВЪ XVII СТОЛѢТІИ ¹⁾).

Нужно ли дѣлать разысканія и доказывать, что сады существуютъ въ Россіи съ глубокой древности, что садоводство, наравнѣ съ другими занятіями осязлаго быта, принадлежало къ древнѣйшимъ и необходимымъ потребностямъ русской жизни и особенно жизни городской, посадской? Русскій народъ съ незапамятныхъ временъ поетъ про *зеленый садъ*. Пѣсни указываютъ на особенное, поэтическое, значеніе этого сада. Въ зеленомъ саду любила *ходить-гулять* красная дѣвица. Съ зеленымъ садомъ неразлучны ея лучшія впечатлѣнія, ея лучшія воспоминанія: отъ того такъ часто и упоминается зеленый садъ въ пѣсняхъ и особенно въ пѣсняхъ свадебныхъ, въ которыхъ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, выразилось положеніе русской дѣвицы въ тогдашнемъ обществѣ, которая такъ скорбно оплакиваетъ молодую жизнь, дѣвичью долю. Чтобы понять, какое, въ самомъ дѣлѣ, важное значеніе имѣлъ въ старой русской жизни и особенно въ жизни русской женщины зеленый садъ, стоитъ только припомнить исключенный, замкнутый въ теремъ бытъ русской дѣвицы. Въ сущности садъ былъ для нея другимъ теремомъ. Но это теремъ не родительскій, это не четыре стѣны съ своими однообразными и тѣсными впечатлѣніями... Это теремъ Божій, въ которомъ пробуждались и питались другія впечатлѣнія, пробуж-

¹⁾ Въ настоящемъ изданіи эта статья пополнена новыми свѣдѣніями и матеріалами.

далось и питалось чувство къ красотамъ природы, чувство вѣчное, доступное человѣку при всякихъ условіяхъ жизни, подъ всѣми градусами широты и долготы. Должно и еще припомнить, что все, чѣмъ украшается общежитіе настоящаго времени, всѣ эти удовольствія и развлеченія, принесенныя образованностію— для русской дѣвицы стараго русскаго вѣка еще не существовали. Жизнь ея замкнутая, сосредоточенная въ теремѣ, безъ всякаго сомнѣнія находила несравненно бѣльшій просторъ въ саду, который въ этомъ отношеніи представлялъ почти единственный уголокъ тогдашняго быта, восполнявшій для женщины отсутствіе всѣхъ общественныхъ удовольствій и развлеченій. Вотъ почему русская дѣвица такъ любитъ зеленый садъ, такъ часто поетъ про него, и въ пѣсняхъ такъ часто находятъ уподобленія своей участи, своихъ сердечныхъ движеній или съ самимъ садомъ, или съ тѣмъ, что росло въ немъ, съ яблоней, грушею, съ цвѣтомъ алычъ, лазоревымъ. Пѣсни засвидѣтельствовали, что уходъ за деревьями и цвѣтами составлялъ не малую заботу русской дѣвицы, что она горевала и плакала, когда, выходя замужъ, разставалась съ дорогимъ любимымъ садомъ.

Во полѣ лебедушка влінала,
 Во теремѣ Хавроньихина плакала:
 Богъ суди роднаго батюшку,
 Молоду въ чужи люди отдастъ!"
 Остается зеленъ садъ безъ меня,
 Завянутъ всѣ цвѣточки во саду:
 Аленькій мой, бѣленькій цвѣтокъ,
 Голубой, лазоревый василекъ,
 Наману своему батюшкѣ родному:
 Вставай ты, мой батюшка, раненько,
 Поливай всѣ цвѣтики частенько,
 Утромней, вечернюю зарю.

Яблонка моя, яблонка,
 Яблонка моя, зеленая,
 Не цвѣти теперешней весной,
 Не плоди сладкихъ яблочковъ!
 Я скажу моему батюшкѣ,
 Я скажу моей матушкѣ,
 Что ты худо полавана,
 Что ты худо лелѣвана,
 Оттого и яблочковъ нѣтъ;
 Что сама я стану полавати,
 Сама корешковъ обчищати,
 Сама червячковъ обметати.
 Авось либо батюшка и смалится,
 Авось либо матушка и измалуется,
 Не отдадутъ меня выишній годъ
 На чужу дальнюю сторону....

Цвѣти, моя грушница,
 Цвѣти моя зеленая,
 Зеленымъ зеленехонько!
 Скоро тебя, моя грушница,
 Скоро тебя, моя зеленая,
 Станетъ поливати Катенька,
 Катенька Вгоровна,
 Изъ своихъ рукъ изъ бѣлыхъ
 Изъ чиста нѣдна ковшачка...
 Ужь она ли у батюшки
 Во саду во зеленомъ
 Всему хорошо выучена:
 И цвѣтния самати
 И яблонки поливати... ¹⁾.

Мы не думаемъ, чтобъ можно было оспорить такое поэтическое значеніе сада въ старой русской жизни и преимущественно въ жизни русской женщины. По крайней мѣрѣ свидѣтель-

¹⁾ Сказаніа Русскаго народа, Сахарова. Свадебныя пѣсни № 119, 170, 60.

ства на-лицо: любой сборникъ пѣсенъ, и особенно свѣдѣбныхъ, вполне можетъ подтвердить наши слова.

Приведенныя выше пѣсни отчасти уже обозначили характеръ нашего древняго садоводства. Въ зеленомъ саду росла яблоня кудрявая-наливчатая, груша зеленая, вишенъе, калина, малина, черная ягода смородина, — кусточки частые, цвѣты алые, лазоревые.... Слѣдовательно русскіе древніе сады были по преимуществу плодовые. Иначе и быть не могло. Въ древнее время садъ прежде всего былъ заведеніемъ хозяйственнымъ. Это былъ тотъ же огородъ и только плодовые деревья и кусты давали ему названіе сада. Очень естественно, что и самое устройство нашихъ древнихъ садовъ малымъ чѣмъ отличалось отъ устройства обыкновенныхъ огородовъ и мы едва ли много ошибемся, если скажемъ, что древніе сады совершенно походили на теперешніе крестьянскіе сады въ подмосковныхъ селахъ и деревняхъ, что сады селъ Воробьева, Троицкаго-Голенищева, Коломенскаго и многихъ другихъ, лежащихъ болѣею частію къ юго-западу отъ Москвы, могутъ служить живыми памятниками нашего древняго садоводства.

Въ древнемъ русскомъ домоводствѣ сады составляли почти необходимую потребность каждаго, сколько нибудь зажиточнаго домохозяина. Встарину важнѣйшая забота всякаго домовитаго челоуѣка состояла въ томъ, чтобъ все было *припасено* у себя дома. Покупать по мелочамъ, смотря по нуждѣ, на рынкахъ, для домовитаго хозяина считалось чѣмъ-то слишкомъ зависимымъ, униженнымъ, чѣмъ-то такимъ, въ чемъ, по тогдашнимъ понятіямъ, совѣстно было признаться. Такая покупка обличала разстройство дома, худое положеніе домашнихъ дѣлъ. На рынкахъ, *на торгу*, поку-

пали только люди бѣдные, нуждающіеся, бездомные. Полный годової запас во всемъ, полное свое заведеніе по разнымъ частямъ хозяйства — вотъ главная цѣль, идеалъ стариннаго *добраго* домохозяина. Благосостояніе признавалось только въ возможности удовлетворять своимъ потребностямъ единственно изъ своего домашняго хозяйства. Отсюда немовѣрная многочисленность дворни у бояръ и у всѣхъ, кто имѣлъ средства жить *прохладно*, какъ тогда выражались, обозначая этимъ словомъ полный комфортъ своего времени. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ старинной жизни садоводство было необходимою статьею въ каждомъ мало-мальски домовитомъ хозяйствѣ. Это былъ источникъ многихъ *прохладъ*, а потому садъ во дворѣ не только у богатыхъ, но и у бѣдныхъ, составлялъ такую же необходимость, какъ напр. колодезь, какъ разныя домовыя службы. Безъ сада или огорода и дворъ не былъ дворомъ. Павелъ Іовій, пріѣзжавшій въ Москву въ началѣ XVI столѣтія, говоритъ въ описаніи своего путешествія, что въ Москвѣ — „при каждомъ почти домѣ есть свой садъ, служащій для удовольствія хозяевъ и выѣсть съ тѣмъ доставляющій имъ нужное количество овощей; отъ сего городъ кажется необыкновенно обширнымъ“ ¹⁾). Это свидѣтельство вполне подтверждается купчими, данными и другими актами на дворы, какъ XVI такъ и XVII столѣтій, изъ которыхъ видно, что дѣйствительно при каждомъ дворѣ, исключая можетъ быть самыхъ бѣдныхъ, бобыльскихъ дворовъ, если не было сада, то былъ огородъ съ двумя тремя плодовыми деревьями и кустами ²⁾).

¹⁾ Библиотека Иностранцевъ въ Россіи Спб. 1836. стр. 33.

²⁾ Вотъ указанія купчихъ, относящихся въ концѣ XVII ст.: Дворъ туглеца барашкой слободы Ивана Воронова — *въ огорода колодезь, абломей и груше 37 деревъ...* Дворъ бараша Василья Морданнова — *садъ — три абломи да груша...* Дворъ гестаней сени Ерефѣя Цыбаль.

Хозяйственный взгляд на садоводство еще яснѣе выражается въ тѣхъ немногихъ и потому особенно любопытныхъ замѣткахъ объ уходѣ за садомъ, которыя сохранила намъ старина въ известномъ Домостроѣ XVI вѣка. Здѣсь садоводство является въ первобытномъ своемъ видѣ, почти нераздѣльно съ огородничествомъ. Домострой отнесъ эти замѣтки въ особую статью съ заглавіемъ: *Огородъ и садъ какъ водити*.

„А у котораго человека огородецъ есть, и кто пашеть огородъ, — самъ ли государь (домохозяинъ) дозираетъ или государыня, или кому приказано: — первое, городьба (съ весны) перекрептити, чтобы въ огородъ собаки, ни свиньи, — ни куромъ, ни гусемъ, ни уткамъ, и всякой животинѣ, — взойти нельзя, ни съ чужево двора, ни съ своего: ино яблонямъ и всякому плоду пакости нѣтъ, а съ сусѣды остуды... а огородъ всегда бы былъ замкнутъ; да кому приказано, тотъ бы его всегда берегъ, и день и ночь, и въ немъ всегда дозиралъ. Да какъ гряды копати веснѣ и навозъ класти; а навозъ зинѣ запасати, и къ *садмложу* на дыни варовые (паровые) гряды готовить и всякіе сѣмена водить у себя. И посадивъ или посевавъ всякіе сѣмена, и всякое обиліе, въ пору поливати и укрывати и отъ морозы всегда беречи; и яблони подчищати и *суша* вытирати (вырѣзывать), и почки разсаживати, и пенки и почки прививати; и гряды, всякое обиліе, полоти, и капуста отъ червя и отъ блохи беречи: и обирати и оттрясывати. А возлѣ ты-

щикова—огородъ, въ огородъ садъ — яблони и груши и вишни и малина и смородина да шажрикъ на четьрехъ столбахъ (бесѣдка) да колодезь...

Впрочемъ нунчи большею частью не обозначали садовыхъ растений, а писали просто, что дворъ предается съ огородомъ, а въ огородѣ садъ, или съ садомъ и со всякимъ садовымъ деревцемъ, а иногда и вовсе не упоминали объ огородѣ или незначительномъ садѣ, означая только огородное и садовое мѣсто въ общемъ числелѣи количества дворовой земли.

на, около всего огорода, борщу съѣтъ,—гдѣ кренива ростеть, — и съ весны его варить про себя много; и того въ торгу не купить.... А какъ насадить капусты и свеклы и посѣять, — листья капустное варить; и какъ учить витися въ клубъ, и только часта,—ино, изрѣдка, съкучи, варити; а листья обламываючи, животина кормить. А въ ту пору, и до осени, борщъ, рѣжучи, сушить и пленицы плести: ино всегда пригодится, и въ годъ, и въ даль; и капусту все лѣто варить и свеклу; а въ осень капусту солить, а свекольной росолъ ставить, а огурцы солить же; а лѣтомъ (домохозяйинъ) *прохлаждаетца*: ѣсть дыни, стручье (горохъ), морковь, огурцы и всякой овощъ....

„А садъ разводити про себя: ино прививка, отъ древа до древа, по три сажени и больши;—ино яблони растутъ велики; обилью и всякимъ овощемъ не помѣшаетъ расти; а какъ будетъ густо, отъ вѣтя подъ деревемъ не растеть ништо: ино борщу насаяти, — ино всегда плодъ. А падушокъ яблочныхъ, и што поспѣло: огурцы и дыни, и всякой овощъ, — въ пору бы обирати: што про себя съѣтъ, или поблюеть, или въ годъ что поставитъ, или что осолить, или въ квасы ставить, яблока и груши; или въ патокѣ, и ягодный и вишневой морсъ.... А сѣмена бы всякіе у себя водить: ино велика прибыль—въ торгу тово не купишь; а будетъ слишкомъ, и ты и продашь.“... 1).

Вотъ древнѣйшее, записанное, руководство къ огородничеству и садоводству. Оно тѣмъ драгоцѣннѣе, что въ нашей древней письменности памятниковъ подобнаго рода совершенно не встрѣчается: въ то время русскій человекъ еще не думалъ записывать своихъ хозяйственныхъ опытовъ и наблюденій; онъ считалъ такой трудъ не на столько важнымъ, чтобъ предавать

1) Демострой гл. XLV, стр. 78.

его письму, занятію серьезному, дѣльному. Съ другой стороны не было и нужды въ запискахъ: ихъ вполне замѣняла опытность, навъкъ съ малолѣтства, который условливался обширнымъ, повсемѣстнымъ распространеніемъ огородничества и садоводства.

Само собою разумѣется, что при хозяйственномъ взглядѣ на садоводство, предки наши не могли еще помышлять о садахъ общественныхъ, о садахъ называемыхъ увеселительными, разводимыхъ единственно только для удовольствія. Сады царскіе при загородныхъ дворцахъ, не смотря на ихъ обширность, имѣли тоже значеніе и такое же устройство, какъ и сады частныхъ лицъ. Но разумѣется мысль объ устройствѣ увеселительныхъ садовъ или по крайней мѣрѣ о внесеніи въ прежнее, чисто хозяйственное садоводство, нѣкоторыхъ предметовъ, служившихъ собственно для удовольствія и украшенія сада—такая мысль прежде всего должна была явиться во дворцѣ. Къ сожалѣнію положительныя указанія по этому предмету относятся только ко второй половинѣ XVII ст.; однакожь нельзя думать, чтобы подобныя нововведенія и улучшенія въ дворцовыхъ садахъ не существовали гораздо раньше, напр. съ XVI стол., или съ тѣхъ поръ, какъ начались частыя и близкія сношенія съ Западомъ Европы, откуда первыя свѣдѣнія объ увеселительныхъ садахъ, вообще объ *искусствѣ* разводить сады, могли быть принесены выѣзжими *пѣльцами*, т. е. вообще иностранцами и даже нашими посланцами. Петрей, описывая Москву въ началѣ XVII ст., свидѣтельствуетъ, что въ самомъ городѣ находились большіе луга, порожніе мѣста, много деревьевъ и увеселительныхъ садовъ, занимающихъ довольно мѣста; что самъ государь имѣлъ три большихъ прекрасныхъ сада съ разными деревьями и травами и большой лугъ въ городѣ возлѣ самаго дворца (Царицынъ Лугъ за рѣкою, противъ Кремля), дающій ему каждый годъ до 600 во-

зель сѣна. Петрей опровергаетъ даже укоренившееся на западѣ мнѣніе, что старая наша Русь была дикою пустынею, въ которой ничего даже и рости не могло. „Нѣкоторые думаютъ и пишутъ, говорятъ онъ, что въ Россіи не растутъ ни плодовые деревья, ни зелень: они грубо ошибаются и находятся въ заблужденіи, потому что тамъ не только разводятся разные деревья, но и сѣются всякія сѣмена, такъ что въ Россіи легче достать плодовъ, нежели въ другомъ мѣстѣ, такъ вы, напр. яблоки, сливы, вишни, маленькія сливы, крыжовникъ, смородина, дыни, морковь, свекла, петрушка, хрѣнъ, рѣдька, редиска, тыква, огурцы, сѣрая и бѣлая капуста, лукъ, чеснокъ, шалфей, ноготки, разныхъ цвѣтовъ фіалки, мирра, гвоздика, иссопъ, маіоранъ, тимьянъ, базилика, перецъ и другіе подобныя плоды, о которыхъ не считаю необходимымъ здѣсь рассказывать“.

Въ началѣ XVII ст. самые обширные сады въ Москвѣ принадлежали дворцу. Одинъ—Аптекарскій—разведенный безъ сомнѣнія въ одно время съ учрежденіемъ Царской Аптеки въ XVI ст., находился противъ Кремля, на правомъ берегу Неглинной, между Троицкими и Боровицкими воротами, почти на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь садъ Кремлевскій. Другой—также противъ Кремля, за Москвою рѣкою, на набережной, разведенный В. К. Іоанномъ Васильевичемъ въ 1495 году, вѣроятно съ цѣлю предохранить Кремль и самый дворецъ отъ частыхъ пожаровъ, которымъ такъ благопріятствовали тѣсныя деревянныя постройки Замоскворѣчья. Пожаръ 1493 года, начавшійся именно въ этомъ мѣстѣ, истребилъ почти всю Москву. Это можетъ быть и заставило Великаго Князя

снести здѣсь всѣ дворы и церкви и на мѣстѣ ихъ устроить садъ ¹⁾).

Садъ *Воронцовскій*, на Воронцовскомъ полѣ, на Яузѣ, при загородномъ дворцѣ В. К. Иоанна Васильевича—можетъ быть одинъ изъ древнѣйшихъ Московскихъ садовъ, — въ XVII ст. кажется уже не существовалъ, да и вообще послѣ такъ называемой Московской *розрулы* при Самозванцахъ, когда царствующій градъ былъ почти весь выжженъ и разоренъ, едва ли что могло напоминать прежнее благоустройство Москвы.

При Царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ Московское садоводство, какъ и самый городъ, требовали особенной дѣятельности для приведенія ихъ въ надлежащій видъ; не улучшенія, не распространенія были нужны, необходимо было только возстановить, возобновить разрушенное и разоренное. Устроивая городъ и дворецъ, Царь Михаилъ необходимо долженъ былъ коснуться и садоводства. При дворцѣ въ Кремлѣ издавна существовали сады, называвшіеся *верховыми*, т. е. комнатными и *красными*, въ смыслѣ особенно хорошихъ, прекрасныхъ. Два изъ нихъ въ XVII ст. назывались по своему мѣстоположенію, съ набережной стороны дворца—*набережными*, одинъ верхнимъ, другой нижнимъ. Верхній набережный красный садъ расположенъ былъ на сводахъ большаго каменнаго зданія, фасадъ котораго, къ Москвѣ рѣкѣ, опускался до подошвы кремлевской горы.

Разведеніе этихъ садовъ можно отнести къ началу XVII ст. Къ сожалѣнію собранныя нами свѣдѣнія не указываютъ прямо на тотъ или другой садъ, а говорятъ вообще о садахъ *верховыхъ*; верховые же сады нѣрѣдко устроивались при самыхъ комнатахъ, внутри дворца или двора Государева. Такиимъ образомъ, привода здѣсь нѣсколько указаній по этому

¹⁾ Русскій Временникъ, М. 1790. Ч. II. стр. 169, 175.

предмету, мы не беремся пока рѣшить, когда именно, въ какомъ году, были разведены Красные Набережные сады, весьма замѣчательные по своему устройству въ концѣ XVII столѣтія. Еще въ 1623 году садовникъ Назаръ Ивановъ, *уражая* по царскому указу верховой садъ, *выбиралъ* и *высѣивалъ* по всѣмъ садамъ Москвы лучшія яблони и груши, и высадилъ сюда изъ собственнаго своего сада—*три яблони большія каливу да грушу царскую*. ¹⁾ По всему вѣроятію это извѣстіе относится къ одному изъ садовъ набережныхъ. Лѣтъ черезъ двѣнадцать, въ 1635 году, въ одно время съ постройкой Теремнаго Дворца для дѣтей Царя Михаила, Алексѣя и Ивана Михайловичей, устроены были, можетъ быть подлѣ этого зданія, новые верховые сады. *Строили* ихъ садовники Иванъ Телятевскій да Титъ Андреевъ. Есть указаніе, что одинъ изъ этихъ садовъ принадлежалъ пятнадцатому царевичу Алексѣю и слѣдовательно находился при его хоромѣхъ. Въ апрѣлѣ этого года садовникъ Никита Родионовъ поднесъ, „челомъ ударилъ“, Государю и Царевичу въ ихъ государевы сады яблонями и грушами, за что и получилъ четыре аршина сукна вишневаго, на кафтанъ. Въ то же время упомянутые садовники развели садъ и на Царьборисовскомъ дворѣ, бывшемъ домѣ Царя Бориса Годунова. Но царское садоводство не ограничилось однимъ Кремлемъ. Въ томъ же 1635 году Царь Михаилъ Ѳедоровичъ развелъ большой садъ въ любимомъ своемъ селѣ Рубцовѣ, названномъ въ послѣдствіи Покровскимъ по соборной церкви Покрова, построенной въ память отраженія отъ стѣнъ Москвы Королевича Владислава въ 1619 году. Этотъ садъ *наводили* Садовой слободы староста Денисъ Матвѣевъ и садовники Иванъ Коверинъ, Авдѣй Романовъ, Кирила Сергѣевъ, Сергѣй Ивановъ ²⁾.

¹⁾ См. его челобитную въ приложеніи къ этой статьѣ.

²⁾ Расх. книга Казеннаго Приказа 7143 года.

Слуста шесть лѣтъ, въ 1641 году, Покровскій садъ вновь строили царскій докторъ *Вилдимиусъ Сибиллисту*. Къ сожалѣнью неизвестны подробности этого садоваго строенія, которыми управлялъ Нѣмецъ, безъ сомнѣнія и призванный для того, чтобъ внести въ наше старинное садоводство заморскія улучшения, посадить новыя деревья, новыя цвѣты и полезныя травы. Съ этого времени Покровскій садъ занялъ первое мѣсто среди всѣхъ садовъ Московскихъ, городскихъ и загородныхъ. Должно полагать, что Олеарій, въ запискахъ о своемъ пребываніи въ Москвѣ, упоминаетъ именно о Покровскомъ садѣ и рассказываетъ, что царь, желая хорошо устроить этотъ садъ и украсить его дорогими и рѣдкими растеніями и цвѣтами, не жалѣлъ никакихъ издержекъ. Въ это время, по свидѣтельству Олеарія, появились у насъ и садовыя или махровыя розы, вывезенныя въ Москву нѣмецкимъ купцомъ Петромъ Марселиусомъ изъ Готторпскихъ садовъ герцога Голштинскаго. Прежде въ садахъ нашихъ разводился только шиповникъ. Доказательствомъ особенныхъ заботъ царя Михаила Федоровича о Покровскомъ садѣ можетъ служить и щедрая по времени награда доктору Сибиллисту: 1641 года 3 апрѣля ему выданъ серебряный, золоченый кубокъ вѣсомъ въ 3 фунта 12 зол., десять аршинъ атласу червленаго, десять аршинъ камки алой, сорокъ собелей въ 50 рублей, всего на 86 рублей ¹⁾).

Цвѣтущее состояніе этого сада поддерживалось особенно тѣмъ, что Покровское при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ было однимъ изъ самыхъ любимыхъ загородныхъ мѣстъ, гдѣ царское семейство почти постоянно проводило лѣто; а постоянное пребываніе илм, по крайней мѣрѣ, частые прїезды царскаго семейства вызывали постоянныя заботы объ устройствѣ и под-

¹⁾ Книга Расх. Казеннаго Приказа 7149 года.

держкѣ сада. Однимъ словомъ, Покровскій садъ при Михаилѣ для Москвы имѣлъ такое же значеніе, какое Измайловскій при Алексѣѣ, Преображенскій въ первое время Петра и *Слободской* или Дворцовый въ XVIII столѣтіи. По смерти царя Михаила село Покровское, съ дворцомъ и садомъ, поступило въ собственность дочери его, царевны Ирины Михайловны, умершей въ 1679 году, а въ началѣ XVIII ст. оно было собственностію цесаревны Елисаветы Петровны. Въ теченіе всего этого времени садъ Покровскій постоянно поддерживался и при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ снова приведенъ былъ въ цвѣтущее состояніе, остатки котораго еще до сихъ поръ, памятны Московскимъ и особенно Покровскимъ старожиламъ.

Ко времени царя Михаила Федоровича можно отнести основаніе сада на рѣчкѣ Прѣснѣ. Въ 1633 году на этой рѣчкѣ была сдѣлана, вмѣсто деревянной, каменная плотина мастеромъ плотинныхъ дѣлъ Петромъ Фефиловымъ—вотъ начало, знаменитыхъ въ свое время для Москвы, Прѣсенскихъ прудовъ. Можно было бы отнести къ началу XVII ст. и разведеніе *Васильевскаго сада*, на Васильевскомъ лугу, гдѣ теперь Воспитательный Домъ, — но мы не имѣемъ на это положительныхъ свѣдѣній. На планахъ Москвы первой половины XVII вѣка этотъ садъ не обозначенъ; онъ является только на планахъ времени царя Алексѣя Михайловича, напр. у Мейерберга. Впрочемъ въ этой части Москвы издревле существовали сады: не подалеку отъ Васильевскаго сада находятся церкви Св. Владиміра и Троицы (на Хохловкѣ), именуемыя *въ садѣхъ, въ старыхъ садѣхъ*. При церкви Св. Владиміра, въ началѣ XV столѣтія, былъ загородный дворъ В. К. Василія Дмитріевича, который безъ сомнѣнія и развелъ здѣсь первые сады. Можетъ быть Васильевскій садъ принадлежалъ къ остаткамъ древняго садоводства на этомъ мѣстѣ и такъ названъ по имени великаго князя.

Кромѣ дворцовыхъ большихъ садовъ въ Москвѣ поселены были особыя слободы, Огородная и Садовая, также принадлежавшія дворцу. Мѣсто первой обозначается приходомъ Св. Харитонія въ Огородникахъ, который былъ центромъ слободы и окружавшихъ ее огородовъ. Слобода Садовая находилась за Москвою рѣкою, на берегу, противъ Воспитательнаго Дома и устья Яузы; все это мѣсто называлось вообще *Набережными Садовниками*. Теперь здѣсь существуетъ приходъ Козмы и Демьяна въ Садовникахъ, улица Садовники и городскія слободы Большая Садовая и Набережная Садовая. Берсеневка также была покрыта садами.

Садовая и Огородная Слободы могли быть заведены очень рано, еще при первыхъ Московскихъ Вязьяхъ, потому что цѣль ихъ заведенія была хозяйственная: слобожане должны были ставить во дворецъ, въ видѣ оброка, всякій огородный *овощь* и садовое *слѣтье* т. е. плоды. Съ XVI вѣка слободы эти существуютъ уже на упомянутыхъ мѣстахъ. Сверхъ обыкновеннаго оброка староста Садовой слободы, всегда искуснѣйшій садовникъ, ежегодно подносилъ государю *ловь* или *лови*—раннія дыни, огурцы, рѣдку, морковь, рѣпу и проч. За каждую такую *ловь* онъ получалъ отъ государя четыре аршина сукна на кафтанъ. Дыни подавались къ первымъ числамъ августа, а огурцы къ первымъ числамъ іюня¹⁾.

Иностранцы, жившіе въ Москвѣ, единогласно свидѣлствуютъ о великомъ изобиліи овощей и садовыхъ плодовъ. Маржереть говоритъ, „что дыни бываютъ такъ огромны и вкусны, что подобныхъ онъ нигдѣ въ другихъ земляхъ не видывалъ; сверхъ того много огурцовъ, яблокъ, вишенъ;—сливъ

¹⁾ Связанія Современниковъ о Дмитріѣ Самозванцѣ, изд. г. Устряловымъ. III. стр. 13.

и грушъ мало *)“.... Это свидѣтельство относится къ первымъ годамъ XVII столѣтія. Вотъ что говоритъ Адольфъ Лизекъ, бывшій въ Москвѣ секретаремъ Цесарскаго (Австрійскаго) Посольства въ 1675 году: смородины, вишенъ, яблокъ и сливъ, огурцовъ, арбузовъ и дынь родится (въ Москвѣ) множество, отминой доброты и необыкновенной величины. Намъ подавали дыни вѣсомъ больше 20 фунтовъ и люди, заслуживающіе полное довѣріе, утверждали, что бываютъ дыни въ 30 и даже 40 фунтовъ. Лизекъ въ этому при-совокупляетъ любопытную замѣтку о тогдашнемъ уходѣ за дынями. „Посадивши дыни, Русскіе ухаживаютъ за ними слѣдующимъ образомъ: каждый садовникъ имѣетъ двѣ верхнія одежды для себя, и двѣ покрывки для дынь. Въ огородъ онъ выходитъ въ одномъ исподнемъ платьѣ. Если чувствуетъ холодъ, то надѣваетъ на себя верхнюю одежду, а покрывкою прикрываетъ дыни. Если стужа увеличивается, то надѣваетъ и другую одежду, и въ тоже время дыни прикрываетъ другою покрывкой. А съ наступленіемъ тепла, снимая съ себя верхнія одежды, поступаетъ также и съ дынями.“

Въ отношеніи садоводства у частныхъ лицъ мы уже замѣтили, что въ Москвѣ почти при каждомъ дворѣ былъ садъ или огородъ. Но чѣмъ ближе къ Кремлю, тѣмъ тѣснѣе было населеніе и тѣмъ, слѣдовательно, меньше было садовъ; по крайней мѣрѣ сады эти не могли быть значительны; такъ напр. въ Китай-городѣ ихъ было весьма мало.... Очень естественно, что широкое жительство бояръ и другихъ высшихъ сановниковъ, жившихъ отчасти въ Китаѣ и преимущественно въ Бѣломъ городѣ, не могло удовлетворяться малымъ пространствомъ земли, какое оставалось во дворахъ для разведенія сада или ого-

*) При Царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ старостами Садовой Слободы были Иванъ Дмитриевъ, Авдей Романовъ, Титъ Андреевъ и др.

рода. По этому все знатные и богатые люди по необходимости должны были устроить себе *сады и огороды загородные*, съ особыми дворами, и что въ родѣ теперешнихъ дачъ, съ тою только разницею, что мы устроиваемъ дачи или живемъ на дачѣ прежде всего для удовольствія, а въ старину здѣсь первое мѣсто занимала цѣль хозяйственная—удовольствіе подразумевалось.

Само собою разумѣется, что число этихъ *загородныхъ дворовъ* постоянно увеличивалось вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа знатныхъ чиновниковъ. Къ половинѣ XVII ст. ихъ загородные дворы заняли почти все пространство, ближайшее къ земляному валу, тогдашней чертѣ города, по ту и по сю сторону. Многіе изъ бояръ завели подлѣ своихъ дворовъ даже пашню и населили здѣсь цѣлыя крѣпостныя слободы. Сначала, когда около Москвы было много пустыхъ, свободныхъ мѣстъ, загородные боярскіе дворы не могли стѣснять посадскаго или собственно городскаго населенія; но въ сказанное время посадскіе и мелкое дворянство очень хорошо поняли, что отъ распространенія боярскихъ дачъ они лишились весьма важной статьи въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ, именно *животинныхъ выпусковъ*, выгоновъ для скота. Въ 1648 году тѣ и другіе подали государю челобитныя съ объясненіемъ, что „изъ старин-де, до Московскаго и послѣ Московскаго раззоренья, около Москвы, за Землянымъ городомъ, были животинные выпуски по всѣмъ дорогамъ, отъ города версты по три и по четыре, и по пяти *), а нынѣ около Москвы животинныхъ выпусковъ не стало, потому, иззаяняли бояре и ближніе люди и

*) „По Тверской дорогѣ по Ходынку, по Троицкой дорогѣ по Язу, по Коломенской дорогѣ по Грязоромы, по Серпуховской дорогѣ по Котель, по Можайской дорогѣ по Поклонную гору.» А. А. Э. т. IV. N 32.

Московскіе дворяне и дьяки подъ загородные двory и огороды, а монастыри и ямщики тѣ животинные выпуски распахали въ пашню, и въ лѣсы выѣзда по дрова не стало.... и Великій Государь указалъ бы животинные выпуски около Москвы и въ лѣсы для дровъ выѣздъ устроить по прежнему⁴. Съ этого времени правительство ограничило чрезмѣрное и большою частію неправильное распространеніе загородныхъ дворовъ, назначивъ для каждаго лица, смотря по его служебному значенію, извѣстную мѣру земли: за Землянымъ городомъ боярамъ 100 саж. длиннику и 50 поперекъ, Окольныхимъ 80 дл. и 40 попер., Думнымъ 60 дл. и 30 попер., Стольникамъ дл. 35, попер. 17¹/₂., Стряпчимъ и дворяномъ Московскимъ дл. 30, попер. 15 и самымъ младшимъ — подьячимъ длин. 6, попер. 3 саж.; въ Земляномъ же городѣ всѣмъ вполонну.

Упомянемъ загородные двory нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицъ въ XVII ст.: боярина Бориса Ивановича Морозова, дядьки Царя Алексѣя Михайловича — у Іакова Апостола въ Казенной слободѣ, на берегу Яузы; Никиты Ивановича Романова—у Егорья на Вспольѣ за Никитскими воротами; Василя Ивановича Стрешнева—у Николы въ Плотникахъ; Никиты Ивановича Одоевскаго—у Рожества въ Старыхъ Полачахъ, (теперь называется въ Палашахъ); князей Черкасскихъ—гдѣ теперь Шереметьевскій Страннопріимный домъ и пр.

Обозрѣніе Московскаго садоводства въ первой половинѣ XVII столѣтія мы должны заключить двумя статьями X главы Уложенія царя Алексѣя Михайловича, которыя служатъ памятникомъ особенной заботливости правительства о садоводствѣ и огородничествѣ, какъ части хозяйства весьма важной въ домашнемъ быту и весьма распространенной въ древней Москвѣ. Одна 221 ст. Уложенія касается садовъ, а другая 222—огородовъ: „А будетъ кто у кого въ саду съ яблоней яблока ощиплетъ насильствомъ или ночью покрадетъ, и въ

томъ на него будутъ челобитчики, и съ суда сыщется про то допрама, и на немъ взяти истцу убытки по его сказкѣ. А будетъ кто у кого въ саду какое дерево съвѣчетъ насильствомъ или украдетъ, а съ суда про то сыщется допрама, и на немъ за всякое дерево доправити по три рубля.“

„А будетъ кто у кого въ огородѣ какой овощъ насильствомъ пограбятъ или покрадетъ, а сыщется про то допрама, и на немъ за такой овощъ велѣти истцу доправити денги, смѣти по овощу; да ему же за насильство или за кражу учинити наказаніе, смотря по дѣлу.“

Ни одинъ изъ древнихъ нашихъ царей, въ домашнемъ своемъ быту, не занимался съ такою страстью сельскимъ хозяйствомъ, какъ царь Алексѣй Михайловичъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что, по живости своего характера, онъ всякому дѣлу предавался съ особенною горячностію, и любилъ доводить всякое дѣло до полнаго, по тогдашнимъ средствамъ, *благоустройства* и *устройства*. Здѣсь не мѣсто указывать на тѣ части домашняго и государственнаго устройства, которыя, по близкому непосредственному отношенію къ нимъ государя, получили новый видъ, новое *устройство*. Замѣтимъ только, что въ стремленіи дать это устройство домашнихъ средствъ весьма часто недоставало и государь по необходимости долженъ былъ прибѣгать къ иностранцамъ. Оттого въ его царствованіе ни одного почти дѣла не было предпринято безъ участія и руководства специалистовъ, призванныхъ съ запада, а иногда и съ востока, смотря по характеру и ближайшимъ нуждамъ предприятия. Потребность улучшеній во всѣхъ сферахъ жизни почувствована была царемъ въ полной мѣрѣ; на это вызвала настоятельная почти всеневно представлявшаяся необходимость. Но дойти до яснаго, твердаго пониманія и сознанія этой

потребности онъ еще не могъ, ибо въ полной же мѣрѣ ону-танъ былъ старинно, которой уставы, обряды, преданія хранилъ какъ святыню, уважалъ съ горячностью, искренно, чисто-сердечно, что также условливалось его живою, стравною натурою, неумѣвшею останавливаться на успокоительномъ равнодушіи. Однимъ словомъ въ характерѣ царя Алексѣя были черты, которыя во многомъ напоминаютъ его Великаго сына.

Вступивъ на престолъ въ молодыхъ лѣтахъ (16 лѣтъ), царь Алексѣй Михайловичъ въ первое время своего царствованія не могъ еще обращать особеннаго вниманія не только на свое домашнее хозяйство, но и вообще на дѣла, требовавшія серьезныхъ занятій. Въ это время любимымъ развлеченіемъ его въ домашней жизни была охота, особенно же *красная и славная* птичья охота—соколиная, которою царь потѣшался съ рѣдкимъ увлеченіемъ. Особенная любовь его къ этой полевой потѣхѣ выразилась въ его письмахъ, гдѣ благодушный государь со всею наивностью страстнаго охотника подробно описываетъ свои удачи и неудачи, и потомъ въ Сокольниковѣ Урядникѣ, новомъ уложеніи и устроеніи Сокольниковскаго пути или чина, составленномъ по всему вѣроятію подъ редакцію самого царя, въ 1656 году *).

Съ такою же любовью и страстью, съ половины своего царствованія, Алексѣй Михайловичъ, занялся сельскимъ хозяйствомъ. Но само собою разумѣется, что старое царское хозяйство, существовавшее при загородныхъ дворцахъ въ Покровскомъ (Рубцовѣ), Коломенскомъ, Воробьевѣ и др., не могло удовлетворить его живой дѣятельности и новымъ требованіямъ, которыя явились въ то же время, какъ только государь обратилъ вниманіе на этотъ предметъ. Тамъ самая мѣстность не

*) См. въ первомъ томѣ нашихъ опытовъ статью: Царь Алексѣй Михайловичъ.

давала того простора, какой былъ нуженъ предприимчивому хозяину. Задумавъ устроить хозяйственный хуторъ въ обширныхъ размѣрахъ, царь избралъ село Измайлово, съ приселками и пустошами, старинную вотчину родственника своего, боярина Никиты Ивановича Романова, по смерти котораго она поступила вѣроятно въ дворцовое вѣдомство. Въ хозяйственномъ отношеніи выбрать мѣсто лучше было нельзя: здѣсь представлялись всѣ удобства, по всѣмъ частямъ хозяйства, также и для садоводства, которое въ послѣдствіи заняло въ Измайловскомъ хозяйствѣ весьма видное мѣсто. Таннеръ, описавшій пребываніе въ Москвѣ, въ 1678 году, Польскаго Посольства, говоритъ, что „обширная измайловская равнина такъ повравилась царю, что онъ завелъ на ней два сада, одинъ на манеръ итальянскій, а въ другомъ построилъ огромное зданіе (дворецъ) съ тремя стами малыхъ со шпиками башенъ. Это мѣсто такъ нравится царю, что онъ постановилъ себѣ правиломъ бывать въ немъ по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю, чтобы посмотреть, не надо ли еще чего прибавить для его украшенія“. Рейтенфельсъ также упоминаетъ объ Измайловѣ, какъ объ одномъ изъ любимыхъ загородныхъ царскихъ мѣстъ, въ которыхъ, говоритъ онъ, былъ огромный садъ и *лабиринтъ*, по русски называвшійся *Вавилономъ*; это былъ садъ же, состоявшій изъ дорожекъ, кои своими *вавилонами*, колѣнами, извилинами, приводили путника въ тупикъ и въ прямоу и во всякомъ смыслѣ. Рейтенфельсъ рассказываетъ, что въ большой садъ вели четверо высокихъ воротъ, что при немъ были устроены обширный звѣринецъ или лучше лѣсъ, обнесенный заборомъ и наполненный разными животными, и весьма красивая аптека съ ботаническимъ садомъ *). Такъ какъ въ настоящемъ случаѣ главный предметъ нашъ—Садо-

*) Ж. М. И. Пр. 1839 (юль).

водство, то мы и остановимся на немъ. Упомянемъ только, что запашка Измайловскаго хутора заключала „государевой десятинной пашни“ въ четырехъ поляхъ по 400 десятинъ въ каждомъ, въ пятомъ полѣ 293 десятины, а въ гречинномъ полѣ 34 десятины. Въ рабочую пору каждый день на хуторѣ работало вольнонаемныхъ работниковъ по 1000 и по 1500 человекъ.

Еще до разведенія своихъ Измайловскихъ садовъ, царь Алексѣй видимо старался устроить дворцовое садоводство по европейскимъ образцамъ или покрайней мѣрѣ завести и въ кремлевскихъ, т. е. въ своихъ комнатныхъ садахъ рѣдкія заграничныя растенія. Встрѣчаемъ извѣстіе, что по его порученію иноземцы, гость Андрей Виніюсъ да Иванъ Марсовъ въ 1654 г. августа 22 привезли къ Архангельскому городу вмѣстѣ съ различными военными припасами, какъ то: свинцомъ, латами (рейтарскими и пѣхотными), ружьями, пистоллями, шпагами, съ сукномъ разныхъ цвѣтовъ (84 кипы) и *девятнадцать деревьевъ садовыхъ заморскихъ овощей* да четыре птицы попугаевъ. Привезенныя покупки въ свое время были отправлены къ Москвѣ, а деревья и птицъ иноземцы 6 сентября повезли въ Москву сами. Деревья были слѣдующія: „2 дерева оранжевыхъ яблокъ, 2 дерева лимонныхъ, 2 дерева винныхъ ягодъ, 4 дерева персиковыхъ сливъ, 2 дерева абрикозовыхъ яблокъ, 3 дерева шпанскихъ вишенъ морелленъ, 2 дерева миндальныхъ ядеръ, 2 дерева большихъ сливъ“. Во время ихъ путешествія на Двинѣ одинъ изъ попугаевъ, „маленькой попугайчикъ, словоетъ *пакакита*, кой данъ 12 яфшиковъ, занемогъ и померъ“. Пріѣхавъ въ октябрь въ Вологду, путешественники принуждены были здѣсь оставаться до указа, ибо по случаю распространившагося въ то время мороваго повѣтрія, всѣ дороги къ Москвѣ были оцѣплены заставами и проѣздъ былъ строго воспрещенъ. Не-

известно, какая судьба постигла заморскія деревья; но во всякомъ случаѣ выписка ихъ служитъ доказательствомъ, что въ Московскомъ дворѣ помышляли уже о разведеніи у себя и заморскихъ растений. О заграничномъ садоводствѣ царь Алексѣй Мих. могъ имѣть весьма достаточныя свѣдѣнія не только отъ тѣхъ же иноземцевъ, но особенно изъ рассказовъ нашихъ посланниковъ въ чужія земли, которые, въ добавокъ, могутъ быть по его же приказанію, вносили въ свои путевые журналы довольно подробныя описанія видѣнныхъ ими садовъ. Такъ посланникъ Лихачовъ, ѣздившій въ 1659 году во Флоренцію, описываетъ тамошніе сады слѣдующимъ образомъ: „На княжомъ дворѣ садъ (садокъ) рыбный, рыбы живыя, вода вверхъ взведена сажени съ четыре, и устроенъ іорданъ (водоемъ), и выше іордана, сажени съ двѣ вверхъ, безпрестанно вода прыгаетъ, на дробныя капли, а къ солнцу, что камень хрусталь. А около княжова двора древа кедровыя и кипарисныя и благоуханіе велие; а о Крещеніи жары великіе: у насъ на Руси таково и о Ивановѣ дни. Яблока великіе и лимоны родятся, по дважды годомъ; а зимы во Флоренскѣ не бываетъ ни одного мѣсяца“. Но у Флоренскаго Князя было много садовъ и въ городѣ и за городомъ и посланникъ цѣлую недѣлю, по вся дни, любовался этими садами, удивлялся тамошнимъ ликовникамъ. „А въ садахъ красота и благоуханіе ароматное, восклицаетъ онъ, — древа всѣ кедровыя и кипарисныя. Въ февралѣ мѣсяцѣ плоды зрѣютъ: яблока предивныя и лимоны двои — одинъ величествомъ по шанкѣ, и виноградъ двойной, бѣлый да вишневый, и анисъ. А питья — вино церковное свѣдое и бѣлое французское и малвазія, и аликантъ; а бодокъ нѣтъ никакихъ, только лишь яковитка; пуще, тройнаго вина.... А ягодъ винныхъ и изюму нѣтъ, а иныхъ овощей много: арбузы, груши, смоквы, а иныхъ именъ не знаю... А красоту въ садахъ нельзя описать — потому что не быва-

еть у нихъ зимы и снѣга ни одного мѣсяца. Рыбныхъ садовъ (саdkовъ) много же, а рыбы дикія, безчешуйныя. А за тѣмъ и игръ, органовъ, киваловъ и музыки много, а иные люди (статуи) сами играютъ въ органы, а никто ими не движеть; а много описать неумѣтъ: потому—кто чего не видалъ, тому и въ умъ непрійдетъ“.

Потемкинъ, бывшій въ Испаніи и Франціи въ 1667 году, замѣчаетъ о садѣ въ Севиліи, что „въ томъ саду воды взводныя (фонтаны) и травы сажены разными образцы, по ихъ извычаю“. Въ Мадридѣ онъ видѣлъ королевскій дворецъ и садъ. „Около всѣхъ палатъ сады и воды взводныя и травы узорами устроены разными; потому что зимы у нихъ и большихъ морозовъ никогда не бываетъ... Въ большомъ королевскомъ саду яблоки, груши, дули, вишни, ядра миндальныя, ягоды винныя, виноградъ, лимоны, померанцы, орѣхи грецкіе, кипарисы, финичныя дрова. А вода въ томъ саду приведена за двадцать верстъ—и устроены пруды, плотины каменныя... Въ Фаледолидѣ (Вилладолидѣ) на королевскомъ дворѣ палаты многія, въ саду воды взводныя, травы сажены узорами; винограда и всякихъ деревъ много, на которыхъ рождаются винныя ягоды, миндальныя ядра, гранаты, яблоки, груши, лимоны, аранцы, оливки, цитроны, орѣхи грецкіе, вишни, и финичныя деревья; кипариса множество“...

Живые рассказы о заграничномъ садоводствѣ конечно были полнѣе этихъ замѣтокъ. Они-то можетъ быть и возбуждали предприимчивость царя Алексѣя и вызывали разныя нововведенія и улучшенія въ старинномъ нашемъ садоводствѣ, особенно въ отношеніи садовъ увеселительныхъ.

Къ устройству садовъ и всякаго хозяйства въ Измайловѣ государь приступилъ въ 1663 году по плану весьма обширному, въ который между прочимъ входило и разведеніе винограда, шелковицы, хлопчатой бумаги, травы маринны (марены)

и т. д. Такъ какъ Астрахань въ то время являлась великимъ любимиши прекоростеянни, то первая ить выиска оттуда и послѣдовала 30 августа 1665 г.: астраханецъ Василій Микитинъ, крѣпиво садовникъ, привезъ къ государю въ Москву первые виноградныя кусты и стѣвна арбузыя, дынная и булдыжская. Затѣмъ 21 октября того же года отправленъ былъ въ Сибирскъ за шугосыми деревьями сокольникъ Дмитрій Раковъ, которому выдано изъ расходу 50 р. и въ видѣ награды 5 р. Каковъ былъ результатъ этой посылки, найдено ли въ Сибирскихъ мѣстахъ тутовое дерево или сокольникъ тащилъ изъ норыи разъ только для справки—неизвѣстно. Зимомъ 28 января 1666 г. въ Сибирскъ снова былъ посланъ уже за черенками тутоваго дерева сокольникъ Елисей Батоговъ, а Дмитрій Раковъ отправленъ въ Кіевъ за плодовыми деревьями. Весномъ послѣдній привозъ оттуда „дерева съ кореньемъ венгерскихъ дуль и сливъ и орѣховыхъ и виноградныя кусты“⁴. 23 апрѣля изъ привезенныхъ растеній государь указалъ отослать: во Дворецъ, т. е. въ Кремлевскіе сады, 10 кустовъ винограду съ кореньемъ, по 5 деревъ съ кореньемъ броснины, орѣховъ волоскихъ, дерени, черешни; 50 черенковъ черешнижъ, 8 деревъ венгерскихъ сливъ съ кореньемъ, 20 черенковъ грушъ венгерскихъ, 20 черенковъ дуль венгерскихъ. Въ Измайлово, въ сады: 20 кустовъ винограду съ кореньемъ, по 15 деревъ съ кореньемъ броснины, орѣховъ волоскихъ, дерени, черешни; 22 дерева сливъ съ кореньемъ венгерскихъ, 4 дерева грушъ венгерскихъ, 2 дерева дуль венгерскихъ съ кореньемъ. Съ этими древесями изъ Кіева былъ присланъ виноградный садовникъ Можигорскаго монастыря старецъ Филаретъ, который и былъ главнымъ руководителемъ въ уходѣ за черенками. Жить ему было опредѣлено въ Чудовѣ монастырѣ, а въ Измайлово въ сады ѣздить

съ полковникомъ и головою стрѣleckимъ, знаменитымъ въ послѣдствіи Артемономъ Матвеевымъ.

Въ то же время (28 января 1666 г.) отправленъ въ Астрахань тамошній садовникъ Ларіонъ Льговъ съ порученіемъ вывезть оттуда „травы шарины, сѣмени шелковыхъ червей и хлопчатой бумаги, по скольку пудъ доведетца, да двѣ тысячи черенковъ виноградныхъ“. Ему дано вмѣсто жалованья 10 р., да 20 р. на путевыя издержки. Въ началѣ апрѣля все это было доставлено въ Москву и кромѣ того Льговъ привезъ съ собою разныхъ садовыхъ мастеровъ, приглашенныхъ вѣроятно по царскому же указу: шелковаго дѣла заводчика Жебреина Бархадарова съ ученикомъ Петрушкою Потаповымъ, тутоваго дѣла черенковаго заводчика, который зналъ также красильное искусство, Григорья Давыдова, виноградныхъ садовниковъ Василья Ларіонова, Ѳедора Гарасимовъ, Ѳедора Иванова. За пріѣздъ имъ выдано въ награду по 5 р. каждому. Въ 1667 г. марта 14 тотъ же Ларіонъ Льговъ писалъ изъ Астрахани, что накупилъ онъ тамъ всякихъ сѣменъ: арбузныхъ, виноградныхъ, огурешныхъ заморскихъ и пшенишныхъ цареградскихъ, всего 4 пуда 3 гривенки на 4 рубля 29 алтынъ, которыя потомъ привезъ въ Москву и сдалъ по слѣдующей росписи: пудъ 10 гривенокъ винограднаго сѣмени, полфунта 6 золотниковъ *Запоставва* дерева, 15 золотн. миндаальныхъ ядеръ, фунтъ сѣмени огурешнаго кизылбашскаго, полфунта сѣмени глотошново, фунтъ безъ чети сѣмени дыннаго трухменскаго, фунтъ сѣмени дыннаго бухарскаго и трухменскагожъ, фунтъ сѣмени финникова дерева, пудъ пшеницы цареградской, 16 гривенокъ сѣмени арбузнаго шемахинскаго, 18 гривенокъ сѣмени арбузнаго астраханскаго, три тыквы долгошеи съ сѣменемъ, 24 золотника ягодъ *инде*, полфунта сѣмени перешнаго астраханскаго, 12 золотниковъ сѣмени бумажнаго, 8 золотниковъ ядеръ кизыловыхъ. Въ

того же году 25 марта новый садовник старецъ Филаретъ привезъ изъ Кіева 16 деревь черешень, 2 дерева грушъ, 94 дерева сливъ венгерскихъ, 10 кустовъ винограду, 2 дерева орѣховъ, 30 орѣховъ валоскихъ съ ростками, 6 деревь тутовшъ, 1 дерево морели. 3 дерева дерени; всѣ растенія посланы съ старцемъ-садовникомъ тогда же въ Измайлово.

Азтомъ 6 июля послана грамота въ Сибирскъ къ воеводѣ кн. Нв. Нв. Дашко ву, „а велѣно ему изъ Сибирска на рѣку Соку и на нныя рѣки послать челоуѣка добраго, кого пригоже, и по тѣмъ рѣкамъ искать поводаго тутоваго дерева. А по которой рѣкѣ сколько въ которыхъ мѣстахъ тутоваго дерева сыщутъ и въ колькихъ верстахъ отъ Сибирска и то велѣно писать на росписъ имено“.

Затѣмъ осенью тогоже 1667 года сентября 18 астраханскій садовникъ Ларіонъ Льговъ отпущенъ былъ въ Астрахань съ новыми порученіями, которыя все дальше и шире охватывали поле Измайловскихъ хозяйственныхъ предпріятій и замысловъ. На этотъ разъ велѣно ему призвать въ Москвѣ мастеровыхъ людей: 1) Кто бы блан дѣлалъ. 2) Чтобы краски зналъ въ травахъ и красить умѣлъ кивдаки. Да развѣдать подлинно, чѣмъ красятъ Кизылбани и гдѣ емлютъ краски, покупають ли, или изъ травъ и изъ какихъ травъ дѣлають; и имена провѣдать и образцы привезть травамъ. 3) Также привезть конатнаго мастера, ктобы дѣлалъ изъ травы плакуна. И иныхъ такихъ же травъ доуѣдываться тайно, изъ которыхъ бы были конаты и нныя пряжены. 4) Привезти такова челоуѣка, кто бывалъ въ Трухменехъ, и въ Хивѣ и въ Балхѣ, и въ Бухарехъ. 5) Да привезть сѣмянъ всякихъ по росписи.

Въ то время, когда происходили эти посланки и поѣздки и вывозъ растеній и садовниковъ, для постоянныхъ занятій по устройству Измайловскихъ садовъ выбрано было 15 челоуѣкъ опытныхъ садовниковъ изъ Москвичей, имено изъ стрельцовъ,

которые, какъ известно, жили въ Москвѣ особыми слободами и между разными другими промыслами, занимались также и садоводствомъ. Они должны были *строить всякія деревья*, т. е. садить и ухаживать за ними; но прежде, еще раннею весною 1666 года, ихъ отправили по разнымъ городамъ, славившимся своими садами, для выбора въ новый царскій садъ лучшихъ деревьевъ яблоневыхъ, грушевыхъ и дульныхъ. Порученіе было исполнено въ точности и въ свое время привезено и посажено множество отличныхъ деревьевъ. Подмошковые сады дворцовыхъ крестьянъ и частныхъ лицъ также по мѣрѣ надобности доставляли въ Измайлово лучшіе свои деревья и кусты, обыкновенно посредствомъ покупки. Такъ въ апрѣлѣ тогоже года было куплено въ селѣ Ясеновѣ сто славъ за 12 р. 25 алтынъ.

Между тѣмъ въ теченіи всего февраля и марта тогоже 1666 г. безпрестанно возилъ въ новый садъ навозъ съ Государева *Остожья* или Остоженнаго двора, на берегу Москвы рѣки, гдѣ нынѣ улица Остоженка и гдѣ прежде существовала большая царская конюшня и стояло стогами множество сѣна.

Садъ, въ которомъ посажены были виноградные черенки и всѣ другія плодовые деревья, названъ былъ *винограднымъ*. Лѣтомъ въ него провели изъ пруда воду машиною, по модели, сдѣланной часовникомъ Моисеемъ Терентьевымъ.

Тутовые черенки посажены были на пустошѣ Максимовѣ. Въ концѣ апрѣля, когда началось *тутовое сажанье*, при немъ на работѣ было триста человекъ солдатъ выборнаго государева полка Матвея Кравкова. Для посадки, тѣмъ завашивать тутовые черенки, куплено воску и смолы на 40 р.

Посадка виноградныхъ и тутовыхъ черенковъ производилась въ грядахъ или *творилахъ*, обнесенныхъ тесомъ. Для сохраненія ихъ накрывали рогожами—ценовками.

Крѣпъ черенковъ, тутъ и виноградъ развели также и съ-
нивами; въ апрѣлѣ 1668 г. приготолены были гряды подъ
виноградное сѣмя и въ тоже время въ тутовомъ саду
коренной и *сѣмянной* тутушъ подрадилса раскрывать крестъ-
линичъ села Ивановскаго Матюшка Кузнецъ за 9 р. 50 к. Въ
какомъ состояніи находилосъ уже въ это время разведеніе
тутоваго дерева, можемъ судить по садовой росписи, пода-
ной государю 10 октября тогоже 1668 года.

„Роспись тутовому дереву, которое принялось: перваго
Сибирскаго привозу 900 деревъ: другаго Сибирскаго при-
возу 1700 деревъ. Да прошлаго года сѣяннаго 20 грядъ по 35
саженъ съ полусаженью, 15 грядъ по 25 саженъ. Да тогожъ
молодаго почешнаго дерева принялось 900 деревъ. Да ны-
нѣшняго году о Покровѣ посажено для опыту 300 деревъ, сѣ-
меннаго почешнаго. Да тогожъ почешнаго дерева оставлено
для опыту не покрыто 200 деревъ. Да Сибирскаго привозу
5 деревъ оставлено не покрытожъ. Да нынѣшняго года сѣ-
меннаго туту 2 гряды по 25 саженъ.“

На другой годъ по разведеніи сада, въ 1667 г. выписаны
были и ввозенные садовники Индрикъ Кашпиръ и Григорій
Хуть или Годъ съ толмачомъ Дирикомъ Детерсомъ. Имъ да-
вали кормовыхъ денегъ по 12 р. въ мѣсяцъ, а толмачу 4 р.
50 к. Въ 1668 г. Индрика Кашпира замѣнилъ Фалентинъ
Давицъ, на томъ же содержаніи.

Григорій Хуть, *огородный строищикъ*, развелъ по
пріѣздѣ обширный огорождъ на пустоши Просяномъ и строилъ
тамъ всякія травы и овощи въ грядкахъ и творахъ. За ко-
панье грядъ работникамъ выдавали по 2 алтына по 2 денги
отъ гряды.

Фалентинъ Давицъ занимался винограднымъ садомъ, гдѣ
строилъ также всякіе нѣмецкіе травы и цвѣты. Разведеніе

винограда поддерживалось и распространялось выпискою из Астрахани новых черенков: в 1668 г. туда снова были посланы для виноградного дерева садовники Василий Ларионовъ и Ѳеодоръ Ивановъ. Въ 1670 г. вмѣсто садовника старца Филарета, который вѣроятно былъ отпущенъ на родину, выписаны Лубенскаго Мгарскаго монастыря старцы Генадій и Анофрій. Ихъ вскорѣ (съ юля) замѣнилъ Григорій Карповъ, прибывшій изъ Камарицкихъ волостей.

Мы видѣли, что сѣмена хлопчатой бумаги были вывезены изъ Астрахани. Разведеніемъ ея занимался бумажнаго дѣла мастеръ Ѳеодоръ Григорьевъ Амосовъ съ Терека, который въ концѣ сентября 1679 года снова посланъ на Терекъ для покупки и привозу къ Москвѣ *бумажнаго новаго сѣмени*. Въ началѣ апрѣля 1670 г, онъ возвратился и привезъ бумажныхъ сѣмянъ и травы марены.

Какъ велики были успѣхи въ разведеніи этихъ привозныхъ растений—неизвѣстно; но по всему вѣроятію, не смотря на всѣ старанія и издержки, они были незначительны. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ смерти царя Алексѣя Михайловича въ виноградношъ саду оставалось винограда только девять кустовъ.

Какъ бы то ни было, дѣятельность царя Алексѣя Михайловича была неутомима. Въ 1670 г. разведенъ былъ *Круглый огородъ*, назначенный для аптекарскихъ растений, прозванный *аптекарскимъ*. Въ этотъ Круглый огородъ привезено было изъ Сибирска въ 1673 г. окт. 23 свѣжихъ пеньковъ и корней для посадки: 1100 пенковъ сверобарнинику, 800 корней лилея пестрой, 550 чижова глазу, 500 кропу дикопольнаго, 150 игиру, 100 арингіумъ, 500 бедренцова, 93 корьяефлату, 100 касатцу, 70 агримони, 100 святаго Яна зелья, 250 цыхорш, 180 целидоніи, 180 шалвен, 24 левесилу, 500 кол-

салнды, 60 шарагу, 70 шижи, 50 головички, 30 малы *). Въ 1674 г. юля 18, царь снова послалъ за море для покупки *заморскихъ смени, деревъ и травъ* астраханца Иванъ Савельева. На эту покупку ему выдано товаровъ: 100 пудъ итьи дощатой по 5 р. съ полтиною пудъ, $\frac{1}{2}$ пуда рыбныхъ (моржовыхъ) костей по 40 р. пудъ, соболей семь сороковъ на 485 р. Да взаимы ему дано вѣсто государева жалованья 300 золотыхъ червонныхъ, безъ сомнѣнiя для его собственныхъ оборотовъ.

Не должно полагать однакожь, чтобы Измайловское садоводство ограничивалось исключительно только хозяйственною

*) Изъ Сибири въобще не доставлялись въ то время для царской аптеки всѣя лекарственныя цвѣты, травы, коренья и даже вода. Вѣстѣ съ свѣдѣнiя коренья тогда не было привезено цвѣтовъ: шалфейна бочка 7 ведръ намочено вѣномъ, букашиново цвѣту 7 ведръ въ бочкѣ намочено вѣномъ на. Травъ сушеныхъ въ пучкахъ: ашробомъ 220 пучковъ, целидоніи 100, вѣну кельяга 160, шижи 230, чечуйной 220, шарагу 140, чинава глазу 150, бедрицу 300, дынной травы 180, шарагу 280, насалнды 260, святаго Яна зелья 66, ермигунъ 86, малы 140, арнигунномъ 160, вѣну диконельяга 140, дыгорія 180, камешной нити 130, немля 64лей 300, огренинiя 180, слобіосомъ 120, другой слобіосомъ 100, главички 100, каріонелатомъ 80, насалнды 115, цвѣту шалфейнаго. Коренья сушеннаго: шарагова 11 гривенокъ, святаго Яна 5 грив., девонельяга 2 пуда 20 грив., насатцова пудъ, бедрицова 15 грив., дыгорія 11 грив., каріонелата немлуда, целидоніи 5 грив., алеса кестрыя 5 пудъ, камешной нити 7 грив., немлотнога 7 грив., насалндывага 26 грив.

Въ 1666 г. юля съ 5 августа по 9 число въ Сибири въ изготовлено было разныхъ водокъ 18 бочекъ, а въ нихъ 249 ведръ, да 8 коробей лубяныхъ съ разными лекарственными травами. Въ 1667 г. юля по 22 число тамъ же было изготовлено гуляной воды (розовой воды) 50 ведръ, да воды изъ разныхъ травъ 118 ведръ. Въ томъ же году сент. 25 присланы были изъ Сибири а овощи съ садовниномъ Ив. Разнащипкомъ новаго саду заморскихъ свѣжихъ огурцовъ 700 зеленыхъ, 100 желтыхъ свѣжихъ, которые, тамъ поступила на Измайловскіе огороды.

цѣлю. Государь, сказавшій при составленіи Сокольничьяго Урядника, что *дѣлу время и потѣхъ часъ*, т. е. что всему свое время, и дѣлу и потѣхѣ,—любилъ веселиться и потому Измайловскіе сады были въ тоже время и садами увеселительными. Въ виноградномъ саду стояли три терема или бесѣдки, украшенныя рѣзбою и расписанныя красками. Около теремовъ были гулбища или галлерей, также украшенныя. Въ Просняскомъ саду также строились два *чердака* или терема. Въ томъ и другомъ саду стояли сверхъ того *перспективы*—картины, писанныя состоявшимъ при Измайловѣ живописцемъ *преоспективнаго дѣла мастеромъ* Петромъ Энглесомъ. Избравъ лучшее мѣсто посреди этихъ садовъ и всѣхъ хозяйственныхъ заведеній, царь выстроилъ себѣ усадьбу—дворецъ и въ 1667 г. обвелъ это мѣсто широкимъ каналомъ, какъ бы озеромъ, такъ что изъ усадьбы образовался Островъ, получившій названіе Измайловскаго. Устройство этого острова началось 3 августа, когда состоялось слѣдующее повелѣніе: „Около острова учинить озеро; для нынѣшней осенней воды, копать ровъ отъ острова 5 саж. круто отваломъ, а глубина 2 саж., подшвы 5 саж. Отъ подшвы на полевую сторону отвалошъ 10 саж. Всего будетъ отъ берегу до берегу, межъ береговъ, 20 саж.; а около острова берегу будетъ 180 саж.; а съ полевую сторону берегу будетъ 300 саж.; а дробныхъ будетъ того копанья 5600 саж.“

Къ концу царствованія Алексѣя Михайловича въ садовомъ штатѣ Измайлова находились: главный садовникъ Григорій Хуть (Годъ), другой—Фалентинъ Давиць, получавшіе жалованья по 100 р. въ годъ; Просняскаго саду садовникъ Никита Ермолаевъ, Новаго саду садовникъ Антонъ Дорофеевъ, получавшіе по 10 р.; Винограднаго саду Григорій Карповъ получ. 9 р.; Шелковыя мастера Алексѣй Потаповъ, Ѳедоръ Ивановъ по 9 р.; Новаго сада, на острову, садовникъ Ѳедоръ Антоновъ 5

р.; Хлопчатобумажнаго дѣла мастеръ Федоръ Аносовъ 10 р.; Виноградныхъ и Арбузныхъ садовъ садовники Савка Леонтьевъ, Федко Исаковъ по 10 р., Родионъ Гольскій 5 р. Тутовымъ садомъ занимался по прежнему заводчикъ его Ларионъ Льговъ, получавшій годоваго жалованья 50 р. Въ 1674 г. въ помощь къ нему выписаны были новые тутовые заводчики иноземцы Касимъ Аджавъ да Мамтегей Замановъ, получавшіе жалов. по 45 р. въ годъ. Разведеніе шелковицы подерживалось безъ сомнѣнія выпискою новыхъ сѣмянъ. Въ декабрѣ 1672 года государю челомъ ударилъ Персидскія земли армянинъ Григорій Лусиковъ „шкатулкою съ червями, отъ которыхъ шелкъ родится“ и которые 30 апрѣля 1673 г. въ особомъ туеакѣ (буракѣ) сданы были изъ комнатъ государя въ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ.

Вотъ тѣ немногія свѣдѣнія, какія удалось намъ собрать о замѣчательныхъ по времени предпріятіяхъ царственнаго садовода въ его любимомъ Измайловскомъ хуторѣ. Пожалѣемъ виѣстѣ съ читателями, что свѣдѣнія эти по своей скудости не могутъ знакомить съ главнымъ, т. е. съ самыми приѣмами старинныхъ садоводовъ въ разведеніи растений и уходѣ за ними и со всѣмъ тѣмъ, что должно было бы характеризовать старинное садоводство.

Чтобы познакомиться съ виѣшнимъ устройствомъ Измайловскихъ садовъ и съ тѣмъ, въ какомъ количествѣ разведены были тамъ плодовые деревья, представляемъ описаніе этихъ садовъ, сдѣланное въ 1689 году, спустя четырнадцать лѣтъ по смерти царя Алексѣя Михайловича, слѣд. въ то время, когда многое изъ его начинаній было уже совершенно оставлено.

„Виноградный Садъ, огороженъ кругомъ заборы въ столбы, а въ заборѣ четверы ворота съ калитками, крыты тесомъ, верхи у воротъ шатровые. А по мѣрѣ того саду шести-----

десятинъ. А въ саду яблони, вишни, груши, сливы, дули, малина, смородина, земляница, клубница и розныя всякіе травы съ цвѣтами; девять кустовъ винограду, одиннадцать кустовъ орѣховъ грецкихъ. А среди саду три терена со всходы и съ красными окнами, кругомъ ихъ перила; около теремовъ пути, межъ путей столбцы точеныя. Теремы, столбцы и грядки писаны красками. Въ томъ же саду *Средина* длиннику 210 саж. поперечнику 190 саж., а огорожена заборы четверугольно, 383 прясла заборовъ. А въ ней четверы ворота съ калитками, крыто тесомъ и скалою. Въ виноградномъ же саду *грушевой садъ* и *дули*, длиною и шириною по 80 саж., огороженъ заборы, въ садъ ворота створчатые съ калиткою крыты тесомъ. Въ томъ же саду *сливовой садъ* длиною и шириною по 100 саж. Въ томъ же саду *два сада вишневыхъ*, одинъ длиною и шириною по 100 саж., другой садъ длиною 150 саж. въ ширину 45 саж. Въ томъ же саду *два пруда*, плотины кладены дерномъ, сливныя мосты лубовые.“

„*Проснянской садъ*, а въ немъ 142 яблони, да въ немъ же два чердака, одинъ несовершенъ да *перспективно*, писаны красками. Межъ *творилъ* столбы и къ нимъ прибаваны *рядки*, писаны красками. Межъ столбовъ и межъ грядокъ барбарисъ и крыжевникъ, малина и смородина. А творила обиваны тесомъ; а въ садъ шестеры ворота и въ томъ числѣ двой ворота съ вышками, крыты тесомъ; одинъ писаны красками, на верху три яблока золоченыхъ; четверы ворота крыты шатрами тесомъ. Да въ томъ же саду *смотрящая* да прудъ. Земли подъ тѣмъ садомъ 8 десятинъ съ третью. Да около того Проснянскаго саду *огородъ*—садятъ арбузы, дыни, тыквы, огурцы астраханскіе, капусту и всякіе лѣтніе овощи. Земли подъ огородомъ двѣ десятины съ полудесятиною. Около того жъ саду два колодезя, надъ ними подъ кровлями колеса. Ледникъ, надъ нимъ анбаръ...“

Сады, чина на остросту, не въ дѣлѣхъ, оговоренныя зѣбары, а въ него ворота съ камнями, посрединѣ кругомъ сиродина и каменка. Земля поль садомъ поль ситымъ. Землепшникъ и роща землешинная, оговоренныя зѣбары, поль нина земля польдесятныя.⁴

По смерти царя Алексея Михайловича, всѣ его предмѣрія по разведенію инограда, пожеланія, хлѣбной бунга, пароны были оставлены. Федоръ Алексѣевичъ, вступившій на царство также въ молодилъ лѣтѣхъ, но слабости зморевя, ады ли поль съ такою же зворгѣю вести это дѣло дальше, и тѣмъ болѣе, что пожелательныя усилки были весьма сомнительны. Возрѣдѣніе инограда, грѣцкаго ортка и т. п. растеній сдѣлалось уже принадлежностью садовъ увеселительныхъ, въ Кремлѣ и въ Преображенскомъ.

Домашнее, владѣное садоводство составляло все-таки главную дѣль садоваго хозяйства и потому старательно поддерживалось и по нѣрѣ надобности распространялось въ разныя мѣстала Москвы и даже въ увеселительныя Кремлевскія сады.

Кремлевскія Набережныя сады, Верхній и Нижній, при царѣ Алексѣѣ и его дѣтихъ, приведены были въ самое цвѣтущее состояніе. Верхній садъ, какъ мы уже сказали, расположенъ былъ на сводѣхъ обширнаго каменнаго зданія, спускавшагоса фасадомъ до подошвы кремлевской горы. Онъ былъ обнесенъ каменной оградой съ частыни оканни, которая составляла собственно стѣны зданія, гдѣ воздѣвался садъ. Изъ оконъ, украшенныхъ рѣзьбины, раскрашенныи рѣшетками, открывался обширный видъ на Занескворѣчье. Въ такомъ видѣ этотъ садъ изображенъ на панорамѣ Москвы, изданной въ Голландіи при Петрѣ Великомъ *).

*) Достопамятности Моск. Кремля, г. Вальтова.

Среди сада находился прудъ, въ который вода проведена была съ Москвы рѣки, посредствомъ водовозводной машины, устроенной въ угольной Кремлевской башнѣ, получившей отъ того названіе Водовозводной. Подлѣ сада стояла другая такая же водовозводная башня, построенная въ 1687 году. Верхъ ея украшался часами, а въ среднѣ помѣщалась машина, наполнявшая прудъ водою. Въ прудѣ и въ разныхъ мѣстахъ сада были фонтаны или водометы, называвшіеся также *водными изводами*. Въ углахъ сада, съ набережной стороны, стояли два *чердака* или терема, украшенные рѣзбою и расписанные узорочно красками. Это были бесѣдки. На прудѣ этого верхняго сада малолѣтній Петръ Алексѣевичъ плавалъ въ лодкахъ, въ потѣшныхъ маленькихъ *карбусахъ* и *ошлякахъ* (шнекахъ), украшаемыхъ обыкновенно рѣзбою и красками *).

Нижній Набережный Красный садъ расположенъ былъ подлѣ Набережной Палаты, у Благовѣщенскаго Собора. Онъ разведенъ кажется при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ 1683 г. его перестроили. Дабы имѣть понятіе, что именно сажали и сѣяли въ этихъ садахъ, приводимъ современную записку о разныхъ предметахъ, которые были сюда доставлены 20 апрѣля 1683 года.—„По росписи за помѣтою дьяка Семена Комсина велѣно дать въ новый набережный Красный садъ изъ Московскихъ садовъ: 11 яблоней, 40 кустовъ смородины красной доброй, три лотка да корыто, три ушата, пять шаекъ, пучекъ мочаль, 20 лубовъ москворѣцкихъ, 2 фунта анису, гороху грецкаго, бобовъ по фунту, полфунта моркови, фунтъ сѣмени огурешнаго, два заступа, топоръ, да сѣмьячъ—шафен, темьяну, марьяну по полу-фунта, лейку жестяную, двѣ пилы, 10 гривенокъ (фунтовъ) вару, три фунта воску, фунтъ тыков-

*) См. Домашній Бытъ Русскихъ Царей въ XVI и XVII ст. Ч. I, изд. 2, стр. 77.

наго сѣменя, 200 гвоздей двоетесныхъ, десять метель, вѣнниковъ тожь, да переѣнить три лейки,—сто кустовъ гвоздики.⁴

Въ 1681 году въ апрѣлѣ поступилъ къ Набережнымъ садамъ въ садовники взятый изъ Танбова садовникъ Степанъ Мушаковъ, который съ этого времени и завѣдывалъ здѣсь садовымъ строенемъ. Въ нижнемъ Набережномъ саду находился также чердакъ или бесѣдка, рѣзная и расписанная красками. Въ 1684 году перепективный мастеръ Петръ Энглесъ украсилъ и этотъ садъ *перспективнымъ письмомъ*.

Что же касается *верховыхъ* или собственно *комнатныхъ* садовъ, то ихъ было нѣсколько и опредѣлить ихъ мѣстность совершенно невозможно. Какъ въ частномъ быту садъ составлялъ необходимую принадлежность почти cadaго двора, такъ и въ быту царей, почти каждое отдѣленіе дворца имѣло свой собственный, отдѣльный садикъ, который, соответственно мѣстности самыхъ хоромъ, устраивался обыкновенно на сводахъ какаго либо хозяйственнаго зданія, надъ погребами, подвалами и т. п. Мы видѣли, что въ началѣ XVII ст. верховые сады были устроены при хоромахъ государя и царевича Алексѣя. Комнатный садъ Михаила Федоровича поддерживался и старательно украшался и при Алексѣѣ. Въ 1668 г. въ этомъ саду поставлено было *царское мѣсто*, великолѣпно украшенное живописью. Перила и двери сада были также расписаны красками. Но съ особенною заботливостью этимъ садомъ занимался Федоръ Алексѣевичъ. Въ 1680 г. по его указу, здѣсь поставленъ рѣзной деревянный чердакъ или бесѣдка, расписанная красками и сдѣланная по образцу такого же чердака, находившагося въ Аптекарскомъ саду на Неглинной. Въ то же время садъ былъ обнесенъ оградой, украшенной 137-ю деревянными столбами; изъ нихъ сто были круглые, а остальные четверугольные, всѣ рѣзные и раскрашенные краскамъ

Въ 1685 г. при хоромахъ царицы Наталіи Кирилловны и тринадцатилѣтнаго царя Петра Алексѣевича устроенъ новый верховый садъ, также на каменныхъ сводахъ, длиною 10 саж., поперегъ 4 саж. На покрытие площади для сада вышло 639 $\frac{1}{2}$ пудовъ свинцу, изъ котораго водовзводнаго дѣла мастеръ Галактионъ Никитинъ лилъ доски, покрывалъ ими своды и прочно ихъ запаивалъ. Въ апрѣлѣ въ это свинцовое вѣстияище наносили хорошо простѣянной земли, глубиною на аршинъ съ четвертью. И въ этомъ саду стоялъ также разукрашенный теремъ или бесѣдка. Въ 1687 г. здѣсь устроенъ небольшой прудокъ, въ который вода была проведена посредствомъ свинцовыхъ трубъ. Подобнымъ же образомъ безъ сомнѣній были устроены описанные выше и всѣ другіе *верховые* сады. Послѣ пожара въ 1737 г. изъ пруда въ Верхнемъ Набережномъ саду вынута обгорѣлаго свинца 176 пудъ 10 ф.

Были еще верховые сады, одинъ подлѣ Столовой палаты, у алтарей Спасскаго Собора на Бору, другой на Потѣшномъ Дворѣ (нынѣ домъ Комменданта), на верхнихъ хоромахъ.

Набережные и верховые сады были разбиты на нѣсколько цвѣтниковъ и грядъ, между которыми шли дорожки для прогулокъ, обложенныя не дерномъ, а тесомъ, такъ что цвѣтники и гряды находились собственно въ ящикахъ. Кроме того дорожки между кустами отдѣлялись столбиками, въ которыхъ утверждены были грядки, поперечныя жерди, раскрашенныя, какъ и столбики, разными красками. Черная земля во всѣ сады привозилась изъ-замоскворѣцкихъ Берсеневскихъ садовъ и даже съ мостовъ, т. е. съ тогдашнихъ деревянныхъ, бревенчатыхъ мостовыхъ, на которыхъ накоплялось довольно грязи, доставлявшей отличный навозъ.

Во всѣхъ садахъ висѣли кѣтки съ канарейками, ракетками и даже попугаями. Но любимая нашими предками и преимущественно садовая птица была пеленка (перепелка). Въ 1667

году при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ комнатномъ саду висѣло нѣсколько кѣтокъ съ пеленками; сѣтки у этихъ кѣтокъ были шелковыя.

Въ концѣ XVII стол. особенно дѣтельно разводился садъ на Прѣснѣ, въ селѣ Новомъ Воскресенскомъ, гдѣ былъ построены и царскій дворецъ. Въ апрѣлѣ 1681 г. велѣно дать на Прѣсни въ государевъ садъ для прививки къ пенкамъ дѣсти черенковъ яблонныхъ. Въ то же время разводился садъ на Дѣвичьемъ полѣ. Въ 1682 г. 7 октября велѣно дать въ садъ, что на Дѣвичьѣ полѣ, на весну сѣмянъ: пять фунтовъ дынныхъ, полпуда анису, кишинецу тожъ, десять фунтовъ сѣмянъ арбузныхъ. Весною 1683 г. туда отпущено для прививки яблоней десять фунтовъ смолы, 4 фунта воску. Этотъ садъ отличался впрочемъ весьма обширнымъ разведеніемъ дынь и арбузовъ. Но несравненно замѣчательнѣе было разведеніе садовъ въ селѣ Преображенскомъ, при дворцѣ царя Петра, гдѣ онъ имѣлъ почти постоянное пребываніе, особенно въ первые годы царствованія, до отъѣзда въ Петербургъ. Тамъ было разведено три сада и по шѣрѣ того, какъ садоводство упадало въ Измайловѣ, оно возраждалось и распространялось въ Преображенскомъ, такъ что Преображенскіе сады вскорѣ заняли первое мѣсто между всѣми садами Москвы. Ниже, изъ общаго описанія всѣхъ дворцовыхъ садовъ, мы увидимъ въ какомъ состояніи были эти сады и что въ нихъ разведилось. Нужно замѣтить, что съ разведеніемъ Преображенскихъ садовъ, окончилось и старинное царское садоводство, по преимуществу хозяйственное, а въ отношеніи цвѣтовъ—аптекарское. Въ началѣ XVIII ст. царскіе сады принимаютъ иной характеръ, становятся садами болѣе увеселительными, нежели хозяйственными, и первый садъ, разведенный совершенно по иностраннымъ, западнымъ образцамъ, былъ Головинскій или,

какъ его называли въ послѣдствіи, Слободской, о которомъ свѣдѣнія помещаемъ ниже, въ дополненіяхъ къ этой статьѣ.

Сдѣлаемъ теперь обзоръ собственно садоваго *строенья*. *Строятъ* садъ, *строятъ* цвѣты и всякія травы значило вообще растить и ухаживать за растеніями. Мы уже видѣли, что привозныя растенія были посажены въ *теорылахъ* и *рядкахъ*, обитыхъ тесомъ. Рощеніе арбузныхъ сѣмянъ производилось въ коробахъ. 1683 г. марта 12, въ Набережный садъ для этого рощенія куплено два короба. На ночь и въ холодное время растенія покрывали рогожами, рядвыми и ценовками. 1670 г. авг. 7. въ Измайловскій виноградный садъ для покрыванья винограда взято 20 рогожъ ценовокъ. 21 мая 1694 г. въ Нижній Набережный садъ для крышки дыней и арбузовъ отпущено 60 рогожъ. На зиму растенія укутывали сѣномъ, рогожами и войлоками, а надъ иными строили анбары. 1682 г. 16 октября въ Красныя Набережныя сады, въ Верхній и Нижній, отпущено для крышки винограда и арбузныхъ сѣмянъ возъ сѣна. Въ 1686 г. 28 сентября въ верховой садъ царя Петра Алексѣевича на покрывку царградскаго орѣха и сереборинниковъ выдано 40 рогожъ рядныхъ, на покрывку грецкихъ орѣховъ войлокъ. Въ 1690 г. въ концѣ сентября въ верхнемъ Набережномъ саду выстроены анбаръ для грецкаго орѣха.

Цвѣты и всякія аптекарскія травы сѣялись также въ *теорылахъ* и *ящикахъ*. Въ 1670 г. 19 іюня, плотники дѣлали въ Измайловскомъ виноградномъ саду въ среднѣ, гдѣ цвѣты и иѣмецкія травы, творило и гряды обивали тесомъ, во всѣ стороны по шестнадцати сажень, да четверть творила такого жъ, гряды обивали тесомъ же. Туда же въ 1692 году потребовано на обивку грядъ 500 досокъ сосновыхъ трехсаженныхъ москворѣцкихъ.

1681 г. мая 2, въ Нижній Набережный садъ потребовано на творила 200 тесницъ. 1688 г. мая 14 въ Набережные сады на дѣло около цѣтвъ ящиковъ дано 300 гвоздей двоекесныхъ.

Кустовыя растенія малина, смородина, барбарисъ и пр. огораживали *рядками*, т. е. жердями, укрѣпленными въ столбахъ. Эти загородки расписывали красками.

Растенія подвязывали мочалами и лыками, очищали ножницами, отъ птицъ покрывали неводными сѣтями, а иногда и проволочными сѣтями. 1683 г. марта 12 въ Набережной садъ на крышку всякихъ травъ отъ птицъ взято 10 сажень сѣтей неводныхъ ветхихъ. 1686 г. юня 18 въ Коломенское для крышки вишенъ отъ птицъ купленъ неводъ ветхой.

Ползавка производилась изъ жестяныхъ леекъ, также шайками, а воду приносили въ ушатахъ. 1685 г. апрѣля 29, въ Верховые и Набережные сады на дѣло десяти леекъ отпущено 68 листовъ желѣза бѣлаго, 3 фунта сала медвѣжья, 1 $\frac{1}{4}$ ф. нашатырю, $\frac{1}{4}$ ф. проволоки желѣзной, 2 четверта угля, 3 $\frac{1}{2}$ фунта олова.

Въ Измайловскихъ садахъ всѣ садовыя работы производились вольнонаемными людьми, которые получали въ 1678 г. по рублю 10 коп. въ мѣсяцъ, кромѣ корму, на который выдавалось по 30 алтынъ человѣку въ мѣсяцъ; но большею частью кормъ рабочихъ сдавался на подрядъ; подрядчики получали ту же цѣну съ человѣка по 30 алтынъ. Кромѣ разныхъ другихъ работъ, наемные работники вычищали дороги и пололи вѣмецкіе травы и цвѣты и готовили въ гряды землю.

Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ представляемъ современныя записки о матеріалахъ, которые въ разное время требовались для садоваго дѣла. 1683 г. марта 12 въ Измайловскіе сады Виноградный, Просянской и Новый садъ, что на

острову, отпущено 200 ставковъ въ полторы кружки, 300 ставковъ по кружкѣ, 300 ставковъ по полкружкѣ, для посадки въ нихъ въ царскіе хоромы разныхъ ягодъ, малины, земляники, клубники, вишень и пр.; сто лопатъ, пятьдесятъ пучковъ лыкъ, по 100 лыкъ въ пучкѣ, сорокъ пучковъ мочалъ большихъ, 50 роговъ рядныхъ, большой руки, 30 лопатокъ желѣзныхъ, нуль стры красной, полпуда сѣмени огуречнаго, полфунта сѣмени дыннаго, полпуда сѣмени росаднаго.

1685 г. мая 10, туда же велѣно купить 10 ф. сѣмени росаднаго, 10 ф. огуречнаго, 2 ф. дыннаго, 50 роговъ рядныхъ большой руки, 30 лопатокъ желѣзныхъ, 50 ужищъ лычныхъ, 300 кулчковъ денежныхъ, 2000 ставковъ въ кружку и въ полкружки, липовыхъ; 10 пучковъ лыкъ, въ пучкѣ по 200 лыкъ, 10 пучковъ мочалъ, да для прививки яблоней и всякихъ деревъ 2 пуда стры еловой, 10 фунтовъ воску.

1686 года апрѣля 25, въ село Преображенское въ сады и въ огороды: пилу, чѣмъ яблони подчищать, одноручную, въ желѣзныхъ станкахъ; три гривенки (фунта) съ третью вару, фунтъ сѣмени огуречнаго, треть четверти четверика гороху волоскаго, треть полчетверика бобовъ, фунтъ сѣмени свекольнаго, треть фунта маку нѣмецкаго, треть фунта сѣмени редечнаго, четверикъ луку, 333 чесноковицы добрыхъ, фунтъ безъ трети сѣмени рѣпнаго, фунтъ сѣмени морковнаго, треть полфунта салату чернаго, рѣдьки нѣмецкой тожь, треть фунта сѣмени капустнаго, фунтъ безъ трети бобовъ нѣмецкихъ, треть четверти четверика гороху грецкаго.

1691 г. апрѣля 22, въ село Преображенское въ государскіе сады куплено сѣменнаго ряду у Елисея Васильева полчетверика гороху грецкаго, дано 6 алтынъ 4 денги, полчетверика волошкаго 13 алт. 2 д., четверть четверика бобовъ 5 алт., 2 ф. сѣмени огуречнаго 6 алт., фунтъ сѣмени редковнаго, фунтъ сѣмени свекольнаго 4 алт., 2 ф. сѣмени мор-

ковнаго 4 алт., фунтъ сѣмени рѣйнаго 2 алт., полосины луку 6 алт. 2 д., 500 чесноку 5 алт. 4 д., да для крышки грецкихъ орѣховъ и винограду и кипариснаго куста 5 рогожъ рядныхъ 9 алт. 2 д., да для поливки овощу три ушата, три ведра, три шайки 6 алт. 4 д., лопатка желѣзная тульскаго дѣла 4 алт. 2 д., два заступа 4 алт. 4 д., пять лопать 10 д., 20 гривенокъ сѣры 6 алт. 4 д., 10 гривенокъ воску 30 алт.

О садахъ у частныхъ лицъ, къ тому, что уже сказано выше, за скудостію свѣдѣній, мы едва ли что можемъ при-
 совокупить. Впрочемъ забыли мы упомянуть о весьма важной принадлежности старинныхъ садовъ, особенно боярскихъ, именно о прудахъ, которые прудили и копали также съ цѣлями чисто хозяйственными. Если садъ существовалъ прежде всего для плодовъ, то и прудъ существовалъ прежде всего для рыбы, а затѣмъ уже можетъ быть и для удовольствія покататься на лодкѣ. Оттого пруды не рѣдко называются *садами*, *садками*, *сажалками*. Въ нихъ разводилась или *сажалась* и береглась для стола всякая рыба. „Сажалки, говорить Бруннъ, суть самое большое украшеніе деревенскихъ домовъ и такихъ сажалокъ бываетъ иногда около четырехъ вокругъ дома; лишь только являются гости, то хозяинъ и велитъ забросить, при нихъ же, неводъ, и вытянутую рыбу, на нихъ счастье, подаютъ на столъ, безъ чего, по мнѣнію русскихъ, обѣдъ былъ бы не въ обѣдъ, угощеніе не въ угощеніе.“

О садахъ боярскихъ съ прудами упоминается еще въ актахъ XVI столѣтія. У Печатника царя Ивана Васильевича Ивана Мнх. Висковатаго, въ его переяславской вотчинѣ,

былъ „дворъ боярскій съ садомъ и съ прудами“ *). Само собою разумѣется, что какъ необходимая принадлежность стараго хозяйства, пруды существовали гораздо раньше и устройство ихъ въ садахъ началось съ того же времени, какъ стали разводить и самые сады.

Основываясь на общихъ потребностяхъ и любви къ садоводству, можемъ замѣтить, что въ XVII ст. и сады частныхъ лицъ разводились старательно. Нововведенія и улучшения въ царскомъ садоводствѣ, особенно въ Измайловѣ, кажется не должны были остаться безъ вліянія и на частное садоводство, если не повсемѣстно, то по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ изъ бояръ и другихъ богатыхъ сановниковъ. Притомъ выѣхавшіе въ Москву иностранные садовники могли и между боярствомъ разнести свѣдѣнія и понятія о садоводствѣ, какое существовало на Западѣ. Такія свѣдѣнія привозили изъ-заграницы, какъ видѣли выше, и наши посланники, ѣздившіе туда не одинъ разъ, особенно въ концѣ XVII ст. Но кромѣ рассказовъ привозимы были даже книги и эстампы о садовомъ строеніи. У боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева въ числѣ картинъ и рисунковъ, описанныхъ по случаю его ссылки въ 1677 году, — находилось *три большихъ листа садоваго строенья да девять маленькихъ*, привезенные по всему вѣроятію изъ-за границы. Такимъ образомъ въ это время существовали уже рисунки и планы увеселительныхъ садовъ и можетъ быть были уже приѣзды разведенія ихъ по иностраннымъ образцамъ и у частныхъ лицъ. Вообще во второй половинѣ XVII ст. явно обозначаются стремленія и попытки дать русскому старинному садоводству новое европейское устройство.

*) Акты Историч. I, стр. 342.

Но такъ какъ совершенствованіе и улучшеніе экономическаго быта идетъ обрѣ руку съ успѣхами просвѣщенія, съ развитіемъ понятій и вкусовъ народа, то сказанныя стремленія и попытки представляли въ до-Петровской жизни явленія исключительныя, уединенныя, возникавшія случайно и также случайно и безслѣдно исчезающія. Они не въ силахъ были измѣнить общаго теченія дѣлъ, которое, въ отношеніи садоводства, какъ и во всемъ другомъ, все еще оставалось вѣрнымъ своему старинному, привычному взгляду, и въ нововведеніяхъ и улучшеніяхъ видѣло только прихоть, роскошь и ни малѣйшей *прохлады*, т. е. тѣхъ благъ, которыя услаждали физическое существованіе нашихъ прадедовъ. Эстетическія потребности народа еще спали мертвымъ сномъ. Не одни рассказы посланниковъ, указанія иностранцевъ, или небывалыя дотолѣ диковинки, появлявшіяся въ царскихъ садахъ, разносили новыя свѣдѣнія между тогдашними садоводами и давали имъ образцы и приѣмы для подражанія; несравненно болѣе въ этомъ отношеніи могла содѣйствовать Нѣмецкая Слобода на Яузѣ, дѣлая колонія иностранцевъ, которые въ теченіи пятидесяти лѣтъ, со времени поселенія въ слободѣ, разводили свои сады и ходили за ними по своимъ обычаямъ, т. е. во многомъ лучше и старательнѣе русскихъ, по правиламъ и способамъ, которыми руководило стремленіе совершенствовать дѣло, а не привычка вести его такъ, какъ вели отцы и дѣды, съ боязнью отступить хотя на шагъ отъ ихъ указаній, неизмѣнныхъ, освященныхъ вѣковой дѣвностью. Но какой же результатъ вышелъ отъ того, что, въ теченіи пятидесяти лѣтъ, подъ бокомъ существовало садоводство, управляемое Нѣмцами? Въ отвѣтъ на это приводимъ нѣсколько замѣтокъ о нашихъ старинныхъ садахъ путешественника Де Брунна, бывшаго въ Москвѣ въ 1702 году.

„Въ садахъ говоритъ онъ, много орѣховъ, но большею частію мелкихъ, яблоки хороши и вкусны; нѣтъ случалось видѣть столь прозрачныя, что сѣмечки сквозь видѣлись. Грунтъ мало, орѣхъ не вкусны и очень мелки. Сливы и вишни также ничего не стоятъ въ сравненіи съ тѣми, какія растутъ въ нѣмецкихъ садахъ. Нѣмецкіе сады ведутся весьма чисто; въ нихъ много плодовыхъ деревь и хорошихъ ягодъ; множество различныхъ цвѣтовъ, которые они выписываютъ изъ-за границы. Напротивъ того русскіе сады запущены, заглохли, ведутся безъ искусства и безъ всякихъ украшеній. Фонтаны и водопады здѣсь неизвѣстны, хотя воды вдоволь и очень легко было бы все это устроить. Впрочемъ и въ этомъ отношеніи замѣтны также нѣкоторыя перемены со времени пріѣзда царя изъ-за границы. Князь Данила Григорьевичъ Черкасскій, приказалъ разбить садъ въ голландскомъ вкусѣ, близъ своей деревни, (Stetjove *), въ 13 верстахъ отъ Москвы, для чего выписалъ садовника изъ Голландіи. Садъ обширенъ, очень изященъ, и по своему отличному устройству и убранству безъ сомнѣнія единственный въ Россіи. Такъ какъ эта страна не производитъ хорошихъ цвѣтовъ, а тѣ, которые растутъ въ поляхъ, весьма посредственны, то русскіи, когда они бываютъ въ нѣмецкихъ садахъ, нельзя сдѣлать пріятнаго подарка, какъ поднести букетъ цвѣтовъ. Впрочемъ теперь и изъ нихъ нѣкоторые любители, особенно изъ зажиточныхъ, стараются разводить хорошіе цвѣты.“

Объ огородныхъ овощахъ Брунъ рассказываетъ, что въ большомъ употребленіи была капуста, составлявшая почти единственную пищу бѣдныхъ, которые ѣли ее по два раза въ день, вѣроятно во щахъ. „Огурцы также были очень любимы, ихъ

*) Мы не могли узнать, какою мѣстность обозначилъ авторъ стикъ *Stetjove*.

ъли какъ яблоки и груши, и во множествѣ заготовляли въ прокъ, особенно люди зажиточные. Много также росло чесноку, этой необходимой и весьма любимой приправы въ старинныхъ кушаньяхъ. Въ обиліи росъ хрѣнъ, изъ котораго дѣлали хорошую приправу къ мяснымъ и рыбнымъ яствамъ. Рѣпа разныхъ сортовъ, красная и цвѣтная капуста, морковь, пастернакъ, свекла, разведены иностранцами съ давняго времени. Есть спаржа и артишоки, которые впрочемъ употребляются въ пищу только иностранцами. Саладъ и сельсерей были также здѣсь неизвѣстны и разведены иностранцами. Есть арбузы огромной величины, но весьма водянистые и похожіе на наши огурцы.⁴

Въ заключеніе представляемъ хозяйственное описаніе всѣхъ дворцовыхъ садовъ, составленное въ 1701 году. Оно послужитъ въ нѣкоторомъ отношеніи официальнымъ отчетомъ стариннаго садоводства въ самыхъ широкихъ его размѣрахъ, какіе могъ поддерживать только царскій Дворецъ.

ПЕРЕПИСЬ ДВОРЦОВЫХЪ САДОВЪ 1701 ГОДА.

Верхній Красный Набережный садъ, длиною межъ стѣнь 62 саж., шириною въ одномъ концѣ 8 саж. съ аршиномъ, въ другомъ 8 саж. безъ аршина. А въ немъ садоваго строенія, 130 яблоней наливу, скруту, арнату; 25 грушъ сарскихъ, волоскихъ; 8 кустовъ винограду, одинъ кустъ байбарису, 23 куста серебрянику, краснаго и бѣлаго; 410 кустовъ смородины красной, 6 кустовъ ціони красныхъ, девять ящиковъ гвоздики.

Нижній Красный садъ, длиною 24 саж. шириною 14 саж. А въ немъ садоваго строенія: 6 кустовъ стараго винограду, 13 кустовъ серебрянику краснаго, 12 кустовъ бѣлаго, 10

кустовъ красной смородины, малины 10 кустовъ да 8 грядъ, 20 кустовъ смородины черной, 1000 тюльпановъ цвѣтныхъ, 3000 среднихъ и мелкихъ, 80 кронъ цвѣтныхъ, 70 нарцисъ, 82 куста лилей желтыхъ, 2 ящика шафранъ, 2 ящика руты, 60 кустовъ зорни, ящикъ красной и бѣлой рожницы, 5 ящиковъ гвоздики. У тѣхъ садовъ садовники Левъ Ивановъ, Павелъ Семеновъ. Окладъ имъ денегъ по 7 рублей, хлѣба по 9 четверти, овса потому жъ. А что въ тѣхъ садахъ родится какихъ овощей и тѣ овощи бываютъ въ расходъ въ государево пришествие и изъ хорошъ берутъ.

Оптекарскій садъ длиною, по большой улицѣ, 140 саж., отъ Неглинны по воловей дворъ 131 саж., поперечнику въ одномъ концѣ отъ переднихъ воротъ 40 саж. въ заднемъ концѣ 49 саж. Авъ немъ садоваго дерева: 1113 яблоней старыхъ, среднихъ и молодыхъ, почешныхъ и прививковъ; 121 дерево грушъ сарскихъ, волоскихъ; почекъ: 11 грядъ яблонныхъ, 1 гряда грушевыхъ; 300 вишенъ, 112 грядъ смородины красной, 100 кустовъ крыжу, 50 кустовъ сливъ, 5 кустовъ байбарису, 1500 пенковъ яблонныхъ, 4 гряды малины сѣяной. Садовники Евсеевъ да Федоръ Михайловы; окладъ имъ денегъ по 5 р., хлѣба по 7 четвертей ржи и овса. Изъ того саду садовое слѣтье подаютъ про государевъ обиходъ въ кушанье, на Москвѣ и въ походы.

Васильевскій садъ, въ Бѣломъ городѣ, у Яузскихъ воротъ длиною по Китаю городу 135 саж., по Бѣлому городу 160 саж.; поперечнику отъ Китая по Бѣлому городу 118 саж. у въ другомъ концѣ отъ Китая жъ къ Яузскимъ воротамъ 295 саж. А въ немъ на пяти подъяяхъ садоваго строенія 10,199 деревъ, да въ грядяхъ 2837 деревъ, почекъ и прививковъ 850, да три гряды пенковъ, 349 деревъ грушъ сарскихъ и волоскихъ, 750 прививковъ въ грядяхъ, 9 грядъ почекъ; 194 куста вишенъ, 42 куста сливъ, 57 грядъ малины, 54 гряды да

246 кустовъ смородины красной, 41 гряда черной. Въ томъ саду садовниковъ на пяти подѣлахъ пять человекъ, денежными и хлѣбными оклады не верстаны, а садятъ они въ томъ саду про себя сверхъ садоваго строенья и на продажу капусту, огурцы и иной всякой лѣтней овощъ. Изъ того саду ягоды смородина, малина, подается на Москвѣ и въ походахъ про государевъ обиходъ, за кушанье, по вся дни. Въ продажѣ изъ того саду садоваго слѣтъя въ 1700 году на 274 рубля, яблокъ и грушъ, кромѣ малины и смородины.

Въ Набережныхъ Садовникахъ по описнымъ книгамъ 195 (1687) года 77 дворовъ, въ томъ числѣ 23 двора бѣломѣстцовъ. Въ садахъ садоваго строенья: яблоней 469 рослыхъ, 602 почешныхъ, рассажены 1718 почекъ да 11 грядъ, 62 прививка, 50 деревъ вишенъ; смородины 4 гряды, 3 куста красной, 23 гряды да 24 куста черной, 11 грядъ малины, 3 куста байбарису. У бѣломѣстцовъ садоваго строенья яблоней 180 рослыхъ, 462 почешныхъ и прививковъ, 13 вишенъ, 150 сливъ, 23 груши, смородины 3 куста красной, 82 черной, три гряды малины.

Въ Воскресенскомъ на Прѣснѣ садъ длиною 417 саж., поперегъ 334 саж. А въ томъ саду садоваго строенья: 2400 яблоней, по мѣстамъ на грядкахъ; 560 прививковъ, 34 гряды почекъ, 2500 кустовъ вишнягу, 112 грядъ смородины красной. У того саду садовниковъ 13 человекъ, денежнымъ и хлѣбнымъ окладамъ не верстаны, а садятъ въ томъ саду капусту, огурцы и иной лѣтней овощъ про себя и на продажу. Изъ того саду въ 1700 году въ продажѣ садоваго слѣтъя на 25 рублей.

Въ садѣ Преображенскомъ три сада, въ томъ числѣ, на государевъ дворѣ у переднихъ воротъ, садъ длиною 46, поперегъ, въ переднемъ концѣ 11 $\frac{1}{2}$ саж., въ заднемъ 16 $\frac{1}{2}$ саж. А въ немъ 20 яблоней прививочныхъ, 11 вишенъ, 100 ку-

ство сородины черной, 8 кустовъ баббарису, 5 кустовъ крыжу, 20 кустовъ малины, 400 кустовъ сородины красной, 50 кустовъ сородины бѣлой, 8 грядъ ягодъ клубники. Малый садъ, длиннику и поперечнику по 8 саж. А въ немъ: два орѣха грецкихъ, кустъ кизарису, три куста винограду, 13 яблоней, 2 груши, одна слива, 17 кустовъ серебориннику бѣлаго, два куста бояль дерева, 15 кустовъ баббарису, 15 кустовъ сородины красной, 10 кустовъ сородины черной, 8 кустовъ піони порховатой, 18 кустовъ піони сѣмянной, 10 корушъ желтыхъ; цвѣтовъ: 50 тюпановъ, два куста цвѣтовъ вѣщцовъ, 5 яслей бѣлыхъ, 20 кустовъ нарцицы бѣлой, 20 кустовъ яслей желтыхъ, 3 куста рожъ амыхъ, 13 кустовъ шырису, 15 кустовъ орлику, 50 кустовъ гвоздики душистой, 30 кустовъ гвоздики репейчатой, 5 кустовъ филорожъ, грядка мяты, 100 кустовъ касатису, 150 кустовъ калуферу, 10 кустовъ дѣвичь красоты, 5 кустовъ руты, 8 фіалокъ лазоревыхъ, 4 фіалки желтыхъ, 4 грядки клубники, 3 куста пижмы, 5 кустовъ несопу.

Другой малый садъ, длиною 5 саж., поперегъ 7 саж. А въ немъ 4 яблони, 3 вишни, слива, чернославъ, 30 кустовъ малины красной, 20 кустовъ сородины красной, 10 кустовъ сородины бѣлой, 3 куста серебориннику бѣлаго, 4 куста піонь кудрявыхъ, 5 кустовъ піонь сѣмянныхъ, 10 кустовъ несопу, 10 тюпановъ, 20 кустовъ косатикку, 4 короны, 3 куста яслей бѣлыхъ, кустъ цвѣтовъ вѣщцовъ, кустъ желтыхъ яслей, 4 куста нарцицы бѣлой, 10 кустовъ дѣвичь красоты, 50 кустовъ гвоздики душистой, 20 кустовъ гвоздики репейчатой, 7 кустовъ рожъ травныхъ, 30 кустовъ калуферу, 10 кустовъ руты, 3 куста пижмы, 2 грядки мяты вѣнецкой, 3 грядки клубники, гряда земляницы. У тѣхъ садовъ садовникъ Василій Митрофановъ, окладъ ему денегъ 10 р. хавба 10 четвертей ржв и овса тожъ.

Въ селѣ Покровскомъ три сада, земли подъ ними двѣ десятины; а въ тѣхъ садахъ 374 яблони старыхъ, 130 молодыхъ, 300 кустовъ да 6 грядъ, по 16 сажень, смородины красной, 3 куста терну; гряда смородины черной, на 60 саженьяхъ малины. Садовникъ Андрей Гавриловъ, окладъ ему 5 р.

Въ селѣ Измайловѣ три сада да огородъ, въ томъ числѣ:

На Острову подлѣ государева двора садъ длиною 97 саж. шириною въ одномъ концѣ отъ рощи 54, въ другомъ концѣ отъ башни 24 саж. А въ немъ 496 деревъ яблонныхъ, 81 груша, 164 вишни, на 257 саж. смородины красной, на 200 саж. бѣлой, на 200 саж. черной, на 428 саж. малины красной, на 92 саженьяхъ крыжу берсею.

Виноградной садъ по шѣрѣ длиною 210, поперегъ 190, кругомъ 800 сажень. А въ немъ 5893 яблони почешныхъ и прививковъ, 290 пенковъ, 50 вишенъ, 117 грушъ, 50 деревъ черносливу, на 863 саженьяхъ смородины черной, на 326 саж. крыжу берсею, на 64 саж. байбарису, на 296 саж. серебряннику нѣмецкаго, на 287 саж. серебряннику русскаго. За садомъ у переднихъ воротъ деревье грецкихъ орѣховъ, два дерева.

Садъ Присянской, длиною 138 саж. поперегъ 135 саж. кругомъ 520 саж. А въ немъ 815 яблоней, 130 пенковъ, 18 деревъ сливъ, 467 грушъ, 1550 вишенъ, на 236 саж. смородины красной, на 111 саж. бѣлой, на 208 саж. байбарису, городокъ крыжу, длиною и шириною по 15 саж., 74 куста серебряннику бѣлаго, 160 краснаго нѣмецкаго. У того саду огородъ, а въ немъ садятъ дыни, огурцы, капусту и всякіе лѣтніе овощи. Да въ томъ же огородѣ 17 грядъ смородины красной, гряда бѣлой, на 74 саж. смородины черной, дерево грецкихъ орѣховъ. У тѣхъ садовъ садовниковъ семь человекъ, окладъ имъ по 5 р. и по 4 р.

Въ селѣ Коломенскомъ 6 сажень, а въ томъ числѣ на государевѣ дворѣ у заднихъ воротъ сажь Красной, воль интъ земли четверть десятины. А въ немъ 67 деревь яблоновыхъ, 9 грушъ, 10 слявъ, 70 кустовъ смородины красной, 20 кустовъ крыжу, на 20 саженьхъ малины.

Позади церкви Казанскія Богородицы, противъ государевыхъ хоромъ, сажь, земля воль интъ полчети десятины, а въ немъ 11 кустовъ вишенъ.

Сажь Старой большой, что восторонь государева двора, въ длину 230 саж. поперегъ 215 саж., а въ немъ 1850 деревь яблоновыхъ, 36 грушъ, 7 деревь кедру, одна дудя, одна нхита, 2 куста чернославу, два дерева черешнику, 30 кустовъ бѣлыхъ вишенъ, на дву десятинахъ безъ чети красныхъ вишенъ, 200 кустовъ смородины красной, на трети полуосипиникахъ малины и смородины красной и черной, да 20 грядъ малиновыхъ.

Сажь за церковью Казанскія Богородицы, въ длину 129 саж. поперегъ 122 $\frac{1}{2}$ саж. А въ немъ 912 деревь яблоновыхъ, 82 груши и дуди, старыхъ и молодыхъ и прививковъ, 13 кустовъ вишенъ бѣлыхъ, четверть и пол-полчетверти красныхъ, по пути 110 кустовъ вишенъ красныхъ, 50 кустовъ крыжу, 110 кустовъ смородины красной и черной, 50 деревь слявъ, два дерева орѣховъ грецкихъ, одно дерево кедру, одно дерево нхита, 14 грядъ малины. У тѣхъ садовъ садовниковъ 16 человекъ.

Изъ тѣхъ садовъ садоваго слѣтья въ продажѣ не было, а обирають про государевъ обиходъ въ подачу въ хоромы и на Сытной дворецъ въ патоку и въ квасы.

Новый садъ противъ государева двора у заднихъ воротъ, въ длину 310 саж. поперегъ 270 саж. А въ немъ 4032 яблоны старыхъ и молодыхъ, 25 дудь, кругомъ саду подлѣ заборовъ 1006 вишенъ красныхъ, по мѣстамъ малины, смородины черной, бороздами, на 500 саженьхъ. У того саду садов-

никовъ 12 человекъ. Изъ того саду садоваго слѣтья въ продажѣ было въ 206 (1698) году на 151 руб., а въ 207 и въ 1700 годѣхъ садоваго слѣтья родилось малое число и отобрано на государевъ обиходъ на Сытный дворецъ.

Въ селѣ Воробьевѣ два сада, въ томъ числѣ: у государева двора Красный садъ, земля подъ нимъ двѣ десятины. А въ немъ 230 яблоней, 120 пеньковъ привито, 9 грушъ, три куста сливъ, 12 кустовъ смородины черной, на полуосинѣхъ вишнягу, града почекъ. Нижний садъ, земля подъ нимъ десятина, а въ немъ 419 яблоней старыхъ почешныхъ и прививковъ, сто кустовъ сливъ. У тѣхъ садовъ садовниковъ два человекъ. Изъ тѣхъ садовъ садоваго слѣтья въ продажѣ въ 1700 г. на 19 рублей.

Кромѣ того дворцовые плодовые сады были въ подмосковныхъ селахъ и деревняхъ: въ приселкѣ Дьяковскомъ, въ деревнѣ Новозаборьѣ на Чертановкѣ, въ приселкѣ Борисовѣ, въ селѣ Бесѣдахъ, въ селѣ Островѣ, въ селѣ Богородицкомъ, что слыветъ Черная грязь, въ приселкѣ Орнинскомъ, въ селѣ Котельникахъ, въ деревнѣ Деревлевѣ, въ приселкѣ Ромашковѣ, въ селѣ Пахринѣ, въ селѣ Митрополѣ, въ Ермолинѣ, въ Павловскомъ, въ Александровѣ Слободѣ и въ городахъ: въ Новгородѣ семь садовъ, въ Брянскѣ два, въ Можайскѣ 1, въ Вязнѣ 1, въ Володимирѣ 1.

Всего: 52 сада, да огородъ, да Набережные садовники. Въ нихъ садоваго строения: 46,694 дерева яблонныхъ, 480 почекъ и прививковъ, 53¹/₂, грады прививковъ и почешныхъ молодыхъ, 2550 да двѣ грады пеньковъ, 1565 деревъ грушъ, 42 дерева дуль, 9136 деревъ да 24,282 куста да семь десятинъ безъ чети да двѣ чети и полполчети вишенъ, 107 грядъ да на 1048 саженьяхъ да 50 кустовъ малины, 17 кустовъ винограду, 582 дерева сливъ, 325 грядъ да 4 грады длиною

Извою съмъ. По твоему государеву указу взять я, холопъ твой, изъ барашей къ твоему государеву садовому дѣлу въ Аптекарской садъ и велѣно мнѣ, холопу твоему, тотъ садъ дозрѣть и переписать и надъ садовники досматривать. И я, холопъ твой, въ томъ Аптекарскомъ саду дозрѣлъ и переписалъ, что въ немъ есть, и надъ садовники досматривалъ и приказывалъ мнѣ, чтобъ онѣ о твоемъ государевѣ саду радѣли; а у нихъ государь прѣжь того о твоемъ государевѣ саду радѣнія никакова не было. И въ тѣ поры я, холопъ твой, въ томъ Аптекарскомъ саду выбралъ грушныхъ пеньковъ, всего сто восемьдесятъ, и по твоему государеву указу взято у меня, холопа твоего, къ тѣмъ пенькомъ изъ моего садика въ тотъ Аптекарской садъ и въ иные сады треста черенковъ грушныхъ царскихъ и волоскихъ; да у меняжъ, холопа твоего, взято къ тебѣ, государю, въ Верхъ, въ садъ три яблони большіе наливу, да груша царская. Да я же, холопъ твой, тебѣ, государю, служилъ и радѣлъ, выбралъ по твоему государеву указу и выскивалъ по всякимъ садамъ яблони лутчіе къ тебѣ, государю, въ Верхъ, въ садъ, которые яблони тебѣ, государю, годны. Да я жъ, холопъ твой, былъ въ селѣ Рубцовѣ, а велѣно мнѣ, холопу твоему, въ селѣ Рубцовѣ садъ урядить. И я, холопъ твой, по твоей царской милости въ селѣ Рубцовѣ садъ урядилъ и тебѣ государю работалъ; и привилъ я въ томъ саду въ селѣ Рубцовѣ своего садника царской и волоской гру-

важнѣйшей по времени дѣятельности одного изъ неуспѣвшихъ, безъ сомнѣнія, возмѣтѣвшихъ садоводовъ начала XVII столѣтія. По ролу жизни онъ принадлежалъ къ *барашамъ*, тѣмъ, повинность которыхъ главнымъ образомъ заключалась въ томъ, чтобъ, во время царскихъ загородныхъ выѣздовъ и походовъ, возить за государемъ, на своихъ подводахъ, *шатерную казну* т. е. шатры и ставни со всѣми приборами, которые раскидывались въ поля, когда государь останавливался для отдыха. Бараша или особую свободу; нѣкто этой свободы до сихъ поръ обозначается урочищемъ церкви Воскресенія въ Барашахъ, на Повровѣ.

ши сорокъ черенковъ, и тѣ, государь, прививки всѣ пошли до
одного; да я же, холопъ твой привилъ въ томъ же саду двѣ-
стѣ десять черенковъ наливу и скруту в бѣли кузининской и
любской своегожъ сажника; и тѣхъ, государь, черенковъ по-
шло въ томъ саду полтора ста; а прививалъ я, холопъ твой,
тѣ черенки, выбираючи изъ своего сажника лутчіе, радѣя тебѣ,
государю, и проча, которые тебѣ, государю царю, годны. Да
я же, холопъ твой въ томъ же саду пересадилъ сорокъ ви-
шенъ, и тѣ, государь, вишни всѣ пошли. А которые, госу-
дарь, старые яблони поували и я тѣ яблони поразсадилъ и
повычистилъ, и тѣ, государь, яблони всѣжъ пошли; а кото-
рые, государь, яблони кроты подѣли, и я тѣхъ кротовъ по-
выгналъ. И будучи я, холопъ твой, у твоего государева са-
доваго дѣла промыслишку своего отбылъ и тебѣ государю о
твоемъ царскомъ жалованьѣ и о поденномъ корму небивалъ
челомъ. А взять я, холопъ твой, по твоему государеву указу
къ твоему государеву садовому дѣлу изъ барашей. А нынѣча,
государь, меня холопа твоего опять тащатъ въ бараша и ве-
лѣтъ мнѣ въ барашахъ твою царскую службу служить и тягло
тануть по прежнему съ собою поровну; а меня, холопа, твоего
съ двѣ службы не будетъ, что человекъ одинокой. А будучи
у твоего государева садоваго дѣла, мнѣ, холопу твоему отойти
немочно, потому что я, холопъ твой, тебѣ, государю, радѣю
и своею головою промыслию за всѣхъ садовниковъ. Милосердый
государь царь и великій князь Михаилъ Феодоровичъ всея Ру-
сїи! пожалуй меня холопа своего за мое службишко и за рабо-
тишко своимъ царскимъ жалованьемъ, какъ тебѣ, милосердому
государю царю Богъ извѣститъ, и вели, государь, мнѣ, хо-
лопу своему у одного дѣла быть, въ барашахъ или у своего
государева садоваго дѣла; а буде я, холопъ твой, годенъ къ
твоему государеву садовому дѣлу, пожалуй меня, холопа сво-

его, вели государь дворишко мой въ Барашагъ объявить. Царь государь сингулся, пожалуй!

Челобитная относится къ 7132 (1623 — 1624) году, писана на одномъ листкѣ столбцею. На оборотѣ помята: Указалъ государь быти ему въ барашехъ въ тягѣ по прежнему, а садовое дѣло временное. А будетъ впередъ къ садовому дѣлу пригодиться, и въ тѣ поры о тягѣ и гдѣ быть и указъ будетъ. А за работу и за службу пожаловалъ государь, велѣлъ дать камку да сукно доброе. А прежь того подписана таковажъ челобитная и та де утерялась.

СВѢДѢНІЯ О МОСКОВСКИХЪ И ПОДМОС- КОВНЫХЪ САДАХЪ ВЪ XVIII И XIX СТ.

*Коренья, сѣмяна и деревья, выписанные въ Головин-
скій садъ въ 1730 году *)*.

Реестръ о кореньѣ цвѣтамъ, что надлежитъ выписать изъ
Голандіи, а именно:

Тюльпанъ: 50 лукъ фантоль, 20 бизартъ-плазаштъ. 20
принцерамжія-бонтьоловъ, 20 гевлаше-схортинъ-вегаръ, 200
геленъ-энъротъ-гудмакаръ, 200 гель-кронъ, 100 гель-кронъ-
метъ бонть-лоевъ 10, парагонъ-фанвининъ, 20 дюбель-артъ,
20 дюбель-троумотъ-блекенъ, 20 дюбель-кармузенинъ, 20 дю-
бель бланеборде, 20 дюбель-флатуромъ, 20 дюбель-бизартъ-
лебруксаль, 20 дюбель-борды-яуне, 20 дюбель-колеръ-дюфе,
20 дюбель-піоны, 20 дюбель-треквеме.

*) Головинскій или Дворцовый садъ, находившійся при Головинскомъ дворцѣ, разведенъ первоначально при Петрѣ I. Разводилъ его и завѣдывалъ имъ садовникъ голландецъ Тимофей Брайтгофъ. Въ 1730 году императрица Анна Ивановна повелѣла выстроить подлѣ Головинскаго дома деревянный дворецъ, названный Аннингофомъ и развести при немъ садъ, который потомъ соединился съ Головинскимъ и образовалъ такъ называемый Дворцовый садъ. По этому-то случаю и представлены были садовникомъ Брайтгофомъ предлагаемые здѣсь реестры сѣмянъ и кореньевъ, наію нужно было выписать въ Голандію, и деревьяевъ, наію должны бытъ взяты изъ пестербургскихъ садовъ.

Ланцетменъ: 10 безголь-фанменстеръ, 10 блогофъ, 100 брумзлись, 50 брумблвохиврунцы, 20 бел-антесы, 20 кунешень, 10 крюлболъ, 10 крон-фандартъ, 20 любелда-порсылешень-стандаръ, 20 любелдь-юнкарь, 50 любелдь-беменде, 50 любелдь-пренцесторъ, 30 любелдь-каписвиъ, 50 любелдь-селестемнъ, 100 любелдь-пшлхра, 100 любелдь-ванфанмарисъ, 20 любелдь-лвде, 20 любелдь-конгенъ-фангродъ-британъ-евенъ.

Ранукулс: 500 любелдь-разныхъ коренья.

Алемус: 300 любелдь разныхъ коревья, 200 колшикомъ разныхъ, 200 крукусъ разныхъ, 200 любелдь юнквилисъ разныхъ, 200 ирисъ англѣка разныхъ, 50 ирисъ испаника разныхъ.

Фриттыларія: 50 апольблюсемъ, 50 аквитаника, 50 любель, 50 зварты, 50 вита, 10 кроненпреяль-родлюбелда, 10 хелле лобелда, 10 кронъ ошъкронъ, 100 секламанъ разныхъ, 20 матагунъ-канадензисъ-маюръ, 20 конштантинополь, 20 любелдь-пуръпуръ, 20 любелдь-вите, 20 вите-хиспрентъ, 50 вить-энъ-блаудронфъ-исента, 20 акунитомъ винтеръ-блюнидехель, 500 трось-нарсысанъ разныхъ, 50 лилвумъ-перанкомъ-флюригра, 50 лилвумъ-флоръ-албу-плелу, 100 молиомъ-индекомъ разныхъ, 20 сатыриомъ-флуръ-одрату.

Реестръ цвѣтамъ семена. Флосъ-алунисъ половину лота, Аурягла-англѣка разныхъ четверть лота, Автирнiумъ разныхъ поллота, Атриальексъ бакъсифера поллота, Борагу кретика поллота, Балсамина маскалинъ осмая доля лота, Балсамина фемина поллота, Картамусъ одинъ лоть, Карююфилисъ артензисъ разныхъ два лота, Колютея ферзекарія четверть лота, Кокдрѣля разные четверть лота, Сіанусъ турчicomъ разныхъ одинъ лоть, Кониза африкана разныхъ четверть лота, Флогулисъ-флоръ-плелу разныхъ одинъ лоть, Гпафъ-фалиомъ разныхъ поллота, Арбафива 6 семечковъ, Гедизоромъ-

флоръются поллота, Гесперусъ одрату четверть лота, Якубея четверть лота, Лотусъ-флоръ-руборо одинъ лоть, Латрусъ-флоръ-одрату одинъ лоть, Люшнусъ-маэръ-флоръ-карніо два лота, Крызантійномъ-флоръ-плено разныхъ одинъ лоть, Кукумисъ-асыніосъ поллота, Майва руза флоръ плено разныхъ 4 лота, Папавра флоръ-плена разныхъ поллота, Сабіюза флоръ albo фаригату разныхъ 1 лоть, Суланомъ разныхъ поллота, Таксіосъ одинъ фунтъ, Пума-аморисъ разныхъ поллота, Прешлаверисъ разныхъ четверть лота, Флосъ-африканусъ флоръ плену разныхъ поллота, Белесъ-спиннуоза флоръ арбо четверть лота, Блитомъ рубрумъ осмая доля лота, Курбита-маломъ-овранціомъ одинъ лоть, Пепрендекомъ разныхъ поллота, Трифуліомъ битюмніозомъ флоръ серудіосъ четвертая доля лота, Настурціомъ гецдикомъ разныхъ 4 лота.

*Реестръ объ деревье, что надлежитъ взять изъ
Петербурга.*

1 абратанномъ масъ, 1 атога силіяника, 1 алетернусъ-філія-албофарагату, алвы всякаго по 2 дерева, 20 ананасъ, 1 апосніомъ-африканомъ, 1 грифуліомъ-фулія-лютео-фарагату, 1 грифіліомъ-фулію-албофаріогату, 1 арборъ-бенцунифора-фиргініана, 1 арборъ лактисенсъ-логрифулію, 6 большихъ лавровыхъ, 6 большихъ помаранцовъ, 4 апельсина, 2 большихъ лимоновъ, 1 арбутусъ, 1 серазусъ-оттень-тоттуромъ, сереусъ отъ всякихъ разныхъ деревъ по 2, 1 сиетусъ, секламенъ отъ всякихъ разныхъ по 1, 1 экинузелу каштусъ; фикундусъ отъ всякихъ разныхъ по 2 горшка, 2 фікусъ американа миніма, 1 гвдра аибірея, 1 оршиномъ-африканомъ, 1 флексъ-фулія агріфулія-сиамонономъ, 1 лаврусъ-американа, 1 лаврусъ-філія-сирту-бакъсифира, 1 лаврусъ-сирту-номъ одлоръ, 1 лентескусъ, 1 ліонурусъ африкана, 4 мертусъ мині-

мусъ, 1 уліанара бѣлый, 1 уліанара красной, 1 уліа, 1 портуляка африканамъ, 2 салфія фулія форигату, 2 седомъ-африканомъ фулія орбикулату, 2 стакужь-африкату, тетимлюсь отъ всякихъ разныхъ по 2 дерева, 1 фибурнушь-американомъ-одорату, 1 фитексъ, 2 іока глоріоза.

А на вышеописанные семена и корни цвѣтамъ надобно денежная сума напримѣръ сто пятьдесятъ рублей. Маія 16 дня 1730 году.

ОЦИСЬ АННИНГОФСКАГО САДА 1733 ГОДА.

Реестръ заморскихъ деревьевъ разнымъ званіемъ и цвѣтамъ.

Алатурнусу 2, Лавриновъ малыхъ и большихъ 25, Мертузовъ малыхъ и большихъ 25, Лоурусъ омерикана 30, Капцикомъ арборисенць 20, Граньямъ офрикана фол (флоръ) кармезина 28, Аликва (сликва) мдульснъ 6, Оикусъ арборъ 26, Апрекузовъ непрививошныхъ 11, Перзиковъ непрививошныхъ 3,—прививошныхъ 4, Апрекузовъ прививошныхъ 2, Кетмея африкана пополфуныя 2, Енесты 23, Есеминновъ бѣлый цвѣтъ 33, Есеминновъ желтый цвѣтъ 14, Буксіюсъ 12, Флосъ потсіенусъ 26, Размарину 28, Гранату малаго и большаго 6, Калютіъ арборисенць 2, Мурусъ или шелковецъ 6, Молбѣру чернаго 1, Миспелю 2, Спиросу 2, Оіюля лютіа 30, Левкою 30, Каруфилусъ артенусъ 80, Розону 10, Помаранцовъ и лимоновъ прививошныхъ 170, Идизаромъ 10, Ветронту (Вепронту) 4, Лавендію 10, Урыкулы 10, Премлафирусу 4, Андалусу 6, Галига 1, Сику ланану 34, Дадалу 6, Аванусу 16, Алое американа 4, Фіку зендукусъ медья 7, Фіку зендикусъ максинусъ 1.

Въ саду яблонь, грушъ, сливъ, вишни, а именно; большихъ яблонь въ Аннингофскомъ и въ Лафертовскихъ садахъ 775, молодыхъ яблонь въ Аннингофскомъ саду 320, грушъ въ Аннингофскомъ и въ Лефортовскомъ садѣхъ деревь 77, сливъ 130, вишней 120.

Да въ вышеописанномъ же Аннингофскомъ саду прудовъ съ рыбою девять, въ томъ числѣ по угламъ большаго пруда, что возлѣ полятъ статуи каменныхъ бѣлыхъ 4. Плотина каменная съ рѣзбою на ней балясы деревянные, въ оной плотинѣ статуи каменная *векусъ*. Подъ плотиною купидоновъ каменныхъ золоченыхъ 2, горшковъ каменныхъ золоченыхъ 4. Вверху онаго пруда плотинка малая каменная, на ней балясы.

У Крестоваго пруда плотина каменная съ рѣзбою, во оной плотинѣ статуя каменная *Самсонъ*, подъ плотиною свинсковъ каменныхъ золоченыхъ 2. Вверху оной плотины статуи каменныхъ бѣлыхъ 4; около онаго пруда балясы деревянные; близъ тогожъ пруда на каменной лесницѣ орловъ каменныхъ золоченыхъ 2.

Около *обвалнаго* пруда перила съ чуланами крашенныя, гдѣ водятся птицамъ, а въ перилахъ рѣшетки проволошныя крашенныя.

Въ саду малыхъ бесѣдокъ, ветхія 4, покрыты холстомъ и выкрашены синей краской. Малыхъ же дощатыхъ ветхихъ бесѣдокъ 3, покрыты тесомъ. На большомъ острову большая бесѣдка деревянная рѣшетчатая покрыта тесомъ, а сверхъ тесу холстомъ и выкрашена синей краской. На верху оной бесѣдки статуя деревянная вызолочена. На большомъ прудѣ, что возлѣ Яузы, на островахъ 2 бесѣдки ветхія, одна дощатая, а другая рѣшетчатая и около оной заборъ дощатой зеленой ветхой.

На осмигранномъ острову бесѣдка дощатая, въ ней въ четырехъ углахъ проволошныя тонкіе рѣшетки, гдѣ сажаютъ всякихъ мелкихъ птицъ, потолокъ подбитъ холстомъ и выбѣленъ, покрыта тесомъ. На ѳномъ же острову каменныхъ статуй бѣлыхъ 2. Въ садужь голубня дощатая крашеная.

Крытыхъ дорогъ ветхихъ 3, которые обсажены липнягомъ. 3 лестницы большіе окованы желѣзомъ, съ которыхъ подрубаютъ всякой лѣсъ. Въ саду имѣются каналы, чрезъ оныя каналы поворотныхъ мостовъ 5, ветхіе.

Возлѣ онагожь Аннингофскаго саду къ рѣкѣ Яузѣ Лефортовской садъ, въ немъ прудъ одинъ съ рыбою; отъ того саду чрезъ рѣку Яузу въ Лефортовской домъ мостовыхъ плотовъ 4; за Яузою возлѣ Лефортовскаго дому садъ, въ томъ саду прудъ; у того саду отъ полатъ до Яузы одна сторона забрана рѣшетками брущатыми и выкрашены.

Около Аннингофскаго саду отъ мосту отъ рѣки Яузы до новаго каналу дощатой заборъ крашеной, да противъ лошадиной школы отъ угла къ сараю, что стоятъ суда, дощатой же крашеной заборъ.

За Лафертовской слободой прудъ одинъ съ рыбою. Оной прудъ пронесло водою и воды осталось въ немъ малое число.

Азіатскія деревья, выписанныя въ Аннингофскій садъ изъ Персіи въ 1732 году.

Въ 1732 году ко Двору Ея Величества въ Аннингофской садъ въ Москвѣ были посланы изъ Персіи, изъ Гилліи, разныхъ родовъ азіатскія деревья: „лимонныхъ шесть,

помаранцовыхъ четыре, кофейное одно, кипарисное одно, гаранату три, перешное одно," которыя однакожь, по случаю смерти сопровождавшаго ихъ садовника, можетъ-быть отъ худаго присмотра, всѣ погибли, не прибывъ еще въ Москву. Растенія были отправлены въ Москву „воднымъ путемъ“ подъ надзоромъ толмача Иностранной Коллегіи и садовника армянина Назара Артемьева. 14 октября деревья прибыли въ Касимовъ, гдѣ, за опасеніемъ зимняго времени, садовникъ предложилъ остановиться и для сбереженія помѣстилъ деревья въ теплой черной избѣ. Между тѣмъ извѣстіе о посылкѣ пришло и въ Москву, откуда 15 ноября былъ отправленъ на встрѣчу лейбъ-гвардіи капралъ Кобылинъ съ такою инструкцію: „гдѣ онъ тѣ деревья найдетъ, то для зимняго времени онныя остановить и для того сдѣлать ишной амбаръ, а въ немъ печь, дабы деревья до весны могли безъ поврежденія соблюдены быть; а какъ весна наступитъ, то онныя по прежнему взять въ Москву“. Капралъ нахалъ растенія въ Касимовѣ, гдѣ, какъ упомянуто, они остановились зимовать. Осмотрѣвъ помѣщеніе, онъ не распорядился о постройкѣ ишного амбара, убѣжденный, можетъ быть, садовникомъ, что растенія будутъ сохранены и въ черной избѣ. Въ Февралѣ 1733 года садовникъ умеръ. Донося объ этомъ въ Москву, Касимовская Воеводская канцелярія присовокупляла свое опасеніе: „чтобъ деревьямъ безъ садовника не случилось какого поврежденія“. Тогда же посланъ туда для смотрѣнія и привозу деревьевъ весною въ Москву Аннигофскаго саду садовый ученикъ Никита Дубовицкій, который нашелъ, что деревья поставлены въ кадкахъ въ черной избѣ и всѣ посохли, „только одно кофейное еще не цуще высохло, — корни всѣ вымокли отъ поливанья, для того что на кадкахъ проверчено не было и вода стояла въ тѣхъ кадкахъ“.

Въ Кашинѣ это событіе надѣвало много хлопотъ; назначено было слѣдствіе: какинъ всмотрѣніемъ оныхъ деревья посади и для чего поставлены были въ избу, а не въ мношникъ? Такъ какъ квартиру для растеній отводила Городская Ратуша, то къ слѣдствію и допросамъ потянули бургомистра, сотника, десятскаго, которые вмѣстѣ съ толмачемъ адиутантско объявили, что сабара не выстроили потому, что садовникъ, да и присланный каираль того не требовали.

Въ іюнь 1733 года посаженія деревья привезены въ Москву и сданы въ Аннингофскій садъ садовнику Брантгофу, который и донесъ по начальству, что „деревья привезены все сухи и въ садку негодны“.

Записка о покупке растений.

Въ 1732 г. сентября 20 аннингофскаго садовника Дениса Брокета въ поданномъ доношеніи написано: въ аннинговской садъ для посаженія въ нынѣшнемъ сентябрѣ мѣсяцѣ надлежитъ купить двѣтовъ, а именно: тулпановъ 3000 по 30 коп. сто, нарцовъ 3000 по 30 коп. сто, малтагонъ 200 корней по 10 коп. корень, лилей желтыхъ 200 по 3 коп. корень, серебряннику красного 200 штукъ по 20 коп. штука, серебряннику бѣлаго 100 штукъ по 20 коп. штука, а оныя цвѣты въ продажѣ имѣются въ Нѣмецкой слободѣ у жителей.

Реестръ съмянамъ купленнымъ въ 1733 году для аннингофскаго сада садовникомъ Брантгофомъ.

40 золотниковъ артышекинъ, золотникъ по 5 к.; 24 бѣлыхъ огурцовъ, золот. по 5 коп.; 10 малыхъ базиликъ, золот.

по 5 к.; 20 большой базиликъ, золот. по 3 коп.; 75 цвѣтной капусты, зол. по 6 к.; 80 кудрявой капусты, зол. по 3 к.; 48 мунтре-салатъ, золот. по 7 к.; 47 лейсе (лесей) кропень, золот. по 4 к.; 48 зеленого кочаннаго салату, зол. по 4 к.; 48 андивы широкой листь, зол. по 4 к.; 48 андивы кудрявой листь, зол. по 4 к.; 96 сафоковой капусты, зол. по 3 к.; 96 красной кочанной капусты, зол. по 3 к.; 96 маеврану, зол. по 4 к.; 48 тиміану, зол. по 3 к.; 96 красной родисъ всякой, зол. по 2 к.; 96 круглой родисъ, зол. по 3 к.; 48 селдерей, зол. по 2 к.; 10 размарину, зол. по 4 к.; 20 кудраби, которой растеть поверхъ земли, зол. по 3 к.; 20 взель ростеть, зол. по 3 к.; 48 портулькь, зол. по 4 к.; 96 золотниковъ шалфей, зол. по 2 к.; 48 долгой нѣмецкой рѣпы, зол. по 2 к.; 48 ранъ нѣмецка рѣпы всякой, зол. по 2 к.; 48 желтой нѣмецкой рѣпы, зол. 2 к.; 96 цуестарнаку, зол. по 2 к.; 96 нѣмецкой моркови, зол. по 2 к.; 48 пору, зол. по 3 к.; 3 фунта рускихъ огурцовъ, фунтъ по 10 к.; 2 керсалатъ, ф. по 10 к.; 2 фунта спиннаржи, ф. по 20 к.; 2 латука, ф. по 45 к.; 2 свеклы, ф. по 10 к.; 20 нѣмецкаго сахарнаго гороху, ф. по 20 к.; 20 нѣмецкихъ большихъ бобовъ, ф. по 10 к.; 1 большой капусты, 20 к.; 2 бобовъ турецкихъ, ф. по 20 к.; всего 61 р. 20 к.

ОРАНЖЕРЕЙ И САДЫ ПОДМОСКОВНЫХЪ ВОТЧИНЪ КН.
ДМИТРІЯ МИХАЙЛОВИЧА ГОЛИЦЫНА ВЪ 1737 ГОДУ.

Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, одинъ изъ самыхъ умныхъ и образованныхъ людей своего времени, принадлежалъ къ тому поколѣнію благородныхъ дѣятелей нашей

ищущих хоромы заключались въ трехъ свѣтлицахъ пятистѣнныхъ поземныхъ съ стѣнами. На всемъ строеніи деревянная крышка сведена была *еманчою*, т. е. въ видѣ островерхаго зонта. Это одно уже достаточно свидѣтельствовало объ оригинальной старинѣ. Но и здѣсь, также какъ и въ Архангельскомъ, Петровскій человекъ не находилъ уже себѣ простора; новыя потребности быта ставили его въ необходимость подлѣ дѣдовскихъ низменныхъ клѣтѣй строить обширныя палаты. Въ Богородскомъ кн. Дмитрій Михайловичъ развелъ огромный садъ, а въ саду выстроилъ каменныя палаты о двухъ жилахъ, т. е. этажахъ, на 22 саж. въ длину и на 5 саж. въ ширину. Садъ огородилъ каменною стѣною, а частію деревяннымъ заборомъ; передняя стѣна сада простиралась на 283 саж., задняя на 295, поперекъ въ одномъ концѣ на 95 саж., въ другомъ на 67 саж., въ томъ числѣ каменной стѣны было 444 саж., почти верста. Передняя стѣна была украшена каменными воротами и четырьмя каменными статуями. Кромѣ того въ саду выстроена была каменная квадратная въ 6 саж. палата — родъ павильона, съ погребомъ внизу и съ *кульбицею* наверху, о двухъ ярусахъ. Это было нѣчто въ родѣ бесѣдки.

Июзерел была деревянная, 8 саж. длиною и 2 $\frac{1}{2}$ саж. шириною, съ 24 окончинами и 2 печами; въ ней стояли горшки съ разными заморскими травами, цвѣтами и деревьями, а именно: размарину 29 горшковъ, мараяну 13, гвоздики 35, левкою 6, лаванды 1, темьяну 26, мерели 2, фиги 3 дерева, лотусу краснаго 9 горшковъ, тростей шпанскихъ 8 горшковъ, руты 5 гор., еранику двухъ плодовъ 15 гор., турецкихъ подсолнечниковъ 3 гор., шалфеи 60 гор., седому 8 гор., алвей разныхъ плодовъ 58 гор., лимоновъ дикихъ 110 гор., въ

томъ числѣ привитые два помаранца, фіоли желтой 6 гор., календулы 5 гор., китайскихъ деревь двадцать четыре дерева.

Въ саду: *цвѣтниковъ разныхъ родовъ*: корунъ царскихъ града, тюльпановъ 58 грядъ, мохнатой нарцицы 11 грядъ, нарцицы голой 5 грядъ, кисарю 3 гряды, кудрей царскихъ 2 гряды, руты града, урукули 3 гряды, прису двуплодовъ 10 грядъ, драгуну града, серебряннику брусничнаго цвѣту 93 куста, піони мохровой по городцамъ 56 кустовъ, піони корольковой 210 кустовъ.

Въ саду же росло: въ грядѣ орѣховъ грецкихъ 26 деревь, шелковыхъ 20 деревь, вишенъ заморскихъ 100 деревь, черешни 5 деревь, сливъ 25 деревь, каштановъ 5 деревь, церилныхъ 6 деревь. Да яблонovýchъ деревь по мѣстамъ 1588 деревь, грушъ и дуль разныхъ плодовъ 335 деревь; прививковъ въ градахъ 1400 деревь, грушныхъ прививковъ 90.

Кромѣ того плодовыхъ кустовъ: смородины красной и бѣлой 1290 кустовъ, крыжу (крыжовнику) простаго 80 кустовъ, крыжу махватаго 20 кустовъ, крыжу краснаго 20 кустовъ, банбарису 665 кустовъ. Вообще садъ былъ засаженъ деревьямъ часто и глухо, такъ что смородины, крыжовнику и банбарису съ плодовъ было малое число. Вѣроятно въ это время, за отсутствіемъ хозяина, онъ былъ уже запущенъ.

За садомъ, по оврагамъ, росъ дубовый и осиновый лѣсъ, примѣрно на десяти десятинахъ. Богородское сверхъ того примѣчательно было еще и тѣмъ, что въ немъ, на Пахрѣ стояла *бумажная мельница*, устроенная также кн. Д. М. Голицынымъ.

ОПИСИ ОРАНЖЕРЕЙ И САДОВЪ ПРИ СЛОБОДСКОМЪ ДВОРЦѢ И ВЪ СЕЛѢ ЦАРИЦЫНѢ, 1814—1825 г.

Опись оранжерейными деревьями, разными растениями и цветамъ въ Слободскихъ оранжереяхъ и саду въ 1815 году.

Померанцевыхъ деревъ большихъ 43, померанцевыхъ молодыхъ 14, померанцевыхъ 110, померанцевыхъ вновь разведенныхъ 126, попельмосовыхъ молодыхъ 5, апельсинныхъ большихъ 6, апельсинныхъ молодыхъ 7, лимонныхъ старыхъ 7, лимонныхъ молодыхъ 14, лимонныхъ молодыхъ же 6, лавровыхъ большихъ 10, персиковыхъ деревъ старыхъ 20, персиковыхъ молодыхъ 224, абрикосныхъ молодыхъ 73, абрикосовыхъ въ большомъ грунтѣ 9, персиковыхъ 13, сливъ въ двухъ грунтахъ 15, въ персиковомъ грунтѣ молодыхъ деревъ 5, абрикосныхъ деревъ въ трехъ грунтахъ 19, вишневыхъ деревъ старыхъ 18, молодыхъ 127, вишневыхъ деревъ въ двухъ грунтахъ 49, вишневой дичи 150, грушевыхъ деревъ большихъ 100, въ горшкахъ 138, грушевыхъ молодыхъ 100, боккретели крупной 55, аблонныхъ деревъ французскихъ 103, сливныхъ деревъ большихъ 245, миртусовыхъ 3, бужбоневъ молодыхъ 50, вибурновыхъ молодыхъ 20, алатернусовое 1, лаврусъ серазіусъ 2, молодыхъ 20, шелковицъ или молберъ большихъ 5, лаврусъ тинусъ 1, спренія минотаріи 59, арболита 2, оливковыхъ деревъ молодыхъ 7, винограду 200, винограду въ грунтѣ 9, ананасныхъ плантовъ 80, ананасныхъ же плантовъ 435, однолѣтнихъ 150, жасмину бѣлаго и желтаго 40, гвоздики двойной и разной 80, каприфоліумъ 14, розону китайскаго молодого 19, розону алаго центифоліеваго 200. Въ грядлахъ: феливъ руты 10, лиліевъ бѣлыхъ высаженныхъ въ грунтѣ 100,

въ горшкахъ 44, розану желтаго въ грунту 2, земляники мѣсячной 169, земляники мексиканской въ горшкахъ 156, шалфей разной въ горшкахъ 10, сливной дичи 150, кактусъ перуанусъ 5, пальмы въ горшкахъ 1, кактусъ грандифлерусъ 5, кривунъ американумъ 10, густидія амазота 10, кактусъ флагели формиусъ 5, алое спиральсь 1, амарелись формозисима 64, редина 27, роза семпеліоренсь 1, алое макулато 3, розану мѣсячнаго 77.

Опись вновь разведеннымъ (въ слободскихъ оранжереяхъ) съ 1815 года деревьямъ, растеніямъ и цветамъ и пыль на лицо къ 1825 году состоящимъ.

Гранатовое дерево старое 1, отъ него молодыхъ разведено 18, каприсовыхъ деревъ 7, лотусовъ 30, флосъ разпаспосусовъ 17, генестровъ 2, лимонной дичи 400, гортензіи 100, фіюли 400, левкою махроваго 200.

Въ теплицу въ грунту въ двухъ палаткахъ малины 30 кустовъ; въ оной же теплицѣ: розовой и черной смородины 30 кустовъ, піоновъ въ горшкахъ 15 кустовъ, жонкиліи въ горшкахъ 20, флоксовъ разныхъ родовъ 20, георгины 30, бульденежу привитаго и кустоваго 67, розоновъ англійскихъ кустовыхъ 240, леандровъ старыхъ и молодыхъ 100, санталисы душистой 40, розмарину молодыхъ и старыхъ 50, плюстропіумъ 120, урыкулей 65, редисканціи 50, аграстемы 50, каразинумъ 30, акуба япониковъ 4, кетміи 9, винъ каразей 40, крымаловъ 20, аганантусовъ 30, цирліи 5, грѣцкой орѣхъ дерево 1, акаціи розовой 2, грушной дичи 200, лавровыхъ деревъ молодыхъ 15, имперікумъ 10, волкамери 30, алое сухатрина 12.

Опись состоящимъ въ селѣ Царицынѣ оранжереямъ и въ китѣ фруктовъ и прочимъ деревьямъ и растеніямъ, въ 1814-мъ году.

Примѣчаніе. Г. Свиньинъ, описывая свои „странствія въ окрестностяхъ Москвы“ (Отеч. Записки 1822 г. № 30.) упоминалъ о Царицынскихъ оранжереяхъ слѣдующее: „оранжереи здѣшнія въ своемъ цвѣтущемъ положеніи. Нѣтъ ни въ равнинѣ въ окрестностяхъ Москвы, ни огромностію, ни достоинствомъ фруктовъ. Сихъ послѣднихъ ежегодно продается болѣе чѣмъ на восемь тысячъ рублей“. Такимъ образомъ предлагаемая опись, обнимающая время между 1814—1825 годами, относится къ этому самому цвѣтущему положенію оранжерей. Въ это время дворцовымъ вѣдомствомъ управлялъ кн. Н. Б. Юсуповъ (+ 1831), устроивавшій тогда великолѣпныя сады и оранжереи въ знаменитой своей подмосковной, въ селѣ Архангельскомъ, принадлежавшемъ нѣкогда кн. Д. М. Голицыну, см. выше стр. 330.

Оранжереи каменные: первая оранжерейная длиною на 54-хъ саженьяхъ; въ ней деревъ: изъ Слободскихъ оранжерейпомеранцевыхъ большихъ 2, лавровыхъ большихъ 3, Царицынскихъ померанцевыхъ въ кадкахъ 10, въ горшкѣ 1, апельсинное въ кадкѣ 1, въ горшкѣ 1. Молодыхъ померанцевыхъ деревъ: въ горшкахъ трех-лѣтковъ 350, двух-лѣтковъ 300, одного года 180, сучковъ привитыхъ 100, лимонныхъ молодыхъ разнаго рода деревъ 280, апельсиновыхъ молодыхъ 25, алеандры красной одинакой 30, бѣлой 20, лавровыхъ деревъ 10, миртусовъ 2, миртусовъ 1, вистеріевъ 25, бужбоновъ 10, алисковое дерево 1, циприсовъ 3. Цвѣтовъ и растеній: гартензіи 300, тысячныхъ розоновъ 130, гвоздики 600, кавалерскихъ звѣздъ

или флосъ посіонусъ 2, живовскихъ вишенъ 10, фіолі махровой 60, фіолі простой 30, урыкулей 50, султанчиковъ 10, травы рѹты 3, шалфею 25, размариву 25, лаврусъ тинусъ 15, бульденежу привитаго на калинѣ 150, яліевъ бѣлыхъ 240, рододендровъ понтикумъ 2, дансъ катенифалію 2, гротерія ригенсъ 8, лаумбусъ камфара 1, магнолія грандифлора 2, митросидеросъ цитрина 6, митропенумъ нососа 1, флоксъ овато 3, халеотропіумъ 50, эсприсъ махровой 1, олія фрагрансъ 1, клетра арбореа 1, лихнисъ короната 5, зофора тетрактера 1, зофора макрофила 1, конвонвулюсъ кнеорумъ 1, роза мошкоза 15, роза бургондяка 5, пеларгоніумъ эхинатумъ 3, каприфоліи 20. Розоны пурпурея 4, (тоже) марморей 2, (тоже) загвиней 5, ерани 80, примула маргината 13, лихнисъ махровой 6, кальта полустрисъ 3, нуника нана 2, мертусъ макрофила 5, альстромерія перегринна 2, цистусъ ладониферусъ 1, (тоже) лаурифоліусъ 1, (тоже) грандифлора 2, додскатионъ медіа 2, фуксія лицкондесъ 2, воздушныхъ жесминовъ въ горшкахъ 10, гинка билоба 1, французская зимняя банкротель 10, самбукусъ пестрой 3. *Дерева* персиковыхъ въ грунтахъ разнаго сорта 20.

Вторая виноградная новая оранжерея длиною на 12 саж. Въ ней посажено винограду разнаго рода деревъ 40. *Третья анаканская* длиною на 13 саж. Въ ней: ананасныхъ планковъ большихъ двухъ-лѣтковъ 150, молодыхъ планковъ 140, выписныхъ англійскихъ разныхъ родовъ двухъ-лѣтковъ 64, молодыхъ 120. Выписныя растенія: акуба японика 2, нерумъ оліандеръ флореплено 10, пасифлора аманта 1, штапелія артикулата 4, жесминовъ 30, амарилісъ 4, (тоже) регина 31, (тоже) витата 3, кринумъ азіатикумъ 2, аганантусъ умбелатусъ 13, хемантусъ кокцинеусъ 1, аластрисъ фрагрансъ 2, химерокаллісъ кордато флоре альбо 3, нерумъ коронатумъ 60, кактусъ грандифлора 20, цистусъ размаривофоліусъ 1, хибис-

кусь полустричь 2, (тоже) церулео плено 6, ксилофилумъ ангустофоліумъ 1, гарденія флорида 25. Винограду разныхъ родовъ въ грунту 15. *Четвертая виноградная* старая длиною на 12 саж.; въ ней: винограду въ грунтахъ разнаго роду 45, въ горшкахъ 60. *Пятая* длиною на 54 саженахъ; въ ней: въ 1-й комнатѣ абрикосный грунтъ изъ пяти деревъ 5, въ средней комнатѣ въ грунту молодыхъ сливныхъ деревъ 6, въ задней комнатѣ въ грунту персиковыхъ деревъ 6, левкою разнаго цвѣту махроваго горшковъ 500. *Шестая ранняя* на 54 саженахъ; въ ней: сливныхъ деревъ въ грунту 12. Клубники шпанской въ горшкахъ 300. *Седьмая боковая* длиною на 22 саженахъ: въ ней сливныхъ деревъ въ грунту 8. *Осьмая жъ боковая* длиною на 22 саженахъ: въ ней молодыхъ персиковыхъ деревъ 8, персиковъ въ горшкахъ 560, (тоже) молодыхъ 220, абрикосовъ въ горшкахъ и молодыхъ 98, сливъ въ горшкахъ 400, молодыхъ 70, вишень въ горшкахъ 220, въ грядкахъ 250, грушъ въ горшкахъ 1430, въ кадкахъ 38, розану на шиповникѣ разнаго колеру 250, горшечнаго кустоваго 300, привитаго глазками 120. Въ грядкахъ кустовъ: розану 550, каштановъ 30, бульденежу 220, сирени английской 15, (тоже) красной 12, (тоже) бѣлой 90, воздушнаго жесмину 40, бобовнику или дикой персикъ 170. Въ грядкахъ кедровъ 65, флоксовъ 10, лилеевъ бѣлыхъ 1, піоновъ 40, лиственницы деревъ 10. Земляники американской горшковъ 115, ананасной 150, мѣсячной 460, дичи сливной 800, вишневоы 450. *Грунтовыхъ сараевъ* два, длиною каждый на 22-хъ саженахъ: въ 1-мъ вишневыхъ деревъ 19, во 2-мъ грунтовыхъ деревъ большихъ 10, молодыхъ 55. Подлѣ трехъ каменныхъ стѣнъ посажено молодыхъ вишневыхъ деревъ 70. *Воздушныхъ садовъ* два: 1-й Старый, въ немъ яблонныхъ деревъ отъ мороза ненадежныхъ 1000; 2-й Молодой, въ немъ яблонныхъ деревъ отъ мороза ненадежныхъ 2000; въ ономъ

же саду крыжовнику росписнаго восемь грядъ длиною сорокъ сажень махроваго грядъ 4, смородины черной англійской 3, красной и розовой 12, брусковой 19, малины англійской красной 2, желтой 2. Сверхъ сего имѣются въ анаанасной оранжереѣ вымѣненные въ Санктпетербургѣ на деревья растенія, а именно: камелія японика красная махровая 1, амарелисъ атрея 5, (тоже) эквестрисъ 7, панкратіумъ гагантеумъ 5. Сверхъ сего имѣется въ старомъ воздушномъ саду въ школахъ грядъ съ разными кустарниками: бамбарису грядъ 4, акаціи пяти лѣтъ 30, тополовъ бальзамическихъ 7, корнусовъ 3, спирей разной 5, татарики 5, неклону 2, потенциаллы 1, малины цвѣтной 2, сирени 4, акаціи трехъ лѣтъ 32, бобовнику кустовъ 70, еще молодого грядъ 4. *Въ молодомъ воздушномъ саду:* акаціи разсадной грядъ короткихъ 29, сквозь всего саду грядъ 6, таковая жъ пяти лѣтъ разсажена 1, крушины короткихъ грядъ 2.

Опись вновь разведеннымъ въ Царицынскихъ оранжерейхъ съ 1814 года деревьямъ растеніямъ и цветамъ, нынѣ къ 1825 году на лицо состоящимъ:

Кедровъ ливанскихъ 2, жесминовъ арапскихъ разнаго роста 5, едера или ифой 5, рускусъ акуніатусъ 8, артельюсовъ 25, каколія клінія 1, иннерикумъ цетрозенумъ 10, вакхедорфія терсифлера 3, сааксифрагра красифолія 10, розоновъ китайскихъ однолистныхъ 8, юка ацироль 3, пликсъ агинфолія 1, латусовъ 2, алвія сухаприна 10, орѣховъ грецкихъ 16, акаціи англійской 9, люнецеры татарики 4, царьградскихъ рожковъ 6, флоксовъ осеннихъ разныхъ 14, вешнихъ разныхъ 100, шелковиць 2, маку зимующаго 90, потенциалумъ 12, сиріи двухъ родовъ 15, шиповнику двуличневаго 7, берескрету кустовъ въ грядахъ 6, пихтовъ въ гря-

дахъ 40, самбуку града 1, вишневой дичи молодой града 1, земляники ананасной градь 2, мексиканской 3, мясочной 2, шпанской 10, шиповнику у забору борозда 1, сирени сибирской града 1, голандскаго розану града 1, вишневой дичи града 1, зимующихъ разныхъ цвѣтовъ градь 2.

Опись состоящему въ селѣ Царицынѣ аглинскому саду, въ немъ строеніямъ и разнымъ къ нимъ принадлежностямъ, 1825 года.

Примѣчаніе. Г. Свинынь, описывая Царицынскій садъ, (въ 1822 г.) замѣчаетъ между прочимъ, что „нѣсколько бесѣдокъ приготовлено въ такомъ видѣ, что притѣжающіе сюда для гулянья могутъ располагаться въ нихъ даже нѣкоторымъ хозяйствомъ. При каждой есть особая небольшая кухня. Лучшая изъ бесѣдокъ, *Миловиды*, каменная; сквозная арка ее, составляющая залу, украшена довольно хорошими мраморными бюстами. Есть преданіе, что счастливое наименованіе бесѣдки сей Миловидою, дано самою Екатериною. По истинѣ ни откуда не представляются виды миловиднѣе, какъ отсюда. Прочія — *Хижина*, *Езопка* и т. п. названы П. С. Валуевымъ, бывшимъ начальникомъ дворцовъ и садовъ въ Москвѣ. Онъ далъ прозвища даже многимъ дорожкамъ и аллеямъ, напримѣръ: назвавъ глухую аллею *Несторовою* и т. д., Езопка сдѣлана изъ березовыхъ бревенъ съ корою и представляется отъ того весьма красивою (Отч. Зап. 1822 г. № 30). Извѣстно, что Валуевъ въ лѣтнее время (1801 — 1813 гг.) постоянно жилъ въ Царицынѣ на дачѣ.

Аллинской саду въ большемъ видѣ съ расположенными въ немъ дорожками:

При входѣ въ оный отъ плотины мостикъ чрезъ канаву съ рѣшетками желѣзными и двумя тумбами дикаго камня, къ калиткѣ, у коей столбы такового жъ камня и на верху ихъ шары; двери створчатая желѣзная рѣшетчатая съ засовомъ; по бокамъ оной калитки два дельфина на плитахъ. По обѣ стороны дворца заборы, каждый изъ двухъ звенъ, каменные съ рѣшетками и воротами рѣшетчатыми желѣзными въ готическомъ видѣ. При входѣ на *утреннюю дорожку* чрезъ канаву мостикъ съ поручнями рѣшетчатыми деревянными къ калиткѣ, у коей столбы изъ бѣлаго камня; двери створчатая рѣшетчатая деревянная и выкрашена. Отъ поля въ большой березовой прощекѣ ворота, у коихъ столбы большіе каменные, на нихъ вазы съ деревянными полями, внутри съ просвѣтомъ, на крючьяхъ и петляхъ желѣзныхъ съ накладкою и пробоемъ желѣзными. Въ концѣ его отъ *храму по оръховской ярудохъ* заборъ изъ стоячихъ бревенъ съ дощатыми воротами на крючьяхъ и петляхъ желѣзныхъ.

Внутри онаго саду строеніи: 1) *оверной домъ* каменной въ готическомъ видѣ, въ коемъ печей изъ поливныхъ изразцевъ большихъ 6, меньшихъ 4, на коемъ бывшая деревянная крыша отъ ветхости упала. 2) фигурные ворота каменные на коихъ вазъ четыре, собакъ двѣ, купидоновъ два. 3) *Галлерей Миловида* каменная съ надѣлкою въ верху деревянною оштукатуренною, крытая желѣзомъ; на верху ея статуевъ три, бюстовъ четыре, вазъ двѣ, свинсковъ два, у крыльца дельфиновъ два; внутри ея колонъ большихъ шестнадцать, меньшихъ восемь, оштукатуренныхъ по дереву; по бокамъ по двѣ комнаты съ дубовыми створчатыми дверями съ задвижками, и въ каждой по два окошка съ желузями подъ

краскою; въ срединѣ ея на четырехъ тумбахъ бѣлаго камня большія бюсты бѣлаго мрамора на таковыхъ же пьедесталахъ. Въ вышеозначенной галлерей *Миловидъ* стульевъ съ точеными ножками подъ краскою съ плетеными сидѣньями изъ веревокъ, покрытыя желтою краскою 18; таковыхъ же подъ дикою краскою съ сидѣньями плетеными изъ комыша 8; столовъ дубовыхъ большихъ складныхъ три. 4) Отъ оной галлерей въ глухомъ березовомъ большомъ прошектѣ бревенчатой *амшеникъ*, крытой тесомъ на одинъ скатъ, подъ краскою, впереди его щитъ изъ тесу, на которомъ живописный ландшафтъ. 5) *Руина* изъ разнаго камня, внизу убрана разнаго цвѣту мохомъ и на столбѣ деревянномъ дикаго камня круглой столъ. 6) Противъ ея внизу внутри горы *нишъ* изъ гротескаго камня, у которой сводъ убранъ цвѣтными раковинами. 7) *Галлерей Нерастанкина* каменная о четырехъ колоннахъ бѣлаго камня, съ двумя окошками, въ нихъ желуза подъ краскою; крытая тесомъ, а куполь желѣзной; у передней стѣны въ двухъ впадинахъ по статуѣ и двѣ вазы бѣлаго камня точеныя; въ ней столовъ деревянныхъ круглыхъ подъ краскою два; скамьевъ рѣшетчатыхъ съ задками полукруглыхъ составныхъ подъ краскою 2; кресель рѣшетчатыхъ подъ краскою 8. Не подалеку отъ нея *очагъ* съ крышкою изъ тесу, въ коемъ прогоновъ желѣзныхъ два. 8) *Храмъ Цереры* о осьми колонахъ бѣлаго камня, на коемъ куполь крытой желѣзомъ съ такимъ же болюстратомъ подъ краскою; въ срединѣ онаго снопъ жестяной раскрашенъ, колосья и прочія мѣста вызолочены; внутри онаго площадка и двѣ ступени бѣлаго камня; по срединѣ онаго на тумбѣ дикаго камня статуя одна. Противъ онаго у подсадки статуя бѣлаго камня, во кругъ коей деревянная рѣшетка. 9) Въ сторонѣ большаго березоваго прошекта *избушка* изъ березоваго лѣсу, крытая тесомъ подъ краскою на фундаментѣ съ двумя каменными крыльцами, у коей пять

окошекъ съ дубовыми рамами и стеклами; внутри коей сѣни и три комнаты, изъ коихъ въ одной очагъ, въ немъ два желѣзныхъ прогона и скамья деревянная; въ большой комнатѣ столъ складной большой липовой; скамьевъ рѣшетчатыхъ вѣтхихъ 2, дверей дубовыхъ створчатыхъ глухихъ 3. Изъ сѣней лѣстница въ свѣтелку деревянная подшита тесомъ; при входѣ въ свѣтелку дверь дубовая съ просвѣтомъ и таковаяжъ на балконѣ со стеклами. Предъ сею избушкой столъ изъ тесу и двѣ скамейки дощатые подъ краскою; впереди заборчикъ стойничкомъ бревенчатый и таковая жъ калитка, выкрашенные; предъ входомъ, къ ней мостикъ деревянный съ поручнями изъ дубовыхъ сучьевъ.

10) Между сего проспекта и галлерей Миловиды *хижины* изъ березоваго лѣсу, крытая тесомъ подъ краскою, у коей дверей наружныхъ дубовыхъ съ просвѣтомъ и стеклами двѣ, и двѣ глухихъ дубовыхъ выкрашенные; окошекъ съ дубовыми рамами и стеклами 4; внутри ея три комнаты и четвертая кухня; въ ней очагъ, въ коемъ два желѣзные прогона; при входѣ въ свѣтелку на столбѣ дикаго камня круглый столъ; въ свѣтелкѣ дверей дубовыхъ глухихъ три, а на балконѣ въ полукруглой рамѣ дверь со стеклами; у оной хижины въ фронтонѣ трехъ угольная рама съ проволочною рѣшеткою; противъ сей хижины между *куртановъ* статуя бѣлаго камня. 11) Неподалеку отъ *руины* деревянная кухня, обшита и крытая тесомъ, у коей стѣны и крыша выкрашены; съ каменнымъ крыльцемъ, дубовою дверью съ щеколдою; внутри ея очагъ съ двумя желѣзными прогонами; лавка и полки дощатые, два окошка съ дубовыми рамами и стеклами. 12) На утренней дорожкѣ *бесѣдка* изъ тесу ветхая. Въ *куртанахъ* статуя бѣлаго камня одна и противъ бѣлагожъ камня точеная урна одна. Подходя къ мостикамъ отъ галлерей *Нерастанкиной* чрезъ большой оврагъ въ лѣвой сторонѣ на тумбѣ статуя одна. Въ липовой алее внутри четырехъ ротондовъ столовъ овальныхъ 8, скаме-

екъ съ рѣшетчатыми задками 8. Въ длину всего прешпекта по обѣ стороны рѣшеточка изъ тесу съ точеными столбиками подъ краскою. 13) Черезъ большой оврагъ три каменные моста, изъ коихъ у большаго перапетъ изъ гротескаго камня, а у двухъ тумбы изъ цѣльнаго бѣлаго камня, въ томъ числѣ у одного круглыя съ шариками на верху съ деревянными рѣсетками, выкрышенными краскою. 14) По *береговой дорожкѣ* три каменные мостика съ перапетами изъ гротескаго камня. 15) На *лужоной дорожкѣ* ниша каменная съ гротескнми и протчими каменьями; на верху и кругомъ осажена разными деревьями и кустарниками, внутри коей статуя на тумбѣ за рѣсеткою деревянною. 16) Проходя ея черезъ оврагъ — каменной мостъ съ перапетомъ гротескаго камня. 17) На береговой дорогѣ внутри горы *пещеры*, въ коихъ двѣ ниши открыты, изъ коихъ одна при входѣ убрана кореньями, въ ней статуя на тумбѣ съ деревянною рѣсеткою. Другая выкладена каменьями разными. Выходовъ три, два темныхъ, въ коихъ стѣны и верхъ убраны бѣлымъ мохомъ, а у третьяго стѣны выкладены камнешъ; подлѣ онаго *шеламш* крытой осокой, внутри убранъ бѣлымъ мохомъ, съ окномъ и въ немъ рама дубовая со стеклами, на площадкѣ столъ и скамья деревянные выкрашенныя двѣ. 18) На сей же дорогѣ *пристань* дикаго камня съ поручнями на коей вазъ двѣ, львовъ два, и двѣ деревянные скамьи подъ краскою. 19) Противъ онаго ветхая деревянная бесѣдка. 20) А противъ сей на горѣ шатеръ съ деревянною крышкою подъ краскою, внутри столъ и двѣ скамьи. На газонѣ подъ большими двумя лицами и дубомъ столъ и скамья деревянные подъ краскою.

На другую сторону за аглинскимъ прудомъ, перешедъ Орѣховскую плотину, на лѣво: 21) Черезъ оврагъ мостъ бѣлаго камня съ тумбами. 22) Проходя его къ лѣсу между валу калитка, у коей два столба цѣльные бѣлаго камня, а впереди

нихъ черезъ канаву каменной мостикъ. 23) Отъ оной калитки въ гору противъ караульной избушки ворота, у конхъ столбы бѣлаго камня. 24) Илучи отъ Орѣховской плотины, на право по береговой дорожкѣ въ лѣвой рукѣ сарай бревенчатой съ двумя воротами дощатыми на крючьяхъ и петляхъ желѣзныхъ, крытый тесомъ, подъ краскою; впереди его щитъ изъ тесу, на которомъ живописной ландшафтъ. 25) Противъ *Лешавой* (sic) дороги черезъ протокъ мостъ каменной съ перепетомъ гротескаго камня. 26) Въ концѣ оной дороги бесѣдка изъ корней, внутри коей потолокъ и стѣны обиты разноцвѣтнымъ мохомъ; въ ней два стола и скамьи обиты берестой, а назадъ дверь, къ верху съ рамою желуза. 27) Илучи по береговой дорогѣ на холму галлерей каменная съ гротескимъ камнемъ и двумя колоннами съ фронтономъ бѣлаго камня, крытая желѣзомъ и выкрашена внутри, работою неконченная. 28) Проходя отъ нее черезъ оврагъ каменной мостъ. 29) Перешедъ *Лазареву плотину* въ лѣво *Турецкая палатка* изъ тесу, выкрашенная разными красками, внутри потолокъ подбитъ разноцвѣтною бумажною матеріею; въ ней вокругъ столба столъ деревянной и восемь скамеекъ подъ краскою. 30) Не подалеку отъ нея на лугу сарай бревенчатой, впереди коего восемь дубовыхъ столбовъ, крытый соломою съ двумя деревянными воротами на крючьяхъ и петляхъ желѣзныхъ.

Внутри онаго саду на большомъ газонѣ овальныхъ клумбъ съ разными цвѣтами и вокругъ нихъ рѣшетками подъ краскою тринадцать. По дорожкамъ для сидѣнія скамеекъ дощатыхъ на столбахъ двадцать шесть. 31) На островахъ аглиискаго пруда, на одномъ, противъ галлерей *Нерастанкиной*, арка каменная, вокругъ коея разныя деревья и гора убрана бѣлымъ камнемъ; на другомъ противъ Миловиды круглый птичникъ съ проволочною рѣшеткою, крытый желѣзомъ подъ краскою. 32) Вокругъ берега онаго пруда и острововъ пристаней, кромѣ

большой, восемь, работою неоконченныя. На ономъ прудѣ шлюбокъ разной величины подъ краскою твердыхъ пять. 33) Заполни прудомъ вокругъ рошей по разнымъ мѣстамъ три деревянные караульныя избы, крытыя соломой.

ХРОНИКА ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ВЪ МОСКВѢ

СЪ ПОЛОВИНЫ XVІІІ СТОЛѢТІЯ.

I.

Очеркъ внѣшняго устройства Москвы въ половинѣ XVІІІ столѣтія. Старина, сохранявшаяся въ народномъ быту. Народныя гулянья, увеселенія и зрѣлища. Хроника зрѣлищъ и пріѣздовъ иностранныхъ шутокъ-истеревъ, экивабристовъ, баласеровъ, позатурныхъ истеревъ, немедиантовъ и проч.

Въ половинѣ XVІІІ столѣтія въ Москвѣ многое еще напоминало времена царя Алексѣя Михайловича. Старина сохранялась не только во внѣшнемъ устройствѣ города, но и въ общественномъ и семейномъ быту москвичей, въ образѣ ихъ жизни и привычкахъ. Самыя преобразованія Петра Великаго, какъ ни были они дѣятельны въ отношеніи Москвы, особенно въ началѣ, не могли, однакожь, слишкомъ измѣнить ея древнюю фізіономію. Москва почти триста лѣтъ жила самостоятельно своею жизнью, собрала всю Русь въ одно цѣлое, „рядила и судила“ всю землю, трудомъ и потомъ выработала себѣ извѣстныя формы и успѣла окрѣпить въ нихъ, усвоивъ себѣ названіе „первопрестольнаго царствующаго великаго

града". Линія, по которымъ она застроилась, проведены были не цѣпью или циркулемъ, а самою жизнью, свободно и привольно. Поэтому желаніе Петра В. придать древней своей столицѣ европейскую виѣшность встрѣчало здѣсь препятствія почти на каждомъ шагу....

Если въ сравненіи съ Петербургомъ она и теперь представляеть много своеобразнаго, привольнаго, даже сельскаго, то легко вообразить, что было за сто лѣтъ назадъ. Это былъ городъ по преимуществу „деревенскій“, городъ, въ которомъ не только самая большая часть домовъ, но даже и многія мостовыя были еще деревянныя. Улицы были неправильны, гдѣ слишкомъ широки, такъ что походили на площадь, гдѣ слишкомъ узкія, такъ что трудно было развѣхаться. Было много также *тупиковъ*, т. е. переулковъ, которые преграждались строеніями. Значительнѣйшая часть домовъ состояла изъ обыкновенныхъ крестьянскихъ избъ, большихъ и малыхъ, которыя не только не были ничѣмъ окрашены, но нерѣдко были *курныя*, *черныя*, или съ деревянными трубами, крытыя тесомъ и дранью, а въ яскихъ слободахъ и вообще на краю города — даже соломою, что строго запрещено было только въ 1753 году *). Подъ окнами такихъ домиковъ и избъ почти всегда можно было найти *завалинку* или *лавочку*, которыя занимали не послѣднее мѣсто въ общественномъ быту москвичей низшаго разряда. По праздникамъ они выходили обыкновенно погулять за ворота „на улицу“, сидѣли и толковали съ сосѣдами на завалинкахъ, грызли орѣхи, смотрѣли на проходящихъ и такимъ образомъ довольно пріятно проводили время. По многимъ далекимъ мѣстамъ Москвы все это сохраняется и теперь. Такіе домики и избы выходили обыкновенно на улицу, какъ въ деревняхъ, и стояли въ иныхъ мѣстахъ до-

*) Полн. Собр. Зап. № 10,098.

вольно тѣсно; напротивъ того, всё болѣе или менѣе значительныя постройки, т. е. дома зажиточныхъ и богатыхъ людей, прятались въ глубинѣ дворовъ, такъ что по инымъ улицамъ тянулись безконечныя заборы, прерываемыя нѣрѣдка воротами, которые сохраняли еще свѣю древнюю архитектуру, т. е. были покрыты небольшими двускатными кровлями, подъ которыми, на воротахъ, почти всегда можно было встрѣтить небольшую икону или жѣдный крестъ. Массу строеній раздѣляли иногда огромныя пустыя пространства, занятыя садами, огородами, пустырями, лугами, прудами и т. п.; все это ограждалось иногда просто кольями и даже плетнемъ, а нныя мѣста и вовсе оставались безъ городьбы, такъ что иногда надобно было принимать довольно крутыя мѣры, чтобы заставить владѣльцевъ загородить свои земли: такія мѣста отписывались въ казну. Въ другихъ мѣстахъ даже въ среднѣмъ города по всему теченію Неглинной, гдѣ теперь Трубный бульваръ, Кузнецкій мостъ, прекрасная Театральная площадь и Кремлевскій садъ, существовали еще „великія“, почти непроходимыя грязи и болота, всегда наполненныя соромъ, всякимъ пометомъ и нечистотою. Тоже должно сказать о рвахъ подлѣ Кремля и о мѣстностяхъ подлѣ стѣнъ Китая-города. Все это помнятъ даже и теперь многіе старожилы, жившіе въ Москвѣ до двѣнадцатаго года. На самыхъ улицахъ, особенно въ отдаленныхъ частяхъ города, стояли вѣчныя лужи, гдѣ постоянно жили гуси и утки и вообще домашнія животныя. Однѣ только большія *пролѣзжія* улицы были вымощены камнемъ, многія были мощены еще по старому бревнамъ или фашиникомъ, а бѣлая часть оставалась вовсе немощеною. Вообще грязь московскихъ улицъ, превращаясь отъ времени въ тучный черноземъ, еще въ XVII ст. составляла отличное удобреніе для садовъ; въ царскіе сады того времени каждый годъ возили съ мостовыхъ удобреніе по нѣскольку

соть возовъ. Нужно много читать указовъ и разнаго рода постановленій по этому предмету, чтобы вполне повѣрить, какихъ усилій и постоянныхъ заботъ стоило правительству содержать возможную чистоту въ городѣ. Все это взятое вмѣстѣ дѣйствительно представляло довольно живописную сельскую картинну, которая вообще очень мало напоминала то, въ чемъ мы привыкли узнавать городъ. Мы не говорили еще о каменныхъ зданіяхъ; но за исключеніемъ церквей, и то не всѣхъ, потому что было еще нѣсколько и деревянныхъ, и за исключеніемъ городскихъ стѣнъ съ башнями, каменныхъ построекъ въ эту эпоху было вообще очень немного. Всѣ онѣ принадлежали или казнѣ, или знатымъ и богатымъ лицамъ и стояли обыкновенно въ глубинѣ широкихъ дворовъ, подъ которыми бывало нерѣдко отъ 1 до 5 десятинъ земли, занятой „службами“, садомъ и разными другими принадлежностями широкаго барскаго житья. Дома эти въ отношеніи къ окружавшимъ ихъ мелкимъ *поземнымъ* деревяннымъ постройкамъ дѣлали видъ богатыхъ помѣщичьихъ усадебъ средн сельскаго населенія, такъ что въ этомъ случаѣ Москва представляла нѣсколько сплошныхъ селъ и деревень. И дѣйствительно, даже по официальному свидѣтельству „Описанія Моровой Язвы 1770 — 1772 года“, въ Москвѣ въ то время было „много такихъ господскихъ дворовъ, кои своимъ расположеніемъ, обширностію, великимъ и лишнимъ числомъ служителей составляли не домъ въ городѣ приличный, но *цѣлое селеніе*, по разному ремеслу и званію людей собственное мѣщанское общество составляющее; или такой домъ, который только въ однихъ деревняхъ обширностію своею и многолюдствомъ общей тягости не дѣлаеть“¹⁾). Подтверженіемъ

¹⁾ Описаніе Моровой Язвы, бывшей въ столичномъ городѣ Москвѣ съ 1770 по 1772 годъ, стр. VI.

такому по преимуществу деревенскому характеру старинныхъ московскихъ построекъ можетъ служить и число домовъ въ Москвѣ, взятое за разное время. Такъ на одномъ и томъ же пространствѣ въ 1701 году частнымъ лицамъ принадлежало 16,357 дворовъ; до моровой язвы, т. е. въ 1770 году, было 12,538 дворовъ, а предъ нашествіемъ непріятеля въ 1812 году только 9,158. Ясно, что цифра эта увеличивалась отъ мелкихъ деревянныхъ построекъ, избъ и клѣтѣй, потому что пустыхъ, незастроенныхъ мѣстъ въ послѣднее время было еще меньше, нежели въ началѣ XVIII столѣтія.

Имя города Москвѣ давали только каменные стѣны вокругъ Кремля, Китая и Бѣлаго города; послѣднія въ эту эпоху уже разрушались, а теперь на ихъ мѣстѣ разведены бульвары. Земляной городъ, т. е. *валъ*, насыпанный еще при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ, также въ это время во многихъ мѣстахъ осыпался почти въ уровень съ улицами. Въ замѣнъ его Москва сначала была обнесена, въ 1731 году, *надолбами*, т. е. бревенчатымъ заборомъ; а потомъ въ 1742 году землянымъ же валомъ, не для безопасности жителей, а собственно для прекращенія ввоза корчемнаго вина и сохраненія интересовъ тогдашнихъ *компанейщиковъ*, или откупщиковъ, такъ что и самый валъ, хотя и построенный отъ Камеръ-Коллегіи, въ народѣ назывался бѣльшею частію *Компанейскимъ*, а познѣе Камеръ-Коллежскимъ.

Въ полицейскомъ отношеніи Москва прежде раздѣлялась на 12 командъ, а въ послѣдствіи на 14 частей. Каждая команда дѣлилась также на сотни, по числу дворовъ; каждая сотня—на десятки. Охраненіе безопасности и вообще наблюденіе порядка лежало на самихъ обывателяхъ, изъ которыхъ сотскіе и десятскіе отвѣчали за всѣ безпорядки въ ихъ сотняхъ и десяткахъ. На ночь по концамъ большихъ улицъ

Москва запиралась *рогатками*, у которых сторожами были также обыватели, по очереди изъ каждого дома: *Рогатки* были тоже, что и рѣшотки въ XVII столѣтїи и точно также затворялись и отворялись, когда пробивалъ набатъ на городскихъ башняхъ, означавшій „указные“ часы для городской дѣятельности. Вечеромъ рогатки запирались въ 10 часовъ, а утромъ отворялись за часъ до свѣта. Сторожа при рогаткахъ стояли иные съ оружіемъ, но бѣльшая часть съ палками, или „грановитыми дубинами“, и въ опасныхъ случаяхъ были въ *трещотки*. На этотъ трещеточный бой тутошніе жители всё должны были собираться на помощь. Трещотки во время пожаровъ памятны еще московскимъ старожиламъ.

Кромѣ того о пожарахъ давалось знать общимъ набатомъ на всѣхъ колокольныхъ. Когда горѣлъ въ 1753 году Головинскій дворецъ, то, по свидѣтельству Нащокина, „при томъ прискорбномъ и весьма сожалительномъ состояніи, ужасный во всѣхъ церквахъ Москвы былъ тревожный въ колокола звонъ, какъ обыкновенно бьютъ въ набатъ“ ¹⁾. Пожары наблюдала полиція изъ *лантерновъ*, или небольшихъ башенокъ, которыя устроивались надъ мезонинами *ствлзснхъ* дворовъ. Лѣтомъ, для безопасности отъ пожаровъ, всѣмъ обывателямъ, гдѣ были деревянныя постройки, запрещалось топить, для чего и самыя печи полиція запечатывала, т. е. къ печнымъ устьямъ привѣшивала восковыя печати и по временамъ осматривала ихъ. Топить, конечно, было нельзя, потому что печать тотчасъ бы растаяла.

Въ глухія ночи Москва освѣщалась фонарями, но только по самымъ большимъ улицамъ. Фонари въ первый разъ зажжены были осенью въ 1730 году, по случаю присутствія въ Москвѣ Двора; тогда вѣдно было „для зимнихъ ночей“ по

¹⁾ Записки В. А. Нащокина, изд. Языковичъ.

большимъ улицамъ поставить стеклянные или слядяные фонари на столбахъ, одинъ отъ другого по 10 сажень, всё въ одну мѣру, линейно, и отдать для содержанія обывателямъ, которые обязывались зажигать ихъ, впрочемъ, въ тѣ только ночи, когда будетъ приказъ чрезъ полицію отъ Императорскаго Двора. Тѣмъ обывателямъ, у которыхъ дома выходили на улицу, дозволялось вмѣсто фонарей ставить на окнахъ свѣчи, по три и по четыре, смотря по числу оконъ, и, однакъ, не меньше двухъ. Фонари и свѣчи должны были горѣть до окончанія полуночи. Такимъ образомъ освѣщеніе московскихъ улицъ началось случайно, отъ присутствія въ столицѣ Императорскаго Двора, и нисколько не было настоятельною потребностію самихъ жителей; по старинѣ, всякій изъ нихъ ходилъ, если хотѣлъ, съ своимъ собственнымъ фонаремъ и обыкновенно самъ себѣ освѣщалъ дорогу. Ночью безъ фонаря даже никого не пропускали чрезъ уличныя рогатки, и ходить съ фонарями запрещалось только лѣтомъ съ мая по августъ, для безопасности отъ пожаровъ ¹⁾. Употребленіе такихъ домашнихъ фонарей оставалось и послѣ долгое время, потому что общественные фонари, какъ мы сказали, стояли только по самымъ значительнымъ улицамъ. Въ 1766 году число фонарей на столбахъ простиралось до 600; столбы были выкрашены синею и бѣлою краскою ²⁾. Въ 1782 году фонарей было уже 3,500, а въ 1800 г. къ этому числу прибавлено еще 3,059, что и составляло 6,559.

Вообще потребности москвичей въ это время были такъ еще просты и неприхотливы, что, напримѣръ, и самые извозничьи экипажи лѣтомъ состояли въ однихъ только *роствукахъ*, или *волочкахъ*, въ родѣ лозовыхъ дрогъ, съ фарту-

¹⁾ Полн. Собр. Зах., № 6778. Указъ 1735 года.

²⁾ Моск. Вѣд. 1766, № 103.

ками для завѣшиванія ногъ отъ грязи. Уже послѣ изъ такихъ дорогъ образовались постепенно теперешнія дрожки. Зимомъ санки были также самага первоначальнаго древняго устройства, что можно видѣть даже на рисункахъ того времени *). Кромѣ этихъ волочковъ и санокъ, ни кареты и никакого порядочнаго экипажа нельзя было добыть для найма во всемъ городѣ.

Въ такомъ видѣ была Москва въ половинѣ XVIII столѣтїа. Между тѣмъ извѣстно, съ какою энергическою дѣятельностію занимался ея устройствомъ Петръ Великій. Если читать одни его указы по этому предмету, то легко можно усомниться во многомъ, что было сказано нами выше. Но дѣло въ томъ, что не всѣ постановленія въ этомъ случаѣ были надлежащимъ образомъ выполняемы. Это мы сейчасъ увидимъ.

Побывавъ за границей въ лучшихъ городахъ Европы, въ Парижѣ, Лондонѣ, Амстердамѣ и проч., и видѣвъ тамошнее городское устройство, Петръ Великій, любившій всякое прибрѣтенное знаніе прикладывать къ дѣлу, не могъ не обратить особеннаго дѣятельнаго вниманія и на Москву. Притомъ частые пожары и безъ того внушали мысль о новомъ, возможно лучшемъ устройствѣ города. Вскорѣ по возвращеніи изъ за границы въ началѣ 1701 года, послѣ пожара, Петръ Великій повелѣлъ на погорѣлыхъ мѣстахъ строить богатымъ людямъ каменные дома, а недостаточнымъ — мазанки, и потомъ съ 1704 года, каждый годъ, по городскимъ воротамъ Москвы объявлялись съ барабаннымъ боемъ и прибывались на листахъ новые указы о томъ, чтобы „деревяннаго строенія отнюдь не строить, а строить не отиѣнно каменные дома, или по крайней мѣрѣ мазанки; и строятся не среди дворовъ, какъ было встарину, а линейно по улицамъ и переулкамъ

*) Видъ Москвы, изд. въ 1799 году московскихъ купцовъ Валеромъ.

для высокою Ею Царскою Величеством интереса и лучшаго въ томъ способа и противъ строеній дру-
гихъ Европейскихъ Государств *). Кроме того, всѣ постройки должны были производиться съ дозволенія полиціи и по чертежу архитектора. Въ концѣ указовъ предлагались всегда сильныя побудительныя мѣры къ ихъ точному, безотлагательному выполнению, именно: отнятіе мѣста и всего строенія у тѣхъ, кто не хотѣлъ или не въ силахъ былъ выстроить каменное, въ назначенныхъ мѣстахъ, и отдача этихъ мѣстъ людямъ, имѣвшимъ возможность строиться съ точнымъ исполненіемъ указовъ. При всемъ томъ къ улучшенію устройства Москвы представлялись непреодолимые препятствія, какъ мы уже замѣтили: требовалось по новому плану и по новымъ образцамъ перестроить всю Москву, а для этого нужны были капиталы, которые могли тотчасъ же возрасти до невѣроятныхъ цифръ, при общемъ недостаткѣ нужныхъ матеріаловъ и рабочихъ. Имѣя это въ виду, Петръ Великій повелѣлъ обстроивать каменными зданіями сначала одинъ только Китай-городъ, допуская въ Бѣломъ, а тѣмъ болѣе въ Земляномъ городѣ, мазанки и вообще деревянныя постройки. Рѣзкимъ примѣромъ безуспѣшности многихъ мѣръ по устройству Москвы можетъ служить каменная мостовая, исторія которой весьма любопытна и достопамятна.

Еще въ 1692 г. велѣно было мостить улицы камнемъ. Потомъ, въ 1705 г., Петръ Великій издалъ указъ, которымъ повинность мостить камнемъ московскія улицы разложена была на все государство. Сборъ дикаго камня распредѣленъ былъ по всей землѣ: съ дворцовыхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и со всѣхъ вотчинъ служилаго сословія, по числу крестьянскихъ дворовъ, съ десяти дворовъ одинъ камень,

*) Полн. Собр. Зап., № 2548.

мѣрою въ аршинъ, съ другого десятка — въ четверть, съ третьяго — два камня по полу-аршину, наконецъ съ четвертаго десятка крестьянскихъ дворовъ, мелкаго камня, чтобъ не было меньше гусинаго яйца, мѣрою — квадратный аршинъ. Съ гостей и вообще торговыхъ людей эта повинность разложена была по ихъ промысламъ.

Сверхъ того, всѣ крестьяне, въ извозѣ или такъ прїѣзжавшіе въ Москву, должны были въ городскихъ воротахъ представлять по три камня ручныхъ, но чтобъ меньше гусинаго яйца не было. Долго ли собрался такимъ образомъ камень, неизвѣстно; но, несмотря на то, въ половинѣ XVIII столѣтія, т. е. спустя пятьдесятъ лѣтъ послѣ этого указа, каменные мостовыя въ Москвѣ были только по самымъ большимъ *пролѣзнымъ* улицамъ, деревянныя же сохранялись въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже до французовъ, не говоря уже о многихъ отдаленныхъ переулкахъ. Кромѣ того новому устройству Москвы подъ конецъ помѣшалъ и Петербургъ. Въ 1714 г. запрещено было каменное строеніе во всей Имперіи для того, что въ Санктпетербургѣ „каменное строеніе зѣло медленно строится и каменщиковъ и прочихъ художниковъ того дѣла достать трудно и за довольноую цѣну.“ Запрещеніе это продолжалось до 1728 года. Наконецъ въ томъ же году, при Петрѣ II, указомъ апрѣля 10, московскіе обыватели были совершенно освобождены отъ предшествовавшихъ по сему предмету постановленій. Дозволены были строенія, какія кто похочетъ, каменные и деревянныя, не требуя ни дозволенія отъ полиціи, ни рисунковъ отъ архитектора, и не только въ Бѣломъ и Земляномъ городѣ, но даже въ Китай и въ самомъ Кремлѣ. Крыть позволялось гонтомъ или тесомъ, а въ Земляномъ городѣ и за городомъ—даже дранью, но только безъ скалы, т. е. бересты, для бѣдшей безопасности отъ пожаровъ. Въ избахъ запрещены были только *волоковыя окна*;

впрочемъ, строить избы дозволялось кому какія удобны. Дворовую городьбу въ городѣ можно было дѣлать заборомъ, рѣшеткою, тыномъ, кромѣ кольевъ и плетней, которые оставались на волю только за Землянымъ городомъ, въ слободахъ. А въ заключеніе велѣно было возвратитъ прежнимъ владѣльцамъ и тѣ дворовыя мѣста, которыя были отняты у нихъ, затѣмъ, „что каменнаго строенія не дѣлали“. Такимъ образомъ, мѣры Петра Великаго подъ конецъ были совершенно ослаблены и Москва по прежнему стала обстроиваться съ полною свободою, выступая на средину улицъ или прѣчась въ глубинѣ дворовъ, застроивая площади и даже самый городской валъ, и предпочитая вообще деревянныя постройки каменнымъ. Въ 1763 году, при учрежденіи комиссіи о лучшемъ устройствѣ Петербурга, опять обращено было вниманіе на Москву, причемъ замѣчено, что „по древности стрѣненія своего она и по нынѣ въ надлежащій порядокъ не пришла и отъ того беспорядочнаго и тѣснаго деревяннаго строенія, отъ частыхъ пожаровъ въ большее раззореніе живущихъ вводить“ *). Но, несмотря ни на какія заботы и старанія правительства, древняя столица оставалась почти въ прежнемъ положеніи до знаменитаго двѣнадцатаго года, когда общій, страшный пожаръ совершенно истребилъ самую большую ея часть и преимущественно деревянныя постройки; изъ 9,158 домовъ уцѣлѣло только 2,626, и то большею частію въ предмѣстіяхъ города. Послѣ этого страшнаго событія начинается новая эпоха въ устройствѣ Москвы.... „Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенію“ — хотя въ этомъ случаѣ, конечно, очень много способствовали уже иныя потребности самаго общества и иная дѣятельность правительства, потому что были и прежде частые и страшные пожары, напримѣръ,

*) Моск. Вѣд. 1763 г.

въ 1737 году, послѣ которыхъ въ устройствѣ города все оставалось по прежнему.

Сохраняя еще много старины во внѣшнемъ устройствѣ, какъ можно было замѣтить изъ предъидущаго, Москва половины XVIII столѣтія тѣмъ самымъ доказывала, что въ ней сильна еще была старина и въ общественномъ и частномъ быту москвичей, въ домашней ихъ жизни, которая въ массѣ почти не измѣнилась въ теченіе пятидесяти лѣтъ, т. е. со времени преобразованія. Домашній бытъ русскаго общества нелегко и нескоро принималъ въ себя нововведенія, тѣмъ болѣе, что преобразованіе дѣйствовало только въ кругу служащаго сословія, на которое болѣе всего и распространялись указы Петра Великаго. Притомъ нововведенія по преимуществу касались внѣшности, формы, которая и была принята довольно скоро. Русскій человекъ сбрызгъ бороду, надѣлъ нѣмецкій кафтанъ, принялъ всю внѣшность европейца; но это сдѣлать было легко, по крайней мѣрѣ не въ примѣръ легче того, чтобъ измѣнить прежіи образъ жизни, прежіе привычки и вкусы, которые оставались въ полной силѣ. Мы говоримъ о массѣ. Само собою разумѣется, что высшій кругъ общества въ это время, т. е. при императрицѣ Елисаветѣ, стоялъ совершенно на европейской и притомъ на французской ногѣ. Вся блестящая обстановка жизни французскаго общества была здѣсь усвоена въ такой степени, что ни мало не уступала своему первообразу. Придворные балы временъ Елисаветы Петровны славились во всей Европѣ. Извѣстный балетмейстеръ Ланде говаривалъ, что нигдѣ не танцовали менуэта съ болѣею выразительностію и приличіемъ, какъ въ Россіи ¹⁾). Французскія моды, французскій

¹⁾ Русская Старина, на 1825 годъ. Слб.

вкусъ и въ отношеніи нравовъ и во внѣшней обстановкѣ тогдашней общественной жизни господствовали во всей силѣ и съ каждымъ днемъ измѣняли русскаго человѣка.

„Мы сперва были просты — говорятъ тогдашніе сатирики нравовъ, нападая, разумѣется, на злоупотребленія французской образованности — были просты, правдивы и нѣсколько грубы въ обхожденіяхъ; но по неусыпному попеченію господъ Французовъ, которые завели у насъ *петиметровъ*, стали нынѣ проворны, обманчивы и учтивы. Сперва мы ходили на статуи, представляющія важныхъ людей, кони нынѣ украшаются сады; но теперь стали выпускными куклами, которыя кривляются, скачутъ, бѣгаютъ, повертываютъ головою и хватаютъ руками; сверхъ же сего мы пудрятся и опрыскиваемся благовонными водами. Скажите, не лучше ли мы нашихъ прадедовъ? Конечно всякой бы глубокомыслящій человѣкъ, и самъ бы Аристотель удивился нашему превращенію. Я думаю, что не легко было господамъ Французамъ передѣлать насъ на свой образецъ: мы много ходили на грубыхъ древнихъ Римлянъ и почитали Катонны добродѣтели. Но славу Богу для нашего счастья они свое дѣло окончили, и можемъ сказать безъ хвастовства, что мы имъ ни въ чемъ не уступаемъ. Вѣрно, мы превосходимъ всѣхъ людей на свѣтѣ, и такихъ совершенныхъ, каковы мы и наши учителя Французы еще свѣтъ не производилъ, да сомнительно, чтобъ и впредь могъ произвести“ ¹⁾.

Но какъ бы то ни было, современники этой эпохи могли весьма справедливо говорить, что

Великій Петръ къ намъ ввелъ *науки*,

А дочь его ввела къ намъ *вкусъ*....

Подобно тому, какъ стихотворцы же писали о Екатеринѣ II:

¹⁾ Сибѣрь, еженедѣльное изданіе 1769 года.

Петръ далъ намъ бытіе, Екатерина душу ¹⁾).

Дѣйствительно, направленіе, данное Петромъ В. нашему обществу, было по преимуществу практическое, серьезное нѣмецкое и голландское. Государь часто говаривалъ, напр., что „голландскій языкъ потребенъ намъ на морѣ, а нѣмецкій на сухомъ пути; французскій же совсѣмъ не нуженъ, ибо мы съ французами никакого дѣла не имѣемъ“ ²⁾). Но характеръ нѣмца или голландца, столько уважаемый Петромъ В., смотрѣвшимъ на этотъ предметъ со стороны хозяйственнаго, экономическаго, полезнаго примѣненія, никогда не могъ соответствовать природѣ русскаго человѣка, вовсе неспособнаго подчиниться сухой чопорности и педантически-мелочной опрятности въ обществѣ. Поэтому европейскія формы общественной жизни, введенныя Петромъ Великимъ, были все-таки сухи, холодны и въ этомъ отношеніи напоминали еще кое-что изъ до-петровскаго быта. Сдѣлано было только главное: въ бѣды мужчинъ допущены были женщины. Но еще полной свободы общества не наставало; въ обращеніи было еще много натянутого, церемоннаго. Да и всѣ общественныя увеселенія того времени, напримѣръ: балы, маскарады, въ сущности были не что иное, какъ церемоніалы, которыми при Петрѣ Великомъ ознаменовывалось почти каждое болѣе или менѣе замѣчательное событіе въ государствѣ. На ассамблеи и балы съѣзжались болѣею частію, какъ на извѣстную церемонію, которая иной разъ больше утомляла, нежели веселила. Въ танцахъ первое мѣсто принадлежало также танцамъ церемоніальнымъ, и когда они оканчивались, тогда только и можно было свободно танцовать кому и съ

¹⁾ Собесѣдникъ любителей Росс. Слова. I, 27; Всякая Всячина на 1769 годъ, стр. 139.

²⁾ Анекдоты, собр. Штелинымъ.

кѣмъ угодно. Но и въ этомъ случаѣ не обходилось безъ особенныхъ церемоній. Приличіе требовало, напр., чтобъ „мужчина, желавшій танцовать съ дамою, подходилъ къ ней не прежде, какъ послѣ трехъ церемоніальныхъ поклоновъ; во время танцевъ едва касался пальцами ея пальцевъ, а когда оканчивалъ, тогда объявлялъ свою благодарность, поцѣловавъ ей руку“. Вообще участіе женщинъ въ этихъ первоначальныхъ нашихъ обществахъ не представляло еще той свободы, которая должна была явиться въ послѣдствіи. „Одѣтыя въ европейскія платья, выученныя танцовать и говорить по Нѣмецки, онѣ перестали замѣнять природный румянецъ подлѣльнымъ, чернить зубы и брови; радовались бѣльшей свободѣ; но не смотря на всѣ старанія Государя, по привычкѣ или слѣдуя внушенію старушекъ, сохранили въ обращеніи съ мужчинами нѣкоторую *застѣнчивость*, подерживаемую господствовавшимъ въ то время инѣиємъ. Дѣвушка въ обществѣ, чтобъ не нарушить правилъ приличія, не могла вступать въ разговоръ съ незнакомымъ мужчиною, а если была къ тому принуждена, то должна была отвѣчать на всѣ вопросы самымъ короткимъ образомъ и если можно не болѣе какъ *да-сѣ* и *нѣтъ-сѣ*; не могла два или три раза танцовать въ вечеръ съ однимъ мужчиною, если онъ ей былъ не родственникъ“¹⁾. Все это, конечно, было довольно тяжело и, безъ сомнѣнія, очень скучно. Степенная нѣмецкая или голландская общественность не могла развязать руки нашимъ прапрадѣдамъ, которые сами въ то время только-что оторвались чуть не отъ десяти тысячъ церемоній и живо памятовали еще старинный боярскій взглядъ и на самые танцы.... Несмотря на свободныя постановленія ассамблей, въ нихъ, повторимъ снова, было гораздо болѣе чинности, нежели откры-

1) Русская Старина, 165.

той, живой веселости. Преобразователь не могъ этого не затѣять. Онъ любилъ свободное обращеніе, безъ чиновъ, особенно когда нужно было веселиться; поэтому, можетъ быть, желая придать установленнымъ имъ ассамблеямъ болѣе живости и веселья, онъ ввелъ особенный танецъ на манеръ нѣмецкаго гротфатера, въ которомъ все собраніе, мужчины и женщины, подъ звукъ медленнаго, почти похороннаго марша, также медленно двигалось по комнатамъ; вдругъ, по знаку маршальскаго жезла, даваемому обыкновенно *маршаломъ бала*, „музыка переходила въ веселую, дамы оставляли своихъ кавалеровъ, брали новыхъ между не танцовавшими; кавалеры ловили дамъ, или искали другихъ; поднималась ужасная кутерьма, толкотня, бѣготня, шумъ, крикъ, какъ будто играли въ жиурки; даже лица Царской Фамиліи не освобождали себя отъ этого: за ними бѣгали, гонялись какъ и за всѣми другими, сами ловили другихъ; наконецъ по новому сигналу маршала, все опять приходило въ прежній порядокъ, и тѣ, кои оставались безъ дамъ, подвергались наказанію: осушить *большаю* или *малаю орла*. Этотъ орелъ былъ кубокъ, который обыкновенно находился въ одной изъ комнатъ, и отъ осушенія онаго виновный не освобождался ни какими причинами или оправданіями“.

Но какъ бы то ни было, русской общественности первыхъ лѣтъ многого еще недоставало.

Вотъ почему, когда мы только что познакомились съ французскою *manière de vivre*, какъ выражались тогда, все обратилось къ Парижу, французскіе обычаи сдѣлались образцомъ для нашего общества и надолго оставались въ немъ законодателями. Общественность быстро измѣнилась, принявъ болѣе легкія и болѣе изящныя формы. Но нужно помнить, что мы говоримъ все это объ одномъ только высшемъ кругѣ,

который ограничивался дворомъ и вообще лицами, имѣвшими туда доступъ.

Само собою разумѣется, что здѣсь, какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, не обошлось безъ крайностей, но во всякомъ случаѣ истые приверженцы французской образованности, хотя и представленные тогдашними сатириками въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ, могли съ своей стороны справедливо говорить, что „...Нѣмцы, Голландцы и Англичане никогда бы правовъ нашихъ не просвѣтили. Французамъ по преимуществу честь сія предоставлена была.... Безъ Французовъ умѣли ли мы порядочно одѣться и знали ли всѣ правила нѣжнаго, учтиваго и пріятнаго обхожденія, тонкими вкусами утвержденныя? Безъ нихъ не знали бы мы, что такое танцованье, какъ войти, поклониться, напрыскаться духами, взять шляпу и одною ею разныя изъяслять страсти и показывать состояніе души и сердца нашего. Если бы не переняли мы отъ Французовъ пріятнаго обхожденія съ женщинами, то могли ли мы безъ сего пріятную вести жизнь? Нынѣ женщины въ заперти и подъ покрывалами ихъ лицъ не держатъ: всѣ онѣ наружѣ. Чтожъ бы мы сошедшись въ женское собраніе говорить стали? Развѣ о курахъ да цыплятахъ разговаривать бы стали..... Отъ обхожденія нашего съ Французами, переняли мы ихъ тонкость, живость и гибкость, такъ что я нѣсколько часовъ могу разговаривать съ женщиною и вѣрно знаю, что ей не будетъ скучно....“ ¹⁾

Съ извѣстной точки зрѣнія, т. е. со стороны разныхъ общественныхъ крайностей, которыя были порождены у насъ французскимъ вліяніемъ, этой сатиры нельзя не сочувствовать, но нельзя также и спорить, что въ этихъ словахъ есть

1) *Кочелакъ, ошедѣльное сочиненіе 1774 года.*

своя доля правды, потому что „для народнаго полированія“ французская образованность, господствовавшая тогда во всей Европѣ, была также необходима, какъ и голландское или нѣмецкое досужество и ученость. Вредъ, который она принесла, отразился, разумѣется, не въ одномъ томъ небольшомъ кругу, гдѣ она господствовала: вредно она подѣйствовала и на средніе дворянскіе кружки, которые, оставаясь еще среди стариннаго образа жизни, силою общаго влеченья, устремились за французскими кафтанамъ и манерами, думая, въ простотѣ сердца, что въ этой-то болѣе или менѣе блестящей обстановкѣ и заключается вся сущность, отличающая образованнаго человѣка. Здѣсь, какъ и всегда, схватились за то только, что было нагляднѣе всего и что дѣйствительно бросалось въ глаза по своему блеску, совершенной новости и увлекательности предмета. Форму приняли за содержаніе, а отсюда и произошелъ длинный рядъ домашнихъ и общественныхъ ошибокъ, ложный взглядъ не только на французскую образованность, но и вообще на образованіе, которое въ большинствѣ понималось самымъ легкимъ виѣшнимъ, поверхностнымъ образомъ. Имѣть у дѣтей во что бы ни стало французскую мадамъ или французскаго учителя, которые нерѣдко при собственномъ невѣжествѣ едва выучивали болтать „по французскому“, казалось весьма достаточнымъ для совершеннаго образованія.

„Отцы наши — говорить одинъ изъ воспитанниковъ этого времени—воспитать насъ желали какъ нибудь, только чтобъ не порусски, и чтобъ чрезъ *воспитаніе* наше мы не походили на Россіяны. Въ ихъ вѣкъ просвѣщеніе, дошедшее къ намъ отъ Французовъ, казалось имъ такъ изобильно водворилось въ отечествѣ нашемъ, что знатный одинъ господинъ въ тысяча семь сотъ пятьдесятъ не помню которомъ то году, съ восторгомъ говоря пріѣхавшему вновь сюда, доказывалъ ему о просвѣщеніи тогдашнемъ тѣмъ, что завелись уже въ

Rossin Marchandes de mode, французскіе обойщики, швейцары и наконецъ, о дивное дѣло! что установлена и лоттерея.... Тогда танцмейстеры, французскіе учителя или мадамы по нѣхъ мѣтнѣю все воспитаніе совершали.... Нерѣдко случалось слышать, особливо въ Замоскворѣцкихъ сѣздахъ, или бесѣдахъ, какъ-то: на родинахъ, имяниннахъ или крестинахъ: Что ты матушка своей манзели даешь? — Дарага проклятая, дарага! да что дѣлать; хочется воспитать дѣтей своихъ благородно: сто восемьдесятъ рублей деньгами, да сахару по пяти и чаю по одному фунту на мѣсяцъ ей даю. — И матушка! Я такъ своей больше плачу: двѣсти пятьдесятъ рублей на годъ, да домашнихъ всякихъ припасовъ даю довольное число. Правду сказать, за то она уже моетъ кружево мое и чепчики мнѣ шьетъ; да и Танюшу выучила чепчики дѣлать. Нынѣче матушка ужъ и замужъ дочери не выдашь, коли по Французски она говорить не умѣетъ; а постричь ее вить нельзя же. Какъ быть! да я и сама таки люблю Французское благородство, и надѣюсь, что дочь моя въ грязь лицомъ не ударить!¹⁾

Объ этихъ-то кружкахъ, гдѣ такъ разсуждали, мы и говоримъ, что въ нихъ сохранялось еще много старины.... Преобразование, т. е. просвѣщеніе, не слишкомъ легко и скоро водворялось въ русскомъ обществѣ, которое въ частномъ быту рядомъ съ нѣкоторыми заимствованными обыкновеніями и манерами сберегало еще во многомъ старинный образъ жизни и старинныя привычки. Мы вообще мало имѣемъ записокъ (менуаровъ) объ этомъ любопытнѣйшемъ времени, когда борьба невѣжества съ просвѣщеніемъ была нагляднѣе, ярко выступала и съ той и съ другой стороны, доходя иногда и до высокихъ комическихкихъ положеній и до безмолвнаго трагиче-

¹⁾ Собесѣдникъ Лѣв. Росс. Слова. II, 14.

скаго героизма. Впрочемъ и то, что намъ извѣстно изъ домашнихъ записокъ современниковъ этой эпохи, какъ, напримеръ, Данилова, Болотова и другихъ, можетъ уже служить весьма достаточнымъ основаніемъ для сказаннаго нами выше. Но мы имѣемъ богатые матеріалы по этому предмету въ литературѣ того времени, благородные представители которой были одними изъ сильнѣйшихъ борниковъ просвѣщенія и ревностнѣйшими гонителями невѣжества во всѣхъ его сферахъ и явленіяхъ. Тогдашнія комедіи и вообще сатирическія сочиненія во всѣхъ родахъ представили довольно полную и живую картину нравственныхъ уклоненій общества, возникшихъ единственно только изъ грубаго невѣжества, которое упорно отстаивало свое спокойное существованіе. Чтобы показать пеструю смѣсь худо понятой старины и еще хуже понятыхъ нововведенныхъ обычаевъ, мы представляемъ здѣсь нѣсколько замѣтокъ тогдашнихъ сатириковъ, — замѣтокъ, которыя, по своему интересу, столько же драгоценны для насъ, какъ и самыя записки современниковъ.

„Какъ нынѣ святая недѣля — говоритъ одинъ старинный еженедѣльникъ „Всякая Всячина“, отъ имени своей сотрудницы Антонины Вершкисхватовой — то и должно всякій день обскакивать цѣлую Москву. Я будучи въ мѣстахъ пяти, и не заставши никого дома, вздумала заѣхать ко праправнучатной моего дѣдушки племянницѣ, которая хотя была и достаточный человекъ, но прожила весь свой вѣкъ въ деревнѣ. Сія госпожа пріѣзжала только въ Москву по всякую зиму недѣли на двѣ, для продажи суконъ, понитковъ, холстовъ, веревокъ, кокошниковъ, сухихъ грибовъ и всякихъ ягодъ, и также, какъ говорила она, чтобы дочери ея переняли Московскія моды.

„Я спросила у моего кучера, можетъ ли онъ сыскати домъ сей моей родни? на что онъ сказалъ, что его знаетъ: ибо де не давно купилъ въ семь домъ родитѣ своей въ деревню ко-

кошникъ. Мы, пробѣжавъ множество переулковъ, остановились передъ одними воротами, которыя были съ обѣихъ сторонъ полперты подставками. Въ которое время слуга, стоящій назади кареты, приближалъ отворять дверцы у оной, — я спросила у него, для чего онъ отворяетъ? велѣлъ бы ѣхать прямо на дворъ. На что онъ мнѣ отвѣчалъ, что сего учинить никакимъ образомъ не можно; ибо де дворъ ихъ наполненъ пріѣхавшими для покупки сѣна роспусками, которое самъ мой высокопочтенный дядюшка изволить вѣсить. И такъ я принуждена была выйти изъ кареты и обмакнуть въ грязи свои башмаки: ибо, не зная сего случая, не взяла съ собою другихъ.

„Когда вошла я на дворъ, то стоящій въ разодранномъ тулупѣ любезный мой дядюшка не удостоилъ меня, чтобы съ нимъ поцѣловаться, по той причинѣ, что не было у него красного яйца; а приказалъ босому и въ одномъ пониточномъ камзолѣ слугѣ проводить меня къ тетушкѣ. Двери у передней комнаты столь были низки, что я зацѣпясь принуждена была спехнуть весь головной уборъ. Тутъ сей бесоногий просилъ меня садиться на скамейку, а самъ пошелъ докладывать къ тетушкѣ; почему я и осталась одна, кляня себя за сей пріѣздъ, и сидѣла цѣлый часъ не дождавшись тетушки. Наконецъ изволила она выплыть, и похристосовавшись (по ихъ выговору) со мною съ красненькимъ яичкомъ, повела меня въ другую комнату, гдѣ находились двѣ дѣвки въ тѣлогрѣяхъ и въ связкахъ; а изъ нихъ одна домывала полъ, а другая оправли-вала постелю.

„Дородная моя тетушка посадила меня на скамью и велѣла кликнуть дочекъ своихъ. А какъ посланная за ними дѣвка сказала, что они опочиваютъ, то глѣпообразная моя тетушка встала тотчасъ и пошла въ комнатку (такъ называла она стоящій въ боку вымазанный глѣвъ — чуланъ), въ коей разла-

вался великій вопль. Дверь у ней не очень плотно была притворена; а сродное женщинамъ любопытство и побудило меня посмотреть, что дѣлается въ семь чертогѣ. Тамъ увидѣла я, что большія изъ ея дочерей убирались, а маленькія дѣтки, коимъ было лѣтъ по 10 и больше, производили играючи въ куклы и въ кубари ужасный визгъ; на печи же сидѣлъ слуга и плелъ лапти, а подъ печкою сидѣли на яйцахъ куры. Наконецъ вывела моя тетушка двухъ въ грезетовыхъ робронтахъ и въ напудренныхъ мукою волосахъ дочекъ. Они были чрезвычайно набѣлены, нарумянены и насурмлены; нѣли волосы, завитые по мужскому, и назади приколотыя многочисленныя косы, а сверхъ всего того на головахъ изъ серебрянаго флера лопасти. Они поцѣловались со мною такъ же съ янцами, просили, чтобы я ихъ жаловала. И когда, по разнообразнымъ комплементарамъ всѣ мы усѣлись, то любезная моя тетушка приказала подать на харитончикѣ моченыхъ яблокъ и брусничцы. А какъ сказала я, что ничего того не хочу, то примолвила она: „такъ не изволишь ли племянушка съ дочками „мойми покачаться и поскакать на доскѣ“? Я ей отвѣтствовала, что качаться и скакать боюсь; а она сказала на то съ сердцемъ: „куда, какъ ты, свѣтъ мой, великатна! что тебѣ „уже съ нашими дочерьми невѣстно и канпанью водить; а въ „этомъ нѣтъ никакова художества“. Миѣ надобно было извиниться какъ можно лучше; почему и сказала я, что не нѣжусь, а боюсь очень сего упражненія. „Радость, сестрица, „сказала большая ея дочь, ты вся па модѣ; да у тебя же и карасе въ головѣ“. Я спросила съ удивленіемъ: что бы такое значило харитончикъ и карасе? А меньшая ея дочь на то и отвѣтствовала миѣ такимъ образомъ: „Палло издѣваться, ма- „тушка! ты ужа Французкую грамоту знаешь; а не разумѣ- „ешь, что это значить“. Вотъ ета, сказала она, указавъ на мой полумѣсяцъ, называется карасеемъ; а харитончикъ я те-

бѣ тотчасъ покажу. Потомъ кликнула она своего босоногого лакея и велѣла принести харитончикъ. Почему я и думала, что принесутъ какого нибудь мальчика, называемаго Харитономъ. Но разсудите о моемъ удивленіи: ибо въ то время увидѣла я принесенный на одной ножкѣ круглый столъ, на которомъ было около пальца толщиной грязь и пыли. Наконецъ, будучи принуждена выпить чашку микстуры, что называли они чаемъ, выѣхала изъ сего дома зажавшись, никогда къ такой модной роднѣ не ѣздить.“

Въ другой разъ, подъ заглавіемъ: „Привычка есть второе естество“, умная „Всякая Всячина“ изобразила на своихъ страницахъ слѣдующую картинку:

„На сихъ дняхъ, любезный читатель, ванъ въ угодность съѣздишь я къ теткѣ своей, барынѣ лѣтъ семидесяти, прещаться, у коей не случилось мнѣ быть лѣтъ съ десять. Не успѣлъ я войти въ двери, и ей поклониться, какъ она закричала на меня: бусурманъ, какъ ты въ комнаты входишь, да не крестился? Я навинался, говоря, что я столь спѣшилъ къ ней подойти, что позабылся. Она всегда смотритъ нахмурившись: и такъ я разглядѣть не могъ, какъ мое извиненіе было принято. Я старался подойти поближе къ кровати, на коей она сидѣла, что бѣ поцѣловать у нее руку; но почти непреодолимыя препятствія между нами находились и лишили меня долго сего удовольствія. У самой двери направо стоялъ превеликій сундукъ, желѣзомъ окованный; налѣво множество ящичковъ, ларчиковъ, коробочекъ и сканѣточекъ барскихъ барынь. При концѣ сего узкаго прохода сидѣла на землѣ рядомъ слѣзня между двѣма карлицами, и двѣ богодѣльницы. Передъ ними ближе ко кровати лежалъ мужицъ, который сказки сказывалъ; одна нѣкая странница; двѣ внуки ея родныя, дѣвушки невѣсты; да дура. Странница да внуки отъ прочихъ были тѣмъ отмѣнены, что они лежали на перинахъ; у кровати занавѣски

были открыты; знатно отъ духоты; ибо тетушка была одѣта очень тепло: сверхъ сорочки она имѣла лисью шубу. Нѣсколь-ко старухъ и дѣвокъ еще стояло у стѣнъ для услугъ, подпи-рая рукою руку, а сею щѣку. Ихъ недосуги живо изображало разтрепанное убранство ихъ головъ и выпачканное платье. Я заключилъ, что тетка такъ живетъ, дабы сказать можно было, что у нее въ комнатѣ нѣтъ порожняго мѣста. Какъ я слу-жилъ въ Артиллеріи и учился братъ дистанціи, мнѣ пришло въ голову, что если мнѣ удастся перескочить черезъ слѣпую, то попаду въ уголь; а оттудова примѣтилъ я узкій проходъ вонъ стѣнки ко вратамъ тетки моей. Я отвѣдалъ своего ща-стія; но скоча не разбѣжавшись, попалъ я одною ногою на карманъ весьма мягкій, поскользнулся, и на силу въ углѣ удержи-вался; а кондеиъ шпата зацѣпилъ одну карлицу за трапизу, коюю обверчена была ея голова, и утащилъ ее за собою. Изъ сего приключенія родился крикъ и визгъ необычайный карли-цы. Я еще не успѣлъ отцѣпить, какъ услышалъ, что сабшая возопила дикимъ голосомъ: ахъ проклятый раздавилъ мои пи-роги, и весь карманъ мой замаслил. Тетушка очень осерди-лася на меня, и сказала: что ты, шалуиъ, ко мнѣ прѣѣжалъ моихъ домашнихъ передавить! во Франціи у васъ, что ли, та-кій манеръ? на слѣпую попалъ. Бѣдная такъ радовалась да-вича пирогамъ; а сколько имъ укладыванья было! а дуракъ ихъ раздавилъ своимъ бѣшенствомъ. Вѣкъ бы ты лучше, мой свѣтъ, ко мнѣ не прѣѣжалъ, если только для того ѣдешь бу-дешь, чтобы все ломать въ моемъ домѣ; да и дѣтей перепуга-галъ: Лиса поблѣднѣла совсѣмъ, а Груша и такъ со вчераш-няго послѣ обѣда не спала. Тутъ Лиса, ея большая внучка, впала ей въ рѣчь, и съ ужимкою молвила: ушь ужестъ ба-бушка, сударыня, какъ я испугалася! а сестрица чуть жива. Груша на то сказала: „ахъ, радость, ночи нѣтъ, умаринь; не могу вздумать, какъ онъ на всѣмъ, на всѣмъ: нѣтъ ушь

сестрица; какъ онъ не важенъ; права ужестъ, какъ не важенъ просимъ оставить въ покоѣ". Я примѣтилъ, что во время сего разговора обѣ дѣвушки головою вертели то на одну, то на другую сторону, подергивая весьма часто рукою платокъ шейный подъ бородакою, сидя при томъ очень прямо. Я же еще не терялъ надежды приблизиться ко кровати тетяиной; не стоя въ углу извинялся, какъ могъ, и ожидалъ, чтобъ мною валася громовая туча, не представляя себѣ, какъ-то вонъ будетъ ити! Тетюшка приказала поднести мнѣ водки. Я думалъ что сія минута способна подойти къ ней; но какъ темно было со стороны кровати, гдѣ я подошелъ, наклонясь весьма низко, зацѣпилъ локтемъ столикъ съ изломленною ножкою, на которомъ закуски стояли, и уронилъ оный теткѣ на кровать. Здѣсь дѣвки прибѣжали: одна зацѣпила лампаду изъ передъ образовъ занавѣскою. Тутъ монахиня прогласила: аминь, аминь, аминь, разсыпая. Тетюшка вышла изъ терпѣнія, и закричала: подай плѣтей! Какъ я улышалъ сіе, ударился бѣжать и сканить черезъ вѣхъ, не зная для кого плѣтей — для дѣвки, для меня, или для тѣсноты, коя болѣе меня была всему сему причиною. Сѣвши въ карету велѣлъ скакати, сколько ночи было лошадамъ: и ни вѣсь я болѣе тогда вспотѣлъ, или нынѣ, описавъ сіе посѣщеніе для читателя, у коего подобной тетки нѣту."

Если можно было встрѣтиться съ такимъ бытомъ въ среднихъ кружкахъ тогдашняго общества, то, безъ сомнѣнія, спускаясь нѣсколько ниже, можно было найти и такія еще обыкновенія, которыя въ наше время принадлежать уже только простолюдинамъ и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе уничтожаются.

Въ другомъ сатирическомъ еженедѣльникѣ шестидесятихъ годовъ, подъ названіемъ: „И то и сѣ", находимъ слѣдующія любопытныя замѣтки, чрезвычайно живо изобразившія

тогдашнія сватъбы и крестины у дворянъ *мелкой сошки* 1), какъ тогда выражались, и вообще въ низшемъ „благородномъ“ кружкѣ, отличавшемъ себя этимъ прилагательнымъ отъ недлаго чернаго, простаго народа.

„На прошедшей недѣлѣ—говоритъ издатель еженедѣльника — свершился бракъ у моего знаконца. Я былъ на ономъ первымъ гостемъ и пишу оное для того, чтобы научились люди производить свадебные обряды. По восходѣ солнца въ субботу пришелъ ко мнѣ мой знакомецъ и началъ вланяться мнѣ гораздо ниже обыкновеннаго; а какъ послѣ я о томъ узналъ, то должны вланяться такъ женихи. Онъ просилъ меня на дѣвешникъ, которой долженъ былъ совершиться того дня въ вечеру. По знакомству нашему не хотѣлось мнѣ ему отказать, и такъ безъ отговорокъ на оное я согласился и далъ ему мое слово.

„Въ вечеру долженъ былъ я прѣхать къ нему, а какъ я прибылъ, то просили меня, чтобы покласть я въ ящикъ порядочно новыхъ вещи; то есть башмаки, чулки, шапало и другія потребности, которыя должно было везти къ невѣстѣ, я и отъ сего не отговорился и здѣлалъ те по презрѣбъ многихъ. Потому

1) *Соха* — мѣра земли, съ которой платили подать. Ведчина сохи была неодинакова и условливалась качествомъ земли и вообще разными финансовыми соображеніями. Въ соху полагалось, напр., помѣстной земли: хорошей или доброй 400 десятинъ, средней—500, худой—600 и т. п. Приблизительно къ городскому населенію сохою же обозначалось количество обывательскихъ тяглыхъ дворовъ, которые для платежа податей разверстывались томе на лучшіе, т. е. болѣе достаточные, средніе, младшіе и самыя худые. Лучшихъ или богатыхъ дворовъ въ соху, напр., полагалось 13, среднихъ 30, младшихъ или бѣдныхъ 70, а самыхъ бѣдныхъ—100 дворовъ. По такому распорядку назначаемая одна и таже цифра подати съ сохи и дѣлилась на указанныя доли: богатый дворъ платилъ 13-ю долю, а самый бѣдный—сотую. *Мелкая сошка* обозначала мелкую долю плательщина подати или вообще людей малодостаточныхъ.

всѣ люди присѣли на часокъ и, вставши, помолилися Богу и побѣжали къ невѣстѣ. Впервыхъ, какъ отворили нашъ ворота, то увидѣли мы старика и старуху стоящихъ на дворѣ, одинъ держалъ образъ, а другая ржаной хлѣбъ вѣсомъ въ подпуда, на которомъ видна была деревянная солонка, слѣланная уткою. Вошедши въ горницу, велѣли жениху невѣсту взять за руку, и потомъ молилися они оба тому образу, которой держалъ старикъ; поклонившись въ землю три раза, къ образу приложились, а со старикомъ поцѣловались, также и со старухою. Наконецъ женихъ и невѣста наклонились, а старикъ положилъ имъ на головы хлѣбъ и съ солонкою, выговоря сіи слова: *дай Богъ советъ да любовь*; а старуха примолвила къ тому: *живите да богатѣйте*. Женихъ и невѣста не много спотыкнулись, понеже тяжелой хлѣбъ нагнулъ имъ съ лишкомъ головы; однако предстоящіе тутъ поддержали ихъ не много. По окончаніи сего посадили жениха и невѣсту подъ иконы, отца и мать посаженныхъ подлѣ ихъ, а меня, какъ перваго гостя, первымъ по нихъ; и такъ далѣе. Посаженой отецъ былъ отставной офицеръ, служавшій въ гарнизонѣ лѣтъ сорокъ или болѣе, слѣдовательно былъ онъ человекъ старинной и зналъ совершенно всѣ оныя обряды. Впервыхъ сказалъ онъ жениху, что бы оной во весь столъ держалъ за руку невѣсту и не покидалъ бы ее ни на часъ, утѣряя его и всѣхъ гостей, что отъ опущенія руки случается часто великое несогласіе между мужа и женою, а для лучшаго прикрытъ ихъ руки салфеткою. Онъ же былъ раздавателемъ кушанья, а я ни принимался за то, опасаяся, что можетъ быть по обыкновенію ихъ ошибуся въ чемъ нибудь, и не сдѣлаю имъ тѣмъ угожденія; да и правду сказать то бы я ошибся. Когда подали курицу по ихъ названію въ похлебкѣ, то посаженой отецъ вытащилъ ее къ себѣ на тарелку, и безъ помощи вилки искрошивъ ее въ мелкіе кусочки, вывалилъ онъ въ чашу и приказывалъ всѣмъ

таскать ее ложками; это же будетъ безъ дальняго труда; а я бы такъ не сдѣлалъ, сдѣловательно, можетъ быть, было бы и не угодно. Всякаго кушанья бралъ онъ на вилку, и подавая жениху, приказывалъ потчивать невѣсту, которой не велѣлъ брать въ руки вилку, а принимать изъ жениховыхъ рукъ устнами, сказывая, что и въ этомъ есть нѣкоторая задача. Чего бы я сдѣлать также не догадался.

„Во все сіе время приѣзжали къ намъ дѣвушки пѣсни, а мы посылали къ нимъ по стакану пива, въ которой опускала оваха по гривнѣ и больше мѣдной монеты, которые стаканы онѣ вынимали, не смотря на то, что деньги въ нихъ омывались.

„По окончаніи стола вышереченная и вышеобъявленная старуха, мать невѣстна, приполнила по чаркѣ водки, а дочерѣ своей подала тарелку съ овощами и съ подаркомъ. Начали всѣхъ дарить, и меня не обошли, выпивъ я рюмку, и взявши у невѣсты платокъ, кланялся ей много и положилъ его въ карманъ; но отецъ посаженной, выговорился мнѣ, что я подарокъ принялъ не такъ, а должно, взявши съ тарелки, обтереть имъ губы; за что приневолила меня, чтобы я выпилъ другую рюмку и обтеръ устнѣ мой подаркомъ.

„Историкъ долженъ быть справедливъ и описывать всякую вещь дѣйствительно, что наблюдать и мнѣ непременно должно. Овощей насыпали мнѣ въ карманъ; а оныя состояли изъ двухъ кусковъ вяземской ковришки, изъ тѣрскихъ пряничныхъ орѣховъ, изъ нѣсколькихъ изюминъ, вишнихъ ягодъ и черносливу, между которыми пресканивали гвоздички и маленькія куски корицы для лучшаго запаха.

„Въ срединѣ стола, какъ выпивалъ отецъ посаженной стаканъ пива, то прихлебнувъ изъ него поставилъ и сказалъ: не очень братъ сладко. То тотчасъ женихъ поцѣловалъ невѣсту, а отецъ прихлебнувъ еще, поворотилъ несладость, женихъ поцѣловалъ опять. И такъ продолжалось оное съ полчаса или

больше; а послѣ того дѣлали оное и всѣ, исключая меня. Послѣ всего этого сказалъ отецъ посаженной: „*время уже хлѣбъ соль величать*“; я думалъ что надобно пѣть; а у нихъ значить оное вставать изъ за стола. Всѣ отвѣчали ему: воля ваша, мы уже довольны; и такъ онъ первой всталъ, а за нимъ уже и всѣ.

„Когда уже мы со всѣми простилися и при многихъ чаркахъ и стаканахъ хотѣли выходить вонъ, то дѣвушки пѣвицы заняли особливую пѣсенку, въ которой, называя невесту именемъ, говорили: возми у своего сокола ключи. Невѣста остановила жениха и просила у него ключа, а какова, объ этомъ я прежде не зналъ и для того то казалось мнѣ сіе весьма чудно, а наконецъ превѣдалъ, что отъ того ларчика, въ который клалъ я по порядку купленные женихомъ невестѣ подарки. Посаженой отецъ присудилъ жениху отдать тотъ ключъ, но не меньше какъ за пятьдесятъ подѣлуевъ; въ семъ случаѣ надобно было отдать дамъ преимущество, но отецъ посаженной не взиралъ на нынѣшнія обряды, и велѣлъ невестѣ цаловать жениха. Они цаловались, отецъ считалъ, а мы стояли; а чтобы не пропустить времени напрасно, то подмигивала мнѣ сваха и склоняла къ себѣ въ любовь, которая, правду сказать, была холода и не дурна.

„Наконецъ вышли мы за ворота при громогласномъ пѣніи дѣвицъ и при великомъ присутствіи различныхъ должностей народа. Отецъ посаженной, какъ человекъ не молодой и къ тому же слишкомъ подгулялой, сядя въ сани, перекувырнулся черезъ нихъ въ верхъ ногами, чѣмъ произвелъ ужасной смѣхъ между зрителями, а какъ небыло въ немъ больше силы бодрствовать, то положили его поперекъ сани и повезли домой. Такимъ вступленіемъ гостины наши кончилися, и мы пріѣхали домой всѣ въ добрую здравь, исключая отца посаженова, по причинѣ той, что онъ больше всѣхъ заботился;

а особливо въ приказываніи, чтобъ подносили вино и пиво почаще.

„Наступившее утро принесло намъ больше увеселенія, ибо и я приглашенъ былъ къ свадебному столу. Отобранные къ тому люди поѣхали за невѣстою и, купивъ за гривну ее косу, привезли невѣсту въ церковь, тутъ обвѣнчались и прибыли домой. Съ хлѣбомъ и съ солью принимали уже жениховы родители и послѣ посадили жениха и невѣсту въ передъ на двѣ овчинныя и весьма косматыя шубы, а сіе значило, чтобъ жить имъ богато. Во весь столъ подкладывали жениху и невѣстѣ прѣмножество кушанья, однако они и за ложку не принимались, понеже у нихъ такое обыкновеніе, а кормить ихъ тогда и то тайкомъ когда поведутъ на подкѣтъ: тамъ, сказываютъ, ѣдятъ они больше обыкновеннаго. Въ срединѣ стола, или къ окончанію онаго, подошли ко мнѣ съ подносомъ, на которомъ поставлено было стаканъ меду, ставанъ пива, и рюмка водки. Я, взявши медъ, выпилъ и поставилъ пустой стаканъ, но привязались ко мнѣ просить, чтобы я выпилъ ихъ всѣ, это же просить князя молодые, однако я отговаривался, что и для старыхъ здѣлать мнѣ сего не можно. Изъ почтенія ко мнѣ они отъ меня отвязались, а другихъ приневодили всякаго выпить тройку. По окончаніи стола ѣздили бабы на кульбахъ, играли шешелю, скакали, прыгали и всячески рѣзвились на подобіе древнихъ Бахановъ или еще удалѣе. Далѣе я говорить не буду, чтобъ не подать добрымъ людямъ соблазну...

„Въ гостяхъ быть во всякихъ хорошо и весело, но свадьба имѣетъ передо всѣми пренимущество: тутъ бывають люди въ двое веселѣе, нежели на родинахъ, на крестинахъ и на именинахъ, понеже тратится болѣе во время ее денегъ, и для того усердные гости дни по три или четыре позабываютъ свои должности и, можно сказать, лишаются стройнаго теченія своихъ мыслей, что разумѣется (бываетъ) у простолюдиновъ.

„Послѣ пировапія моего на свадьбѣ, позванъ я былъ на крестины къ нѣкоторому приказному человѣку, знакомцу моему и хлѣбосоу. Впервыхъ разумѣлъ я это точно, что къ приказному человѣку рѣдко ходятъ безъ денегъ; а въ такое время носить деньги и не къ приказному. И такъ завернулъ я полтинникъ въ бумажку и изготовилъ ево положить родильницѣ на зубокъ, по древнему между нами обыкновенію, и притомъ взявши съ собою мѣлкихъ двадцать пять копѣекъ бабушкѣ на кашу, пошелъ праздновать на крестины.

„Въ воротахъ дома моего хлѣбосола увидѣлъ я стоящаго человѣка, который былъ хотя и не въ раздранномъ рубищѣ, однако имѣлъ на себѣ платье похожее на то, то есть, поношенное до диръ. Кафтанъ былъ на немъ французской малинового цвѣта, который отъ строгости здѣшней суровой погоды, отъ частыхъ дождей и снѣговъ, и отъ неумѣреннаго солнечнаго сіянія, весьма много полинялъ и казался двуличнымъ. Камзолъ не немъ былъ зеленого сукна, а штаны изъ синей канфы, скворцовые гарусные чулки, и въ поношенныхъ башмакахъ видны были розвые прашки. Снявши съ себя картузъ, говорилъ онъ мнѣ такъ: „милостивѣйшіи государь! не просительное ли дѣло имѣете вы до хозяина сего дома, то съ честью вамъ объявляю, что сего числа оной вышерѣченной хозяинъ не имѣетъ производить никакихъ судебныхъ дѣлъ, хотя бы оныя и къ рѣшенію подлежали, понеже онъ судьями уволенъ и секретаремъ отпущенъ, и оное ево небытіе въ приказѣ помѣчено протоколистомъ, и въ дневномъ журналѣ объяснено добропорядочно, понеже сего дня имѣются быть у него крестины, и соблаговолятъ собираться въ компанію къ нему матроны, чего ради во извѣстіе вамъ репортую, чтобы вы втунѣ трудовъ своихъ не прилагали, а я имѣюся быть въ помытѣ ево милосердія первымъ коніестомъ“. Я ему отвѣчалъ что иду въ гости, и былъ впущенъ наконецъ въ покои.

„Родильница лежала тогда въ постелѣ, охала съ довольною пріятностію, и была набѣлена и нарумянина негораздо слегка. Я съ ней поцѣловался и сказалъ въ поздравленіе слова съ два-три, а складно или не складно, то и самъ того не помню и подсунулъ подъ подушку обернутой въ бумажку полтинникъ, по общему всѣхъ обыкновенію.

„Въ скоромъ времени прибыли изъ церкви кумъ и кума съ окрещенымъ младенцемъ, и ни мало немедля, зачали садиться за столъ кушать, а попросту обѣдать. Народу было много а приборовъ напротивъ того не весьма довольно, и такъ я видѣлъ самъ, что въ концѣ стола попрашивали ножей и вилокъ другъ у друга на поддержанье, а хлебаи двое и трое часто одною ложкою; но правду выговорить, всѣ были довольны, а хозяинъ повторялъ часто сіи слова: кушайте государи мои, хлѣбъ соль на столѣ. А чтобы болѣе имѣли гости охоты къ кушанью, то весьма часто подносилъ онъ разные напитки, то есть, секретарямъ водку, канцеляристамъ и всѣмъ нижнимъ чинамъ вино простое, а дамамъ всѣмъ вообще шартовское пиво, и домашнюю сдѣланную изъ пшена брагу, до которой нѣкоторыя дамы такія были охотницы, что каждую минуту выпивали оной по доброму стакану, проговаривая къ тому, что это де не имѣльное.

„За столомъ ни одна дама не пила ни водки ни вина простова, не смотря на то, что всѣ кавалеры, каждую чарку до дна осушали, и нѣкоторые изъ усердія къ хозяину, выпивъ все до капли, опрокидывали чарки къ себѣ на головы, изъясняя тѣмъ, что выпито все, и что они любятъ хозяина отъ искренняго сердца, для чего ни капли и не оставляютъ, а другіе опрокидывали выпитыя чарки къ хозяину на поднось.

„Какъ дамы, такъ и кавалеры говорили обо-всемъ вдругъ и всякой всѣми силами старался заглушать другаго. Нѣкоторые говорили о войнѣ, другіе о продажѣ товаровъ, третьи о

дѣлать приказныхъ; а четвертые негодовали на то, что рано стала зима; ибо не шили они у себя ни шубъ, ни епанечъ. Дамы напротивъ того разговаривали совѣтъ о другомъ. Одна предлагала, чтобъ искоренить рабронты и карнеты, а ввести въ моду куньи шапки и чепчики съ шишами; другая на то не соглашалась и говорила, что всякая женщина фигурище можетъ быть въ *разлетѣ*, повязанномъ платкомъ итальянскимъ, и чтобы тотъ платокъ былъ снѣга цвѣта съ зелеными кайшами. Третья, какъ будто по реестру, прокрикивала своихъ соперницъ, всѣми силами старалася ихъ опорочить и привести въ безславіе, и наконецъ пришедъ въ театральную пассію, бранила ихъ безъ милосердія; словомъ сказать, въ короткое время сіе собраніе людей начало походить совѣтъ на безпорядочную школу, въ которой за ученическимъ крикомъ не слышно учителя, а за учительскимъ толкомъ, не слышно учениковъ.

„Наконецъ на бабушкиныхъ рукахъ вѣхала каша, которая весьма много походила на кутью; ибо изготовлена она была изъ сорочинскаго пшена и съ изюмомъ. Въ сіе время приказано было выступить хозяйну изъ комнаты, а по выходѣ его принялась одна свѣтская дама за ложку, положила въ нее половину соли, третью часть кутьи той или каши, а четвертую толченаго сахара и перемѣшавши все оное прикрыла тремя изюминками и приказала вступить хозяйну. По повелѣнію всѣхъ гостей, выключая одного меня, принужденъ онъ сѣсть сію кутью; но глотая ее, поперхнулся, и получилъ за сіе туза два три самыхъ добрыхъ отъ усерднаго гостя, чтобъ лучше та каша прошла ему въ горло. Потомъ бабушка поднесла всѣмъ, всѣ выпивали рюмки и клали ей на подносъ мелкія деньги, каждой по своей силѣ, напримѣръ, иной пять копѣекъ, другой двѣ копѣйки, нѣкоторые по деньгѣ и такъ далѣе, однако совѣтъ тѣмъ накопилось у ней съ рубль шѣсто и по больше.

„Послѣ стола началась музыка; а на какомъ инструментѣ, онаго я сперва не разобралъ, а какъ сталъ всматриваться далѣе, то и увидѣлъ, что въ тысяща семьсотъ шестьдесятъ осмомъ или девятомъ году привезенныя изъ Украйны рыле передѣланы были въ скрипку, на которой натянуты три струны и шнѣги весьма не согласно; однако дамы наши стали танцевать въ четыре пары бычка и голубца. Согласіе нашей чудоскрипки умножилось тогда, когда кавалеры начали притопывать ногами, а дамы притянули къ ней различныя головами.

„До одиннадцатаго часа по полудни продолжалось веселіе наше безъ помѣшательства; а съ сего времени началъ я усматривать, что въ разныхъ углахъ различныя люди задремали на стульяхъ. Иной человекъ неосторожной падалъ на полъ, а другой и по неволѣ ложился потому, что ноги ему болѣе не служили, а голова не держалась на плечахъ.“

Если въ такомъ характерѣ проводились въ старину семейные праздники, свадьбы, крестины и проч., то весьма будетъ понятно, что и общественная жизнь старой Москвы, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ ея населенія, представляла тѣже самыя черты, напоминавшія во многомъ быть до-петровскій. Такъ какъ общественная жизнь нагляднѣе всего представляется въ общественныхъ увеселеніяхъ и забавахъ, которыя сосредоточивались бѣльшею частью на гуляньяхъ, то мы съ нихъ и начнемъ нашъ обзоръ.

Въ половинѣ XVIII столѣтія всѣ публичныя гулянья въ Москвѣ происходили на тѣхъ же мѣстахъ и бѣльшею частію въ томъ же характерѣ, какъ они происходили еще въ XVII столѣтіи. Всѣ они приурочивались къ церковнымъ приходскимъ храмовымъ праздникамъ, и преимущественно къ тѣмъ мѣстамъ,

или, лучше сказать, храмамъ и монастырямъ, въ которые совершались крестные ходы, въ память замѣчательныхъ политическихъ и религиозныхъ событій. Начало этихъ гулябщъ относится къ началу тѣхъ же мѣстныхъ приходскихъ праздниковъ; самое происхожденіе ихъ объясняется весьма просто. Въ древности приходскій праздникъ составлялъ важнѣйшее событіе въ околоткѣ и чествовался прихожанами преимущественно предъ другими церковными праздниками. Припомнимъ древнія *братчины*, *ссыльчины*, *никольщины* и т. п., которыя до сихъ поръ остаются еще въ сельскомъ быту и отправляются всегда въ дни приходскихъ деревенскихъ праздниковъ. Въ эти дни, по свидѣтельству г. Терещенко, поселяне ставятъ общимъ миромъ въ церкви большую свѣчу и служатъ празднику молебень. Послѣ угощаютъ на свой счетъ поселанъ изъ своего околотка; остатки отъ стола раздаютъ нищимъ. Къ этимъ днямъ варилось также и *общее пиво*. Такія братчины и пиры, продолжавшіеся иногда по нѣскольку дней, безъ сомнѣнія и были первымъ поводомъ къ происхожденію народныхъ гуляній.

На приходскій праздникъ не только изъ околотка, но и изъ другихъ отдаленныхъ сторонъ собирався во множествѣ богомольцы, отчего мѣстный праздникъ дѣлался во многихъ случаяхъ общимъ. Самое братчинское пиво и хлѣбъ-соль, по обычаю древности, становились общимъ достояніемъ. По крайней мѣрѣ на это указываетъ рядъ древнихъ льготныхъ грамотъ, освобождавшихъ извѣстные праздники, пиры и братчины отъ незваныхъ гостей, которые, основываясь, вѣроятно, на какомъ либо древнемъ обычаѣ, вѣзжали въ эти пиры сілою ¹⁾. Тоже значеніе приходскій праздникъ имѣлъ и въ

¹⁾ Акты Арх. Эксп. I. 37, 52 и ин. др.

городахъ, гдѣ обычай „честно“ отправлять этотъ день былъ такъ силенъ, что послѣ него осталась даже извѣстная пословица: *и на нашей улицѣ праздникъ*. Но намъ не встрѣчалось указаній, чтобъ здѣсь, подобно какъ въ деревняхъ совершались приходскіе братчины и пиры. Остался одинъ только обычай, живо напоминающій древность: это—сборъ на свѣчу празднику, что дѣлается и теперь въ Москвѣ церковными старостами, которые ходятъ съ этимъ сборомъ по прихожанамъ наканунѣ.

Въ Москвѣ на этихъ праздникахъ многолюдство увеличилось еще и оттого, что при совершеніи важнѣйшихъ празднествъ, именно тѣхъ, которыя влекли за собою и народные гульбища, присутствовали и наши древніе цари. Обыкновенно, они дѣлали *выходъ* къ литургіи, а если празднество было съ крестнымъ ходомъ, то шествовали въ ходу, окруженные боярами и всѣмъ блескомъ царскаго сана. Такимъ образомъ, къ празднеству присоединялось еще и благочестивое зрѣлище царскаго богомольнаго шествія, на которое народъ стекался въ несметномъ множествѣ. По совершеніи церковной службы „всенародное множество“, какъ выражались въ старину, болѣею частію оставалось на мѣстѣ, у монастыря или храма, гдѣ былъ праздникъ, потому что болѣешая часть народа, какъ мы уже замѣтили, приходила издалека: послѣ богомолья нужно было отдохнуть и подкрѣпить себя пищею. Если въ Москвѣ не существовали уже братчины, то неизбежная потребность далекаго пути въ городѣ легко удовлетворялась разнаго рода торговцами, которые собирались также на праздникъ во множествѣ и устраивали даже особые помѣщенія для своихъ продуктовъ, заключавшихся преимущественно въ разныхъ закускахъ, питьяхъ и лакомствахъ. Такимъ образомъ, составлялось вѣчто въ родѣ ярмарки, гдѣ въ послѣдствіи, кромѣ съѣстнаго, стали торговать и другими произве-

деніями городской и сельской промышленности, такъ что и самое начало и существованіе большей части нашихъ ярмарокъ тѣсно связано съ приходскими и монастырскими годовыми празднествами. Въ Москвѣ до сихъ поръ, напримѣръ, у Ивановскаго упраздненнаго монастыря, въ день храмоваго праздника, августа 29, производится торгъ холстами, нитками и краснымъ товаромъ.

При многолюдствѣ, эти празднества неизбежно влекли за собою и народныя гульбища, съ различными увеселеніями и забавами, которыя, впрочемъ, дозволялись только по окончаніи церковной службы. Петръ Великій, указомъ 27 сентября 1722 года, запрещая при монастыряхъ и знатныхъ приходахъ въ храмовые праздники до совершения литургіи и возвращенія крестнаго хожденія, питейную продажу, повелѣлъ также, что „хотя притомъ и нѣкоторыя народныя забавы бывають, и то чинится по окончаніи церковныя службы для народнаго полированія, а не для какого безобразія; а до окончанія церковныя службы и крестнаго хожденія оное чинить запретить“.

Въ Москвѣ подобныя гулянья бывали почти на каждой значительной улицѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ сохранились до сихъ поръ, но совершенно утратили свой прежній характеръ; другія же совсѣмъ оставлены.

Представляемъ здѣсь календарь московскихъ народныхъ гуляній въ XVIII вѣкѣ.

Самое раннее весеннее гулянье бывало *подъ вербою*, въ Лазареву субботу, у Лобнаго мѣста. Это гулянье было нечто иное, какъ небольшая ярмарка, на которой продавалась верба, для наступающаго праздника недѣли Ваій, или Входа во Іерусалимъ; придѣльный храмовой праздникъ этого дня

былъ въ Покровскомъ соборѣ, извѣстномъ болѣе подъ именемъ Василія Блаженнаго.

На Святой *качели* устроивались подъ Новинскимъ монастыремъ, въ Покровскомъ на Ладугѣ и въ Елоховѣ у Богоявленья.

Въ пятницу Святой недѣли, въ день Живоноснаго источника, былъ храмовой праздникъ и гульбище подъ Дѣвичьимъ монастыремъ.

Въ *Семикѣ*—на Новыхъ убогихъ домахъ, что на Лазаревомъ кладбищѣ, близъ Марьиной рѣчи.

Троицынъ и Духовъ день — у Москворецкаго моста, гдѣ бросали въ рѣку вѣнки; за Дорогомиловскимъ мостомъ, на полѣ, и на Каланчевскомъ полѣ, близъ Краснаго пруда. Въ Троицынъ день знать и благородные гуляли обыкновенно въ Дворцовомъ саду на Яузѣ.

Въ день Вознесенія — у Вознесенія, въ селѣ Коломенскомъ и у Вознесенія на Гороховомъ полѣ; также въ Дворцовомъ саду на Яузѣ.

Мая 1—на Нѣмецкихъ станахъ въ Сокольникахъ.

Мая 13—подъ Дѣвичьимъ. Въ этотъ день былъ крестный ходъ въ Новодѣвичій монастырь и около монастыря.

Мая 21—у Срѣтенскаго монастыря, когда бываетъ туда крестный ходъ, въ память избавленія отъ нашествія на Москву татаръ въ 1521 году.

Юля 23—также у Срѣтенскаго монастыря, куда крестный ходъ совершался въ этотъ день, въ память избавленія отъ нашествія царя Ахмата въ 1480 году.

Юля 24—на Трехъ Горахъ, получившее начало, вѣроятно, также по случаю храмоваго праздника, при церкви Рождества Іоанна Предтечи.

Юля 20—въ день Ильи Пророка, при церкви Ильи Пророка, что на Воронцовомъ полѣ.

Юля 28 — подъ Дѣвичьимъ, съ крестнымъ ходомъ въ храмовой праздникъ Пресвятыя Богородицы Смоленскія Одигитріи.

Августа 1 — подъ Симоновымъ монастыремъ, въ храмовой праздникъ, и на Трубѣ.

Августа 6 — у Спаса на Новомъ и въ Преображенскомъ.

Августа 15 и 16 — подъ Андроньевымъ монастыремъ.

Августа 15 — на Остоженкѣ, у церкви Успенія.

Августа 19 — подъ Донскимъ монастыремъ.

Августа 26 — у церкви Адріана и Наталіи, близь Сухаревой башни, по случаю крестнаго хода въ память срѣтенія чудотворной иконы Владимірской Богородицы, въ 1395 г.

Августа 29 — у Ивановскаго монастыря.

Сентября 1 — подъ Даниловскимъ монастыремъ.

Сентября 8, въ день Рождества Богородицы, у Зачатейскаго монастыря и на Бутыркахъ, въ храмовые праздники.

Сентября 14 — въ Красномъ Селѣ, въ храмовой праздникъ Воздвиженія.

Октября 1 — въ Покровскомъ, у Покрова.

Въ зимнее время на Масляницѣ горы ставились на Москвѣ-рѣкѣ и на Неглинной въ разныхъ мѣстахъ; но главное гулянье бывало въ Покровскомъ.

Такимъ образомъ изъ этого календаря уже можно замѣтить, что большая часть народныхъ гуляній, какъ мы сказали, была приурочена къ храмовымъ, приходскимъ или монастырскимъ праздникамъ.

Не все гулянья были многолюдны, но все отличались болѣе или менѣе общимъ характеромъ, который обнаруживался и во внѣшнемъ устройствѣ каждаго гулянья и въ народныхъ увеселеніяхъ. Вообще гулянья этого времени во многомъ еще сохраняли тѣ первобытныя черты, въ которыхъ вполнѣ отражалась старинная жизнь со всеми особенностями и отвѣка-

ми. Съ полною свободою и полнымъ разгуломъ народъ предавался своимъ роднымъ забавамъ и увеселеніямъ... Въ 1722 г. іюня 24 на гулянье на Трехъ Горахъ полюбопытствовалъ взглянуть даже Герцогъ Голштинскій и ѣздилъ туда по рѣкѣ, на лодкѣ. Запоздавши, онъ могъ наблюдать только главныя черты народныхъ увеселеній: пьянство, пляски и кулачные бои, которые показались ему отвратительными. Шумные крики и запахъ водки издалека разносились по окрестности.

Съ вѣтшной стороны тогдашнія гулянья походили во многомъ на нынѣшнія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ нововведеній и улучшеній. Тогда они были проще, привольнѣе, а слѣдовательно и безпорядочнѣе, но зато несравненно живѣе, шумнѣе и игривѣе. Однимъ изъ самыхъ наглядныхъ признаковъ каждаго гулянья были шатры, палатки, разнаго рода шалаши, крытые даже рогожами и лубкомъ. Замѣтитѣ другикъ былъ высокій шатеръ, извѣстный въ народѣ до сихъ поръ подъ именемъ *колокола*. Изъ гуляющихъ рѣдкій проходилъ мимо этого знакомаго и завѣтнаго шатра-колокола, верхъ котораго украшался обыкновенно небольшимъ флагомъ и зеленою кудрявою елкою, а внизу изъ подъ полъ выглядывали *стойки* съ бочечками и разною питейною посудою, въ числѣ которой употребительнѣйшая называлась *ялошкою* и *крючкомъ*. Это была особая мѣра, въ которой продавалось вино въ разливку, и потому въ старину не просили *на водку*, а просили обыкновенно *на крючокъ*. Кромѣ шатра-колокола раскидывались небольшія палатки, въ которыхъ устраивали свои временныя помѣщенія герберги, трактиры, цыгане и проч., а также и торговцы разными лакомствами и преимущественно орѣхами, цареградскими стручками и пряниками разныхъ сортовъ. Потомъ разнощики и мелкіе продавцы наполняли каждое гулянье въ такомъ количествѣ, что съ излишкомъ удовлетворяли всѣмъ пріхотямъ и незатѣйливому вкусу гуляющаго народа.

Здѣсь одно изъ первыхъ мѣстъ занимали сбитеньщики и *бузники*, продававшіе на особыхъ столахъ хмѣльную бузу и ароматный сбитень, вполне замѣнявшій въ то время чай.

За исключеніемъ бузы все это, какъ извѣстно, существуетъ и теперь, съ тою только разницею, что старина не могла еще представить той внѣшней чистоты и опрятности и того порядка, которые наблюдаются въ наше время.

Народныя забавы и разнаго рода увеселенія, составляющія другую сторону гулянья, отличались отъ теперешнихъ болѣе разнообразіемъ и болѣе разгуломъ. Въ старину общее веселье поддерживалось и общимъ участіемъ москвичей, большинство которыхъ не успѣло еще поставить себя выше народныхъ обыкновеній и не только не чуждалось ихъ, но, напротивъ, принимало самое живое, личное участіе во многихъ забавахъ простаго народа.

Самымъ обыкновеннымъ увеселеніемъ народа почти на всѣхъ гуляньяхъ были качели, *крумыя*, которыя дѣлаются и теперь ¹⁾, и прямыя — на веревкахъ. Въ старину круглыя качели приводились въ движеніе, т. е. повертывались, посредствомъ особаго механизма, состоявшаго изъ шестерни и нѣсколькихъ зубчатыхъ колесъ ²⁾. Въ это время появились и *карусели*, или, какъ ихъ теперь называютъ, *коньки*.

Въ половинѣ XVIII столѣтія на гуляньяхъ давались уже и драматическія представленія, комедіи, интермедіи и фарсы, получившія отъ помѣщенія ихъ въ лубочныхъ шалашахъ и балаганахъ названіе *лубочныхъ*. Комедіи эти давались обычно-

1) Въ древности — *колыски*, отъ *колыхать*.

2) Видъ Москвы, изд. 1799 Валзеромъ.

венно на Святой—подъ Новинскимъ и на Масляницѣ на Москвѣ-рѣкѣ. Репертуаръ былъ довольно разнообразенъ, но не всегда приличенъ, потому что сообразовался со вкусомъ и самихъ актеровъ и зрителей, платившихъ за входъ обыкновенно копейкъ по пяти на тогдашнія деньги. Актерами были мастеровые, фабричные, господскіе люди и вообще лица подобныхъ же разрядовъ. Однимъ изъ первыхъ дѣйствующихъ лицъ былъ конечно *дуракъ*, *шутъ*, паяцъ, доставлявшій своими фарсами столько удовольствія публикѣ.

Пріѣзжали нерѣдко въ Москву и разные нѣмецкіе кунштмейстеры, эквелибристы, позитурные мастера, великаны и проч., которые *оказывали свои куншты* или показывали себя и на гуляньяхъ. Напримѣръ, въ 1765 году, 13 мая, на гуляньѣ подъ Дѣвичьимъ показывалъ себя великанъ Бернардъ Жили, ростомъ въ 3½ аршина.

О пріѣздѣ въ Москву этихъ иностранныхъ чудодѣевъ мы помѣщаемъ въ концѣ этой статьи особую хроникку. Многие у нихъ съ успѣхомъ перенимали и русскіе; особенно *кукольныя комедіи* и *райки* были усвоены какъ нельзя лучше. Последніе же, т. е. *райки*, такъ обрусѣли, что по всей справедливости заслуживали бы особаго подробнаго описанія. Нигдѣ, можетъ быть, не высказывался русскій человекъ такъ шутко и съ такимъ юморомъ, какъ въ этихъ объясненіяхъ и поясненіяхъ раечныхъ картинокъ, которыя сами по себѣ бѣльшему частію не имѣютъ никакого значенія, но получаютъ совершенно неожиданныя краски при бойкомъ, шуткомъ, а иногда и весьма остроумномъ поясненіи.

Изъ древнихъ чисто народныхъ забавъ нельзя забыть также *медвѣдя съ козою*, являвшихся на всѣхъ загородныхъ гуляньяхъ. Эта забава относится къ глубокой древности и запрещалась еще указами царя Алексѣя Михайловича. Здѣсь

кстати можно замѣтить, что нѣкоторые изъ москвичей, особенно богатые и знатные, были такіе охотники до медвѣдей, что держали ихъ даже въ городѣ на своихъ дворахъ. Но, безъ сомнѣнія, медвѣди иногда срывались съ своихъ привязей и причиняли большое безпокойство въ городѣ; поэтому указомъ 1744 года строго было подтверждено, чтобъ обыватели держали медвѣдей на крѣпкихъ привязяхъ и взаперти, и только въ 1752 году новымъ указомъ эта охота была совсѣмъ запрещена въ столицахъ.

Кромѣ ученыхъ медвѣдей на старинныхъ гуляньяхъ можно было также встрѣтить и ученыхъ собакъ. Но этимъ послѣднимъ „художествомъ“, по преимуществу нѣмецкимъ, изъ русскихъ занимались немногіе. Здѣсь требовались особенные тонкіе приемы, не слѣшкомъ доступные русскому досужеству, которое въ этомъ случаѣ могло скорѣе справиться съ медвѣдемъ, нежели съ собаченкою. Зато въ другомъ въ чемъ русскій человекъ превосходилъ всякаго нѣнца. Таковы, напримеръ, были *птичьи высвисты*, гдѣ онъ доходилъ до изумительнаго совершенства. На старинныхъ гуляньяхъ простые мужички составляли иногда цѣлые хоры самыхъ разнообразныхъ птичьихъ голосовъ, начиная съ соловья и до малиновки. Особенно славились этимъ тверскіе ямщики, которые еще въ 1740 году, бывши въ пѣзжангахъ на известной шутковской свадьбѣ князя Квасина въ Ледяномъ Домѣ, *оказывали весну разными высвисты по птичью* ¹⁾.

Здѣсь мы желали указать только наиболѣе замѣтныя черты старинныхъ гуляній, полную картину которыхъ за неимѣніемъ достаточныхъ свѣдѣній представить довольно трудно. Разнообразіе ея условливалось и временемъ, и мѣстомъ, и

¹⁾ Записка Нащокина, стр. 65.

тѣмъ привольемъ, которымъ пользовались въ то время гуляющіе.

Изъ всѣхъ гульбищъ самыя многолюдныя были: 1 мая, на Нѣмецкихъ станахъ, или столахъ, въ Сокольникахъ; въ Вознесеневъ день въ селѣ Коломенскомъ; въ Семикъ на Новыхъ Убогихъ Домахъ, близъ Марьиной Рощи, у городского вала; 13 мая и 28 іюля — подъ Дѣвичьимъ, и самое многолюднѣйшее — на Трехъ Горахъ въ Ивановъ день. На эти гулянья съѣзжалось и высшее дворянство — посмотреть на народныя увеселенія. Вотъ старинныя газетныя извѣстія объ этихъ гуляньяхъ, относящіяся къ 1756 и 1757 годамъ:

„Въ 1756 году 1 мая въ загородномъ мѣстѣ, такъ называемомъ: Нѣмецкіе Столы, по причинѣ благополучныя погоды, такое великое множество (народа) находилось, что примѣчно около тысяча коретъ, и прогуливались до самой поздней ночи“.

Въ томъ-же году 24 іюня „по причинѣ праздника Рождества Святаго Іоанна Пророка, Предтечи и Крестителя Господня, не смотря на дождливую погоду, которая продолжалась во весь день, было однако великое собраніе народу на Трехъ Горахъ, гдѣ въ сей праздникъ обыкновенно бываетъ гульбище, а особливо на состоящихъ въ близости онаго мѣста славныхъ прудахъ князя Гагарина (нынѣ лача Студенецъ)“.

„Въ Москвѣ. Мая 16 числа“ 1757 г.

„Бывшая здѣсь донинѣ по большой части дождливая погода не допускала первыми веселыми гульбищами забавляться; по которой причинѣ гульбищемъ перваго Маія на Нѣмецкихъ столахъ, и въ Вознесеневъ день въ Коломенскомъ, едва могъ ли кто веселиться. Напротивъ чего 13 числа сего мѣсяца въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, какъ поутру для слушанія божественной литургіи, такъ и въ вечеру для гулянія было

чрезвычайное множество народу; ибо въ тотъ день такая пріятная погода была, какой лучше желать не можно. Равнымъ образомъ по той же причинѣ многочисленное собраніе было вчерашняго числа на Новомъ Убогомъ Дому.“

„Въ Москвѣ. Іюня 27 дня 1757 г.

„На сей недѣли во вторникъ, т. е. сего мѣсяца 24 числа, на гульбищѣ, что на Трехъ Горахъ, было такое множество народу, какого рѣдко въ прежніе годы запомнить. Такъ что напослѣдокъ къ находящемуся тамъ извѣстному Князя Гагарина дому, за множествомъ каретъ въ близость подѣхать, а по прудамъ за тѣсною разойтись едва возможно было. При чемъ, что въ здѣшней Императорской столицѣ ни есть знатное и богатое, прекрасное и великолѣпное, то все можно было тутъ увидѣть.“

Весьма многолюдны бывали также тронція гульбища, которыя не входили въ разрядъ приходскихъ и проводились обыкновенно на мѣстахъ, представлявшихъ болѣе или менѣе выгодныя и необходимыя условія для извѣстныхъ народныхъ обрядовъ въ эти дни. Такъ, завивая вѣнки въ Семикъ, въ Марьиной рошѣ, развивали ихъ и, загадывая, бросали въ воду у Живого, т. е. Москворѣцкаго моста, гдѣ по этому случаю и было гульбище. „Въ день праздника Пятидесятницы — говоритъ одинъ авторъ — у Москворѣцкихъ воротъ на Живомъ мосту собиралось множество дѣвицъ и женщинъ, которыя по древнему обыкновению, ходя съ березками, пѣли пѣсни, плясали, и бросали съ головъ своихъ въ Москву рѣку вѣнки; чего ради для смотрѣнія сего позорища собиралось тамъ не малое число всякаго званія народу.“ Безъ сомнѣнія, съ тою же цѣлью установились въ этотъ день гулянья и на другихъ концахъ города, за Дорогомиловскимъ мостомъ также подлѣ рѣки, которое существуетъ до сихъ поръ, но только уже за

заставою и называется еще *тюльдю*, и потомъ на Каланчевскомъ полѣ, близъ Краснаго пруда, который, по свидѣтельству г. Снегирева, назывался въ старину *Русальскимъ*.

На этихъ гуляньяхъ по преимуществу собирались большіе хороводы, гдѣ въ то время участвовало даже и купечество, не говоря уже о посадскихъ.

Впрочемъ, троицкія и седмицкія гулянья сопровождались общимъ, повсемѣстнымъ весельемъ, и пѣсни березкѣ можно было встрѣтить почти на каждой улицѣ. Чтобы дать понятіе о народномъ весельѣ и обрядахъ въ эти дни, мы представляемъ здѣсь современное ихъ описаніе, даже въ стихахъ:

„Да чтожъ за крикъ такой народы затѣвають?
 Неужто пѣсенки къ березкѣ прицѣвають!
 Вить только что теперь во градѣ разсвѣло
 И солнце изъ за горъ недавно какъ взошло,
 Я чаю многіе отъ сна не пробудились,
 Которые вчерась по рощамъ веселились.
 Трактирщики теперь еще ложатся спать,
 Хоть цѣловальникамъ вы дайте встать,
 Постоите, дѣвушки: вить рано забавляться.
 Позвольте съ разумомъ и мнѣ друзья собраться.
 Не слушаете вы, крича, разинувъ ротъ,
 И вижу васъ идетъ ужасный короводъ;
 Да что же личики ужъ ваши покраснѣли
 Конечно отъ того, что рано вы запѣли.
 Однако осмотра съ прощенія прошу
 И извиненіе дѣвицамъ приношу,
 Я бабъ почелъ за нихъ, незная въ этомъ моды,
 Что рано дѣвушки не ходятъ въ короводы.
 Березка шествуетъ въ различныхъ доскуткахъ,
 Въ тафтѣ и въ бархатѣ и въ шелковыхъ платкахъ.

Вина не пьеть она, однако пляшетъ
 И вѣтвями тряся, такъ какъ руками машетъ.
 Предъ нею скомерохъ неправильно кричитъ;
 Ногами въ землю онъ, какъ добрый конь стучитъ,
 Танцуетъ и пылитъ иль грязь ногами мѣситъ,
 Доколѣ хмѣль его советѣмъ неперевѣситъ.
 Тамъ дама голоситъ, сивухой нагружаясь,
 Въ присядку пляшучи, валится скоро въ грязь;
 Потомъ другая въ мигъ те мѣсто заступаеть,
 Которая плясать весьма искусно знаетъ:
 Танцуетъ *волупца*, танцуетъ и *бычка*....
 Въ Семикъ, въ почтенный день, на рынокъ я ходилъ
 И тамъ противные обряды находилъ,
 Лишь только хмѣль одинъ согласенъ былъ съ собою
 И баба всякая пила своей рукою.
 Тамъ сдѣланъ огородъ, березки всѣ въ кругу,
 Верхушки же у нихъ согнуты всѣ въ дугу,
 Въ срединѣ столъ стоитъ, безъ скатерти поставленъ,
 Но только кушаньемъ казался мнѣ задавленъ.
 Что хлѣбъ-соль хороша, тому свидѣтель я;
 Ватрушки были тутъ, подовья съ огня,
 Оладья, калачи, блины, пирогъ и пышки,
 И можно такъ сказать всѣ праздничны излишки.
 Баханки таковы попляшутъ, покричатъ,
 Приступать ко столу и множество съѣдать
 Но только кушаютъ, казалось мнѣ, безъ вилки,
 Однако съ помощью наполненной бутылки.... ¹⁾

Общиннѣ, повсемѣстнымъ весельемъ и подобнымъ же разгуломъ отличались также Святки, Масляница и отчасти Свѣт-

¹⁾ Еженедѣльникъ 1769 г.—И то и сѣ.

лая недѣля. На Святкахъ нигдѣ не было особенныхъ мѣстныхъ гуляній, но зато вечеромъ по всѣмъ улицамъ ходили веселыя толпы наряженныхъ; почти въ каждомъ домѣ были вечеринки, на которыхъ пѣли подблюдныя пѣсни, гадали, принимали ряженныхъ и веселились до глубокой ночи. Такъ какъ публичнаго театра сначала еще не было, то въ нѣкоторыхъ домахъ на Святкахъ давали русскія комедіи, на что въ 1750 г. послѣдовало даже Высочайшее разрѣшеніе, съ запрещеніемъ только, чтобъ по улицамъ „въ платьѣ приличномъ къ комедіямъ ни въ какомъ, нарядѣ, не ходили и не ѣздили“¹⁾.

Масляница и Свѣтлая недѣля точно также сопровождалась болѣею частью домашними увеселеніями. Горы на Масляницѣ и качели на Святой можно было найти почти въ каждомъ зажиточномъ домѣ, чему много благопріятствовало дешевое и легкое устройство этихъ народныхъ забавъ. Горы дѣлали изъ свѣгу, качели же были простыя на веревкахъ и укрѣплялись на высокихъ и толстыхъ жердяхъ, поставленныхъ въ сошки. Когда качались, скрипъ отъ этихъ качелей далеко былъ слышенъ въ околоткѣ. На домашнія качели и горы приглашались обыкновенно сосѣди и знакомые. Впрочемъ, значительная часть москвичей, безъ сомнѣнія, не могла пользоваться такими домашними увеселеніями, почему и устраивались въ разныхъ мѣстахъ города и горы и качели общественныя.

Качели издавна ставились подъ Новинскимъ, и въ другомъ концѣ города, въ Елоховѣ, недалеко отъ *Разгуляя*—перекрестка, получившаго это имя отъ находившагося тутъ питейнаго дома, который назывался Разгуляемъ.

Но никогда народная веселость не доходила до такого широкаго разгула, какъ на Масляницѣ: Многолюднѣйшее гулянье

1) Полн. Собр. Зап., № 9824.

въ это время бывало въ Покровскомъ, гдѣ устраивались и общественныя горы. Особенно сдѣлалось извѣстнымъ это гулянье съ тѣхъ поръ, какъ при Покровскомъ дворцѣ, въ 1763 году, построены были великолѣпная катальная гора, качели, карусели и разныя игры, отданныя потомъ на откупъ для общественного увеселенія. Однакожь, простой народъ туда не допускался. Для него, кромѣ Покровскаго, строились горы и въ другихъ мѣстахъ города: на Москвѣ-рѣкѣ и особенно на Неглинной, гдѣ теперь фонтанъ передъ Кремлевскимъ садомъ, и потомъ еще за Кузнецкимъ мостомъ — на Трубѣ. Лѣтомъ здѣсь текла Неглинная и было непроходимое болото, а зимой это мѣсто, какъ широкая площадь, доставляло большія удобства для народныхъ забавъ, для масляничныхъ горъ и кулачныхъ боевъ, безъ которыхъ въ старинной Москвѣ не проходило ни одного зимняго праздника, а Масляница для нихъ была урочнымъ временемъ.

Вмѣстѣ съ западнымъ образованіемъ, тамошними обычаями, модами и пр. не замедлили появиться у насъ и нѣмецкіе *штукмейстеры*, англійскіе *шпринтеры*, *балансёры*, *эквиллибристы*, путешествующіе французскіе комедіанты и тому подобныя лица, удивлявшія своимъ дотогѣ невиданнымъ искусствомъ русскихъ людей, платившихъ за ихъ шутки и экзерциціи полновѣсными старинными рублями. Несмотря на заботы о народномъ „полированіи“, введеніе ассамблей, маскарардовъ и театральныхъ представленій, Петръ В., однакожь не слишкомъ уважалъ артистовъ этого разряда, и когда одна труппа балансёровъ прибыла между прочимъ и въ новопостроенный Петербургъ, государь принялъ ихъ съ неудовольствіемъ. Для народа онъ приказалъ имъ показывать свое искусство даромъ, а для богатыхъ назначалъ таксу—не больше гривны съ каждаго зѣваки, и потомъ велѣлъ труппу вы-

проводить воязъ изъ города, замѣтивъ, что здѣсь, т. е. въ Петербургѣ, „надобны художники, а не фигляры.... пришельцамъ, шатунамъ сорить деньги безъ пользы грѣхъ“. Но зато послѣ Петра Великаго эти шатуны стали появляться довольно часто какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, и даже по отдаленнымъ провинціямъ. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія наши объ этомъ любопытномъ предметѣ ограничиваются одними только „забытыми“ газетами, которыя притомъ не слишкомъ щедры на подробности.

Въ 1757 году, раннею весною на Святой, *снова* прибылъ въ Москву англійскій эквилибристъ *Штуардъ*, который давалъ свои представленія въ новопостроенномъ комедіальномъ домѣ, подлѣ землянаго вала, между Красными и Покровскими воротами, гдѣ былъ тогда лѣсной рядъ. Въ тогдашнихъ газетахъ онъ напечаталъ слѣдующее объявленіе:

„Апрѣля 3 дня сего 1757 года, въ Москвѣ между Мясницкими и Покровскими воротами, въ новопостроенномъ комедіальномъ домѣ, что у Лѣснаго ряду, будетъ искусство свое показывать, вновь прибывшій сюда Англичанинъ, эквилибристъ, Михайла Штуардъ, въ чрезвычайномъ и здѣсь еще невиданномъ, весьма достойномъ зрѣніи, удивительномъ, въ многихъ разныхъ штукахъ, балансированіи. Начинаться будетъ какъ сего Апрѣля 3, такъ и впредь, въ назначенные дни, ровно въ пять часовъ по полудни; зрители платить будутъ за первое мѣсто по 1 рублю, за второе по 50, за третье по 25 копѣекъ съ персоны. Господскіе служители безъ платежа денегъ впущены не будутъ.“

Представленія сначала давались каждый день, кромѣ субботъ, а потомъ по однимъ только воскресеньямъ, при чемъ и театръ былъ переименовъ. Въ началѣ 1758 г. пріѣхалъ другой англичанинъ „Шпрингенъ и позитурный мастеръ Бержъ

съ находящися при немъ французенками, который всѣмъ опытнымъ зрителямъ искусство свое сталъ показывать въ построенномъ близъ Покровскихъ воротъ, въ Лѣсномъ ряду, особливомъ домѣ. Передъ Святой въ 1758 году онъ снова напечаталъ объявленіе:

„Черезъ сіе объявляется, что находящійся здѣсь аглинской *шпрингеръ* и *позитурный мастеръ*, свой театръ будетъ растворять о Святой недѣлѣ, на третій и на четвертый день праздника, то есть 21 и 22 чиселъ апрѣля мѣсяца и будетъ показывать свои экзерциціи, а потомъ комедіи станутъ представлять по всѣмъ праздничнымъ и воскреснымъ днямъ неотмѣнно. А ежели кто пожелаетъ въ будни его экзерциціи въ довольной компаніи видѣть: то надлежитъ о томъ его увѣдомить на дому, ввечеру или поутру за день напередъ.“ Въ концѣ мая, 22 числа, онъ уже объявлялъ: „извѣстной Шпрингеръ и позитурной мастеръ Бержъ будетъ свое искусство еще показывать въ воскресенье (24 мая) въ послѣдній разъ.“

Въ 1759 году прибылъ французскій механистъ Петръ Дюмонъ съ различными курьезными машинами, которыя онъ показывалъ публикѣ въ Нѣмецкой Слободѣ, въ домѣ дѣвицы Нагетъ, противъ дома графа Апраксина, каждый день отъ 4 до 9 часовъ. Въ первый разъ, февраля 2, онъ объявилъ „сѣдующія куріозныя самодѣйствующія машины: 1) Маленькая бернская крестьянка, которая 6 лентъ вдругъ тчетъ, такъ что оныхъ отъ 18 до 20 дюймовъ въ минуту поспѣваетъ, а между тѣмъ играютъ куранты. 2) Машинка, сдѣланная кнларейкою, которая такъ натурально поетъ, какъ живая. 3) Разныя движущіяся и перемѣняющіяся весьма курьезныя и чрезвычайныя картины. Къ чему впредъ отъ времени до времени прибавляться будутъ еще разныя штучки.“ За входъ онъ бралъ по рублю съ персоны. Передъ Святой онъ сдѣлалъ въ своемъ кабинетѣ многія прибавленія и объявилъ въ газетахъ:

„Французской механистъ Дюмолинь, о которомъ прежде сего публиковано было, что онъ показывалъ удивительную машину, которая однимъ разомъ шесть лентъ тчетъ, и само-дѣльную киварейку, которая поетъ разными ариѣ, объявляетъ чрезъ сіе, что въ его кабинетѣ прибавлены еще слѣдующія штуки, а именно: Великолѣпная электрическая машина, которую онъ будетъ дѣлать разные и весьма куріозные экспе-рименты.

„Картина, представляющая ландшафтъ, въ которомъ видны будутъ многія движущіяся изображенія дорожныхъ людей и возовъ, и многіе работные люди, которые упражняются въ разныхъ вещахъ такъ натурально, какъ бы живые; другая картина представляетъ голову, движущуюся, которой дѣйствія такъ удивительны, что всѣхъ зрителей устрашаютъ.

„Русской мужикъ, который голову и глаза движетъ такъ совершенно, что можно его почесть живымъ. Движущійся китаецъ, которой такъ хорошо здѣланъ, что не можно вообразить, чтобъ то была машина. Сія послѣднія двѣ фигуры имѣютъ величину натуральную.

„Онъ также недавно окончилъ лягушку движущуюся, надъ которой онъ долгое время трудился. Сія лягушка знаетъ время на часахъ и показываетъ оное плавая въ суднѣ. Сія машина есть самая совершеннѣйшая, какую только можетъ искусство произвести.“

Въ томъ же домѣ, гдѣ это все показывалось, одинъ вѣмецъ, „съ платежемъ по полтинѣ съ персоны“, показывалъ великолѣпное строеніе славной римской церкви св. Апостола Петра, сдѣланное съ модели.

Въ 1760 году *снова*, кажется, никто не пріѣзжалъ; по крайней мѣрѣ намъ не встрѣтилось никакихъ объявленій этого рода. За то въ 1761 году публичныя зрѣлища получали болѣе разнообразія и веселости, появились *голландскія*

кушты, веселыя комедіи, итальянскіе маріонеты и проч. Еще въ началѣ года, февраля 9, было объявлено, что „Голландской кунштмастеръ, Іозефъ Заргеръ, въ домѣ Грузинскаго Царевича, что у Охотнаго ряду, будетъ представлять всѣ свои куншты, всякой день, во всю недѣлю Масленичную, то есть голову Цицерову, также и всѣ Голландскіе куншты. Также будетъ танцовать по веревкѣ, прыгать и балансировать; послѣ того будутъ веселыя комедіи; а наконецъ будетъ также представлять лошадь свои дѣйствія.“

Черезъ мѣсяць, марта 6, Заргеръ увѣдомлялъ московскую публику, что онъ „намѣренъ только три недѣли здѣсь остаться; чего ради, если кто пожелаетъ еще Цицерову голову и съ другими Голландскими куншты и экзерциціями его видѣть, оныя могутъ когда угодно, по утру прислать сказать, почему онъ за 15 рублей въ ихъ компаніи свои куншты и экзерциціи показывать будетъ. Будежь компанія пожелаетъ пріѣхать къ нему въ домъ, то станетъ онъ играть за 10 рублей; только должно ему о томъ сказать по утру. А жительство его имѣется на Чистомъ прудѣ въ домѣ Колтовской.“ При этомъ объявлялось, что и ученая лошадь его разыграна будетъ въ лоттерей по 6 рублей за каждый лоть, или билетъ. Выигравшаго кунштмейстеръ обязывался выучить какъ съ оною лошадью дѣйствовать, т. е. чтобъ она становилась на колѣни, когда нужно было на нее садиться. Но лоттерей, кажется, не состоялась, и самъ Заргеръ черезъ три недѣли изъ Москвы не уѣхалъ, а напротивъ того, черезъ два мѣсяца, 1 іюня, снова было объявлено всѣмъ любопытнымъ, что въ Нѣмецкой Слободѣ, въ Чеглоковомъ домѣ, маленькой чело-вѣкъ 2 футовъ и 5 дюймовъ особливые куншты представлять имѣеть; также и Голландской кунштмейстеръ свои штуки показывать будетъ. Оныя представленія въ каждую недѣлю по воскресеньямъ, понедѣльникамъ, вторникамъ и четвер-

камъ производиться будутъ, въ каждой день съ перемѣною по полудни точно въ семь часовъ. Платежъ имѣеть быть за первое мѣсто по 50, за второе по 25 коп.“ Представленія этого кунштмейстера продолжались во весь годъ, и въ сентябрѣ онъ снова печаталъ: „Голландской кунштмейстеръ Сергеръ чрезъ сіе объявляетъ, что онъ только одинъ мѣсяцъ здѣсь пробудетъ и между тѣмъ по прежнему въ Нѣмецкой Слободѣ, въ Чоголковомъ домѣ, ежедневно кромѣ субботы, штуки свои съ Цицероновою головою и другія новыя показывать будетъ, если хотя 10 или 12 человекъ зрителей будетъ. — Сверхъ же того будутъ у него представляемы разныя комедіи, напр. о *Докторъ Фавстъ* и пр., большими итальянскими двухъ-аршинными куклами, которыя будутъ разговаривать и проч. Такожъ и ученая его лошадь будетъ по прежнему дѣйствовать.“

Въ концѣ этого года, предъ Рождествомъ, можетъ быть, тотъ же Сергеръ, не объявляя только своего имени, увѣдомлялъ публику, что въ домѣ Трубникова, на Дмитровкѣ, между Тверскою и Петровскою улицами, „начнется *новая комедія*, которая будетъ состоять изъ большихъ итальянскихъ маріонетовъ, или куколъ, длиною въ два аршина, которыя по театру свободно ходятъ и такъ искусно представляютъ себя будутъ, какъ почти живыя. Комедія, которая съ куклами представлена быть имѣеть, называется *храбрая и славная Юдова*“.

Въ томъ же 1761 г. въ Москвѣ находился еще Венгерскій кунштмейстеръ Юганъ Георгъ Ругатцъ, жившій близъ Егорьевскаго монастыря, въ домѣ Стрѣшнева.

Въ 1762 году вновь пріѣхали два курсаксонскіе рудокопа съ курьезною и удивительною машиною, которая показывала статуями въ движеніи, такъ какъ натуральные люди работа-

ють въ горахъ, подкопать и ямахъ для сысканія руды серебряной и золотой. Машина эта показывалась всѣмъ „желательнымъ зрителямъ“ въ Старой Басманной, противъ Разгуляя, въ домѣ парикмахера Карла Шлаха. За смотрѣніе определенной цѣны не назначалось.

Въ томъ же году на Кисловкѣ, близъ Никитскаго монастыря, въ домѣ купца Теленнова показывался „маленькій безногий челоуѣкъ и его искусство съ разными удивительными штуками“, а въ Нѣмецкой Слободѣ, въ домѣ француза Марміона, можно было видѣть „весьма достойную любопытства машину, называемую *оракулъ*, которая на разные предлагаемыя ей вопросы отвѣтъ даетъ“. За входъ платили по одному рублю. Машина эта даже и продавалась.

Въ 1764 году весною Москва съѣзжалась на *рыстанія* англійскаго берейтора Батеса, а осенью смотрѣла на Тверской африканскую птицу, называемую *струсъ*. О ристаніяхъ Батесъ увѣломилъ публику даже особою афишею, въ которой значилось:

„По Высочайшему позволенію.

Недавно пріѣхавшій сюда славный аглинской берейтеръ Батесъ, которой чрезъ долговременную науку, до нынѣшняго совершенства въ берейтерскомъ искусствѣ дошелъ, такъ что ни въ Англіи и ни гдѣ еще никто не видалъ, будетъ здѣсь въ Москвѣ показывать охотникамъ слѣдующее свое искусство:

1) Ѣздить онъ верхомъ на двухъ лошадяхъ на открытомъ полѣ нѣсколько разъ кругомъ во всю прыть.

2) Ѣздить вдругъ на трехъ лошадяхъ во всю прыть; перемѣтывается между тѣмъ съ одной на другую удивительнымъ образомъ.

3) Ъздитъ на трехъ лошадяхъ во всю прыть, стоя ногами на обѣихъ боковыхъ лошадяхъ; двухъ отпускаетъ и скачетъ на третью, не препятствуя лошадямъ въ бѣгу.

4) Ъдучи на одной лошади во всю прыть соскакиваетъ съ оной и опять вскакиваетъ съ удивительнымъ проворствомъ и черезъ ея прыгаетъ.

Мѣсто на которомъ сіе рысканіе будетъ происходить, обстоитъ на Красномъ прудѣ, за Локателіевымъ опернымъ домомъ. Въ первой разъ начнется сіе рысканіе въ понедѣльникъ апрѣля 26 дня, по полудни. Ворота будутъ отперты въ 4 часу, а въ 5 начнется дѣйствіе. Кто неизволитъ при вхождѣ билетовъ ждать, тотъ можетъ за ними послать на Тверскую улицу въ домъ князя Черкаскаго, къ французскому трактирщику.

Онъ (Батесъ) проситъ притомъ, чтобъ зрители никакихъ собакъ не приводили, дабы ему въ ѣздѣ не здѣлалось помѣшательства. Съ каждаго человѣка брано будетъ по 1 рублю.“

Объ африканской птицѣ *струсъ*, или страусѣ, объявлялось, что она „больше всѣхъ птицъ на свѣтѣ и притомъ чрезвычайно скоро бѣгаетъ, распустя крылья, и особливую имѣетъ силу въ когтяхъ, которыми на бѣгу можетъ схватить камень и такъ сильно онымъ ударить, какъ бы изъ пистолета выстрѣлено было; оная жъ птица ѣсть сталь, желѣзо, разнаго роду леньги и горячіе уголья. „При этомъ увѣдомляли, что „вышеупомянутая птица увезена будетъ въ Санктпетербургъ по первому зимнему пути и только за неспособною еще погодою остается здѣсь на малое время. За смотрѣніе оной каждой изъ благородныхъ можетъ заплатить по своему изволению, а съ купечества брано будетъ по 25 копѣекъ. Простому же народу будетъ при самомъ входѣ цѣна объявлена. Время смотрѣнія будетъ продолжаться каждой день съ утра до вечера.“

Въ 1765 году прибылъ въ Москву знаменитый въ то время *великанъ* Бернардъ Жилли, уроженецъ города Тридента. Необыкновенный его ростъ, въ $3\frac{1}{2}$ аршина, такъ удивлялъ москвичей, что явилась даже лубочная картина, изображавшая великана, когда онъ показывалъ себя подъ Дѣвичинымъ на гуляньѣ 13 мая. Въ началѣ юня великанъ Жилли напечаталъ въ вѣдомостяхъ объявленіе:

„Симъ объявляется, что сюда прибылъ великанъ именемъ Бернардъ Жилли, уроженецъ города Тридента, ростомъ въ три аршина съ половиною, во всемъ съ пропорціональными членами и такой величины, что не найдено еще человѣка, который бы ему свободно не могъ подходить подъ руку. Достопамятно, что онъ на десятомъ году не былъ ростомъ больше, какъ прочіе въ его лѣтахъ отроки; а послѣ того началъ столь чрезвычайно расти, да и нынѣ къ удивленію тѣхъ людей, кои при немъ неотлучно находятся, все еще его росту прибавляется. По отъѣздѣ изъ своего отечества имѣлъ онъ честь представленъ быть 13 государямъ, а именно: юня 13 дня 1763 году обоимъ Римско-Императорскимъ Величествамъ и всему двору въ Лаксенбургѣ; потомъ Ихъ Величествамъ Королю Сардинскому, Французскому, Великобританскому, Гишпанскимъ: Фердинанду и Карлу III, Королевско-Гишпанскому Инфанту Донъ Филиппу; февраля 6 дня Папѣ Римскому Клименту XIII, мая 5 дня Королю обѣихъ Сицилій; Апрѣля 21 дня Курфирсту Баварскому, потомъ Курфирсту Саксонскому въ Дрезденѣ; Его Величеству Королю Прусскому въ Потсдамѣ, Его Величеству Королю Польскому въ Варшавѣ; а 21 Апрѣля сего 1765 году удостоился щастія представленъ быть и Ея Императорскому Величеству въ Сарскомъ Селѣ, неупомяная многихъ другихъ въ Европѣ владѣющихъ князей и знатнѣйшихъ особъ. Всякъ увѣренъ быть можетъ,

что никто еще не выдвигалъ челоуѣка такого чрезвычайнаго росту, и что такого здѣсь еще никогда не бывало. Сей великанъ квартиру свою имѣеть въ Нѣмецкой Слободѣ, подлѣ Католицкой церкви, въ домѣ Господина Ознобинина, а смотрѣть его можно поутру съ 11 по 2 часть, а по полудни съ 4 по 9 часть. Каждая персона имѣеть платити по 40 копѣекъ; знатнымъ же особамъ ничего не предписывается, но оставляется на ихъ соизволеніе, сколько кто пожаловать заблагоразсудити. Въ томъ же домѣ продается его портретъ вырѣзанный на мѣди.“ Черезъ мѣсяць великанъ извѣщалъ публику, что онъ неотмѣнно выѣдетъ изъ Москвы іюля 11 въ Петербургъ, и что желающіе его видѣть могутъ пріѣзжать каждый день по утру съ 10 часовъ до 1 часу, а послѣ полудня—отъ 3 до 8 часовъ. При чемъ цѣну за входъ онъ убавилъ въ половину—по 20 коп. съ персоны, знатнымъ же особамъ по прежнему предоставлялъ на ихъ заблагоразсужденіе.

Въ 1766 году пріѣхалъ италянецъ Іозефъ-Юліанъ Швейцеръ, „съ нѣкоторымъ числомъ большихъ и малыхъ собакъ, пріученныхъ къ разнымъ удивительнымъ дѣйствіямъ“, которыя онъ и показывалъ любопытствующимъ персонамъ въ Нѣмецкой слободѣ, въ домѣ графа Скарвонскаго, повседневно, кромѣ воскресенья и четверга. Въ каждый день давалось по три представленія: первое начиналось въ четвертомъ, второе въ шестомъ, третье въ осьмомъ часу. За смотрѣніе „онныхъ дѣйствій“ цѣна назначена была по рублю съ персоны. Но публикѣ, вѣроятно, показалось это очень дорого. Смотрѣть ученыхъ собакъ почти никто не являлся, такъ что чрезъ мѣсяць Іозефъ-Юліанъ Швейцеръ долженъ былъ уменьшить цѣну, объявивъ, что „за смотрѣніе привезенныхъ собакъ, которыя представляютъ разныя дѣйствія, съ господъ брано будетъ по 50, а съ *подлазо* народа по 10 копѣекъ съ челоуѣка. О чемъ чрезъ сіе въ послѣдній разъ объявляется.“

Въ концѣ 1766 года прибыло „собраніе разныхъ искусниковъ, танцующихъ по веревкѣ, прыгающихъ, ломающихся и представляющихъ *Пантомиму*.“ Собраніе это начало оказывать свои дѣйствія 31 декабря, въ воскресенье, на придворномъ театрѣ, при Головинскомъ дворцѣ.

Въ 1767 году явился г. Тезіе, французскій механикъ, съ новою физическою оптическою машиною, которая во многихъ отношеніяхъ дѣйствительно заслуживала полного любопытства москвичей. Вотъ газетное объявленіе г. Тезіе:

„Симъ объявляется, что господинъ Тезіе, бывшій Королевской Французской механикъ, побывавъ въ знатнѣйшихъ городахъ, нынѣ сюда прибылъ, которой по довольномъ странствованіи въ чужихъ земляхъ, неуспыннымъ своимъ стараніемъ изобрѣлъ новую физическую оптическую машину, посредствомъ которой онъ удивительнымъ перспективнымъ представленіемъ по правиламъ архитектуры показываетъ города, замки, церкви сады, гавани, триумфальныя ворота и прочія, любопытства достойныя, вещи, которыя зрителей довольно приволятъ въ удивленіе. При чемъ также представляетъ онъ разныя въ Парижѣ и Версаліи при выздоровленіи Французскаго и при бракосочетаніи Римскаго Короля въ Вѣнѣ бывшія иллюминаціи. Сіе показываетъ онъ всегда такъ натурально, какъ оное въ самое то время происходило. А кто сіе видѣть пожелаетъ, тому сія машина и въ дошъ принесена будетъ, сверхъ же того показываетъ и мореплаваніе кораблей, которое потомъ къ удивленію всѣхъ превращается въ прекрасную изъ свѣтлыхъ колеровъ состоящую живопись, а наконецъ въ пріятныя сады плоды, цвѣты и проч. Онъ же даетъ наставленіе, какъ рисовать, такъ и мѣшать краски, и то обученіе оканчивается въ 8 дней. Также дѣлаетъ и продаетъ разныхъ манеровъ и величины оптическія представленія, какія каждый по величинѣ объектовъ имѣть пожелаетъ. Еще же показываетъ онъ ко-

рабль, разбившійся по причинѣ жестокой бури при островѣ Мартиникѣ объ скалу, на которую человекъ изъ помянутаго корабля былъ выброшенъ, которой три мѣсяца питался кашушками проглатывая разные каменья, данные ему для ѣствы. Желаящіе сіе видѣть, сыскать помянутаго механика могутъ у Красныхъ Воротъ въ домѣ Его Сіятельства Князя Трубецкаго, у Французскаго трактирщика М. Оттона. При чемъ съ каждой персоны брано будетъ по 25 коп., а знатнымъ особамъ ничего не предписывается, но паче оставляется на ихъ щедрость, сколько каждая по своему соизволенію пожаловать соизволить.“

Читатели, вѣроятно, могли замѣтить и въ предъидущихъ объявленіяхъ это оригинальное предложеніе знатнымъ и богатымъ платить за входъ сколько они „пжаловать соизволить“. Щедрость русскаго барина, особенно когда что нибудь льстило его самолюбію, была очень хорошо извѣстна въ Европѣ, и преимущественно во Франціи. На такую щедрость считывали и всѣ подобныя объявленія иностранцевъ.

Иногда отъ нѣмцевъ не отставали и русскіе и тоже появлялись съ какимъ либо несслыханнымъ дивомъ. Въ январѣ 1766 года Московскія Вѣдомости объявляли, что „въ домѣ большаго Успенскаго собора протодьякона Петра Андреева, состоящемъ въ Кремлѣ, близъ Тайницкихъ воротъ, у малороссіянина Василья Иванова сына Репкова, дочь ево Александра, которой только три года отъ роду, играетъ на гусяхъ 12 штукъ сама собою безъ всякаго при томъ другихъ указыванія. Любопытные могутъ оную видѣть въ означенномъ домѣ, плата по 25 коп. съ персоны, также и въ домъ къ себѣ брать за особливую плату.“

II.

Нѣмецкая Слобода и ея значеніе въ общественной жизни Москвы въ XVIII ст. Начальная исторія императорскихъ дворцовъ и садовъ на Яузѣ. Очеркъ исторіи театра въ Москвѣ въ первой половинѣ XVIII ст. Оперный Домъ, при Головинскомъ дворцѣ и у Красныхъ воротъ. Каталъныя горы и другія придворныя и публичныя увеселенія. Повровская катальная гора. Мѣста публичныхъ увеселеній у частныхъ лицъ.

Изъ нѣсколькихъ газетныхъ объявленій, помѣщенныхъ выше, можно было замѣтить, что большая часть зрѣлищъ и большая часть прѣзжавшихъ въ Москву кунштмейстеровъ показывались въ Нѣмецкой Слободѣ или на пути къ ней изъ центра города, напр. у Красныхъ воротъ, на Басманной, на Разгуляѣ и пр.

Въ XVIII ст. Нѣмецкая Слобода въ отношеніи остальной Москвы была нѣкотораго рода Петербургомъ, новою столицей, гдѣ около императорской резиденціи на Яузѣ сосредоточивалось все знатное и богатое, все владѣющее и управляющее, все просвѣщенное и цивилизованное, и главнымъ образомъ все иностранное, которое въ то время, по этому одному, что оно иностранное, почиталось во всѣхъ случаяхъ высотою и образцомъ и для частной и для общественной жизни. За это время въ Нѣмецкой Слободѣ господствовала Европа, притягивая къ себѣ всю новую общественность Москвы, подобно тому, какъ прежде въ другой мѣстности столицы, въ Кремлѣ, господствовала старая Русь и тянула туда всѣ общественныя отправленія стараго города. Въ Нѣмецкой Слободѣ теперь господствовало новое общество, для новыхъ потребностей котораго здѣсь же или въ окрестныхъ мѣстностяхъ и на пути сюда заводились, устраивались, процвѣтали всякія промышленныя, ремесленныя, торговыя, художническія, образовательныя, воспитательныя и вообще всякія цивилизующія статьи городской жизни и исключительно сосредоточивались всякія европейскія

потребы, новости и роскоши, чѣмъ Слобода особенно и красилась преимущественно передъ другими частями города, жившими еще по старому.

Заселеніе Нѣмецкой Слободы началось еще въ половинѣ XVI столѣтія. Нѣмецкіе ремесленники и художники, вызванные въ Москву на службу, были первыми поселенцами этихъ мѣстъ, весьма удаленныхъ въ то время отъ города. Здѣсь на берегу Яузы, между рѣкою и ручьемъ Кукуемъ, который впадалъ въ рѣчку Чечору, текущую въ Яузу отъ Краснаго Пруда, выстроены были для нихъ на счетъ казны дома и отведена земля подъ сады и огороды. Отъ ручья Кукуи и Слобода долгое время называлась *Кукуемъ* или *Кокуемъ*. Въ народѣ это названіе обратилось даже въ бранное слово: русскіе дразнили живущихъ здѣсь нѣмцевъ *Кокуемъ*. Объясняя это слово, Олсарій повѣствуетъ, что прозваніе Кукуи произошло по слѣдующему поводу. „Жены проживавшихъ здѣсь нѣмецкихъ солдатъ, завидѣвъ русскихъ, которые иногда заглядывали въ эти мѣста, обыкновенно говаривали другъ другу: „Kuck, Kuck hie“ т. е. „смотри, смотри сюда“, что русскіе обратили въ бранное слово.“ Нѣмцы очень обижались и жаловались даже царю, что ни за что, ни про что ихъ обносятъ на улицахъ разнаго рода ругательствами и сквернословіями, къ числу которыхъ вѣроятно принадлежало и слово: *кукуи*. обозначающее должно быть нѣвѣстнаго рода *кукуишъ*. Въ областномъ языкѣ *кукуемъ* называется свадебный мясной пирогъ, а *кокуемъ* кокошникъ и даже праздникъ Ивана Куналы. Но вѣстѣ съ тѣмъ это слово встрѣчается и въ топографической старинной номенклатурѣ, неизвѣстно только съ какимъ значеніемъ. Быть можетъ оно получило бранное значеніе лишь потому, что относилось къ мѣсту жительства нѣмцевъ. Впрочемъ не всѣ иностранцы, оставшіеся въ Москвѣ селились въ этой слободѣ. Въ XVII столѣтіи многіе и особен-

но люди торговые и военные, жили въ разныхъ частяхъ Бѣлаго и Землянаго города, откупали тамъ лучшія мѣста, строили большіе каменные дома и подконецъ обратили вниманіе приходскаго духовенства, которое жаловалось, что приходы наполняются иновѣрцами, чуждыми православію, и оттого прічетъ лишается доходовъ. Къ этому присоединилось новое обстоятельство. Сначала всѣ иностранцы служилые и торговые жившіе въ Москвѣ, носили обыкновенно русское платье съ тою даже цѣлью, дабы охранить себя отъ оскорбленій со стороны народа, который всегда издѣвался надъ иноземнымъ костюмомъ. Но однажды, во время какой-то церковной процессіи, гдѣ присутствовалъ патріархъ, и гдѣ между народомъ толпились и нѣмцы, они на всенародныя благословенія патріарха не отвѣтили обычнымъ русскимъ челобитьемъ. Это обратило вниманіе іерарха, который, узнавъ что то были нѣмцы, изъявлялъ свое неудовольствіе, что по незнанію благословляетъ недостойныхъ людей и что нѣтъ возможности различить православнаго отъ иновѣрнаго. Вскорѣ послѣдовалъ царскій указъ, чтобы всѣ иноземцы тотчасъ сняли русское платье и одѣвались бы по своему въ свое иноземское платье. Въѣсть съ тѣмъ строго-настрога было запрещено жить нѣмцамъ въ городѣ съ повелѣніемъ всѣмъ имъ переселиться на Кокуй, на берега ручья Кокуя и Яузы, гдѣ въ 1652 году и устроена была Новая Иноземская Слобода, отмѣнившая и названіе Кокуя. Земля для постройки дворовъ въ этой Слободѣ роздана была въ то время соотвѣтственно значенію лицъ: служилымъ нѣмцамъ первой статьи, генераламъ, полковникамъ, маіорамъ, докторамъ и пр. отводили вдоль по 40, поперекъ по 20 сажень; второй статьи, къ которой кромѣ военныхъ офицеровъ принадлежали также аптекари и всѣ художники и ремесленники, вдоль по 30, поперекъ по 15 сажень; третьей статьи: вдоль по 15, поперекъ по 10, а всякихъ мелкихъ чиновъ служилымъ

гнѣздыть вѣдь по 10, поперекъ по 8 саженъ. Такихъ образцовъ гнѣздное населеніе Москвы совершенно отдѣлилось отъ русскаго, образовало особый малецкій городокъ. Храбрые офицеры, честные ремесленники, богатые купцы жили здѣсь свободно и независимо, не гнѣздысь съ русскими и въ воледейскомъ отношеніи управлялись сами собою, подобно всѣмъ остальнымъ слободамъ Москвы; они выстроили двѣ лютеранскія и двѣ реформатскія (англійскую и голландскую) церкви и основали даже школу, первоначальную гимназію.

Но, показываясь въ городѣ, гнѣзды и всѣ иностранцы, отличаясь своею запорскою одеждою, по прежнему испытывали велическія оскорбленія: мальчишки бѣгали за ними по улицамъ, бранили ихъ непристойными словами и дразнили именемъ Кукуя. По свидѣтельству Матвѣева такъ дразнили, напр., Датскаго резидента, который любилъ подгуливать на кирахъ у бояръ и перѣдко возвращался въ Слободу почти безъ чувствъ. Ребятишки провожали его крикомъ „пьяница, пьяница, минь (тебѣ) на! Кокуй!“ Между тѣмъ въ это время существовалъ уже строгій указъ, грозившій даже кнутомъ за оскорбленіе иноземцевъ. Олеарій рассказываетъ, что гнѣзды подавали царю челобитые, прося защиты, обороны и покровительства отъ наглости русскихъ, что по этому челобитію и изданъ былъ упомянутый указъ съ повелѣніемъ именовать Кокуй Иноземскою Слободою, что былъ даже и случай наказанья русскихъ кнутомъ за ругательство надъ гнѣздами. Несмотря однакожь на царскій указъ, сцены съ мальчишками и даже съ кучерами и извозчиками и ругательныя преслѣдованія иноземцевъ повторялись до временъ Петра и вызывали новыя запрещенія, чтобъ „гнѣздамъ и иныхъ народовъ иноземцамъ никакихъ грубныхъ поносныхъ словъ не говорить и ни чѣмъ ихъ не дразнить.“

Весьма понятно, что въ эпоху преобразования Нѣмецкая Слобода приобрѣла совершенно иное значеніе и изъ потѣшной

нѣмчины, надъ которой, русскій престолюдинъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, почиталъ за необходимое посмѣяться и потѣшиться, она выросла необоримою силою, сдѣлалась учителемъ и повелителемъ не одной Москвы, но и всего государства.

Въ Нѣмецкой Слободѣ, какъ извѣстно, жили всѣ близкіе люди Петра, учитель Тиммерманъ, другъ Лефортъ и много другихъ иностранцевъ, первыхъ учителей и сороботниковъ въ дѣлѣ преобразования старой Руси на европейскій образецъ. Нѣмецкая Слобода была *первою школою*, гдѣ Петръ впервые познакомился съ Европой, съ европейскими науками, обычаями и учрежденіями и со всеми удовольствіями европейскаго общежитія. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь, подъ вліяніемъ иностранныхъ друзей, впервые зародилась, постоянно созрѣвала и укрѣплялась и самая мысль о государственномъ и общественномъ переустройствѣ.

Близкія отношенія Петра къ Нѣмецкой Слободѣ установились еще въ отроческихъ его лѣтахъ, когда, по смерти отца, царя Алексѣя, живя съ матерью по большей части въ Преображенскомъ, онъ весь отдался военнымъ играмъ и игрушкамъ, строилъ тамъ по правиламъ фортификаціи „потѣшные городки,“ бралъ ихъ съ бою приступомъ, устраивалъ на Яузѣ потѣшныя флотиліи изъ лодокъ и другихъ мелкихъ судовъ и безъ сомнѣнія не одинъ разъ подплывалъ и къ Нѣмецкой Слободѣ, гдѣ на самомъ берегу Яузы въ послѣдствіи стоялъ построенный государемъ же домъ Лефорта — наилучшаго царскаго друга. Въ этихъ воинскихъ потѣлахъ, относительно ихъ устройства, конечно, самое дѣятельное участіе принимали знающіе обыватели той же Слободы. Вотъ почему еще съ отроческихъ лѣтъ государя Слобода вошла въ самую тѣсную дружбу съ Преображенскимъ и эти двѣ мѣстности стали для него самыми привлекательными мѣстностями во всей

Москвѣ. Кремль со всѣми своими старыми чинами жизни былъ совсѣмъ оставленъ и забытъ. Съ возрастомъ государя мало по малу составила своя *коммалія* изъ лицъ ему близкихъ, не по родству и не по придворнымъ отношеніямъ, а по способностямъ къ дѣлу, къ ученю, къ неутомимой работѣ. Поэтому сюда вошли люди разныхъ сословіи и всякаго происхожденія, много русскихъ, довольно и иностранцевъ; но всѣ они въ глазахъ общаго дѣла были братья, друзья, равные другъ другу члены одной неразрывной компаніи, которая въ сущности представляла зародышъ новаго на Руси „общества“, въ смыслѣ новыхъ началъ общежитія, новыхъ отношеній личности. Первое, на чемъ крѣпилась компанія, было именно то, что изъ нея были изгнаны всѣ „зѣльные чины“ и всѣ отношенія лицъ поставлены на братскую ногу. Въ этомъ случаѣ Петръ шагнулъ дальше и самой Нѣмецкой Слободы, гдѣ своего рода чиновочитаніе никогда не выводилось. Конечно, это новое начало общежитія немнѣе могло устроиться, какъ въ потѣшной увеселительной формѣ, почему и компанія со стороны своей общественности явилась каррикатурой, „всешутѣйшимъ и всепьянѣйшимъ соборомъ“, въ которомъ председательствовалъ князь—папа, Никита Зотовъ, „Всешутѣйшій отецъ Іоаникитъ, Пресбургскій, *Кокуйскій* и Всеузаскій патріархъ“. Этотъ титулъ ясно показываетъ, что исключительнымъ поприщемъ для увеселеній компаніи были старое Преображенское, гдѣ на Яузѣ, стояла крѣпостца Пресбургъ, первый потѣшный городокъ, взятый малолѣтнимъ Петромъ съ бою по правиламъ военной науки *), и потомъ старый Ко-

*) Вспоминая дѣтскіе годы, Петръ, въ бытность свою въ Москвѣ въ 1722 г., указомъ Сенату 8 іюня, повелѣлъ этотъ «деревянный городокъ» построить вновь тѣмъ же манеромъ. Берхгольцъ видѣлъ его уже возобновленнымъ и говоритъ между прочимъ: «Тамъ по близости (въ Старомъ Преображенскомъ) устроена настоящая маленькая крѣпость, обнесенная съ трехъ сторонъ деревянными стѣнами, а съ четвертой, у входа, землѣю

куй—Нѣмецкая Слобода съ окрестными мѣстами Всеузыя, расположенными по берегамъ Яузы. Очень естественно, такимъ образомъ, что въ Петровское время наибольшее движеніе новой общественной жизни въ Москвѣ сосредоточивалось здѣсь на Яузѣ, въ Нѣмецкой Слободѣ. Оттого сюда потянуло изъ города все, что тянуло слѣдомъ за преобразованіемъ; здѣсь стали селиться всѣ новотѣры, новые люди преобразованной Руси. Весьма также понятно, почему Нѣмецкую Слободу возненавидѣли всякіе старотѣры, такъ что въ одномъ изъ послѣднихъ стрѣleckихъ заговоровъ положено было „Нѣмецкую Слободу разорить и нѣмцевъ всѣхъ порубить“, какъ потомъ тоже намѣреніе высказалось въ 1708 г. въ бунтѣ Донцовъ-Булавницевъ, говорившихъ, что имъ „дѣло только до нѣмцевъ“. Но стрѣleckіе мятежи, на той же Яузѣ, въ Преображенскомъ, были усмирены страшными казнями, а Нѣмецкая Слобода осталась здравствовать и сдѣлалась центромъ новаго общежитія Москвы.

Скоро государь и самъ сдѣлался слобожаниномъ, обывателемъ Нѣмецкой Слободы. По смерти Лефорта (1699 г.), онъ занялъ его домъ, увеличилъ его новыми пристройками и

въ видѣ вала, съ настоящими подъемными мостомъ, и вся окруженная водою. Четыре маленькія башни замѣняютъ въ ней бастионы, а въ срединѣ, противъ входа, сдѣланы еще большія ворота съ башнею на верху. Эта крѣпость, находящаяся на маленькомъ острову, среди воды, стояла уже много лѣтъ, и теперь, послѣ отъѣзда императора, ее опять возобновили въ прежнемъ видѣ. Въ молодости государь часто потѣшался съ ней. Всѣ, кого онъ бралъ туда съ собою, должны бывали столько времени оставаться и шутить съ нимъ, сколько ему хотѣлось, потому что, какъ скоро снимали подъемный мостъ, уйти не было никакой возможности. (Дневникъ, 1722 г., перев., И. Аннона, стр. 306). Извѣстно, что и князь-кесарь Ромодановскій прозывался Пресбургскій король. Дополнительными подробностями о значеніи и исторіи Всеузыя отъ времени Петра см. выше стр. 187—193.

положилъ такимъ образомъ первое основаніе для императорской резиденціи въ этой московской мѣстности.

Въ 1707 г. въ Шведскую войну, по случаю общаго безпокойства, наведеннаго на Москву укрѣпленіемъ ея стѣнъ, государь писалъ 9 іюня: „Извѣстно намъ здѣсь учинилось, что у васъ на Москвѣ немалой страхъ произошелъ отъ того, стали крѣпить Московскіе города. И то намъ зѣло дивно и смѣху достойно... извольте быть при помощи Божіей въ твердой надеждѣ... также извольте быть въ своей компании и веселитесь, при семъ насъ не забывайте. Особливо прошу васъ, извольте по часту на мой *Слободской* дворъ ѣздить и веселиться, и о томъ строителя просите, чтобы скорѣе совершилъ, чтобы къ нашему пріѣзду успѣлъ, понеже мы надѣемся на милость Божію, что къ будущей зимѣ сія война счастливо окончится и съ триумфомъ къ Москвѣ со всею арміею надѣемся притти.....“

Въ послѣдствіи къ Лефортовскому мѣсту былъ присоединенъ дворъ Головина, также государева друга, стоявшій на той сторонѣ Яузы, почти противъ Лефортовскаго дома. Въ 1722 г. Петръ купилъ этотъ дворъ у молодаго Головина, построилъ на томъ мѣстѣ деревянный дворецъ и велѣлъ развести обширный садъ съ прудами, каскадами, фонтанами и каналами, который былъ не только увеселительный, но и плодовой, а также аптекарскій и овощной.

Надзоръ за строеніемъ этихъ дворцовъ былъ порученъ тогдашнему оберъ-коменданту Москвы Измайлову, а разведеніе и устройство садовъ доктору Бидлоо, который тутъ же подлѣ сооружалъ генеральный госпиталь. Впрочемъ скорѣ главнымъ садовникомъ былъ назначенъ голландецъ Брантгофъ или, какъ называли его по русски, Брантовъ, Брантъ, которому отдано было въ ученье и нѣсколько русскихъ учениковъ. Въ 1724 году, осматривая новый садъ, Петръ обратилъ

особое вниманіе на каналы, устроенные въ соответствии дорожкамъ для прогулокъ по водѣ, и повелѣлъ содержать въ нихъ воду съ береговыми брусьями на-ровень. Для этой цѣли хозяину плотинной и сукновальной мельницы, стоявшей на Яузѣ ниже Салтыкова моста, вѣмпу Меэру, дано было наставленіе и указана шѣра, на какой высотѣ содержать воду на своей плотинѣ.

Послѣ Петра Головинскій и Лефортовскій или Слободской Старый дома остались въ теченіи всего XVIII ст. императорскими дворцами.

Въ пріѣздѣ въ Москву Петра II, въ Головинскомъ домѣ поившался Дворъ, а въ Лефортовскомъ жилъ самъ государь и цесаревна Наталья Алексѣевна, которая здѣсь и скончалась. Государь по этому печальному случаю выѣхалъ было въ Кремль, но потомъ снова поселился здѣсь, вѣроятно потому, что Кремлевскій дворецъ, очень тѣсный для новой жизни и довольно обветшавшій, не представлялъ тѣхъ удобствъ, какія можно было имѣть во дворцѣ Лефортовскомъ, построенномъ совершенно по-европейски. Въ этомъ дворцѣ совершилось обрученіе Петра II съ княжною Долгорукою и здѣсь же онъ и скончался къ величайшей горести всего государства.

Императрица Анна, пріѣхавъ къ коронаціи въ Москву, остановилась сначала въ Кремлѣ, въ уютныхъ комнатахъ древняго Потѣшняго дворца. Однако въ маѣ 1730 года она посѣтила и Головинскій домъ и дала въ тамошнемъ саду великолѣпный праздникъ съ баломъ и фейерверкомъ. На лѣто она уѣхала въ Измайлово—принадлежавшее ей матери царицѣ Прасковѣ Федоровнѣ и вообще роду царя Ивана Алексѣевича, ея отца. Между тѣмъ въ Кремлѣ, подлѣ арсенала, по ея повелѣнію строился новый дворецъ, деревянный, архитекторомъ котораго былъ извѣстный зодчій графъ де Растрелли. Къ осени дворецъ былъ построенъ очень красиво, по отзыву современниковъ, и убранъ

съ большннхъ великолѣпнхъ. Въ честь императрицы оны изданъ былъ *Аллегобожд*, именны, которое ималѣ характеризовало даже полунѣмецкое или и совсѣмъ нѣмецкое направление и владычество ея царствованія. 26 октября императрица праздновала въ пель свое новоселье.

Но Головинское иѣсто съ Петровскнхъ садомъ такъ се повривалась, что она задумала и зѣсь устроить себѣ восточное жилище и новелѣла неподалеку отъ Головинскаго дома выстроить новый, тоже деревянный, Аннигофъ, который стараними тогоже де-Растрелли былъ изготавленъ къ лѣту 1731 года, когда государыня и переселилась въ него на житье и оставалась тамъ и живомъ до своего отъѣзда въ Петербургъ 7 января 1732 г. Послѣ того въ Москвѣ она уже не была. Однако ея заботы объ устройствѣ этого дворца не прекращались почти до конца ея царствованія. Особое вниманіе съ ея стороны было обращено на устройство здѣшнихъ садовъ. Еще въ годъ ея прѣзда въ Москву, 16 мая 1730 г., состоявшій при садахъ главный Петровскій садовникъ Брантгофъ подалъ длинный реестръ растеній, какія слѣдовало имнѣвать для болѣ роскошнаго устройства Головинскаго сада (см. выше, стр. 322). Но видно услуги Брантгофта оказывались уже недостаточными и въ томъ же году 4 августа Головинскій садъ снова былъ отданъ въ главное заведѣваніе доктора Биды или Бидлоу съ слѣдующимъ указомъ: „Повелѣно вамъ, чтобъ вы Головинской садъ нѣтъ въ своенъ смотрѣніи и что надлежитъ во ономъ починить и прибавить къ лучшему украшенію онаго саду приложить вамъ трудъ свой. Также въ селѣ Измайловѣ противъ дворца нашего къ рощѣ сдѣлать садъ новой и для того учинить вамъ планы, какъ оному саду быть заблагоразсудите.... и въ строеніи того саду нѣтъ вамъ свое стараніе, чтобъ какъ можно скорой оной сдѣлать быть могъ“. Брантгофъ остался на своенъ иѣстѣ, но

къ нему причисленъ въ товарищи или въ помощники новый садовый мастеръ, французенинъ Денисъ Брокетъ, обрѣтавшійся съ 1710 года у садовой работы въ петербургскихъ садахъ, въ Катерингофѣ и въ Стрѣльниѣ Мызѣ, и съ первыхъ чиселъ мая 1731 года поступившій на ту же работу въ Москву для болѣе широкаго устройства этого Головинскаго сада, который теперь сталъ называться уже Аннингофскимъ. Брантгофтъ получалъ жалованья 540 р., а Брокетъ 370 р. Въ прибавокъ къ старому Головинскому новый Аннингофскій садъ былъ раскинутъ выше, по горѣ, вблизи новаго дворца Аннингофа. Въ немъ также стали копать пруды и каналы. Марта 3 въ 1732 г. Денисъ Брокетъ доносилъ, что требуется въ Аннингофѣ, въ новый садъ, для саженья деревьевъ: ялму, вязу, клену, липы 400 деревъ, и что такія деревья взять можно изъ отписнаго сада кн. Алексѣя Долгорукаго, который близъ Краснаго пруда и находится тоже подъ свѣдѣніемъ доктора Бидлоу. Въ сентябрѣ онъ подалъ роспись цвѣтовъ, надобныхъ для посадки, см. выше, стр. 329. Въ томъ же году выписывались сюда же изъ Персіи разныя деревья, см. выше, стр. 327. Между тѣмъ фонтанный мастеръ Поль Свалемъ занимался устройствомъ водяной садовой статьи, обдѣлывалъ каналы, бассейны и фонтаны, для чего было положено чугунныхъ трубъ 600 въ два фута въ діаметрѣ и 1500 въ 12 дюймовъ въ діаметрѣ.

Въ 1733 г. садъ находился уже въ достаточномъ устройствѣ, и былъ описанъ для казеннаго свѣдѣнія, см. выше, стр. 325. За этотъ же годъ имѣемъ свѣдѣніе и о томъ, какими растеніями засѣвался и его огородъ, см. стр. 329.

Однако въ Петербургѣ, по видимому, очень заботились, чтобы новозастроенный садъ въ полной мѣрѣ соответствовалъ императорскому жилищу и новымъ потребностямъ Двора. Известно, какъ нѣмцы любили садоводство, а они тогда всѣмъ

управляли, и въ своихъ распоряженіяхъ не забывали и Москвы. Въ 1735 г. апрѣля 14 Левенвольде извѣщалъ тогдашняго начальника Москвы графа Салтыкова, что „Ея Императорское Величество имяннымъ указомъ дозволила указать Аннингофской Домъ и Огородъ по посланной отсель (изъ Слб.) одобренной модели отдѣлывать и на то строеніе выдать изъ соляной суммы 30000 р.“. Былъ присланъ за-архитекта Гезель Фредотъ Шанинъ, которому по чертежу и модели поручено было разбить мѣсто для этого новаго большого сада. Чертежъ оказался такъ обширенъ, что приходилось отрѣзать въ его линію изъ солдатской Лефортовской Слободы многое число обывательскихъ дворовъ, даже до церкви (Петра и Павла) и далѣе. Въ помощь тутошнимъ садовникамъ взято было нѣсколько садовыхъ учениковъ изъ села Горенокъ, гдѣ, какъ объяснялось по этому случаю, сады были заведены пространно, съ заморскими деревьями и оранжереями.

Зимомъ; въ декабрѣ того же года, данъ былъ указъ собрать 5000 сажень навозу съ Новонѣмецкой слободы и съ другихъ ближнихъ къ Аннингофскому саду слободъ со всѣхъ обывательскихъ дворовъ, по препорціи, съ каждаго, сколько возможно и съ тѣмъ, чтобы обыватели возили его на своихъ лошадахъ. Навозъ собранъ былъ со всего близлежащаго полузья, отъ Преображенскаго до Кожевниковъ, въ которомъ тогда находилось 7877 дворовъ, а въ нихъ 15.587 покоевъ.

Тогда же послѣдовалъ другой указъ, забрать для постройки сада изъ дворцовыхъ рощъ селъ Измайлова и Коломенскаго елилку густаго 6000 деревъ, липнягу толщиной въ рублевникъ 5000, липнягужъ толщиной въ полтинникъ 30.000.

По плану въ саду слѣдовало устроить между прочимъ *кашканы* въ 10 саж. отъ хоромъ; *крешпадемію* водой, чтобы изъ канала въ каналъ можно было судномъ ѣздить, для чего сдѣлать подземный мостъ; также косыя дороги, по которымъ

можнобъ было ѣздить коретами, наконецъ особый садъ *саем-домъ* или лабиринтъ.

На другой годъ, 17 марта 1736 г., императрица повелѣла перенести на Головинское мѣсто и свой первый кремлевскій Аннингофъ, который по выстройкѣ названъ былъ *зимнимъ*, а головинскій прожній—*льетнимъ*.

Всѣ постройки, какъ и планированіе сада, производились по инструкціямъ оберъ-архитектора графа де Растрелли. Однако въ отношеніи зданій капитальнаго ничего не было сдѣлано, по той причинѣ, что императрица постоянно жила въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, слѣдовательно, не было нужды строить болѣе помѣстительные и роскошные дворцы.

Всего въ это царствованіе на строеніе Аннингофскаго дома и сада въ разное время отпущено слишкомъ 130 тысячъ и на починку большаго Слободскаго (Лефортовскаго) Дома около 89 тысячъ.

При возшествіи на престолъ императрицы Елисаветы, когда къ коронаціи въ Москву долженъ былъ пріѣхать весь Дворъ,—оказалось что во дворцахъ по ихъ неустройству жить было нельзя, почему и воспослѣдовалъ слѣдующій указъ, данный 1741 г. декабря 10 на имя графа Салтыкова: „Указъ нашему генералу графу Салтыкову. По полученіи сего, дворцы наши въ Москвѣ, Кремлевскій домъ, которой перенесенъ въ Аннингофъ и Лефортовской каменной домъ, ниѣте вы привести въ совершенное состояніе, какъ можнобъ было намъ по прибытіи нашемъ въ Москву жить; для чего отправленъ отъ насъ архитекторъ нашъ Земцовъ, который будетъ надъ работами въ починкѣ смотреть и чего будетъ требовать, припасовъ и людей мастеровыхъ, то вы ниѣте ему дать по его требованію. А о внутреннихъ уборахъ въ тѣ дома, кои есть на лицо въ Москвѣ, въ казенной, обоевъ, зеркалъ, картинъ, кроватей, столовъ, стульевъ и протчаго, что чего есть и ка-

кого качества и какихъ мѣръ, о томъ имѣете прислать немедленно извѣстіе. *А хороми Аннингофскія не почитывайте.* Елисаветъ. *P. S.* Такожъ велите осмотрить домъ покойнаго Василья Салтыкова, на Яузѣ, близъ Аннингофа, въ какомъ оной состояніи и планъ оному всему строенію пришли къ намъ. — По осмотрѣ сихъ дворцовъ „починокъ и недоуѣлокъ нашлось премного число“ какъ внутри, такъ и снаружи. Кроме того въ нѣкоторыхъ частяхъ потребовались даже измѣненія, напр. во дворцѣ, перенесенномъ въ Аннингофъ изъ Кремля, найдено было архитекторомъ, что „крыльца старыя при тѣхъ хоромахъ весьма не коммодны и тѣсны, и входы съ боковъ, а не прямо фронта дверей, а сдѣланы тогдашнимъ временемъ въ Кремлѣ за недовольствомъ мѣста и проѣзду улицы, а нынѣ для пространнаго плаца и коммоднаго входа нужно передѣлать пространіе и театральіе въ площадкахъ и ступеняхъ“. Тотчасъ же начались работы, которыя продолжались даже по ночамъ и окончены были въ два съ половиною мѣсяца, т. е. къ концу февраля, къ 28 числу, когда прибыла въ Москву императрица и весь Дворъ. Съ этого времени названіе Аннингофа было забыто и дворецъ по прежнему сталъ называться Головинскимъ, что подкрѣплено даже особымъ указомъ отъ 29 февраля 1744 года.

Въ царствованіе императрицы Елисаветы частые ея пріѣзды и долгое пребываніе въ Москвѣ со всѣмъ Дворомъ, весьма много способствовали къ лучшему устройству Головинскаго дворца и сада. Бѣдная низменная мѣстность не весьма прерачной Яузы при постоянныхъ долгихъ усиліяхъ искусства получила очаровательнѣйшій видъ и Головинскій садъ вмѣстѣ съ дворцомъ сдѣлался однимъ изъ лучшихъ украшеній тогдашней Москвы. Въ это время прежнее устройство сада было обновлено во всѣхъ частяхъ съ болѣею живописью и роскошью.

Въ старомъ Головинскомъ саду, который прилегалъ къ самой Яузѣ, оставались прежніе девять прудовъ: пять *малыхъ прудковъ*, *большой прудъ съ двумя островками* и фонтанами, *овальный прудъ съ каскадомъ*, *крестовый прудъ*, тоже съ фонтанами, огороженный *мариліею* или перилами изъ рѣзныхъ баласъ, *узкій камалъ* и *осмыранный камалъ*, около *осмыранныаго* большаго острова, на которомъ еще при Петрѣ Великомъ стояла большая бесѣдка, обтянутая проволокою для птицъ. На ней въ 1744 г., взаи́мъ прежней тесовой кровли, поставленъ куполъ, а на верху прежняя же деревянная золоченая статуя съ крыльями. Всѣхъ каналовъ въ этомъ саду было 1680 сажень. Въ новомъ Аннингофскомъ верхнемъ саду находился *верхній камалъ*, выкопанный передъ Аннингофскимъ дворцомъ и облежавшій его съ трехъ сторонъ; а нѣсколько ниже — *четырегранный прудъ*. Берега каналовъ и прудовъ были укрѣплены бревенчатыми обрубами на связяхъ; берега же овальнаго пруда выложены камнемъ. Изъ верхняго канала въ овальный прудъ устроенъ былъ шлюзъ, то есть проведена труба, которая доставляла воду для игранія фонтановъ. Садъ былъ насаженъ, какъ уже видѣли, самыми разнообразными деревьями: березами, липами, вязами, кленами, соснами, елками и различнымъ кустарникомъ. Вдоль каналовъ и прудовъ тянулись *першиективы*, *аллеи*; по сторонамъ и у прудовъ были насажены *боскеты*. Въ одномъ мѣстѣ разсаженъ былъ даже *лабиринтъ* или *заемокъ*. Кромѣ того по удобнымъ мѣстамъ находились цѣлыя рощицы изъ яблонь, грушъ и вишенъ. Изъ плодовыхъ же кустарниковъ насажены были и *шпалеры*. Недалеко отъ дворца начиналась *крытая дорожа*, украшенная живописью итальянскимъ мастеромъ Валеріани. Цвѣтники или партиры были обсажены брусничникомъ и *буксбаумомъ*. На видныхъ мѣстахъ красовались каменные статуи, золоченые купидоны и

сфинксы, а другія бѣлыя Венусъ, Самсонъ и пр. Большіе цвѣточные горшки были также золоченые. Ранжерей были наполнены разными рѣдкими деревьями и цвѣтами. Садовникъ Брантгофтъ, для поддержки и улучшенія здѣшняго садоводства получавшій съ 1724 по 1735 года на покупку деревъ и семянъ по 60 рублей въ годъ, съ сороковыхъ годовъ довольствовался уже своими семянами. Изъ ранжерей и изъ саду фрукты не только отсылались ко Двору, даже въ Петербургъ, но за излишествомъ и продавались, напр. ананасы, персики, виноградъ, бѣлый и красный, заморскія груши *пуробланш*, баргамоты, апельсины, цитроны, помаранцы, лавровый листъ и пр.; также огородныя овощи, огурцы, рѣпка, рѣпа, разные салаты, коренья и травы и *россійскія* ягоды, смородина малина и т. п.*) Вообще садъ былъ въ такомъ состояніи, что доставлялъ самую пріятнѣйшую прогулку для Двора и всѣхъ знатныхъ персонъ, которымъ однимъ и былъ туда свободный доступъ. По каналамъ и прудамъ посѣтители могли кататься въ *баржахъ*, *верейкахъ*, и другихъ садовыхъ гребныхъ судахъ, расписанныхъ красками и по мѣстамъ золоченыхъ. Весь садъ огороженъ былъ прекрасною высокою рѣшеткою; среди которой при въѣздѣ стояли триумфальныя ворота, построенныя въ 1742 году для торжественнаго въѣзда императрицы Елисаветы и черезъ годъ, по случаю новаго пріѣзда въ Москву, возобновленныя, для чего изъ Петербурга были присла-

*) Въ 1756 г. въ августѣ въ столу Ея Величества доставлено персиковъ 25, винограду бѣлаго 5 кистей, ананасъ 1; въ сентябрѣ персиковъ 25, грушъ заморскихъ пуробланш 20, винограду бѣлаго и краснаго 7 кистей. Въ 1765 г. сентябри 12 Вецкій изъ Сиб., далъ Гофъ Интендантской Конторѣ слѣдующее *предложеніе*: «Ея Императорскому Величеству прислѣвши въ Головинскомъ саду слявы нѣмецкія желтыя угодыи явились, того ради, какъ оныя, такъ, въ силу посланнаго отъ меня предъ симъ предложенія, баргамотовыя деревья какъ навѣроятно стараться разниконить».

ны живописцы, итальянец Тарсія и съ нимъ русскіе: Алексѣй Поспѣловъ съ ученикомъ Романомъ Никитинымъ и Федоръ Алмазниковъ съ сыномъ.

Но несмотря на изящное по тому времени устройство сада, въ немъ было одно и для гуляющихъ очень важное неудобство, которое впрочемъ условливалось самымъ характеромъ мѣстности, болѣею частію низменной и сырой. Въ прудахъ и каналахъ, а также и въ Яузѣ было великое множество лягушекъ, которыя развелись здѣсь можетъ быть и потому, что пруды и каналы не были чищены надлежащимъ образомъ со времени Петра Великаго и до 1751 года. Графъ Растопчинъ въ своихъ запискахъ упоминаетъ, что императрица Елисавета очень любила лягушечье кваканье и населяла лягушками пруды своихъ резиденцій. Есть также извѣстіе, что еще въ 1732 и 1733 годахъ лягушки сюда навезены были изъ разныхъ мѣстъ по особому повелѣнію.

Объ этомъ рассказываетъ одинъ сатирическій еженедѣльникъ, Всякая Всячина на 1769 годъ, описавшій выдуманный разговоръ здѣшнихъ лягушекъ въ обличеніе глупаго чванства знатныхъ особъ своего времени, помышлявшихъ болѣе всего о себѣ, а не объ общей пользѣ. Притча, вѣроятно, заключала въ себѣ много соли для тогдашнихъ придворныхъ отношеній, такъ какъ изданіемъ этого журнальца занималась сама императрица, Екатерина II.

„Любимая мысль моя, говоритъ авторъ, бываетъ та, будтобы всякое животное другъ друга разумѣетъ. Мнѣ кажется они разговариваютъ между собою и сообщаютъ одно другому свое мнѣніе или мысли. Статся можетъ, что воображеніе ихъ не столь обширно, какъ наше. Они имѣютъ мнѣе нашего нужды, мнѣе нашего можетъ быть словъ и выраженій имѣютъ; однако я очень люблю думать о семъ. Однажды весною я занятъ былъ сими мыслями. Живя на Москвѣ, побѣгалъ я

въ Головинской садъ, и сошелъ внизъ къ Яузѣ, дабы углубиться въ вышесказанныхъ мнѣ пріятныхъ мысляхъ. Какъ я, идучи, сравнился противъ перилъ, кои около каменной отдыжки, изъ которой бьютъ фонтаны, — то увидѣлъ я человѣка не менѣе меня въ мысляхъ. Онъ облакотася на перила, почти перевисъ черезъ оныя, и мнѣ казалось, будто онъ что то слушаетъ“. Авторъ встрѣтилъ точно такого же испытателя природы, который усердно подслушивалъ лягушечьи разговоры и очень сожалѣлъ, что ему помѣшала. Онъ объяснялъ: „Давно я упражняюся въ мысляхъ тѣхъ, въ коиъ вы меня сегодня застали. Я всегда во звѣряхъ и животныхъ почиталъ быть болѣе чувства и смысла, нежели обыкновенно въ нихъ ищутъ: и для того я отиѣнно старался испытывать тѣхъ, кои болѣе другихъ употребляютъ свой голосъ, какъ то гуси и лягушки. Я весьма обрадовался когда повелѣніе воспослѣдовало въ 1732 и 1733 годѣ навезти изъ разныхъ сторонъ лягушекъ въ сей садъ. Съ того времени я часто очень сюда хожу; и отъ моего прилежанія сдѣлалось, что я нынѣ зачалъ хотя со трудомъ разумѣть ихъ разговоры.“ Затѣмъ разсказывается притча о большой надутой лягушкѣ, не хотѣвшей квакать за урядъ со всѣми другими.

Для насъ въ этомъ разсказѣ любопытна замѣтка, о которой мы уже говорили. Если годы не перемѣнены намѣренно, вѣсто сороковыхъ, на тридцатые, то любительницею лягушечьяго кваканья, по замѣткѣ гр. Растопчина, оказывается не Елисавета, а императрица Анна Ивановна, которая впрочемъ, уѣхавъ изъ Москвы, именно въ 1732 г., ни разу потомъ не бывала въ древней столицѣ и въ своей Яузской резиденціи. Между тѣмъ официально извѣстно, что въ 1744 году еще въ февралѣ, 8 числа, воспослѣдовалъ Высочайшій изустный указъ императрицы Елисаветы, „чтобъ какъ станеть вода вскрываться, какъ въ старомъ Головинскомъ салу

въ прудахъ и каналахъ, такъ и въ новомъ саду въ каналахъ, лягушекъ неводами ловить и прочь ихъ отвозить, куда надлежитъ далѣе, чтобъ ихъ въ тѣхъ каналахъ и прудахъ не было". Апрѣля 10 сдѣлана была объ этомъ публикація и съ торговъ купецъ Семеновъ объявлялъ послѣднюю цѣну 480 рублей, съ обязательствомъ выловить всѣхъ лягушекъ въ Головинскомъ саду во всѣхъ прудахъ и каналахъ и при Лефортовскомъ домѣ въ прудахъ же и каналахъ и по Яузѣ по близости онаго саду по берегамъ, гдѣ имѣются болотныя мѣста, своими неводами и своими работными людьми, на своихъ лешадахъ и въ своихъ кадкахъ. Цѣна однако была очень высока и потому по представленію садовника Брантгофта начальство рѣшило вылавливать лягушекъ собственными средствами и для того содержать при садахъ четырехъ рабочихъ, съ двумя неводами, двумя бродниками и двумя кадками. Впрочемъ, кромѣ лягушекъ, воды дворцовыхъ садовъ при весеннихъ потокахъ и разливахъ Яузы много засаривались отъ окрестныхъ мѣстъ, такъ что настоятельно требовалась общая очистка и прудовъ и каналовъ, которая и произведена въ 1751 году. Съ того же времени являются постоянныя наблюденія за чистотою дворцовыхъ водъ и потому въ 1764 году строго было подтверждено чтобъ „всѣ способы употреблять дабы къ Головинскому дому и саду ближнія нечистоты какъ воздухомъ, такъ и водою быть не могли".

Первоначально Головинскій садъ былъ совсѣмъ закрытъ для городской публики. Гофъ Интендантской конторѣ, которая завѣдывала имъ, приказано было „*смотреть накрѣпко*, чтобъ никого, кромѣ знатныхъ персонъ, въ садъ не пущать" (1742 г.). Запрещеніе это исполнялось самымъ строгимъ образомъ, такъ что садовникъ Брантгофтъ принужденъ былъ въ 1746 году жаловаться высшему начальству. Онъ писалъ, что Гофъ Интендантская контора, поступая въ отношеніи къ саду

во всѣхъ частяхъ *ослабительно*, „только имѣеть одно запрещеніе, чтобъ въ Головинскій садъ для покупки всякой зелени и фруктовъ чрезъ Лефортовскій дворецъ и по мостамъ, которые имѣются чрезъ рѣку Яузу, какъ конные такъ и пѣшіе никто не ѣздить и не ходили и пропускать не велятъ; а во оный Головинскій садъ для покупки всякихъ фруктовъ и протчаго имѣють ѣздить генералитеты, штапы, оберъ и ундеръ офицеры и протчіе знатные особы и отъ нихъ посланные люди завсегда“... Контора отъ 18 іюня 1747 г. объяснила, что „чрезъ Яузу рѣку изъ Нѣмецкой слободы къ Головинскому дому построень мостъ для Высочайшаго Ея Императорскаго Величества въ Москвѣ присутствія, для ѣзды ко дворцу, которыми нынѣ въ воскресные и въ праздничные дни ѣздили разныхъ чиновъ людей многое число для гулянья въ Головинской садъ колясками, цуками и парами, и тою ѣздою разбиваютъ мостъ и чинитца тому мосту немалое поврежденіе; къ томужъ по саду ходять многояудно съ лакеями; и для того ѣздить запрещено, кромѣ знатныхъ персонъ, чего ради и надолбы поставлены; такожъ и чрезъ Лефортовской домъ и по мосту, который противъ онаго дому, для проѣзду въ Головинской садъ постороннихъ людямъ, которые поѣдутъ только для гулянья въ садъ, а не для покупки фруктовъ, на роспускахъ, и подмой народъ, крестьянства и бурлаковъ, какъ мужеска такъ женска половъ пропускать запрещаеможъ, для того, что отъ него Брантова въ прошлыхъ 743 декабря 31 и 744 годехъ февраля 24 чиселъ, доношеніями представлено было, которыми объявлялъ, что усмотрѣно де имъ, что чрезъ тотъ садъ отъ триумфальныхъ воротъ ѣздить на лошадахъ между яблонь и протчого дерева разныхъ чиновъ люди и прокладываютъ дороги; которыми (доношеніями) просилъ, чтобъ проѣзжающимъ разныхъ чиновъ людямъ ѣздить запретить, чтобъ саженымъ деревьямъ поврежденіе не учинилось. Да онъ же

Брантовъ и словесно неоднократно о запрещеніи предъавлялъ, чтобъ подлаго народу и другихъ незнатныхъ людей безъ дѣла пущать не повелѣно было. А проѣзжающимъ для покупки зелени и фруктовъ ѣздить запрещенія не имѣлось. А по которымъ мѣстамъ ѣздить и ходить запрещено, то и кромѣ тѣхъ мѣстъ имѣются чрезъ Язу рѣку вольные мосты, вблизиности подлѣ того саду къ Гофъ Шпитали разстояніемъ въ 50 или 60 сажениахъ, и по другую сторону изъ Нѣмецкой Слободы, который называется Салтыковской; и по тѣмъ мостамъ ѣздить всякихъ чиновъ людямъ не запрещено.“

Изъ этой переписки вообще видно, что кромѣ знатныхъ персонъ садъ нерѣдко посѣщали и средовичи: растворялись кошельки, растворялись и ворота, тѣмъ болѣе, что въ самомъ саду производилась торговля фруктами и цвѣтами. Въ 1751 году Гофъ-Интендантская контора донесла: „Въ Головинскій садъ, а особливо въ лѣтнее время, ѣздя, гуляютъ разныя персоны и при нихъ бывають люди ихъ и между тѣмъ входятъ подлые многіе люди, отъ чѣго деревьямъ и цвѣтамъ не безъ поврежденія бываетъ, а особливо и кражи являються. „Однако въ томъ же году іюля 22 послѣдовало Высочайше повелѣніе: „въ Головинской садъ во время Высочайшаго Ея И. В. отсутствія для смотрѣнія допускать шляхетство и дворянство, тожъ изъ приказныхъ и изъ купечества, не подлыхъ, со объявленіемъ, дабы они въ томъ Ея И. В. саду ничего не ломали и не рвали, такожъ и трактированія не имѣли.... а во время Высочайшаго Ея И. В. въ Москвѣ присутствія безъ билетовъ изъ Придворной Конторы, кромѣ мастеровыхъ и работныхъ людей для работъ въ тѣхъ садахъ,—никого не пропускать.“ Надо замѣтить, что мастеровые и рабочіе сада ходили въ особыхъ мундирахъ по Высочайше утвержденному покрю.

При Императрицѣ Елисаветѣ къ числу дворцовыхъ зданій въ Головинской мѣстности на Яузѣ присоединился построен-

ный въ 1742 г. на случай коронаціи для увеселенія Двора
Оперный Домъ.

Для Москвы это былъ первый театръ, въ которомъ ея высшее общество ознакомилось съ театральнымъ искусствомъ, какого прежде невидывало, или по крайней мѣрѣ не имѣло о немъ надлежащаго понятія. Оперный домъ былъ устроенъ истинно по европейски и главное по французски и въ постановкѣ пьесъ не многимъ уступалъ даже инымъ заграничнымъ придворнымъ театрамъ.

Театральное искусство или собственно театральныя увеселенія въ Москвѣ, какъ извѣстно, гражданствовали еще со времени Петра Великаго, который употреблялъ не мало стараній, дабы водворить въ древней столицѣ и эту необходимую статью народнаго полированія. Въ 1701 г. онъ послалъ за границу нарочнаго, изъ комедіантовъ, Ягана Словскаго, поручивъ ему собрать тамъ для Москвы театральную труппу. Былъ нанятъ Яганъ Кунштъ, нѣмецъ изъ Данцига, который по условію обязался за 5000 ефимковъ въ годъ угодить царскому величеству всѣми вымыслами, и потѣхами, и набралъ актеровъ—нѣмцевъ по всему вѣроятію изъ страстующей театральной дружины. Въ 1702 г. эта труппа состоявшая изъ девяти человекъ была уже въ Москвѣ. Комедіальная деревянная хранина длиною 20, въ ширину 15, а въ вышину 7 саж. была построена на Красной Площади близъ Николаевскихъ воротъ, а въ ней театрумъ, и хоры, и лавки..., а покамѣстъ хранина строилась для представленій въ теченіе зимы устроенъ былъ временной комедійной театрумъ съ хорами въ Нѣмецкой слободѣ въ домѣ Лефорта, въ большой Палатѣ. Въ это самое время Петръ праздновалъ *первую* побѣду надъ Шведами, которыхъ тогда побилъ Шереметевъ подъ Ерестферомъ. Въ комедіальной новой хранинѣ, которая для театра быть можетъ еще не совсемъ была готова, онъ давалъ банкеты и цировалъ до глу-

бокой ночи, увеселяясь при этомъ фейерверками и разными потѣшными огнями. Когда театръ былъ совсѣмъ готовъ и начались представленія по два раза въ недѣлю, по понедѣльникамъ и четвергамъ, то по Москвѣ обнародованъ былъ указъ, что „въ тѣ назначенные дни городовыя ворота въ Кремль, въ Китаѣ и въ Бѣломъ городѣ, въ ночное время до девятаго часа будутъ не заперты, и съ пробѣжнихъ всякаго чина людей, съ русскихъ и иноземцевъ, пробѣжая указная пошлина брана не будетъ, чтобы смотрящіе того дѣйствія ѣздили въ комедію охотно“.

По отзыву одного современника (Бассевича), это былъ прекрасный и просторный театръ со всеми удобствами для зрителей. Но труппа, по его же замѣчанію, вовсе не стояла такого зданія и всѣхъ хлопотъ, какія были употреблены для устройства этого дѣла. Тогда и въ самой Германіи театръ стоялъ еще на низменности средневѣковыхъ вкусовъ и порядковъ и потому не могъ, конечно, выслать къ намъ, для нашего обученія, ничего достойнаго. Вскорѣ обнаружилось, что труппа отличалась всеми качествами разгульныхъ бродячихъ дружинъ.

Антрепренеръ перессорился съ своими актерами и жаловался, что они ведутъ разгульную жизнь, кутятъ и его не слушаютъ. Актеры жаловались на него, что роскоши имѣеть многія, значить тоже кутить, безчестить ихъ напрасно бранными словами и дѣла имъ никакого не даетъ. Однако по мысли Петра къ осени того же 1702 г. рѣшено было отлать въ театральную науку тому же Куншту русскихъ людей, набранныхъ по большей части изъ молодыхъ подьячихъ.

Надо замѣтить, что въ то самое время, какъ нѣмцы дѣйствовали еще въ Лефортовскомъ домѣ, русскіе, по сказанію Брунна, сдѣлали попытку, въ подражаніе имъ, сами сыграть нѣсколько небольшихъ представленій, которыя впрочемъ ока-

зались довольно плохи, какъ и слѣдовало ожидать по первому началу. Но это показывало, что театръ царя Алексѣя Мих., заведенный въ Москвѣ въ самый годъ рожденія Петра, въ 1672 г., оставилъ по себѣ слѣдъ, сохранивъ, покрайней мѣрѣ посреди школьной и посадской молодежи охоту къ увеселеніямъ подобнаго рода. Выбрано было въ новую театральную школу 17 человекъ. Кунштъ обязался „учить ихъ всякимъ комедіямъ съ добрымъ радѣніемъ и со всякимъ откровеніемъ“. Ученики ходили къ нему учиться всякій день на-домъ, въ Нѣмецкую слободу, получая скудное содержаніе, и потому очень бѣдствовали. Въ 1703 г. Кунштъ померъ и на его мѣсто поступилъ другой нѣмецъ, Фюрштъ. Русская труппа, получившая въ комедіальной наукѣ уже достаточныя познанія, осталась недовольною новымъ директоромъ и просила, чтобы, для смотрѣнія за актерами, выбрать кого либо изъ русскихъ-же учениковъ, а иноземца отставить, указывая, что „которыя комедіи они, комедіанты выучили и тѣ комедіи, за нерадѣніемъ его Фюршта въ комплементяхъ и за незнаніемъ въ рѣчахъ, дѣйствуютъ не въ твердости, для того, что онъ иноземецъ, ихъ русскаго поведенія не знаетъ.“ Но если нѣмцы по незнанію языка плохо устроивали русское комедіальное ученье, за то ихъ нѣмецкая разгульная жизнь была усвоена русскими учениками въ полной мѣрѣ. Русскіе комедіанты, желая, вѣроятно отличить себя новымъ чиномъ, носили безъ указу шпаги, и многіе не въ поясахъ носили, а прямо въ рукахъ, и ходили непрестанно по гостямъ и шли, забирали въ рядахъ товары и денегъ не платили, чинили торговымъ и другимъ людямъ всякіе задоры, придираясь къ безчестию, чтобъ съ кого что взять нахально; инымъ торговымъ людямъ бороды рѣзали и, словомъ сказать, производили въ городѣ великое безчинство, давая, вѣроятно, чувствовать обывателямъ свой новый чинъ. Ихъ велѣно было унять батогами, но исключать изъ труппы не разрѣшалось.

При Фюрштѣ женскія роли исполняли двѣ нѣмки: жена генеральнаго доктора Паггенкампфа, въ русской передѣлкѣ Поганкина, и дѣвица фонъ-Велихъ, получавшія, первая 300 р., а вторая 150 р. въ годъ.

Дальнѣйшая исторія этой труппы намъ неизвѣстна. Но кажется лѣтъ черезъ пять ея уже не было въ Москвѣ. Въ 1709 г. самое зданіе театра находилось въ заустѣніи. За то въ теченіи того же времени устроился домашній театръ въ Преображенскомъ у царевны Наталіи Алексѣевны, куда, вѣроятно, поступали остававшіеся безъ дѣла русскіе актеры, а также въ Измайловѣ у вдовствующей царицы Прасковьи Ѳеодоровны. Кроме того, представленія по праздникамъ особенно на масленицѣ давались учениками въ Славяно-греко-латинской Академіи (гдѣ шли главнымъ образомъ церковнокнижныя мистеріи или же *drame* т. е. разглагольствія въ лицахъ), и въ Госпиталѣ на Яузѣ, гдѣ ученики медицины давали только свѣтскія комедіи.

Изъ пьесъ, которыя въ то время ставились на публичномъ театрѣ нѣмецкимъ директоромъ и на упомянутыхъ домашнихъ театрахъ, нныя принадлежали еще времени царя Алексѣя Михайловича, другія были привезены нѣмцами и переведены по русски. По описи 1709 г. извѣстны комедіи:

- 1) Франталпей Эпирскій и Миранлонъ сынъ его.
- 2) Честный нѣмѣшникъ, въ ней первая персона Ардухъ Фридрихъ фонъ Попплей.
- 3) Донъ Педро и Амарилисъ дочь его.
- 4) Прельщенный любящій.
- 5) Яринць Пикель Гарингъ.
- 6) Крѣпость Грубстонъ, въ ней же первая персона Александръ Македонскій.
- 7) Сдѣланный Африканскій и Софонизба.
- 8) Графиня Геновева.

9) Два завоеванные города, въ ней же первая персона Юлій Кесарь.

10) Постоянный Папийянусъ.

11) Порода Геркулесова, въ ней первая персона Юпитера.

12) Баязеть и Тамерланъ.

13) Докторъ принужденный (Врачь по неволѣ Мольера).

Если къ этимъ свѣтскимъ и нѣмецкимъ пьесамъ, въ числѣ которыхъ не мало было и шутовскихъ, присоединить репертуаръ церковно-книжныхъ мистерій, частью переводныхъ, а частью составленныхъ дома, подъ руководствомъ лексикаловъ Славяно-греко-латинской Академіи, а отчасти и царевны Наталіи Алексѣевны, а потомъ еще особый репертуаръ пьесъ, сочиненныхъ для разныхъ политическихъ цѣлей, именно для внушенія народу истинныхъ или надобныхъ понятій о томъ или другомъ событіи, то театръ Петровскаго времени окажется весьма разнообразнымъ и довольно полно обнимавшимъ разные стороны тогдашняго общественнаго движенія. Въ литературномъ отношеніи онъ вообще представляетъ много любопытнаго и заслуживаетъ особаго изслѣдованія. За то въ сценическомъ отношеніи этотъ театръ едвали превысилъ чѣмъ либо старинный театръ царя Алексѣя. Нѣмецкая труппа, хотя и была нѣмецкою, но и въ это новое преобразовательное время ничего новаго и болѣе искуснаго къ намъ не принесла и ничему новому насъ не научила. Мы остались съ тѣми же вкусами и приѣмами, какіе были впервые занесены къ намъ нѣмцами XVII ст. Яганъ Кунштъ, какъ видѣтся, вовсе не былъ выше по искусству Ягана Годфрида, открывшаго въ Москвѣ комедійныя дѣйства еще въ 1672 г.

Довольно опредѣлительную характеристику театральныхъ представленій Петровскаго времени находимъ у Бассевича, который пишетъ: „Какъ ни велики были успѣхи, сдѣланные Россіей на пути просвѣщенія и нравственнаго развитія въ цар-

ствование Петра В., но они не коснулись еще преобразования театра. Въ Москвѣ, въ то время, существовалъ театръ, но театръ варварскій, какой только можно себя вообразить, и посѣщаемый, поэтому только простымъ народомъ и вообще людьми низкаго званія. Драмѣ обыкновенно раздѣляли на 12 дѣйствій, которыя еще подраздѣлялись на столько же явленій или сценъ, а въ антрактахъ представляли шутовскія интермедіи, въ которыхъ не скупались на пощечины и палочные удары. Такая пьеса могла длиться въ продолженіи цѣлой недѣли, такъ какъ въ день разыгрывали не болѣе третьей или четвертой ея части⁴. Это, безсомнѣнія, говорится о всенародномъ театрѣ, существовавшемъ на Красной площади.

О школьномъ театрѣ въ Госпиталѣ Берхгольцъ повѣствуетъ, что въ первый разъ, 29 декабря 1722 г., онъ туда не попалъ, по тому случаю, что ждали на представленіе самого императора и императрицу и никого стороннихъ не пускали. Черезъ нѣсколько дней, 4 января 1723 г., онъ былъ въ этой „русской комедіи“. „Когда мы пріѣхали въ домъ, гдѣ назначался спектакль, говоритъ онъ, насъ провели въ какую-то конуру, не просторнѣе и не лучше балагана маріонетокъ въ Германіи; тамъ было только нѣсколько дамъ—иностранокъ и весьма немного порядочныхъ кавалеровъ. Комедію представляли молодые люди, которые учатся въ госпиталѣ хирургіи и анатоміи у доктора Бидлоо, и которые, конечно, никогда не видали настоящей комедіи. Они разыгрывали въ лицахъ: „Исторію царя Александра и царя Дарія“, раздѣленную ими на 18 дѣйствій, изъ которыхъ 9 давались въ первый день и 9 на слѣдующій. Послѣ каждаго дѣйствія слѣдовала веселая интермедія. Но всѣ эти интермедіи были изъ рукъ вонъ плохи и всегда оканчивались потасовкой. Комедія, сама по себѣ хоть и серьезная, разыгрывалась также какъ нельзя хуже; однимъ словомъ, все было дурно. Его высочество (герцогъ голяштин-

скій, при которомъ находился Берхгольцъ) далъ молодымъ людямъ 20 рублей, а императоръ, какъ говорили, пожаловалъ имъ напередъ 30⁴.

О придворномъ домашнемъ театрѣ въ Измайловѣ, которымъ управляла сама царица Екатерина Ивановна, дочь царицы Прасковьи Федоровны и потомъ герцогиня Мекленбургская, Берхгольцъ рассказываетъ, что тамошній театръ устроенъ былъ весьма недурно, только костюмы не совсѣмъ были хороши, и пьеса въ первый разъ была длинна и изъ плохихъ, а въ другой разъ, при повтореніи, когда ее сократили, она показалась нѣсколько лучше. Занавѣсъ безпрерывно опускался и зрители оставались въ совершенныхъ потемкахъ, такъ что это сердце нѣмцевъ и одинъ изъ нихъ по этому случаю замѣтилъ: „какая же это, чортъ, комедія“! Нѣмцы въ это время сопровождали герцога Голштинскаго, который былъ дорогимъ гостемъ на этомъ представленіи. Царица Екатерина Ивановна такъ была рада его посѣщенію, что не знала какъ ласковѣе принять его. Впрочемъ, прежде, чѣмъ войти въ залу представленія, она много извинялась за свой театръ и вообще говорила, что это не болѣе, какъ дѣтская игрушка, недостойная вниманія такого гостя. Шутя съ герцогомъ, она между прочимъ рассказала ему, что „актеръ, исполнявшій роль короля, вчера получилъ около 200 ударовъ батогами за то, что съ однимъ изъ своихъ товарищей вздумалъ безбожно разносить по городу афишки ея комедіи и собиралъ за нихъ какъ бы милостыню, что это было ей очень непріятно и она, наказавши обоихъ, товарища его совсѣмъ отставила отъ сцены. Берхгольцу дѣйствительно предъ тѣмъ возвращали какія то 30 или сколько-то копѣекъ, выпрошенныхъ комедіантами у графа Бонде, когда онъ садился въ карету. Но онъ не согласился ихъ принять. „Между тѣмъ для меня было странно, говоритъ Берхгольцъ, что человекъ, наказанный вчера бато-

гами, нынче опять играетъ съ княжнами и благородными дѣвцами: въ комедіи роль королевскаго генерала исполняла настоящая княжна, а супруга батогированнаго короля — родная дочь маршала вдовствующей царицы; но здѣсь это ни почему и считается дѣломъ весьма обыкновеннымъ.“ Въ этомъ мелочномъ обстоятельстве обнаруживался смыслъ всей Русской Исторіи и ея полное различіе отъ исторіи западной; здѣсь вообще являлась полная деревенщина, вовсе не понимавшая еще феодальныхъ законовъ и порядковъ обхожденія и общежитія. Въ залѣ спектакля, свидѣтельствуетъ Берхгольцъ, они нашли большое общество русскихъ дамъ и кавалеровъ. Царевна Екатерина, хотя и сидѣла во время спектакля рядомъ съ герцогомъ, но очень часто уходила за кулисы, потому что безъ ея управленія пьеса часто останавливалась. Другая царевна Прасковья также очень заботилась о гостяхъ и въ первое представленіе сама усаживала ихъ, чтобъ можно было лучше видѣть спектакль. Возвращаясь въ то время домой, нѣмцы, въ троестъ, должны были, за тѣснотою помѣщенія, пройти черезъ спальню царевны Прасковьи, гдѣ и встрѣтили ее въ кофтѣ и съ распущенными волосами. Однако она не сконфузилась, встала, какъ была, и протянула имъ свои руки для обычнаго цѣлованья. Берхгольцъ сверхъ того прибавляетъ, что на первомъ представленіи у него вытащили изъ камзола табакерку, а при повтореніи у двухъ его спутниковъ вытащили изъ кармановъ по шелковому носовому платку.

По всему вѣроятію на домашнемъ Преображенскомъ театрѣ царевны Наталіи Алекс., любимой сестры Петра, бывало больше порядка и устройство представленій отличалось большею заботливостію, ибо царевна такъ любила театръ, что сама сочиняла трагедіи и комедіи, заимствуя сюжеты изъ библейской исторіи, изъ житій святыхъ или изъ обыкновен-

ныхъ житейскихъ приключеній. Въ Петербургѣ труппа ея состояла изъ 10 актеровъ и актрисъ, русскихъ, не выдавшихъ ничего, кромѣ того, что видѣли на Руси, и потому работавшихъ, какъ наставлялъ свой умъ-разумъ. По всему вѣроятію здѣсь подражали во всемъ образцамъ прежней нѣмецкой труппы Куншта, а изъ актеровъ нныя могли быть даже его учениками.

Современники Петра свидѣтельствуютъ, что онъ не особенно былъ расположенъ къ театральнымъ зрѣлищамъ и почиталъ ихъ, какъ и охоту на птицу и звѣря, развлеченіемъ, которое доставляетъ вообще мало удовольствія. Между тѣмъ извѣстно, что всѣ свои домашнія увеселенія и даже политическія публичныя празднества, онъ всегда облакалъ въ *дѣйства*, походившія во многомъ на средневѣковыя мистеріи, т. е. на тѣже драматическія представленія. Таковы дѣйства всепѣннѣйшаго и всешутнѣйшаго собора съ его избраніемъ членовъ, съ его ежегоднымъ славленіемъ; таковы свадьбы шутовъ и самыя триумфальныя въѣзды въ столицу послѣ побѣдъ... Все это напротивъ показываетъ, что въ сущности Петръ былъ большой любитель всякихъ представленій или лучше сказать, по складу своихъ дарованій, былъ истинный художникъ, ибо не только въ увеселительной, но и во всѣхъ другихъ самыхъ важныхъ сферахъ своей дѣятельности повсюду стремился каждую свою мысль воплотить въ живой образъ, въ живое существо. Намъ кажется, что его холодность къ театральному искусству основывалась главнымъ образомъ на младенческомъ состояніи этого искусства, въ какомъ преобразователь засталъ его именно у нѣмцевъ, отъ которыхъ по преимуществу мы собирали всякіе плоды тогдашней цивилизаціи. Въ самой Германіи театръ стоялъ тогда еще, какъ мы замѣтили, на низменности средневѣковыхъ вкусовъ и уличной бродячей комедіи и представлялъ, не замѣча-

нію тѣхъ же современниковъ Петра, „сборище площадныхъ пошлыхъ фарсовъ, гдѣ удачное выраженіе или ловкая сатира погибали безъ слѣда въ безобразной и безтолковой смѣси чудовищныхъ трагедій, романтическихъ невообразимыхъ чувствъ и разглагольствій героя съ шутовскими грубыми и сальными выходками Гаера-наперсника“. А главное дѣло, что все это было очень скучно, глупо, безтолково и несносно для такого ума, какимъ обладалъ Петръ, искавшій во всякой забавѣ какого либо смысла. Однако воспитательное значеніе театра въ народной жизни онъ понималъ очень хорошо и, начавъ брить бороды, заводить школы, онъ въ тотъ же годъ основалъ и театръ; и вдобавокъ, ничего ни дѣлая только для себя, а все дѣлая только для народа, онъ основалъ театръ не крѣпостной придворный, вовсе недоступный толпѣ, какъ поступали въ этомъ отношеніи его отецъ и затѣмъ его преемники, а прямо, съ перваго же начала устроилъ театръ всенародный.

На этой мысли оставались и всѣ послѣдующія его заботы о водвореніи на Руси театральныхъ зрѣлищъ.

Московскій театръ по видимому не совсѣмъ удался, почему-то разстроился, покрайней мѣрѣ послѣ Отто Фиршта нѣтъ о немъ свѣдѣній. Онъ оставилъ только прочный слѣдъ въ Гошпиталѣ, между молодыми медиками и вообще въ увеселеніяхъ школы, а также въ кругу подьячихъ и подобныхъ чиновъ, которые сами собою устроивали зрѣлища. Петру именно одного только и желалось, чтобы театръ былъ русскій. Съ этой цѣлью въ 1720 г. онъ начинаетъ заграничную переписку съ своими агентами, приказывая имъ собрать именно въ Прагѣ новую „компанію комедіантовъ такихъ, которые умѣютъ говорить по славянски или по чешски“. Нашлись нѣмцы, которые брались поставить 12 человекъ, въ томъ числѣ 8 челов. общались дѣйствовать на нѣмецкомъ и на богемскомъ языкѣ, и вся компанія обязывалась въ годъ времени въ богем-

скомъ языкѣ такъ искуситься, что на ономъ въ совершенствѣ дѣйствовать въ комедіяхъ будетъ, а если того не слѣдуетъ, то просила только о свободномъ выѣздѣ въ Гамбургъ. Но компанія за свои дѣйства назначала очень дорогую цѣну, предлагая впрочемъ, что если театръ устроится и сборы съ приходящихъ будутъ достаточны, то „можно сей театръ и съ сборомъ сей компаніи отдать взаимнѣ договореннаго жалованья“. Нѣмцы просили 150 р. въ недѣлю. Петру казалось это зѣло много и онъ указывалъ всячески „трудиться оныхъ комедіантовъ склонить, чтобъ за меньшую плату“. Къ тому же компанія ставила все нѣмцевъ, еще не знавшихъ по чешски, обѣщая прискать лишь 4 чеховъ да и то только для интермедій и ссылаясь на то, что изъ чешскаго народа въ главномъ дѣлѣ, въ самой комедіи, искусныхъ людей нѣтъ. Петръ приказывалъ искать, хотябъ до половины числа людей съ чешскимъ языкомъ. Эта переписка происходила уже въ началѣ 1721 г.; но чѣмъ переговоры окончились, неизвѣстно. Въ іюлѣ того же года нѣкто Яганъ Эренбергъ, бытъ можетъ принципалъ этой самой компаніи, писалъ къ государю, что по его повелѣнію (въ 1720 г.) онъ собралъ компанію комедіантовъ и мастеровъ, которые по веревкѣ танцуютъ, но теперь затрудняется перевезти ихъ въ Россію за неимѣніемъ средствъ и потому просилъ, если государь прежнее намѣреніе не оставилъ, указалъ бы выдать ему въ Гамбургѣ 2000 талеровъ, обѣщаясь къ Покрову (къ 1 окт.) пригнать съ ними въ Петербургъ.

Въ 1723 г. нѣмецкая труппа въ Петербургѣ давала уже представленія. Веберъ, говоря объ этомъ времени, свидѣтельствуеъ, что тогда было положено въ Петербургѣ начало оперѣ и театру.

Но преобразователь все таки не довольствовался тѣмъ, что ему представлялъ этотъ нѣмецкій театръ. Онъ скучалъ и тя-

гетился безконечными драмами, пошлою завязкою, даже шутовствомъ, которое по большой части было тоже глупо и пошло. Ознакомившись съ нѣмецкою комедіей, онъ и сюда хотѣлъ внести нѣкоторыя преобразованія и передѣлки къ лучшему.

Бассевичъ рассказываетъ, что царь „пообѣщалъ однажды награду комедіантамъ, если они сочинятъ пьесу, трогательную, безъ этой любви, всюду вклеиваемой, которая ему уже надоѣла, и еще веселый фарсъ безъ шутовства. Разумѣется они плохо выполнили эту задачу, прибавляетъ авторъ; но чтобъ ихъ поощрить, государь велѣлъ выдать имъ обѣщанную сумму“. О томъ же или о другомъ случаѣ свидѣтельствуется и Берхгольцъ, говоря, что въ январѣ 1724 г. царь приказалъ актерамъ сыграть такую пьесу, которая была бы только изъ трехъ актовъ и притомъ безъ любовной интриги, не очень печальная и не очень серьезная, и вмѣстѣ съ тѣмъ не забавная. За нею должна была слѣдовать комедія Жоржъ Данденъ Мольера.

Изъ этихъ свидѣтельствъ очевидно, что Петръ, не бывши художникомъ—литераторомъ или эстетическимъ критикомъ, требовалъ отъ тогдашней драмы ея очистки отъ средневѣковаго чисто ремесленного мусора, который ничего художественнаго въ себѣ не заключалъ. Словомъ сказать, Петръ потому быть можетъ и не обращалъ особеннаго вниманія на театральныя зрѣлища, что стоялъ и въ этомъ отношеніи далеко впереди тогдашнихъ эстетическихъ и литературныхъ вкусовъ относительно всего комедіальнаго репертуара, въ усовершенствованіи котораго непосредственнаго участія принять не могъ за многими другими безотлагательными дѣлами преобразованія, а главное затѣмъ, что къ литературному дѣлу вовсе не имѣлъ склонности, не имѣлъ для того ни достаточныхъ познаній, ни достаточныхъ талантовъ, и никакихъ особенныхъ побужденій.

Послѣ знаменитой Полтавской баталіи резиденція императора окончательно утвердилась въ Петербургѣ, на устройство котораго употреблены принудительно силы и средства всего государства. Москва осталась какъ бы за штатомъ; ей до времени воспрещено было даже обстраиваться новыми и особенно-паменными домами. Она не превратилась въ пустыню единственно только потому, что крѣпка была не царскими велѣніями, а силою народной жизни, и на-перекоръ всѣмъ повелѣніямъ и всякимъ несчастіямъ разрасталась все шире и полнѣе. Весьма естественно, что, съ отливомъ публичной жизни лучшаго общества въ Петербургъ, московская комедіальная хранина осталась пустою и до временъ императрицы Анны неизвѣстно, давался ли въ ней театральныя зрѣлища.

Пріѣзды Двора къ коронаціи доставляли всегда старинному городу большое и небывалое оживленіе, особливо въ отношеніи всякихъ увеселеній и представленій. Въ это время всегда устраивался и театръ. Въ пріѣздъ Анны въ 1730 г. Комедіантскій Домъ былъ возобновленъ, на что употреблено 5000 р. Польскій король тогда прислалъ прямо къ коронаціи нѣкоторыхъ славившихся за границею актеровъ, которые исполняли на театрѣ итальянскія интермедіи, пьесы шутовскія, до которыхъ императрица была великая охотница. Съ ними были также пѣвицы и музыканты, такъ что интермедіи по всему вѣроятію были оперныя. На устройство театра и на другой годъ было употреблено 1000 р., слѣдовательно представленія продолжались. Въ январѣ 1732 г. Дворъ уѣхалъ въ Петербургъ, но на строеніе Комидіанскаго Дому все таки было отпущено 2000 р., а потомъ въ 1733 году отпущено еще 1091 р. 70 к., причемъ назначалось, вмѣсто сосновыхъ свай, на которыхъ стояло зданіе, подвѣсть подъ него каменный фундаментъ. Такимъ образомъ видимъ, что и по отъѣздѣ Двора въ Петербургъ театръ на Красной Площади дѣйствовалъ. Архивъ

тектурнымъ его устройствомъ занимался плотничій подмастерье Яганъ Индрихъ Эрхъ, вѣроятно по указаніямъ тогдашней архитектурной знаменитости, графа де Растрелли. Судя по тогдашнимъ цѣнамъ и по малому размѣру званія, отпускаемыя суммы были довольно значительны. Но въ томъ же 1733 г. марта 27 послѣдовало повелѣніе: Комидіанскій Домъ больше не строить. Тѣмъ и оканчиваются наши свѣдѣнія по этому предмету. Съ отъѣзда въ Петербургъ въ 1732 импер. Анна уже ни разу не бывала въ Москвѣ. Знаемъ только, что ей очень понравилась итальянская интермедія, почему въ 1735 г. въ Петербургъ была выписана труппа итальянцевъ для игранія комедій, съ которыми въ перемежу, однажды въ недѣлю, представлялись итальянскія интермедіи съ балетомъ, гдѣ фигурантами бывали кадеты сухопутнаго корпуса, обучаемые нѣ танцмейстеромъ Ланде. Между ними, въ балетахъ, нѣе ни въ чемъ не уступали итальянцамъ. Особенно славился Чоголковъ, въ послѣдствіе камергеръ и знатное придворное лице. На другой годъ была выписана большая итальянская опера, которая съ 1737 г. уже постоянно давала свои представленія, но только для Двора. А такъ какъ императрица не знала ни по итальянски, ни по французски, а только по нѣмецки, то Биронъ постарался устроить для нея и нѣмецкую придворную комедію, пригласивъ изъ Лейпцига нѣкоего Пейбера съ труппою.

Тогда началась примѣчательная для насъ борьба, кому овладѣть вліяніемъ на развитіе русскаго вкуса, германскому или романскому племени. Левенвольдъ покровительствовалъ итальянцамъ и тайнымъ образомъ дѣлалъ всякія притѣсненія нѣмцамъ; Биронъ сильно стоялъ за нѣмцевъ. Однако со смертію Анны нѣмецкій театръ рухнулъ; Левенвольдъ немилосердно прогналъ нѣмецкихъ комедіантовъ и приказалъ французскому балетмейстеру Ланде вызвать французскихъ комедіантовъ.

Вліяніе романское съ того времени утвердилось окончательно, что, конечно, было во всѣхъ отношеніяхъ лучше и по послѣдствіямъ значительнѣе и для русскаго образованія и по-лнрованія несравненно плодотворнѣе.

Съ воцареніемъ Елисаветы настала иная пора въ русскомъ развитіи. Русскіе люди вздохнули свободнѣе отъ нѣмецкаго гнета, приободрились и уже добровольно отдались французскому вліянію, потому что въ дѣйствительности со стороны вкуса, гуманности и всего изящнаго въ общежитіи это было единственное въ свѣтѣ вліяніе, которое на западѣ увлекало за собою даже и нашихъ прежнихъ властителей—нѣмцевъ. Съ этого только времени русскій человекъ сталъ приобрѣтати не одно уже европейское образованіе, но и европейскую наружную фигуру. Нашимъ просвѣтителемъ, образователемъ и устроителемъ на этомъ полѣ развитія по всей справедливости мы должны наименовати балетмейстера Ланде, который сначала старательно и съ великимъ успѣхомъ обучалъ танцамъ Сухопутный кадетскій корпусъ, слѣд. все тогдашнее передовое дворянство, затѣмъ всѣхъ придворныхъ, а когда, въ 1738 г., поступилъ въ придворную службу балетмейстеромъ, то не болѣе, какъ въ два или три года, создалъ изъ однихъ русскихъ же такой превосходный балетъ, которому дивились даже и заѣзжіе придворные иностранцы. Изъ числа трехъ замѣчательныхъ его русскихъ ученицъ Аксиньи Сергѣевны, Елизаветы N и Авдотьи Тимофеевны, первая равнялась въ пріятности и знаніи даже первокласной тогдашней танцовщицѣ итальянкѣ Фузаннѣ, къ которой въ обученіе она перешла отъ Ланде. Балетмейстеръ обучалъ танцованію также Петра III и Екатерину II. Вообще при Елисаветѣ искусство танцованія въ русскомъ благородномъ обществѣ доведено было до такого совершенства, что зтотъ Ланде, одинъ изъ первыхъ французскихъ балетмейстеровъ, публично, т. е. на всю Европу говари-

валъ; „кто хочетъ видѣть, какъ правильно, нѣжно и не при-
нужденно *менуеты* танцовать надобно, тотъ долженъ при-
ѣхать къ императорскому Россійскому Двору. Сіе изрѣченіе,
замѣчаетъ Штелинъ, конечно не происходило отъ пристрастія,
ибо всему свѣту извѣстно, что императрица Елисаветъ Пет-
ровна совершеннѣйшая была своего времени танцовщица, по-
дававшая собою всему Двору примѣръ правильнаго и нѣжнаго
танцованія, она также чрезвычайно хорошо танцевала и при-
родные русскіе танцы, которые хотя вообще и не употребля-
ются больше при Дворѣ и въ знатныхъ домахъ, однакоже иног-
да, а особливо во время придворныхъ маскаратовъ ихъ тан-
цуютъ“.

Въ то время танецъ *русскій* почитали даже достойнымъ
соперникомъ иноземныхъ европейскихъ танцевъ. При Дворѣ
онъ получилъ права гражданства при Аннѣ Ивановнѣ, когда во
Дворцѣ его танцевали нарочно для того избираемые гвардей-
скіе унтеръ-офицеры съ своими молодыми женами, между ко-
торыми бывали отличнѣйшія танцовщицы; съ ними иногда тан-
цевали по русски и придворные кавалеры. Современники вос-
хищались *русскимъ* и отзывались объ его достоинствахъ слѣ-
дующимъ образомъ: „Всѣ роды *европейскихъ* танцевъ не мо-
гутъ сравниться съ природнымъ *русскимъ*, когда прекрасная
русская дѣвушка въ русскомъ своемъ платьѣ его танцуетъ; и
смѣло сказать можно, что въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ другаго тан-
ца, который бы въ прелести могъ русскій превзойти *)“.

Распространеніе и усовершенствованіе танцевальнаго ис-
кусства, конечно, требовало и домашнихъ и общественныхъ
веселостей, баловъ и банкетовъ, маскаратовъ, балетовъ, ко-
медій и т. д. Удовлетворяя собственнымъ вкусамъ и потреб-

*) Слб. Вѣстникъ 1779 г., ч. IV., стр. 245.

носиямъ Двора и высшего общества, императрица Елисавета, въ виду коронаціи въ Москвѣ, повелѣла выстроить Оперный Домъ, на постройку котораго тотчасъ было отпущено 10,000 рублей.

Во время коронаціи въ первый разъ въ Оперномъ Домѣ была представлена большая итальянская опера *Титово Милосердіе* съ прологомъ: *Умѣнная и Утѣшенная Россія*. Въ Оперѣ кромѣ итальянцевъ оперистовъ и оперистокъ, нѣмцы роли играли обучавшіеся въ Сухаревой Башнѣ молодые дворяне, а хоры пѣли придворные пѣвчіе съ такимъ согласіемъ и пріятностію, что удивила иностранныхъ министровъ, которые признавались, что лучшихъ ни въ самой Италіи они не слыживали. Декораціи писалъ Джероламо Бониъ.

Послѣ Оперы, Лауде поставилъ балеты съ старыми и новыми своими русскими учениками, дѣвочками и мальчиками, по большей части изъ дѣтей придворныхъ конюшенныхъ служителей. Старые ученики здѣсь имѣли случай вполнѣ обнаружить свое искусство и знаніе и заслужили отъ всего Двора великія похвалы. Новые также танцевали изрядно. Балеты, сочиненные вѣроятно самимъ же балетмейстеромъ, назывались: *Золотое яблоко на пирѣ боговъ и судѣ Парисовѣ; Радость народа о явленіи Астреи на Россійскомъ горизонтѣ и О возстановленіи златаго времени*.

Надо сказать, что въ тогдашнее время еще со временъ Петра не только на театрѣ, но и при всякихъ другихъ увеселительныхъ или торжественныхъ случаяхъ, очень любили составлять предметъ или смыслъ торжества или праздника и всякаго увеселенія различными аллегоріями, живописуя ихъ въ картинахъ, въ фейерверкахъ, въ процессіяхъ, а равно и на сценѣ. Аллегорія была тогда въ такомъ ходу, что при Академіи находился даже особый профессоръ Аллегорій. Ею при всякомъ случаѣ пользовались для болѣе нагляднаго и такъ

сказать осязательнаго изображенія и выраженія, или надобныхъ политическихъ идей и текущихъ событій, или же придворной и всенародной похвалы и лестн, и т. п.

Въ упомянутыхъ коронаціонныхъ представленіяхъ Опернаго Дома придворное общество старалось выразить безыѣрную радость по случаю своего освобожденія отъ суроваго, мрачнаго и варварскаго нѣмецкаго гнета, который долготѣ душилъ всю Русь во всѣхъ направленіяхъ ея жизни. Въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ тогда казалось, что со вступленіемъ на престолъ Елисаветы наставало наконецъ явленіе Астрей и съ нею Золотаго времени, что судъ Париса былъ справедливъ и спорное яблоко въ рукахъ трехъ богинь (Екатерины I-й, Анны, Елисаветы?) достается истинной красотѣ (Елисаветѣ), которая способна угнетенную Россію утѣшить добрымъ и кроткимъ управленіемъ. Въ отношеніи успѣховъ общественнаго развитія аллегорія не ошиблась. Съ этого времени дѣйствительно суровость и нѣмецкая чопорность нравовъ стала смѣняться французскою веселостью, легкостью и гуманностью обхожденія, а сказать въ общемъ смыслѣ, съ этого времени для русскаго общества, хотя бы, по началу, только придворнаго, въ самомъ дѣлѣ наставалъ свѣтлый праздникъ послѣ долгаго и суроваго рабочаго дня Петровской эпохи, послѣ того тяжелаго дня, который собственно и былъ непосредственнымъ угнетателемъ вольной жизни.

Нѣмецкій гнетъ и тираннія временъ Анны Ивановны были въ сущности только своевольнымъ хозяйничаньемъ оставшихся по уходѣ мастера рабочихъ, которые начали не только долѣлывать, но и совсѣмъ передѣлывать его мудрыя дѣла, вовсе не обладая его мастерствомъ и зная только одно его правило, что спѣшная, горячая работа требуетъ крутыхъ и подъ часъ жестокихъ мѣръ, дабы исполнена была удовлетворительно. Вотъ почему русская общественность въ это время носила въ себѣ тотъ грубый, неуклюжій рабочій характеръ, какой по явной необхо-

дности образовался самъ собой, ибо сама эта общественность была вызвана къ жизни исключительно одними лишь рабочими, и отнюдь не придворными интересами. Но послѣ крутой работы по той же необходимости наставало время отдыха, наставало время праздника. Такимъ временемъ и было царствование Елисаветы, когда впервые русскій человекъ почувствовалъ, что сдѣлано много и скоро, что слѣдуетъ отдохнуть и въ восторгѣ отъ сдѣланнаго дѣла не только отдался всеобщему веселью, но запѣлъ восторженныя оды.

На праздникѣ, праздность и удовольствіе сдѣлались потребностью общества. Очевидно, поэтому, что должна была развиться придворная жизнь въ собственномъ ея смыслѣ и значеніи. Народилось племя людей, задачей которыхъ было „великоколѣпно одѣться, быть на пиршествахъ, на куртагахъ и банкетахъ, въ маскарадахъ, въ балетахъ, въ комедіяхъ и т. д., танцовать, повсюду изобрѣтать новое препровожденіе времени и разныя забавы. „Если Петровскую эпоху можно справедливо назвать царствомъ мужчинъ и главное царствомъ рабочихъ, отчего это царство являлось довольно грубоватымъ и даже буйнымъ, то съ Елисаветы наступаетъ царство женщинъ и собственно царство людей празднующихъ и торжествующихъ, отчего царство выходило довольно гуманнымъ и очень веселымъ. Какъ бы знаменіемъ времени этого послѣдняго царства учреждается даже маскарадъ называемый *метаморфозъ*, въ которомъ мужчины должны одѣваться въ женскія платья, а женщины въ мужскія, къ тому же безъ масокъ. Впервые такіе маскарады были устроены въ Москвѣ, въ 1744 г.

Затѣмъ, послѣ Елисаветинскаго праздника, какъ его неизбежное послѣдствіе, провозглашается вольность дворянства, завершившая праздникъ освобожденіемъ передоваго сословія отъ крѣпостной государственной работы, о чемъ при Петрѣ, ко-

вечно, и помыслить было невозможно. И въ крупномъ, и въ мелкомъ, жизнь общества всегда точно выражаетъ свои основныя стремленія и помышленія.

Очевидно, что при такомъ общемъ направленіи умовъ къ удовольствіямъ всякаго рода должны были возродиться или пробудиться и всякаго рода искусства. Новый образъ получаетъ литературное художественное слово, новый видъ получаетъ Академія Художествъ, и быстро распространяется вкусъ къ театральному искусству во всѣхъ его видахъ, такъ что учреждается наконецъ и *россійскій* театр.

Въ первые же годы царствованія Елисаветы придворныя театральныя зрѣлища были усилены вызовомъ къ итальянской оперѣ многихъ новыхъ искусниковъ и открытіемъ новаго и постоянного французскаго театра, не говоря о балетѣ, который въ послѣдствіи былъ доведенъ до такого совершенства, что иностранныя министры и тутошніе знатоки говаривали, что лучшаго и въ Европѣ видѣть нигдѣ нельзя и что нашъ балетъ ни въ чемъ не уступалъ славнымъ въ то время балетамъ итальянскому и парижскому.

Въ то время, какъ Дворъ восхищался итальянскою оперою, французскою комедіею и неизобразимою красотою своихъ балетовъ, въ нижнихъ слояхъ, общество довольствовалось „россійскими“ зрѣлищами, которыя по видимому не прекращались со временъ Петра, но существовали сами собою, безъ всякой помощи и поддержки со стороны людей властвующихъ, а напротивъ по большей части съ помѣхою и даже съ запрещеніемъ. Мы видѣли, что россійское зрѣлище тотчасъ по приѣздѣ въ 1702 г. Куншта сдѣлало было попытку стать на собственные ноги и представило нѣсколько пьесъ по русски. Это показываетъ, что и тогда въ обществѣ существовала уже значительная потребность въ театральныхъ представленіяхъ. Но и тогда и долго послѣ русскіе люди смотрѣли на эти предста-

вленія, какъ на дѣтскую только забаву и вовсе не усматривали въ нихъ никакого „художества“ даже въ смыслѣ простаго ремесла. Тѣмъ меньше они понимали, что это цѣлая область даже высшаго искусства, столько же достойнаго настоящей работы, какъ и всякое житейское дѣло. Оттого руссiйское театральное дѣло долгое время оставалось въ средѣ школьничковъ, молодыхъ подъячичь и посадскихъ, вообще у грамотной молодежи низшихъ разрядовъ общества, то есть именно на Посадѣ, въ народѣ, и потому открывало свои дѣйствія только на святкахъ да на масленицѣ, то есть въ дни настоящихъ народныхъ посадскихъ праздниковъ. Вообще театральныя зрѣлища въ это время не имѣли другаго значенія какъ только обычной праздничной народной потѣхи и потому до времени Елисаветы не были дозволяемы въ частныхъ домахъ въ кругу дворянства. По той же причинѣ они очень долго оставались въ кругу только старинныхъ мистерій, разныхъ діалогій или драмъ и интермедій петровскаго и даже царя-алексѣевскаго времени, съ которыми въ этомъ отношеніи были связаны неразрывными родственными узами. Въ Москвѣ возрастные школьнички и подъячіе на святкахъ и на масленицѣ нанимали дома и давали публичныя игрища, впуская зрителей за ничтожную плату. Они разыгрывали того же Александра Македонскаго, Соломона, Евдона и Берфу и тому подобныя пьесы, типомъ которыхъ, какъ серьезной драмы, былъ этотъ Александръ, а въ комическомъ, шутливомъ и веселомъ родѣ самую типичною пьесою былъ Гаеръ, вполне рисующій ту изменчивость, на которой по необходимости еще стояло это посадское комедіальное искусство.

Дворъ и высшее общество, развивавшіе и услаждавшіе свои вкусы на итальянскомъ и французскомъ театрѣ, конечно презирали Русскую посадскую комедію, какъ утѣху чернорабочихъ. Они совсѣмъ даже позабыли примѣръ Петра, учредив-

шаго было тотчасъ же театральную комедіальную школу изъ русскихъ. По балетной части и они образовали русскую школу, но драматическая часть для русскихъ понятій вѣроятно казалась неисполнимою, быть можетъ за неимѣніемъ учителя, а главное за скудостію достойныхъ пьесъ. Но все-таки, стоило только повелѣть и при Дворѣ устроился бы русскій драматическій театръ, и были бы переведены и даже сочинены подходящія пьесы. Сочиняли же по заказу оны и тому подобное. Тотъ же Тредьяковскій былъ бы очень полезенъ и въ этомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе что онъ при императрицѣ Аннѣ переводилъ съ французскаго для Двора „многія оперы, всѣ интермедіи и всѣ экстракты комедій“, а это значитъ, что Дворъ или сама императрица весьма нуждались въ русскихъ рѣчахъ, дабы хорошо понимать представляемое. Но Петра уже не было и русскіе народные интересы ни до кого не касались. Въ высшемъ кругу на театрѣ смотрѣли, какъ на придворное увеселеніе, то есть точно также какъ смотрѣли на него въ посадѣ, какъ на святочную или масляничную потѣху для простаго народа. Воспитательный и образовательный смыслъ такихъ зрѣлищъ понятенъ былъ только одному Петру.

Первые десять лѣтъ царствованія Елисаветы употреблены были только на то, чтобы какъ можно блистательнѣе и роскошнѣе устроить итальянскія и французскія зрѣлища, которыя поэтому совсѣмъ вытѣснили отъ Двора даже и театръ нѣмецкій, ибо ему вовсе не подслы было такое соперничество. Онъ занялъ свое мѣсто у мастеровыхъ и лакеевъ—иностраницевъ, то есть сравнялся по своему мѣстоположенію съ русскіими праздничными зрѣлищами.

Въ теченіи этого времени изъ Ярославскаго посада прибылъ въ Москву учиться нѣмецкому языку и музыкѣ молодой Волковъ. Вотчимъ его, ярославскій купецъ Полушкинъ, былъ въ своемъ городѣ заводчикомъ селитряныхъ и сѣрныхъ заве-

довъ и вѣроятно хотѣлъ употребить пасынка къ своему дѣлу
взятѣи нѣмца, для нѣмедкой мудрости, весьма необходимой
на подобныхъ заводахъ. Обученье же музыкѣ уже прямо указывало на собственную охоту Волкова, который рожденъ былъ
вовсе не для заводскаго дѣла, а именно для искусства и самъ
собой съ малолѣтства выучился рисованью, живописи, рѣзному
художеству, скульптурѣ. Но особенная склонность въ
немъ открылась къ театру. Праздничные московскіе спектакли
въ средѣ школьниковъ и молодыхъ подьячихъ были, по всему
вѣроятію, первымъ поприщемъ, гдѣ эта склонность получила
окончательное направленіе. Новиковъ прямо и говорить, что
Волковъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ началъ упражняться въ теа-
тральныхъ представленіяхъ съ приказными служителями.
Весьма сомнительно, что Волковъ обучался будтобы въ Славяно-
греко-латинской Академіи, какъ написалъ кн. Шаховской въ
своей „Лѣтописи русскаго театра“, наполненной вообще сомни-
тельными указаніями. Съ студентами этой академіи онъ развѣ
игралъ только на праздничныхъ представленіяхъ. По словамъ
Новикова, изъ первыхъ, игранныхъ имъ комедій были сочине-
нія св. Дмитрія Ростовскаго, которыя по большей части и
давались студентами академіи.

Въ 1746 г. Волковъ отправился по дѣламъ вотчина въ Пе-
тербургъ. Здѣсь Итальянскій оперный театръ совсѣмъ вскру-
жилъ ему голову. Онъ перезнакомился съ итальянскими ар-
тистами, тщательно осматрѣлъ самое зданіе, все его устрой-
ство, всѣ машины и украшенія, сдѣлалъ всему чертежи, ри-
сунки и модели, и все это, разумѣется, для того, чтобы уст-
роить нѣчто подобное дома, въ Ярославлѣ. На итальянской же
сценѣ онъ впервые ознакомился съ декламаціей или вообще
съ театральной игрой и такъ какъ здѣсь стояла опера, то, под-
ражая речитативамъ, онъ усвоилъ себѣ игру на расцѣвѣ, что
въ послѣдствіи почиталось въ его игрѣ значительнымъ недо-
статкомъ.

Ученый Штелинъ, конечно баснословить (въ пользу того нѣмецкаго убѣжденія, что все въ Россіи идетъ отъ нѣмцевъ), и не говоря ни слова о знакомствѣ Волкова съ итальянцами, пишетъ, что будто Волковъ въ Петербургѣ познакомился съ директоромъ нѣмецкаго театра Акерманомъ, всегда ходилъ въ нѣмецкую комедію и затѣмъ, возвратясь въ Ярославль, устремилъ дома театръ, слѣд. въ подражаніе только нѣмцамъ.

Безсомнѣнія Волковъ ходилъ и въ нѣмецкій театръ, который въ добавокъ былъ вольный и не пользовался никакою извѣстностью, такъ что, не упомяни объ этомъ Акерманъ Штелинъ, то объ немъ не откуда было бы и узнать. Слава-же итальянскаго театра тогда гремѣла у насъ повсюду. Да и что въ этомъ нѣмецкомъ театрѣ могло обольстить молодого человека, который, будучи художникомъ, искалъ, особенно на первый разъ, столько же и обстановки, сколько драматической игры.

Возвратившись въ Ярославль Волковъ открылъ театръ въ своей комнатѣ, и очень угодилъ своему вотчину, смотрѣвшему на это дѣло все-таки какъ на дѣтскую игрушку. Но скоро число охотниковъ посмотрѣть комедію такъ умножилось, что комната стала тѣсна. Волковъ воспользовался развѣвшеюся у Ярославцевъ охотою къ театральнымъ зрѣлищамъ и предложилъ имъ сборъ на постройку новаго театра. При помощи городскихъ властей и тузовъ изъ дворянства, сборъ состоялся; куплено въ 1750 г. пустое мѣсто въ городѣ и выстроены театръ, который могъ помѣщать 1000 человекъ. Волковъ самъ былъ архитекторомъ, машинистомъ, живописцемъ, самъ сталъ главнымъ его директоромъ и остался первымъ актеромъ. На новомъ театрѣ стали давать не нѣмецкія комедіи, чего по Штелину слѣдовало бы ожидать, въ подражаніе нѣмцамъ, а давали именно извѣстныя тогда итальянскія оперы въ русскомъ переводѣ: Титово Милосердіе, Евдоксію вѣнчанную.

Такимъ путемъ водворенная еще Петромъ русская Посадская комедія изъ грубой чернорабочей обстановки сама собою возродилась въ настоящій театръ, который могъ соперничать съ любою изъ тогдашнихъ прїѣзжихъ къ намъ нѣмецкихъ комедій.

Въ то самое время, какъ силами самого общества создавался театръ въ Ярославѣ, русская школа, какъ бы по старой Петровской памяти, точно также заводила театральныя представленія и у себя. Это была высокая дворянская школа—Сухопутный Кадетскій корпусъ.—По этой причинѣ она начала съ французской пьесы, а за нею разучила и русскую—Сумароковскую трагедію, Хоревъ. Дворъ, интересуясь всякимъ новымъ удовольствіемъ, тотчасъ пожелалъ, какъ на новинку, посмотреть и на русскій спектакль, которому по этой причинѣ дали мѣсто на комнатномъ придворномъ театрѣ. Россійская трагедія очень понравилась самой Императрицѣ. Послѣ повторенныхъ удачныхъ опытовъ въ томъ же 1750 г. сентября 29 послѣдовало изустное Высочайшее повелѣніе: „чтобъ профессорамъ Академіи Наукъ Тредьяковскому и Ломоносову сочинить по трагедіи“. А 21 декабря разрѣшено было играть русскія комедіи и въ частныхъ домахъ съ тѣмъ, чтобы „въ чернеческое и прочее касающееся до духовныхъ персонъ платье не наряжались и по улицамъ въ такомъ же и въ прочемъ, комедіальномъ платьѣ ни въ какомъ не ходили и не ѣздили“.

Можно съ вѣроятностію предполагать, что до этого указа представленіе русскихъ комедій въ частномъ быту вовсе не разрѣшалось, почему и Ярославскій публичный театръ могъ возникнуть только на основаніи сдѣланнаго разрѣшенія и не раньше 1750 г.

Съ этого именно года и начинаются придворныя заботы собственно о руссіискомъ театрѣ. Постоянно пишутся пьесы и разыгрываются время отъ времени частію тѣми-же кадетами,

а частію придворними. Въ 1752 г. дошелъ слухъ до императрицы и о Ярославскихъ комедіантахъ. Ярославцевъ тотчасъ выписали въ Петербургъ во весь составъ ихъ труппы. Посадскіе артисты показали превеликія способности, добытыя собственными силами и потому не весьма украшенныя искусствомъ. Для этого ихъ всѣхъ отдали въ Кадетскій корпусъ въ науку, откуда по окончаніи курса они поступили на сцену уже въ учрежденный въ 1756 г. подъ дирекцію Сумарокова Россійскій Театръ съ опредѣленнымъ жалованьемъ. Штелинъ пишетъ, что Волковъ съ равною силою игралъ трагическія и комическія роли, но настоящій его характеръ былъ „бѣшенаго“. Другой славный актеръ Ярославской труппы, Дмитревскій, въ послѣдствіи былъ посланъ для образованія своего таланта въ Парижъ и Лондонъ и возвратясь доказалъ, что путешествіе было для него дѣйствительною школою. Онъ сталъ играть неподражаемо и вычистилъ тогдашнюю декламацію, которая до того времени исполнялась на распѣвъ.

Такова короткая первоначальная исторія нашего театра. Сначала школьная и посадская праздничная забава, которой Петръ намѣревался было дать правильное и постоянное устройство посредствомъ нѣмцевъ и завести у себя театръ прямо народный; потомъ забава придворная, изъ которой образовалось, какъ и изъ другихъ подобныхъ забавъ особое, но однако придворное же учрежденіе, какимъ считается и до сихъ поръ, — Русскій театръ все таки своимъ кореннымъ началомъ долженъ почитать починъ самого общества, именно починъ русской школьной и посадской молодежи, среди которой выработался для этого дѣла своего рода Петръ Великій, преобразившій свою дѣтскую игрушку въ настоящее дѣльное дѣло драматическаго искусства. Волковъ, подобно Ломоносову, въ самомъ дѣлѣ обнаружилъ въ себѣ тѣже Петровскія стремленія настойчиво вѣсти къ своей цѣли, настойчиво выработать для этой

цѣли самого себя, и изъ грубаго неустроеннаго матеріала создать стройное цѣлое, вдохнувъ въ него силы дальнѣйшаго развитія.

Но пока, такимъ образомъ нарождався русскій театръ, общество увеселялось зрѣлищами иноземными, которые въ Петербургѣ, какъ упомянуто, имѣли великій успѣхъ, потому что сосредоточивались у Двора, для него собственно были заводными и имъ вполне обезпечивались; и еще потому, что Петербургъ, по происхожденію жителей, на половину былъ городъ иностранный, а по образованію и вкусамъ высшаго общества и совсѣмъ иностранный.

Другое дѣло было въ Москвѣ. Здѣсь иноземныя зрѣлища и театры находили мало успѣха и по большей части, удовлетворивъ на первый разъ потребности видѣть новое и небывалое, оставались потомъ безъ зрителей.

Есть нѣвѣстіе, что въ 1753 г. на площади у Красныхъ воротъ находилась построенная отъ нѣмецкихъ комедіантовъ деревянная комедія, въ которой въ томъ году 26 декабря учинился пожаръ, отчего послѣ праздничныхъ представленій и велѣно было ее сломать и выстроить въ другомъ мѣстѣ *). „Понеже то мѣсто, говорилось въ указѣ, издревле находилось площадью для пріѣзжихъ изъ деревень съ сѣномъ и съ дровами.“

Новый комедіальный домъ былъ построенъ между Мясницкими и Покровскими воротами, у Лѣснаго ряда, близъ Покровскихъ воротъ.

Весьма любопытно то обстоятельство, что знаменитый Федоръ Волковъ съ братомъ Григорьемъ, при опредѣленіи по Высочайшему повелѣнію въ Кадетскій корпусъ для обученія

*) Ц. С. З. № 10,167.

наукамъ, куда они поступили въ 1754 г., Григорій съ 26 февраля, а Федоръ съ 21 марта, названы при этомъ въ официальной перепискѣ *Московскими комедіантами*, такъ какъ Дмитревскій и Поповъ, поступившіе туда 10 сент. 1752 г., названы *Ярославскими* комедіантами; одни слѣд. поступили прямо изъ Ярославля, другіе изъ Москвы.

Не значить-ли это, что Волковы, послѣ игры въ Петербургѣ, въ 1752 г., играли потомъ и въ Москвѣ до 1754 г. и быть можетъ именно въ упомянутой выше комедіи у Красныхъ воротъ.

Комедія была построена иѣнцами, но въ ней на праздникахъ могли быть и русскія представленія даже съ особаго разрѣшенія, чтобы ознакомить и Москву съ искусствомъ перваго народнаго актера. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ эти года съ 20 декабря 1752 г. и до половины мая 1754 г. въ Москвѣ жила сама императрица. Поэтому Волковы прежде всего должны были играть еще и на придворномъ Головинскомъ театрѣ или въ Оперномъ Домѣ и изъ Москвы, уже съ наступленіемъ поста, были отправлены, одинъ за другимъ, къ наукѣ въ корпусъ. Но такъ какъ при Дворѣ въ теченіи этого времени, и особенно лѣтомъ, по случаю выѣздовъ Императрицы изъ города, праздники не бывали часты, то по всему вѣроятію Волковы больше всего работали для Московскаго общества, и по всему вѣроятію въ единственной тогда публичной комедіи у Красныхъ Воротъ. По этой причинѣ, прибывъ въ корпусъ, они и были названы Московскими комедіантами.

Указъ объ учрежденіи русскаго для трагедій и комедій театра послѣдовалъ 30 августа 1756 г. и ограничивался въ этомъ случаѣ только однимъ Петербургомъ. Вскорѣ 19 апрѣля 1757 г. назначенъ былъ въ Москву директоромъ недавно же учрежденнаго Университета Ив. Ив. Меллсисно одинъ изъ бывшихъ актеровъ Кадетскаго корпуса. Это былъ человекъ, по-

добно Шувалову, основателю и куратору Университета, вполне преданный наукѣ и искусству.

Шуваловъ не могъ избрать лучшаго сотрудника и единомысленника своимъ цѣлямъ и стремленіямъ. Мелисивно далъ не только Университету, но и всему обществу Москвы новую жизнь, поставивъ именно Университетъ центромъ общественнаго образованія, не только по наукѣ, но и по искусству.

Извѣстно, что Академія Художествъ впервые была учреждена при Московскомъ Университетѣ. Это было во всѣхъ отношеніяхъ великое дѣло, обѣщавшее неисчислимыя выгоды для русскаго просвѣщенія; но оно вскорѣ было испорчено и искусство, вовсе оторванное отъ науки, поселилось въ Петербургѣ, совсѣмъ особо отъ Университета, почему первая шесть лѣтъ учрежденная Академія все таки числялась при Университетѣ въ Москвѣ. Въ Университетѣ, какъ бы фундаментомъ для Академіи, назначалась особая Гимназія разночницевъ, въ которой поэтому кромѣ наукъ стали преподавать нѣкоторыя художества, необходимыя для общаго образованія артиста, какъ то: пѣніе, инструментальную музыку, рисованіе и механическія искусства. Въ этомъ числѣ не забыто было и драматическое искусство, такъ что Университетъ независимо отъ Двора полагая началъ серьезной театральной школы. На женскія роли онъ приглашалъ желающихъ съ воли, объявивъ въ своей газетѣ 27 іюля 1757 г. „Женщинамъ и дѣвицамъ, имѣющимъ способность и желаніе представлять театральныя дѣйствія, такожъ пѣть и обучать тому другихъ, явиться въ канцелярію Московскаго Императорскаго Университета.“ Объявленіе было повторено, 1, 4 и 8 іюля.

Какъ шло дѣло дальше, намъ неизвѣстно. Но Штелинъ говорить, что съ дозволенія Двора, въ 1759 г. заведенъ былъ и въ Москвѣ російскій театръ, т. е. публичный, а Новиковъ прибавляетъ, что для его учрежденія пріѣзжалъ въ Москву

знаменитый Волковъ, который, устроивъ дѣло, въ томъ же году и возвратился въ Петербургъ. Устройство дѣла Волковымъ заключалось по всему вѣроятію уже въ окончательной установкѣ русской сцены, ибо актеры были уже приготовлены Университетомъ, что могло быть устроено самимъ Директоромъ Меллисино, обучавшимъ въ Кадетскомъ корпусѣ декламациі и самого Волкова. Мы видѣли, что Университетъ вызывалъ на театръ даже женщинъ и знаемъ, что по спискамъ 1760 г. изъ казенныхъ студентовъ четверо прямо назначали себя для театра, а изъ гимназистовъ разночинцевъ 18 человекъ составляли уже цѣлую труппу актеровъ русскаго театра. Безсомнѣнія и тѣ и другіе принадлежали къ драматической школѣ Университета еще съ 1757 года.

Очень также вѣроятно, что открытіе въ Москвѣ русскаго публичнаго театра представилось Университету необходимымъ по той причинѣ, что въ томъ году, еще въ началѣ года, была открыта въ Москвѣ Итальянская опера извѣстнымъ Локателли.

Знаменитый въ свое время оперистъ Локателли пріѣхалъ въ Петербургъ съ труппою отличныхъ артистовъ еще въ 1757 году. Его Итальянская опера-буффа производила постоянный восторгъ и при Дворѣ и въ обществѣ. Знатные люди платили ему щедро и сами по своему вкусу украшали ложи его театра. Остальныхъ охотниковъ также всегда бывало множество, тѣмъ болѣе, что къ этой оперѣ очень благоволила сама императрица. Прельщенный успѣхомъ своей оперы въ Петербургѣ, Локателли сообразилъ, что въ Москвѣ, въ городѣ многочислѣннѣе, зрителей, а слѣд. и выгодъ ему еще будетъ больше. Испросивъ Высочайшее разрѣшеніе, онъ въ исходѣ 1758 г. прибылъ въ Москву, чтобы устроить къ новому году большой оперный домъ, который находился по прежнему гдѣ то у Красныхъ Воротъ, такъ какъ въ то время Красныя Ворота были срединнымъ вѣстомъ Мос-

ковской общественной жизни, ибо стояли между старою Москвою и новою ея столицею, Нѣмецкою Слободою, гдѣ сосредоточивалась императорская резиденція со всею придворною знатью.

Особенно для Москвы Локателли выписалъ изъ Италіи и Германіи новыхъ оперистокъ и оперистовъ, музыкантовъ и танцоровъ, прекрасную пѣвицу Монтованнину и лучшаго тогдашняго пѣвца кастрата Манфредини. Во вторникъ 19 января 1759 г. онъ объявилъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ: „Черезъ сіе объявляется, что господинъ Оперистъ Локателли начнетъ свои представленія на будущей недѣлѣ, а день объявленъ будетъ особливими печатными листами.“

На первомъ представленіи зрителей было множество. Но въ февралѣ, т. е. не больше какъ черезъ мѣсяць, Оперистъ писалъ къ своимъ пріятелямъ въ Петербургъ, что „издержавъ знатную сумму денегъ на приведеніе въ порядокъ театра и на выписываніе людей, въ разсужденіи малаго числа зрителей, не имѣеть почти надежды возвратить употребленный свой капиталъ, для чего и просилъ правительство дозволить ему давать маскарады“. Разрѣшеніе было получено и осенью 19 октября Локателли объявилъ въ газетахъ: „По высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію, въ будущее воскресенье, то есть, сего октября 31 дня, въ здѣшнемъ Оперномъ театрѣ, подъ дирекцію господина Локателли, будетъ первой публичной маскарадъ; а для лучшаго всеѣмъ знанія, за нѣскольکو дней до того будутъ разношены и раздаваны особливия обстоятельныя объ ономъ объявленія.“ Цѣну онъ назначилъ по тому времени очень высокую, по три рубля съ каждой маски, и нѣсколько было поправилъ свои дѣла.

Но равнодушіе московской публики, происходившее главнымъ образомъ, вѣроятно, отъ дороговизны цѣнъ за входъ на оперу и въ маскарады, не доставило ему надлежащихъ выгодъ и онъ въ 1762 г. объявилъ себя совершеннымъ банкротомъ.

Претерпѣвая затрудненія, Локателли, быть можетъ, съ великою охотою согласился открыть на своемъ оперномъ театрѣ и русскія представленія университетской труппы, которую взялъ на свое иждивеніе. Однако русскій театръ не совѣтъ былъ въ его управленіи. Объявленія о пьесахъ и продажѣ мѣстъ производились отъ Университета.

Положительныхъ свѣдѣній о томъ, когда начались русскія публичныя представленія на Московскомъ театрѣ, мы не имѣемъ. Изъ Московскихъ Вѣдомостей 1760 г. № 42 отъ 26 мая видно, что 21 мая въ воскресенье давалась комедія *Новоприльзжіе* (въ 1 д. соч. ле Грана, перев. А. Волкова) и что она должна была идти и 28 мая въ воскресенье же при трагедіи *Синавъ и Труворъ*. Въ объявленіи объ ея продажѣ отъ 9 іюня печаталось, что на Россійскомъ театрѣ она нѣсколько разъ была представлена.

За тѣмъ въ пятницу 2 іюня при Вѣдомостяхъ было напечатано слѣдующее особо приложенное объявленіе: „Сего іюня 4 числа, то есть въ будущее воскресенье на оперномъ театрѣ представлена будетъ, переведенная на Россійской языкъ комедія, сочиненія господина Молліера, называемая *Скапиковы обманы*, послѣ которой такъ же будетъ малая комедія, называемая: *Кристианъ слуга, драгунъ и нотаріусъ*, при чемъ будутъ и балеты. Для происшедшаго жъ въ прошлое воскресенье непорядка, въ которыхъ у нѣкоторыхъ откупленныхъ уже ложъ ключи отбивали и входили въ оныя насильно, учинено такое распоряженіе, что на ложѣ перваго и втораго этажей давано будетъ по прежнему по шести билетовъ съ платежемъ шести рублей за каждую ложу, кромѣ трехъ большихъ, во второмъ этажѣ находящихся, за которыя должно платить по 12 рублей; напротивъ чего и по 12 билетовъ, на оныя давано будетъ; при чемъ объявляется, что съ деньгами за то и для полученія билетовъ надлежитъ присылать заблаговре-

менно въ Университетскій домъ, что на Моховой, къ определенному при семь прапорщику господину Прыткову. Напротивъ сега ложь третьяго этажа будутъ отворены для всѣхъ, безъ определеннаго числа, но кто которую занять успѣетъ, съ платежемъ только по полтинѣ съ персоны. Въ верхней галлерей браво будетъ противъ прежняго по 25 копѣекъ. Въ разсужденіи господскихъ служителей поступаемо будетъ по прежнему, и комедія начнется точно въ 6 часовъ.“

Представленія давались только по воскресеньямъ. 11 іюня шла русская трагедія *Синавъ и Труворъ*, при ней малая комедія и два балета. 18 Іюня по желанію многихъ снова представлена трагедія *Синавъ и Труворъ*, при ней малая комедія: *Принужденная женидба* и два балета. 16 іюля представлена русская трагедія *Хоревъ*, при ней малая комедія и новые два балета. 30 іюля опять *Хоревъ* и при ней новая комедія, называемая *Рѣка Забвенія* и два балета. 27 августа объявлялось, что „представлена будетъ большая комедія *Жоржъ Дандинъ* или въ смятеніе приведенной и несправедливо обвиненной мужъ и при ней малая комедія *Рѣка Забвенія*; что комедія начнется въ 6 часовъ неотвѣнно, и что желающіе купить комедію *Жоржъ Дандинъ* (переводу господина Чаадаева) могутъ получить въ Университетской книжной лавкѣ и въ Оперномъ домѣ.“ Въ слѣдующее воскресенье, 3 сентября, давали опять комедію *Жоржъ Дандинъ* и при ней малую комедію *Обвороженной полевъ*, при чемъ шли два балета, изъ которыхъ одинъ новый, называемый *Ошипталъ безумныхъ*.

Въ раздачѣ билетовъ соблюдался тотъ же порядокъ, съ объявленіемъ, чтобы для полученія нумеровъ и билетовъ присылали заблаговременно въ Университетскій домъ и что ключи отъ купленныхъ ложъ будутъ выдаваемы въ Оперномъ домѣ; но потомъ къ 16 іюля и за ключами приглашали приходить тоже въ Университетскій домъ къ прапорщику Прыткову.

8 Сентября, празнуя торжественнымъ публичнымъ собраніемъ тезоименитство императрицы, Университетъ, кромѣ того, ввечеру открылъ оперный театръ съ представленіемъ російской трагедіи безденежно.

Публикаціи въ Вѣдомостяхъ о продажѣ пьесъ могутъ также свидѣтельствовать, какія изъ нихъ шли тогда и въ представленія. Первая продажа была объявлена 12 мая о Синавѣ и Труворѣ Сумарокова, продававшейся у публичнаго нотариуса Портнова, цѣною по 50 коп. Потомъ въ Университетской книжной лавкѣ Школярія и Вевера, открытой только съ половинны января, у Воскресенскихъ Иверскихъ воротъ, продавались комедіи: *Новопрѣзжіе*; августа 1—*Скупой* Молиера, перев. Кропотова 50 коп.; августа 11—*Школа мущей*, тоже перев. Кропотова; августа 18—*Граціи*, перев. Нартова; августа 25—*Жоржъ Дандинъ*, перев. Чаадаева; 10 октября—*Тартюфъ* или *Лицемеръ*, перев. Кропотова.

Однако публичный русскій театръ въ Москвѣ просуществовалъ не долго, вѣроятно потому что, состоя на содержаніи опериста Локателли и ничего не получая въ помощь отъ казны, онъ, съ разстройствомъ дѣлъ опериста, тоже долженъ былъ разстроиться и совсѣмъ прекратить представленія. Лучшія его артистки Троепольская, и Пушкина были взяты въ петербургскую труппу, гдѣ первая наравнѣ съ Дмитревскимъ заняла первое же мѣсто. А быть можетъ московскій театръ потому и разстроился на первыхъ же порахъ, что изъ его труппы выбрано все лучшее для Петербурга, особенно даровитыя артистки, которыхъ въ то время недоставало въ Петербургѣ, да онѣ и вообще были еще рѣдкимъ явленіемъ на сценѣ. Какъ бы ни было, но послѣдующія свѣдѣнія о московскомъ театрѣ очень скудны.

Со вступленіемъ на престолъ императрицы Екатерины II и по случаю ея прѣзда въ Москву къ коронаціи, древняя

столица снова оживилась, однако неизвестно, что дѣлалъ въ это время публичный оперный домъ у Красныхъ Воротъ. При дворцахъ же на Яузѣ, начались возобновленія и новыя постройки. Съ самаго пріѣзда императрицы въ сентябрѣ и октябрѣ 1762 г. живописнаго дѣла мастеръ и театральнѣйшій архитектъ Франческо Градиззиу готовилъ въ Оперномъ Головинскомъ домѣ съ русскими мастерами декораціи и всякія украшенія. Это показываетъ, что при Дворѣ по прежнему сталъ дѣйствовать Елисаветинскій Оперный Домъ. Но кромѣ того, декабря 3, Ея Величество изволила указать въ Головинскомъ Лѣтнемъ Дворцѣ сдѣлать *малый театр*, который былъ устроенъ въ одной изъ обширныхъ залъ дворца при помощи театральнаго машиниста Фридриха Гелфердинга; онъ же былъ и знаменитый изъ Вѣны балетмейстеръ. Этотъ театръ, какъ придворный домашній, предназначался собственно для представленій придворнаго благороднаго общества. На Масляницѣ 1763 года здѣсь дана была Сумароковская трагедія *Семира* и какая-то Мольерова комедія по русски. Въ трагедіи роли дѣйствующихъ лицъ играли: графиня Брюсова, графъ Гр. Гр. Орловъ, графъ Андрей Петр. Шуваловъ, майоръ лейб-гвардіи взмайловскаго полка Рославлевъ и Анна Никитична Нарышкина; въ комедіи: Левъ Александровичъ Нарышкинъ, князь Гагаринъ и нѣкоторыя фрейлины. Тогда же, къ удивленію всѣхъ знатоковъ и самихъ иностранныхъ театральнѣйшихъ танцовщицъ и танцовщиковъ, былъ представленъ обществомъ знатныхъ новый балетъ: *Радостное возвращеніе къ аркадскимъ пастухамъ и пастушкамъ боины весны*, который съ великимъ искусствомъ танцевали: графиня Сиверсова—дочь оберъ-гофмаршала, Марья Павловна Нарышкина, графиня Строгонова, урожденная графиня Воронцова, графъ Петръ Александр. Бутурлинъ и другіе. Весь оркестръ также состоялъ изъ знати.

Но императрица не забывала и объ увеселеніяхъ городского общества и народа. Съ декабря же 1762 г. передъ Головинскимъ домомъ сооружены были Катальныя горы и при нихъ качели, карусели, кегли и другія увеселенія и особый театръ. Все это помѣщалось гдѣ то за Опернымъ Домомъ. Въ то же время выстроена особая, еще въ большихъ размѣрахъ, катальная гора съ разными увеселеніями въ Елисаветинскомъ селѣ Покровскомъ, объ устройствѣ которой подробнѣе будетъ говорено ниже.

Сначала Головинскія дворцовыя горы были открыты только для Двора и высшая публика быть можетъ допускалась только въ извѣстные дни по особому разрѣшенію; но съ окончаніемъ зимнихъ увеселеній при наступленіи весны, 2 мая 1763 года „Ея Императорское Величество высочайше указать соизволила дозволить желающимъ всему Дворянству пріѣзжать кататься на Горы, что предъ Головинскимъ Ея Величества Дворцемъ на каждый день, а *подлымъ* въ свободные отъ работъ дни; также въ Головинскій садъ гулять всему Дворянству по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ; лакеямъ за ними не входить, такъ какъ и всѣ подлые люди, худо одѣтые, и въ лаптахъ пропущаемы не будутъ“.

Горы готовились главнымъ образомъ къ Масляницѣ 1763 г. янв. 26—февр. 2; а между тѣмъ на рождественскихъ праздникахъ для московскаго общества назначены были маскарады въ Оперномъ домѣ у Красныхъ воротъ. 24 декабря Московскія Вѣдомости извѣщали: „Черезъ сіе объявляется, что сего Декабря 26, 28 и 30, а въ будущемъ 1763 году, наступающаго генваря 2 и 4 чиселъ отправляться ииѣютъ маскарады въ оперномъ домѣ, что у Красныхъ воротъ“. Въ это время спѣшила также объявить въ газетахъ „танцовальщица *Нюдениъ*, что обучаетъ благородныхъ танцовать минаветы,

контратанцы и верхніе танцы, желающіе у нея учиться, могли сыскать ее въ Нѣмецкой слободѣ, въ домѣ Локателліа⁴.

Этотъ публичный маскарадъ такъ и прозывался *Локателліевъ* или *Локателевъ*. Разорившіеся оперисты, съ прѣзломъ въ Москву всего Двора къ коронаціи, вѣроятно снова пыталъ счастья въ своихъ маскарадахъ. Въ 1763 г. ихъ шестью была и сама императрица, именно января 13 и апрѣля 11, пребывъ въ первый вечеръ съ девятаго, а во второй съ десятаго часа и до перваго по полуночи. Но по отъѣздѣ Двора въ Петербургъ угасъ и Локателевъ маскарадъ. Съ осени 1763 г. были открыты маскарады въ другомъ мѣстѣ и вѣроятно другимъ хозяиномъ. Въ Моск. Вѣдомостяхъ отъ 17 октября напечатано слѣдующее: „Черезъ сіе объявляется, что для удовольствія знатнаго дворянства и прочихъ здѣшняго столичнаго города жителей, сего 1763 года октября съ 26 дня, то есть съ будущаго воскресенья, начнутся здѣсь вольные маскарады въ домѣ Ея Сіят. Княгини Натальи Александровны Голицыной, состоящемъ на Стрѣтенской улицѣ, въ приходѣ церква Введенія Богородицы. Желающіе въ оныя маскарады прѣѣзжать имѣютъ платить съ каждой персоны за входъ по 1 рублю. Ктожь пожелаетъ ужинать, также кофе, чаю и питья оное будутъ получать въ томъ же домѣ за особливую плату. Маскарады начинаться будутъ концертомъ, пока съѣдутся столько мазокъ, чтобъ балъ зачать можно было; и отъ сего времени съѣздъ въ маскарадъ имѣеть быть всякое воскресенье въ 7 часу по полудни, а безъ маскараднаго платья, такожъ и подлые люди никто впущены не будутъ. Билеты жъ и маски всякаго сорту могутъ желающіе покушать въ томъ же домѣ отъ 8 часовъ утра до разъѣзду“.

Въ воспоминаніяхъ Москвы зима 1762—63 годовъ, и особенно масленица, должна занять очень видное мѣсто. Это было

самое веселое, самое шумное время, какое едва ли случалось прежде, да кажется не повторилось и послѣ. Торжество коронаціи, совершившееся осенью, и слѣдовавшіе за тѣмъ во всю зиму непрерывные праздники и разнаго рода общественныя увеселенія тѣмъ особенно отличались отъ другихъ, что они были не однимъ только зрѣлищемъ для народа, но и его собственнымъ праздникомъ, что они затрогивали и удовлетворяли интересы всѣхъ классовъ тогдашняго московскаго общества. Народъ веселился отъ души, говорить очевидцы-современники. И это очень понятно: онъ давно не встрѣчалъ такого радужнаго вниманія сверху, такой даже заботливости о томъ, чтобы сдѣлать парадное торжество праздникомъ вполне народнымъ, наиболѣе веселымъ и гостепріимнымъ. Стоитъ припомнить только знаменитый масляничный *карнавалъ*, устроенный актеромъ Ѳ. Г. Волковымъ и три дня развѣзавшій по тогдашнимъ главнымъ улицамъ, чтобы представить себѣ весь разгулъ и широкую, вполне свободную веселость, какой предавались въ то время москвичи *). При Головинскомъ дворцѣ, гдѣ жила Императрица, построены были на этотъ случай, какъ упомянуто, катальныя горы, качели, карусели и т. п. даже небольшой театръ, и все это было отдано на увеселеніе народа во всю масляницу. Всякій могъ туда „собираться, смотрѣть разныя игрища, пляски, комедіи кукольныя, гокусъ-покусъ и разныя тѣлодвиженія и кататься съ горъ во всю недѣлю, съ утра и до ночи, въ маскѣ или безъ маски, кто какъ похочетъ всякаго званія людѣ“.

Къ числу разныхъ увеселительныхъ затѣй этого времени, принадлежитъ и постройка катальной горы при Покровскомъ дворцѣ въ селѣ Покровскомъ, куда императрица довольно ча-

*) Рассказывали, что въ поѣздѣ колесницъ было до 250; изъ нихъ нѣкоторыя были везены 12, другія 24 волами; дѣйствующихъ лицъ въ маскарадѣ находилось до 4,000 чел.

сто прїѣзжала веселиться съ избраннымъ обществомъ и со всѣмъ Дворомъ.

Еще въ ноябрѣ (23-го ч.) 1762 года императрица „именнымъ повелѣніемъ чрезъ ординарца отъ кавалергардіи Арсеньева, приказала въ при-московномъ селѣ Покровскомъ при дворцѣ сдѣлать, катательную гору“, по образцу такой же горы, находившейся въ Царскомъ селѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, 28-го ноября, въ высочайшее присутствіе въ Головинскомъ домѣ, поднесенъ былъ „планъ Покровскому дворцу и при немъ старому и новому садамъ для опробаціи мѣста горѣ, гдѣ соизволить указать построить“. Императрица назначила мѣсто въ новомъ саду, „гдѣ удобнѣе усмотритъ и разсудитъ генералъ-поручикъ дѣйствительный камергеръ, надъ строевыми домами и садами главный директоръ Иванъ Ивановичъ Бецкой, и чтобы гора въ готовности была къ масляницѣ (къ концу января 1763 г.) для катанія въ зиму и въ лѣто“. Такъ какъ въ Москвѣ трудно было найти знающихъ людей для этой постройки, то она и была поручена прїѣхавшему изъ Петербурга, архитектору Василю Неѣлову, какъ знатоку дѣла, который составилъ смѣту и завѣдывалъ строеніемъ. Въ то же время выписанъ былъ изъ Царскаго села „знающій катанье, употребившійся для сего еще при императрицѣ Елисаветѣ, отставной канонеръ Иванъ Софоновъ, который по довольной опытности и дѣланіе горы показать могъ“.

Съ половины декабря начались работы и для скорѣйшаго успѣха производились даже по ночамъ, часовъ до 10 и до 11, почему на освѣщеніе въ 25 дней января мѣсяца употреблено было 18,600 полуфунтовыхъ и фунтовыхъ плашекъ и 65 факеловъ.

По назначенію къ масляницѣ гѣра была готова, впрочемъ только для зимняго катанья. Выстроены были покои въ два этажа вышиною по кровлю 6 саж. и столько же въ квадрат-

номъ основаніи. Подъездное крыльцо устроено на колоннахъ съ рѣзными капителями. Крышка его со всѣхъ четырехъ сторонъ была украшена балюстрадами и фронтонами съ вензелями и коронами; на колоннахъ поставлены на туябахъ точеныя вазы съ рѣзбою. Отъ подъезднаго крыльца на право и на лѣво устроены на аркахъ *два въѣзда на лошадей* и кромѣ того два *всхожія* крыльца съ перилами.

Въ верхнемъ покоѣ находилась зала съ четырьмя комнатами, стѣны были обиты войлоками и по нимъ обоями, въ залѣ кутновыми мелкополосными съ травочками, въ первой комнатѣ — камчатыми бѣлокосовыми съ красными травочками, во второй — зелеными соломенковыми, въ третьей — соломенковыми по желтой землѣ, въ четвертой — камчатыми голубыми. Полъ былъ устланъ шерстяными цвѣтными коврами. Дубовые столы, простые кожаные стулья, нѣсколько зеркалъ, по стѣнамъ иѣдныя подсвѣчники — составляли будничную, обыкновенную мебелировку этихъ покоевъ. Само собою разумѣется, что для высочайшаго пріѣзда они убирались великолѣпнѣе.

Въ нижнемъ этажѣ помѣщалась *машина*, съ колесами и со всѣми инструментами, дѣйствовавшая посредствомъ лошадей; при ней канатъ чрезъ всю гору на четырехъ иѣдныхъ шкифахъ. Съ верхняго этажа спускался по луку къ Яузѣ *форсъ* или скать изъ сосновыхъ брусоевъ, длиною на 186 сажень 1 аршинъ, шириною въ 4 сажени. Для зимняго катанья этотъ форсъ настилали льдомъ по снѣгу съ поливкою водою; льдины расплавляли толщиною въ 3 или 4 вершка, клали ихъ плотно одну къ другой, и сверху также поливали водою, чтобъ было ровно и гладко. Съ одной стороны форса устроенъ былъ ящикъ или каналъ, шириною въ 4, глубиною въ 5 вершковъ, для „*хожденія каната*“, которыяъ обратно поднимали на верхъ сани и колески. Зимомъ по бортамъ форса, прибывались для украшенія елки. Въ концѣ форса, куда скатывались, устро-

онъ былъ щитъ шириною въ $16\frac{1}{2}$ сажень: поставлены столбы и обрешечены досками. Къ веснѣ, къ маю, этотъ щитъ былъ украшенъ тридцатью *преспективными* картинами, въ столярныхъ рамахъ, вышиною въ 5 аршинъ и шириною въ 2 аршина, на фламскомъ полотнѣ. Кромѣ того посреди форса изъ такихъ же картинъ были устроены растворчатые двери съ фронтономъ. Сначала для написанія этихъ картинъ обращались было съ заказомъ къ извѣстному въ то время театральному архитектору и живописнаго дѣла мастеру Франческу Градицію; но онъ запросилъ за работу 1,200 рублей. Это показалось очень дорого и заказъ былъ отданъ живописцамъ изъ господскихъ людей, Данилѣ Смирнову и Алексѣю Полтеву, которые всѣ и даже съ прибавкою нѣкоторыхъ штукъ написали за 212 руб. Все строеніе было убрано столярною работою, поком украшены архитравомъ, карнизомъ, круглыми фронтонами, вазами, пилястрами, колонками, плинтами, поясами и т. п., и вся эта работа раскрашена цвѣтными красками, такъ что гора представляла весьма красивое и узорчатое зданіе.

Для зимняго катанья употреблялось: 1) двадцать санокъ, изъ которыхъ 10 были обиты зеленымъ, а другія 10 краснымъ сукномъ; всѣ были на стальныхъ полозкахъ. 2) Двѣнадцать лодокъ, обитыхъ зеленымъ, и 3 краснымъ сукномъ съ желтою тесьмою и мѣдными гвоздями, также на стальныхъ полозкахъ. 3) Семь лодокъ лубяныхъ и 4) Двѣ лебеди бѣлыя съ крыльями, обиты холстомъ, на зимнемъ ходу, въ томъ числѣ одна съ рулемъ, а другая съ полозкомъ. Для зимняго катанья съ горы „во время присутствія Ея Императорскаго Величества“ употреблялись двой санки, украшенныя рѣзбою, раскрашенныя красками, вызолоченныя и обитыя, однѣ малиновымъ, а другія зеленымъ бархатомъ. На *золоташкахъ* у однихъ кромѣ того было рѣзное изображеніе льва, а у другихъ лебедя. На горѣ стояли двѣ деревянныя рѣзныя статуи,

на которыя надѣвались бумажныя, крашенныя черною краскою головы, для сниманія ихъ копьями на лету во время катанья. Такихъ головъ при этихъ статуяхъ было десять и девять копій желѣзныхъ на деревянныхъ черенахъ съ рѣзными ручками, оклеенными зеленымъ сукномъ; въ томъ числѣ было два вызолоченныхъ, съ ручками, оклеенными сукномъ алымъ.

Таково было первоначальное устройство горы. Катанье открылось на масляницѣ и безъ сомнѣнiя въ присутствiи самой императрицы и при ея участiи въ увеселенiи. Между прочимъ 2-го февраля (въ масляничное заговѣнье), бывши на горѣ, императрица изустно повелѣла: 1. „При катальной горѣ, за садомъ дворца для лѣтняго увеселенiя сдѣлать въ пристойныхъ мѣстахъ разныхъ манеровъ качели, карусели и прочiя увеселительныя вещи, такъ какъ въ Царскомъ Селѣ имѣются. Около той же горы мѣсто испланировать и учредить партеры, насади разныхъ плодоносныя деревья. 2. Въ покояхъ Покровскаго дворца имѣть белiаръ со всѣми принадлежностями, карты, шахматы, кости, ломберныя столики и другiе ко увеселенiю потребности, такъ какъ въ Царскомъ селѣ“. Прежде всего „для будущиxъ присутствiевъ“ приготовлены были эти послѣднiя игры въ Покровскомъ дворцѣ, какъ-то: белiаръ, карты, марки, шашки съ досками, столы съ дамками, ломберныя, банкъ, фаро, квинтичныя, для чего и куплено «шашекъ: костяныхъ три игры, первыя рѣзныя и другiя гладкiя моржевыя, третья гладкiя мамонтовыя; марокъ одинъ ящикъ большой мамонтовой, два ящика малой руки моржевыя, въ каждомъ ящикѣ марокъ по 4 приза; двѣ игры дамкѣ моржевыя, въ каждой щетомъ 12; столы белiарный, банковый, 6 ломберныхъ, два квинтичныя, обиты зеленымъ сукномъ и тесьмою и пазументомъ.

За тѣмъ было приступлено къ устройству при горѣ лѣтнихъ увеселительныхъ игръ, т. е. каруселей, качелей и пр.,

для чего архитекторомъ Неѣловымъ составлены чертежи или профекты и сѣтты, которые въ концѣ февраля (24-го числа) были утверждены Ив. Ив. Бецинимъ; въ началѣ марта начались работы и въ началѣ мая (8-го числа) все было окончено и передано архитекторомъ въ смотрѣніе машинному мастеру Юсифу Томасу. Игры эти заключались въ слѣдующемъ:

1. Карусель. Это отчасти тоже самое, что теперь на народныхъ гуляньяхъ зовется *коньками*. Устройство карусели было слѣдующее: основаніемъ служилъ осмигранный помостъ, шести сажень въ діаметрѣ, на который съ четырехъ сторонъ вели четыре лѣстницы; круглая середина помоста, 4 сажень въ діаметрѣ, составляла *ходячій кругъ*, который ходилъ на валу, или толстомъ столбѣ, стоявшемъ въ центрѣ круга и слѣд. всего помоста. На этомъ ходячемъ кругу поставлены были двѣ *одноколки*, обитыя, одна алымъ, а другая зеленымъ тонкимъ сукномъ съ подкладкой изъ холста и волоса, а крылья, щитъ, подушки и кузовья черною кожею и мѣдными гвоздями, и четыре конька съ натуральными гривами и хвостами на желѣзныхъ подставахъ, безъ ногъ, съ сѣдлами изъ алаго сукна съ мѣднымъ приборомъ.

По сторонамъ ходячаго круга и этихъ коньковъ и одноколокъ, на помостѣ устроены были карусельныя игры: поставлено два глаголя или коромысла на столбахъ съ 15-ю на каждомъ крючками, на которыхъ висѣли мѣдныя кольца для снѣжанія ихъ во время игры копьями и рапирами. Между этими глаголями стояли другіе два столба съ кругами, расписанными красками, изъ которыхъ на одномъ было изображено прорѣзное большое *сердце* „во что копьа бросаютъ“ и номера, а въ другомъ была нитная сѣтка, „во что мячи кидаютъ“. При игрѣ находилось 4 копьа, 4 лапирь и 12 кожаныхъ мечей, набитыхъ волосомъ. Помостъ и лѣстницы карусели обнесены были балюстрадомъ изъ точеныхъ баласъ съ вазами и шарами на тунбахъ.

2. Противъ карусели игра *воронъ*, или *птичка*. Между двухъ точеныхъ колоннъ или столбовъ, соединенныхъ вверху архитравомъ и карнизомъ, висѣла по срединѣ на шелковомъ шнурѣ птица-воронъ съ стальнымъ острымъ носомъ, которыми она должна была втыкаться въ сердце, съ номерами, написанное на кругу, висѣвшемъ на особомъ столбѣ, который стоялъ противъ птички.

3. Позади карусели, слѣд. на другой противоположной сторонѣ отъ ворона, устроена была подобная же игра *кольцо*, гдѣ вмѣсто птички на шнурѣ висѣло желѣзное кольцо, а вмѣсто сердца на противоположномъ столбѣ, также въ краешкомъ кругу, укрѣпленъ былъ крючекъ, на который во время игры слѣдовало надѣть кольцо.

4. По лѣвую сторону карусели была устроена подобнымъ же образомъ игра *кесельная* „на двухъ столбахъ съ рюстками и фронтонами, сверху висѣлъ на шелковомъ зеленомъ шнурѣ шаръ“, а внизу на доскѣ стояло девять кеглей.

5. По правую сторону карусели *веревочная* обыкновенная качель изъ каната, обшитаго зеленымъ сукномъ съ дубовою доскою. Веревка, которою раскачивали, длиною 6 сажень, была обшита алымъ сукномъ.

6. У самой горы въ линію съ форсемъ стояли три круглыя качели, каждая съ четырьмя бесѣдками; двѣ качели были обыкновеннаго устройства на валахъ, а одна, у которой бесѣдки были со стеклами, вертѣлась посредствомъ двухъ колесъ и двухъ шестерней на валу. Въ бесѣдки садилась съ небольшихъ лѣсенокъ. Столбы качелей вышиною были въ 3 сажени.

По обѣимъ сторонамъ этихъ качелей находились еще двѣ круглыя игры на подобіе карусели. Здѣсь на помостѣ стоялъ валъ съ четырьмя ручками или корошислами, въ которыхъ прицѣплялись четыре коляски на деревянныхъ шкифахъ или колесцахъ; валъ ходилъ кругомъ и каталъ коляски въ

деревянныхъ брусьяныхъ рельсахъ. По сторонамъ устроено было четыре коромысла или глаголя съ крючками для желѣзныхъ колець, которые снимались копьями и рапирами во время катанья. Въ послѣдствіи изъ этихъ игръ сдѣланы обыкновенныя карусели или *коньки*.

7. *Игра кегельная* и *игра фортуная* одинаковаго устройства. Та и другая имѣла деревянный форсъ или скать длиною 13 сажень, шириною 2 арш. и съ боку ящикъ для возвращенія шаровъ, шириною 6 вершковъ. При кегельной игрѣ было 9 кеглей и 8 большихъ шаровъ, а при фортуной—доска-фортуна, рѣзная, съ номерами, „крашенная, на ней три стоячія фигурки и три шарика да мѣдный колокольчикъ на крючкѣ и для игры малыхъ тринадцать шаровъ.“ Наконецъ сдѣланы были для *сваешной* игры два квадратныхъ щита въ 3 аршина, на нихъ по 4 кольца съ винтами и, для игры, большихъ и малыхъ шесть сваекъ.

Кромѣ того устроена была и *доска для скаканья*.

Такимъ образомъ здѣсь соединились чисто-народныя русскія игры съ играми образованнаго тогдашняго общества, подражавшаго въ этомъ большею частію французскимъ увеселеніямъ.

Съ наступленіемъ весны преобразована была и самая гора. Ледъ стаялъ или былъ сколотъ и по форсу устроено (съ 19-го марта) *лѣтнее катанье* на коляскахъ: сдѣлано изъ сосновыхъ брусьевъ три форса для катанья и одинъ для подниманья колясокъ на гору; для каждаго хода положено по два бруса, а между брусьями, „гдѣ коляски ходятъ“, положены дубовые въ восемь линеекъ брусья, служившіе рельсами или колеями. Нѣкоторыя коляски отличались особеннымъ великолѣпіемъ. Коляска императрицы была рѣзная по дереву, вызолоченная и раскрашенная по серебру зеленою краскою; украшенная разными лентами съ мѣдными позолоченными колокольчиками. Внутри была обита малиновымъ бархатомъ и зо-

лотымъ позументомъ съ золотою же бахрамою. Кромѣ того коляску украшали два Китайца въ бѣломъ тафтяномъ платьѣ съ мѣдными колокольчиками, писанные мѣстами живописью: одинъ съ тафтянымъ зеленымъ съ золотыми кисточками зонтомъ въ рукахъ стоялъ на запяткахъ, другой съ такимъ же флагомъ въ рукахъ былъ впереди. Другія двѣ коляски были также вызолочены, расписаны по серебру зеленою краскою, и обиты, одна алымъ, другая зеленымъ сукномъ съ позументомъ; первая кромѣ того украшена была рѣзнымъ золоченымъ и посеребреннымъ *львомъ*, а другая посеребренною *лебедью* съ распущенными крыльями.

Изъ остальныхъ нуня были рѣзныя золоченыя и раскрашенныя красками, другія простыя, обитыя краснымъ и зеленымъ сукномъ съ позументомъ или шелковою тесьмою. Почти всѣ имѣли запятки и у каждой на ходу было по 8 мѣдныхъ шкифъ или колесъ, а у четырехъ кромѣ того были стальные ползки.

Апрѣля 4-го, въ присутствіи своемъ на горѣ, Императрица изустно повелѣла: „1) вокругъ горы насадить шпалерникъ липовымъ деревьемъ чаще; 2) въ концѣ форса у щита сдѣлать рамы съ картинами отворчатыми; 3) около горы насадить не одни лѣсныя, но и плодоносныя деревья, яблони, груши и другія; 4) для низости въ концѣ форса, чтобъ вода не затопляла, по обѣ стороны горы вырыть пруды и выемною землею низкія мѣста увысить.“

Мы видѣли, что еще 2-го февраля было высочайшее повелѣніе около горы мѣсто испланировать и насадить разныя плодоносныя деревья. Но 27-го февраля это переиѣнено и вмѣсто плодоносныхъ деревъ велѣно насадить разными лѣсными деревьями рошу, для чего было подряжено поставить къ посадкѣ березовыхъ, липовыхъ, кленовыхъ, вязовыхъ, дубовыхъ, рябиновыхъ, елевыхъ, черешковыхъ, по 200 деревъ;

орѣховыхъ и можжевѣловыхъ кустовъ также по 200, всего 2,000, по подряду по 16 коп. за каждое дерево съ посадкою. 4-го апрѣля, какъ мы видѣли, снова назначена была посадка плодоносныхъ деревъ, которыя тоже были заподряжены у купца Карпова изъ собственнаго его сада. Вотъ названія яблоновыхъ и грушевыхъ деревъ, посаженныхъ въ это время у Покровской катальной горы: царскаго шипу, скруты полосатые, скруты росписныя, скруты нѣмецкіе, смоленской наливъ крупной, полосатой наливъ крупной, желтой наливъ крупной, бабушкинъ наливъ, бель разная, лебяжья, рѣпчатая, соколовская росписная, сквозной наливъ, черное дерево, украинская зимнина, терентьевской наливъ, любшина крупная, хлопчатой наливъ, разныя аркаты крупныя, плодовиые крупныя рѣпчатые, зимнина руская, кривоспица, улита продолговатая, бокланы нѣмецкіе, груши и дули царскія, всего 670 деревъ по 14 копѣекъ дерево.

Въ тоже время (мая 1-го) императрица чрезъ Бецкаго повелѣла около горы, т. е. всѣхъ увеселительныхъ игръ, сдѣлать высокій заборъ и сверху на всѣхъ заборахъ набить желѣзныя спицы, дабы люди лазить не могли. Забору по окружности всего было 94 звена, по три сажени каждое звено; столбы его были украшены шарами.

Вообще Покровская катальная гора съ своими увеселительными играми обращала особенное вниманіе императрицы, принимавшей самое дѣятельное и непосредственное участіе въ ея устройствѣ. При Головинскомъ Дворцѣ, гдѣ имѣла пребываніе императрица, въ эту же зиму, какъ мы упомянули, сдѣланы были также катальныя горы, за опернымъ театромъ, съ качелями, каруселями и другими играми; но можетъ быть временное устройство ихъ, на случай только пребыванія въ Москвѣ Двора, не представляло никакихъ особенныхъ затѣй, было обыкновенно и не имѣло такихъ размѣровъ, какъ Покровскія

увеселенія, въ устройствѣ которыхъ нельзя не замѣтить на-
 жрѣвія дать Москвѣ постоянное увеселительное мѣсто для
 Двора и публики, подобное тому, какое существовало въ Цар-
 скомъ Селѣ. Какъ бы то ни было, но Покровская катальная
 гора такъ интересовала императрицу, что еще 2-го февраля
 она повелѣла Бецкому „сдѣлать точную той горѣ деревянную
 модель, кою выкрасить и вызолотить по пристойнымъ мѣстамъ
 и сдѣлать въ ней машину и коляски такожъ и рисунокъ для
 послыки въ иностранныя государства, ко французскому ко-
 ролю“.

Когда придворныя торжества и увеселенія прекратились,
 катальная Покровская гора открыта была по повелѣнію им-
 ператрицы для публики, сначала разумѣется только для дво-
 рянь, а потомъ, и для купечества. Еще „февраля 21-го дня
 Ея Императорское Величество, будучи на горѣ при Покров-
 скомъ Дворцѣ, имяннымъ повелѣніемъ изустно соизволила
 указать: „по отсутствіи Ея Императорскаго Величества изъ
 Москвы въ С.-Петербургъ до будущаго присутствія отдать ту
 гору желающимъ изъ платежа въ казну и дозволить кататца
 лѣтомъ и зимою дворянству, купечеству и всякаго чина лю-
 дямъ, кромѣ подлыхъ; а притомъ для народнаго довольствія
 имѣть трактиръ и въ немъ кушанье, чай, чекаладъ, кофеи,
 водки гланскія и французскую, виноградныя питья, полпива,
 меды, и для постройки покоевъ, гдѣ содержателю жить и тра-
 ктиръ имѣть, отвести пристойное мѣсто“. Тогда же въ Соб-
 ственной Вотчинной Канцеляріи опредѣлено было: „учинить
 публики, выставлявъ пристойныхъ мѣстахъ листы объявленія съ
 барабаннымъ боемъ и въ Московскихъ Газетахъ припеча-
 тать“. Въ 19-иѣ № Московскихъ Вѣдомостей, отъ 7-го марта,
 было объявлено объ этомъ. Но само собою разумѣется, одной
 такой публикаціи по тому времени было недостаточно: мно-
 гіе ли читали тогда Московскія Вѣдомости, особливо изъ лю-

лей промышленных? По этому въ тотъ же день произведена публика стариннымъ способомъ, употребительнымъ еще со временъ Петра, который состоялъ въ томъ, что въ многолюдныхъ торговыхъ мѣстахъ, на площадяхъ и перекресткахъ выставляли или прибывали объявленіе и барабаннымъ боемъ обращали на объявленіе вниманіе публики. Въ это время пробарабанили объявленіе у воротъ Собственной Вотчинной Канцеляріи и на площади у Спасскихъ воротъ, также у Воскресенскихъ, у Никольскихъ и у Казанской.—Желающихъ однакожь въ первое время не являлось, можетъ быть, потому что никто не хотѣлъ преждевременно идти на торгъ и объявлять цѣну, ибо дѣйствительный торгъ долженъ былъ состояться только по отъѣздѣ изъ Москвы Двора. Между тѣмъ съ наступленіемъ весны 2-го мая „Ея Императорское Величество высочайше указать соизволила дозволить желающимъ всему дворянству ѣздить кататца къ Покровской горѣ въ воскресенье, вторникъ и четвертокъ, но чтобъ внутрь забора оной горы лакеи и прочіе подлые люди не входили“. Къ катанью недозволено только употреблять колясочки, „кош слѣданы и опробованы лутчини и удобныи для Ея Императорскаго Величества“, а караульный оберъ - офицеръ и прислуга Покровскаго дворца обязаны были наблюдать, чтобъ веселиться пріѣзжало одно только дворянство, кромѣ господскихъ лакеевъ и другихъ подлыхъ людей. За тѣмъ 11-го іюня снова было дано повелѣніе: „Гору по прежнему отдать на откупъ, а до отдачи допускать кататца и увеселенія имѣть въ прежде назначенные три дни, воскресенье, вторникъ, четвертокъ дворянство, а въ прочіе купечество и за катаніе и увеселеніе брать въ казну плату по разсмотрѣнію“. Плату назначено было брать по усмотрѣнію персонъ и продолженія времени въ катаніи и увеселеніи за одну только гору, и за увеселеніе на качеляхъ и каруселяхъ, кромѣ *ятычки, колечка, келлей, фортуны* и свашной

игры, которыми оставить безъ платы. На гортъ съ версовы брали по 10 копѣекъ, а съ колвонн, т. е. съ дутья версовы, по 20 коп., за одинъ разъ. На карусоли обернуть 20 разъ съ версовы по 10 к., на круглой колвонн обернуть 20 разъ также по 10 коп., а съ прочиѣ игры: съ фортуны, съ когальной игры, свасной игры, съ вискаго шара, съ верова, и съ веровочной качели и съ колетвой игры платы не брали. Сборъ съ призжающихъ для катанья и увеселенья начался съ 12-го юня и производился подъ смотрѣніемъ опредѣленнаго къ гортъ премьеръ-майора Боговалова въ особые замечательные ящики, которые по назавешеніи вскрывались въ присутствіи Вѣдичной Канцелярїи.

Смотрителю Боговалову между прочимъ было также приказано въ особой инструкціи: „во время катанья и прочиѣ забавъ все прилежно смотрѣть, каимъ между собравшимися ссоръ и дракъ и кружить непристойностей не нравилось: также бы водило изродъ, яко боарскіе и фабричкіе яки, деревенскіе крестьяне и кучкованн кроті промышленныякъ разнаго званія фруктаны и лавостаны, также кренелдини и тому подобныи закускани, каковыи воселенилися въ янцъ бывають потребности, отиаръ янцого не выпускають: но и съ тѣми фруктаны и закускани были бы въ осклѣ и обѣти ширитной, а не гнуствой, для чести придворнаго нѣста. — в для янцго смотрѣнія въ пристойномъ нѣстатѣ нѣтъ ослѣтотоніе карулы“. Для внушенія надлежащаго порядка къ отиарскимъ ябѣлнцѣмъ людей, такииъ каруловъ совѣчно было исключити: во странѣ была безакына предъ дерзостью людей *благородныиъ*, которыиъ казалось бы, жалкыи лучше поминуть и удержитъ честь придворнаго нѣста. Такъ, въ одно изъ собраний, каинныиъ мастеръ Тонзъ былъ оскорбленъ офицеромъ, но йлиторювукъ непристойность котораго мастеръ велелъ во началствѣ слѣдующиъ объясненіе:

Ч. II.

32

„Въ Собственную Ея Императорскаго Величества Вотчинную Канцелярію доношеніе.

„Сего мая 8-го дня во время собранія былъ я, въ силу приказу на горѣ для смотрѣнія всѣхъ вещей и обереженія оныхъ. Пришедъ ко мнѣ его высокопревосходительства генералъ-фельдмаршала и кавалера Александра Борисовича Бутурлина адъютантъ господинъ Карауловъ и требовалъ, чтобъ для его приказать въ машинну лошадей заложить, на что я ему отвѣтствовалъ, что безъ приказу господина совѣтника Андрѣя Владимировича Удолова того сдѣлать не смѣю. И онъ отвѣтствовалъ гораздо строго; и потомъ пошелъ онъ Карауловъ на карусель; будучи тамъ, пришелъ съ великою озартиностію, бранилъ всякими непотребными словами и угроживалъ бить кошками, причитая, что Нѣмчинъ и никакого удовольствія получить не могу, въ чемъ засвидѣтельствовать могутъ караульные солдаты и опредѣленные у той горы люди. Того ради собственную Ея Императорскаго Величества Вотчинную Канцелярію покорно прошу меня отъ такихъ напрасныхъ обидъ защитить и за такое надо мною учиненное отъ него господина Караулова позорство, мнѣ учинить удовольствіе. Мая дня 1763 года. Мастеръ Іосифъ Томасъ“.

Между тѣмъ, по отъѣздѣ изъ Москвы Двора начался и откупной торгъ. Прежде всѣхъ объявили желаніе взять гору на аренду плотничныхъ и слязныхъ дѣлъ мастеръ Осипъ Томасъ вмѣстѣ съ служителями Собственной Вотчинной Канцеляріи Никифоромъ Медвѣдевымъ и Александромъ Бахтемировымъ. Они брали на годъ и давали тысячу рублей. Вотчинная Канцелярія сдѣлала вновь двѣ публикаціи, 16-го и 30-го іюня, въ которыхъ объявляла, что желающіе даютъ по тысячѣ рублей, и чтобъ кто пожелаетъ взять гору на откупъ, тѣмъ къ торгу явились въ непродолжительномъ времени. Но ни въ 1763 г., ни въ 1764 г. не явился желающій, а въ ожиданіи такого первому-то же-

лающему, Томасу, гора все-таки не отдавалась. Не видно, чтоб онъ жаловался на это, но не видно также, чтоб онъ и отказался отъ своего предложенія.

По всему вѣроятію, распорядителю горы несравненно было выгоднѣе самому завѣдывать сборомъ, чѣмъ отдать этотъ сборъ откупщику и вообще въ чужія руки. Какъ бы то ни было, но вскорѣ по открытіи горы для публики потребовалось, въ выгодахъ же казеннаго интереса, завести при ней, по крайней мѣрѣ, кондитерскую, ибо необходимый при увеселеніяхъ питьевой и съѣстной трактиръ могъ открыть только взявшій всю гору на откупъ. 21-го іюля кондитеръ Петръ Жировъ подалъ въ вотчинную кантору слѣдующее доношеніе:

„Увѣдомился я, что при Покровской катательной горѣ во время собранія для увеселенія многія персоны требуютъ питья и всякихъ сортовъ закусокъ, а за неимѣніемъ того питьевого употребленія принуждены съ тѣхъ увеселительныхъ игоръ многіе развѣзжаться господа безъ тѣхъ напитковъ. Того ради—покорно прошу дабы повелѣно было мнѣ именованному во время собранія содержать рѣзнаго холоднаго напитку, лимонадъ, лоржать, да и протчіе сдѣланные изъ ягодъ, такожъ полпиво и виноградные напитки, при томъ всякихъ конфектныхъ закусокъ, чрезъ чего охотниковъ для увеселенія при той катательной горѣ болѣе собранія быть и въ казну Ея Императорскаго Величествабору денегъ не малой прибытокъ быть можетъ....“ За то содержаніе онъ обязывался платить въ каждый мѣсяць по пяти рублей съ тѣмъ, чтобъ на зимнее время для его заведенія поставлена была свѣтлица и при ней небольшой очагъ изъ казеннаго кошту. Но за такую мало объявленную цѣну, изъ чего никакого интересу приращенія не оказывалось,—ему отказано. Официальные распорядители этии Покровскими увеселеніями употребляли по видимому всѣ средства, чтобъ гора не давала казнѣ никакого дохода.

съ перваго пополудни до перваго пополуночи“. Но вскорѣ откупщикъ Оминъ по секретному дѣлу отосланъ былъ въ Правительствующій Сенатъ. Откупъ остался за Берлиромъ, который 21 июня объявлялъ въ газетахъ: „Пріѣзжающіе господа къ Покровскимъ Горамъ и желающіе довольствоваться разными виноградными винами и прочимъ, получать все оное могутъ отъ содержателя тѣхъ горъ близъ оныхъ живущаго иноземца Берлира“.

Дальнѣйшая исторія Покровской горы и увеселительныхъ игръ заключается въ слѣдующемъ: въ томъ же 1765 году, по случаю присоединенія Собственной Вотчинной Канцеляріи къ Главной Дворцовой Канцеляріи, гора поступила въ дворцовое вѣдомство, которое въ февралѣ 1767 г. объявляло, „что на Покровскихъ катальныхъ горахъ будутъ увеселительныя забавы на круглыхъ и веревочныхъ качеляхъ, каруселяхъ, качальной и своечной фортуны. При которыхъ горахъ, въ трактирѣ для желающихъ будетъ содержаться кушанье, чай, кофе, шоколатъ, гданская и французская водки виноградныя питья, полпива и меды“. О послѣдующемъ времени извѣстій не имѣемъ. Можно полагать только, что съ этого времени гора постепенно приходила въ упадокъ, а потомъ въ 1770—1772 гг. настала моровая язва, прекратившая всякія увеселенія, почему въ 1773 году гора уже разваливалась отъ ветхости; все находилось въ гнилости, зданіе покачнулось на бокъ, стекла въ покояхъ были выбиты, обои висѣли лоскутками; самая гора или форсъ и карусели даже и къ починкѣ не были годны; фортунная и кегельная игры совсѣмъ сгнили; за тѣмъ двѣ карусели, къ нимъ висячіе коньки на валахъ, три круглыя качели, игра, что называется воронъ, игра что называется кольцо на шнурѣ, игра кегельная и надъ ней шаръ на шнурѣ, веревочная качель были также ветхи, но ихъ еще можно было починкою исправить. Въ 1776 году изъ Главной Дворцовой Канцеляріи

предписано было: „гору карусели и прочія увеселительныя игры все сломать и годное употребить на починки дворцовых строеній, а негодное на дрова въ казенное употребленіе“. Любопытно, что разборка горы кончилась тѣмъ, что самая большая часть матеріала была неизвѣстно куда утрачена. Въ 1785 году началось было по этому поводу дѣло, но чрезъ полгода, въ 1786 г., Главная Дворцовая Канцелярія опредѣлила: „дѣло сіе слѣдствіемъ оставить; ибо изслѣдовать дѣйстви-тельно никакой возможности нѣтъ, во первыхъ потому, что какъ гора, такъ и прочія увеселительныя игры долговременно были оставлены не только безъ караула, но и безъ присмотра, почему не только что желѣзнымъ припасамъ, но и дровянымъ могло быть великое расхищеніе“. Смотритель между прочимъ объяснялъ, что иное изъ матеріаловъ отъ дождей и снѣговъ все погнило и мелкимъ кустарникомъ и травой заросло и къ набранію годныхъ дровъ ничего не оказалось. Выводные впрочемъ были подведены подъ всемілостивѣйшій манифестъ 1872 года августа 7-го.

Упомянемъ въ заключеніе, что на постройку горы со всѣми къ ней принадлежностями употреблено 18,072 руб. 65 коп.

Относительно катальныхъ горъ при Головинскомъ Дворцѣ, замѣтимъ, что и онѣ въ 1764 г., также отдавались публикѣ на откупъ о чемъ, января 9, въ газетахъ было объявлено: „Желающіе построенныя при Головинскихъ Дворцахъ въ прошломъ году катальныя горы, и при нихъ покои и галлерей, съ принадлежащими къ нимъ строеніями и съ дозволеніемъ о нѣнѣ герберга, или вольнаго дому, въ силу указовъ, взять на откупъ, съ содержаніемъ въ зимнее и лѣтнее время своимъ или казеннымъ коштотъ, явились немедленно въ московскую Е. И. В. Гофъ-Интендантскую контору съ надлежащими кондиціями“.

Дворцовыя мѣста публичныхъ увеселеній вообще не были учрежденіемъ общественнымъ и составляли собственность Дворца, которою общество могло пользоваться лишь по особому соизволенію. Обычный произволъ и неурядки управленія не только не привлекали къ этимъ мѣстамъ публику, но очень нерѣдко и совѣтъ лишали ее Высочайше дозволеннаго права пользоваться увеселеніями, на устройство которыхъ именно для удовольствія же публики истрачивались значительныя казенныя суммы. Понятіе, что это собственность Дворца, въ убѣжденіяхъ начальства и управленія развивалось всегда въ понятіе, что это собственность именно самого начальства, которое по этому можетъ поступать со всякою статью завѣдыванія, какъ заблагоразсудитъ. Эта мысль лежала основнымъ правиломъ въ поведеніи каждой власти и управляла всеми ея отношеніями къ публикѣ и обществу. Очень естественно, что публика, подвергаясь различнымъ стѣсненіямъ и даже притѣсненіямъ со стороны управленія, уходила прочь и заведеніе, открытое съ благою мыслью и принятое въ началѣ съ восторгомъ, мало по малу пустѣло, а потомъ и совѣтъ разстроивалось. Публика объ немъ забывала. Эта исторія повторялась не одинъ разъ и не съ одними Головинскими или Покровскими горами.

Въ то время, какъ эти казенныя мѣста для общественныхъ увеселеній, стали приходить въ упадокъ, явилась попытка открыть нѣчто подобное въ частномъ саду. Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ отъ 5, 19 и 23 іюня 1769 года напечатано было слѣдующее объявленіе: „Въ саду Его Сіятельства графа Сиверса, состоящемъ близъ церкви Богоявленія Господня, что въ Бѣгаловѣ (прежде называлось правилиѣе по старинному Елоховымъ) имѣютъ быть увеселенія, подъ присмотромъ Жоржа и Куровскаго, на подобіе славныхъ Лондонскихъ, Парижскихъ и Вѣнскихъ садовыхъ Гульбищъ, о чемъ объ оныхъ чрезъ

нарочно напечатанныя объявленія публикѣ уже знать дано; да въ ономъ же саду по пруду будетъ плавать судно на подобіе корабля, которое разными огнями будетъ иллюминировано и на ономъ играна быть имѣеть разная музыка, что зрителей не мало увеселять можетъ“.

Со временъ Екатерины II съ особою веселостью стали праздновать царскіе дни особенно лѣтніе, 28 іюня, день вступленія на престолъ императрицы и 29 іюля, день тезоименитства государя Наслѣдника Павла Петровича. Въ эти дни послѣ соборнаго торжественнаго служенія литургіи и по окончаніи молебна производилась на Красной площади пальба изъ пушекъ, послѣ чего духовныя и свѣтскія знатныя персоны имѣли пріѣздъ въ домъ главнокомандующаго, гдѣ бывали трапезованы обѣденнымъ кушаньемъ, во время котораго при питіи за высочайшее здравіе производилась опять пушечная пальба; ввечеру весь городъ бывалъ иллюминированъ. Въ первые годы генералъ-полиціймейстеръ, а потомъ московскій губернаторъ Ив. Ив. Юшковъ въ тотъ же вечеръ или въ другой ближайшій день давалъ дворянству балъ-маскарадъ и ужинъ въ своемъ загородномъ домѣ, (подъ Дѣвичьимъ) съ фейерверками и другими увеселеніями. Въ 1763 г., еще во время пребыванія въ Москвѣ самой императрицы, іюня 12, въ его загородномъ домѣ былъ маскарадъ для придворныхъ и избраннаго общества, на которомъ присутствовала и императрица; а послѣ ея отъѣзда въ Петербургъ, для царскаго дня онъ далъ публичный для дворянства маскарадъ 1 іюля.

„Сего іюля 1 дня, пишутъ Моск. Вѣдомости, для торжества благополучнаго Е. И. В. на всероссійскій престолъ востества у Тѣи. Сов. Генералъ-Полиціймейстера и Кавалера Ив. Ив. Юшкова въ загородномъ его домѣ былъ балъ въ маскахъ на которомъ знатныхъ обоюга пола до 400 персонъ находи-

лось; и при томъ былъ изрядный фейерверкъ, представляющій триумфальной обелскъ и на ономъ въ сіяющихъ лучахъ Всевысочайшее Е. И. В. вензловое имя, а надъ нимъ Императорская корона; внизу двѣ лежащія на фронтонахъ фамы; по сторонамъ обелиска въ порталахъ двѣ стоящія статуи, значащія, одна любовь къ Богу, другая къ Отечеству; причемъ и другихъ огненныхъ фигуръ и ракетъ было множество, и весь домъ и садъ иллюминированы. Послѣ того всѣ тѣ персоны трактованы были за разными столами; и по окончаніи стола; балъ пакъ продолжался до 5 часовъ по полуночи⁴.

Въ 1764 г. такой же балъ у Юшкова былъ данъ въ самый день торжества, въ понедельникъ 28 іюня, „на которомъ обрѣтающихся въ Москвѣ обоего пола знатныхъ до 400 персонъ находилось; и при томъ представленъ былъ изъ разныхъ огней преизрядный фейерверкъ, изображающій на большомъ убранномъ пьедесталѣ высочайшее Е. И. В. вензловое имя подъ императорскою короною, по сторонамъ котораго находились статуи съ трубами; при чемъ и другихъ огненныхъ разныхъ фигуръ и большихъ ракетъ множество было, и весь домъ и садъ иллюминированы. Потомъ былъ ужинъ за разными столами, за кои сядились по билетамъ; и послѣ того балъ пакъ продолжался до 5 часовъ по полуночи⁴.

Праздникъ 29 числа въ этотъ годъ ограничился только однимъ обѣдомъ у главнокомандующаго графа Петра Сем. Салтыкова. Но въ слѣдующемъ 1765 году эти праздники растянулись на три дня, по той причинѣ, что въ нихъ принялъ участіе, князь Вас. Мих. Долгоруковъ (Крымскій), угощавшій московскую знать на славу тоже въ загородномъ своемъ домѣ, въ Васильевскомъ, на Москвѣ рѣкѣ, между Андреевскимъ монастыремъ и Воробьевымъ горами (нынѣ дача Мамонова). Тогдашнія газеты говорятъ объ этомъ слѣдующее:

„Сверхъ же сего въ сихъ торжествахъ отличное свое усердіе оказалъ его сіятельство господинъ генералъ-аншефъ и

ордена святаго Александра кавалеръ, князь Василей Михайлович Долгоруковъ, у котораго въ загородномъ домѣ, называемомъ Васильевскомъ, въ оба оные дни, прїѣхавъ отъ молебна, по приглашенію чрезъ разсланные печатные билеты обрѣтающіеся здѣсь господа сенаторы, генералитетъ и прочія, какъ свѣтскія, такъ и духовныя знатныя персоны, весьма великолѣпно и богато, съ крайнимъ порядкомъ и удовольствіемъ всѣхъ, трактованы были, какъ обѣденнымъ, такъ и вечернимъ кушаньемъ, за здѣланнымъ въ одной галлерей фигурнымъ столомъ на 150 кувертовъ, а сверхъ того и въ другихъ покояхъ за нѣсколькими столами, гдѣ при питіи за высочайшія Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества здравія, изъ поставленныхъ въ ономъ домѣ пушекъ производилась пальба. Въ оба жъ дни съ 5 часа по полудни начинался балъ, на которомъ, такъ какъ и за ужинными столами, по такомужъ приглашенію отъ супруги Его Сіятельства княгини Настасьи Васильевны, присутствовали знатныя дамы и дѣвицы, и балъ, состоя персоналъ въ двухъ стахъ обоого пола, продолжался всегда до совершеннаго разсвѣта слѣдующаго дня; а между тѣмъ безпрестанно подаваемы были служащіе къ прохладенію напитки и нынѣшняго времени фрукты и конфекты. При чемъ для смотрѣнія столовъ и бала впускаемы были также въ покои купечество и мѣщанство; а особливо для нихъ здѣланъ былъ *театръ*, на которомъ учрежденные отъ полиціи актеры представляли разныя комедіи, которыхъ бывшія у Его Сіятельства знатныя особы смотрѣли изъ галлерей. Какъ домъ Его Сіятельства, такъ и проѣзжая къ Москвѣ рѣкъ дорога были иллюминированы. А 28 числа, въ 12 часу по полудни, зажженъ былъ фейерверкъ, изображающій на возвышенномъ многими ступенями и съ обѣихъ сторонъ трофееми украшенномъ мѣстѣ стоящую на пьедесталѣ въ веселомъ видѣ Россію, возносящую вверхъ

щитъ съ именемъ Е. И. В. съ стоящими предъ нею двумя статуи, изъ которыхъ одна представляла *предаѣмость* и *любовь*, а другая—*усердіе* и *вѣрность* къ Е. И. В., какъ угостителю самого со угощаемыми, такъ и всего народа; которое представленіе перемѣнилось въ разные увеселительные огни, состоящіе изъ разнаго виду машинъ, луфтъ и ландкугелей, швермеровъ, водяныхъ дукеровъ, квекеровъ и воздушныхъ ракетъ; напоследокъ же окончалось все весьма пріятною зрѣнію машиною съ высочайшимъ Е. И. В. именемъ; и сверхъ того производились пушечные залпы и пущено вдругъ великое число ракетъ. 29-жъ числа послѣ обѣденнаго стола приведены были эскадроны гусарскіе, которые предъ дворомъ Е. С. дѣлали военныя экзерциціи съ произвожденіемъ не малой стрѣльбы изъ ружей“.

На третій день, 30 іюня, въ продолженіе оныхъ же торжествъ, губернаторъ Юшковъ, давалъ свой балъ въ маскахъ, на которомъ знатныхъ персонъ обоего пола было до 500 человекъ, „и при томъ представленъ былъ изъ разныхъ огней прензрядный фейърверкъ, изображающій великолѣпный и знаками побѣдъ украшенный порталъ, въ срединѣ котораго видѣнъ былъ на подобіе обелиска монументъ, поставленный отъ вѣрноусердныхъ подданическихъ сердецъ въ честь Е. И. В. со изображеннымъ на немъ вензловымъ именемъ Е. И. В., а подъ онымъ Цесарѣвича Павла Петровича. Послѣ чего представлены были разныя фейърверочныя машины, луфтнугели, швермеры, ракеты и прочіе увеселительные огни“. За тѣмъ былъ ужинъ за разными столами съ пушечною пальбою при питіи здравія Е. И. В. Балъ продолжался до 5 часовъ по полуночи.

Точно такой же маскарадъ у Юшкова и тоже въ загородномъ его домѣ съ фейърверкомъ и ужиномъ происходилъ и въ 1766 г., также 30 іюня, въ пятницу. Знати также было до

500 человекъ и балъ продолжался до 5 часовъ утра другого дня.

Въ 1767 г. въ Москвѣ пребывала сама императрица и потому эти оба праздника отпразднены были съ большимъ торжествомъ и великолѣпіемъ, но только при Дворѣ, въ дворцовыхъ помѣщеніяхъ на Яузѣ. Въ первый день 28 числа во Дворцѣ былъ обѣдъ на 26 персонъ; ввечеру—въ галлерей—*куртажъ* и великолѣпный ужинъ на 200 человекъ, при чемъ играла итальянская инструментальная и вокальная музыка съ хоромъ пѣвчихъ. На другой день, въ именины Павла и съ его присутствіемъ данъ былъ въ залѣ и галлерей для всего російскаго и иностраннаго дворянства *маскарадъ*, гдѣ было обоего пола до 2000 персонъ. Балъ окончился въ три часа по полуночи.

Въ 1768 г. въ упомянутые царскіе дни не было особыхъ веселостей, покрайней мѣрѣ газеты не упоминаютъ даже и о губернаторскомъ обѣдѣ. Однако въ этомъ году даны были особыя празднества по случаю незабвеннаго событія, когда императрица съ наследникомъ престола подвергли себя опыту новозобрѣтеннаго прививанія оспы, окончившемуся благополучнымъ выздоровленіемъ. Мужественный опытъ, предпринятый въ назиданіе всему народу, требовалъ самой шумной огласки и достойнаго торжества. Главнокомандующій гр. Салтыковъ назначилъ быть торжеству въ четвертокъ 6 ноября, весь городъ чрезъ три дни иллюминовать и въ знакъ *всеподданнѣйшаго усердія* приготовить для простаго народа увеселенія. Съ этою цѣлью „на Ивановской площади въ Кремлѣ изготовлены были въ чанахъ разные напитки, состояшіе изъ винограднаго вина, меда и пива, между которыми на сдѣланномъ анкетѣ поставленъ былъ съ позолоченными рогами и другимъ украшеніемъ жареной быкъ, начиненный разныхъ родовъ мясомъ и окладенный хлѣбами и колачами“.

Послѣ церковной службы, когда главнокомандующій и другія знатныя особы вышли изъ Успенскаго собора, то „черезъ майора полиціи сказано было народу, что-сіе дается имъ въ знакъ неслезанной радости о благополучномъ успѣхѣ въ привитіи Е. И. В. оспы, на что отъ собраннаго великаго множества на площади народа и стоящихъ на кровляхъ и разныхъ мѣстахъ слышно было радостное восклицаніе *ура*. Потомъ допущены были къ мясамъ и питью, въ которое время все происходило съ желаемымъ порядкомъ. Въ оный день продолжался во всеиъ городѣ колокольный звонъ и ввечеру всѣ дома были иллюминированы; а у Е. С. графа П. С. Салтыкова былъ маскарадь, для котораго роздано до 600 билетовъ“. Онъ продолжался съ 6 часу по полудни до 5 часу по полуночи, при чемъ для всѣхъ былъ изготовленъ и ужинъ.

На другой день 7 ноября празднество совершено съ настоящимъ благоговеніемъ въ Воспитательномъ Домѣ. Тамъ послѣ церковной службы, чинена раздача нищимъ 2000 чел. каждому по 5 копѣекъ да по тюрьмамъ роздано 100 р. За тѣмъ былъ званый обѣдъ у Опекуна, кн. Сергѣя Вас. Гагарина. На третій день 8 числа „прошены были особы первыхъ шести классовъ, также и архіепископъ московскій Амвросій къ князю В. М. Долгорукову на обѣдъ, который былъ на сто кувертовъ; а дамы и дѣвицы въ 6 часу по полудни званы на балъ, продолжавшійся до 5 часу по полуночи, причемъ былъ и ужинъ на 150 кувертовъ. Предъ домомъ была иллюминація, описаніе которой сообщено публикѣ въ особо напечатанныхъ книжкахъ.

10 числа праздновалъ Университетъ, отъ котораго накануне развезены были особыя программы, почему въ этотъ день съѣхалось знатное число сенаторовъ, генералитета и другихъ свѣтскихъ особъ. Былъ молебень, профессоръ Барсовъ читалъ рѣчь, а послѣ раздаваемы были стихи сочиненныя для

торжества директоромъ Университета Херасковымъ. 11 числа—званный обѣдъ для знатныхъ особъ у тайн. сов. Мих. Гр. Собакина. Въ заключеніе, 13 числа, у губернатора Юшкова—маскарадъ, на которомъ было до 800 персонъ, ужинавшихъ потомъ за разными столами при пушечной пальбѣ, когда пили за высочайшее здравіе. Балъ продолжался также до 6 часу утра. Изготовленъ былъ и фейерверкъ, но по причинѣ сырой погоды зажечь оный было не можно.

На всѣ эти дворянскіе празднества и балы купечество и мѣщанство только смотрѣло. Но и оно устроило своего рода праздникъ въ воскресенье, 16 ноября, когда уже начался филипповскій постъ. „Московское первое и среднестатейное купечество, пшутъ тогдашнія газеты, по всеподданнѣйшему своему усердію согласилось Всевышнему Творцу за сохраненіе Е. И. В. въ вожделенномъ здравіи принести особливое благодареніе“.

Почему въ тотъ день въ главныхъ трехъ соборахъ, во всѣхъ монастыряхъ и во всѣхъ приходскихъ и ружныхъ церквахъ отправлено было всеобщее бѣднѣе, а послѣ литургіи пѣть благодарственный со звономъ молебень, на которое торжество купцы употребили собственныхъ своихъ денегъ 3000 р. и изъ оныхъ произвели, въ дачу архіереямъ, архимандритамъ, игуменамъ и приходскимъ священно и церковно-служителямъ пристойное число, да въ Воспитательный Домъ 500 р., а достальныя за тѣмъ розданы были на искупленіе содержащихся въ тюрьмахъ за долги или домики въ малыхъ суммахъ и бѣдными на милостыню.

Въ то время, не говоря о придворныхъ празднествахъ Петербурга, разныя торжества устраивались и въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, конечно, по начину губернаторовъ или при помощи мѣстныхъ богачей, что почиталось какъ видѣли, выраженіемъ особаго вѣрноподданническаго усердія. Въ Новгородѣ

праздновалось тезоименитство императрицы 24 ноября великопшнымъ столомъ и маскарадомъ у губернатора Сиверса, а черезъ день по случаю выздоровленія императрицы отъ прививанія оспы у знатнѣйшихъ персонъ города были пиршества, заключившіяся многочисленнымъ маскарадомъ у губернатора, который чрезъ всю ночь продолжался съ особливимъ увеселеніемъ.

Въ Тулѣ по тому же случаю торжества устроились на три дня сряду, начиная съ 4 декабря; при чемъ разными происходили увеселенія и для народнаго удовольствія тамошнихъ короннымъ повѣреннымъ (виннымъ откупщикомъ) Мѣщаниновымъ выставлены были большіе чаны съ виномъ, пивомъ и медомъ. Въ Архангельскѣ празднованіе продолжалось шесть дней, съ 1 по 6 декабря. Въ первый день у губернатора былъ обѣдъ для духовенства, знатныхъ чиновъ и російскаго и иностраннаго купечества. Послѣ стола послѣдовалъ балъ и представлена изрядная иллюминація. 2 декабря магистратъ и купечество въ своихъ покояхъ угощали губернатора и всѣхъ тѣхъ же гостей, при чемъ потчивали гостей магистратскіе члены и первые купцы. „Ввечеру, по выставленнымъ за день на публичныхъ мѣстахъ для всѣхъ могущихъ благопрістойно прибраться, созываннымъ билетами, съѣхались въ магистратскій домъ на балъ въ маскахъ до 200 персонъ (число по тамошнему малому мѣсту знатное), которыя всѣ въ продолженіи бала потчиваны вечернимъ столомъ и лучшими напѣтками; а передъ домомъ представлена иллюминація и фейерверкъ. Сей открытый маскерадъ продолжался до полнаго разсвѣту слѣдующаго дня, въ который маски въ пристойномъ маскарадномъ приборѣ ѣздили по городу“. 3-го числа ввечеру маски опять собрались въ магистратскій домъ и продолжали балъ при такомъ же угощеніи до глубокой ночи. 4 числа полученъ былъ сенатскій указъ о сей же высокопочитаемой радости и празднество во-

зобновилось еще на три дни обѣдами, ужинами, балами и пусканиемъ ракетъ у губернатора, прокурора и капитана надъ портомъ, съ общимъ удовольствіемъ всѣхъ обывателей.

Въ Нижнемъ Новѣгородѣ такой же указъ былъ полученъ 2 декабря. „Почему въ доказательство искренней и должной благодарности за оказанную сими мужественнымъ поступкомъ (привітіемъ императрицею оспы) для благоденствія всей Россіи высочайшую милость приказано было совершить церковное моленіе, а на другой день отъ губернатора прошены были къ обѣденному столу всѣчины, благородное дворянство и знатнѣйшее купечество съ ихъ фамиліями, всего собралось 105 персонъ. По окончаніи стола въ 6 часу по полудни начался балъ и продолжался до 3 часу пополудни. А чтобъ всякой по мѣрѣ своего состоянія для сего столь знаменитаго торжества не остался безъ удовольствія, то отъ г. губернатора выставлены были для народа бочки съ виномъ и пивомъ.

Извѣстно, что тогда же память этого событія Сенатъ установилъ праздновать постоянно въ столицахъ и во всѣхъ городахъ 21 ноября.

Но надо вообще замѣтить, что Екатерининское время отличалось именно особенною охотою всякое событіе даже и всѣмъ рядовое, въ родѣ царскихъ ежегодныхъ дней, украшать веселыми и роскошными празднествами и пиршествами, преимущественно маскарадами и фейерверками. То, что въ бывшее время доступно было только Двору, теперь становилось общею потребностію и распространялось по всѣмъ угламъ государства. Придворное поколѣніе, воспитанное еще Елисаветинскими праздниками, операми, маскарадами, управлявшее теперь государствомъ, разносило повсюду свои вкусы и обыкновенія, и устранивало веселости на манеръ дворцовыхъ даже въ отдаленныхъ городахъ. Конечно, въ извѣстной и очень значительной степени въ этихъ случаяхъ руководителями бы-

вали лость и неподобствіе губернаторовъ и другихъ вышестоящихъ чиновъ, а также русское гонимое званіе знатныхъ и богатыхъ, употребившихъ чрезвычайныя средства, чтобы только выстоять и показать себя въ обществѣ верныхъ и большаго человеками.

Въ 1773 г. въ Казани, 21 числа апрѣля, всерадостнѣйшій день рожденія Е. И. В. былъ отпразднованъ такимъ образомъ, что Московскій Университетъ, въ разсужденіи составивши похъ его вѣдомствомъ тамошнихъ двухъ гимназій, въ которыхъ совершилось особое торжество по этому случаю, — за долгъ себя поставилъ съ надлежащимъ признаніемъ объявить чрезъ газеты и обнародовать достохвальныя пріицы благопріятствованія къ наукамъ и училищамъ, оказанныя его Высочайшимъ вѣдомствомъ, д. т. с., кавалеромъ и казанскимъ губернаторомъ Фонъ-Брантомъ. Послѣ церковнаго моленія губернаторъ угощалъ обѣдомъ архіепископа, знатнѣйшее дворянство и ижданство съ пущечною пальбою при итии за высочайшія здравія; — ввечеру былъ маскарадъ, а прехъ домы горѣла за прозрачными картинами иллюминація.

На другой день празднованіе перенесено въ гимназію, гдѣ сначала читались учителями рѣчи на латинскомъ и русскомъ языкахъ, учениками на разныхъ языкахъ сочененія о разныхъ матеріяхъ и напоследокъ — похвальная Е. И. В. ода.

„Наконецъ Его Высочайшее вѣдомство г. Губернаторъ украсилъ торжество во всемъ на своемъ иждивеніи еще слѣдующимъ образомъ: Вблизи того мѣста, гдѣ читаны были рѣчи, явился престолъ изъ зеленого штофа съ золотомъ и на престолахъ, такою же матерією обитыхъ, находилось изображеніе Августѣйшей Монархини, двумя щитодержателями, въ рижскомъ платьѣ одѣтыми, поддерживаемое. Внизу на ступеняхъ престола сидѣла въ обыкновенномъ своемъ уборѣ Минерва, всеръ своей со удивленіемъ на высочайшій портретъ устрек-

ляющая. Потомъ съ обѣихъ сторонъ престола вышли пять малолѣтнихъ благородныхъ юношей, и столько же малолѣтнихъ благородныхъ дѣвицъ въ пастушьей одеждѣ, и представляли при инструментальной и вокальной музыкѣ *балетъ*, въ срединѣ котораго двое изъ нихъ, вступивъ, на нижнюю ступень престола, обкладывали всевысочайшій портретъ фестономъ, а прочіе пали на колѣни въ двѣ линіи предъ престоломъ, и при вставаніи осыпали окружность онаго изъ карзиннокъ своихъ цвѣтами; послѣ чего сходящая на ступени престола Минерва вступила съ прочими въ рядъ и такимъ образомъ сіа цвѣтущая юность, чрезъ разныя искусныя дѣйствія, а особливо чрезъ нѣкоторыя, приношеніе молитвъ изображающія движенія, аріи соотвѣтствующія, — сердца присутствующихъ наполняла радостнымъ и усерднѣйшимъ чувствованіемъ, которое чувствительнѣйшіе изъ зрителей изъясняли радостными слезами. Между тѣмъ благороднымъ юношествомъ, кое сей балетъ представляло, находились три малолѣтныя дочери господина Губернатора, изъ коихъ одна, будучи по четвертому году, въ разсужденіи ея лѣтъ, съ невиною пристойностію приводила публику въ пріятное удивленіе.“

Извѣстіе объ этомъ праздникѣ было напечатано два раза, одинъ разъ изъ Казани, сокращенно, другой разъ отъ самого Университета съ прибавкою послѣднихъ подробностей.

Возвращаясь къ извѣстіямъ о московскихъ празднествахъ и увеселеніяхъ по случаю царскихъ дней, замѣтимъ, что въ 1769 году объ нихъ газеты вовсе не упоминаютъ. Тогда началась Турецкая война, а затѣмъ слѣдовали годы, 70—72, въ которые началась и опустошила Москву моръовая язва.

Первое празднество послѣ всѣхъ этихъ затруднительныхъ и печальныхъ лѣтъ открылось въ подмосковномъ селѣ Кусковѣ, о чемъ газеты записали слѣдующее: „Высокоторжественные дни восшествія на престолъ и тезоименитство На-

народу. Ласковыи и гостепріимный господинъ села славился своимъ отиѣннымъ радушіемъ не въ одной Москвѣ, но и по всей Россіи. Вышнему же знатному и придворному обществу Кусково было извѣстно еще со временъ Елисаветы, когда, напр. 9 мая 1754 г., послѣ охоты въ Перовскихъ рощахъ, императрица съ наследникомъ престола и со всею свитою російскихъ и чужестранныхъ особъ въ Кусковѣ кушали вечернее кушанье при изрядной иллюминаціи. За тѣмъ черезъ девять лѣтъ, 10 іюня 1763 года, въ этой славной подмосковной такимъ же образомъ провела вечеръ императрица Екатерина II, гуляла въ саду и „изволила въ прудѣ прогуливаться въ шлюпкѣ“, а въ домѣ забавлялась картами и ужинала въ числѣ 29 персонъ, возвратясь въ Москву во 2 часу полночи.

Для характеристики общественныхъ веселостей и удовольствій, какими пользовались въ этомъ селѣ всѣ Москвичи, воспользуемся разсказомъ очевидца на одномъ изъ Кусковскихъ праздниковъ въ 1 день августа 1792 г., когда отцовское радужное хлѣбосольство перваго времени перешло по наследству въ той же мѣрѣ и къ сыну, гр. Н. П. Шереметову.

„Село Кусково, говоритъ Россійскій Магазинъ Туманскаго, ознаменовано неоднократными посѣщеніями вѣщениосныхъ особъ. Въ Москвѣ отъ стараго до малаго всякой его знаетъ, да думать должно, что и въ другихъ городахъ о всемъ томъ слышали;—ибо, какъ говорятъ: *слухомъ земля полнится*“.

Сельскій въ Кусковѣ праздникъ *Происхожденія Честныхъ Древъ*. Въ одиннадцатомъ часу началась обѣдня, которую совершалъ архіерей. По совершеніи литургіи архіерей слѣдовалъ со крестомъ, въ препровожденіи множества священниковъ, ко устроенному для водосвященія мѣсту. При погруженіи креста производима была пушечная пальба и стоящая по срединѣ пруда яхта съ шестью судами виигъ украше-

подпоясанных персидскими кушаками, приятно между собой разговаривали. Вдоль по аллеям поминутно просверкивали ченцы, перья, шляпки и разраженные щеголи. Простой народъ толпился передъ домомъ и представлялъ изъ себя приятную нестроту. Если списывать Кусково, то надлежало въ этотъ день. Это достойно было Рубенсовой кисти. Внимательность его нашла бы безчисленныя прелести.—Сожалительно, что не имѣемъ мы въ семь родъ вѣрныхъ картинъ, можетъ быть мало по малу и совсѣмъ истребитсѣ костюмъ нашихъ предковъ и другія особенности, которыя чрезъ нѣсколько лѣтъ обыкновенно становятся интересными для потомства.—Какъ скоро гости, вышедъ на балконъ, то вдругъ отдѣлилось отъ толпы нѣсколько пѣсенниковъ съ искуснымъ речечникомъ, которые тотчасъ начали пѣть и плясать со всѣми ухватками и ужинками, свойственными народной нашей пляскѣ. Когда гости позабавились смѣхъ зрѣлищемъ, то предложилъ хозяинъ идти въ садъ къ открытому театру, гдѣ играны были двѣ оперы: сперва *Роза и Коласъ*, а послѣ *Говорящая Картина*. Простодушныя при каждомъ забавномъ словѣ помирали со смѣха, всему давали свой толкъ, и чрезъ то представляли изъ себя другое очень занимательное зрѣлище.—Оттуда пошли въ настоящій театр. Дѣйствіе началось переводною съ итальянскаго оперою, *Два Сильфа*. Какъ достоинство сей пьесы составляла музыка, то пѣвцы и пѣвицы и имѣли случай оказывать превосходныя дарованія свои въ пѣніи, а особливо первая пѣвица приводила всѣхъ въ восхищеніе: чистотою и пріятностію своего голоса. Послѣ оперы данъ былъ трагической балетъ, *Инесъ де Кастро* называемый. Основаніе онаго заимствовано изъ Португальской исторіи.... Первое появленіе на сценѣ балетмейстера *Г. Ченфамелли* въ великолѣпной торжественной колесницѣ, везомой побужденными съ предшествующими и замыкающими отрядомъ воиновъ, поразительно въ

разсужденіи пышности и разборами, а отлішное его искусство въ танцеваніи и въ калитонній приобрѣтши ему всеобщее одобреніе. *Гос. Ченфалелли* представлявшій и на сценѣ супругу его также много интересовал зрителей; а особливо, когда соединялся она въ танци съ мужемъ.... Вообще сказать о всѣхъ танцовщицахъ и танцовщикахъ, что въ нихъ не принятіе ни малѣйшаго принужденія, точность каданса и увѣренность въ своемъ искусствѣ олушевляють ихъ движенія. Великолѣпіе и пышность сего зрѣлища чрезвычайны, кастить соблюденъ во всемъ до самой малости, невразность въ чертахъ декораций нестроитва. Не можно приписать довольно похвалъ живописцу *Г. Валедзими* за искусство его и вкусъ.“

„По окончаніи спектакля новыя азбавы ожидали гостей. Въ приготовленныхъ ливейкахъ отирались всѣ въ донъ, гдѣ и начался балъ. Всѣ были веселы и непринужденны. Простыя дѣвцы и молодые кавалеры какъ зефиры летали въ кадансѣ по англійскимъ контрадансамъ. Когда довольно танцевали, то хозяинъ позвалъ всѣхъ опять въ садъ, прекрасно освѣщенный для воксала. Въ тоже самое время съ другой стороны дома представлялся безподобный видъ отъ разноцвѣтныхъ фонтрей, которыми весь большой прудъ, каналъ съ преспектомъ къ дальней дерькви и островъ были украшены. Тихія струи, зашиствуя отъ сихъ огней сверканіе рѣзались по водной поверхности и постряли се изумрудными и яхентовыми прозрачностями.—Гости переведены были въ аллею, изъ которой выходъ засажонъ былъ густыми деревьями; но деревья вдругъ раздвинулись и открыли глазамъ прекрасно иллюминированную декорацию“.

„На сценѣ начавшою сценѣ представлена была малая комедія *Оракулъ*, откуда слѣдовали въ близъ находящуюся оранжерею, снаружи и внутри иллюминированную. Въ сіе время поставленные въ роцѣ пѣвчіе и музыканты пѣли и играли

огромный хоръ, которой эхо разносило и повторяло въ дале-
кѣ. Оранжерея наполнена уже была множествомъ гуляющихъ
и танцующихъ. Убранство оной было прелестно. Зеркальной
галлерей въ парадномъ домѣ должно было удивляться; а эта
заставляла любить себя. Вотъ разность между ослѣпитель-
ною пышностію и пріятною простотою. Къ стати разставлен-
ныя картинки, бѣлизна стѣнъ и всячія отъ потолка гирлянды
изъ цвѣтовъ при множествѣ свѣчъ занимали зрѣніе, не утру-
ждая его. Правая со входа галлерей нѣсколько выше была
намощена и чрезъ то казала видъ въ лѣвую, которая уста-
влена была прозрачными колоннами и въ которой приготовле-
но было для гуляющихъ нѣсколько столовъ съ кушаньемъ. Его
не убавлялось, сколько ни ѣли; новое блюдо всегда заступало
мѣсто опорожненнаго. Всѣмъ разносили чай, кофе, медъ и
подчивали конфетами“.

„Въ двѣнадцатомъ часу данъ знакъ къ фейерверку
и всѣ туда поспѣшно отправились. Щитъ и колеса поставлены
были противъ самаго театра, откуда и смотрѣли на оной изъ
окошекъ. Не только все пространство широкой улицы между
садомъ и домами наполнено было зрителями, но даже и на
большихъ деревьяхъ въ рошцѣ сидѣли люди. Тихая и одними
звѣздами слабо освѣщаемая ночь придавала вящее сіяніе въ
яркомъ круженіи блистающихъ искрамъ. Тѣмъ поминутно пе-
ремѣнялась въ свѣтъ, то день казался, то опять ночь насту-
пала. Большой щитъ представилъ картину разнообразныхъ огней,
которые безпрестанно перебѣгая по растянутымъ огненнымъ
жизкамъ, насыщали пріятливость зрѣнія. Когда сталъ про-
горать щитъ, то пущено было вдругъ премножество ракетъ съ
великимъ трескомъ. Падающія отъ нихъ безвредно на народъ
искры волновали его, какъ вѣтръ рѣку. По окончаніи фейер-
верка гости позваны были опять въ большой домъ, гдѣ столъ
для ужина совсѣмъ уже готовъ былъ. Въ продолженіе ужина

играли на рогахъ. *Музыка сія начало свое получила въ Россіи и имѣеть въ себѣ нѣчто величественное, а въ далл совершенно пріятна, но только не для играющихъ, а для слушающихъ. Что можетъ быть скучнѣе, какъ ждать каждое многовеніе своя очереди, чтобъ протрубить одну только ноту?—Какъ бы то ни было гармоническое расположеніе сихъ одnogлосковыхъ сливаетъ ихъ въ одно цѣлое и выполняетъ цѣль музыки:—трогаетъ“.*

„Послѣ ужина, какъ всѣ гости стали разъѣзжаться, нѣкоторые, чтобъ переждать тѣсноту въ разъѣздѣ, пошли опять въ воксальную галлерю, гдѣ танцы продолжались самыя интересныя. Шпетныя щеголихи и размашистыя щеголи надрывались, прыгая кондрацанъ и непринужденностію своею поддерживали веселость собранія.—Въ третьемъ часу по дорогѣ премножество еще было возвращающагося въ Москву народа пѣшкомъ и въ телѣгахъ, на каждой по осьми и по десяти человекъ.—Нѣсколько дней съ ряду ни о чемъ столько не говорили въ Москвѣ, какъ о великолѣпнн Кусковского праздника (полагають что оной стоимъ около 25000 руб.), и всѣ единогласно почитаютъ первымъ украшеніемъ онаго благопріятство и ласковость хозяина“.

конецъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

	<i>Стр.</i>
Размышленія о современныхъ задачахъ Русской исторіи и Древностей. (Отеч. Записки 1860 г. ноябрь)	1
Русская Археологія. (Отеч. Записки 1852 г. августъ)	72
Исторія и Древности Москвы. (Вѣстникъ Европы 1867 г. мартъ и июнь).	107
По поводу семисотлѣтія Москвы въ 1847 г. (Моск. Вѣдомости 1846 г. № 56)	254
Три неизвѣстныя гробницы въ Моск. Архангельскомъ Соборѣ (Записки И. Археол. Общества т. V. Спб. 1853 г.). . .	258
Московскіе сады въ XVII ст. (Журналъ Садоводства, изд. Пнулиннымъ, 1856 г. январь и августъ)	266
Свѣдѣнія о Московскихъ и подмосковныхъ садахъ въ XVIII и XIX ст.	
Аннингофскій садъ на Яузѣ. (Журн. Садов. 1857 г. декабрь, 1858 г. июль, 1859 г. июль)	322
Оранжереи и Сады кн. Д. М. Голицына (Журн. Садов. 1857 г. январь).	330
Садъ Слободскаго дворца	338
Садъ въ селѣ Царыцынѣ	340
Хроника общественной жизни въ Москвѣ съ половины XVIII ст. Статья I. (Современникъ 1852 г. мартъ)	351
Статья II. (Катальная Покровская гора, стр. 468—487, Моск. Вѣдомости 1860 г. № 32)	411

